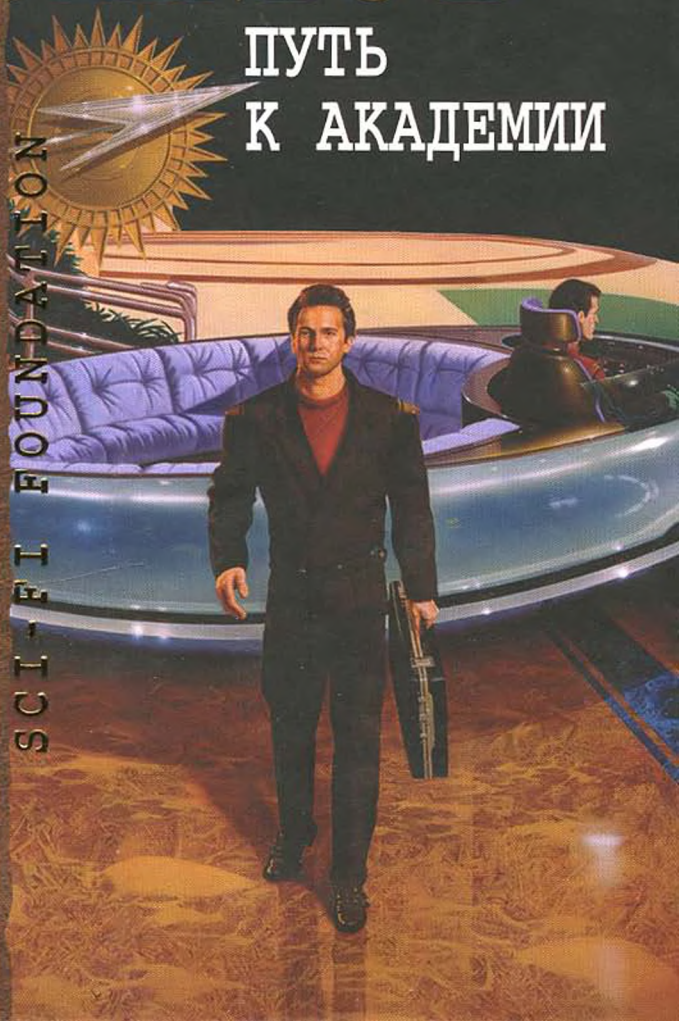
Весь

АЗИМОВ

ПУТЬ К АКАДЕМИИ



ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

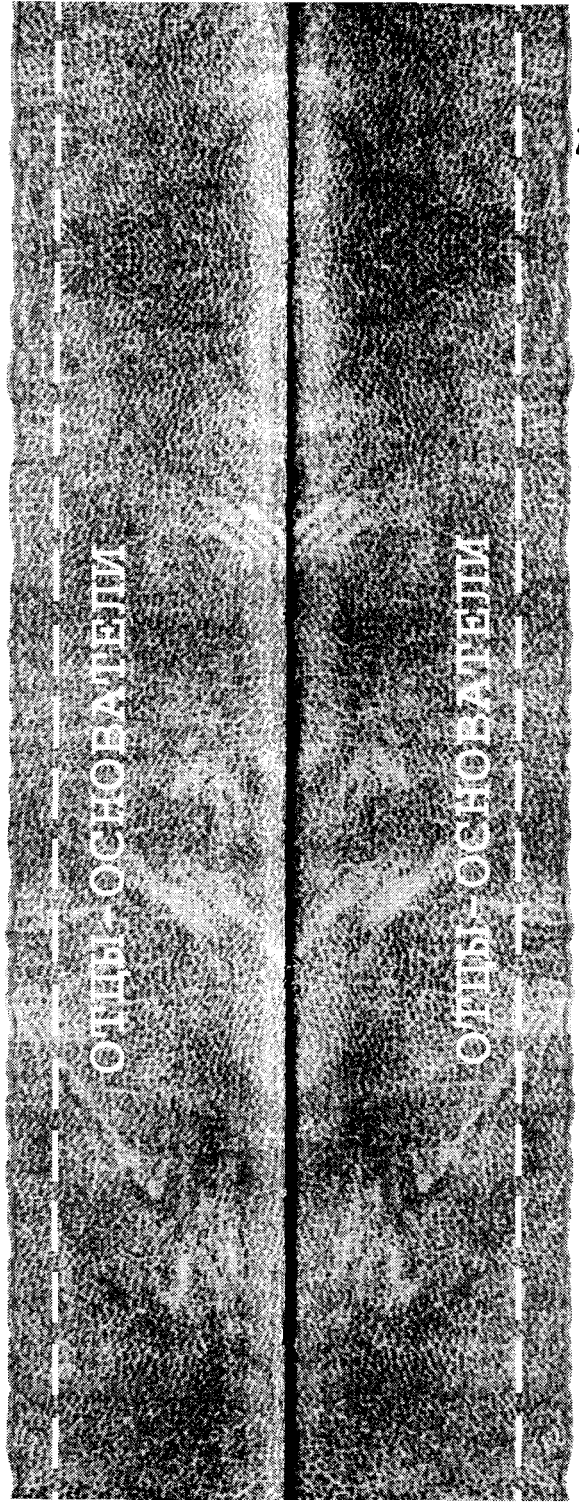
Весь

АЗИМОВ

Весь

АЗИМОВ

Я, РОБОТ
СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ТРАНТОРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ПУТЬ К АКАДЕМИИ



Айзек

АЗИМОВ

ПРЕЛЮДИЯ К АКАДЕМИИ
НА ПУТИ К АКАДЕМИИ

Москва
Эксмо
2008

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
А 35

Isaac ASIMOV

PRELUDE TO FOUNDATION

Copyright © 1988 by Isaac Asimov

FORWARD THE FOUNDATION

Copyright © 1993 by Isaac Asimov

This translation published by arrangement with Doubleday,
a division of Random House, Inc.

Составитель серии *Д. Байкалов*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2008 году

Азимов А.

А 35 Путь к Академии: Фантастические произведения / Айзек Азимов; [пер. с англ. Н. Сосновской]. — М.: Эксмо, 2008. — 800 с. — (Весь Азимов).

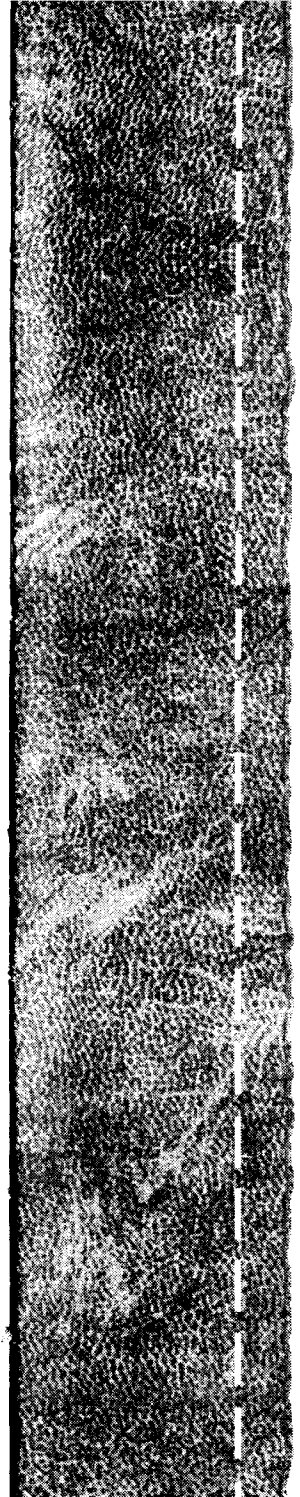
ISBN 978-5-699-27150-4

В жизни великого математика, основателя науки психоистории, создателя Академии Гэри Селдона много «белых пятен». О бурной и полной приключений молодости гения повествуют романы «Прелюдия к Академии» и «На пути к Академии». «На пути к Академии» — последний роман сэра Айзека Азимова, вышедший в свет уже после смерти знаменитого фантаста.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

ISBN 978-5-699-27150-4

© Перевод. Н. Сосновская, 2008
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2008



ПРЕЛЮДИЯ К АКАДЕМИИ

Глава 1

МАТЕМАТИК

КЛЕОН *Первый — последний Император Галактики из династии Антунов. Родился в 11988 г. ГЭ. В этом же году родился Гэри Селдон. (Считается, что дата рождения Селдона, точность которой у многих вызывает сомнения, приблизительно совпадает с датой рождения Клеона — с ним Селдон якобы познакомился вскоре после того, как впервые прибыл на Трентор.)*

Заняв Имперский престол в 12010 г. в возрасте двадцати двух лет, Клеон Первый правил Империей в промежуток времени, отличавшийся удивительным затишьем. Учитывая, сколь тревожны были времена, предшествовавшие воцарению Клеона, мир и спокойствие, отличавшие срок пребывания монарха на престоле, несомненно, стоит приписать его ловкому и умелому секретарю, Эдо Демерзелю, который столь старательно избегал упоминаний своего имени и деяний в прессе, что достоверных сведений о нем сохранилось крайне мало.

Сам же Клеон...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ[1]

1

Подавив зевок, Клеон проговорил:

— Скажи, Демерзель, ты случайно не слыхал о человеке по имени Гэри Селдон?

Клеон царствовал уже более десяти лет и порой, в особо важных случаях, облаченный в парадные одежды и при всех регалиях, ухитрялся-таки производить впечатление могущест-

[1] Все приводимые цитаты из Галактической энциклопедии взяты из 116-го издания, опубликованного в 1020 г. АЭ Издательством Галактической энциклопедии на Терминусе, с разрешения издателей.

венного правителя. Ну, например, такого, каким выглядел на голографическом изображении, что красовалось в нише стены у него за спиной. Располагалось оно так, чтобы производить как можно более выгодное по сравнению с фигурами предков Клеона, скромно разместившимися в других нишах, впечатление.

Изображение, надо сказать, не совсем соответствовало действительности. Каштановые волосы Императора на деле были не такими густыми; правый уголок верхней губы был опущен, а левый приподнят. Непонятно, с какой стати, однако эти досадные мелочи в изображении отсутствовали. Вдобавок, если бы Император встал рядом со своей статуей, рост которой составлял один метр восемьдесят три сантиметра, сразу стало бы заметно, что живой Клеон сантиметра на два пониже и не такой уж стройный.

Но изображение сделали тогда, когда Клеон еще только-только короновался, а в ту пору он был моложе. Он и теперь выглядел довольно-таки молодо, был красив, а в часы, свободные от официальных церемоний, лицо его порой озарялось человеческой добротой и мягкостью.

Демерзель с подчеркнутой вежливостью и уважением ответил:

— Гэри Селдон? Это имя, сир, мне незнакомо. Следует ли им заинтересоваться?

— Вчера вечером мне о нем рассказал министр науки. Вот я и подумал, что и ты, может, что-нибудь слышал.

Демерзель слегка нахмурился, едва заметно — поскольку хмуриться в присутствии Императора не дозволялось никому.

— Министру науки, сир, следовало бы прежде всего сообщить об этом человеке *мне*, как Государственному секретарю. Да если каждый министр примется заваливать вас сообщениями...

Клеон приподнял руку, и Демерзель сразу же умолк.

— Ну-ну, Демерзель, порой можно пренебречь формальностями. Просто я столкнулся с министром на вчерашнем приеме, и стоило мне только сказать ему пару слов, как его понесло. Не мог же я оборвать его, сам посуди. И знаешь, я не пожалел — то, что он рассказал, показалось мне довольно забавным.

— В каком роде забавным, сир?

— Ну, видишь ли, старые добрые времена, когда науки, и

математика в частности, расцветали, давно канули в небытие. Может быть, все открытия уже совершены, как ты думаешь? И все-таки что-то интересное, оказывается, может случиться. По крайней мере, меня уверили, что это интересно, скажем так.

— Сир, министр науки вас уверил?

— Да. Он сказал мне, что Гэри Селдон выступил на конгрессе математиков здесь, на Тренторе, — они вроде бы зачем-то устраивают эти конгрессы каждые десять лет — ну, так вот, он сказал мне, будто бы Селдон доказал, что можно предсказывать будущее — математически.

Демерзель позволил себе усмехнуться.

— Думаю, либо министр науки, как человек не слишком осведомленный, ошибается, либо же ошибается этот математик. Предсказание будущего — детские сказочки.

— Ты так думаешь, Демерзель? А ведь люди в такое верят.

— Люди много во что верят, сир.

— Однако раз они верят в *такое*, какая разница, верны ли предсказания? Если этот математик сумеет предсказать мое долгое и счастливое правление, и мир, и процветание Империи — хм-м-м... что тут дурного, спрашивается?

— Услышать такое предсказание приятно, спору нет, но что это даст, вот вопрос, сир?

— Что даст? Очень многое! Главное, чтобы народ поверил, вот и все. Масса пророчеств сбывалась только оттого, что в них верили. Назовем их «самосбывающимися пророчествами». Не ты ли, кстати, сам мне это и втолковал в свое время?

— Пожалуй, что я, сир, — согласился Демерзель. Он не спускал глаз с Императора, прикидывая, стоит ли встревать или, наоборот, дать монарху выговориться. — Но, если так, в пророки можно избрать кого угодно.

— О, Демерзель, уверяю тебя, поверят далеко не всякому. А вот математика, который смог бы подтвердить свое пророчество кучей формул и снабдить его мудреной терминологией, вряд ли кто поймет, зато уж поверит ему, без сомнения, любой.

— Сир, — Демерзель почтительно наклонил голову, — в здравом смысле вам, как всегда, нет равных. Мы живем в тревожное время, и нет ничего более разумного, как превратить его в более спокойное, не прибегая при этом ни к деньгам, ни к

оружию — подобные попытки в прошлом ничего хорошего не принесли, скорее наоборот.

— Вот именно, Демерзель, — довольно кивнул Император. — Заполучи же этого Гэри Селдона. Ты не раз уверял меня в том, что в твоих руках все ниточки нашего мятущегося мира — даже такие, за какие я не в силах потянуть. Так потяни же за них и найди этого математика. Приведи его ко мне.

— Слушаюсь и повинуюсь, сир, — сказал Демерзель, который на самом деле уже положил глаз на Селдона и мысленно возблагодарил министра науки за то, что тот сделал работу за него.

2

Гэри Селдон в ту пору не производил сколько-нибудь внушительного впечатления. Он находился в том же возрасте, что и Император Клеон, — им обоим было по тридцать два; ростом Селдон вышел не слишком — метр семьдесят три сантиметра. Гладкая кожа, улыбчивое лицо, темные, почти черные волосы. По манере одеваться в нем безошибочно угадывался провинциал.

Впоследствии всякий, кому Гэри Селдон был известен не иначе, как мифический полубог, легендарный герой, счел бы поистине святотатственным предложение представить этого человека без благородных седин, морщин глубокой старости на лице, озаренном мудрой улыбкой, без инвалидного кресла. И тем не менее тогда Селдон был именно таков, каким тут описан.

От природы веселый и жизнерадостный, в эти дни он был особенно счастлив — ведь ему выпала великая честь сделать доклад на конгрессе. Это и само по себе можно было считать великой удачей, но, кроме того, его сообщение вызвало кое-какой интерес. Сам старик Остерфит кивнул ему и похвалил: «Изобретательно, молодой человек. Весьма изобретательно». В устах Остерфита это звучало едва ли не высочайшей похвалой. Лучше не придумать.

А теперь события и вообще приняли совершенно неожиданный оборот, и Селдон, откровенно говоря, сам не знал, радоваться ему или огорчаться.

Перед ним стоял высокий молодой человек в военной форме. На его кителе — слева на уровне груди — красовалась эмблема «Звездолет и Солнце».

— Лейтенант Альбан Веллис, — представился офицер Императорской гвардии, пряча удостоверение. — Угодно ли вам будет последовать за мной, сэр?

Он, конечно же, был вооружен. За дверью стояли еще двое гвардейцев. Селдон понимал, что выбора у него нет, несмотря на «угодно ли», однако мог же он хотя бы поинтересоваться, в чем дело!

— К Императору? — спросил он.

— Во Дворец, сэр. Мне велено доставить вас во Дворец.

— Но зачем?

— Мне не объяснили, сэр. Но дали понять, что доставить вас туда я обязан — захотите вы этого или нет.

— Но это, пожалуй, больше похоже на арест, а я ничего противозаконного вроде бы не совершал.

— Я бы все расценил несколько иначе: представьте, что вам придан почетный эскорт — то есть все будет выглядеть именно так, если вы отправитесь со мной сейчас же, без промедления.

Селдон не стал спорить. Он только крепче сжал губы, чтобы не задавать лишних вопросов, кивнул и зашагал вперед. Никакой радости он не испытывал, пускай даже его ждала встреча с самим Императором и имперские почести. Он был готов служить Империи — то есть мирам, ее составляющим, их спокойствию и процветанию. Империи, да, но не Императору.

Лейтенант обогнал Селдона, а двое гвардейцев пошли следом. Селдон, шагая по коридору, улыбался встречным и старался не подавать виду, что у него что-то не так. Возле гостиницы стоял правительственный автомобиль. (Селдон не смог удержаться и провел ладонью по роскошной обивке сиденья — в таких машинах ему еще ездить не доводилось.)

Автомобиль пересекал один из самых фешенебельных районов Трентора. Здесь купол был столь высок, что создавалось полное ощущение его отсутствия, и любой — даже Гэри Селдон, который родился и вырос на самой обычной, открытой планете, — мог поклясться, что никакого купола тут нет и в помине. Ни солнца, ни теней, однако все залито светом, а воздух — свеж и прозрачен.

Но скоро все переменилось, купол стал ниже, стены — бли-

же, и автомобиль понесся по закрытому туннелю, стены которого время от времени украшали «звездолеты и солнца». Селдон решил, что его везут скорее всего по трассе, предназначенной исключительно для высокопоставленных персон.

Но вот туннель окончился. Отъехала вбок массивная дверь, и автомобиль выехал на открытое пространство — по-настоящему открытое, что правда, то правда. На Тренторе существовал единственный островок земли, не спрятанной под куполом, — двести пятьдесят квадратных километров. Тут стоял Дворец Императора. Селдон давно мечтал попасть на этот островок, но не из-за Дворца, конечно, а из-за того, что, кроме Дворца, здесь располагался также и Имперский Университет, а самое главное — Галактическая Библиотека.

Но вот что удивительно: покинув законсервированный мир Трентора и оказавшись там, где рос лес и раскинулись парки, он увидел небо, подернутое тучами, и поежился от холодного ветра. Селдон нажал кнопку и закрыл боковое стекло.

Погода стояла неважная.

3

Селдон и не надеялся увидеть Императора. Наверняка, в лучшем случае, его ожидала встреча с каким-нибудь вельможей из четвертого или пятого эшелона власти — из тех, кому позволено говорить от имени Императора.

Ведь, по сути дела, многим ли из людей довелось видеть Императора? Видеть воочию, а не на экране головизора? Кто видел его своими глазами, живого — такого, какого можно пощупать, того Императора, что никогда не покидал своего островка, по которому теперь автомобиль вез Селдона?

Таких людей скорее всего можно было пересчитать по пальцам. Двадцать пять миллионов обитаемых миров, а в каждом из них — по миллиарду жителей, а то и побольше, и скольким же из квадриллионов обитателей Галактической Империи посчастливилось — или могло посчастливиться — лицезреть живого Императора? Ну, скольким же? Тысяче?

Впрочем, кого это заботило? Ведь Император был не более чем символом Империи, таким же примерно, как «Звездолет и Солнце», но еще менее осязаемым, еще менее реальным. Им-

перия теперь ни для кого не означала ничего, кроме солдат и чиновников, что кишели повсюду и расплодились в таком неимоверном количестве, что люди стонали от этого непосильного бремени, взваленного на их плечи. Для народа они и были Империей — они, а не Император.

Поэтому, когда Селдона провели в небольшую, со вкусом обставленную комнату, где его ожидал довольно молодой мужчина, что сидел на краешке стола, небрежно покачивая ногой, он не на шутку удивился — уж больно дружелюбно выглядел этот чиновник. А ведь у Селдона уже не раз была возможность убедиться в том, что все высокопоставленные вельможи — а особенно тут, в цитадели Империи, — как на подбор угрюмы и выглядят такими усталыми, словно именно на их плечах лежит тяжкий груз всех без исключения имперских забот и тягот. И при этом, что интересно, чем ниже рангом был чиновник, тем угрюмее и суровее взирал на посетителя.

Стало быть, этот чиновник добрался до таких заоблачных высот иерархической лестницы, где светило власти так согрело его своими ласковыми лучами, что ему не было никакой охоты омрачать их сияние и напускать на себя тучи зловещей суровости.

Селдон толком не понимал, как следует себя вести, а потому решил, что для начала лучше будет помолчать — пусть тот, кто звал его, заговорит первым.

И молодой человек заговорил.

— Вы — Гэри Селдон, как я понимаю, — сказал он. — Математик.

Селдон ответил коротко:

— Да, сэр, — и стал ждать нового вопроса.

Молодой человек небрежно помахал рукой.

— Следовало бы не «сэр», а «сир», только я терпеть не могу церемоний. У меня в жизни нет ничего, кроме церемоний, и я от них порядком устал. Мы с вами наедине, так что я с удовольствием расслаблюсь. Садитесь, профессор.

С трудом веря собственным ушам, Селдон понял-таки, что перед ним Император Клеон Первый, собственной персоной, и изрядно оробел. Теперь, приглядевшись получше, он, пожалуй, уловил некоторое сходство между своим собеседником и тем Клеоном, которого постоянно показывали в выпусках новостей. Но в головизионных роликах Клеон казался совсем

другим: всегда при параде, выше, благороднее, с каменным лицом.

А тут — на тебе, живой оригинал, совсем обычный человек.

Селдон не в силах был пошевелиться.

Император слегка нахмурился и, как человек, настолько привыкший повелевать, что не умел отбросить эту привычку даже тогда, когда искренне старался разыгрывать демократа, недовольно проговорил:

— Я же сказал, садитесь. Вот сюда. И побыстрее.

Селдон, не говоря ни слова, сел. Даже «да, сир» он при всем желании выговорить не мог.

Клеон улыбнулся.

— Так-то лучше. Теперь мы сможем поговорить по-человечески, а ведь оно так и есть, если отбросить официоз, а?

Селдон осторожно отозвался:

— Если Ваше Императорское Величество говорит, что это так, значит, так оно и есть.

— О, ну не надо этих реверансов, профессор. Мне бы хотелось побеседовать с вами запросто, на равных. Так мне было бы приятнее. Ну же, веселее, не стесняйтесь.

— Хорошо, сир.

— Ну, опять... «хорошо» — и все, больше ничего не надо. Как же мне вас раскачать, ума не приложу?

Клеон смотрел на Селдона, и взгляд его показался Селдону лукавым и заинтересованным.

Наконец Император сказал:

— Знаете, а вы не похожи на математика.

Наконец-то Селдону удалось улыбнуться.

— Вот уж не знаю, как должен выглядеть математик, Ваше Имп...

Клеон предостерегающе поднял руку, и Селдон умолк на полуслове.

— Ну, наверное, математик должен быть седым, — прищурился Клеон, — седым, бородатым. Словом, обязательно стариком.

— Но ведь и математики когда-то бывают молоды.

— Да, но это тогда, когда о них никто не знает. А к тому времени, когда математиков знает вся Галактика, они именно таковы, как я сказал.

— Боюсь, у меня пока нет никаких заслуг.

— И тем не менее вы выступили на конгрессе.

— О, на конгрессе выступали многие. Кое-кто был и моложе меня. Надо сказать, там мало на кого обратили внимание.

— А вот ваш доклад привлек внимание кое-кого из моих людей. Мне сообщили, будто вы верите в возможность предсказания будущего.

Селдон огорчился. «Вот он о чем, — разочарованно подумал математик. — Все об одном и том же, и все меня понимают неправильно. Не стоило мне, наверное, вообще делать этот доклад».

— На самом деле это не совсем так, — ответил он. — Моя работа гораздо скромнее. Есть множество систем, в которых при определенных условиях течение событий принимает хаотический характер. Это означает, что даже при наличии точки отсчета результаты предсказать невозможно. Так обстоит дело даже с примитивными системами, а чем система сложнее, тем вероятнее ее хаотическое развитие. Издревле полагали, что столь сложная система, как человеческое сообщество, более других систем подвержена хаосу, и, следовательно, ее развитие непредсказуемо. Моя работа, однако, позволила показать, что при изучении людского сообщества существует возможность избрать точку отсчета и за счет определенных допущений, направленных на подавление хаотичности, получить возможность прогнозировать будущее, но не в подробностях, конечно, а общо, и не с уверенностью, но с рассчитанной долей вероятности.

Император, внимательно выслушав Селдона, спросил:

— Но разве это не означает, что вы показали, как предсказать будущее?

— Опять-таки не совсем так. Я показал, что это теоретически возможно, но не более того. Для того чтобы добиться большего, потребовалось бы действительно в точности определить точку отсчета, сделать вероятностные допущения, а затем найти способы произведения расчетов для конкретной эпохи. Пока я не располагаю данными о том, как это все можно было бы проделать. Но даже если бы все это удалось, в лучшем случае мы получим лишь возможность оценивать вероятности. А это далеко не то же самое, что предсказание будущего. Нет, это будут всего-навсего догадки о том, случится то-то и то-то или нет. Любой преуспевающий политик, удачливый бизнесмен,

да вообще любой человек, искушенный в своем ремесле, способен таким образом оценивать будущее и делать это весьма недурно, в противном случае как бы они все преуспевали?

— Да, но они смотрят в будущее, не прибегая к математике.

— Верно. Они полагаются на интуицию.

— Следовательно, вооружившись математикой, всякий сможет точно оценивать вероятность событий. Тогда на интуиции далеко не уедешь, верно?

— Верно-то верно, но ведь я пока доказал только то, что математический анализ всего лишь возможен. Практическую сторону я не затрагивал.

— Разве может так быть, чтобы нечто было возможно, но неосуществимо на практике?

— А разве нет? Теоретически у меня есть возможность побывать во всем мире Галактики и поздороваться с каждым из живущих там людей. Но на это мне не хватит целой жизни, и, будь я даже бессмертен, все равно, я еще не успею пожать руки всем старикам, как на свет народится уйма новых детишек, а кто-то успеет умереть, пока я до него доберусь.

— С вашей математической проработкой будущего — та же история?

Селдон немного растерялся, но довольно быстро собрался с мыслями.

— Очень может быть, что математическая проработка заняла бы немыслимо долгое время, даже если бы в распоряжении ученого был компьютер величиной с Галактику, работающий на гиперпространственных скоростях. К тому времени, когда добьешься ответа на поставленный вопрос, пройдет достаточно много лет для того, чтобы ответ потерял всякий смысл — жизнь неизбежно внесет свои поправки.

— Но почему не упростить этот процесс? — резко спросил Клеон.

— Ваше Императорское Величество... — Селдон почувствовал необходимость перейти на официальный тон, поняв, что Император явно не в восторге от его ответов и дружелюбие правителя мало-помалу убывает. — Представьте себе способ, которым физики изучали субатомные частицы. Этих частиц — неисчислимое множество, и каждая движется или колеблется по-своему, непредсказуемо, но оказывается, в этом хаосе существует свой внутренний порядок. Так родилась квантовая

механика, способная ответить на правильно поставленные вопросы. Изучая общество, мы помещаем людей на место субатомных частиц, но тут возникает дополнительный фактор — сознание человека. Частицы движутся бессмысленно, а люди — осознанно. Если же учитывать разнообразие поведения и порывов, сложность расчетов возрастает настолько, что никакого времени на них не хватит.

— Ну а у сознания не может быть такой же внутренней упорядоченности, как у бессмысленного движения частиц?

— Не исключено. Проведенные мною расчеты показывают, что порядок лежит в основе абсолютно всего, каким бы беспорядочным тот или иной процесс ни казался на первый взгляд. Но, увы, как отыскать этот внутренний порядок, эти закономерности? Представьте себе: двадцать пять миллионов миров, каждый — со своими особенностями, традициями, культурой, каждый оригинален и не похож на другие, и в каждом — миллиарды людей, каждый из которых мыслит по-своему, и все миры взаимодействуют, и варианты этих взаимодействий поистине неисчислимы! Словом, как бы ни был в теории возможен психоисторический анализ, его практическое осуществление представляется невероятным.

— Вы сказали «психоисторический»? Что это значит?

— Я назвал теоретическую оценку вероятности будущего «психоисторией».

Император спрыгнул со стола, пересек комнату, развернулся, вернулся к столу и остановился перед Селдоном.

— Встаньте! — приказал он.

Селдон вскочил и посмотрел на Императора снизу вверх — ведь тот был немного выше ростом. Селдон нервничал, но старался не отводить взгляд.

После паузы Клеон сказал:

— Эта ваша психоистория... Если бы ее удалось осуществить на практике, польза вышла бы немалая, не так ли?

— Просто фантастическая! Знания о том, что ждет нас в будущем, пускай даже в самом обобщенном виде, стали бы новым, невиданным руководством к действию — такое средство еще никогда не попадало в руки человечества. Но, конечно же...

Селдон не договорил.

— Ну? — нетерпеливо поторопил Клеон.

— Ну... дело в том, что за исключением ограниченного числа людей, ответственных за принятие решений, результаты психоисторического анализа не должны быть известны никому.

— Никому?! — удивленно воскликнул Клеон.

— Это совершенно очевидно. Позвольте, я попытаюсь объяснить. Если психоисторический анализ будет осуществлен и результаты его станут достоянием общественности, весь спектр людских эмоций и реакций тут же нарушится. А психоисторический анализ, основанный на эмоциях и реакциях, которые должны бы проявляться *без знания* о будущем, таким образом становится бессмысленным. Понимаете?

В глазах Императора вспыхнули веселые искорки, он рассмеялся и воскликнул:

— Великолепно! — и при этом так хлопнул Селдона по плечу, что тот слегка покачнулся. — Да как же вы не понимаете? — продолжал радоваться Клеон. — Неужели не видите? Нет никакой нужды предсказывать будущее. Нужно просто выбрать подходящее будущее — приятное и полезное — и обнародовать предсказание. Тогда всяческие эмоции и реакции, которых вы так боитесь, изменятся таким образом, что предсказанное будущее непременно настанет. Не лучше ли создать радостное будущее, чем предсказывать дурное?

Селдон нахмурился.

— Я вас понял, сир, но это точно так же невозможно.

— Невозможно?

— Ну, как минимум, непрактично. Не понимаете? Если нельзя взять отсчет от людских эмоций, то нельзя сделать и обратного. Нельзя вести отсчет от будущего и определять, какие именно эмоции и реакции людей к такому будущему приведут.

Клеон расстроился окончательно. Брезгливо поджав губы, он спросил:

— Ну а ваш доклад — или как там он у вас называется, — что от него толку?

— Это чистая математика. Математиков он заинтересовал, но я... у меня и в мыслях не было, что у моих выкладок может быть практическое применение.

— Просто омерзительно! — сердито буркнул Клеон.

Селдон растерянно пожал плечами. Больше всего на свете он сейчас сожалел о том, что выступил с докладом. Что с ним станется теперь, если Императору взбредет в голову, что его одурачили?

А вид у Клеона был такой, что, похоже, все к тому и шло.

— И все-таки, — недовольно продолжал Император, — что, если бы вы все же сделали предсказание будущего, с математическим подтверждением или без оного, — такой прогноз, который помог бы государственным деятелям в управлении этими самыми людскими реакциями?

— Почему я? Зачем вам я? Государственные деятели вполне могут справиться с таким прогнозом сами, без моей скромной помощи.

— У государственных деятелей так не получится. Они то и дело выступают со всяческими заявлениями. Им мало кто верит.

— А мне-то с какой стати должны поверить?

— Вы — математик. Вы *рассчитаете* будущее, а не проинтуи... — нет, такого слова, кажется, не существует, но вы меня поняли, конечно.

— Но я не сумею сделать этого!

— А кто об этом узнает? — тихо спросил Клеон, с прищуром глядя на Селдона.

Оба молчали. Селдон понял, что угодил в западню. Получив от Императора столь недвусмысленный приказ, имел ли он право и возможность отказаться? Откажется — угодит в тюрьму, а то и на плаху. Будет суд, конечно, но на справедливость уповать нечего.

Он глубоко вздохнул и сказал:

— Ничего не выйдет.

— Почему же?

— Если бы меня попросили предсказать нечто туманное, в самых общих чертах, нечто такое, что могло бы произойти уже после жизни нынешнего поколения, а может быть, и после жизни следующего, я мог бы сделать это, но, с другой стороны, кому какое будет дело до этого предсказания? Разве озаботит хоть кого-то несметное богатство и высочайшее наслаждение, если они отдалены на сто, на двести лет? Чтобы добиться результатов, — продолжал Селдон, — мне пришлось бы предска-

зывать вещи более насущного, злободневного характера, более приближенные к нашему времени. Люди способны ответить только на такого рода предсказания. Но раньше или позже, а скорее всего — раньше, нечто из предсказанного мной не сбудется, и тогда конец моей карьере прорицателя. Никто мне больше не поверит. Да и ваша популярность пошатнется. Но самое худшее — никто и никогда не отважится поверить в психоисторию как в науку, никто не станет поддерживать, даже если в будущем математикам удастся приблизить ее достижения к реальности.

Клеон опустился в кресло и с усмешкой уставился на Селдона.

— И это все, на что вы, математики, способны? На то, чтобы доказывать, что то-то и то-то невозможно?

Селдон ответил тихо и обреченно:

— Но ведь это вы, сир, требуете невозможного.

— Дайте-ка, голубчик, я вас испытаю. Допустим, я бы у вас спросил, не паду ли я в один прекрасный день жертвой покушения. Что бы вы мне ответили с помощью вашей математики?

— Моя математическая система не дала бы ответа на столь конкретный вопрос даже в том случае, если бы психоистория работала на все сто. Вся квантовая механика в мире не способна предсказать поведение одного отдельного электрона — в ее силах лишь предугадать усредненное поведение множества электронов.

— Вы лучше знаете свою математику, чем я. Ну, давайте, выдайте мне научную догадку. Так убьют меня или нет?

Селдон тихо проговорил:

— Это ловушка, сир. Либо скажите мне, какого ответа вы от меня хотите, и я вам дам его, либо позвольте говорить свободно, но обещайте, что я останусь цел.

— Говорите, что хотите.

— Вы даете мне честное слово?

— Хотите получить подтверждение в письменном виде? — съехидничал Клеон.

— Нет-нет, что вы... Вполне довольно вашего устного заверения, — промямлил Селдон с упавшим сердцем. Он отлично понимал, что честному слову — грош цена.

— Считайте, что я дал вам честное слово.

— Ну что ж... тогда я могу сказать вам следующее: за четыре последних века более половины Императоров пали жертвой террора. Из чего я могу сделать заключение, что вероятность вашей гибели составляет приблизительно один к двум.

— Любой дурак мог бы дать такой ответ, — презрительно хмыкнул Клеон. — Тут математик не нужен.

— А я вам как раз и твержу все время, что моя математика совершенно не годится для решения практических вопросов.

— Но неужели вы даже не способны предположить, что я, к примеру, кое-чему выучился на ошибках своих неудачливых предшественников?

Селдон сделал глубокий вдох и с воодушевлением обреченного ответил:

— Нет, сир. Вся история говорит о том, что мы не учимся на ошибках прошлого. Ну, например, вы пригласили меня на личную аудиенцию. Что, если бы я взял да и оказался террористом? Я шучу, конечно, сир, — поспешно добавил он.

Клеон невесело улыбнулся.

— Голубчик, вы просто не осведомлены о нашей проницательности, а вероятно, и об успехах в технике, так сказать, самообороны. Нам о вас известно все до мелочей. Как только вы вошли, вас немедленно сканировали. Фотографии, запись голоса. Так что ваше эмоциональное состояние известно нам досконально. Можно даже сказать — мы прочли ваши мысли. Так что будьте уверены, будь у нас хоть малейшее сомнение в вашей благонадежности, вас бы сюда не допустили. Точнее говоря, вас уже не было бы в живых.

У Селдона закружилась голова, однако он взял себя в руки и произнес:

— Простым смертным всегда было нелегко приблизиться к Императорам, даже в те времена, когда у тех не было столь изощренной защиты. Однако почти всем покушениям предшествовали дворцовые заговоры. И именно ближайшее окружение Императора таит в себе наибольшую опасность для него. Этой угрозе никак не способно помешать самое тщательное обследование посторонних. Что же касается ваших приближенных, ваших телохранителей, ваших близких, в конце концов, — к ним вы не можете относиться так, как ко мне.

— Это мне известно, — кивнул Клеон. — Во всяком случае, не хуже, чем вам. Дело в том, что я неплохо обращаюсь со сво-

им окружением, и ни у кого нет причин для недовольства и бунтов.

— Легкомысленное... — начал было Селдон, но смутился и умолк.

— Продолжайте! — гневно воскликнул Клеон. — Я вам позволил говорить открыто. Что тут показалось вам легкомысленным?

— Я неверно выразился, сир. Простите, сорвалось. Я хотел сказать «неверное». Вы неверно относитесь к своему окружению. Вы, конечно, подозрительны; было бы странно, если бы это было не так. Неосторожно оброненное слово — ну, вот как у меня сейчас вышло, — легкомысленный жест, двусмысленное выражение лица — этого достаточно, чтобы вы посмотрели на этого человека подозрительно. Вашего подозрительного взгляда будет достаточно для того, чтобы события завертелись по порочному кругу. Ваш приближенный заметит вашу подозрительность, начнет нервничать, поведение его утратит естественность, и в конце концов либо его казнят, либо вас убьют. Именно так все обстояло с Императорами в последние четыре столетия, и, кстати говоря, это один из признаков того, что событиями в Империи становится управлять все труднее.

— Получается, что я ничего не способен сделать, чтобы избежать покушения?

— Нет, сир, — ответил Селдон, — но, правда, вы можете оказаться удачливее своих предшественников.

Кончики пальцев Клеона барабанили по подлокотнику кресла. Наконец он сердито проговорил:

— От вас никакого толку, так же, как и от вашей психоистории. Уходите.

Император отвел взгляд в сторону и как-то вдруг вмиг постарел.

— Я говорил вам, сир, что вам моя математика никакой пользы не принесет. Примите мои искренние извинения.

Селдон собрался было отвесить прощальный поклон, но в комнате внезапно появились двое охранников и увели его. Голос Клеона прозвучал вслед:

— Доставьте этого человека туда, откуда привели.

4

Войдя, Эдо Демерзель одарил Императора взглядом, исполненным подобающего преклонения.

— Сир, — проговорил он, — вы чуть было не вышли из себя.

Клеон посмотрел на Демерзеля и вымученно улыбнулся.

— Да, представьте себе. Этот человек меня ужасно разочаровал.

— Понимаю, однако он не сообщил больше, чем у него есть.

— О, да. Если считать, что у него ничего и не было.

— Но он ничего и не пообещал, сир.

— Да. Печально.

— Более чем печально. Этот человек — лишний козырь.

— Что-то лишнее, Демерзель? Вечно ты сыплешь непонятными поговорками. Что за козырь?

— Эту поговорку я слышал очень давно, в молодости, сир. Империя велика, и поговорок в ней великое множество. Кое-какие из них не слыхивали на Тренторе, а те, что в ходу у нас, неведомы в других мирах.

— К чему ты это говоришь? Я и без тебя знаю, что Империя велика. Ты мне объясни, что ты хотел сказать об этом человеке.

— Только то, что он способен принести немало вреда, даже не задумываясь об этом, ненарочно. Он не помышляет о том, какова его сила. Ну, не сила, так важность.

— Это твои догадки, Демерзель?

— Да, сир. Он провинциал. Он не знает Трентора и его порядков. Он никогда не бывал здесь раньше и просто не умеет вести себя как человек светский, благородно воспитанный. И все же он вел себя с достоинством, представ перед вами.

— А что тут такого? Я позволил ему говорить открыто. Отбросил весь этикет, все формальности. Обращался с ним, как с равным.

— Не совсем так, сир. Как бы вы ни старались вести себя с другими, как с равными, у вас все равно не получится. Не в крови это у вас. Вы привыкли повелевать. Да расстарайся вы изо всех сил дать собеседнику возможность расслабиться, мало у кого такое выйдет. Большинство попросту утратит дар речи, а другие, что во сто раз хуже, начнут раболепствовать и растекаться мыслью по древу. Этот человек выстоял с честью, сир.

— Не знаю, не знаю... Можешь, конечно, восторгаться, Демерзель, дело твое, но мне он не понравился, — буркнул Клеон и призадумался. — Кстати, ты заметил: он даже не пытался объяснить мне эту свою математику? Как будто знал, что я ни слова не пойму.

— Но ведь вы бы и правда не поняли, сир. Вы не математик, не ученый, не художник. Есть масса областей знания, где другие знают больше вас. И их призвание состоит в том, чтобы они поставили свои знания на служение вам. Вы — Император, а это звание выше всех других, вместе взятых.

— Да? Знаешь, меня бы ни капельки не обидел намек на мое невежество, прозвучи он из уст старика, копившего свой багаж знаний долгие годы. Но этот Селдон, он же мой ровесник. Как же он ухитрился узнать так много?

— Вероятно, ему не пришлось тратить время на постижение науки повелевать и искусства достижения мудрых решений величайшей важности.

— Демерзель, честное слово, иногда мне кажется, что ты смеешься надо мной.

— Сир! — с упреком воскликнул Демерзель.

— Ладно-ладно, пустяки. Вернемся к нашему математику. Почему ты решил, что он опасен? Мне он показался всего-навсего наивным провинциалом.

— Так оно и есть. Дело не в нем самом, а в его математических наработках.

— Он утверждает, что они совершенно бесполезны.

— А вы думали, что из них можно извлечь пользу, правда? И я так подумал, когда вы мне рассказали. Так же могут подумать и другие. И сам математик от этого не застрахован: ведь теперь эта мысль засядет у него в голове. Кто знает, вдруг он все-таки до чего-то додумается? А додумается, тогда... Вы же понимаете, что способность предсказывать будущее, пускай даже туманно и неопределенно, таит в себе величайшую власть. Даже если ему самому эта власть окажется ни к чему — знаете, попадаются среди ученых такие альтруисты, ну да я, к слову сказать, не очень в это верю, — найдутся те, кто быстренько им воспользуется.

— Я попытался. Ничего не вышло.

— Просто он пока не думал об этом. А вот теперь — кто знает? На ваши уговоры он не поддался, а вдруг его уговорит... ну, скажем... к примеру, мэр Сэтчема?

— А с чего бы это ему помогать Сэтчему, а не нам?

— Он же объяснил, что трудно прогнозировать эмоции и поведение отдельных людей.

Клеон нахмурился и задумался.

— Так ты действительно думаешь, что он мог бы разработать свою психоисторию так, что от нее на самом деле была бы польза? Он-то уверен, что у него такое не выйдет.

— Пройдет время, и он может решить, что был не прав, отрицая такую возможность.

Клеон опять нахмурился.

— Значит, зря я его отпустил.

— Нет, сир, — покачал головой Демерзель. — Ваша интуиция не обманула вас. Отпустили — и правильно сделали. Арест, как бы его ни замаскировывать, вызвал бы у него протест, отчаяние, а человек в таком состоянии не будет способен творчески мыслить, откликаться на любые наши призывы о сотрудничестве. Гораздо разумнее было отпустить Селдона, но отныне надо держать его на невидимом поводке. Так мы сможем понаблюдать, сир, не захватят ли его, не используют ли вам во вред ваши враги. А в нужное время, когда он разработает свою науку, можно будет потянуть за поводок и извлечь его на свет, нашего математика драгоценного. А тогда... вот тогда мы сможем вести себя более... более настойчиво.

— Ну а если кто-то из моих врагов... вернее сказать, из врагов Империи, ведь я — это и есть Империя, — захватит его в свои руки, а то он и сам возжелает пойти в услужение к врагам? Пойми, я не могу сбрасывать со счетов такую возможность.

— Правильно делаете. Но не волнуйтесь. Я прослежу за тем, чтобы этого не произошло. Но уж если, несмотря на все мои старания, такое случится, будет лучше, чтобы он не достался никому, чем попал в плохие руки.

Клеону стало неловко.

— Действуй как знаешь, Демерзель, но я очень надеюсь, что мы не станем спешить. В конце концов, он и правда, может быть, не кто иной, как кабинетный ученый, придумавший науку, от которой нет и не может быть никакого толку.

— Конечно, сир, конечно, однако гораздо разумнее будет предположить, что этот человек заслуживает того, чтобы ему

уделили внимание. Что мы потеряем, если в конце концов окажется, что опасения наши напрасны? Немного времени, ничего больше. А вот если окажется, что мы проглядели фигуру величайшей важности, мы потеряем всю Галактику...

— Что ж, хорошо, пусть будет так, — кивнул Клеон, — но очень надеюсь, что ты избавишь меня от подробностей, если они окажутся не слишком приятными.

— Очень надеюсь, что до этого не дойдет.

5

Весь вечер, всю ночь, все утро встреча с Императором не выходила у Селдона из головы. О том, что прошло столько времени, он мог судить лишь по смене освещенности в коридорах, на площадях и в парках Имперского сектора Трентора.

Утром Селдон удобно устроился на пластиковой скамейке в небольшом сквере. Скамейка, как только он опустился на нее, приняла очертания его тела. Судя по освещенности, было довольно рано, и воздух был прохладен ровно настолько, чтобы испытать ощущение утренней свежести, но при этом не ежиться.

Неужели здесь все время так? Он вспомнил, какой пасмурный день стоял под открытым небом вчера, когда его везли к Императору, вспомнил самые разные дни — непогожие, морозные и жаркие, дождливые и снежные — дома, на Геликоне, и подумал: скучает ли здесь кто-нибудь по капризам погоды? Ну правда, разве не странно — посиживать на Тренторе в уютном парке при идеальной погоде и при этом взять да вдруг заскучать по пронизывающему ветру или покусывающему кожу морозцу, а то еще — по влажной духоте?

Наверное, заскучать можно. Но не в первый, не во второй и даже не на седьмой день. А ему осталось пробыть тут совсем недолго. Завтра он улетит отсюда, а пока можно и понаслаждаться прелестями искусственного климата. В конце концов, может быть, и не доведется больше побывать на Тренторе.

И все-таки ему было немного не по себе от того, что он так смело разговаривал с человеком, который, будь на то его воля, мог отдать приказ отправить в тюрьму или на казнь любого — или по крайней мере устроить все так, чтобы человек, не пришедшийся ему по нраву, остался без средств к существованию и занимаемого положения, что, в общем-то, равноценно смерти.

Поздно вечером, перед тем как лечь спать, Селдон поинтересовался жизнеописанием Клеона Первого. Компьютер в его гостиничном номере с готовностью предоставил ему эту информацию. Как и следовало ожидать, Селдон прочел уйму восхвалений в адрес здравствующего Императора — наверняка точно так же обстояло дело при жизни любой из царствующих особ, какой бы грязью их ни поливали впоследствии. Восхваления, естественно, оставили Селдона равнодушным, зато его очень заинтересовал тот факт, что Клеон родился во Дворце и за всю жизнь ни разу не покидал его окрестностей. Получалось, он и на самом Тренторе-то фактически не бывал и за все время своего правления не посетил ни одного из многочисленных, покрытых куполами секторов. Очень может быть, что такое затворничество имело целью сохранение жизни и безопасности монарха, но на самом деле тут откровенно попахивало тем, что Император пребывал в заточении — неважно, признавался он себе в этом сам или нет. Пусть он томился в самой роскошной из всех тюрем Галактики, все равно это была тюрьма.

И хотя Император производил впечатление человека мягкосердечного и никоим образом не напоминал кровожадного тирана, каковыми были многие из его предшественников, все равно радости от того, что его внимание устремилось на тебя, было мало, что и говорить. Поэтому Селдона приятно согревала мысль о том, что завтра он улетит на Геликон, несмотря на то что в его родном городе сейчас стояла зима, и зима, надо сказать, суровая.

Селдон запрокинул голову. Все вокруг было озарено ярким рассеянным светом. Никакого дождя тут, конечно, не могло быть и в помине, но не сказать, чтобы воздух был такой уж сухой. Неподалеку весело играли струи фонтана, зеленели деревья и кусты, которые, судя по всему, никогда не ведали засухи. Время от времени в кустах раздавалось шуршание и шорохи — может быть, там копошились и бегали какие-то маленькие зверьки. Слышалось жужжание пчел.

Удивительно. Вся Галактика говорила о Тренторе как об искусственном мире, в котором нет ничего, кроме металла и керамики, а тут все было такое живое, настоящее...

Несмотря на ранний час, парк не был безлюден. Неподалеку расположилась довольно хорошенькая молодая женщина, но она склонилась над вьюером, и Селдон не мог как следует разглядеть ее лица. Мимо прошел мужчина, бросил на Селдона короткий взгляд и, усевшись на скамейку напротив, положил ногу на ногу и углубился в чтение кипы телепринтов. На нем были облегающие розовые брюки.

Да, на Тренторе, как ни странно, мужчины предпочитали одежду пастельных тонов, а женщины, как правило, носили белое. Что ж, в таком стерильном мире, наверное, склонность к ношению светлой одежды вполне оправданна. Селдон почувствовал себя не слишком ловко в своем геликонском темно-коричневом костюме. Задержись он на Тренторе (нет-нет, он не собирался задерживаться, только если бы), ему пришлось бы обзавестись подобающей одеждой, а иначе он, безусловно, привлек бы к себе массу любопытных взглядов, улыбок, а то и насмешек, не дай бог. Ну вот, пожалуйста — мужчина оторвал взгляд от телепринтов и на этот раз посмотрел на Селдона с большим любопытством. Наверняка из-за провинциального костюма.

Ну ладно, спасибо, хоть не улыбнулся. Размышлять на тему о том, что он смешон, Селдон мог сколько угодно, но уж радоваться этому вовсе не собирался.

Селдон имел возможность разглядывать своего визави совершенно открыто, поскольку тот, похоже, просматривая листки распечаток, вел какой-то безмолвный спор с невидимым противником. Вот он уже был готов заговорить вслух, потом призадумался и вскоре опять собрался разразиться какими-то доводами... Селдон смотрел и гадал, чем же кончится эта безмолвная перебранка.

Он внимательно разглядывал мужчину. Тот был высокого роста, спортивного, пожалуй, даже атлетического телосложения — широкие плечи и ни малейших признаков полноты. Волосы у него были темно-русые, местами выгоревшие, лицо незнакомца было гладко выбрито, казалось немного печальным, но производило впечатление внутренней силы. Немного грубоватое лицо — приятное, но уж никак не «милое».

К тому времени, когда незнакомец не то проиграл, не то выиграл молчаливую битву с самим собой, отложил листки и

взглянул на Селдона, Селдон решил, что этот человек ему нравится.

Тот сказал:

— Прошу прощения, вы, случайно, не присутствовали на последнем конгрессе? На математическом?

— Присутствовал, — кивнул Селдон.

— А, значит, я вас там и видел. Я вас сразу узнал, вот и сел напротив. Простите, если помешал...

— Вовсе нет. Я совершенно свободен.

— Позвольте, я угадаю. Вы — профессор Селдон.

— Селдон. Гэри Селдон. Угадали точно. А вы?

— Четтер Челвик, — ответил мужчина и немного смутился. — Вы уж извините, имечко у меня доморощенное, местное.

— Я и правда до сих пор не знавал ни одного Четтера, — улыбнулся Селдон. — И Челвиков тоже как-то не попадалось. Стало быть, вы в своем роде человек уникальный. Знаете, а ведь это лучше, чем затеряться, как я, среди бесконечных Гэри. Жутко распространенное имя. Не говоря уже о Селдонах.

Селдон приподнял свою скамейку и придвинул поближе к Челвику. Керамоидный гравий мягко захрустел.

— Я как раз не прочь потолковать о местных обычаях, — негромко проговорил Селдон. — Скажите, я очень нелепо выгляжу в своем провинциальном наряде? Знаете, как-то и в голову не приходило, что нужно обзавестись тренторианским гардеробом.

— Ну, так купили бы, — пожал плечами Челвик, вежливо, но смущенно оглядев одежду Селдона.

— Да ведь я завтра уже улетаю, и потом... мне это не по карману. Знаете, математики порой имеют дело с колоссальными числами, но эти числа не имеют никакого отношения к их доходам. А вы, видимо, тоже математик, Челвик.

— Я? Что вы! Ни малейших способностей. Полный профан.

— О... — разочарованно протянул Селдон. — А вы сказали, что видели меня на Декадном конгрессе.

— Я там присутствовал в качестве наблюдателя. Я журналист.

Для вящей убедительности он помахал пачкой телепринтов и, похоже, сам немало удивившись, что листки до сих пор у него в руке, свернул их и спрятал в карман куртки.

— Я собираю материал для выпусков головизионных новостей. Честно говоря, — добавил он, немного помолчав, — надоело это мне порядком.

— Работа надоела?

Челвик кивнул:

— Надоело собирать в одну кучу бесконечную ерунду из всех миров. Ненавижу это вечное качение по наклонной плоскости.

Он прищурился и посмотрел на Селдона в упор.

— Но бывают и исключения. Вот, к примеру, я слыхал, будто вас видели в компании с Императорскими гвардейцами, которые вас вроде бы сопроводили во Дворец. Может, вам и Императора повидать довелось, а?

Улыбка моментально исчезла с лица Селдона.

— Даже если бы это действительно произошло, вряд ли бы я стал болтать об этой встрече с тем, кто потом выложит это в новостях.

— Нет-нет, при чем тут новости? Вы, судя по всему, не в курсе, Селдон, ну а я вас просвещу. Первое правило игры в новости заключается в том, что об Императоре и его ближайшем окружении никогда, ни при каких обстоятельствах не говорится ничего, кроме того, на что дается высочайшее официальное разрешение. И это, конечно, глубочайшее заблуждение, поскольку вечно расползаются слухи, а слухи всегда хуже, чем правда. Но дело обстоит именно так.

— Но если вы не сможете ничего опубликовать, обнародовать, зачем же вы меня спрашиваете?

— Из любопытства. Только из любопытства. Уж вы мне поверьте, я по работе узнаю намного, намного больше, чем узнают зрители выпусков новостей. Дайте-ка я еще разок угадаю... я не слишком внимательно слушал ваш доклад, но понял, что вы говорили о возможности предсказания будущего.

Селдон покачал головой и пробормотал:

— И зря говорил...

— Простите?

— Да нет, ничего.

— Ну так вот... — как ни в чем не бывало продолжил Челвик, — предсказание будущего, точное предсказание, я хочу сказать, наверняка заинтересовало бы Императора, да и любого из правительственной верхушки. Отсюда я делаю вывод, что

Клеон Первый, и пока единственный, пожелал потолковать с вами об этом и спросил вас, не сделаете ли вы для него парутройку предсказаний.

Селдон отрезал:

— Я не желаю говорить на эту тему.

Челвик слегка пожал плечами.

— Наверняка там был и Эдо Демерзель.

— Кто?

— А вы про Эдо Демерзеля ничего не знаете?

— И не слышал этого имени никогда.

— Демерзель — второе «я» Клеона, мозг Клеона, злой дух Клеона. Называть его можно по-всякому, но не дай бог — вслух, а то... Словом, он должен был там быть.

Селдон явно не знал, что ответить, и Челвик помог ему:

— Ну, вы его, может быть, и не видели, но он точно там был. А уж если он думает, что вы умеете предсказывать будущее...

— Да не умею я предсказывать будущее! — затряс головой Селдон. — Если бы вы слушали мой доклад, вы бы знали, что я говорил исключительно о том, что это теоретически возможно.

— Какая разница? Если он считает, что вы способны предсказать будущее, он вас просто так не отпустит.

— Отпустил, как видите. Вот он я, перед вами.

— Это ничего не значит. Он прекрасно знает, где вы, и все время будет знать. А когда вы ему понадобитесь, он вас достанет, где бы вы ни были. И если он решит, что вы сможете быть ему полезны, он из вас эту пользу выкачает. А уж если он решит, что вы опасны, он выкачает из вас жизнь.

Селдон нахмурился.

— Чего вы добиваетесь? Хотите напугать меня?

— Я хочу вас предостеречь.

— Я вам не верю.

— Не верите? Разве не вы сами только что сказали, что сделали что-то зря? Что вы при этом имели в виду? Не то ли, что зря сделали доклад и из-за этого попали в беду?

Селдон нервно закусил губу. На этот раз Челвик угадал совершенно точно, и в это самое время Селдон понял, что за ним следят.

Не то чтобы мелькнула чья-то тень, нет, ведь свет здесь был такой, что никаких теней попросту и быть не могло — слиш-

ком мягкий и рассеянный. Он просто уловил краешком глаза быстрое движение — даже не быстрое, а мгновенное, а в следующий миг кто-то остановился рядом.

Глава 2

БЕГСТВО

ТРЕНТОР — *столица Первой Галактической Империи. При Клеоне Первом слава его клонилась к закату. Любопытно, что посторонним наблюдателям казалось, будто Трентор — на вершине могущества. Площадь поверхности планеты, составляющая двести миллионов квадратных километров, находилась целиком (исключая территорию, где стоял Дворец Императора) под защитной оболочкой, ниже которой простирался бесконечный город, что уходил в глубь континентального шельфа. Население Трентора насчитывало сорок миллиардов человек, и хотя, если приглядеться повнимательнее, становилось очевидно, что тут накопилась масса проблем и противоречий, сами жители Трентора ничего особенного не замечали и, без сомнения, по-прежнему полагали, что живут в легендарном Вечном Городе, и даже помыслить не могли, что когда-либо...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

6

Селдон поднял голову. Перед ним стоял молодой человек, устремив на него сверху вниз взгляд, полный изумления и презрения. Еще один, помоложе, стоял с ним рядом. Оба высокие и крепкие.

И тот и другой были одеты не иначе как по последней трентворианской моде, как показалось Селдону, — в одежду ярких, кричащих цветов. Талии юнцов были подпоясаны широкими ремнями с бахромой, головы украшали широкополые шляпы, тульи которых были обвязаны длинными розовыми лентами, а их концы свисали сзади до плеч.

Селдону вид незнакомцев показался забавным, и он не смог сдержать улыбки.

Тот, что стоял прямо перед ним, огрызнулся:

— Чего скалишься, несчастный?

Оставив без внимания грубый тон обращения, Селдон мягко проговорил:

— Простите, что улыбнулся. Просто мне очень понравилось, как вы одеты.

— Как я одет? Вот как? А вот ты как одет? Это мерзкое тряпье ты называешь одеждой?

Грубиян протянул руку и ухватился за лацкан пиджака Селдона. О, каким уродливым, грубым, тяжелым, просто непристойным показался в это мгновение Селдону его злосчастный костюм!

— Что же делать? — вздохнул Селдон. — Я ведь нездешний, и моя одежда, естественно, тоже. Но другой у меня нет.

Тем временем, как заметил Селдон, немногие из гулявших в парке поднялись со скамеек и удалились. Похоже, поняли, к чему дело клонится, и решили вовремя смотать удочки. Селдон не знал, ушел ли и его новый знакомец, Челвик, но не мог этого узнать при всем желании: молодой грубиян стоял перед ним как вкопанный. Селдон чуть-чуть отодвинулся назад вместе со скамейкой.

— Так ты нетутошний? — грубо поинтересовался юнец.

— Верно. Потому я так и одет. Я здесь в гостях.

— И с какой такой планеты?

— С Геликона.

Юнец нахмурился.

— Сроду о такой не слыхивал.

— Это очень маленькая планета.

— Так почему ты не уберешься туда?

— Я завтра улетаю.

— Завтра? Ошибаешься! Сейчас, немедленно, понял?

Юнец обменялся взглядом со своим спутником. Селдон тоже посмотрел на второго нахала и успел заметить Челвика. Тот, оказывается, не ушел, но больше в парке не осталось ни души — Селдон, Челвик и двое скандалистов.

— Я намеревался посвятить день осмотру достопримечательностей, — возразил Селдон.

— Подумай хорошенько. Ты ошибся, приятель. Вовсе не собирался. Ты сейчас же отправишься домой, к мамочке.

Селдон улыбнулся.

— Простите, но я этого не сделаю.

Юнец спросил у своего спутника:

— Эй, Марби, тебе нравится его тряпье?

Марби наконец раскрыл рот:

— Не-а. Жуткое тряпье. Аж тошнит.

— Ну и что нам с ним делать, Марби? Отпустить, чтобы он тут разгуливал и всех от него тошнило, а? Ведь это, Марби, вредно для здоровья, как ты считаешь?

— А то как же! Еще как вредно-то, Алем, — отозвался Марби.

Алем хмыкнул.

— Эй, ты, слыхал, чего Марби сказал?

Ему ответил Челвик:

— Послушайте, вы — Алем, Марби, или как вас там. Позабавились — и хватит. Что вам еще нужно?

Алем, который на ту пору стоял, наклонившись над Селдоном, выпрямился и обернулся.

— А ты кто такой?

— Не твое дело, — в тон ему ответил Челвик.

— Тренторианец? — упорствовал Алем.

— И это тоже не твое дело.

Сдвинув брови, Алем оглядел Челвика с ног до головы.

— Одежка-то вроде у тебя нашенская. Слушай-ка, нам до тебя дела нет, мы тебя не трогаем, и ты нас не трогай, не встревай, понял?

— Я не уйду, запомни. Так что нас двое. Двое на двое, стало быть. Похоже, вы никак драться собирались? Может, пойдете, еще дружков прихватите, чтобы вас стало побольше против нас двоих?

Селдон вмешался:

— Челвик, послушайте, может быть, вам лучше уйти? Спасибо, что вступились за меня, но мне неудобно, ей-богу. Вам-то зачем подвергать себя опасности?

— Никакой опасности, Селдон. Дешевые оболтусы, задиры паршивые, больше ничего. Лакеи.

— Ла-ке-и? — взревел Алем, которому это слово пришлось явно не по душе, и Селдон решил, что, видимо, почему-то оно на Тренторе имеет более обидное значение, чем на Геликоне.

— Так, Марби, — распорядился Алем, — ты, значит, разберись-ка с этим, что нас лакеями обозвал. От лакея слышу, по-

нял? А я пока быстренько приведу в божеский вид этого Селдона. А ну...

Он наклонился, рванул на себя лацканы пиджака Селдона. Селдон резко согнул одну ногу в колене и опрокинулся на спину вместе со скамейкой. При этом он успел ухватить Алема за руки, тот не удержался на ногах, кувырнулся и брякнулся на спину позади Селдона.

Селдон рывком встал, глянул на Алема, потом быстро нашел взглядом Марби.

Алем лежал неподвижно, лицо его скривила гримаса страдания. Большие пальцы его рук были выбиты, он скрючился от удара в пах и дикой боли в ушибленном позвоночнике.

Челвик левой рукой держал Марби за шиворот, а правой заломил правую руку нахала за спину. Физиономия Марби побагровела, он ловил воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. На земле у его ног валялся нож, в прозрачной рукоятке которого светился огонек миниатюрного лазера.

Челвик чуть-чуть ослабил хватку и сказал не без сострадания:

— Здорово вы его отделали.

— Боюсь, что так, — смущенно ответил Селдон. — Знаете, упади он чуть-чуть иначе, он бы шею сломал.

— Что же вы за математик такой? — удивленно спросил Челвик.

— Геликонский, — без тени иронии ответил Селдон, наклонился, подобрал с земли нож, повертел его в руках и сказал: — Неприятная штуковина. Наверняка смертельная.

— Хватило бы и самого обычного ножа, без всяких выкрутасов. Слушайте, давайте-ка отпустим этих паршивцев подобру-поздорову. Сомневаюсь, что они еще хотят драться.

И он отпустил Марби, который тут же принялся яростно потирать плечо и шею. Хрипло дыша, он с ненавистью смотрел на Селдона и Челвика.

Челвик резко, отрывисто проговорил:

— А теперь убирайтесь оба. В противном случае нам придется дать показания против вас. Оскорбление личности и покушение на жизнь. Нож — вещественное доказательство.

Марби наклонился над Алемом, поднял его с земли, подхватил под мышки и поволок прочь. Пару раз они оглянулись, а Селдон и Челвик проводили их бесстрастными взглядами.

Селдон протянул Челвику руку:

— Как мне отблагодарить вас? Вы пришли на помощь совершенно незнакомому человеку. Сам бы я с ними, конечно, не справился.

Челвик протестующе помахал рукой.

— А я их не испугался. Самые что ни на есть обычные уличные бродяги. Нужно было попросту приложить руки — мои и ваши, конечно.

— А хватка у вас прямо-таки мертвая, — улыбнулся Селдон.

Челвик пожал плечами.

— Да и вы, как я погляжу, не промах. Послушайте, — добавил он, не меняя интонации, — лучше и нам убраться отсюда, не теряя времени.

— Зачем? — удивился Селдон. — Вы боитесь, что эти двое вернутся?

— Эти-то вряд ли. А вот те отчаянные храбрецы, что так быстро разбежались отсюда, чтобы не пялить глаза на драку, запросто могли вызвать полицию.

— Ну и отлично. Мы знаем имена обидчиков. И можем точно описать их внешность.

— Их? Они-то полиции на что сдались?

— Как! Они же первые напали!

— Не валяйте дурака. У нас с вами — ни единой царапины. А им обоим понадобится солидная медицинская помощь, особенно Алему. Арестуют нас, это я вам точно говорю.

— Но это же невозможно. Люди подтвердят, что...

— Да не будет никаких людей! Слушайте, Селдон: выбросьте вы эту блажь из головы, и побыстрее. Эти двое искали вас — именно вас. Им сказали, что на вас — геликонская одежда, и старательно описали вашу внешность. Может, даже голографический снимок показали. Сильное у меня подозрение, что их подослали такие люди, которые держат под контролем полицию, так что не стоит нам тут задерживаться.

И Челвик быстрым шагом пошел вперед, крепко ухватив Селдона за руку. Теперь у Селдона появилась возможность лично оценить мертвую хватку Челвика. Сбросить его руку он при всем желании не мог, а потому потащился следом, словно послушное дитя за нянькой.

Вскоре они нырнули в сводчатый туннель, и еще до того,

как глаза Селдона успели привыкнуть к менее яркому свету, позади послышался визгливый скрип тормозов.

— Явились — не запылились, — пробормотал Челвик. — Быстрее, Селдон.

Новые знакомые прыгнули на движущийся тротуар и быстро затерялись в толпе.

7

Селдон пытался убедить Челвика зайти к нему в гостиницу, но тот и слышать об этом не хотел.

— Вы что, с ума сошли? — спросил он полушепотом. — Там вас уже ждут с распростертыми объятиями.

— Но все мои вещи тоже там и ждут меня.

— Ну что ж, придется им подождать подольше. Надеюсь, у них хватит терпения.

Разговаривали они, сидя в небольшой однокомнатной квартире. Дом, где она располагалась, находился в районе, Селдону совершенно неведомом. Он с любопытством разглядывал комнату. Большая ее часть была занята письменным столом, стулом, кроватью и компьютером. Ни кухни, ни ванной, ни туалета. Жутко неудобно. Челвик водил Селдона в общую туалетную комнату, расположенную в другом конце коридора. И что же? Кто-то ввалился туда, когда Селдон еще не успел закончить свои дела, бросил любопытный взгляд на одежду Селдона и отвел глаза.

Когда Селдон рассказал об этом Челвику, тот покачал головой и сказал:

— Придется тебе сменить одежду. Да, жаль, что на Геликоне так сильно отстали от моды.

Селдон недовольно проговорил:

— Послушай, Челвик, а может быть, все это — игра твоего воображения? Да, ты меня наполовину убедил, но все-таки вдруг это просто нечто вроде... вроде...

— Вроде паранойи, хочешь сказать?

— Если на то пошло, да. Вдруг это действительно у тебя такая навязчивая идея?

— А ты подумай хорошенько, только не перебивай, ладно? Математически я тебе ничего доказать, конечно, не сумею, од-

нако... Ты виделся с Императором. Не отрицай, не надо. Выскажу предположение: он требовал у тебя каких-то подробностей, имеющих отношение к будущему, и ты отказался. А Демерзель, вероятно, полагает, что ты лжешь, утверждая, будто не в силах сделать никаких предсказаний. Он думает, что ты приберегаешь столь ценную информацию для того, кто посулит тебе цену повыше, а может быть, уже предложил. Кто знает? Я говорил тебе: если Демерзель захочет, он тебя из-под земли достанет. Причем заметь: сказал я тебе об этом до того, как двое повес появились на сцене развития событий. Я — журналист и тренторианец. Уж я-то знаю, как такие делишки обстряпываются. Помнишь, Алем обронил фразочку: «Он-то нам и нужен». Помнишь?

— Помню, представь себе.

— Я для него был... так, ноль без палочки, досадная помеха, а задание у него было — напасть на тебя.

Челвик уселся на стул и указал пальцем на кровать:

— Приляг, Селдон, расслабься, отдохни. Кто бы ни подослал эту парочку (я-то уверен, что Демерзель), он способен подослать других, стало быть, первым делом нужно избавиться от твоего злосчастного костюма. Думаю, всякому геликонцу в этом секторе придется невесело, пока он не сумеет доказать, что он — не ты.

— Ну ладно, ладно...

— Нет, я серьезно. Тебе придется раздеться, а костюмчик твой мы уничтожим в атомайзере, если удастся подобраться к нему незамеченными. Но для начала я должен раздобыть для тебя тренторианскую одежду. Ты пониже меня ростом, и я это учту. Если немного не подойдет, не обессудь.

Селдон покачал головой.

— У меня денег не хватит расплатиться. Это мне не по карману. Денег у меня — курам на смех, да и те — в гостиничном сейфе.

— Об этом подумаем позднее. Посиди тут без меня часок-другой, а я отправлюсь по магазинам.

Селдон развел руками и вздохнул:

— Ладно, сдаюсь. Если это так важно, я побуду тут.

— Точно? Не рванешь в гостиницу? Даешь честное слово?

— Слово математика. Но мне действительно неловко оттого, что ты проявляешь обо мне заботу. Да еще тратиться вздумал. Ведь на самом-то деле, что бы ты ни толковал о Демерзеле, эти забияки вовсе не намеревались избить меня или похитить. Они хотели только раздеть меня.

— Не только. Кроме того, они собирались поволочь тебя в космопорт и посадить на корабль, отправляющийся прямехонько на Геликон.

— Ну, это они так... я этого всерьез не принял.

— Почему же?

— Но я же все равно улетаю. Завтра. Я им так и сказал.

— И до сих пор собираешься лететь? — спросил Челвик.

— Конечно. Почему бы и нет?

— Тебе нельзя лететь ни в коем случае. Для этого — масса причин.

Тут Селдон рассердился не на шутку.

— Слушай, Челвик, я больше не в силах продолжать эту игру. Здесь у меня нет больше никаких дел, и я хочу домой. Билет мой, к сожалению, в гостинице, а то бы я его поменял на сегодняшний рейс. И поменяю при первой возможности.

— Тебе нельзя возвращаться на Геликон.

Селдон покраснел.

— Да почему же? Что, там меня тоже ждут?

Челвик кивнул.

— Не кипятись, Селдон. Да, там тебя тоже будут ждать. Выслушай меня. Лететь на Геликон — значит лететь в самые лапы Демерзеля. Что такое твой Геликон? Добропорядочная, законопослушная имперская территория. Случались у вас там хоть раз бунты? Хоть раз в жизни кто-то хоть одной ногой вставал под знамена врагов Императора?

— Нет, и слава богу. Планета окружена более населенными мирами. Мир в Империи — залог спокойствия и безопасности Геликона.

— Вот именно! И поэтому представители Империи на Геликоне вполне могут рассчитывать на безоговорочную лояльность вашего правительства. Ты там все время будешь пребывать под неусыпным надзором, и, как только понадобишься Демерзелю, тебя ему выдадут, тепленького. И учти, даже несмотря на то что я тебя, считай, предупредил, ты ничегошеньки не будешь замечать, никакой слежки. Будешь тихо, мирно работать, как работал, и тебе будет казаться, что все в полном порядке.

— Это смешно. Допустим, он хочет взять меня на Геликоне. Тогда почему же не отпустить меня с миром? Я лечу домой завтра. Зачем понадобилось подсылать этих мордоворотов? Для чего? Для того, чтобы ускорить мой отлет на несколько часов? Но ведь это чепуха какая-то. От такой стычки я, наоборот, по сути дела, должен встревожиться, задуматься.

— С какой стати ему предполагать, что ты встревожишься? Разве он ожидал, что с тобой рядом окажусь я и вылью на тебя, так сказать, полное ведро своего параноидального бреда?

— Ну ладно, все равно, зачем вся эта суета? Зачем меня выкидывать с Трентора, никак не пойму? Что я бы успел сделать тут за лишние несколько часов?

— Может быть, он боится, что ты передумаешь.

— Передумаю? И куда же я отправлюсь, если не домой? Если уж у него до Геликона руки дотянутся, значит, он способен достать меня где угодно. Да он бы меня, к примеру, даже на Анакреоне разыскал, вздумай я почему-либо отправиться туда, а ведь Анакреон... это отсюда в добром десятке тысяч парсеков. Что такое расстояние для гиперпространственных кораблей? Вздумай я даже махнуть в какой-то мир, который не настолько трепещет перед властью Империи, как Геликон, где бы я такой мир отыскал? Где нынче бунтуют? В Империи царит мир. Даже если и отыщется пара-тройка миров, в которых сильны воспоминания о несправедливости, проявленной к ним когда-то со стороны Империи, какой из них станет рисковать собственной безопасностью ради меня? Армия Империи — угроза для всех. Более того, я гражданин Геликона, и на любой другой планете буду иностранцем, так что никаких проблем у Империи со мной не будет и быть не может.

Челвик терпеливо выслушал Селдона, время от времени кивал головой, но лицо его оставалось серьезным и непроницаемым.

— Ты совершенно прав, — наконец изрек он, — однако мир, который не до конца подвластен Императору, существует. Вот именно это скорее всего ужасно беспокоит Демерзеля.

Селдон задумался, припоминая события последних лет, но никак не мог вспомнить мира, где бы не существовало власти Империи. В конце концов он спросил:

— Что это за мир?

Челвик ответил:

— Ты в нем находишься — и как раз это кажется Демерзелю слишком опасным, по всей вероятности. Не то чтобы ему безумно хотелось отпускать тебя на Геликон, но гораздо меньше ему хочется, чтобы ты остался на Тренторе. Вот он и стремится выпихнуть тебя отсюда как можно скорее.

Наступило молчание. Наконец Селдон не выдержал и фыркнул:

— Ну дела! Трентор! Столица Империи! На орбитальной станции — центральная база Флота, на планете расквартированы отборные части войск. Если уж ты взаправду считаешь *Трентор* самым безопасным миром, значит, у тебя не только паранойя, а еще и бредовые фантазии.

— Нет! Селдон, ты — провинциал. Это я тебе не в обиду говорю. Просто ты не знаешь, что такое Трентор. Здесь живет сорок миллиардов человек, и вряд ли найдется много миров, где можно насчитать хотя бы вдесятеро меньше народа. Здесь все так сложно — и техника, и культура. Сейчас мы находимся в Имперском секторе, где самый высокий уровень жизни и население состоит почти целиком из имперских функционеров. Однако, кроме Имперского, на планете более восьмисот разных секторов, в каждом — своя культура и традиции, и во многие из них имперские силы порядка носа не суют.

— Почему?

— Империя при всем желании не может оказывать на Трентор чересчур сильного давления. Стоит чуть-чуть переусердствовать, и запросто можно повредить что-то в сети коммуникаций, которой Трентор оплетен, как паутиной. И тогда пострадает вся сеть, здесь все взаимосвязано. Поверь мне, Селдон, мы здесь, на Тренторе, отлично понимаем, что такое землетрясение, которое вовремя не предсказали, что такое извержение вулкана, о котором не знали заранее, что такое неукрощенная буря, а то и просто человеческая ошибка, никем не замеченная. Планета сотрясается, и нужно изо всех сил стараться сохранить равновесие.

— Я никогда ни о чем подобном не слышал.

Челвик усмехнулся.

— Конечно, не слышал. Что же ты хочешь, чтобы Империя афишировала слабость собственного сердца? А вот я, будучи журналистом, знаю, о чем не помышляют провинциалы, то, о чем не помышляют многие на самом Тренторе — даже тогда,

когда делается все, чтобы скрыть правду. Поверь мне! Император и Эдо Демерзель знают, что нарушить спокойствие Трентора — значит разрушить Империю.

— Поэтому ты и предлагаешь мне остаться на Тренторе?

— Да. Я смогу найти для тебя на Тренторе такое местечко, где ты станешь абсолютно недосягаемым для Демерзеля. Тебе не придется скрываться под вымышленным именем, ты сможешь жить совершенно открыто, но он не сможет до тебя добраться. Вот поэтому-то он так мечтал как можно скорее вышвырнуть тебя с Трентора подальше и сделал бы это, если бы судьбе не было угодно познакомить нас, ну и еще — если бы ты не умел так здорово драться.

— Но сколько же я должен пробыть на Тренторе?

— Столько, сколько потребуется для твоей безопасности, Селдон. Может быть, всю жизнь.

8

Гэри Селдон разглядывал свое голографическое изображение, выполненное с помощью проектора. Зрелище оказалось гораздо более впечатляющее, чем при взгляде в зеркало. Создавалось полное ощущение, что Селдонов в комнате стало двое.

В новой одежде Селдон чувствовал себя пока не совсем ловко. Прожив всю жизнь на Геликоне, он больше привык к темным, приглушенным тонам, но, на его счастье, Челвик выбрал для него одежду не слишком яркой расцветки. Пощупав рукав новой туники, Селдон вспомнил, как кричаще были разодеты те двое, что пристали к нему в парке, и внутренне поежился.

— Шляпу мне, видимо, тоже придется надеть? — поинтересовался он.

— В Имперском секторе без нее не обойтись. Ходить без головного убора здесь считается дурным тоном. Может быть, в других местах к этому не придираются.

Селдон вздохнул. Шляпа была сделана из какого-то мягкого материала, и как только он поднес ее к голове, шляпа уселась как влитая. Поля, к радости Селдона, оказались поуже, чем у двоих щеголей, никак не выходивших у него из головы. «Пожалуй, — успокоил себя Селдон, — шляпа мне даже идет».

— А ленточки под подбородком не предусмотрено?

— Нет, конечно. С ленточкой — это для стиляг.

— Для кого, для кого?

— Ну, стиляга — это модник, который носит вещи, которые шокируют окружающих. Наверняка у вас на Геликоне такие тоже есть.

— У нас? — фыркнул Селдон. — У нас есть такие, которые умопомрачительно стригутся: с одной стороны волосы до плеч, а с другой голова выбрита наголо.

Он рассмеялся, а Челвик скривился.

— Жутко уродливо, наверное.

— Бывает и хуже! Понимаешь, одни из них выбривают голову справа, а другие — слева, и праваки леваков просто ненавидят. Что ты! Дело до драк доходит.

— Ну, раз такое дело, я думаю, уж шляпу-то ты как-нибудь переживешь, особенно — без ленточки.

— Постараюсь привыкнуть, — улыбнулся Селдон.

— Пялиться на тебя, конечно, все равно будут. Во-первых, и шляпа, и все остальное на тебе не слишком яркое, поэтому по тренторианским меркам ты, считай, все равно что в трауре. Да и размеры не совсем твои. Во-вторых, ты действительно к такой одежде не привык, и это видно. Ну, это ладно — в Имперском секторе мы надолго не задержимся... Ну, нагляделся?

И Челвик выключил голограф.

— Дорого тебе стоило все это? — спросил Селдон.

— Какая разница?

— Не хотелось бы оставаться в долгу. Неудобно.

— Не переживай. Это мое дело. Но мы теряем время. Меня наверняка описали во всех подробностях, так что быстро вычислят, кто я такой, и явятся сюда.

— В таком случае, — нахмурился Селдон, — дело не только в том, что ты потратил на меня деньги. Ты еще и рискуешь из-за меня. Лично рискуешь!

— Знаю. Но это опять-таки мое дело. О себе я уж как-нибудь сумею позаботиться.

— Но зачем, ради чего...

— Философствовать будем потом. Кстати говоря, одежку твою старую я уже атомизировал, и меня, похоже, никто не заметил за этим занятием. Правда, затрату энергии обязательно заметят — она будет зарегистрирована. И кто-то шибко умный может догадаться, в чем дело. Ужасно трудно, знаешь ли, что-

то скрывать, когда кругом сплошные глаза и уши. Ну да ладно, будем надеяться, что нам удастся убраться подальше, пока они тут докумекают, что к чему.

9

Долго-долго они шли пешком по переходам, озаренным мягким желтоватым светом. Челвик внимательно смотрел по сторонам и все время старался идти в ногу с толпой пешеходов, никого не обгоняя и никому не позволяя обгонять себя.

По пути Челвик непрерывно болтал с Селдоном на отвлеченные темы.

Селдону это удавалось с трудом.

— Послушай, — сказал он в конце концов, — тут у вас так много ходят пешком. Сплошные тротуары и переходы.

— А что такого? — удивился Челвик. — Ходьба по-прежнему остается лучшим средством перемещения на небольшие расстояния. Удобно, дешево и для здоровья полезно. Сколько бы ни развивалась техника, а в этом смысле все остается без изменений. У тебя не агорафобия ли, случаем, Селдон?

Селдон глянул вправо, через поручень, где внизу бежали другие движущиеся тротуары, тут и там пересекаясь под прямыми углами, и чуть-чуть вздрогнул.

— Боюсь ли я высоты? Да нет, не очень. Но вообще-то смотреть вниз не особенно приятно. А какая тут высота?

— В этом месте — уровней сорок-пятьдесят. В Имперском секторе и других технически развитых районах таких мест много. Большей же частью пешеходы путешествуют по дорожкам, проложенным, так сказать, на нижнем уровне.

— Наверное, бывают попытки самоубийства или нет?

— Нечасто. Для этого существуют гораздо более легкие способы. И потом, с самоубийством на Тренторе вообще никаких проблем нет. Хочешь свести счеты с жизнью — можешь сделать это вполне легально в соответствующем медицинском центре после соответствующего курса психотерапии. Поэтому суициды здесь редки, но про агорафобию я тебя спросил не поэтому. Мы идем на стоянку такси. Там меня знают как журналиста. Таксистам я время от времени приплачиваю, и они не откажут мне в маленькой любезности, а именно: не зарегистрируют меня и закроют глаза на то, что я не один, а с приятелем. Мне, конечно, придется раскошелиться, но опять-таки: если люди Демерзеля нажмут на таксистов как следует, им придется выложить всю правду. А мы в это время будем уже далеко.

— И при чем тут акрофобия, не пойму?

— При том, что нам придется воспользоваться гравиподъемником. Эта штука — на любителя, и, честно признаться, я сам редко им пользуюсь. Но если ты выдержишь, будет лучше.

— А что это такое — гравиподъемник?

— Экспериментальное транспортное средство. Наверное, если люди к нему психологически привыкнут или их приучат, оно со временем станет применяться на Тренторе, а потом и в других мирах более широко. Это, так сказать, лифт без кабины. Мы просто шагнем в никуда и будем медленно падать или медленно подниматься под действием антигравитации. На сегодняшний день эта штуковина — единственное применение антигравитации. Может быть, потому, что самое дорогое.

— А что может произойти, если поле выключится, когда мы еще будем в пути?

— То самое, о чем ты подумал. Мы упадем и, если окажемся достаточно высоко от дна, погибнем. Я, правда, о таких случаях пока не слыхал, а уж ты мне поверь, я бы знал обязательно, что стряслась такая беда. В выпуск новостей такая информация, конечно, не просочилась бы из соображений цензуры — они вечно выкидывают плохие новости, — но я бы знал, это я тебе точно говорю. Ну вот, уже совсем близко. Если не сдюжишь, мы и пробовать не станем, но только учти, что обычные лифты ходят медленно и нудно, и там многих тошнит.

Челвик повернул за угол, и друзья оказались на широкой площадке, где выстроилась очередь — мужчины, женщины, пара ребятишек.

Селдон потихоньку проговорил:

— Представь себе, ни о чем подобном я дома не слыхивал. Нет, я понимаю, наши новости оставляют желать лучшего, но все-таки могли бы хоть упомянуть, что такое есть на свете...

— Пока это все на уровне эксперимента, — объяснил Челвик, — да и то только в Имперском секторе. Пожирает уйму энергии, а поэтому правительство старается не слишком афишировать гравиподъемники. Появились они еще при прежнем

Императоре — том самом, который умер в своей постели и этим всех до смерти удивил. Он распорядился установить такие лифты в нескольких местах. Он, видишь ли, желал, чтобы его имя было увековечено внедрением антигравитации — такие взбрыки случаются у стариков с комплексом неполноценности. Как я уже сказал, не исключено, что лифты станут применяться более широко, но только лифты — вряд ли внедрение антигравитации продвинется дальше этого.

— А куда бы еще оно могло продвинуться?

— К созданию антигравитационных звездолетов. Но до этого жутко далеко. Насколько я знаю, большинство физиков считает, что это принципиально невозможно и даже говорить об этом не стоит... Но, с другой стороны, было время, когда все в один голос твердили, что антигравитационные подъемники — вещь из области фантазии.

Очередь шла быстро, и вскоре Селдон с Челвиком подошли к краю площадки, круто обрывавшемуся в открытую пропасть. Воздух над пропастью слабо светился. Селдон инстинктивно вытянул руку и почувствовал легкий удар. Больно не было, но он быстро отдернул руку.

Челвик усмехнулся.

— Элементарная предосторожность. Чтобы никому не взбрело в голову шагать в пропасть, пока не включено поле.

Он набрал какие-то цифры на пульте, вмонтированном в невысокий столбик, и свечение исчезло.

Селдон робко заглянул в глубокую шахту.

— Пожалуй, будет лучше, если мы возьмемся за руки и ты закроешь глаза, — предложил Челвик. — Не бойся, это займет всего несколько секунд.

Не дав Селдону времени на раздумья, он крепко взял его за руку, и тот не смог освободиться. Челвик шагнул в пустоту, а Селдон, к собственному удивлению и стыду тихонько вскрикнув, скользнул за ним.

Он закрыл глаза, но не почувствовал ни падения, ни движения воздуха. Прошло несколько секунд, и Челвик потянул его за руку. Селдон покачнулся, выпрямился, открыл глаза и обнаружил, что стоит на твердой поверхности.

— Уже?!

— Живы, как видишь, — сухо ответил Челвик и пошел вперед, увлекая Селдона за собой.

— Я хотел спросить, мы попали на нужный уровень?

— Конечно.

— А что бы произошло, если бы мы летели вниз, а кто-то — нам навстречу?

— В шахте — две отдельные линии. По одной все с одинаковой скоростью поднимаются, по другой — опускаются. Расстояние между пассажирами — не меньше десяти метров. Никаких столкновений не должно быть, если все нормально работает.

— Я ровным счетом ничего не почувствовал.

— А что ты, собственно, мог почувствовать? Ускорения же не было. Через десятую долю секунды ты принял постоянную скорость падения, а воздух, тебя окружавший, падал с той же скоростью, что и ты.

— Потрясающе!

— Согласен. Но, увы, неэкономично. И, похоже, никто особо не озабочен усовершенствованием и повышением рентабельности этого замечательного устройства. Отовсюду слышится одна и та же песня: «Это нам не под силу. Это невозможно». Если бы так только о гравиподъемнике говорили. Это же абсолютно о каждом нововведении, представляешь?

Челвик был явно рассержен.

— Ага, вот и стоянка такси. Пошли быстрее.

10

Селдон изо всех сил старался вести себя на стоянке так, чтобы не вызвать ни у кого подозрений. Однако это оказалось чертовски трудно. Он понимал, что нельзя глазеть по сторонам, ото всех отворачиваться, пялить глаза на машины. Вести себя нужно было совершенно невинно, то бишь — нормально.

Но что значит «нормально»? В новой одежде ему было неловко. Карманов в тунике не было, руки девать некуда. Два кошелька, что висели по бокам на ремне, жутко раздражали его — при ходьбе они шлепали по бедрам, и Селдону все время казалось, что его кто-то хватает или задевает.

Он решил присмотреться к женщинам. Кошельков на поясах у них не было, сумок в руках — тоже. Вместо них служили какие-то коробочки, непонятно чем и как укрепленные на бед-

рах. «Псевдомагниты, наверное», — решил Селдон. Одеты дамы были в широкие, просторные, но закрытые платья, и это немного огорчило Селдона. Про декольте тут, похоже, совсем забыли, хотя некоторые платья были сшиты так, что нарочито подчеркивали ягодицы.

Тем временем Челвик развил бурную деятельность и скоро вернулся, держа в руке керамическую сверхпроводимую пластинку, предназначенную для пуска такси по определенному маршруту.

— Забирайся, Селдон, — сказал Челвик, указывая на небольшую двухместную машину.

— Тебе пришлось зарегистрироваться? — спросил Селдон.

— Нет, что ты. Здесь меня знают и не вдаются в формальности.

— Они поняли, что у тебя на уме?

— Меня ни о чем не спрашивали, а сам я помалкивал.

Челвик вставил пластинку в щель на панели управления, и Селдон ощутил легкую вибрацию — судя по всему, заработал двигатель.

— Мы направляемся в Д-семь, — сообщил Челвик.

Селдон понятия не имел, что такое «Д-семь», и решил, что это какой-то маршрут.

Такси отъехало назад, объехало другие машины и, выбравшись наконец на ровную, уходящую вверх дорогу, набрало скорость. Вскоре машина легким рывком поднялась в воздух.

Селдона отбросило на подушку сиденья.

— Да, — проговорил он, — это на антигравитацию не похоже.

— Конечно, — невозмутимо отозвался Челвик. — Тут совсем другой принцип. Реактивный. Этого толчка вполне достаточно, чтобы поднять нас к туннелям.

Впереди завиднелось нечто, напоминавшее громадную скалу, испещренную многочисленными отверстиями наподобие громадной шащечной доски. Челвик направил машину к отверстию, помеченному «Д-семь», лавируя между другими машинами, направлявшимися к другим туннелям.

— Ты же запросто мог врезаться в кого-нибудь, — переведя дыхание, проговорил Селдон.

— Наверное, врезался бы, если бы все зависело от моих собственных чувств и реакций, но, к счастью, такси снабжено

компьютером, который прекрасно страхует водителя. Не только меня, и всех остальных тоже. Ну, вот мы и у цели...

Машина скользнула в отверстие туннеля так, словно ее втянул туда мощный насос. Освещение стало желтоватым, менее ярким, чем снаружи.

Челвик оторвался от пульта управления, откинулся на сиденье, глубоко вздохнул.

— Ну, можно считать, первый этап мы успешно одолели. Нас могли задержать на стоянке. А тут мы в полной безопасности.

Такси мягко, равномерно летело вперед, стены туннеля уплывали мимо. Шума двигателя почти не было слышно — лишь едва заметное ровное бормотание.

— С какой же скоростью мы летим? — поинтересовался Селдон.

Челвик глянул на панель управления:

— Триста пятьдесят километров в час.

— Магнитное ускорение?

— Да. На Геликоне уже тоже до этого додумались?

— У нас только одна такая линия. Я сам еще не пробовал, только собирался все время. Но, думаю, она далеко не такая совершенная, как эта.

— Наверняка не такая. Трентор такими туннелями напичкан, словно муравейник ходами, они насчитывают много тысяч километров. Туннели проложены под землей и по мелководью океана. Главное транспортное средство для дальних путешествий.

— А нам далеко лететь?

— Чуть больше пяти часов.

— Пять часов! — испуганно воскликнул Селдон.

— Не пугайся. Каждые двадцать минут мы пролетаем мимо стоянок. На любой из них мы можем выскочить из туннеля, размяться, поесть, отдохнуть. Но, сам понимаешь, слишком часто мне бы не хотелось останавливаться.

Какое-то время оба молчали. Вдруг справа мелькнул яркий свет, и Селдону показалось, что он успел разглядеть две машины.

— Стоянка, — ответил Челвик на вопрос, который Селдон не успел задать.

— Скажи, а я действительно буду в безопасности там, куда ты меня везешь?

— В полной безопасности от любых происков со стороны властей Империи, — ответил Челвик. — Конечно, придется вести себя осторожно — ведь существуют шпионы, специальные агенты, наемные убийцы. Естественно, у тебя будет телохранитель.

Селдон забеспокоился.

— Ты это серьезно — насчет наемного убийцы? Неужели они действительно захотят убить меня?

— Демерзель — вряд ли. Мне кажется, что ему гораздо больше хочется заполучить тебя и использовать для своих нужд, чем отправить на тот свет. Однако могут появиться другие враги, и, кроме того, события запросто могут принять непредсказуемый характер. Словом, дремать не придется.

Селдон покачал головой и отвернулся. Подумать только: всего сорок восемь часов назад он был никому не известным математиком, собиравшимся провести оставшееся до возвращения домой время за осмотром Трентора, походить, поглазеть на величественную планету, как истинный провинциал. И что же? Теперь он стал человеком, за которым гонятся, разыскивают имперские власти. Странно, нелепо, страшно. Селдон поежился.

— Ну а ты сам? — спросил он Челвика. — Ты понимаешь, что делаешь и что тебя ожидает?

— Ну, — задумчиво проговорил Челвик, — скорее всего ничего хорошего. Любить им меня совершенно не за что. Может, голову снесут, может, взрывное устройство подкинут.

Сказано это было спокойно, ровным голосом, но Селдон похолодел.

— Как ты можешь говорить об этом так спокойно? Неужели тебе ни капельки не страшно?

— Я — старый тренторианец. Планету знаю как свои пять пальцев. У меня уйма знакомых, и многие из них в долгу передо мной. Мне не раз удавалось выйти сухим из воды в случаях, когда ситуация была пострашнее, чем сейчас. Короче, Селдон, за себя я постоять сумею.

— Рад, если это действительно так, и надеюсь, у тебя есть основания для уверенности, Челвик, но я никак не могу по-

нять, ради чего ты так рискуешь? Кто я для тебя? Стоит ли вообще подвергать себя опасности из-за незнакомого человека?

Челвик немного повозился с панелью управления, и, когда повернул голову, лицо его было совершенно серьезным.

— Я намерен спасти тебя по той же самой причине, по которой ты нужен Императору, — из-за твоей способности предсказывать будущее.

Селдона охватило жуткое разочарование. Вот уж ради этого он вовсе не желал никакого спасения! Да, дела... Он стал жалкой, беспомощной жертвой, куском плоти, из-за которого дерутся стервятники. Он раздраженно проговорил:

— Будь проклят мой доклад! Зачем я выступил? Только погубил свою жизнь!

— Нет. Не торопись с выводами, математик. Императору и его приспешникам ты нужен только затем, чтобы они с твоей помощью могли обезопасить собственную жизнь. Твои способности интересуют их постольку, поскольку они могут быть применены для спасения Императорского трона, его сохранения для сынка Клеона. Они боятся за свои шкуры, трясутся за свои места под солнцем, понимаешь? Я же хочу, чтобы твои достижения пошли на пользу всей Галактике.

— Не вижу разницы, — горько вздохнул Селдон.

— Не видишь? — почти сердито переспросил Челвик. — Стыдись! Люди в Галактике жили и до воцарения нынешнего Императора, и до прихода к власти его династии, вообще до Империи, если уж на то пошло. Человечество старше Империи. Может быть, оно старше, чем все и каждый из двадцати пяти миллионов миров Галактики. В легендах говорится: было время, когда люди обитали на одной-единственной планете.

— В легендах! — фыркнул Селдон и пожал плечами.

— Да, представь себе, в легендах, однако не вижу, почему бы такого не могло быть на самом деле. Давно, двадцать тысяч лет тому назад, если не больше. Позволю себе предположить, что человечество не родилось на свет с врожденными знаниями о теории гиперпространственных перелетов. Наверняка были времена, когда люди попросту не умели передвигаться со скоростями, превышающими скорость света, и тогда они, естественно, были пленниками одной планетарной системы. Ну а если заглянуть вперед, в будущее, то и после тебя, и после Императора в Галактике будут жить люди. И тогда, когда пре-

сечется его род, и когда отомрут все институты имперской власти. В таком случае, что толку чересчур переживать за судьбу отдельных людей — Императора, наследника престола? Какой смысл волноваться за механизмы управления Империей? А вот с квадриллионами жителей Галактики что будет? Как насчет их?

Селдон ответил:

— Полагаю, люди, как и миры, будут рождаться и умирать.

— Неужели тебе не хочется покопаться, поискать условия, при которых человечество выживет?

— Можно предположить, что все будет не хуже, чем сейчас.

— *Предположить* можно. Но разве нельзя узнать наверняка с помощью науки, которой ты располагаешь?

— Я зову ее психоисторией. Да, можно. Теоретически.

— А у тебя нет жгучего желания внедрить эту теорию в практику?

— Почему? Челвик, я желал бы этого всей душой, но хотеть и мочь — не одно и то же. Я сказал Императору, что психоистория безнадежно далека от практического применения, и теперь вынужден сказать то же самое тебе.

— И ты даже не намерен попытаться, попробовать найти способ?

— Не хочу. Это будет все равно что копаться в горе камешков размером с Трентор, перебирать их один за другим, пересчитывать и раскладывать в ряд от самого большого до самого крошечного. Я знаю заранее, что за мою жизнь мне этого не успеть ни за что на свете, и, уж конечно, не стану валять дурака и притворяться, будто это мне под силу.

— А если бы ты знал всю правду о состоянии человечества, тогда как?

— Глупый вопрос. Что значит «правда о состоянии человечества»? Кто ее знает? Не ты ли?

— Да. В этой правде — всего три слова.

Челвик отвернулся, взгляд его устремился вперед, в бессменную пустоту бесконечного туннеля. Туннель стал шире, затем снова сузился, и тогда Челвик произнес обещанные три слова:

— Галактическая Империя умирает.

Глава 3

УНИВЕРСИТЕТ

СТРИЛИНГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ — ***высшее учебное заведение в секторе Стрилинг древнего Трентора. ...Несмотря на несомненные успехи, достигнутые здесь в области гуманитарных наук, в памяти людей университет остался вовсе не из-за этих достижений. Наверняка многие поколения ученых, не покладая рук трудившихся на научной ниве Стрилингского Университета, были бы просто потрясены, узнав, что впоследствии Университет будут вспоминать исключительно из-за того, что некий Гэри Селдон ненадолго остановился здесь во время так называемого Бегства.***

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

11

Заявление Челвика повергло Селдона в молчание. Он мысленно съежился от сознания собственной беспомощности.

Что же произошло? Он изобрел новую науку — психоисторию. Он немного превысил границы действия законов вероятности, принял в расчет величины, изобилующие сложностью и противоречивостью, и в результате получил изящные уравнения с огромным числом неизвестных. Не исключено, что число это бесконечно.

Но для него это была просто математическая игра, не более. Он создал психоисторию или, как минимум, ее основу, но пока это была всего-навсего математическая диковина, безделушка. Знания истории могли бы придать какое-то значение безжизненным уравнениям...

Но таких знаний у него не было. История никогда не интересовала его. Он, конечно, знал в общих чертах историю Геликона и в свое время прослушал краткий курс истории человечества в школе — но что с того? Все остальные знания были нахватаны с потолка — мифы, легенды, а то и попросту разрозненные, не связанные друг с другом обрывки информации.

И все-таки, как кто-то мог заявлять, будто Галактическая Империя умирает? Ведь она существует под названием «Империя» уже десять тысячелетий, а еще целых два тысячелетия до

этого Трентор, будучи столицей могущественного королевства, фактически правил Империей, хотя она тогда так не называлась. В первые века своего существования Империи пришлось нелегко, однако она справилась с сопротивлением огромных участков Галактики, никак не желавших расставаться с остатками независимости. Империя пережила многое: бунты, династические войны, периоды тяжелого упадка. Однако потрясения коснулись далеко не всех миров, а Трентор рос и развивался до тех пор, пока не стал самой многонаселенной планетой в Галактике и не обрел титул Вечного Города.

Нет, если смотреть правде в глаза, последние четыре столетия характеризовались некоторым усилением напряженности: произошел целый ряд покушений на Императоров и дворцовых переворотов. Но и это прошло, и теперь в Галактике царил поистине небывалый мир и покой. При Клеоне и раньше, при его отце, миры жили и процветали в свое удовольствие, а Клеона никто тираном не считал. Даже те, кто критиковал Империю как государственное установление, не осмеливался сказать дурного слова о Клеоне, как бы при этом ни поносили Демерзеля.

Но почему же тогда Челвик объявил, что Галактическая Империя умирает, да еще с такой уверенностью?

Челвик — журналист. Может быть, он лучше знал историю Галактики и более отчетливо представлял себе нынешнюю ситуацию. Но что он такое знал? Что стояло за его безапелляционным заявлением? Что? Что?

Несколько раз вопрос уже был готов сорваться с губ Селдона, но стоило ему взглянуть на суровое лицо Челвика, и он решал не спрашивать. И еще... для него Галактическая Империя была некоей данностью, непререкаемой аксиомой, краеугольным камнем — вечным, незыблемым. Если это не так... нет, он об этом и слышать не хотел.

Поверить в то, что он ошибался? Нет, ни за что. Галактическая Империя для Селдона имела ровно столько же шансов на гибель, как сама Вселенная. Иначе говоря — Империя могла погибнуть только вместе со Вселенной.

Селдон закрыл глаза, попытался заснуть, но, конечно же, не сумел. Может быть, психоистория продвинулась бы вперед, если бы он занялся изучением истории?

Но как? Существовало двадцать пять миллионов миров, и у каждого из них была своя история, сложная и запутанная. Как он мог изучить историю всех миров? Он знал, что есть множество длиннющих фильмов по истории Галактики. Однажды — он уже и сам не мог припомнить зачем — он смотрел один такой фильм и чуть не сошел с ума от скуки.

Галактической истории дело было только до самых важных, могущественных миров. Некоторые из них были описаны на протяжении всего их существования, другие упоминались лишь в связи с тем или иным периодом в их истории, а потом исчезали, словно их никогда и не было. Как-то Селдон решил поискать в каталоге Геликон и нашел одну-единственную ссылку... Копнув поглубже, он нашел Геликон в перечне миров, которые хотя бы единожды чем-то угрожали имперскому трону. Однако никакого наказания Геликон не понес — вероятно, в связи с тем, что планету сочли настолько незначительной, что ее и наказывать-то не стали.

И что, спрашивается, толку в такой вот истории? Без сомнения, психоистория должна учитывать действия, реакции и взаимодействия, имеющие место в каждом мире, во всех без исключения. Но как можно изучить историю всех двадцати пяти миллионов миров и учесть все возможные между ними взаимодействия? Нет, это совершенно бессмысленная, не имеющая решения задача и еще одно лишнее подтверждение вывода о том, что психоистория представляет исключительно теоретический интерес и ее никогда нельзя будет применить на практике.

Селдона слегка качнуло вперед, и он понял, что машина замедлила скорость.

— В чем дело? — спросил он.

— Думаю, мы уже достаточно далеко улетели, — ответил Челвик, — чтобы позволить себе короткую остановку. Перекусим, выпьем по стаканчику чего-нибудь, освежимся под душем.

Минут через пятнадцать, постепенно тормозя, машина выехала в ярко освещенный боковой проем и припарковалась на стоянке, где стояло еще пять-шесть машин.

12

Челвик наметанным взглядом окинул все сразу — площадку, другие машины, буфетную стойку, коридоры, мужчин и женщин. Селдон, изо всех сил стараясь не привлекать к себе внимания, украдкой поглядывал на Челвика и старался во всем ему подражать.

Когда они уселись за небольшой столик и сделали заказ, Селдон как можно более безразлично спросил:

— Все в порядке?

— Похоже, да, — ответил Челвик.

— Откуда ты знаешь?

Взгляд темных глаз Челвика на мгновение задержался на Селдоне.

— Инстинктивно чувствую, — объяснил он. — Репортерский опыт, понимаешь? Глянешь одним глазком и сразу видишь: тут нет ничего интересного.

Селдон кивнул и немного успокоился. Ответ Челвика прозвучал шутливо, но доля правды в нем, безусловно, была.

Однако стоило Селдону откусить первый кусок сандвича, как физиономия его недовольно скривилась. Он вопросительно глянул на Челвика.

— Дорожный буфет, что ты хочешь? — пожал плечами Челвик. — Дешево, быстро и невкусно. Продукты местные и имеют весьма специфический привкус. Для тренторианцев — дело привычное. Все дрожжевое.

Селдон с трудом проглотил кусок.

— А в гостинице...

— Гостиница-то твоя где располагалась? В Имперском секторе. А там все продукты — привозные, натуральные. Если что-то и подают дрожжевое, то дрожжи берутся самого высокого качества. А хорошие дрожжи и стоят недешево.

Селдон нерешительно смотрел на сандвич, раздумывая, откусить ли еще кусочек.

— Надо ли понимать тебя так, что все то время, что я пробуду на Тренторе...

— Тс-с-с... — прошептал Челвик едва слышно. — Не подавай виду, что тебе такая еда в новинку. На Тренторе есть такие дыры, где показаться аристократом еще хуже, чем если в тебе признают неместного. А еда не везде такая мерзкая, поверь.

В придорожных буфетах лучшего ждать не приходится, они все такие. Если сумеешь проглотить и переварить этот сандвич, значит, сумеешь прожить на Тренторе. Уверяю тебя, ничего дурного с тобой не случится. Он свежий, не сомневайся. Просто вкус такой специфический, непривычный. Честное слово, привыкнешь со временем. Встречал я тренторианцев, которые просто в ужасе были от натуральных продуктов и утверждали, что чего-то в них недостает — не такие, видишь ли, пикантные, как наши.

— А на Тренторе много производят продуктов? — спросил Селдон, предварительно стрельнув глазами по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет и, стало быть, можно разговаривать спокойно. — Я слыхал, что каждый день на Трентор прибывает около сотни грузовиков с продуктами из двадцати ближайших миров.

— Точно. И примерно столько же кораблей вывозят пищевые отходы. А уж если быть точным до конца, то все это проделывают одни и те же корабли — сюда они везут продукты, а обратно — отходы. Действительно, натуральные продукты составляют значительную статью нашего импорта, но все-таки тут речь идет в основном о роскоши, экзотике. А отходы, идущие на экспорт, самым тщательным образом перерабатываются в ценнейшие органические удобрения, которые так же драгоценны для других миров, как для нас — продукты питания. И все же, повторяю, импорт не так велик, как можно подумать.

— Правда?

— Конечно. Во-первых, в океане водится рыба, во-вторых, тут довольно много садов и огородов. Фруктовые деревья дают неплохой урожай, есть у нас и птицефермы, и кроликофермы, и громадные плантации по выращиванию микроорганизмов — их чаще называют дрожжевыми плантациями, хотя дрожжи там как раз выращивают в минимальных количествах. На самом деле Трентор весьма похож на обычный космический поселок, только очень большой. Ты когда-нибудь бывал в таком поселке?

— Да, бывал.

— Космические поселки, как правило, представляют собой замкнутые, закрытые городки с искусственным климатом, вентиляцией, искусственной сменой дня и ночи, ну и так далее. Трентор отличается от них исключительно своей многона-

селенностью. Правда, у нас гравитация естественная, и ни один космический поселок не может сравняться с нами по масштабу производства микроорганизмов для питания. Чего у нас только нет: дрожжевые танки, грибковые теплицы, бассейны с водорослями... Конечно, если бы не вкусовые добавки, есть все это было бы невозможно.

Селдон почти управился с сандвичем, и чем дальше, тем менее отвратительным тот ему казался.

— Значит, ты говоришь, со мной все будет в порядке?

— Бывают случаи, когда такая пища повреждает кишечную флору, и время от времени какой-нибудь чужеземец может заполучить расстройство пищеварения, но это редко, да и проходит быстро. Ты давай пей молочный коктейль. Он тебе, правда, тоже вряд ли понравится. Зато он содержит профилактическое средство от расстройства кишечника — так, на всякий пожарный...

Селдон поморщился:

— Ой, Челвик, хватит, лучше не говори больше об этом. Как-то мне не по себе от этой лекции.

— Тогда допивай коктейль, и вперед.

Попутчики быстро покончили с едой и снова пустились в путь.

13

Вскоре они снова на полной скорости неслись по туннелю. Селдон наконец решил задать вопрос, который вертелся у него на языке уже около часа.

— Почему ты считаешь, что Галактическая Империя умирает?

Челвик повернулся к Селдону лицом.

— Я же журналист. На меня сыплется громадное количество информации, статистики. Публиковать я, правда, могу лишь малую толику из того, что узнаю. Население Трентора уменьшается. Двадцать пять лет назад оно составляло почти сорок пять миллиардов. Частично это связано с падением уровня рождаемости. Однако тут нужно учесть, что рождаемость на Тренторе никогда не была особенно высока. На самом деле, походишь по Трентору, приглядишься повнимательнее и заметишь, что детей на улицах совсем немного при таком-то колоссальном населении. И все равно рождаемость падает. Ну и потом — эмиграция. Уезжает с Трентора гораздо больше народа, чем приезжает.

— Учитывая высокую численность населения, — вставил Селдон, — это вовсе не удивительно.

— Согласен, но раньше такого не было, вот это-то и удивительно. И еще — торговля по всей Галактике сейчас идет гораздо менее оживленно, чем раньше. Люди думают так: раз сейчас нет никаких восстаний и войн, значит, все хорошо и все тяготы прошлых столетий миновали. Тем не менее, как это ни парадоксально, политическая борьба, революции, войны — все это признаки жизни. А сейчас — какая-то всеобщая усталость. Все спокойно, но не потому, что люди довольны и счастливы, а потому, что устали и сдались.

— Ну, не знаю, не знаю, — недоверчиво проговорил Селдон.

— А я знаю. Взять хотя бы феномен антигравитации. Гравитационные подъемники существуют, но широкого распространения не получили. Изобретение оказалось нерентабельным, однако никто и не предпринимает никаких попыток превратить его в рентабельное. Научный прогресс замедлился, ни о какой скорости в развитии техники говорить не приходится. Какая там скорость! Прогресс не движется, а ползет черепашьим шагом. В отдельных областях так и просто застой. Неужели ты и этого не замечаешь? Ты же математик, в конце концов!

— Не могу сказать, чтобы я сильно задумывался об этом!

— Ты не одинок. С этим просто все смирились. Ученые ручки сложили и твердят на все лады: то невозможно, это непрактично, а это — бесполезно. Не приемлют никаких возражений. Да вот хотя бы и тебя взять, для примера, чего там далеко ходить? Что ты говоришь о психоистории? «Она представляет чисто теоретический интерес, но не имеет никакого отношения к практике». Так ведь?

— И да, и нет, — раздраженно отозвался Селдон. — Да, она бесполезна в плане практики, но отнюдь не из-за того, что во мне напрочь погиб дух авантюризма и всяческая романтика. Она действительно бесполезна.

— По меньшей мере, — саркастически проговорил Чел-

вик, — твоя убежденность является следствием существования атмосферы упадка, которая царит во всей Империи.

— Таково твое убеждение, — сердито буркнул Селдон. — А вдруг ты ошибаешься?

Челвик замолчал, задумался.

— Да, я могу ошибаться, — кивнул он наконец. — Все, что я говорю, — плод интуиции, догадок. А для уверенности мне нужна работающая психоистория.

Селдон пожал плечами:

— Увы, мне нечем тебя порадовать. Но допустим, что ты прав. Допустим, что Империя действительно катится вниз по наклонной плоскости. Но ведь и после этого люди будут жить на свете.

— Да, но как они будут жить, вот в чем вопрос, дружище! Почти двенадцать тысячелетий Трентор властью Императоров ухитрялся удерживать в Империи мир и спокойствие. Конечно, были периоды беспокойства — бунты, локальные гражданские войны, множество трагедий, — но в общем и целом мир сохранялся. Почему Геликон проводит проимперскую политику? Да-да, твой родной мир. Да потому, что он маленький и слабый и соседние государства запросто поработили бы его, не поддерживай Империя его суверенитет и безопасность.

— Значит, ты предвещаешь всеобщую войну и анархию, если Империя отомрет?

— Безусловно. Надо честно сказать, я не большой поклонник Императора, да и всего института Империи, но не вижу ей достойной замены. Просто не вижу, какое еще установление могло бы обеспечить поддержание мира, и не желаю пустить события на самотек, пока не получу такой замены.

Селдон фыркнул:

— Ты рассуждаешь так, словно ты — властелин Галактики! *Ты* не позволишь, ты не желаешь... Тебе нужна замена... Кто ты такой, чтобы такое заявлять?

— Ты меня слишком буквально понял, — усмехнулся Челвик. — Я вовсе не себя лично имел в виду, не Четтера Челвика. На мой век Империи хватит за глаза. Очень может быть, что при моей жизни даже наметятся кое-какие изменения к лучшему. Жизнь — штука переменчивая. Упадок может смениться временным подъемом. До смертельной агонии еще далеко, может быть, целая тысяча лет, и, как ты понимаешь, к тому времени мое бренное тело будет давным-давно упокоено в земле, а потомков после меня не останется. Я не женат, с женщинами встречаюсь изредка, детей у меня нет, и заводить их я не собираюсь. Так что я не оставлю судьбе заложников и охотников за наследством. Кстати, после твоего доклада, Селдон, я навел о тебе справки, ты уж извини. У тебя ведь тоже нет детей?

— Да, детей у меня нет, но живы родители, и есть два брата. Я однажды был очень сильно влюблен, — добавил Селдон, смущенно улыбнувшись, — но этой женщине казалось, что ее я люблю гораздо меньше, чем математику.

— Она была права?

— Мне так не казалось, да что толку? Главное, что так казалось ей. Словом, она меня бросила.

— И с тех пор ты одинок.

— Да. Это было так больно, что я до сих пор не в силах забыть.

— Ну что ж, выходит, мы оба, по идее, вправе сложить руки и дать другим возможность суетиться, что-то придумывать, а в итоге — страдать, когда нас с тобой уже не станет на свете. Знаешь, раньше у меня были подобные мысли, но не теперь. Теперь у меня есть инструмент, и я добьюсь своего.

— Что за инструмент? — спросил Селдон, заранее зная ответ.

— Ты! — ответил Челвик.

Поскольку Селдон ожидал именно этого ответа, он не стал разыгрывать удивление и возмущение. Он просто покачал головой и сказал:

— Ты жестоко ошибаешься. Инструмент из меня никудышный.

— Почему?

Селдон обреченно вздохнул:

— Сколько же можно повторять одно и то же? Психоистория не предназначена для практического применения. Трудность ее внедрения в практику носит фундаментальный характер. Всего пространства и времени Вселенной не хватит для решения проблем, для ответа на необходимые вопросы.

— Ты в этом уверен?

— К несчастью, да.

— Но твоя задача состоит не в том, чтобы предсказывать всю будущую судьбу Галактической Империи, пойми. Тебе во-

все не нужно подробно прогнозировать действия каждого отдельного человека, даже каждого отдельного мира. Тебе нужно просто-напросто дать ответ на несколько вопросов: погибнет ли Галактическая Империя, и если да, то когда это произойдет? В каких условиях после этого окажется человечество? Можно ли что-либо предпринять для отсрочки гибели Империи либо для смягчения обстоятельств, которые эта гибель повлечет за собой? На мой взгляд, это не такие уж сложные вопросы.

Селдон покачал головой и грустно проговорил:

— История математики битком набита самыми простыми вопросами, ответы на которые оказались безумно сложными, а то и вообще не были найдены.

— И так-таки ничего нельзя сделать? Я вижу, что Империя погибает, но не могу этого доказать. Все мои заключения субъективны, и я никак не могу доказать свою правоту. А из-за того, что моя точка зрения никого не может обрадовать по сути, люди предпочтут отвернуться и не слушать меня, и для предотвращения гибели или по крайней мере для смягчения удара, ничего не будет сделано. А вот ты мог бы *доказать* истинность упадка или, наоборот, опровергнуть мои предположения.

— Но ведь именно этого-то я как раз и не могу сделать! Как я могу найти отсутствующие доказательства? Я не могу превратить математические выкладки в практические, если они не таковы по своей природе. Нельзя взять два четных числа, сложить и получить в сумме нечетное, как бы страстно ты сам или вся Галактика ни желали получить в ответе нечетное число!

— Я понял тебя, — буркнул Челвик. — Ты — порождение упадка. Ты добровольно признаешь поражение.

— Разве у меня есть выбор?

— А разве нельзя хотя бы попытаться? Какими бы бесплодными ни казались тебе мои трепыхания, что лучшего ты бы мог сделать за свою жизнь, чему бы еще ты мог ее посвятить? У тебя есть более высокая цель?

Селдон часто-часто заморгал.

— Но... Миллионы миров. Миллиарды культур. Квадриллионы людей. Квинтиллионы взаимосвязей... И ты хочешь, чтобы я один упорядочил все это?

— Нет, я хочу, чтобы ты просто *попытался*. Ради вот этих самых миллионов миров, миллиардов культур и квадриллионов людей. Не ради Императора. Не ради Демерзеля. Ради человечества.

— У меня не получится.

— Не получится так не получится. Но ты попытаешься?

И... против своей воли, сам не понимая почему, Селдон услышал собственный ответ:

— Попытаюсь.

С этого мгновения для него началась другая жизнь.

14

Путешествие наконец завершилось, и такси подлетело к стоянке, которая оказалась гораздо обширнее, чем та, где приятели останавливались перекусить. (Селдон еще не забыл вкуса злополучного сандвича и огорченно скривился.)

Челвик припарковал такси, вышел и скоро вернулся, на ходу убрав кредитную карточку во внутренний карман рубашки.

— Здесь ты в полной безопасности, как я и обещал, — сообщил он Селдону. — Мы находимся в секторе Стрилинг.

— Стрилинг?

— Вроде бы сектор назван в честь того, кто основал тут поселение. Большинство секторов названо в чью-то честь, вследствие чего названия чаще всего неуклюжи, а порой труднопроизносимы. И все равно, здешние жители ни за какие коврижки не согласятся переименовать Стрилинг в какой-нибудь там Парадиз или что-нибудь в таком роде. Попробуй предложить — получишь по физиономии, и дело с концом.

— Парадизом тут и не пахнет, — пошутил Селдон, брезгливо наморщив нос.

— Парадизом не пахнет нигде на Тренторе, но ты привыкнешь.

— Я так рад, что мы сюда попали, — признался Селдон. — Не то чтобы я рад, что мы попали именно сюда, но просто я до смерти устал от сидения в такси. Представляю себе, если бы мы пустились в облет всего Трентора. Бр-р-р... На Геликоне в любое место можно добраться по воздуху гораздо быстрее, чем здесь преодолеть расстояние в две тысячи километров.

— У нас тоже есть воздушные катера.

— Так почему же мы...

— Видишь ли, просто путешествие на такси мне легко было организовать так, чтобы оно прошло анонимно. С катером такого бы не вышло. И как бы безопасно мы себя тут ни чувствовали, гораздо спокойнее будет, если Демерзель не будет знать наверняка, где ты находишься. На самом деле еще не все позади. Надо еще добраться экспрессом до конечной станции.

Селдон понял, о каком виде транспорта говорит Челвик.

— Это такие открытые поезда, что ходят по рельсам?

— Точно.

— На Геликоне такого транспорта нет, да он там и не нужен. А на вашем экспрессе я уже катался, в самый первый день, как на Трентор прилетел. От аэропорта до гостиницы. Так, для новизны впечатлений очень даже ничего, но как представишь, что все время нужно на нем мотаться... Толпы народу, путаница такая...

— Ты что, заблудился?

— Да нет, там было полно указателей. Немного замешкался на входе и выходе, но мне сразу пришли на помощь. Теперь-то я понимаю, что по одежде во мне сразу признали чужеземца. Советчиков была целая куча, наверное, потому, что им приятно было наблюдать мою растерянность.

— Ну, раз уж ты теперь такой специалист по путешествиям на экспрессе, теряться тебе больше нечего.

Эту фразу Челвик произнес тепло и дружески, но в уголках его рта притаилась улыбка.

— Пошли.

Они не спеша зашагали по улице, которая была освещена так ярко, что создавалось впечатление дня в полном разгаре, но при этом казалось, что несуществующее небо подернуто облаками и солнце (тоже несуществующее) то заходит за тучку, то снова выходит из-за нее. Селдон инстинктивно поднял глаза к «небу», но, естественно, никаких тучек не увидел.

Заметив его взгляд, Челвик пояснил:

— Считают, что такая смена освещенности благотворно воздействует на психику людей. Бывают дни, похожие на солнечные, а порой устраивают нечто вроде сплошной облачности.

— Но при этом ни дождя, ни снега?

— Да, и ни града, ни слякоти. Ничего такого. Ни повышенной влажности, ни пронизывающего холода. Видишь, Селдон, есть у Трентора свои недостатки, даже сейчас.

На улицах было довольно-таки многолюдно, причем народ встречался в основном молодой, попадались и дети, что бы там Челвик ни говорил о падении рождаемости. При взгляде на пешеходов создавалось впечатление, что люди тут живут обеспеченные и довольные жизнью. Мужчины встречались так же часто, как и женщины, и одеты все были гораздо более скромно, чем в Имперском секторе. Здесь костюм Селдона, подобранный для него Челвиком, выглядел совершенно естественно. Людей в шляпах встречалось немного, и Селдон с облегчением сдернул свою и взял ее под мышку.

Противоположные стороны улицы здесь не отделяла одну от другой глубокая пропасть, и, как и обещал Челвик, пешеходы передвигались, можно сказать, по уровню земли. Транспорта на улицах не было совсем, и Селдон спросил у Челвика, с чем это связано.

— В Имперском секторе, — объяснил Челвик, — машин много потому, что там ими пользуются служащие официальных структур. В других же местах частным транспортом пользуются крайне редко и для владельцев машин отведены специальные туннели. Фактически машины и не нужны, ведь есть экспресс-линии, а для передвижения на небольшие расстояния — движущиеся тротуары. А уж когда расстояние совсем невелико — можно и на своих двоих добраться.

До слуха Селдона донеслись приглушенные вздохи и вскрики, и вскоре он увидел вдалеке длинную вереницу вагончиков экспресса.

— Погляди, вон он, экспресс, — показал он рукой.

— Вижу, только нам лучше сесть на стоянке. Там и маршрут можно поточнее выбрать, и сесть легче. Ты пока все-таки, мне кажется, не сумеешь впрыгнуть в вагончик на ходу. Есть у нас такие акробаты-лихачи. Им кажется, что это у них ловко получается, вот они и выпендриваются, но, увы, частенько получают травмы.

— А разве не существует правил?

— Отчего же не существует? Существуют правила, и время от времени нарушителей даже наказывают, к всеобщему и полному удивлению.

Как только приятели удобно уселись в вагончике экспресса, Селдон обернулся к Челвику и сказал:

— Что меня удивляет, так это что экспресс движется так спокойно, равномерно. Я понимаю, что здесь действует электромагнитное поле, но все равно это удивительно! — воскликнул он, прислушиваясь к негромким звукам, возникавшим при соприкосновении их вагончика с соседними.

— Да, замечательная транспортная система, — согласился Челвик, — но, увы, ты не застал ее лучших дней. Когда я был помоложе, шума было еще меньше, а те, кто ездил на экспрессе пятьдесят лет назад, утверждают, что в то время вагончики вообще катились как по маслу, но я почти уверен, что это просто ностальгическая идеализация прошлого.

— Почему же теперь все стало иначе?

— А ухаживают паршиво, вот и все. Я же говорил тебе насчет упадка.

Селдон нахмурился.

— Уверен, люди не сидят, воздев глаза к небесам, и не повторяют как заклинание: «Мы в упадке, мы в упадке, пусть все идет прахом и экспресс в том числе».

— Нет, конечно, ничего такого не происходит. По-прежнему следят за исправностью оборудования, заменяют износившиеся узлы и детали, магниты, истершуюся обшивку на сиденьях и так далее. Но все это как-то лениво, небрежно и не так часто, как раньше. Просто денег не хватает, вот и все.

— И куда же деваются деньги?

— На всякие другие дела. Мы пережили ряд неспокойных столетий, флот разросся, содержание его обходится гораздо дороже, чем раньше. Военным платят побольше, чтобы они, не дай бог, не взбунтовались. За спокойствие приходится платить.

— Но вообще-то при Клеоне жизнь течет более или менее спокойно. Пятьдесят лет непрерывного мира.

— Да, но военные, которым хорошо платят, не согласны, чтобы из-за мира им снижали оплату. Адмиралы держатся за свои траченные молью корабли и не желают даже слушать о понижении в звании просто потому, что им больше нечем в жизни заняться. Словом, деньги рекой текут без всякой отдачи в армию, а тем временем социальная сфера потихоньку разваливается и нищает. Вот это я и называю упадком. Разве это не

так? Тебе разве не кажется, что на эти вещи невозможно закрыть глаза и не учесть их в твоей будущей психоистории?

Селдон недовольно заерзал на сиденье.

— А куда мы, кстати, направляемся?

— В Стрилингский Университет.

— А, так вот почему название сектора показалось мне знакомым! Я слышал об этом Университете.

— Ничего удивительного. На Тренторе — около ста тысяч высших учебных заведений, а Стрилинг входит в тысячу самых престижных.

— Мне придется там задержаться?

— Ненадолго. Кстати говоря, университетские кампусы — неприкасаемые святыни, и там ты будешь в полной безопасности.

— Да, но будут ли там мне рады?

— Что за вопрос! В наши дни совсем нелегко отыскать хорошего математика. Для тебя там почти наверняка найдется работа. Да и ты, надеюсь, сумеешь извлечь из пребывания в Университете пользу. Не просто же прятаться там будешь.

— Ты, конечно, хочешь сказать, что там у меня будет возможность поработать над своими выкладками?

— Ты дал обещание, — напомнил Челвик.

— Я обещал *попробовать*, — уточнил Селдон, а про себя подумал, что его обещание было равносильно попытке сплести веревку из песка...

15

Разговор сам собой прекратился, и Селдон углубился в рассматривание окрестностей. Постройки отличались приятным разнообразием. Среди них попадались и невысокие здания, и уходящие под самые «небеса». Улицы сменялись широкими площадями.

Внимательно разглядывая здания, Селдон крайне удивился, что многие из них не только сильно возвышались над землей, но и довольно глубоко уходили под землю, и неизвестно, какая их часть доминировала — надземная или подземная.

Время от времени поодаль от линии экспресса мелькали

островки свежей зелени — чаще всего газоны, засаженные травой, но кое-где попадались и невысокие деревца.

Селдон смотрел и смотрел по сторонам, и вдруг ему начало казаться, что свет меркнет. Он обернулся к Челвику, тот прочел вопрос в глазах математика и объяснил:

— Вечер на исходе. Скоро ночь.

Брови Селдона вздернулись, уголки рта опустились.

— Восхитительно! Я представил себе, как вся планета погружается в темноту, а потом вновь озаряется светом...

Челвик усмехнулся.

— Не совсем так, Селдон. Планета никогда не выключается, образно говоря, одновременно вся и не включается. Тень сумерек продвигается по Трентору постепенно. Минует полдня, и затем постепенно загорается рассвет. На самом деле все происходит примерно так же, как наверху, над куполом. На высоких широтах даже долгота дня меняется в зависимости от времени года.

Селдон покачал головой:

— Не понимаю... Зачем же было нужно заковывать планету в броню, а потом пыжиться изо всех сил, пытаясь создать условия, приближенные к естественным?

— Наверное, потому, что людям так больше нравится. Тренторианцы ценят преимущества жизни под куполом, но не желают смиряться со скукой и однообразием. Ты просто маловато пока знаешь тренторианскую психологию, Селдон.

Селдон залился легким румянцем. Конечно, он ведь всего-навсего простой геликонец, прожил там всю жизнь, и откуда ему было знать обо всем, что творится в миллионах миров за пределами родной планеты? Но как же тогда он мог надеяться на успех в разработке основ психоистории?

Но, с другой стороны... Сколько нужно собрать вместе людей, чтобы они знали все обо всем?

Эти размышления заставили Селдона вспомнить загадку, которую ему кто-то загадал, когда он был помоложе. Загадка была такая: «Можно ли сделать так, чтобы сколь угодно большое число людей не смогло поднять с земли относительно небольшой кусок платины, пускай даже снабженный скобами для удобства? Вероятно ли это?»

Ответ был однозначный: да, вероятно. Кубический метр платины весит двадцать две тысячи четыреста двадцать килограммов при нормальной силе притяжения. Допустим, одному человеку под силу оторвать от земли вес, равный ста двадцати килограммам. Тогда для того, чтобы поднять кубометр платины, хватит ста восьмидесяти восьми людей. Однако загвоздка в том, что никак нельзя разместить сто восемьдесят восемь человек вокруг куба так, чтобы каждый имел возможность ухватиться. По идее, собрать для подъема можно не более девяти человек. А никакими рычагами и тому подобными устройствами по условиям задачи пользоваться не разрешалось. Только «грубой силой», без всяких приспособлений.

Точно так же невозможно было собрать столько людей, чтобы их пускай даже самые умные головы вмещали всю сумму знаний, необходимых для разработки психоистории. Даже компьютеры не в состоянии вместить такую сумму знаний.

— Что загрустил, Селдон? — прервал молчание Челвик.

— Да так. Расписываюсь в собственном невежестве.

— Почтенное занятие. И главное, ты не одинок. К тебе могли бы запросто присоединиться квадриллионы народа. Однако нам пора выходить.

— Откуда ты знаешь? — удивился Селдон.

— Оттуда же, откуда ты узнал, когда тебе выходить, когда первый раз ехал экспрессом. Я на знаки поглядываю.

И Селдон тут же увидел проплывавшее мимо название станции: «Стрилингский Университет, стоянка три минуты».

— Давай быстренько, а то затолкают. Не горюй, скоро наловчишься, научишься скакать так, что даже газету на ходу читать сумеешь.

— Для этого мне придется здорово подзадержаться на Тренторе... — пробормотал Селдон, крепко ухватив Челвика за руку.

Небо окрасилось в темно-лиловые тона, в домах зажигались огни.

Точно так же наступала ночь на Геликоне. Если бы Селдона привезли сюда с завязанными глазами, а потом сдернули повязку, он был бы уверен, что никуда не улетал с Геликона и находится в новом районе одного из крупных городов.

— Челвик, как ты думаешь, долго мне придется пробыть в Университете? — спросил он.

— Трудно сказать, Селдон, — как всегда спокойно отозвался Челвик. — Может быть, всю жизнь.

— Что?!

— А может быть, и нет. Но с тех пор, как ты сделал доклад о психоистории, твоя жизнь перестала тебе принадлежать. Император и Демерзель тебя сразу разглядели. Я тоже. Насколько мне известно, не только они и я. Словом, надеюсь, ты понимаешь, что теперь ты сам себе больше не принадлежишь.

Глава 4

БИБЛИОТЕКА

ВЕНАБИЛИ, ДОРС — *историк, родилась на Цинне. ...Вероятно, жизнь этой женщины и далее не представляла бы из себя ничего особо примечательного, если бы, проработав два года в Стрилингском Университете, она не познакомилась с молодым Гэри Селдоном во время его Бегства...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

16

Комната, в которую привел Селдона Челвик, оказалась более просторной, чем квартирка Челвика в Имперском секторе. Большими удобствами она, правда, не отличалась, все по минимуму: кровать, в углу — умывальник. Никаких приспособлений для приготовления пищи. Окна в комнате тоже не было, а на потолке мерно жужжал вентилятор.

Селдон растерянно оглядел комнату.

Челвик, как обычно, отреагировал на растерянность Селдона:

— Это только на одну ночь, Селдон. Завтра утром пришлют кого-то, кто определит тебя в Университет, и тебя устроят поудобнее.

— Челвик, ты меня прости, конечно, но откуда тебе это известно?

— Я все устрою. У меня тут есть пара-тройка знакомых. А эти люди, — криво усмехнувшись, добавил он, — в некотором смысле мои должники, вот я с них и стребую мзду. А теперь давай обсудим кое-какие мелочи.

Он пристально посмотрел на Селдона.

— Со всем, что ты оставил в гостинице, придется распроститься навсегда. У тебя осталось что-нибудь особо ценное, незаменимое?

— Да нет, ничего такого. Кое-какие безделушки, милые сердцу и связывающие меня с прошлым, но это можно пережить. Что упало, то пропало. Потом... кое-какие заметки по докладу. Расчеты. И сам доклад.

— Который теперь можно считать достоянием общественности, — закончил Челвик, — и таковым он останется до тех пор, пока его не изымут из обращения как материал, представляющий известную опасность. Тем не менее, если понадобится, я сумею раздобыть копию, я уверен. Но, думаю, ты сможешь его восстановить, не так ли?

— Смогу. Потому я и сказал, что горевать мне особо не о чем. Еще там остались все мои деньги — что-то около тысячи кредиток, книги, одежда, обратный билет до Геликона и тому подобные вещи.

— Ну, это все ерунда... Значит, нужно будет устроить, чтобы на твое имя выписали кредитную карточку с моего счета. Этого хватит на повседневные мелкие расходы.

— Слишком щедрый подарок. Я не могу его принять.

— Никакой щедрости. Взамен я приобретаю спасение Империи. Так что придется тебе принять этот дар.

— Но откуда у тебя столько денег, Челвик? И пойми, если я и стану пользоваться этой карточкой, то с нелегким сердцем.

— Селдон, поверь, у меня хватит средств, чтобы обеспечить тебе сносное существование. Естественно, я не собираюсь ссужать тебя суммой для покупки университетского гимнастического зала или позволять швырять на ветер миллионы.

— Да нет, я ничего такого не имел в виду, но все-таки как же... Ведь мое имя будет зарегистрировано?

— Будет, и ничего страшного. Имперское правительство не имеет никакого права совать нос в дела Университета и его сотрудников. Тут полная свобода. Говори о чем хочешь, что хочешь обсуждай. Отдельное государство.

— Ну а если кто-то из сотрудников совершает преступление?

— Тогда дело рассматривается университетскими властями — беспристрастно и справедливо. Но никаких преступлений тут и в помине нет. Студенты и преподаватели высоко це-

нят собственную свободу и понимают и чтут ее законы. Ведь стоит тут пролиться крови, начаться беспорядкам, как правительство тут же сочтет, что получило право нарушить негласный договор, и пришлет сюда войска. А это никому не нужно, в том числе и правительству, поэтому поддерживается спокойствие и равновесие. Другими словами, сам Демерзель не сумеет выцарапать тебя из Университета. Это ему дорого обойдется. Поверь мне, уже полтораста лет, как никто из сотрудников и студентов не имеет никаких неприятностей с правительством. Но, с другой стороны, если какой-нибудь студент-сексот вытащит тебя за пределы территории Университета...

— А что, среди студентов есть такие?

— Откуда мне знать? Ведь в принципе любого человека можно запугать, одурачить, а то и попросту купить, и тогда он станет прихвостнем Демерзеля или кого-нибудь еще. Поэтому подчеркиваю: в общем и целом ты здесь в безопасности, но *никто* и никогда в абсолютной безопасности не пребывает. Действовать надо осторожно и осмотрительно. Однако мне не хотелось бы, чтобы, вняв моему совету слишком буквально, ты только и делал, что оглядывался по сторонам и шарахался от каждого встречного. Все равно, как бы то ни было, тут тебе будет спокойнее, чем на Геликоне, да и в любом другом мире, кроме Трентора.

— Очень надеюсь, — обреченно вздохнул Селдон.

— Вот и правильно, — ободрил его Челвик. — В противном случае я бы не смог тебя покинуть.

— Покинуть? Ты что, хочешь бросить меня тут? — испуганно воскликнул Селдон. — О, не делай этого! Ты тут все знаешь, а я ничего!

— С тобой рядом будут другие, кто знает этот мир, пожалуй, даже лучше меня. А мне пора. Я с тобой пробыл весь день, и время приняться за свои дела. Мне нельзя привлекать к себе излишнего внимания. Не забывай, мне ведь тоже может грозить опасность, не меньше, чем тебе.

Селдон смутился и покраснел.

— Ты прав. Действительно, не можешь же ты из-за меня бесконечно рисковать. Надеюсь, пока ничего страшного не случилось?

Челвик пожал плечами:

— Кто знает? Мы живем в тревожные времена. Ты только

помни: если и есть на свете кто-то, кто может сделать их менее тревожными — пусть не для нас, пусть для тех, кто придет после нас, — то этот кто-то — ты, Селдон. И не расставайся с этой мыслью, Селдон. Пусть она тебе поможет.

17

Заснуть Селдону не удалось. Он ворочался в темноте с боку на бок и все думал, думал... С того мгновения, как Челвик коротко кивнул ему на прощание, быстро пожал руку и вышел, Селдону стало так одиноко и тоскливо, как до сих пор не было никогда. Он остался один-одинешенек в совершенно чужом мире, на незнакомом островке этого мира. Тот единственный, кого он уже был готов назвать своим другом, покинул его, а он даже не представлял, куда податься и чем заняться и завтра, и потом...

От таких мыслей заснуть было просто невозможно, но, конечно, именно тогда, когда Селдон решил, что ему предстоит бессонная ночь, усталость взяла свое, и он провалился в сон.

Когда он проснулся, было еще темно — вернее, не совсем темно, поскольку мелькал красноватый свет и раздавалось странное прерывистое жужжание. Наверняка эти звуки и вспышки и разбудили математика.

Пока он отчаянно пытался вспомнить, где находится, вспышки и жужжание прекратились, раздался настойчивый стук.

Скорее всего стучали в дверь, но Селдон даже не мог вспомнить, в какой она стороне и где выключатель.

Он сел на постели и принялся шарить пальцами по стене в поисках выключателя, приговаривая:

— Подождите минуточку, пожалуйста!

Наконец пальцы его нащупали кнопку, он нажал ее, и комната тут же озарилась мягким светом.

Сонно моргая, Селдон слез с кровати, поискал глазами дверь, нашел, собрался было открыть, но тут вспомнил об осторожности и холодно, серьезно спросил:

— Кто там?

Очень приятный женский голос ответил ему:

— Меня зовут Дорс Венабили, мне нужен доктор Гэри Селдон.

Не успела она договорить, как оказалась в комнате, у двери, которую Селдон еще не успел открыть.

Мгновение Селдон смотрел на нее не отрываясь, потом в ужасе вспомнил, что на нем, кроме трусов, ничего нет. Он испуганно вобрал в себя воздух и бросился к кровати. Оглянувшись, он понял, что видит перед собой всего-навсего голограмму. Изображению немного недоставало реальности, и вдобавок женщина вовсе не смотрела на Селдона. Видимо, она предъявила свое изображение, чтобы Селдон увидел, что она именно та, за кого себя выдает.

Селдон с трудом перевел дыхание и сказал довольно громко, чтобы его голос был слышен за дверью:

— Если вы подождете, я впущу вас. Мне нужно... примерно полчаса.

Женщина, или, по крайней мере, ее голограмма, ответила:

— Хорошо, я подожду, — и исчезла.

Душа не было, поэтому Селдон кое-как помылся над раковиной. Тюбик с пастой был, а щетки не было, пришлось вычистить зубы пальцем. Выбирать не приходилось — Селдон облачился в подаренную Челвиком одежду и наконец отпер дверь.

Всякие мысли вертелись у него в голове, однако он успел сообразить, что женщина сказала о себе крайне мало. Подумаешь, имя назвала. Челвик его не предупредил, кто к нему может заглянуть. Дорс ли эта самая, как ее там, или кто другой. Он-то решил, что можно без опасений открыть дверь, раз там просто симпатичная молодая женщина, но кто знает, вдруг, кроме нее, там целый взвод дюжих молодцов?

Селдон осторожно выглянул в щелочку, убедился, что женщина одна, никого с ней нет, и открыл дверь пошире, пропуская гостью в комнату. Как только она вошла, Селдон тут же захлопнул и запер дверь.

— Простите, а который час? — спросил он.

— Девять, — ответила женщина. — День давно начался.

В отношении времени Трентор придерживался Галактического стандарта, поскольку только так можно было вершить дела в области межзвездной торговли и межправительственных контактов. Но помимо этого в каждом мире существовала

своя, местная система измерения времени. А Селдон пока еще не успел свыкнуться с тем, что такое «час» по-тренториански.

— Середина утра? — уточнил Селдон.

— Верно, — ответила женщина.

— Да, долго я проспал, — смутился Селдон и тут же добавил, защищаясь: — Просто тут нет окна, понимаете?

Дорс подошла к кровати, протянула руку и коснулась пальцами небольшой черной точки на стене. На потолке, прямо над подушкой, тут же загорелись красные цифры: 09.03.

Улыбнувшись открыто и искренне, она проговорила:

— Простите меня. Я думала, что Четтер Челвик предупредил вас о том, что я зайду в девять. Прямо беда с ним. Он так привык к тому, что все всё знают, что даже и мысли не допускает о том, что кто-то порой все-таки может чего-то не знать... Видимо, я зря воспользовалась радиоголографической системой идентификации. По всей вероятности, вы с этим незнакомы, и я вас, наверное, напугала.

Селдон сразу успокоился. Женщина вела себя на редкость искренне и дружелюбно, а как только прозвучало имя Челвика, все встало на свои места.

— Что касается радиоголографии, мисс...

— Зовите меня просто Дорс.

— Так вот, Дорс, что касается радиоголографии, вы не правы. Ею пользуются на Геликоне, и я знаю, что это такое, просто мне такая роскошь была не по карману, да и не только мне, всем людям моего круга, поэтому, так сказать, в руках я этой штуки не держал. Но я все понял и не испугался, уверяю вас.

Селдон рассматривал гостью. Роста она была невысокого, прямо скажем — среднего. Волосы — золотисто-рыжие, скорее — медные, ровно и красиво вьющиеся, довольно коротко стриженные. (Женщины с такими стрижками уже попадались Селдону на Тренторе. Видимо, такие прически были сейчас в моде. На Геликоне же даму с подобной стрижкой подняли бы на смех.) Особой красотой лицо Дорс не блистало, но отличалось удивительной миловидностью. Вероятно, этому в немалой степени помогали мягкие, пухлые губы, готовые в любую минуту расплыться в улыбке. Дорс была стройна, пропорционально сложена и на вид довольно молода. («Слишком молода, — подумал про себя Селдон, — чтобы на нее можно было положиться».)

— Вы решили мне инспекцию учинить? — кокетливо поинтересовалась Дорс. (Похоже, у нее, как и у Челвика, был врожденный талант к чтению чужих мыслей, а может быть, Селдон начисто был лишен способности скрывать свои.)

— Простите, — смущенно ответил Селдон. — Вышло, что я вас вроде бы разглядываю, а я просто задумался. Поймите, здесь все чужое для меня, у меня здесь совсем нет друзей.

— Прошу вас, доктор Селдон, считайте меня своим другом. Мистер Челвик велел мне о вас заботиться.

Селдон усмехнулся:

— Боюсь, вы для такой заботы слишком молоды.

— Вы скоро убедитесь, что это не так.

— Ну что ж, постараюсь доставлять вам как можно меньше хлопот. Если вам не трудно, повторите, пожалуйста, ваше имя.

— Дорс Венабили, — старательно выговаривая буквы, повторила женщина, сделав подчеркнутое ударение на втором слоге фамилии. — Как я уже сказала, звать меня можете просто Дорс, обращаться можете на «ты». Я надеюсь, вы не будете против, если я буду звать вас Гэри? Здесь, в Университете, мы не уделяем большого внимания формальностям, и все стараются никоим образом не подчеркивать ни должности, ни ученого звания.

— Конечно, никаких возражений. Зовите... зови меня Гэри.

— Отлично. Ну, теперь дальше, без формальностей. Так... инстинкт подсказывает, что при соблюдении правил этикета я должна была бы попросить разрешения сесть. Ну а раз мы от формальностей отказались, я просто сяду, и все.

И Дорс уселась на единственный стул.

Селдон прокашлялся.

— Прости, пожалуйста. На самом деле это я должен был предложить тебе сесть. Что же это я...

Он уселся на краешек неприбранной кровати. Ему было жутко не по себе, и он принялся, стараясь делать это незаметно, разглаживать складки одеяла...

Дорс, казалось, ничего не замечала.

— Значит, так, Гэри, для начала мы позавтракаем в одном из университетских кафе. Затем я устрою тебя в общежитии — там комнаты намного удобнее, чем эта. Кстати, там будет и окно. Челвик попросил меня позаботиться о том, чтобы тебе была выдана кредитная карточка с его счета. На это мне понадобится день-два. Тут у нас народ въедливый. А пока все твои расходы буду оплачивать я, потом сочтемся. Потом... У нас найдется для тебя работа. Четтер Челвик сказал мне, что ты — математик, а у нас сейчас по кое-каким причинам хороших математиков как раз не хватает.

— А Челвик сказал, что я — *хороший* математик?

— Конечно, так и сказал. Еще он сказал, что ты — исключительный человек. Выдающийся.

— Ну, знаешь... — Селдон уставился на свои ногти. — Это, спору нет, приятный комплимент, но ведь с Челвиком мы только сегодня познакомились, а чуть раньше он слышал мой доклад, о качестве которого он, не будучи специалистом, судить может лишь весьма приблизительно. Думаю, он так сказал просто из вежливости.

— А я так не думаю, — покачала головой Дорс. — Он и сам человек необыкновенный, и у него огромный опыт общения с людьми. Я его мнению верю. Как бы то ни было, у тебя будет возможность доказать, на что ты годишься. Надеюсь, ты с компьютером управляться умеешь?

— Конечно.

— Я имею в виду обучающие компьютеры. Ты умеешь составлять программы для обучения различным разделам современной математики?

— Да. Я этим занимался постоянно. В Геликонском университете у меня должность старшего преподавателя кафедры математики.

— Знаю, — кивнула Дорс. — Челвик говорил. Правда, когда об этом узнают, все поймут, что ты не с Трентора, но особых сложностей возникнуть не должно. Здесь, в Университете, и тренторианцев хватает, но есть сотрудники и студенты из самых разных миров, и никто на них косо не смотрит. Не хочу сказать, что ты прямо-таки не столкнешься ни с какими разговорчиками на тему о том, кто с какой планеты, но должна тебе честно сказать: провинциалы на такое брюзжание гораздо более падки. Между прочим, я и сама — не местная.

— Правда? — воскликнул Селдон, тут же смутился, но решил, что ничего невежливого не будет, если он спросит, откуда родом Дорс. — Откуда же ты, если не секрет?

— С Цинны. Слыхал про такую?

Врать бесполезно, решил Селдон, и честно ответил:

— Нет.

— Ничего удивительного. Моя родная планета, пожалуй, еще менее известна, чем Геликон. Кстати, возвращаясь к вопросу о программировании... Насколько я понимаю, программу можно составлять либо хорошо, либо плохо.

— Ты совершенно права.

— А ты можешь составить такую программу хорошо?

— Надеюсь, сумею.

— Вот и отлично. Университет тебе за это заплатит. А теперь пойдем позавтракаем. Как спалось, кстати говоря?

— Как ни странно, я уснул.

— А есть хочешь?

— Хочу, только...

Селдону стало неловко.

— Понятно, — улыбнулась Дорс. — Тебя беспокоит качество пищи. Не волнуйся. Мне твои страдания вполне понятны, я ведь тоже не тренторианка и сама через это прошла. В Университете очень неплохой выбор блюд. По крайней мере, в преподавательских столовых. Студентам приходится потуже, но тут считают, что они таким образом закаляются.

Дорс встала и направилась к двери. Вопрос Селдона остановил ее на полпути.

— А ты — преподавательница, Дорс?

Она обернулась и укоризненно улыбнулась:

— Что, слишком молодо выгляжу? Докторскую диссертацию я защитила два года назад, еще на Цинне, и с тех пор работаю здесь. Через две недели мне стукнет тридцать.

— Извини, пожалуйста, — улыбнулся Селдон в ответ. — Выглядишь ты на двадцать четыре, так что поневоле возникают сомнения относительно наличия у тебя ученой степени.

— А ты, оказывается, умеешь делать комплименты, — покачала головой Дорс, и Селдону сразу стало легко. «Все будет хорошо, — решил он. — Вот я уже флиртую с очаровательной женщиной, значит, все будет хорошо».

18

Дорс оказалась права. Завтрак был совсем недурен. В одном из блюд явно присутствовали свежие яйца, мясо было прекрасно зажарено. Какао (на Тренторе обожали какао, и Селдон не

имел ничего против этого), наверное, было синтетическое, но вкусное, а булочки — просто прелесть!

Селдон не мог не поделиться впечатлениями:

— Замечательный завтрак. И еда отличная, и обстановка.

— Рада, что тебе понравилось, — улыбнулась Дорс.

Селдон разглядывал столовую. Вдоль одной из стен шел ряд окон, и хотя в них проникал не настоящий свет, а искусственное освещение, Селдон и ему был рад и скоро перестал огорчаться отсутствию солнечных зайчиков на полу. За окнами было очень светло: видимо, сегодня местный климатический компьютер почему-то решил, что пора устроить ясный погожий денек.

Столики были рассчитаны на четверых, большинство мест было занято, но к Дорс и Селдону никто не подсел. Все вежливо кланялись, но усаживались за другие столики. Наверняка это было делом рук Дорс, очевидно, она хотела, чтобы они с Гэри завтракали в одиночестве, но, как ей это удалось, Селдон никак не мог понять.

— Дорс, — сказал он, — ты пока не познакомила меня ни с кем из математиков.

— Просто пока никого не заметила из знакомых. У большинства математиков рабочий день начинается рано, с восьми часов — занятия. Лично мне кажется, что это из-за того, что студенты так сильно любят математику, что стремятся покончить с ней как можно раньше.

— Наверное, это из-за того, что ты сама — не математик.

— Да, уволь, только не это! — рассмеялась Дорс. — Я историк. У меня уже вышло несколько статей по истории Трентора эпохи расцвета — не теперешнего, а времени, когда тут только зарождалось королевство. Я думаю, на этом мои изыскания и остановятся по времени. Тренторианское Королевство.

— Замечательно! — воскликнул Селдон.

— Замечательно? — удивилась Дорс. — Тебя что, интересует это время?

— В некотором роде, да. И это, и другие тому подобные вещи. Я ведь никогда серьезно историей не занимался, а теперь придется.

— Придется? Почему? Если бы ты изучал историю, у тебя бы не хватило времени на математику. А математики так нужны, особенно у нас в Университете. Историков тут — выше

крыши. И экономистов полно, и социологов, и политологов, а вот с математиками — прямо беда. Четтер Челвик как-то говорил со мной об этом. Он сказал, что это свидетельство упадка науки. Похоже, он думает, что это явление носит всеобщий характер.

— Ты меня не так поняла, — покачал головой Селдон. — Говоря об изучении истории, я вовсе не имел в виду, что собираюсь сделать ее делом всей жизни. Нет, мне просто нужно расширить свои познания в этой области. Это необходимо мне для проведения математических исследований. Я специализируюсь в математическом анализе социальных структур.

— Звучит кошмарно.

— Согласен. Это ужасно сложно, и пока я не узнаю побольше о том, как протекало развитие человеческих сообществ, социальных формаций, моя работа просто безнадежна. Пока я получил всего-навсего статичную картину, понимаешь?

— Нет, не понимаю, потому что для меня это пока — пустой звук. Четтер мне сказал, что ты разрабатываешь что-то такое, что зовется психоисторией, и что это очень важно. Правильно я назвала? Психоистория?

— Правильно. Сначала я хотел назвать эту науку «психосоциология», но слово показалось мне уж очень неуклюжим. Может быть, я уже тогда инстинктивно чувствовал, что без истории мне не обойтись, но сознательно — нет, это я точно помню.

— Пожалуй, «психоистория» действительно звучит приятнее, но только я все равно понятия не имею, что это такое.

— Я сам, честно говоря, понятие имею весьма приблизительное, — признался Селдон и умолк, глядя в глаза Дорс и думая о том, что общество такой милой женщины, вероятно, приятно скрасит его неожиданную ссылку. Он вспомнил о той женщине, которую знал и любил, но заставил себя не думать о ней. Если и суждено ему когда-нибудь обрести подругу жизни, то это будет такая женщина, которая поймет, что значит преданность науке и чего эта преданность требует от человека.

Решив перевести разговор на другую тему, Селдон проговорил:

— Послушай, Дорс, Челвик говорил мне, что правительство совершенно не вмешивается в университетские дела. Это правда?

— Правда.

Селдон недоверчиво покачал головой:

— Даже не верится. Просто невероятно! У нас на Геликоне высшие учебные заведения такой независимостью похвастаться не могут.

— На Цинне тоже. Таких заведений во всей Галактике — по пальцам сосчитать можно. На Тренторе — дело другое.

— Но почему?

— Потому что здесь — столица Империи. Университеты пользуются здесь необыкновенным престижем. Да, специалистов выпускают все Университеты, но только здесь, на Тренторе, осуществляется обучение и выпуск административных кадров для Империи, чиновников высших рангов, тех самых миллионов управленцев, которые тянут за собой щупальца Империи и дотягивают их до самых дальних уголков Галактики.

— Я, правду говоря, статистики не читал...

— Поверь мне на слово. Считается, что крайне важно, чтобы у имперских администраторов воспитывалось чувство общности, чувство ответственности за судьбу Империи. И конечно, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы все они поголовно были коренными тренторианцами — иначе другие миры обидятся и забеспокоятся, не дай бог. А поэтому Трентор старается завлекать сюда как можно больше студентов из других миров. И совершенно неважно, откуда приезжает студент, с каким акцентом разговаривает, какова культура его родной планеты, лишь бы только он побыстрее ассимилировался на Тренторе и стал отождествлять себя с тренторианской системой образования. Это в значительной степени способствует консолидации Империи, и провинциальные миры ведут себя намного спокойнее оттого, что значительная часть управленцев, представителей имперского правительства — это их земляки.

Селдон задумался. Такое ему и в голову не приходило. «Можно ли считаться великим математиком, — подумал он, — если ничего, кроме математики, не знаешь?»

— А то, о чем ты рассказала, — общеизвестно? — спросил он.

— Наверное, — немного подумав, ответила Дорс. — Хотя... люди стараются не знать больше того, что им положено, и спе-

циалисты в конкретной области за ее рамки, как правило, не выбираются и изо всех сил стараются закрыться от информации, которую считают посторонней, ненужной.

— Но ты тем не менее *знаешь* об этом.

— Да, но это — моя специальность. Я — историк, специалист по Королевскому Трентору, а ведь именно принципы управления, разработанные в то время, в немалой степени способствовали превращению Королевства в Империю.

Селдон пробормотал, обращаясь больше к самому себе:

— Как опасно разбрасываться... Как будто делаешь надрезы на теле знания и оставляешь их кровоточить.

— А что делать? — пожала плечами Дорс. — Но, видишь ли, раз уж Трентор так старательно привлекает провинциалов к обучению в здешних Университетах, он вынужден дать им что-то взамен за то, что люди оторвались от своих корней и попали в незнакомый, чужой мир, где все насквозь искусственное. Я здесь уже два года и до сих пор не привыкла. Может быть, никогда не сумею привыкнуть. Но, с другой стороны, я же не в администраторы готовлюсь, а потому мне нет нужды впитывать тренторианский дух.

И потом, Трентор предлагает взамен не только высокое положение, власть и деньги в перспективе, но еще и свободу. Покуда студенты учатся, они имеют право критиковать правительство, даже устраивать мирные демонстрации протестов, разрабатывать собственные теории, высказывать любые точки зрения. Это выглядит настолько привлекательно, что многие прилетают сюда именно из-за этого — жаждут испытать ощущение свободы.

— А это, — кивнул Селдон, — тоже способ оказания давления. Тут они выпускают весь пар, успевают наиграться в революцию, а к тому времени, когда занимают свое место в имперской иерархии, они уже готовы погрузиться в комфорт, благосостояние и послушание.

— Скорее всего ты прав, — согласилась Дорс. — Как бы то ни было, правительство делает все возможное для поддержания духа свободы и вольнодумства в Университетах. И это очень хитрая, очень умная игра.

— Дорс, ты сказала, что не готовишься в администраторы. А кем ты собираешься стать?

— Историком, конечно. Я буду преподавать историю, писать книги и создавать обучающие программы на их материале.

— Положение не слишком высокое, как я понимаю?

— Главное, что мне не светят большие деньги, Гэри, что гораздо более важно. Что же касается положения... Знаешь, это такая чехарда, мне в эти игры влезать совершенно не хочется. Много я повидала людей на высоких постах, да вот счастливых среди них как-то не попадалось. Пост — это не стул, прибитый к полу. Приходится все время следить за тем, чтобы его из-под тебя не выбили. Даже Императорам в этом смысле приходится порой туговато. В один прекрасный день я просто вернусь на Цинну и стану профессором.

— И учеба на Тренторе поможет тебе занять подобающее положение.

Дорс рассмеялась.

— Может быть, да только кому до этого будет дело на Цинне? Это ужасно скучный мир — сплошные фермы и стада скота — четвероногого и двуногого.

— Наверное, после Трентора тебе там покажется еще скучнее.

— Да, я об этом думала. Ну, если заскучаю, я всегда смогу позволить себе попутешествовать и заняться историческими исследованиями. В этом и состоит преимущество моей профессии.

— А бедному математику, — проговорил Селдон с горечью и сам себе удивился, — только и остается, что сидеть за компьютером и только о компьютере думать и говорить...

Селдон смутился. Завтрак был окончен, и, наверное, у Дорс были намечены какие-то свои планы.

Однако она вроде бы никуда не спешила.

— Ну? Что ты там сказал про компьютеры?

— Ты сможешь раздобыть для меня разрешение поработать в исторической библиотеке?

Теперь настала очередь Дорс растеряться.

— Думаю, это можно будет устроить. Если ты займешься математическим программированием, значит, должность твоя будет — внештатный сотрудник факультета. Я попрошу, чтобы тебе выдали пропуск. Но...

— Но?

— Мне не хотелось бы тебя обидеть, но ты сам сказал, что

ты — математик и в истории ничего не понимаешь. Ты уверен, что сможешь разобраться в исторической библиотеке?

Селдон улыбнулся.

— Надеюсь, компьютеры у вас там такие же, как в математической библиотеке?

— Это так, однако программы по любой отрасли науки отличаются своими хитростями. Ты незнаком со справочниками, с методами скоростного поиска. Не сомневаюсь, ты способен найти гиперболический интервал с завязанными глазами...

— Ты, наверное, хотела сказать: «интеграл», — осторожно уточнил Селдон.

— ...но зато, — продолжала Дорс, не обратив никакого внимания на замечание, — на поиск условий мирного договора в Полдарке у тебя уйдет полтора дня.

— Надеюсь, я смогу научиться там работать.

— Научишься, если... — проговорила Дорс, слегка нахмурившись. — Слушай, давай так: я даю тебе недельный инструктаж, по часу каждый день, бесплатно, и обучаю пользоваться библиотекой. Обычно такой инструктаж проводят со студентами-первокурсниками. Надеюсь, твоя гордость не будет слишком сильно уязвлена — то есть ты выдержишь обучение рядом с первокурсниками? Курс начнется через три недели.

— Но ты могла бы дать мне частные уроки, — сказал Селдон почти умоляюще и смутился.

Это не укрылось от Дорс.

— Могла бы, но мне кажется, что тебе лучше будет пройти официальный курс. Занятия будут проводиться в библиотеке, и к концу недели будет нечто вроде экзамена: тебе придется отыскивать информацию по тому или иному вопросу истории. У тебя возникнет нечто вроде соревнования с другими студентами, и это пойдет тебе на пользу. Частные уроки такого эффекта не дадут, поверь. Правда, если ты будешь отставать от первокурсников, твое самолюбие пострадает. Но не забывай, они уже успели пройти начальный курс истории, в отличие от тебя.

— Да, я такого курса не проходил. Но я не боюсь состязаний и вовсе не возражаю против ударов по самолюбию. Главное — научиться искать информацию по истории.

Селдон понимал, что ему все больше нравится эта женщина, и он с радостью думал о перспективах учиться у нее. Понимал он также, что в его мыслях произошел коренной переворот.

Он обещал Челвику попытаться разработать метод практического применения психоистории, но это обещание дал его разум, а не чувства. Теперь он был готов схватить психоисторию за горло, если понадобится, но во что бы то ни стало внедрить ее в практику. Вероятно, виной такой перемены в его мыслях стала Дорс Венабили.

Но, может быть, Челвик как раз на это и рассчитывал? «Он, — решил Селдон, — не просто выдающийся человек, он — гений».

19

Клеон Первый закончил обед — увы, для него и обед являлся делом государственной важности. Это значило, что ему даже во время еды приходилось разговаривать со всевозможными чиновниками, никто из которых ему, кстати говоря, не был знаком. Каждому из них Император обязан был сказать одну-другую одобрительную и ободряющую фразу, тем самым укрепив в сердце каждого верность Империи и короне. Это значило также, что пищу ему подавали остывшую, а когда он наконец приступал к еде, все блюда были холодны как лед.

Клеон страдал и никак не мог придумать способ спасения. Может, стоило сначала обедать в одиночестве или с самыми близкими, а уже потом являться на официальный обед, где бы ему подали... ну скажем, заморскую грушу? О, как он любил груши... А вдруг тогда высокие гости возьмут и обидятся, решив, что Император брезгует делить с ними трапезу?

Являться с женой? О нет, от нее вреда больше, чем пользы. Когда Клеон взял ее в жены, ее род угасал и, естественно, питал надежды на возрождение за счет союза с Императором. Клеон, однако, надеялся совсем на другое: он очень хотел, чтобы угасла хотя бы та представительница рода, на которой он женился. Он предоставил супруге возможность жить в свое удовольствие на ее половине Дворца и лишь изредка навещал ее для выполнения супружеских обязанностей, хотя в этой роли она ему совсем не нравилась. Теперь же, когда их отношения в этом плане и вовсе прекратились, он совсем перестал наведываться к жене.

Клеон разгрыз один из горстки орешков, которые успел прихватить со стола, и крикнул:

— Демерзель!

— Сир?

Демерзель всегда являлся по первому зову. То ли постоянно подслушивал у замочной скважины, то ли старался не уходить далеко, чувствуя, что может понадобиться в любую минуту, — непонятно, однако дело обстояло именно так: он являлся по первому зову, и Клеон ценил это. Правда, бывали случаи, когда Демерзель куда-то удалялся по важным делам, и тогда Клеон страдал от его отсутствия.

— Ну, что там с этим математиком? Запамятовал, как его зовут.

Демерзель прекрасно понял, кого имеет в виду Император, но решил выждать и выяснить, что Император запомнил, а потому невинно поинтересовался:

— О каком математике вы говорите, сир?

Клеон нервно взмахнул рукой:

— Ну, этот, предсказатель будущего. Тот, который приходил ко мне.

— Тот, за которым мы посылали, сир?

— Ну да, посылали, какая разница? Он же все равно приходил? Ты собирался приглядеть за ним, если не ошибаюсь? Ну и как дела?

Демерзель прокашлялся и сообщил:

— Да, сир, собирался.

— Ага! Собирался, но не приглядел, так?

Как ни странно, Клеон ощутил некоторое злорадное удовлетворение. Демерзель был единственным из его министров, которому всегда все удавалось. Остальные, правда, никогда не признавались в неудачах, но оттого, что неудачи сыпались, как горох, исправлять их последствия становилось все труднее. Видимо, Демерзель слишком редко ошибался и потому мог позволить себе быть честным. «Если бы не Демерзель, — подумал Клеон, — я бы и знать не знал, что такое честность».

А еще он подумал: «Наверное, все Императоры прожили жизнь, потонув в море вранья, и именно поэтому Империя...»

Демерзель молчал, и Клеон, прогнав набежавшие мысли, поторопил его с ответом:

— Ну что, ты потерпел фиаско? Говори!

— Да, сир, в некотором роде, — нисколько не смутившись, отвечал Демерзель. — Мне показалось, что оставлять его на Тренторе, где обстановка и так... словом, мне показалось, что он может доставить нам кое-какие проблемы. Можно было бы махнуть на него рукой — ведь он собирался на следующий же день вернуться домой, но мало ли что... вдруг бы он передумал и остался на Тренторе... Словом, я все устроил так, что двое бродяг должны были впихнуть его в звездолет в этот же день.

— Ты что, якшаешься с бродягами, Демерзель? — удивился Клеон.

— Видите ли, сир, приходится. Дела бывают разные, и люди нужны тоже разные, не только бродяги. Но, увы, им не удалось выполнить мое поручение.

— Это почему же?

— Вы не поверите, сир. Селдон побил их обоих.

— Как? Математики умеют драться?

— По всей видимости, математика и драка — не взаимоисключающие понятия. Вскоре я выяснил, что у себя на родине Селдон в этой области знаменит. То, что я не узнал об этом заранее, сир, и есть моя большая ошибка, и я умоляю вас простить меня за это.

— Полагаю, что математик отправился домой не в этот день, а на следующий, как и собирался?

— К несчастью, этого не произошло. После драки он почему-то решил не возвращаться на Геликон. То ли какой-то прохожий, бывший свидетелем потасовки, дал ему такой совет, то ли... словом, он остался на Тренторе. Таково еще одно осложнение.

Император нахмурился.

— Стало быть, наш математик... как же его зовут-то?

— Селдон. Гэри Селдон.

— Стало быть, этот Селдон теперь недосягаем?

— В каком-то роде, сир, в каком-то роде... Мы за ним проследили. В данное время он находится в Стрилингском Университете. Там он в неприкосновенности.

Император фыркнул, лицо его покраснело.

— До чего же я терпеть не могу это слово — «неприкосновенность»! Не должно в Империи быть таких уголков, куда бы не дотянулись наши руки! А ты мне заявляешь, что прямо

здесь, на Тренторе, кто-то пребывает в неприкосновенности! Возмутительно!

— До Университета ваши руки, сир, могут дотянуться. Как только захотите, можете послать туда войска и выдернуть оттуда этого Селдона. Однако это... гм-м-м... нежелательно.

— Ты еще скажи «неосуществимо», Демерзель! Ты мне сейчас как раз этого самого математика напоминаешь. Точно так же он разглагольствовал о предсказании будущего. «Возможно, но неосуществимо». Что же я за Император? Все могу в принципе, а на самом деле не могу ничего! Не забывай, Демерзель, если до Селдона добраться невозможно, то до тебя как раз таки очень легко!

Последнюю фразу Демерзель молча проглотил. Он, «человек, стоящий за троном», прекрасно знал, что Императору без него не обойтись, и подобные угрозы слышал уже не раз. Он молчал и ждал, пока страсти улягутся. Побарабанив кончиками пальцев по подлокотнику кресла, Клеон спросил:

— Ну ладно, какой нам прок от этого математика, если он попал в Стрилингский Университет?

— Как ни странно, сир, нет худа без добра. Весьма вероятно, что именно в Университете он решит поработать над своей психоисторией.

— Да? Несмотря на то что с пеной у рта утверждает, что ее нельзя применить на практике?

— Он может ошибаться и может понять, что ошибается. А как только он это поймет, мы предпримем попытку выцарапать его из Университета. Очень может быть, что он сам нас об этом попросит.

Император глубоко задумался.

— А что, если кому-то взбредет в голову, — спросил он после паузы, — выцарапать его оттуда раньше нас?

— Кому же это может взбрести в голову, сир? — тихо спросил Демерзель.

— Да хотя бы мэру Сэтчема, если на то пошло! — рявкнул Клеон. — Он до сих пор лелеет мечту захватить власть над Империей!

— Он постарел, сир. Пороху не хватит.

— Не обольщайся, Демерзель.

— Но у нас нет никаких причин полагать, что он вообще

интересуется Селдоном. Скорее всего он и знать о нем не знает.

— Ну-ну, Демерзель. Раз мы знаем о докладе Селдона, почему бы в Сэтчеме о нем не слыхали? Раз мы понимаем, что Селдон — не пешка, почему бы этого не понимали в Сэтчеме?

— Если до этого дойдет... Нет, если появится хоть какая-то опасность, сир, мы успеем принять серьезные меры.

— Насколько серьезные?

Демерзель осторожно проговорил:

— Скажем так, сир: чем отдавать Селдона в Сэтчем, лучше сделать так, чтобы он не достался никому. Лучше прекратить его существование.

— То есть — убить?

— Если вам так больше нравится, сир, — с поклоном ответил Демерзель.

20

Гэри Селдон раздраженно откинулся на спинку кресла, стоявшего в алькове его новой комнаты, выделенной для него стараниями Дорс Венабили. Настроение у него было самое паршивое.

«Паршивое настроение» — так он сам определил свое состояние, а на самом деле все обстояло гораздо хуже — он был просто в бешенстве. А самое главное — он не понимал, из-за чего именно. Из-за того, что узнал об истории? Из-за творцов и компиляторов этой самой истории? Или причиной его ярости стали миры и люди, создавшие историю?

Однако, видимо, дело было не в том, на кого он изливал свой гнев. Главное — все его заметки оказались абсолютно бесполезны, новообретенные знания — тоже, все бесполезно, все!

Он находился в Университете целых шесть недель. За компьютер он засел с самого начала и сразу начал работать — без всяких инструкций, полагаясь только на собственную интуицию, развившуюся в течение многолетней работы. Работал он медленно, часто спотыкался, но находил даже некоторое удовольствие в том, что до всего доходил сам и сам отыскивал ответы на поставленные вопросы.

Потом начались занятия под руководством Дорс, которые

принесли ему немало полезного, но понервничать заставили не на шутку. Во-первых, его смущали взгляды, которые на него бросали студенты. Их, по всей вероятности, забавлял возраст Селдона, и всякий раз, когда Дорс, обращаясь к нему, называла его «доктором», многие усмехались.

— А я нарочно это подчеркиваю, — объявила Дорс. — Не хочешь же ты, чтобы они тебя считали двоечником, вечным студентом, который никак не может ликвидировать задолженность по истории?

— Ты наверняка преувеличиваешь. Может быть, они вовсе так не думают. Мне кажется, ты могла бы меня просто Селдоном называть.

— Нет, — покачала головой Дорс и неожиданно улыбнулась. — И потом, мне самой нравится, как звучит «доктор Селдон». Ужасно забавно смотреть, как ты всякий раз морщишься.

— У тебя извращенное чувство юмора. Садистское.

— Хочешь меня перевоспитать?

Селдон, сам не зная почему, рассмеялся. Конечно, кому приятно, когда тебя обзывают садистом? Но ему понравилось, как Дорс парировала его атаку. Немного подумав, он спросил:

— Послушай, у вас в Университете в теннис играют?

— Корты есть, но я сама не играю.

— Отлично. Поиграй со мной, и, пока будем играть, я буду называть тебя «профессор Венабили».

— Но ты так и обращаешься ко мне на занятиях!

— А ты посмотришь, как это замечательно будет звучать на теннисном корте.

— А вдруг мне понравится?

— Тогда я придумаю что-нибудь еще... Не думаю, чтобы такое обращение понравилось тебе во всех обстоятельствах.

— У тебя тоже специфическое чувство юмора. Непристойное.

— Хочешь меня перевоспитать? — продолжил обмен ударами Селдон.

Она только улыбнулась в ответ. Потом, когда они встретились на теннисном корте, оказалось, что Дорс играет совсем недурно.

— Ты действительно раньше не играла? — спросил Селдон после первой партии.

— Ни разу, — ответила Дорс.

Остальные переживания носили более или менее личный характер. Познакомившись с элементарной методикой исторического поиска, Селдон проклял все свои предыдущие попытки самостоятельно поработать с компьютером. Оказалось, что поиск информации по истории требует в корне иного подхода, чем тот, который он привык применять в математике. И тут и там большую роль играла логика, однако в историческом поиске логика была нужна совсем другая, не такая, какой привык пользоваться Селдон.

Но как бы то ни было — и до инструктажа, и после него, быстро ли он работал или спотыкался на каждом шагу — никаких результатов, просто никаких!

Он нервничал, и это чувствовалось даже на теннисном корте. Дорс довольно скоро освоилась, и он перестал посылать ей легкие мячи, давая время на обдумывание. Совершенно позабыв, что перед ним — новичок, Селдон разошелся и принялся осыпать Дорс резаными ударами, вкладывая в них всю переполнявшую его злость.

Дорс подошла к сетке и сказала:

— Я понимаю, тебе хочется убить меня. Видимо, тебя жутко злит, что я так часто пропускаю мячи. Ну и что же ты промазал, в таком случае? Последний мяч пролетел в трех сантиметрах от моей головы. Целься получше, что же ты?

Селдон смутился, забормотал что-то невнятное.

— Слушай, — сказала Дорс. — Пожалуй, на сегодня хватит. Давай-ка примем душ и пойдем выпьем чаю или еще чего-нибудь, и ты мне расскажешь, кого ты на самом деле хотел убить. Если ты целился не в мою бедную головушку, надо выяснить, в кого ты целился. Иначе я не стану больше играть с тобой. Мне страшно, честное слово.

За чаем Селдон признался:

— Дорс, я успел много чего просмотреть по истории. Пока я только просматривал материал, не углублялся. И тем не менее некоторые вещи стали очевидны. Во всех книгах речь идет примерно об одних и тех же событиях.

— Поворотных, ты хочешь сказать. Тех, на которых зиждется история.

— Ну, разве что так. Как будто все друг у друга списывали. В Галактике — двадцать пять миллионов миров. А в книгах упоминается, дай бог, двадцать пять.

— Видимо, дело в том, — предположила Дорс, — что ты читаешь книги по всеобщей истории. Загляни в исторические хроники отдельных миров. Ведь в каждом мире, каким бы маленьким он ни был, дети в школе учат родную историю и только потом узнают, что живут в огромной Галактике. Разве ты сам не знаешь сейчас больше о Геликоне, чем об истории расцвета Трентора или о хронике Великой Межзвездной Войны?

— Такие знания тоже грешат ограниченностью, — возразил Селдон. — Мне знакома география Геликона, история его заселения, история борьбы с ближайшими врагами — планетой Дженнисек. Учителя, правда, их врагами называть избегали, предпочитая называть «соперниками». Но я никогда не слыхал о том, чтобы Геликон внес хоть какой-то вклад в общегалактическую историю.

— Но, может быть, и на самом деле никакого вклада не было?

— Не надо, Дорс. Наверняка был. Может быть, Геликон и правда не принимал участия в крупных космических сражениях, может быть, там не было многолюдных восстаний, может быть, представители моей планеты не подписывали глобальных мирных договоров. Может быть, Геликон не стал ареной борьбы за создание там имперской базы. Но какое-то влияние Геликон *должен был* оказать. Хоть какое-то! Что бы и где бы ни происходило, это обязательно как-то отражается в других местах. А я никак не могу отыскать информацию, которая помогла бы мне... Вот посмотри, Дорс: возьмем математику. Все знания, накопленные человечеством за двадцать тысячелетий, можно отыскать с помощью компьютера. В истории все обстоит иначе. Историки копаются в знаниях и выбирают из них, но что самое поразительное, все выбирают одно и то же.

— Но, Гэри, — возразила Дорс, — математику придумали люди, и в этой науке все повинуется строгому, непререкаемому порядку. Одно следует из другого. Существуют определения, аксиомы, и все они всем известны. История — дело другое. В ней сконцентрированы поступки и мысли квадриллионов человеческих существ. Историки не могут работать иначе. Такая у нас работа — копаться и выбирать.

— Пусть так, — кивнул Селдон. — Но я обязан изучить *всю* историю, в противном случае мне никогда не удастся разработать законы психоистории.

— В таком случае, ты их никогда не разработаешь.

Разговор этот произошел вчера. И вот теперь Селдон сидел у себя в комнате. Еще один день потрачен впустую, а в ушах все время звучала сакраментальная фраза Дорс: «В таком случае, ты их никогда не разработаешь».

Собственно, таковы были его убеждения с самого начала, и если бы Челвик не убеждал его так страстно в обратном, если бы не разжег с такой силой в душе Селдона сомнения, Селдон до сих пор бы думал именно так.

Что же теперь? Почему сомнения до сих пор мучили его? Почему он так упорно искал ответа? Искал, но найти никак не мог.

Глава 5

НАВЕРХУ

ТРЕНТОР. *Крайне редки его описания снаружи, с орбиты. Трентор с давних времен представлялся людям миром внутренним, то есть таким, каким видели этот мир его обитатели. Однако внешняя поверхность Трентора существовала: до сих пор сохранились голографические снимки планеты, сделанные из космоса, и на них видны отдельные детали (см. рис. 14 и 15). Обратите внимание на то, что поверхность куполов, контуры большого города и слой атмосферы — то самое, что в те времена именовали «Верхом», это...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

21

И все-таки на следующий день Гэри Селдон снова отправился в библиотеку. Во-первых, потому, что дал обещание Челвику. Он обещал попробовать и просто не мог бросить начатое дело на полпути. Во-вторых, он и самому себе был кое-что должен. Ему не хотелось признавать собственное поражение. По крайней мере, пока. Нужно было идти до конца.

Итак, он углубился в просматривание каталога справочных изданий, в которые пока не успел заглянуть, и гадал, какие из них (а их было неисчислимое множество) могут пролить хоть

какой-то свет на мучившие его вопросы. Он уже был готов начать просматривать все справочники один за другим, когда в стену кабинки кто-то тихо постучал.

Селдон оторвал взгляд от терминала и увидел смущенную физиономию Лисунга Ранды, который глядел на него из-за перегородки. Селдон знал Ранду, их познакомила Дорс. Пару раз они вместе обедали.

Ранда, преподаватель психологии, был человеком невысокого роста, полным, круглолицым. Улыбка почти никогда не сходила с его лица. Кожа — желтоватого оттенка, глаза — узкие. Такая внешность, широко распространенная по всей Галактике, была Селдону не в новинку. Многие из великих математиков были родом из таких миров, и Селдон видел их голографические снимки. Правда, на Геликоне ни с кем из Восточников, как их называли, он лично знаком не был. Да-да, их все называли именно Восточниками, хотя никто не знал почему. Сами они не слишком радовались этому прозвищу, но опять-таки никто не знал почему.

— На Тренторе нас миллионы, — дружелюбно улыбаясь, сообщил Ранда в день их знакомства, когда Селдону при всем старании не удалось скрыть удивления. — Тут и Южан полно — темнокожих, курчавых. Видел Южан?

— На Геликоне — нет, — признался Селдон.

— На Геликоне — одни Западники, да? Вот скучища! Ну, это ладно. По мне, так все хороши.

После этого разговора Селдон задумался о том, почему существуют Восточники, Западники и Южане, но совершенно нет Северян. Он даже покопался на этот счет в справочниках, но ответа не нашел.

И вот теперь Ранда, всегда такой веселый, разглядывал Селдона с явной озабоченностью.

— Ты в порядке, Селдон? — спросил он.

— В порядке, — ответил Селдон. — А что?

— Да нет, ничего такого. Просто ты кричал.

— Я? Кричал? — недоверчиво поинтересовался Селдон.

— Не очень громко. Вот так примерно. — Ранда стиснул зубы и издал высокий гортанный звук. — Если я ошибаюсь, прости, что помешал.

Селдон опустил голову.

— Ничего, Ранда, не извиняйся. Я и правда иногда издаю

такие звуки, мне уже говорили. Ей-богу, бессознательно. Сам не замечаю.

— А *почему*, понимаешь?

— Почему? О, понимаю, конечно. От расстройства. От *разочарования!*

Ранда наклонился поближе и произнес вполголоса:

— Мы мешаем людям. Давай выйдем в вестибюль, пока нам не сделали замечания. Пойдем перекусим, что ли?

В кафе, после пары стаканов прохладительных напитков, Ранда спросил:

— Позволь задать тебе профессиональный вопрос: какова причина твоего разочарования?

— Причина разочарования? — пожал плечами Селдон. — Как у всех, наверное. Работаю, работаю, а результатов — ноль.

— Но ты же математик, Гэри. К чему тебе разочаровываться в исторической библиотеке?

— А ты там что делал?

— Я? Мимо проходил и услышал, как ты... стонешь. Ну, значит, судьба мне была там оказаться. И я не жалею об этом.

— Хотел бы я тоже просто проходить мимо... Видишь ли, дело в том, что я решаю одну математическую задачу: для ее решения необходимы кое-какие знания по истории, а у меня, боюсь, не очень-то хорошо идут дела.

Ранда посмотрел на Селдона с необычной серьезностью и сказал:

— Прости, если обижу, но... я просмотрел твое компьютерное досье.

— Мое досье? — воскликнул Селдон и покраснел. Похоже, он и вправду обиделся и рассердился.

— Ну вот, я тебя все-таки обидел... Погоди, не сердись. Понимаешь, у меня дядя — математик. Может, слыхал о таком: Кьяньто Ранда?

У Селдона дыхание перехватило.

— Правда? Он твой родственник?

— Да. Старший брат отца. Ужасно огорчался, что я не пошел по его стопам, ведь своих детей у него не было. Вот я подумал... наверное, он был бы рад узнать, что я подружился с математиком. Так хотелось похвастаться, понимаешь? Ну, вот я и решил покопаться в математической библиотеке, разузнать о тебе побольше.

— Ясно. А теперь уж моя очередь прощения просить. Хвастать тебе особенно не придется.

— А вот и нет! Я, конечно, ни слова не понял из того, о чем говорится в твоих работах, но их хвалят. А когда я просмотрел колонки новостей, то выяснил, что ты выступал на последнем Декадном конгрессе. Ну вот. Кстати, а что такое «психоистория»? Меня, конечно, прежде всего интересуют два первых слога.

— Понятно. Это словечко бросилось тебе в глаза.

— Да, и если я не круглый дурак, мне показалось, что ты можешь предсказать будущее течение истории.

Селдон устало кивнул.

— Ну, в общем и целом, это и есть то, что представляет собой психоистория, вернее — должна представлять.

— И это серьезно? — улыбнулся Ранда. — Не игра в «счастливый билетик»?

— Какой билетик?

— Ну, у меня на родине есть такая детская игра в предсказание будущего. Если будешь похитрее, можно здорово нажиться. Скажи, к примеру, какой-нибудь мамаше, что ее сынок разбогатеет, вырастет красавцем, и можешь быть уверен — отхватишь кусок пирога, а то и монетку в полкредитки. Мамаше совершенно неважно, будет так или не будет, ей одного обещания за глаза хватает.

— Понятно. Нет, никаких таких билетиков. Психоистория — чисто абстрактная наука. Исключительно абстрактная. Никакого практического применения у нее нет, за исключением...

— Ну, ну! Исключения — это всегда самое интересное.

— Ну, в общем, мне бы хотелось придумать для нее применение. Может быть, если бы я лучше знал историю...

— А-а-а... Так ты поэтому закопался в историю?

— Ну да. Только толку — чуть, — грустно кивнул Селдон. — История — совершенно необъятная штука, а правды в ней так мало.

— И это вызывает у тебя разочарование?

Селдон снова кивнул.

— Но, Гэри, ведь ты здесь всего несколько недель!

— Да, но все равно, мне уже понятно...

— Ничего тебе не может быть понятно за несколько недель. Можно всю жизнь проработать и ничего не добиться. Да что

там... Целые поколения математиков должны трудиться над этой проблемой...

— Лисунг, я отлично это понимаю, но мне от этого не легче. Мне обязательно нужно чего-нибудь добиться самому.

— Самоистязание ничего не даст. Может быть, тебе станет хоть немножко легче, если я приведу тебе пример. Есть один вопрос, над которым здесь бьются уже незнамо сколько времени, и тоже без толку. Казалось бы, вопрос намного проще, чем история человечества. Мне эта работа хорошо знакома, поскольку проводится здесь, в Университете, и в ней принимают участие мои близкие друзья. А ты — «разочарование»! Знал бы ты, что такое разочарование!

— И что за проблема? — с любопытством поинтересовался Селдон.

— Метеорология.

— Метеорология? — не веря собственным ушам, ошарашенно переспросил Селдон.

— Да-да, не удивляйся и не смейся. Метеорология. Вот послушай: у каждого из обитаемых миров есть атмосфера. В каждом мире свой собственный состав атмосферы, своя температура, свой период обращения вокруг оси и светила, свой наклон оси вращения, свое соотношение поверхности суши и воды. Двадцать пять миллионов — вот такое разнообразие, и обобщить параметры еще никому до сих пор не удалось.

— Это из-за того, что состояние атмосферы сильно подвержено хаотическим изменениям. Дураку ясно.

— Точно так же говорит мой приятель, Дженнар Легген. Да ты с ним знаком.

Селдон задумался, вспоминая.

— Высокий такой? Длинноногий? Молчун?

— Он самый... Ну, так вот. И Трентор в этом смысле еще более загадочен, чем все остальные миры. Судя по тому, что о нем написано, во время его заселения климат был более или менее обычным. Затем, по мере роста населения, расширения урбанизации, увеличилось потребление энергии, и в атмосферу стало выбрасываться больше тепла. Ледяной слой подтаял, облачный истончился, и погода стала неустойчивой. Это и вызвало стремление уйти под землю и тем самым обезопасить себя от капризов климата, выбраться из порочного круга. Но, что самое удивительное, круг стал еще более порочным. Чем яро-

стнее люди закапывались под землю и чем больше возводили куполов, тем хуже становился климат. Теперь над поверхностью почти постоянно собираются тучи и идет то дождь, то снег, в зависимости от температуры. И, что самое ужасное, никто не в состоянии этого объяснить. До сих пор никто не анализировал причин такого страшного ухудшения климата, не пытался прогнозировать ежедневные перемены погоды.

— Ну и что? — пожал плечами Селдон. — Разве это так важно?

— Для метеоролога — да. Почему бы им тоже не расстроиться, не впасть в отчаяние? Так что ты не одинок, есть у тебя товарищи по несчастью.

Тут Селдону пришло на память затянутое тучами небо по дороге к Дворцу Императора и пронизывающий холод.

— Ну и что же они предпринимают? — спросил он.

— Здесь, в Университете, разрабатывается глобальный проект, и Дженнар Легген участвует в его разработке. Те, кто работает над этим проектом, считают, что, если им удастся понять причину перемен в климате Трентора, они узнают многое о фундаментальных законах метеорологии в целом. Легген жаждет этого не меньше, чем ты стремишься к выведению законов своей психоистории. В общем, он наставил целую уйму приборов и инструментов наверху — на поверхности куполов, понимаешь? Пока он ничего не добился. Ну и представь: целые поколения ломают голову над состоянием атмосферы и никак не могут получить желаемых результатов, а ты покопался в истории человечества какие-то несколько недель и уже жалуешься?

«А ведь Ранда прав, — подумал Селдон. — Я тороплюсь с выводами. Что сказал бы Челвик? Он сказал бы, что вся эта безрезультатная возня вокруг самых разных научных проблем — не что иное, как проявление общего упадка в науке. Наверное, он недалек от истины, но судит слишком общо, все усредняет». А Селдон пока никак не мог пожаловаться на умственное бессилие и упадок сил.

Не скрывая интереса, он спросил:

— Ты хочешь сказать, что метеорологи выбираются наружу, под открытое небо?

— Ага. Наверх. Это довольно забавно. Большинство коренных тренторианцев ни за что не полезли бы туда. Они не любят выбираться наверх. Говорят, будто у них там головы кружатся

и все такое прочее. Так что над метеорологическим проектом работают в основном не местные.

Селдон бросил взгляд за окно. Лужайки и небольшой сад университетского кампуса весело зеленели, озаренные искусственным светом, не дававшим тени и палящего зноя.

— Не знаю, — проговорил он задумчиво, — я не склонен винить тренторианцев за любовь к комфорту и безопасности житья под куполами, но мне кажется, что кто-то мог бы забраться наверх из одного любопытства. Я, по крайней мере, не удержался бы.

— Хочешь увидеть метеорологию в действии?

— Не отказался бы. А как попадают наверх?

— Без проблем. Лифтом. Лифт поднимается, дверь открывается, вот и все. Мне довелось там побывать. Довольно-таки... забавно.

— Может быть, это помогло бы мне немного отвлечься от психоистории? — вздохнул Селдон. — Было бы неплохо.

— Возможно, — кивнул Ранда. — И потом... Знаешь, как-то мой дядюшка изрек: «Знания едины». Не исключено, что он был прав. Вдруг ты что-то такое узнаешь из метеорологии, что поможет тебе в работе над психоисторией. Разве это так уж невероятно?

Селдон кисло улыбнулся.

— Много на свете вероятного... — «Но далеко не все осуществимо», — добавил он про себя.

22

— С метеорологами? — удивилась Дорс.

— Да, — кивнул Селдон. — У них на завтра запланирована работа, и я собираюсь наверх вместе с ними.

— Что, устал от истории?

Селдон понурился.

— Есть немного. Нужно встряхнуться. И потом, Ранда утверждает, что у метеорологов тоже есть проблема, которая не по зубам математикам, так что, может быть, мне полезно будет убедиться в том, что я не одинок.

— Надеюсь, ты не страдаешь агорафобией?

— Нет, — улыбнулся Селдон. — И вопрос твой мне поня-

тен. Ранда сказал, будто тренторианцы потому не любят подниматься наверх, что якобы почти все поголовно боятся высоты. А я думаю, они просто плохо чувствуют себя там без привычного «потолка».

Дорс кивнула.

— Ты сам посмотришь и убедишься, что более естественно. Но не забывай, что тренторианцы разбросаны по всей Галактике — туристы, администраторы, солдаты. В других мирах агорафобия тоже нередко встречается.

— Наверное, Дорс, но только я ею не страдаю. Мне просто любопытно и нужно сменить обстановку, поэтому я обязательно пойду с ними завтра.

Дорс, похоже, растерялась.

— Надо бы мне тоже пойти с тобой, но у меня завтра все расписано по часам. Ну да ладно, если ты действительно не агорафоб, может быть, все сойдет нормально. Не исключено, что тебе там даже понравится. Да, только, пожалуйста, не отходи далеко от метеорологов. Я слыхала, бывали случаи... кто-то там заблудился, что ли.

— Обещаю, буду осторожен. Вообще со мной такого не случается.

23

Дженнар Легген производил впечатление человека мрачного, угрюмого. Дело было не в цвете лица — лицо у него было светлокожее, открытое. И не в густых кустистых бровях. Может быть, в глубоко посаженных глазах и длинном крючковатом носе. В общем, выражение лица у него было какое-то печальное. Он почти никогда не улыбался, говорил крайне редко, и его глубокий голос никак не вязался с тщедушностью фигуры.

— Селдон, вам понадобится более теплая одежда, — сказал он.

— О! — растерянно воскликнул Селдон и оглянулся. Еще четверо метеорологов — двое мужчин и две женщины — собирались подняться наверх вместе с Леггеном и Селдоном. Все четверо и сам Легген действительно были одеты намного плотнее, чем обычно: поверх легкой тренторианской одежды все натянули толстые свитера, яркие и у всех разные.

Селдон смущенно оглядел себя.

— Простите, я не знал, но у меня все равно нет ничего подходящего.

— Погодите, вроде бы у меня найдется для вас свитер... да, вот он. Не с иголочки, но все-таки лучше, чем ничего.

— Но ведь ужасно жарко, наверное, в таких свитерах? — спросил Селдон, облачившись в одолженный Леггеном свитер.

— Это здесь, — объяснил Легген. — Наверху все иначе. Холод и ветер. Жаль, но лишних гетр и теплых ботинок у меня не найдется. А они бы тоже не помешали.

Метеорологи набрали с собой целую тележку разных приборов и теперь проверяли их один за другим — на взгляд Селдона, жутко медленно.

— Ваша родная планета холодная? — спросил Легген.

— Местами — да, — ответил Селдон. — В тех краях Геликона, где я жил, климат мягкий, часто идет дождь.

— Плоховато. Значит, вам наверху не понравится.

— Переживу как-нибудь, надеюсь.

Как только все было готово, группа направилась к лифту, на двери которого красовалась табличка: «Посторонним вход воспрещен. Только для служебного пользования».

— Это потому, что лифт идет наверх, — объяснила Селдону одна из женщин. — Наверх просто так, от нечего делать, никто не ездит.

Селдон раньше с этой женщиной не встречался, но коллеги называли ее Клозией. Он не понял, имя это, фамилия или прозвище.

Лифт как лифт, ничего особенного, Селдон на таких ездил много раз, и не только на Тренторе, а и на Геликоне, но само чувство, что этот лифт вывезет его за пределы закрытого пространства, на поверхность, создавало у Селдона ощущение, будто он летит на космическом корабле.

Селдон мысленно усмехнулся. «Какая глупость», — подумал он.

Кабина слегка подрагивала, и Селдон вспомнил разглагольствования Челвика относительно упадка в технике. Легген, двое мужчин и одна из женщин застыли, как каменные, будто

берегли энергию для работы наверху, а Клозия разглядывала Селдона с нескрываемым интересом.

Селдон наклонился к самому ее уху и прошептал:

— И высоко мы поднимемся?

— Высоко? — громко переспросила она бесцеремонно. Выглядела она очень молодо. «Аспирантка, наверное, — решил Селдон. — Или практикантка».

— Просто... мы уже так долго едем. Что, наверху много этажей?

Она не сразу нашлась, что ответить.

— О нет. Не так уж высоко. Просто Университет низко расположен. Понимаете, мы поедаем уйму энергии, а чем ниже, тем она дешевле.

Тут Легген сообщил:

— Порядок. Прибыли. Давайте вынесем оборудование.

Кабина вздрогнула и остановилась, широкая дверь отползла в сторону. Сразу стало холодно, и Селдон машинально сунул руки в карманы, мысленно поблагодарив Леггена за свитер. Холодный ветер растрепал его волосы, и Селдон пожалел, что не захватил никакого головного убора. Легген вытащил из рукава вязаную шапочку и натянул на голову. То же самое проделали и все остальные.

Все, да не все. Клозия собралась было надеть шапочку, но передумала и протянула ее Селдону.

Селдон отрицательно покачал головой:

— Нет-нет, Клозия, не надо.

— Не стесняйтесь, берите и надевайте. У меня длинные волосы, густые, я не замерзну, а у вас — короткие и... не такие густые.

В другое время Селдон обязательно поспорил бы и насчет волос, и насчет шапочки. Но делать было нечего. Он взял шапку, неуклюже натянул ее на голову и пробормотал:

— Спасибо. Если замерзнете, я вам сразу верну.

А может быть, он и ошибся насчет ее возраста. Просто у Клозии было круглое, наивное, почти детское лицо. Она сказала про волосы, и он невольно обратил на них внимание. И действительно, волосы у нее были чудесные — каштановые, с золотистым отливом. На Геликоне Селдон никогда не встречал женщин с таким цветом волос.

Наверху было облачно, почти как в тот день, когда Селдона

везли во Дворец, но намного холоднее. «Наверное, это потому, — решил Селдон, — что прошло целых шесть недель и скоро зима». Небо затянули мрачные тучи — не то собиралась гроза, не то близился вечер. Да нет, вечер — это навряд ли. Разве выбрались бы метеорологи для наблюдений на ночь глядя? Или просто они выбрались ненадолго?

Селдон хотел спросить, но решил, что сейчас не время отвлекать бригаду по пустякам. Лица у всех были взволнованные или сердитые.

Селдон огляделся по сторонам.

Стоял он на металлической поверхности — так, по крайней мере, он решил по звуку, топнув ногой. Однако, сделав несколько шагов, Селдон оглянулся и понял, что оставляет следы. Поверхность явно была покрыта не то пылью, не то мелким песком.

Ну и что такого, собственно говоря? Неужели кому-то могло взбрести в голову забираться сюда, чтобы вытереть пыль? Селдон наклонился и решил приглядеться получше.

В это время к нему подошла Клозия. Заметив, куда он смотрит, она тоном оправдывающейся домохозяйки проговорила:

— Вообще-то мы тут подметаем, а то приборы могут испортиться. В других местах наверху гораздо грязнее, но это никому не мешает, честное слово. Наоборот, лишняя теплоизоляция.

Селдон кивнул и продолжил осмотр окрестностей. Назначения приборов, которые торчали повсюду, словно экзотические растения на тонких стебельках, он понять не мог.

Легген направился к Селдону, осторожно переставляя ноги. «Наверное, не хочет повредить чувствительные приборы, — решил Селдон. — Надо будет тоже не слишком топать тут».

— Послушайте, Селдон! — окликнул Легген.

Селдону не очень понравился его тон, и он холодно отозвался:

— Да, доктор Легген?

— Так вот, доктор Селдон, этот малыш, Ранда, сказал мне, что вы — математик.

— Он не соврал.

— И хороший?

— Хотелось бы верить, что это так, но мне самому трудно себя оценивать.

— Вас интересуют неразрешимые проблемы?

Селдон искренне признался:

— Я столкнулся именно с такой проблемой.

— Я тоже. Вы не стесняйтесь. Если будут вопросы, обращайтесь к нашему интерну, Клозии, она вам ответит. Не исключено, что нам понадобится ваша помощь.

— Я бы с радостью, но, увы, в метеорологии я полный профан.

— Это не беда, Селдон. Я просто хочу, чтобы вы все... как бы это сказать... прочувствовали, а потом мне бы хотелось поговорить с вами о моих математических выкладках, если вы не против.

— К вашим услугам.

Легген отвернулся, собрался было отойти, но обернулся и пробурчал:

— Если замерзнете — *совсем* замерзнете, — дверь кабины открыта. Войдите и нажмите кнопку «Первый этаж Университета». Кабина доставит вас вниз и автоматически вернется к нам. Если забудете, спросите у Клозии, она вам напомнит.

— Не забуду.

На этот раз он ушел, а Селдон смотрел ему вслед, чувствуя, как холодный ветер пронизывает свитер. Клозия, раскрасневшаяся от холода, подошла к нему.

— Похоже, доктор Легген сердится, — сказал ей Селдон. — Или он всегда такой?

— Нет, — усмехнулась Клозия. — Не всегда. Сейчас он и правда очень сердит.

— Почему?

Клозия оглянулась, ее пышные волосы взметнулись на ветру.

— Мне этого знать не положено, но я знаю. Доктор Легген рассчитывал, что сегодня, как раз в это самое время, облака немного рассеются, и он сможет понаблюдать за солнцем. Ну а погода... вы и сами видите какая.

Селдон понимающе кивнул.

— У нас здесь установлены головизионные приемники, так что он заранее знал, что погода облачная, но, наверное, понадеялся на то, что приборы врут, и виноваты они, а не его теория и расчеты. Но пока никаких неисправностей не обнаружено.

— Поэтому он такой несчастный?

— Ну... честно говоря, полностью счастливым он никогда не бывает.

Селдон, прищурившись, осматривал окрестности. Несмотря на облачность, свет был довольно резким. Вскоре он понял, что поверхность у него под ногами не совсем горизонтальная, а имеет наклон. Он находился на склоне большого покатого купола. Осмотревшись получше, он разглядел поблизости и вдали множество куполов различной высоты и диаметра.

— Довольно-таки неровная поверхность. Будто холмы, — сказал он.

— Да, и почти везде, — подтвердила Клозия. — Так уж вышло.

— А почему?

— Думаю, по чистой случайности. Насколько я знаю, я ведь тоже когда-то так же глазела по сторонам и спрашивала, точь-в-точь как вы сейчас, ну, и мне рассказали, что поначалу трентор*ианцы ставили купола над площадями*, торговыми центрами, стадионами и так далее, потом — над целыми городами, потому куполов стало так много, и все разной высоты и диаметра. В конце концов и получился вот такой «холмистый» пейзаж, но люди решили, что так тому и быть, и даже более того — что так и должно быть.

— Вы хотите сказать, что на то, что получилось совершенно случайно, стали смотреть, как на некую традицию?

— Пожалуй, что так, если хотите.

«Если простую случайность так легко возвести в ранг традиции, незыблемой и несокрушимой, — подумал Селдон, — не может ли это стать законом психоистории?» Выходило жутко тривиально, и сколько еще могло получиться таких законов, на вид совершенно тривиальных? Миллион? Миллиард? Но, может быть, существует относительно небольшое число более общих законов, из которых следует множество производных? Как узнать? Селдон так крепко задумался, что на время позабыл о холодном ветре.

Клозия, судя по всему, не забыла. Она поежилась и сказала:

— Да, прохладно. Внизу гораздо уютнее.

— А вы — тренторианка? — поинтересовался Селдон.

— Да, коренная.

Тут Селдон вспомнил, что ему рассказывал Ранда о склонности тренторианцев к агорафобии, и осторожно спросил:

— А вы любите бывать здесь?

— Ненавижу! — призналась Клозия. — Но вынуждена подниматься, ведь я должна получить научную степень, профессию, место, а доктор Легген говорит, что без практических занятий это невозможно. Вот и приходится выбираться сюда, как ни противно, как ни холодно. Кстати, вам, наверное, и в голову не приходит, что при таком холоде тут, наверху, что-то может расти?

— А что, растет? — воскликнул Селдон, подозрительно глянув на Клозию, усмотрев в ее вопросе шутку для новичка. Нет, вид у нее был совершенно невинный, но вот была ли эта невинность искренней или просто все дело было в ее ребяческом облике, Селдон понять не мог.

— Да, представьте себе, и даже здесь, где мы стоим сейчас, когда бывает потеплее. Просто мы тут все расчищаем для работы, как я уже говорила, но в других местах растительность накапливается, а в тех местах, где купола сходятся друг с другом, и вообще образуются довольно густые заросли.

— Но откуда тут взяться почве?

— Дело в том, что, когда куполами была покрыта не вся планета, а только ее часть, ветром на них наносило почву. А потом, когда Трентор был уже целиком закован в броню, началось подземное строительство, и землю было просто некуда выбрасывать, кроме как сюда, наверх.

— Но ведь купола могли пострадать!

— Нет, что вы. Они сделаны из чрезвычайно прочного материала и покоятся на мощных подпорках. Я прочла в одной книжке, что замысел состоял в том, чтобы выращивать овощи и другие полезные растения здесь, наверху, но оказалось, что внутри этим заниматься намного проще и безопаснее. Постепенно перешли на культивирование дрожжей и водорослей, а поверхность оставили на произвол судьбы. Тут и животные водятся, и насекомые — бабочки, пчелы, мыши, кролики. Их очень много.

— А корни растений не вредят куполам?

— Пока не повредили, а ведь прошла не одна тысяча лет. Поверхность куполов обработана специальным составом, отторгающим корни. Да и растет тут в основном трава, хотя деревья тоже попадаются. Вы бы все это увидели собственными глазами, будь сейчас потеплее, или если бы мы выбрались на

поверхность южнее, или с орбиты корабля. Вы смотрели на Трентор сверху, когда подлетали? — спросила она с любопытством.

— Нет, Клозия, увы, не смотрел. Корабль подлетал так, что не было возможности посмотреть. А вы когда-нибудь смотрели на Трентор из космоса?

— Я ни разу не бывала в космосе, — грустно улыбнулась Клозия.

Селдон окинул взглядом горизонт. Ничего. Сплошной серый цвет.

— Просто не могу поверить, — признался он. — Я про растительность.

— Но это правда. Я слыхала, кое-кто рассказывал — нездешние, вроде вас, те, кому повезло и довелось увидеть Трентор из космоса, — что планета оттуда кажется зеленой, похожей на огромный луг, потому что покрыта травой и низеньким кустарником. Но деревья тоже есть, поверьте. Совсем близко отсюда есть рощица. Я сама видела. Там растут вечнозеленые деревья, высокие, метров по шесть.

— Где это?

— Отсюда не видно. По другую сторону купола. Вон там...

— Клозия! Вернись! Ты нам нужна! — послышался отдаленный оклик.

Оказывается, Селдон и Клозия, заболтавшись, ушли довольно далеко от бригады метеорологов.

— Ой-ой-ой! — забеспокоилась Клозия. — Простите, доктор Селдон, мне нужно идти.

И она побежала к своим, ухитряясь двигаться необычайно грациозно, несмотря на тяжелые ботинки.

Может быть, она просто развлекала Селдона, чтобы он не скучал? Так развлекают чужеземцев в любом мире. Ну и что, что она обо всем рассказывала как о само собой разумеющемся? Может, это у нее профессиональное?

Неужели действительно здесь, наверху, могут расти шестиметровые деревья? Долго не раздумывая, Селдон зашагал в направлении самого высокого из куполов, видневшихся на горизонте, на ходу размахивая руками, чтобы согреться. Ноги у него начали замерзать.

Клозия не успела показать, где растут деревья. А ведь могла

бы! Почему же она не сделала этого? Не успела? Ну да, ее позвали.

Диаметр куполов был гораздо больше, чем высота, и слава богу, потому что иначе идти было бы намного труднее. Но, с другой стороны, жутко мучительно было шагать по покатому куполу до его вершины — ведь только с вершины можно было увидеть, что там, дальше, по другую сторону.

Ну вот, наконец он добрался до вершины. Оглянулся, чтобы посмотреть, видны ли отсюда метеорологи со своими приборами. Селдон ушел довольно далеко, их маленькие фигурки копошились внизу, в долине, но видны были отчетливо. Вот и хорошо.

С вершины ничего похожего на рощицу и деревья видно не было, но в углублении между куполами змеилась полоска земли, на которой то тут, то там проглядывали зеленые пятнышки. Наверное, там рос мох... Если пойти по этой лощине, спуститься пониже, почва станет более плотной, и тогда... Может быть, удастся набрести на деревья?

Селдон еще раз оглянулся, стараясь запомнить окрестности — нет, глазу зацепиться было совершенно не за что — однообразные холмы куполов, все похожие, почти одинаковые. Тут он вспомнил пожелание Дорс не заблудиться, которое тогда показалось ему нелепым. Теперь оно обрело смысл. И все-таки лощина между куполами сверху разительно напоминала ровную дорогу. Если пойти по ней... Да что тут такого? Пройти немного, повернуть, и тогда вернешься на это самое место!

Селдон решительно зашагал вперед, спускаясь все ниже и ниже. Сверху послышался какой-то треск, но он не обернулся. Он решил посмотреть на деревья и больше ни о чем даже думать не желал.

Мох становился все гуще, маленькие его островки примыкали один к другому, превращаясь в настоящие зеленые ковры. Тут и там из покрывала мха торчали тонкие травинки. Мох был так свеж и зелен, что Селдон решил, что здесь, на поверхности, скорее всего часто идут дожди.

Ущелье вело Селдона вокруг купола, и вот сразу же за следующим куполом он увидел темное пятно на фоне серого неба. Он все-таки нашел эти деревья!

Только теперь, когда он их увидел, сознание Селдона освободилось от навязчивой мысли, и он вспомнил о звуке, который услышал раньше. Что это был за звук? Несомненно, гул двигателя. Почему — «несомненно»? Откуда здесь взяться какому-то двигателю?

Откуда? Но ведь он стоял один-одинешенек посреди бесчисленного множества куполов, под каждым из которых находились города, заводы. А там сколько угодно всяческой техники — ну, хотя бы вентиляция. Может быть, он как раз слышал шум вентиляционного двигателя?

Все можно было бы так объяснить, но только услышанный им звук шел явно не из-под земли. Селдон взглянул на пустые небеса. Ничего. Никого.

Он смотрел и смотрел в небо, пока в глазах не зарябило, и вот, далеко-далеко...

Он увидел крошечную черную точку на сером небе. Потом точка скрылась в тучах.

И тут, сам не зная почему, Селдон подумал: «Это за мной».

Не успев хорошенько решить, что делать, он со всех ног помчался к деревьям, свернул влево, взбежал на склон ближайшего купола, спустился вниз. Под ногами его шуршала опавшая хвоя, мелькали кустики, усыпанные красноватыми ягодами.

24

Задыхаясь, Селдон подбежал к первому попавшемуся дереву, прижался к нему, обнял ствол. Взглянул на небо. Летящий объект снова вынырнул из-за туч, и Селдон быстро, словно белка, спрятался по другую сторону ствола.

Дерево было холодное, с шершавой корой, но какое-никакое, а все-таки убежище. Конечно, если его начнут искать прибором, реагирующим на тепловые лучи, толку от дерева будет мало, но все-таки... Дерево холодное, может, оно сумеет погасить тепло, излучаемое его телом?

Земля под ногами была мягкая, но плотная. Даже сейчас, скрываясь от погони, Селдон не мог не удивиться: какой толщины почвенный слой, сколько столетий он накапливался? Может быть, в более теплых областях Трентора на поверхности куполов растут настоящие леса?

Он снова увидел летящий объект. Это был не звездолет, не

катер. Это был вертолет. Полоски светящихся ионов расходились в стороны от вершины шестиугольника, подавляя силу притяжения, позволяя вертолету парить, словно птице. Да, с помощью такого летательного аппарата можно было легко осматривать поверхность планеты.

Только тучи спасли Селдона. Значит, если у них есть прибор термовидения, они могли и сквозь тучи определить, что внизу — люди. А вертолет послали для того, чтобы поближе приглядеться, сколько тут людей, и нет ли среди них конкретного человека, которого они ищут.

Вертолет опустился ниже, но ведь Селдон успел заметить его. Двигатель ведь гудит, а выключить его нельзя, пока машина находится в воздухе.

Вертолеты Селдону были знакомы — на Геликоне, как и на других планетах, где люди жили под открытым небом, их было довольно много, и пользовались ими в основном частные лица.

Но здесь, для чего они нужны здесь, вот вопрос? Здесь, где вся планета живет под куполами, а наверху постоянно висят низкие облака? Совершенно бесполезный летательный аппарат, разве только властям он мог понадобиться для поиска преступника, удравшего наверх и прячущегося среди куполов.

А почему бы и нет? Правительство не имеет права проникнуть на территорию Университета, но ведь скорее всего Селдон сейчас на этой территории уже не находится. Он наверху, то есть на территории, вероятно, никакому местному правительству не подведомственной. А имперский летательный аппарат скорее всего имел полное право приземлиться на каком угодно куполе, и его экипаж запросто мог задержать и допросить любого, кто тут окажется. Челвик, правда, Селдона о такой возможности не предупреждал, но ему это просто не пришло в голову.

Вертолет опускался все ниже и ниже, напоминая стервятника, высматривающего свою жертву. Взбредет ли в голову пилоту обследовать эту рощицу? Вдруг вертолет опустится, из него выскочит парочка вооруженных солдат и примется прочесывать заросли?

Если так, то что делать? У Селдона не было при себе никакого оружия, и все его боевые таланты окажутся бесполезными против их нейронных хлыстов.

Но вертолет на посадку не пошел. Не то они там не придали особого значения деревьям, не то...

Тут Селдону пришла в голову совсем другая мысль. А что, если это вовсе не погоня? Может быть, это вертолет метеорологов? Почему бы метеорологам не интересоваться состоянием более высоких слоев атмосферы?

А он, как последний идиот, прячется от них?

Смеркалось. Тучи потемнели. Не то собирался дождь, не то приближалась ночь.

Здорово похолодало. Наверняка станет еще холоднее. Неужели он так и замерзнет здесь, прячась от, может быть, совершенно безобидного вертолета, неизвестно почему так напугавшего его? Селдону страшно захотелось выбраться из рощицы и вернуться назад, к метеорологам.

В конце концов, откуда этому человеку, которого так сильно боялся Челвик — этому Демерзелю, — знать, что Селдон именно сегодня, именно сейчас покинул Университет и находится здесь, где его так легко схватить?

Селдон решился, вышел из-за дерева и, дрожа от холода, зашагал назад... и бегом вернулся обратно, потому что вертолет снова появился и летел на этот раз гораздо ниже. Не похоже было, чтобы летящие в нем занимались метеорологическими наблюдениями. Но чем должны были бы заниматься метеорологи, принадлежи этот вертолет им? Откуда Селдону знать, какая аппаратура установлена на борту вертолета и как она работает? Может быть, снизу этого понять нельзя, но... стоило ли рисковать и выходить на открытое пространство?

В конце концов, Демерзель действительно мог узнать о том, что Селдон сейчас наверху. Кто-то из его агентов, работающих в Университете, доложил ему об этом. Кто предложил Селдону выбраться наружу? Лисунг Ранда, вечно улыбающийся рубаха-парень, Восточник. Причем предложил довольно-таки настойчиво, а ведь разговор вовсе к такому повороту дел не располагал. Может быть, Ранда — правительственный агент и договорился с Демерзелем?

Потом — Легген. Легген одолжил ему свитер. Спасибо большое, но почему Легген не предупредил его заранее о том, что нужно одеться потеплее? А вдруг он одолжил ему какой-то совершенно особенный свитер? Ведь он весь лиловый, а у дру-

гих — полосатые. Глянешь с высоты и сразу заметишь человека в таком свитере.

Ну а Клозия? Вроде бы она выбралась наверх, потому что изучает метеорологию и помогает сотрудникам. Но почему именно она взяла его под свою опеку, болтала с ним так непринужденно, ненавязчиво увела в сторону, а потом убежала, оставила одного? Не для того ли, чтобы его легче было схватить?

Если на то пошло, как насчет Дорс Венабили? Она знала, что Селдон отправляется наверх. Она этого не предотвратила. Она могла бы, могла бы пойти вместе с ним, но не сделала этого — сослалась на занятость. Не подкопаешься.

Все сговорились. Точно — сговорились.

Теперь Селдон был в этом просто убежден и окончательно отказался от мысли выбраться из рощицы. Ноги у него совершенно окоченели. Он и приплясывал, и топал ногами, но никакого толку. Неужели этот проклятый вертолет никогда не улетит?

И как только он подумал об этом, гул двигателя стал тише, вертолет поднялся вверх и исчез за тучами.

Селдон напряженно вслушивался в тишину, желая убедиться в том, что вертолет действительно улетел. Но даже убедившись, долго не мог пошевелиться. Теперь он гадал, не было ли это хитрым маневром, чтобы выманить его из укрытия? Минуты шли и шли, а он стоял под деревом. Небо стало еще темнее. Приближалась ночь.

Наконец, поняв, что лучше выбираться под открытое небо, чем замерзнуть от неподвижности, он вышел из-за дерева и осторожно пошел прочь от рощицы.

Сумерки сгустились. Увидеть его теперь было невозможно, разве только с помощью детектора, но в любом случае он услышит шум двигателя, если вертолет вздумает вернуться. На самом краю рощицы Селдон остановился, посчитал про себя, будучи готов в первое же мгновение нырнуть под деревья, если его заметят. Правда, какой от того толк, он и сам не смог бы ответить.

Он огляделся по сторонам. Если бы удалось найти метеорологов... У них, наверное, есть фонари. А вдруг нет?

Пока он различал контуры куполов, но пройдет еще четверть часа, и ничего не будет видно. Фонаря нет, над головой

темное небо, затянутое непроницаемыми тучами, — тут будет темно, хоть глаз выколи.

Мысль о том, чтобы остаться одному в темноте, настолько напугала Селдона, что он решил как можно быстрее забраться на вершину и осмотреть окрестности оттуда. Обхватив себя покрепче руками, чтобы хоть немного согреться, он зашагал вверх по склону купола — как ему казалось, именно туда, откуда спустился в рощицу.

Конечно, спуститься он мог по-разному, но вот ему встретился ягодный кустарничек, на который он обратил внимание, когда спускался. Ягоды теперь казались не красными, а почти черными, но разглядывать было некогда. Селдон заставил себя поверить, что идет верным путем, и зашагал вверх как можно скорее. По его расчетам, он должен был вскоре повернуть направо, потом — налево, а оттуда уже будет рукой подать до метеорологов.

Повернув налево, Селдон поднял голову и различил контуры высокого купола. Тот самый! А вдруг не тот?

Делать было нечего, пришлось заставить себя поверить, что не ошибся. Не спуская глаз с вершины, чтобы по возможности сократить путь, Селдон чуть не бегом припустил наверх. Ближе, ближе... вот уже край купола блеснул на фоне неба. Если все точно, скоро он достигнет вершины, посмотрит вниз и увидит огоньки базы метеорологов.

Было так темно, что Селдон не видел, куда идет. Хоть бы парочку звездочек! «Наверное, вот так живут слепые», — подумал Селдон.

Холодало буквально с каждой минутой. Селдон часто останавливался, дул на озябшие руки, грел их под мышками. Жаль, что он не мог точно так же поступить с ногами. «Скоро снег пойдет, — подумал Селдон. — Не дай бог — мокрый!»

Вперед, вперед. Только вперед.

Вдруг ему показалось, что ноги несут его вниз. Либо он ошибся, либо успел добраться до вершины купола.

Селдон остановился. Если он добрался до вершины, значит, отсюда должны быть видны огоньки базы метеорологов. На худой конец — огни фонарей. Они бы двигались, плясали, словно светлячки.

Селдон закрыл глаза, чтобы привыкнуть к темноте, открыл,

опять закрыл и открыл — ничего. Было так темно, что разницы никакой — открывать глаза или закрывать.

Может быть, Легген и его сотрудники уже ушли и унесли фонари и выключили вдобавок огни на приборах? А может быть, Селдон забрался не на тот купол, а может быть, смотрел не в ту сторону, а может быть, пошел из рощицы неверным путем, тогда...

Что же делать?!

Если он смотрит не в ту сторону, может быть, огни справа или слева? Нет, огней не было ни справа, ни слева. Если он пошел неверным путем из рощицы, вернуться и проверить уже нет никакой возможности.

Оставалось единственное: смотрел он туда, куда надо, но метеорологи ушли, унесли фонари и выключили все огни на приборах.

Значит, вперед. Шансов на успех было раз-два и обчелся, но другого выхода просто не оставалось.

Он помнил, что от метеостанции до вершины купола добрался за полчаса, причем полпути проделал с Клозией, а шли они прогулочным шагом. Теперь он шел примерно таким же шагом.

Селдон шагал и шагал вперед. Вот бы узнать, который час. А ведь часы у него были, да только что от них проку в темноте?

Он резко остановился. Часы у него были тренторианские, показывали время в соответствии с Галактическим стандартом (как и все часы в Галактике), но, помимо этого, они показывали еще местное, тренторианское время. Обычно циферблаты часов фосфоресцировали, чтобы ночью, в темной спальне, можно было посмотреть, который час. Геликонские часы обязательно бы светились, а тренторианские?

Селдон приблизил запястье с часами к глазам и, не слишком веря в удачу, нажал на крошечную кнопочку освещения циферблата. Часы засветились и сообщили ему, что сейчас 18.47. Мало того, что был поздний вечер, в этой области Трентора сейчас стояла зима. Какова тут долгота ночи? Каков угол наклона оси планеты? Какой длины год? Как далеко он сейчас от экватора? Ответа на эти вопросы у Селдона не было. Зато было главное — этот слабый свет, шедший от циферблата.

Значит, он не ослеп! Свет — всегда надежда, пусть самая маленькая.

Селдон сразу воспрял духом. Теперь — туда, куда шел. Полчаса на дорогу. Если не найдет базу — еще пять минут, но не больше. Потом — остановиться и подумать. Но это — через тридцать пять минут. А пока — идти, ни о чем не думать, только идти и идти и пытаться немного согреться. Как там пальцы на ногах? Пока живы.

Он зашагал вперед. Прошло полчаса. Он остановился, потом, поколебавшись, продолжил путь и шел еще пять минут.

Пора принимать решение. Базы не было. Сейчас он мог находиться где угодно, жутко далеко от выхода из купола. Но, с другой стороны, может быть, до станции подать рукой? Может быть, он стоит в двух шагах от выхода, но тот закрыт?

И что теперь?

Попробовать покричать? Такая тишина — ни единого звука. Если и правда тут кто-то живет, все птички, бабочки и кролики давным-давно попрятались, да и зима сейчас тем более. Ветер дул все сильнее, все холоднее.

Наверное, давно надо было начать кричать. В холодном воздухе звук хорошо распространяется. Да только кто услышит?

А внутри? Мог он докричаться? Стояли ли внутри приборы для регистрации звуков снаружи? Датчики какие-нибудь?

Глупо. Давно бы услышали его шаги.

И все-таки...

— Помогите! Помогите! — закричал Селдон. — Слышите меня? Кто-нибудь!

Крик вышел так себе — негромкий, испуганный. Ужасно глупо было звать кого-то в этой непроницаемой тьме и могущественной, всепоглощающей тишине.

Но молчать и поддаваться панике еще глупее. Селдон набрал полные легкие воздуха и принялся кричать. Еще и еще. Громче и громче.

Умолк, оглянулся по сторонам. Ничего, никого. Даже эхо ему не отвечало. Что оставалось? Ничего, только ждать рассвета. Опять-таки сколько длится зимняя ночь? И как холодно тут по ночам?

Что-то холодное коснулось его щеки. Еще раз. Еще.

Снег пошел. А укрыться некуда.

«Лучше бы меня заметили с вертолета, — в отчаянии поду-

мал Селдон. — Сидел бы теперь в теплой тюрьме. А не встретился бы с Челвиком — и вообще давно бы уже был на Геликоне. Ну и что, что за мной бы следили? Все равно лучше, чем замерзать здесь!» Ему сейчас ничего не хотелось, кроме тепла и уюта.

Оставалось единственное — ждать. Он устало опустился на землю, сел, снял туфли, принялся растирать окоченевшие ступни.

Вот так всю ночь — растирать то ноги, то руки, но только не спать. Не спать ни за что! Только он успел отдать себе такой строгий приказ, как глаза его закрылись, и он крепко заснул. А снег шел все сильнее.

Глава 6

СПАСЕНИЕ

ЛЕГГЕН, ДЖЕННАР. *Его вклад в метеорологию, будучи довольно значительным, бледнеет перед тем, что известно под названием «Противоречия Леггена». Бесспорно, его действия навлекли беду на Гэри Селдона, но до сих пор не утихают споры о том, были ли эти действия ненамеренными или являлись проявлением преднамеренного заговора. Сторонники противоположных взглядов страстно отстаивали свою точку зрения, но определенного вывода так и не было сделано. Как бы то ни было, тень подозрений, упавшая на Леггена, отравила его жизнь в последующие годы и сильно повредила его карьере...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

25

Еще засветло Дорс Венабили разыскала Дженнара Леггена. На ее радостное приветствие он ответил вялым кивком и буркнул что-то нечленораздельное.

— Ну, — спросила Дорс нетерпеливо. — Как он?

Легген, занимавшийся вводом данных в компьютер, не понял, видимо, о ком речь.

— Кто — «он»?

— Мой подопечный. Гэри. Гэри Селдон. Он поднимался с вами наверх. Помог он вам чем-нибудь?

Легген оторвался от терминала и рассеянно уставился на Дорс.

— А-а-а... Тот парень с Геликона? Чем он мог помочь? Он и не интересовался ничем особенно. Смотрел не туда, и вообще. Лишняя обуза. И почему вам взбрело в голову посылать его наверх?

— Мне? Вот уж нет. Это он сам захотел, а зачем — понятия не имею. Почему-то ему страшно захотелось. А где он сейчас?

Легген пожал плечами:

— Откуда мне знать? Болтается где-нибудь.

— Куда он делся после того, как вы вернулись? Он не сказал, куда пойдет?

— Он с нами не вернулся. Я же сказал — ему было неинтересно.

— Когда же он вернулся, в таком случае?

— Не знаю. Я за ним не присматривал. У меня дел было по горло. Похоже, пару дней назад была сильная гроза, выпала куча осадков, а мы этого не ожидали. Инструменты — ни гугу, и солнца не было, а мы на это рассчитывали. Вот я и пытаюсь разобраться, в чем дело, а вы пристаете ко мне с глупостями.

— Значит, вы не видели, как он вернулся?

— Послушайте, мне было некогда за ним приглядывать! Этот балбес даже не сообразил одеться как положено, и я еще здесь, внизу, понял, что через полчаса он продрогнет и простудится. Я дал ему свитер, но ни теплых носков, ни ботинок лишних у меня просто не было. В общем, я оставил кабину лифта открытой специально для него и объяснил, как ею пользоваться, чтобы спуститься и вернуть кабину наверх. Это настолько элементарно... Словом, я уверен, что он замерз, спустился и послал нам кабину, а потом уже мы все вернулись.

— Но вы не уверены, что он вернулся, и не знаете, когда именно?

— Нет. Я же говорю — был занят. Наверху его точно не было, когда мы закончили работу. Было уже темновато, того гляди мог пойти снег. Он к тому времени наверняка уже ушел.

— А больше никто не видел, как он ушел?

— Понятия не имею. Может, Клозия видела. Она с ним больше общалась. Слушайте, спросите у нее, а?

Клозию Дорс отыскала в ее комнате. Та только что вышла из-под душа.

— Бр-р-р! Наконец-то согрелась. Наверху было жутко холодно, — сообщила Клозия.

— Послушай, — торопливо спросила Дорс, — ты видела Гэри Селдона наверху?

— Да, видела, — ответила Клозия, удивленно вздернув бровки. — Но совсем недолго. Ему хотелось немного побродить, я погуляла там с ним. Спрашивал он в основном о тамошней растительности. Очень любознательный парень этот Селдон. Все ему интересно. В общем, я рассказала ему все, что могла, а потом меня Легген позвал работать. Он был просто вне себя. Прогнозы полетели к чертовой матери, и он...

— Ты мне скажи, — прервала ее Дорс, — видела ты, как Гэри вошел в кабину, чтобы спуститься вниз, или нет?

— Я его вообще не видела с тех пор, как меня позвал Легген. Но он наверняка уже давно внизу. Наверху его не было, во всяком случае, когда мы уходили. Это точно.

— Однако я его нигде не могу разыскать.

Клозия немного разволновалась.

— Правда? Но он обязательно должен быть где-нибудь тут.

— Совершенно не обязательно! — Дорс начала злиться. — А вдруг он еще там, наверху?

— Не может быть. Его там не было. Не думай, мы его поискали, сразу не ушли. Он же был так легко одет, а погода была такая мерзкая. Мы сказали ему, чтобы он не ждал нас, если замерзнет, и ехал вниз один. А он мерз. Это я точно знаю! Куда еще он мог отправиться, как не вниз?

— Да, но никто не видел, как он поехал вниз. Послушай, ничего не случилось с ним там, наверху?

— Да нет вроде бы... По крайней мере, пока я была с ним рядом — ничего. Ну, разве только что ему было очень холодно, и все.

Дорс, вконец расстроенная, кивнула и, глядя в одну точку, проговорила:

— Раз никто не видел, как он спустился, значит, он может быть до сих пор там, наверху. Надо бы подняться и поискать его.

— Но... — Клозия занервничала. — Говорю же тебе, мы посмотрели. Было еще светло, и никого там не было.

— Все равно надо посмотреть, поискать его.

— Да, но... я... это не в моей компетенции. Я же всего-навсего практикантка и не знаю кода на выходе из купола. Лучше тебе обратиться к доктору Леггену.

26

Дорс понимала, что Леггена, мягко говоря, будет нелегко уговорить сейчас подняться наверх. Что ж, придется заставить.

Она еще раз обошла все места, где могла бы найти Селдона, — библиотеку, столовую, позвонила в комнату Селдона, поднялась, позвонила в дверь. Никто не открыл. Тогда Дорс уговорила дежурного по этажу открыть дверь своим ключом. Комната была пуста. Дорс спрашивала о Селдоне у всех, кто познакомился с ним за последние недели. Никто его не видел.

Делать нечего, нужно убедить Леггена подняться с ней наверх. Теперь поздно, уже ночь. Легген наверняка будет упираться. Сколько времени уйдет на уговоры? А Гэри там, наверху, замерзнет под снегом.

Тут у Дорс мелькнула новая мысль, и она поспешила к небольшому университетскому компьютеру, в память которого были заложены данные о работе студентов, преподавателей и обслуживающего персонала.

Быстро пробежавшись пальцами по клавишам, Дорс нашла то, что искала.

Трое. Далеко, правда, совсем в другой части кампуса. Но это ничего.

Дорс взяла напрокат маленькую машину и скоро уже звонила у двери, которую искала. Хотя бы один из тех, кто ей нужен, должен быть дома.

Ей повезло. В ответ на звонок сразу загорелась лампочка. Дорс набрала свой идентификационный код, говоривший о том, кто она такая и где работает. Дверь открылась. На пороге стоял пожилой полный мужчина. Он, видимо, мылся перед обедом. Волосы у него были мокрые, растрепанные, одет он был по-домашнему.

— Прошу прощения, — смущенно поклонился он, — вы застали меня врасплох. Чем могу быть полезен, доктор Вена-били?

Переведя дыхание, Дорс спросила:

— Вы — Роджен Бенастра, сейсмолог?

— Он самый.

— У меня к вам срочное дело. Мне нужно просмотреть данные о сейсмической обстановке наверху за последние несколько часов.

— Но к чему вам это? — удивился Бенастра. — Там все в полном порядке. Сейсмограф ничего экстраординарного не показывает.

— Я имею в виду не падение метеорита.

— Я тоже. Для этого сейсмограф не нужен. Мы регистрируем трещины в обшивке, дырочки всякие. Но ничего такого сегодня не случилось.

— Не в этом дело. Прошу вас, отведите меня к сейсмографу и расшифруйте его показания. Это вопрос жизни и смерти.

— Но... я приглашен на обед...

— Я серьезно. Это действительно вопрос жизни и смерти.

— Ничего не понимаю... — пробормотал Бенастра, но Дорс так смотрела на него, что он не выдержал, сдался, вытер лицо, быстро влез в рубашку.

Дорс так торопилась, что они почти бегом добрались до маленького приземистого здания, где располагалась сейсмолаборатория. Дорс, ничего не понимавшая в сейсмологии, спросила:

— Вниз? Мы спустимся вниз?

— Конечно. Ниже жилой зоны. Сейсмограф установлен глубоко: чтобы не испытывать вибрации.

— Но, простите, как же вы можете судить снизу о том, что происходит наверху?

— К сейсмографу подключена целая сеть датчиков, установленных на поверхности куполов и в их толще. Стоит там камушку упасть, и у нас все регистрируется. Ветер подует сильнее, и это мы тоже видим. Еще...

— Ясно, ясно, — Дорс нетерпеливо кивнула. У нее вовсе не было желания выслушивать лекцию о том, как точно сейсмологическое оборудование. — Скажите, а если кто-то ходит по поверхности, это вы можете зарегистрировать?

— Ходит? — удивился Бенастра. — Кто может ходить по поверхности?

— Как кто? Ну, к примеру, сегодня там работала бригада метеорологов.

— А, вот вы о чем. Да нет, вряд ли их шаги можно зарегистрировать.

— А мне кажется, можно, если приглядеться повнимательнее. Именно этого я от вас и хочу.

Бенастре не очень-то понравились приказные нотки в голосе Дорс, но он промолчал. Нажал кнопку на пульте, и экран ожил.

В правом углу загорелась яркая точка, от которой протянулась горизонтальная линия в левый угол. Линия слегка подрагивала, время от времени взлетала вверх. Дорс смотрела на нее как загипнотизированная.

— На самом деле все спокойно, — объяснил Бенастра. — То, что вы видите, — это результат изменений атмосферного давления, небольшой дождик, отдаленный шум двигателей. Все спокойно.

— Это сейчас. А несколько часов назад? Прошу вас, просмотрите записи, сделанные в 15.00. Наверняка у вас есть такие записи.

Бенастра отдал компьютеру соответствующие распоряжения, и пару секунд на экране творилось нечто неописуемое — настоящий хаос. Потом все успокоилось, и снова возникла горизонтальная линия.

— Я вывел чувствительность на максимум, — пробормотал Бенастра.

Теперь гребни волн стали значительно выше и заметнее.

— Что это значит? — спросила Дорс. — Объясните мне, прошу вас.

— Ну, мисс Венабили, раз вы говорите, что в это время там были люди, стало быть, это зарегистрированы их шаги, вызвавшие изменение давления на поверхность. Честно говоря, не знаю, интерпретировал ли бы я эту картину так, если бы не знал, что в это время там кто-то ходил. Обычно мы такие колебания называем малыми вибрациями и никогда не связываем их с чем-либо опасным.

— А можете определить, сколько там было людей?

— На глаз? Нет. Здесь перед нами результат их общего воздействия.

— На глаз нельзя? А нельзя ли проанализировать эту ин-

формацию с помощью компьютера? Разложить на компоненты?

— Сомневаюсь. Воздействие минимально, да и посторонних шумов полно. Результаты могут получиться далекими от достоверности.

— Ну, хорошо. Промотайте... не знаю, как лучше сказать... словом, можете вы добраться до того момента, когда шаги прекратились? Можно сделать быструю перемотку?

— Если я сделаю, как вы говорите, быструю перемотку, получится просто прямая линия, а по обе стороны от нее — дымка, туман. Лучше двигаться вперед пятнадцатиминутными интервалами, просматривать ленту и мотать дальше.

— Отлично. Давайте!

Дорс и Бенастра внимательно смотрели на экран. Наконец Бенастра изрек:

— Вот. Видите? Все, вот здесь все закончилось.

По экрану снова ползла горизонтальная линия, лишь изредка слегка подрагивая.

— И когда это произошло?

— Два часа назад. Или чуть раньше.

— Хорошо. И больше там никого не осталось?

Бенастра начал нервничать.

— Как я могу сказать? Я думаю, самый тончайший анализ не позволил бы дать ответа на такой вопрос.

Дорс упрямо поджала губы.

— Скажите, у вас установлен датчик, или как там это называется, около базы метеорологов? Вы сейчас с него информацию считывали?

— Да. Оттуда, где стоят их приборы и где они работали. Хотите, — спросил он раздраженно, — чтобы я проверил данные с других датчиков неподалеку от этого места? С каждого по отдельности?

— Нет. Давайте посмотрим, может быть, этот датчик нам еще что-то скажет. Двигайтесь вперед, как и раньше, с пятнадцатиминутными интервалами. Не исключено, что один человек там остался, а потом вернулся к базе.

Бенастра покачал головой и пробурчал под нос какое-то ругательство.

Экран снова ожил. Вскоре Дорс резко спросила, тыча пальцем в линию:

— А это что такое?

— Не знаю. Шум какой-то.

— Нет, не шум. Смотрите, тут явная закономерность. Может, это шаги одного человека?

— Почему бы и нет? Может быть. Очень может быть. Но может быть, и нет. Возможно всякое.

— И все-таки очень похоже на шаги. По скорости, ну, смотрите же!

Прошло немного времени, и Дорс попросила:

— А ну-ка, еще немножко вперед.

Бенастра выполнил ее просьбу.

— Вам не кажется, что колебания возросли?

— Может быть. Можно замерить.

— Не надо. И так видно. Шаги приближаются к датчику. Давайте-ка еще немножко вперед. Посмотрим, когда они прекратятся.

Через некоторое время Бенастра сообщил:

— Прекратились. Двадцать — двадцать пять минут назад. Шаги там или что другое, не знаю, — добавил он.

— Шаги. Конечно, шаги, — убежденно мотнула головой Дорс. — Там, наверху, — человек. И пока мы с вами тут ерундой занимаемся, он замерзает. Так что давайте не будем препираться. Позвоните-ка на факультет метеорологии и добудьте мне Дженнара Леггена. И скажите ему, что речь идет о спасении жизни человека. Так и скажите!

У Бенастры задрожали губы, но он уже давно понял, что сопротивляться и спорить с этой упрямой дамочкой совершенно бесполезно.

Примерно через три минуты на панели голоприемника возникло изображение Леггена. Он явно выскочил из-за обеденного стола. За воротником красовалась салфетка, которую он, очевидно, не успел приложить к перепачканным едой губам.

На его вытянутой физиономии было написано искреннее возмущение.

— Какой жизни? Что это значит? Кто вы такой, черт подери?

Тут его взгляд упал на Дорс — она подошла поближе к Бенастре, чтобы ее изображение тоже было видно на экране голоприемника Леггена.

— А-а-а! Это снова вы! — рявкнул Легген. — Нет, от вас положительно можно с ума сойти.

— Не стоит. Я только что проконсультировалась с Роджером Бенастрой, нашим главным сейсмологом. Так вот. После того как вы со своей группой ушли с поверхности, сейсмограф зарегистрировал шаги человека, которого вы там оставили. Это мой подопечный, Гэри Селдон, который поднялся наверх под вашу ответственность и который теперь наверняка обморозился, а может быть, и умер. Я требую, чтобы вы немедленно отправились со мной наверх и прихватили необходимое оборудование. Если вы немедленно не сделаете этого, я свяжусь со службой безопасности Университета, а понадобится — с самим Президентом. Как бы то ни было, я все равно поднимусь наверх, и если с Гэри что-нибудь случится из-за того, что вы промедлите хотя бы минуту, я добьюсь того, чтобы вас судили за небрежность, некомпетентность, равнодушие — я уж сформулирую, будьте уверены. Тогда можете попрощаться со своей карьерой. А если он умер, вы ответите перед судом за неумышленное убийство. А может, и за умышленное — я вас предупредила о том, что он может погибнуть.

Дженнар в ярости перевел взгляд на Бенастру.

— Вы действительно обнаружили...

Дорс не дала ему закончить вопрос:

— Он все сказал мне, а я — вам. Я не намерена больше ничего слушать. Вы идете или нет? Немедленно!

— Значит, вам и в голову не приходит, что вы можете ошибаться? — поджав губы, спросил Легген. — А знаете, как это называется? Ложная тревога. Тоже вещь опасная.

— Не опаснее убийства, — упрямо мотнула головой Дорс. — Я не боюсь ответить за ложную тревогу. А вы — за убийство — не боитесь?

Дженнар покраснел.

— Хорошо, леди, я пойду, но, если ваш студентишка окажется уже три часа как дома, в теплой постельке, смотрите тогда...

27

Все трое молча вошли в кабину. Легген так и не доел свой обед и оставил жену за столиком в полном недоумении. Бенастра же к своему обеду так и не притронулся, а ведь его кто-то

ждал, может быть, прекрасная дама. Дорс тоже не успела поесть, но вид у нее был еще более несчастный, чем у мужчин. Под мышкой она держала одеяло с подогревом и два фонаря.

Наконец кабина добралась до поверхности. Легген, скрипя зубами от злости, набрал шифр. Дверь отъехала в сторону. Порыв ледяного ветра пронесся мимо, Бенастра вполголоса ругнулся. Вся компания была легко одета, но мужчинам и в голову не пришло, что они тут задержатся надолго.

— Снег идет, — сердито отметила Дорс.

— Мокрый снег, — уточнил Легген. — Температура примерно нулевая. Не смертельный холод.

— Все зависит от того, как долго пробудешь под открытым небом при такой температуре, не так ли? — огрызнулась Дорс. — Не думаю, чтобы мокрый снег сильно согревал.

— Хм, — буркнул Легген. — Ну и где же этот ваш?.. — спросил он, поеживаясь и всматриваясь в темноту. Свет от кабины лифта только мешал.

Дорс обратилась к сейсмологу:

— Прошу вас, доктор Бенастра, подержите одеяло. А вы, доктор Легген, прикройте дверь кабины, но не защелкивайте.

— У двери кабины нет предохранителя. Вы что, думаете, я из ума выжил?

— Не знаю. Знаю только, что эту дверь вы захлопнули изнутри, а здесь остался человек, который из-за этого не смог попасть внутрь купола.

— Если он здесь, этот ваш человек, покажите мне его! Ну, где он?

— Где угодно! — отрезала Дорс и подняла вверх руки с фонарями.

— Но... мы не можем искать бесконечно, — стуча зубами, проговорил Бенастра.

Фонари светили ярко, выхватывая из мрака большие участки занесенной снегом поверхности купола. Снежинки кружились, словно стаи белой мошкары, налипали на стекло фонарей, мешали смотреть.

— Шаги вели сюда, — сказала Дорс. — Он шел к датчику. Где установлен датчик?

— Мне-то откуда знать? — огрызнулся Легген. — Это не по моей части.

— Доктор Бенастра, где датчик?

— Я... Я не знаю, — испуганно отозвался сейсмолог. — Видите ли, дело в том, что я ведь на самом деле никогда здесь не бывал. Датчик установили давно, до того, как я приступил к работе. Компьютер, наверное, знает где, но мне никогда и в голову не приходило запрашивать у него такие данные... Послушайте, я страшно продрог и не понимаю, зачем я вам тут, наверху, сдался...

— Придется вам немного задержаться, — тоном, не допускающим возражений, сказала Дорс. — Пойдемте со мной. Обойдем вокруг выхода по спирали.

— Много мы увидим! — фыркнул Легген. — Такой снежище...

— Это ясно. Если бы не снег, мы бы его уже давно увидели. Я уверена. Теперь же нам понадобится несколько минут. Ничего, не рассыплемся.

Похоже, она была совершенно уверена в своих словах.

Раскинув в стороны руки с фонарями, Дорс пошла прочь от входа, стараясь освещать как можно более обширное пространство и изо всех сил всматриваясь в темноту.

Но именно Бенастра первым проговорил:

— Что это там? — и показал пальцем.

Дорс нацелила фонари туда, куда он показывал, и пустилась бегом в ту сторону. Мужчины побежали следом.

Селдона они нашли примерно в десяти метрах от выхода, окоченевшего, промокшего. От того места, где он лежал, до ближайшего прибора было и того меньше — всего-то метров пять. Дорс решила было пощупать пульс, но это оказалось не нужно: как только пальцы Дорс прикоснулись к руке Селдона, тот пошевелился и застонал.

— Дайте мне одеяло, доктор Бенастра. Быстро! — прокричала Дорс, не помня себя от радости.

Расправив одеяло, она расстелила его прямо на снегу.

— Теперь приподнимите его и осторожно положите на одеяло. Я укутаю его, и мы все спустимся вниз.

В кабине лифта от Селдона, завернутого в одеяло, повалили клубы пара.

Дорс распоряжалась:

— Доктор Легген, как только мы принесем Гэри в его комнату, бегите за врачом. Найдите кого-нибудь получше и ведите немедленно. Если доктор Селдон поправится, я, клянусь, ни-

кому не скажу ни слова. Но только если он действительно поправится. Не забывайте...

— Да хватит вам нотации читать! — буркнул Легген. — Я понимаю, что виноват, и сделаю все, что в моих силах. Но имейте в виду, виноват я только в том, что взял этого человека с собой наверх, вот и все.

Сверток зашевелился, и послышался хриплый, едва слышный голос.

Бенастра вздрогнул, поскольку голова Селдона покоилась у него на плече.

— Кажется, он что-то хочет сказать, — растерянно пробормотал Бенастра.

— Да, я расслышала, — кивнула Дорс. — Он спросил: «В чем дело?»

Дорс не сдержалась и тихонько рассмеялась. Вопрос был на удивление уместным.

28

Утром, открыв глаза, Селдон увидел рядом со своей постелью Дорс. Она сидела за столиком, читала книгу и делала в блокноте какие-то заметки.

— Ты еще здесь, Дорс? — спросил Селдон почти обычным голосом.

Дорс отложила в сторону вьюер.

— Не могу же я оставить тебя одного, правда? А другим я не доверяю.

— Но я тебя вижу всякий раз, как просыпаюсь. Ты что, все время здесь?

— Да, все время. Сплю, работаю — все здесь, рядом с тобой.

— А как же занятия, студенты?

— Меня пока заменяет ассистент.

Дорс наклонилась и взяла Селдона за руку. Селдон смутился, Дорс заметила это и отпустила его руку.

— Гэри, что же случилось? Я так волновалась.

— Дорс, я должен признаться...

— В чем, Гэри?

— Я подумал, что это был заговор и ты в нем тоже участвовала...

— Какой заговор? Ты о чем?

— Я думал, что кто-то сговорился заманить меня наверх, чтобы я оказался за пределами Университета, то есть на территории, где меня могли бы схватить имперские власти.

— Но ты не покинул пределов Университета. На Тренторе граница сектора простирается снизу доверху, и участок поверхности, находящийся над Университетом, относится к его юрисдикции.

— Вот как! А я этого не знал. Но ты не пошла со мной, сказала, что очень занята, и, когда я впал в отчаяние, я подумал, что ты это нарочно сделала. Прости меня, пожалуйста. Я знаю, это ты меня вытащила оттуда. Остальные наверняка даже не вспомнили обо мне.

— Они — занятой народ, — дипломатично объяснила Дорс. — И потом, они решили, что ты спустился раньше. Совершенно законное предположение.

— И Клозия так думала?

— Эта девушка, практикантка? Да, и она тоже.

— Все равно, заговор не исключен. Без твоего участия, я хочу сказать.

— Нет, Гэри, только я одна виновата. Я не имела никакого права разрешать тебе подниматься наверх без меня. Ведь я обязана о тебе заботиться. Все время ругаю себя за случившееся, за то, что ты заблудился там.

— Погоди, погоди, — неожиданно рассердился Селдон. — Но я вовсе не заблудился. Почему ты так говоришь?

— А ты бы это как назвал? Когда вся группа уходила, тебя поблизости не было, и к лифту ты вернулся, когда уже было совсем темно.

— На самом деле все было не так. Я не заблудился в том смысле, что ушел, а потом не смог найти дорогу обратно. Я сказал, что подозреваю заговор против меня и буду стоять на своем. Паранойей я не страдаю.

— Ну, хорошо, так что же тогда все-таки случилось?

Селдон все рассказал Дорс. Все вспомнил, ничего не забыл. Он просто не мог забыть — весь вчерашний день жуткое приключение виделось ему в кошмарных снах.

Дорс слушала его, нахмурившись.

— Невероятно, — покачала головой она. — Вертолет? Ты уверен?

— Уверен, конечно. Или ты думаешь, у меня была галлюцинация?

— Но имперские власти все равно не имели права арестовать тебя там, наверху. Это было бы таким же грубым вмешательством в дела Университета, как если бы они арестовали тебя здесь, в кампусе.

— Хорошо. Откуда тогда взялся этот вертолет?

— Не знаю. Но у меня такое чувство, что я зря не пошла с тобой наверх. Может быть, все еще хуже, чем тебе кажется. Челвик будет мной очень недоволен.

— Тогда давай не будем ему говорить, — предложил Селдон. — Все ведь хорошо закончилось в конце концов.

— Сказать придется, — печально проговорила Дорс. — Насчет «закончилось» я сильно сомневаюсь.

29

Вечером с визитом явился Легген. Чувствовал он себя неуверенно, смущенно, переводил взгляд с Дорс на Селдона и обратно. Они молчали, как в рот воды набрали.

Наконец он пробурчал, обращаясь к Селдону:

— Вот пришел узнать, как вы себя чувствуете.

— Прекрасно, — ответил Селдон. — Только все время спать хочется. Доктор Венабили говорит, что мне придется провалляться еще пару дней, чтобы окончательно поправиться. Честно говоря, — добавил он с улыбкой, — я не возражаю.

Легген набрал побольше воздуха, шумно выдохнул и наконец заговорил, выдавливая из себя слова:

— Я ненадолго. Я прекрасно понимаю, что вас нельзя беспокоить. Но я все-таки хочу сказать, что сожалею о том, что произошло. Я не должен был столь легкомысленно полагаться на то, что вы спустились вниз один. Вы новичок, и я должен был за вами получше присматривать. Ведь я, именно я взял вас с собой. Надеюсь, у вас хватит доброты, и вы простите меня. Вот и все, что я хотел сказать.

Селдон неожиданно зевнул и прикрыл рот ладонью.

— Простите, ради бога. Не стоит так переживать. Все кончилось хорошо, и я не держу на вас зла. Ведь в каком-то смыс-

ле это и не ваша вина. Я не должен был отходить от группы, и случившееся вряд ли можно рассматривать как...

Дорс прервала его:

— Все, Гэри, хватит болтать. Отдохни. И потом, мне нужно кое о чем спросить доктора Леггена, пока он не ушел. Во-первых, доктор Легген, я прекрасно понимаю, что вас беспокоят последствия этого неприятного происшествия для вас лично. Я обещала вам, что никому ни слова не скажу, если доктор Селдон поправится. Поскольку он поправляется, можете не волноваться. Пока. Я вас хочу спросить кое о чем и надеюсь, на этот раз вы будете более сговорчивы.

— Попытаюсь, доктор Венабили, — буркнул Легген.

— Вы не заметили ничего необычного, пока были наверху?

— Что вы спрашиваете? Конечно, заметил. Я потерял доктора Селдона и только что принес свои извинения.

— Я не об этом. Больше ничего необычного не произошло?

— Нет, ничего. Абсолютно ничего.

Дорс посмотрела на Селдона, а Селдон нахмурился. Ему показалось, что Дорс хочет проверить, правду ли он ей рассказал. Неужели она решила, что поисковый вертолет ему померещился? Он уже собрался было поспорить, но Дорс сделала знак молчать, словно хотела дать понять, что не стоит. Селдон промолчал — с одной стороны, решил послушаться Дорс, с другой — потому, что на самом деле безумно хотел спать. Он всей душой надеялся, что Легген не будет тут торчать слишком долго.

— Вы уверены? — упорствовала Дорс. — Никто не мешал вашим наблюдениям?

— Да нет же, говорю вам! Хотя...

— Да, доктор Легген?

— Над нами пролетел... летательный аппарат.

— Летательный аппарат? Какой именно?

— Вертолет.

— Это вас удивило?

— Вовсе нет.

— Почему же?

— Слушайте, это становится похоже на допрос, доктор Венабили. И мне это совсем не нравится.

— Сочувствую, доктор Легген, но дело в том, что эти вопросы имеют самое непосредственное отношение к тому, что произошло с доктором Селдоном. Весьма вероятно, что все намного сложнее, чем мне показалось поначалу.

— В каком смысле? — сердито поинтересовался Легген. — Вы собираетесь и дальше экзаменовать меня, требовать еще каких-то объяснений? Имейте в виду, я могу и отказаться.

— Вряд ли вам удастся отказаться. Объясните для начала, почему вы считаете, что в поисковом вертолете нет ничего такого особенного.

— Потому, милая дама, что у многих метеостанций на Тренторе есть свои вертолеты, которыми они пользуются для проведения наблюдений облаков и верхних слоев атмосферы. У нашей станции, правда, своего вертолета нет.

— Почему же? Это было бы так удобно.

— Конечно. Но мы не соревнуемся между собой и секретов друг от друга не таим. Мы сообщаем наши сведения, другие метеорологи — свои. Поэтому имеет смысл заниматься разными вещами. Было бы глупо подменять друг друга целиком и полностью. Те деньги, которые мы могли бы выбросить на приобретение вертолета, ушли на более нужные нам вещи — мезонные рефрактометры, к примеру, а у других все наоборот. Сэкономили на рефрактометрах, а купили вертолет. Такие вот дела. Как бы секторы ни выпендривались друг перед другом, ученые держатся друг за дружку. Надеюсь, вам это известно, — добавил Легген не без издевки.

— Известно, — кивнула Дорс, — и все-таки: не странно ли, что чей-то вертолет кружится над вашей базой именно в тот день, когда вы собрались провести собственные наблюдения?

— Ничего странного. Мы из того, что собираемся на базу, секрета не делали — наоборот, объявили об этом. Что же удивительного, если метеорологи с другой станции сочли разумным одновременно произвести нефелометрические наблюдения — то есть наблюдения за облаками? Ведь если сверить полученные результаты, может выйти довольно интересно.

— Стало быть, они просто проводили какие-то замеры, да? — растерянно спросил Селдон.

— Конечно, — ответил Легген. — Чем еще они могли заниматься?

Дорс часто заморгала — такое с ней случалось, когда она старалась быстро сообразить, что сказать.

— Резонно. Но какой базе принадлежит этот вертолет?

Легген покачал головой:

— Доктор Венабили, откуда же мне знать?

— Просто я подумала, что, может быть, на метеорологических вертолетах рисуют какие-нибудь опознавательные знаки, говорящие, с какой они базы?

— Так оно и есть, но только я не смотрел, не разглядывал. Мне некогда было. Своей работы хватало. Поступит информация, и я узнаю, чей это был вертолет.

— А если не поступит?

— Тогда я позволю себе предположить, что у них вышли из строя приборы. Такое случается время от времени.

Легген сжимал и разжимал пальцы и наконец сжал правую руку в кулак.

— Ну, все?

— Минутку. А как вам кажется, откуда мог прилететь этот вертолет?

— С любой базы, располагающей вертолетами. В течение дня вертолет может добраться до нас практически из любого места планеты.

— И все-таки: откуда вероятнее?

— Трудно сказать... Гестелония, Сэтчем, Зиггорет, Северный Дамиано. Вероятнее всего — из этих четырех секторов, но остальные сорок вовсе не исключаются. Минимум — сорок.

— Тогда еще один вопрос. Последний. Доктор Легген, вы никому случайно не обмолвились, когда собирались наверх, что доктор Селдон, математик, отправится с вами?

Лицо Леггена озарилось искренним, неподдельным удивлением, которое, однако, быстро сменилось выражением крайней подозрительности.

— Я никогда не подаю списка. Кому это интересно?

— Что ж, ладно, — вздохнула Дорс. — Стало быть, доктор Селдон просто увидел какой-то вертолет и испугался. Почему — я пока не поняла, но это не давало ему покоя. В общем, он бросился бежать от вертолета, заблудился, не мог или боялся вернуться и решился пойти обратно только тогда, когда сильно стемнело, а в темноте немного не дошел до базы. За это вас винить никак нельзя, так что давайте забудем о случившемся — и вы, и я. Договорились?

— Договорились, — кивнул Легген. — До свидания.

Он развернулся на каблуках и вышел из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, Дорс осторожно стащила с Селдона шлепанцы, поудобнее укрыла одеялом. Он спал — крепко и безмятежно.

А Дорс села к столу и задумалась. Правду ли сказал Легген? Как проверить?

Глава 7

МИКОГЕН

МИКОГЕН — *сектор древнего Трентора. ...Безнадежно отстав от жизни, купаясь в собственном легендарном прошлом, Микоген не сыграл большой роли в истории планеты. Его самоизоляция достигла такой степени...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

30

Проснувшись, Селдон увидел рядом с собой человека, который озабоченно разглядывал его. Селдон поморгал, протер глаза и удивленно пробормотал:

— Челвик...

Челвик усмехнулся.

— Не забыл, значит?

— Нет, не забыл, хотя мы виделись два месяца назад. Значит, тебя не арестовали, и ничего такого...

— Я здесь, как видишь, цел и невредим, хотя... — тут он бросил взгляд на Дорс, которая стояла с ним рядом, — выбраться сюда мне было не так-то просто.

— Я так рад тебя видеть! — улыбнулся Селдон. — Не возражаешь, если... — он показал пальцем в сторону ванной.

— Делай все, что нужно. Мойся, завтракай.

Завтракал Селдон в одиночку. Челвик и Дорс молчали. Челвик лениво проглядывал библиофильм. Дорс довольно долго и внимательно изучала свои ногти, потом вынула микрокомпьютер и принялась делать какие-то заметки.

Селдон поглядывал на друзей, но не пытался начать разговор. Может, на Тренторе так было положено — не разговари-

вать много с больными. Правду сказать, чувствовал он себя уже нормально, но, может быть, друзья этого не понимали.

Только тогда, когда Селдон прожевал последний кусочек и запил его полным стаканом молока (к молоку он уже привык, и вкус его уже не казался ему неприятным), Челвик наконец заговорил:

— Ну, как себя чувствуешь, Селдон?

— Прекрасно, Челвик. То есть передвигаться могу свободно.

— Отрадно слышать, — сухо кивнул Челвик. — Я очень сердит на Дорс Венабили за то, что она такое допустила.

— Нет-нет, — нахмурился Селдон. — Она ни при чем. Это я сам захотел подняться наверх.

— Не сомневаюсь, но она должна была обязательно пойти туда вместе с тобой.

— А я попросил ее не ходить со мной.

— Это неправда, Гэри, — возразила Дорс. — Не оправдывай меня.

— Ладно, не буду, — мотнул головой Гэри. — Но, Челвик, не забывай, именно Дорс поднялась наверх за мной, и это ей удалось непросто, и в конце концов именно она спасла мне жизнь. Тут уж никакой неправды нет. Ты это учел, Челвик?

— Прошу тебя, Гэри, — вмешалась Дорс. — Четтер Челвик совершенно прав. Я не имела никакого права разрешать тебе покидать стены Университета без меня. Не волнуйся, мои последующие действия он оценил по достоинству.

— Ну ладно, — сказал Челвик. — Это дело прошлое, и мы о нем забудем. А поговорим о том, что случилось наверху, Селдон.

— А... безопасно ли это? — спросил Селдон, испуганно оглядевшись по сторонам.

— Дорс позаботилась, — усмехнулся Челвик, — чтобы твоя комната была окружена отражающим полем. Так что я совершенно уверен: ни один имперский агент, если такие бродят по Университету, не сможет нас подслушать. А ты, оказывается, подозрителен, Селдон?

— Не от рождения, уверяю тебя. Наслушался тебя тогда в парке, да и потом... Это у тебя талант внушения, Челвик. Мне тогда Эдо Демерзель в каждой тени мерещился.

— Порой мне кажется, что он — это я, — буркнул Челвик.

— Не думаю, — покачал головой Селдон. — Я бы его узнал, наверное. А каков он собой, Челвик?

— Неважно. Все равно ты его не увидишь, если только он сам не пожелает тебя увидеть, да только боюсь, все равно ты на него и глянуть не успеешь. Все будет кончено. Вот именно с таким оборотом дел нам и предстоит побороться. Давай-ка поговорим о том вертолете, который ты видел.

— Ну, я же сказал, Челвик, ты приучил меня бояться Демерзеля. И стоило мне увидеть вертолет, я сразу решил, что это за мной, что я совершаю ужасную, непростительную глупость, уйдя из Университета, что меня туда заманили нарочно, исключительно для того, чтобы легче было меня схватить.

— Но Легген утверждает... — прервала Селдона Дорс.

— Да, кстати, — подхватил Селдон, — он случайно не заходил сюда вчера?

— Заходил, разве ты не помнишь?

— Помню, но как-то плохо. Я был так слаб. Все спуталось в голове.

— Ну так вот. Он был здесь вчера поздно вечером и сказал, что этот вертолет — всего-навсего летательный аппарат, принадлежащий метеорологам с другой станции. Самый обычный. Совершенно неопасный.

— Что? — воскликнул Селдон. — Нет, не верю!

— Вот и разберемся, — предложил Челвик. — Поставим вопрос так: почему ты в это не веришь? Что такого было в этом вертолете, что он показался тебе опасным? Было такое или нет, или дело всего-навсего в той мнительности, которая зародилась у тебя в душе под моим влиянием?

Селдон задумался, прикусил губу.

— Было! — кивнул он наконец. — Было. То, как действовали пилоты. Кабина вдруг выныривала из облаков, словно те, кто в ней сидел, что-то высматривали. Потом вертолет перелетал в другое место, и повторялось то же самое. Все время. Было такое впечатление, что экипаж занят внимательным осмотром поверхности и охотится именно за мной.

— Может быть, ты преувеличиваешь, Селдон? — Челвик покачал головой. — Может быть, ты тогда сравнивал вертолет с каким-то жутким хищником, выслеживающим свою жертву, то бишь — тебя. Это, безусловно, ерунда. Это был самый обычный вертолет, а если он принадлежал метеорологам, то и дей-

ствия пилотов, судя по твоему описанию, совершенно обычны, и ничего опасного я в них не вижу.

— А мне так не показалось, — упрямо мотнул головой Селдон.

— Естественно, не показалось, но ведь достоверных данных у нас нет. Твоя убежденность в том, что тебе грозила опасность, это не более чем предположение. Правда, утверждение Леггена о том, что вертолет наверняка принадлежал метеорологам, это тоже не более чем предположение.

— Ни за что не поверю, — нахмурился Селдон, — что все так невинно.

— Ну, хорошо, — сказал Челвик, наклонился вперед, сложил руки на груди. — Предположим самое худшее: вертолет действительно охотился за тобой. Откуда было тому, кто его послал, знать, что ты в это время будешь наверху?

Тут вмешалась Дорс:

— Я спросила у доктора Леггена, не включил ли он в сообщение о предстоящем выходе на метеостанцию информацию о том, что в группу включен Гэри Селдон. В принципе, он не обязан был этого делать, и вопрос мой его просто поразил. Он сказал, что такого сообщения не делал, и я ему поверила.

— Ну, это ты, положим, зря. Не стоит верить ему так легко, — посоветовал Челвик. — Он в любом случае ответил бы отрицательно. Лучше подумаем вот о чем: почему он так легко согласился взять Селдона с собой. Мы знаем, что он не горел желанием брать его, а потом вдруг взял и согласился. Причем без особых возражений. Насколько я знаю Леггена, это на него не похоже.

Дорс сдвинула брови.

— Ну, знаете, так можно все на него свалить. Тогда выходит, он все и организовал. И Гэри взял с собой только для того, чтобы облегчить его арест. Может быть, он получил соответствующий приказ на этот счет. Можно пойти дальше: он дал распоряжение этой юной практиканточке, Клозии, дабы она заговорила Гэри зубы, увела его подальше от группы. Вот вам и объяснение того, почему Легген так легко вернулся вниз без Гэри и не слишком беспокоился по поводу его отсутствия. Он мог запросто отговориться — ведь он старательно проинструктировал Гэри на предмет того, как ему вернуться вниз самостоятельно, если замерзнет. Тогда и его упорное нежелание та-

щиться наверх на поиски Гэри тоже объяснимо: к чему ему было соглашаться идти искать того, кого, по его мнению, уже давным-давно сцапали?

Челвик внимательно выслушал Дорс, кивнул и сказал:

— Восхитительно выстроенное обвинение, но давайте все-таки пока не будем торопиться. В конце концов, он ведь все-таки пошел с тобой наверх, правда?

— Пошел, но только потому, что я заявила, что зарегистрированы шаги. А сейсмолог это подтвердил.

— Хорошо, давай так: был ли Легген шокирован, когда вы нашли Селдона? Вел он себя так, как вел бы себя человек, нашедший того, кто по его вине попал в страшную беду? Так он себя вел или был просто ошарашен тем, что вы все-таки нашли Гэри — Гэри, которого, по мнению Леггена, там и быть не могло? Не было ли в его поведении молчаливого вопроса: «Как же это вышло, что его не сцапали?»

Немного подумав, Дорс ответила:

— Да, он, безусловно, был потрясен, увидев Гэри, но ничего такого сверхъестественного я в его поведении не заметила — самая обычная реакция. Так отреагировал бы любой на его месте, мне кажется.

— Понимаю. Заметить было трудно.

И тут Селдон, который внимательно слушал их разговор, переводя взгляд с лица Дорс на лицо Челвика, неожиданно покачал головой и сказал:

— Я не думаю, что Легген виноват.

Челвик пристально посмотрел на Селдона.

— Почему?

— Во-первых, ты совершенно справедливо заметил, что поначалу он был явно против того, чтобы я пошел с ними наверх. Его пришлось целый день уговаривать, да и согласился он в конце концов, по-моему, только из-за того, что его убедили в том, что я — опытный математик и смогу оказать ему помощь в проработке его метеорологической концепции. Выход на поверхность был целиком и полностью моей идеей, и, если бы у него был какой-то приказ вытащить меня туда, вряд ли бы он стал так долго упрямиться.

— Неужели ты ему понадобился только в качестве математика? Он с тобой обсуждал какие-то математические подробности? Пытался изложить тебе свою концепцию?

— Нет, — ответил Селдон. — Не пытался. Он что-то буркнул насчет того, что не прочь поговорить со мной об этом попозже. А там, наверху, он только и делал, что возился со своими приборами. Я так понял, что он ожидал, что покажется солнце, и думал, что инструменты наврали, а выяснилось, что с ними все в полном порядке, и, похоже, он из-за этого просто из себя вышел. Словом, ему там было явно не до меня. Что же касается Клозии, этой девушки, которая уделила мне несколько минут... нет, знаете, сейчас, когда я все вспоминаю, нет у меня чувства, что она нарочно увела меня от базы. Я сам виноват. Меня заинтересовала растительность на поверхности планеты, и скорее я увел Клозию от группы, чем наоборот. Вряд ли Легген руководил ее действиями: ведь он окликнул ее, когда меня было еще хорошо видно. А уж дальше я сам ушел.

— И все-таки, — возразил Челвик, который, похоже, решил нынче возражать всем, — если этот вертолет искал тебя, те, кто на нем летел, видимо, знали, что ты находишься там. Откуда же им было знать об этом, как не от Леггена?

— Я подозреваю совсем другого человека, — заявил Селдон. — Молодого психолога по имени Лисунг Ранда.

— Ранда? — воскликнула Дорс. — Не может быть! Я его хорошо знаю. Он просто не способен работать на Императора. Да он до мозга костей антиимпериалист!

— Притворяется, наверное, — хмыкнул Селдон. — Кого же ему еще из себя корчить, как не выразителя самых что ни на есть антиимпериалистических взглядов, когда он — имперский агент?

— Да какой он выразитель? — не унималась Дорс. — Спокойный, милый, добродушный человек, мягкий, добрый, бесхитростный. Убеждена, агенты такими не бывают.

— Тем не менее, Дорс, — возразил Селдон, — именно он рассказал мне о метеорологическом проекте. Именно он порекомендовал мне подняться наверх, именно он уговорил Леггена взять меня с собой, расписав в красках, какой я замечательный математик. Просто удивительно, зачем ему так не терпелось выпихнуть меня на поверхность, зачем он старался?

— Ради тебя, Гэри, я думаю. Ты ему небезразличен, Гэри. Наверное, он решил, что, как это ни парадоксально, тебе будет полезно заглянуть в метеорологию ради психоистории. Разве не так?

— Давайте переключимся, — предложил Челвик. — Ведь с того момента, как Ранда впервые поведал тебе о метеорологическом проекте, до твоего выхода на поверхность прошло довольно много времени. Если Ранда ни в чем не замешан, у него не было никаких причин держать язык за зубами. Если он действительно такой милый, общительный человек...

— Такой, такой! — решительно кивнула Дорс.

— ...то ничто не помешало бы ему разболтать обо всем куче приятелей. Тогда выяснить, кто конкретно сработал как оповеститель, у нас возможности нет. Кстати, то, что Ранда — антиимпериалист, само по себе ничего не значит. Он все равно может быть агентом. Ставим вопрос так: на кого он работает? Чей он агент?

Селдон удивился не на шутку:

— А на кого он еще может работать, если не на Империю? Кому я еще нужен, кроме Демерзеля?

Челвик покачал указательным пальцем.

— Ты просто не понимаешь, насколько сложна трентрорианская политика, Селдон.

Обернувшись к Дорс, Челвик попросил:

— Напомни мне, будь добра, какие секторы перечислил Легген, когда ты спросила его о том, откуда мог прилететь метеорологический вертолет?

— Он назвал Гестелонию, Сэтчем, Зиггорет и Северный Дамиано.

— Наводящих вопросов ты не задавала? Про какой-то конкретный сектор не спрашивала?

— Нет. Я просто спросила его, как он думает, откуда бы мог прилететь вертолет.

— Ну а ты, — спросил Челвик у Селдона, — никаких опознавательных знаков на вертолете не заметил?

Селдон приготовился к бурному объяснению. Он хотел заявить, что вертолет большую часть времени прятался за облаками, что ему самому было не до того, чтобы разглядывать опознавательные знаки, что он думал только о Демерзеле и о том, как получше и побыстрее спрятаться. Но ничего этого он говорить не стал — решил, что Челвик об этом и так знает.

— Нет, не заметил, — ответил он.

— Но если вертолет действительно за ним охотился, опознавательные знаки могли быть закрашены, правда?

— Резонное предположение, — согласился Челвик. — Рациональное. Однако рациональность в нашей Галактике не всегда приводит к успеху. Пока же, раз Селдон никаких опознавательных знаков не видел, нам остается только гадать. Моя точка зрения такова: Сэтчем.

— Не понял? — нахмурился Селдон. — Зачем?

— Что — «зачем»? С-э-т-ч-е-м, — по буквам проговорил Челвик. — Это такой сектор. Очень специфический, между прочим. Уже три тысячелетия им правит династия мэров. Лет этак пятьсот назад на Императорском троне посидели двое Императоров и Императрица из Дома Сэтчема. Но, увы, недолго. Ничего выдающегося за ними не числится. А вот мэры Сэтчема своего монаршего прошлого не позабыли. Нет, они не выказывали открытого неповиновения Императорам, которые правили позднее, но и особым повиновением не блистали. Во время гражданских войн они хранили нейтралитет и предпринимали такие шаги, чтобы эти войны всячески затянуть и заставить противников обратиться за помощью к Сэтчему. Ничего они этим не добились, но пытаться не перестали. Нынешний мэр Сэтчема пользуется необычайным влиянием. Он, правда, человек старый, но амбиции его не остыли, и, если что-то стрясется с Клеоном — пусть даже самая что ни на есть естественная смерть, — мэр не преминет потягаться за Императорский трон с сыном Клеона. Мальчик еще мал, и мэр может рассчитывать на поддержку Галактики. Следовательно, если мэр Сэтчема слышал о тебе, вполне возможно, что он возмечтал заполучить тебя в качестве придворного предсказателя. Все укладывается: они отправляют Клеона на тот свет, ты предсказываешь неизбежное воцарение Сэтчемской династии и мир с процветанием в придачу на ближайшую тысячу лет. Ну а когда Сэтчем заберется на трон, ты станешь не нужен. Тебя похоронят рядом с Клеоном.

Селдон нахмурился, помолчал.

— Но ведь мы же не знаем наверняка, что этот вертолет прилетел из Сэтчема, правда?

— Нет, не знаем. Мы ничего не знаем наверняка. В конце концов, вертолет и правда мог быть самым обычным безобидным летательным аппаратом метеорологов, как сказал Легген. И все же, поскольку сплетни о психоистории и ее возможностях распространяются — а уж это я точно знаю, — все больше

и больше властителей на Тренторе мечтает заполучить тебя и использовать в своих интересах.

— И что же, — спросила Дорс, — нам теперь делать?

— Вот это, я понимаю, вопрос, — кивнул Челвик. — Видимо, — сказал он, немного поразмыслив, — не стоило сюда приезжать. Слишком уж легко догадаться, что в первую очередь профессор спрячется в Университете. Конечно, кроме Стрилинга, Университетов хватает, но Стрилингский — один из самых независимых, и догадаться можно. Я думаю, что как можно скорее — желательно сегодня же — Селдона следует перебросить в другое, более безопасное место. Вот только...

— Только — что? — нахмурился Селдон.

— Только я не знаю куда.

— Можно запросить у компьютера каталог и ткнуть пальцем в любое место.

— Тоже мне, придумал! — фыркнул Челвик. — Так мы рискуем угодить в место, где окажется менее безопасно, чем везде. Нет, так нельзя. Нужно что-то придумать.

31

Прошло время ленча, а троица никуда не выходила из комнаты Селдона. Дорс и Селдон болтали о том о сем, а Челвик в основном помалкивал. Сидел прямо, ел мало, смотрел еще угрюмее, чем обычно, и как-то сразу постарел на несколько лет.

«Наверное, вспоминает географию Трентора, — решил Селдон, — и ищет местечко побезопаснее. Нелегко ему небось».

На самом деле, родной Геликон Селдона был не такой уж маленькой планетой — он был чуть побольше Трентора. На Геликоне имелся даже собственный океан — поменьше, чем на Тренторе. А площадь поверхности суши была намного больше — приблизительно процентов на десять. Но если на Тренторе люди жили везде как в одном громадном городе, на Геликоне городов было раз-два и обчелся. Административных округов на Геликоне насчитывалось всего двадцать, а на Тренторе — свыше восьмисот, и вдобавок каждый из них делился на более мелкие единицы.

Наконец Селдон не выдержал и сказал:

— Послушай, Челвик, у меня есть предложение. Давай вы-

берем из тех, кто мечтает меня заграбастать, самого доброго и отдадим меня ему, а он пусть меня от других защищает.

Челвик взглянул на него и ответил совершенно серьезно:

— В этом нет нужды. Я знаю такого человека. Можно сказать, *почти доброго*. И ты у него уже есть.

Селдон усмехнулся.

— Хочешь потягаться с мэром Сэтчема и Императором всей Галактики?

— Зачем? Пустая трата времени. Но, с точки зрения желания владеть тобой, я с ними вполне могу поспорить. Им ты нужен только для того, чтобы возвыситься еще сильнее, а у меня нет никаких амбиций, кроме желания сделать доброе дело для Галактики.

— У меня такое подозрение, — буркнул Селдон, — что всякий из твоих соперников, спроси его кто-нибудь, точно так же клялся бы, что печется о Галактике, и только о Галактике.

— Как пить дать, — кивнул Челвик, — но пока ты имел удовольствие лично познакомиться только с одним из моих соперников — то бишь с Императором. Вспомни, чего он от тебя хотел? Я же от тебя ничего подобного не требую. Я прошу тебя только о том, чтобы ты доработал методические аспекты психоистории и обрел возможность делать математически верные прогнозы, пускай всего лишь статистического порядка.

— Ага. Всего-навсего, — печально усмехнулся Селдон.

— Позволь, кстати, поинтересоваться, как идут дела в этом направлении? Есть достижения?

Селдон был готов и расхохотаться, и разразиться проклятиями. Однако ни того, ни другого он не сделал. Немного помолчав, он тихо переспросил:

— Достижения? Ты шутишь? За такое время? Ведь прошло меньше двух месяцев! Челвик, на это не хватит моей жизни, и не только моей. Еще дюжина математиков будет биться после меня и ничего не добьется.

— Я не имею в виду ничего законченного, даже ничего обнадеживающего. Ты все время твердил, что применение психоистории возможно, но неосуществимо. Вот я и спрашиваю — не блеснул ли лучик надежды? Не кажется ли тебе теперь твоя задача более осуществимой?

— Увы, не кажется.

— Прошу прощения, — вмешалась Дорс. — Я, конечно, не

математик, поэтому не сочтите мой вопрос дурацким. Как это что-либо может быть одновременно и возможным, и неосуществимым? Ты, Гэри, как-то говорил, что теоретически для тебя возможно лично познакомиться и пожать руку всем жителям Галактики, однако это неосуществимо, поскольку на это тебе не хватит жизни. Но позволь спросить, почему ты приравниваешь психоисторию к такому занятию?

Селдон удивленно уставился на Дорс.

— Ты действительно хочешь, чтобы я это *объяснил?*

— Да! — И она так тряхнула головой, что кудряшки рассыпались.

— Я тоже не прочь послушать, — сказал Челвик.

— Без математических подробностей? — хитро усмехнулся Селдон.

— Если можно, — попросил Челвик.

— Так... — Селдон немного подумал, решая, с чего начать. — Ну, хорошо. Если, допустим, вы решили изучить какой-то из аспектов Вселенной, полезно до предела упростить задачу и взять для анализа только те его свойства и качества, которые важны для понимания. Если вы, допустим, собрались выяснить, как падает предмет, вам нет нужды выяснять, старый он или новый, красный или зеленый и как он пахнет. Такие характеристики вы попросту отбрасываете, чтобы не усложнять себе задачу. Подобное упрощение можно назвать моделью и пользоваться ею либо обычным путем, на экране компьютера, либо вывести в виде математической формулы. Возьмем для примера простейшую теорию нерелятивистской гравитации...

— Гэри, ты обещал! — прервала его Дорс. — Ты обещал, что никакой математики не будет. И не прячься за словечками типа «простейшая».

— Нет, нет! Когда я назвал эту теорию простейшей, я лишь хотел сказать, что она жутко древняя и родилась в туманном прошлом вместе с огнем и колесом. Однако формулы гравитационной теории содержат в себе описание принципов движения планетарных систем, двойных звезд, раскрывают причины приливов и так далее. С помощью этих уравнений можно даже добиться разработки визуальной модели вращения планеты вокруг звезды, взаимного движения пары звезд — на двухмерном экране. Более сложные взаимосвязи можно проследить с

помощью трехмерной голограммы. Такие вот упрощенные модели порой помогают лучше уяснить суть явления, чем если бы мы принялись старательно изучать явление само по себе, в его истинном виде. И на самом деле без гравитационных формул наши знания о движении планет и о небесной механике вообще были бы крайне ограниченными.

Итак, затем у вас возникает желание узнать о каком-то явлении больше, потом — еще больше, а может быть, само явление усложняется, и тогда вам потребуются все более и более сложные уравнения, все более и более изощренное программирование, и получаемая в итоге компьютерная модель становится все сложнее и сложнее для понимания.

— А модель модели разработать нельзя? — поинтересовался Челвик. — Может, так было бы проще?

— В таком случае неизбежно придется отбрасывать кое-какие характеристики явления, без которых просто невозможно, и ваша модель станет бесполезной, бессмысленной. МВМ — то есть минимальное возможное моделирование — обрастает деталями гораздо быстрее, чем само изучаемое явление. В общем, много тысяч лет назад было доказано, что для того, чтобы смоделировать Вселенную во всей ее сложности, нужна модель, размеры которой будут не меньше самой Вселенной. Другими словами, это означает, что цельную картину Вселенной можно получить лишь за счет изучения самой Вселенной. Было доказано также, что, если предпринять попытку вычленить модель какого-то участка Вселенной, потом еще одного, потом еще и еще, а потом попытаться, как из кубиков, сложить целую Вселенную, становится ясно, что таких крошечных моделей — бесконечное количество. Поэтому для понимания Вселенной в целом при таком подходе потребуется бесконечное время. Вот еще один пример того, что нельзя объять необъятное.

— Пснятно... — задумчиво пробормотала Дорс.

— Итак, мы знаем, следовательно, что некоторые относительно простые вещи моделировать легко, но чем они сложнее, тем труднее их моделировать, а в конце концов — просто невозможно. Но в какой момент, на каком этапе моделирование становится невозможным? На каком уровне сложности? Пока мне удалось показать при помощи математического метода, разработанного в нашем столетии и трудного для применения

даже при использовании самого грандиозного и умного компьютера, что наше Галактическое сообщество до этой отметки пока не добралось. Его можно продемонстрировать с помощью упрощенной модели. Тогда я пошел дальше и решил доказать, что за счет этого есть возможность прогнозировать события будущего на уровне статистики — то есть определять вероятность различных вариантов течения событий, а не безапелляционно утверждать, что то или иное событие обязательно произойдет.

— Раз так, — сдвинул брови Челвик, — раз ты действительно можешь построить модель Галактического сообщества, почему бы тебе не сделать этого? Что же тут неосуществимого?

— Пока я всего лишь доказал, что на понимание принципов существования Галактического сообщества не уйдет бесконечного времени. Но если окажется, что на его изучение уйдет миллиард лет, это, можно считать, неосуществимо. Ничем не лучше бесконечности.

— И что, именно столько нужно времени? Миллиард лет?

— Я не сумел определить точно, сколько лет уйдет, но никак не меньше миллиарда. Я эту цифру не с потолка взял.

— И все-таки ты в этом не уверен окончательно.

— Пытался определить.

— Но не определил.

— Нет, не определил.

— А как университетская библиотека? Ничем не помогла? — спросил Челвик, бросив взгляд на Дорс.

— Увы, — покачал головой Селдон.

— Ну а Дорс ничем помочь не может?

Дорс вздохнула:

— Я в этом ничего не понимаю, Четтер. Я могу только предложить подходы. Если Гэри следует моему совету, но ничего не находит, что же я могу поделать.

Челвик встал.

— Раз так, то в Университете торчать нет никакого смысла. Я должен как следует подумать, где тебя поместить.

Селдон подался вперед и тронул Челвика за рукав.

— Но у меня есть идея.

Челвик посмотрел на Селдона в упор — не то удивленно, не то подозрительно,

— Да? И когда же она родилась? Только что?

— Нет. Эта мысль вертелась у меня в голове несколько дней, еще до того, как я вышел на поверхность. Приключение несколько выбило меня из колеи, но ты спросил про библиотеку, и я вспомнил.

Челвик снова уселся на стул.

— Говори, что за идея, если, конечно, не собираешься обрушить на меня поток формул.

— Никаких формул, не бойся. Просто, когда я читал книги по истории, занимаясь в библиотеке, я заметил, что в прошлом жизнь Галактического сообщества текла как-то проще. Двенадцать тысячелетий назад, когда Империя только создавалась, в Галактике насчитывалось всего около десяти миллионов обитаемых миров. А двадцать тысячелетий назад в союз доимперских королевств входило и того меньше — десять тысяч миров. Чем глубже в прошлое, тем сильнее уменьшается численность сообщества. Вероятно, так можно добраться до одного-единственного мира, того самого, легендарного, о котором ты мне говорил, Челвик.

— Стало быть, — сказал Челвик, — ты считаешь, что, оперируя более малочисленным, менее сложным сообществом, ты мог бы продвинуться в психоистории?

— Да, мне так кажется.

— И тогда, — радостно подхватила Дорс, — если тебе удастся применить законы психоистории к малочисленному сообществу прошлого и экстраполировать результаты исследования на тысячу лет вперед, ты сможешь проверить, верно ли выбрал точку отсчета. Настоящее время к твоим услугам.

Челвик холодно покачал головой.

— Предсказание событий тысячного года Галактической Эры? Нечистый эксперимент. Ты будешь испытывать бессознательное воздействие имеющихся у тебя знаний о том, что есть на самом деле, и невольно будешь подбирать для уравнений такие величины, чтобы получить нужный ответ.

— Не думаю, — возразила Дорс. — Прежде всего мы не так уж досконально знаем, что происходило в тысячном году Галактической Эры. Придется здорово покопаться. Ведь это было одиннадцать тысячелетий назад.

— Что ты хочешь сказать, Дорс? — взволнованно спросил Селдон. — Что значит — «не так уж досконально»? Разве тогда не было компьютеров?

— Были, конечно.

— Ну так в чем дело? Банки памяти, записи свидетельств современников. За тысячный год должны быть точно такие же записи, как за нынешний, двенадцатитысячный.

— Теоретически — да, но на деле... Ой, Гэри, я уже начала за тобой повторять. В общем, записи за тысячный год получить возможно, но неосуществимо.

— Хорошо усвоила, Дорс, но только когда я так говорю, я имею в виду математику. Не понимаю, какое отношение это может иметь к историческим отчетам.

— Отчеты не вечны, — защищаясь, ответила Дорс. — Банки памяти могут быть уничтожены, захвачены противником в процессе конфликтов, могут быть просто утрачены с течением времени. Любой бит памяти, любой отчет, к которому долгое время не обращаются, со временем переходит в разряд накопившихся информационных шумов. Говорят, примерно треть из всех отчетов, хранящихся в Имперской Библиотеке, — сущий хлам, но принятые там порядки не позволяют взять и выбросить эти отчеты. А другие библиотеки не так ортодоксальны. В Стрилинге, к примеру, каждые десять лет проводится инвентаризация, и материалы, не пользующиеся спросом, подлежат уничтожению. Конечно, те отчеты, которые часто читают, которые существуют во многих экземплярах в библиотеках различных миров, как в государственных, так и в частных, хранятся тысячелетиями, и поэтому ключевые события Галактической истории остаются общеизвестными даже в тех случаях, если они происходили в доимперские времена. И все-таки, чем дальше в прошлое, тем меньше вероятности, что записи сохранены.

— Просто не верится! — воскликнул Селдон. — А я считал, что, как только отчет приходит в негодность, с него тут же снимаются копии. Как же можно давать знаниям исчезнуть?

— Нежелательные знания — это бесполезные знания, — ответила Дорс. — Ты просто не представляешь себе, сколько времени, труда, стараний ушло бы на то, чтобы непрерывно ворошить этот бесполезный хлам.

— Но как же! А вдруг кому-то потребуется именно этот хлам?

— Раз в тысячу лет? Уволь, пожалуйста. Это нерентабельно. Даже в науке. Вот ты говорил о простейших уравнениях грави-

тации и сказал, что назвал их простейшими только потому, что время их выведения теряется в тумане веков. Как же такое могло произойти? Разве твои соратники, математики, физики, не могли сберечь все данные и докопаться до тех времен, когда кто-то придумал эти уравнения?

Селдон промычал что-то нечленораздельное.

— Слушай, Челвик, моя идея такова: если углубляться в прошлое и рассматривать более примитивное сообщество, практическое применение психоистории становится более вероятным. Однако объем знаний, оказывается, уменьшается гораздо быстрее, чем размеры сообщества, следовательно, применение психоистории становится менее вероятным. Такие вот дела.

— Между прочим, есть такой сектор — Микоген, — задумчиво проговорила Дорс.

— Это точно, — подхватил Челвик, бросив на Дорс понимающий взгляд. — Очень неплохое местечко для Селдона. Как я сам не додумался?

— Микоген? — ошарашенно переспросил Селдон, глядя по очереди то на Дорс, то на Челвика. — Что за Микоген? И где?

— Гэри, прошу тебя, я тебе потом расскажу. Надо собираться. Ты уедешь сегодня вечером.

32

Дорс уговорила Селдона немного поспать. Тронуться в путь им предстояло в то время, как в Университете гасили огни, так сказать — под покровом «ночи».

— А ты опять на полу уляжешься? — спросил Селдон.

Она пожала плечами.

— Кровать узкая, и, если мы уляжемся вдвоем, мы оба не выспимся.

Селдон испытующе посмотрел на Дорс и сказал:

— Тогда на полу лягу я.

— Вот уж нет. Это же не я замерзала в снегу!

В общем, они так и не заснули. Погасили свет, стало тихо, вечный гул Трентора лишь слегка нарушал тишину. Селдон решил заговорить.

— Дорс... Я себя неловко чувствую. Я тебе столько хлопот

доставил. Из-за меня ты от своей работы отвлекалась. Но... понимаешь, мне жаль прощаться с тобой.

— Зачем же прощаться? Я еду с тобой. Челвик хлопочет об отпуске для меня.

— Я не посмел бы просить тебя об этом.

— И не надо. Меня попросил Челвик. Я обязана беречь тебя. Ведь я так опростоволосилась, из-за меня ты попал в беду. Теперь должна реабилитироваться.

— Прошу тебя! Пожалуйста! Ты ни в чем не виновата!.. Правда, честно говоря, я действительно чувствую себя спокойнее, когда ты рядом. Если бы только я был уверен, что не мешаю тебе...

— Не мешаешь, Гэри, — нежно проговорила Дорс. — Спи, пожалуйста.

Селдон немного помолчал, потом спросил шепотом:

— Дорс, а ты уверена, что Челвик все сумеет организовать?

— Он — удивительный человек, — ответила Дорс. — У него полно связей — и здесь, в Университете, и где угодно. Раз он сказал, что может договориться и выбить мне бессрочный отпуск, значит, договорится. Он очень упрямый.

— Знаю... — вздохнул Селдон. — Знаешь, порой я задумываюсь: чего он от меня на самом деле хочет?

— Того, о чем говорит. Он фанатик, мечтатель.

— Похоже, ты его хорошо знаешь, Дорс.

— Да, очень хорошо.

— Близко?

Дорс фыркнула.

— Вот уж не знаю, о чем это ты, Гэри. Хорошо, я тебе отвечу прямо: нет, не близко. А вообще, какое тебе дело?

— Прости... — прошептал Селдон. — Просто, понимаешь, я боялся, что случайно, ненарочно перейду границу чужой...

— Собственности? Нет, это просто невыносимо. Давай-ка засыпай лучше.

— Дорс, прости, но я не могу заснуть. Ну, давай поговорим о чем-нибудь другом. Ну, хотя бы о Микогене. Почему вы решили, что мне там будет хорошо? Что он собой представляет?

— Маленький сектор, население — не больше двух миллионов, если не ошибаюсь. Самое главное — народ там ужасно старомодный, следует древним традициям. Кроме того, судя по всему, там хранятся такие исторические документы, кото-

рые больше нигде днем с огнем не сыщешь. Очень может быть, именно в этих документах ты разыщешь такие сведения о доимперских временах, которые отсутствуют в ортодоксальных хрониках. Я вспомнила о Микогене именно из-за того, что в разговоре мы коснулись древней истории.

— А сама ты когда-нибудь видела эти записи?

— Нет. Не уверена, чтобы их вообще кто-то видел.

— Но как ты тогда можешь утверждать, что они существуют?

— Не могу и не утверждаю. Понимаешь, микогенцев считают кучкой выживших из ума идиотов, но мне кажется, что это далеко от истины. Они сами утверждают, что такие записи у них имеются, так что не исключено, что так оно и есть. Но учти, нам придется там держать язык за зубами. Микогенцы очень необщительны, замкнуты... Ну а теперь постарайся все-таки уснуть, ладно?

В конце концов Селдон с горем пополам уснул.

33

Гэри Селдон и Дорс Венабили покинули Университет в три часа пополуночи. Селдон понял, что главной в экспедиции будет Дорс. Ну что ж, в конце концов, она знала Трентор лучше его — ведь она пробыла здесь на два года дольше. Она была близкой подругой Челвика (но насколько близкой — этот вопрос не давал ему покоя) и, наверное, лучше понимала его замыслы и распоряжения.

Беглецы закутались в легкие плащи с прилегающими капюшонами. Мода на такие плащи в Университете долго не продержалась и прошла давным-давно. Но как бы смешно ни выглядели Дорс и Селдон, такая одежда сейчас как нельзя лучше подходила к случаю — узнать их было невозможно, по крайней мере, с первого взгляда.

— Не исключено, — сказал Челвик, — что переделка, в которую ты попал наверху, Селдон, сущая чепуха и никакие шпионы за тобой не гоняются, но на всякий случай надо приготовиться к худшему.

— А ты разве с нами не поедешь? — взволнованно спросил Селдон.

— Хотел бы, — вздохнул Челвик, — но, увы, не могу надолго отлучаться с работы, чтобы не вызвать лишних подозрений. Ясно?

Селдон только вздохнул. Ясно, чего уж там.

Скоро они добрались до станции экспресса и быстро разыскали свободный вагончик. Надо сказать, Селдон был не на шутку удивлен тем, что в столь ранний час на станции оказались пассажиры. «А вообще-то это хорошо, что есть пассажиры, — подумал он. — А то мы смотрелись бы подозрительно».

Потянулись бесконечные кварталы и площади. Длинная вереница вагончиков летела по монорельсовой дороге, влекомая электромагнитным полем.

Мимо пролетали жилые дома — не сказать чтобы очень высокие, но теперь Селдон знал, как глубоко уходят под землю их этажи. Но зачем строить высотные дома здесь, где урбанизированная территория простиралась на десятки квадратных километров? Сорок миллиардов человек запросто могли разместиться на такой площади безо всяких небоскребов. Экспресс пролетал мимо незастроенных участков. Многие из них зеленели растительностью — парки в основном. Предназначения некоторых зданий Селдон угадать не мог. Фабрики? Офисы? Кто знает? Вот этот громадный цилиндр — что это такое? Может быть, в нем хранятся запасы еды? Очень может быть, ведь Трентор в них наверняка нуждается. Может быть, собирают осадки, выпадающие на поверхности, фильтруют и хранят? Наверное.

Однако вскоре размышления Селдона были прерваны.

— Подъезжаем, — пробормотала Дорс, встала и взяла Селдона за руку.

Выйдя из экспресса, они принялись изучать указатели. Их была целая куча, и Селдон растерялся. Значки, буквы... Наверное, коренному тренторианцу все было бы ясно, но Селдону пиктограммы ровным счетом ничего не говорили.

— Сюда, — твердо объявила Дорс.

— Куда — «сюда»? Откуда ты знаешь?

— Вот смотри, видишь? Два крылышка и стрелка.

— Два крылышка? Где? А-а-а.

А он подумал, что это — перевернутое «W» — на крылышки смахивало слабо.

— Почему бы словами не написать? — пробурчал Селдон.

— Слова везде разные. То, что здесь означает «самолет», на Цинне окажется «лифтом», а в других местах — «планером», а еще где-то — «пике». А это — общегалактический символ воздухоплавательного судна, всем понятный. Разве на Геликоне им не пользуются?

— Не сказал бы. Геликон, понимаешь ли, мир, который довольно крепко держится за свои традиции. Там боятся, как бы в нашу жизнь не внедрилось слишком много чужого.

— Вот! — глубокомысленно проговорила Дорс. — Вот от чего должна плясать твоя психоистория. Ты мог бы доказать, что при наличии огромного числа диалектов использование общегалактических символов может стать объединяющей силой.

— Ничего не выйдет, — вздохнул Селдон, шагая рядом с Дорс по пустым сумрачным переходам и размышляя о том, какова на Тренторе преступность и не попали ли они сейчас в район, где она выше, чем в других местах. — Можно разработать уйму законов существования того или иного явления, но это не даст возможности сделать обобщающие выводы. Вот что имеется в виду, когда говорят, что система может быть описана с помощью модели столь же сложной, как сама система... Дорс, так мы идем к воздухоплавательному судну?

Дорс остановилась и удивленно уставилась на Селдона.

— А куда же? Если на указателе обозначен аэропорт, ты думаешь, мы придем на площадку для гольфа? Ты что, боишься самолетов, как многие тренторианцы?

— Да нет, с чего ты взяла? На Геликоне часто летают и полно самолетов. Просто когда Челвик вез меня в Университет, он отказался от этого вида транспорта и сказал, что, полети мы самолетом, за нами будет легче проследить.

— Это потому, что тогда твои враги знали, где ты находишься. И потом, я думаю, что Челвик говорил о коммерческих авиалиниях. Теперь же, по идее, о твоем местопребывании никто и догадываться не может, и полетим мы из маленького, не слишком популярного аэропорта и к тому же — на личном самолете.

— И кто же пилот?

— Друг Челвика, по всей вероятности.

— Думаешь, ему можно доверять?

— Почему же нельзя, если он — друг Челвика?

— Похоже, ты просто безгранично веришь Челвику, — буркнул Селдон.

— Просто не знаю человека, у которого со здравым смыслом дело обстояло бы лучше, чем у него, — ответила Дорс, не поддаваясь на провокацию. Сомнения Селдона не развеялись.

— Вон он, самолет, — проворчал он.

Самолет был маленький, какой-то хрупкий на вид. Рядом с ним стоял мужчина невысокого роста, одетый по-тренториански ярко.

— Мы «психо», — отрекомендовалась Дорс.

— Очень приятно. «История» к вашим услугам, — ответил пилот.

Войдя следом за ним в кабину, Селдон шепотом спросил у Дорс:

— Кто придумал этот пароль?

— Челвик, — ответила Дорс.

— Вот уж никогда не подумал бы, что у него есть чувство юмора! Он всегда такой угрюмый.

Дорс только улыбнулась в ответ.

Глава 8

ПРОТУБЕРАНЕЦ

ПРОТУБЕРАНЕЦ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ — *правитель Сектора Микоген древнего Трентора. ...О нем, как и о других правителях этого отсталого сектора, достоверных сведений крайне мало. Его роль в истории связана исключительно со встречей с Гэри Селдоном во время Бегства...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

34

В салоне самолета было всего два сиденья. Как только Селдон занял свое место, кресло мягко запрокинулось назад, на ноги и грудь опустился плотный чехол, а на голову — шлем, закрывший лоб и уши. С трудом повернув голову влево, Селдон увидел, что Дорс подверглась той же процедуре.

Пилот занял свое место в кабине и, вертя какие-то рычажки на пульте, сообщил:

— Эндор Леваниан, к вашим услугам. Не волнуйтесь. При взлете будет значительное ускорение, поэтому придется немного потерпеть. Как только наберем высоту, шлем и чехол можно будет убрать. Мне можете не представляться. Ваши имена меня не интересуют.

Развернувшись на своем вертящемся кресле, он вытянул губы трубочкой и весело спросил:

— Ну что, молодежь, струсили маленько, а?

— Я родом не с Трентора и привыкла к самолетам, — небрежно ответила Дорс.

— Я тоже, — несколько оскорбленно буркнул Селдон.

— Ну что ж, молодежь, это замечательно. Правда, самолет не из тех, к которым вы привыкли. Не думаю также, чтобы вы летали ночью, но, как я посмотрю, ребята вы не робкого десятка.

Пилот тоже пристегнулся и надел шлем, но руки у него остались свободными.

Заработал двигатель. Шум его нарастал, становясь все громче и пронзительнее. Ничего особенно неприятного в нем не было, но Селдон поморщился и помотал головой. Ничего хорошего из этого не вышло — шум никуда не делся, а вот шлем плотнее прижался к голове.

Вскоре самолет вспрыгнул (иного слова Селдон просто не мог подобрать) в воздух, Селдона отбросило назад и вжало в спинку сиденья.

Селдон в страхе смотрел вперед. В ветровом стекле кабины пилота он увидел стену. Она круто шла вверх, и вскоре в ней обозначилось круглое отверстие. Совсем как в тот день, когда Селдон с Челвиком летели в воздушном такси. Фюзеляж самолета без труда прошел бы сквозь отверстие, но крылья, крылья!

Селдон скосил глаза вправо и успел заметить, как правое крыло дрогнуло и убралось внутрь фюзеляжа.

Самолет нырнул в отверстие, его подхватило электромагнитное поле и понесло вдоль по освещенному туннелю. Самолет летел плавно, время от времени раздавалось тихое потрескивание. «Видимо, это работают электромагниты, вмонтированные в стены», — решил Селдон.

В туннеле они летели минут десять, не больше, и вскоре самолет вынырнул оттуда и устремился в ночное небо.

Скорость самолета сразу упала, Селдон по инерции наклонился вперед и уперся грудью в край чехла.

Однако давление быстро снизилось, и чехол убрался под пол, а голова освободилась от шлема.

— Ну как вы там, молодежь? — ласково поинтересовался пилот.

— Еще не понял, — ответил Селдон. — Дорс, ты как? В порядке?

— В полном, — отозвалась Дорс. — У меня, правда, такое впечатление, что мистер Леваниан решил проверить, вправду ли мы нездешние. Я права, мистер Леваниан?

— Кое-кому нравятся острые ощущения, — пожал плечами Леваниан. — Или вы не любительница?

— В разумных пределах, — ответила Дорс, а Селдон добавил:

— Конечно, как все. — Пилоту Селдон сказал: — Вы бы не подшучивали так над нами, сэр, если бы попали в положение, когда у вашего самолета вдруг отвалились крылья.

— Это невозможно, сэр. Я же сказал вам, что самолет у меня не совсем обычный. Крыльями управляет компьютер. Можно менять их длину, ширину, наклон, геометрию, приспосабливать все параметры к скорости самолета, скорости и направлению ветра, температуре воздуха и ко многим другим переменным. Крылья не отвалятся, будьте спокойны, если только не развалится сам самолет.

Шлеп, шлеп — застучали по иллюминатору капли.

— Дождь пошел, — сообщил Селдон.

— Дело житейское, — небрежно ответил пилот.

Селдон приник к стеклу. Лети они сейчас над Геликоном, да и над любым другим миром, внизу были бы видны огни. А над Трентором — тьма непроглядная. Хотя... вот мелькнул огонек. Похоже на маяк. Может быть, в самых высоких точках на поверхности ставили маяки?

Дорс, как всегда, заметила любопытство и беспокойство Селдона. Она накрыла его руку ладонью и тихонько проговорила:

— Гэри, я уверена, пилот знает свое дело.

— Дорс, мне хотелось бы верить, что это так, но, — Гэри не-

много повысил голос, — было бы очень мило, если бы он поделился с нами своим опытом.

— Не возражаю, — откликнулся пилот. — Для начала сообщаю, что в данное время происходит набор высоты, и через пару минут мы поднимемся над облаками. Там, естественно, никакого дождя и в помине не будет и станут видны звезды.

Обещание пилота незамедлительно сбылось. Мелькнули последние клочья облаков, загорелись отдельные звезды, а как только пилот погасил огни в кабине и в салоне — лишь светились шкалы кое-каких приборов, — звезды усыпали ночные небеса.

— Впервые за два года вижу звезды... — восхищенно проговорила Дорс. — Как прекрасно! Такие яркие и как много!

— Трентор расположен ближе к центру Галактики, чем многие другие миры, — объяснил пилот.

А Селдон просто онемел от восторга — такие ночные небеса на Геликоне могли присниться только во сне.

Не отводя глаз от чудесного вида за иллюминатором, Селдон в конце концов справился с охватившим его восхищением и перевел разговор на более житейскую тему:

— А как вы узнаете, куда летите, мистер Леваниан?

— Это не так-то просто, — пилот крякнул. — Однако кое-какая уверенность имеется. К цели меня ведет определенный диапазон микроволн. Я стартую, более или менее приблизительно выбрав направление, а мой компьютер уточняет курс, который, конечно, нужно заранее верно запрограммировать. А дальше — все как по маслу. Если встретится опасность, препятствие, компьютер поднимет машину выше или повернет в сторону, а потом опять положит на курс. Но сейчас ночь, и особых помех быть не должно.

— А если метеорит?

— Один шанс из миллиарда, а то и меньше. Ну, уж если против нас ополчится космическая артиллерия, что поделаешь? Полная безопасность — недостижимый идеал.

— Как мы спокойно летим, — заметила Дорс.

— Да, действительно, — согласился Селдон. — Что у вас за двигатель, мистер Леваниан?

— Микрофузионный, реактивный.

— А я и не знал, что микрофузионные самолеты уже в ходу. О них столько разговоров было, а оказывается...

— Их пока немного, — объяснил пилот. — Пока они есть только на Тренторе и принадлежат исключительно большим правительственным шишкам.

— У Императора есть такой? — спросил Селдон.

Пилот покачал головой:

— Император никогда не путешествует. Уж это вам должно быть известно.

Селдон нахмурился:

— Да, как это я забыл? Наверное, дорогое удовольствие?

— Очень дорогое, сэр.

— Во сколько же оно обошлось мистеру Челвику?

— Оно ему ни гроша не стоило. Мистер Челвик в хороших отношениях с компанией, которая владеет такими самолетами.

Селдон понимающе кивнул.

— А почему, — спросил он немного погодя, — микрофузионных самолетов так мало?

— Ну, во-первых, сэр, это дорого. А во-вторых, тех, которые уже выпущены, хватает за глаза. Спрос, что называется, удовлетворен.

— Можно было бы поднять спрос, если бы был налажен выпуск более вместительных машин.

— Отчего же... наверное, да только пока компании не удается произвести более мощных микрофузионных двигателей.

Селдон тут же вспомнил о сетованиях Челвика по поводу замедления темпов внедрения изобретений и пробормотал:

— Упадок...

— Что-что? — переспросила Дорс.

— Так, ничего, — покачал головой Селдон. — Просто припомнил кое-что из того, о чем мне говорил Челвик.

Взглянув на звезды, он спросил у пилота:

— Мы летим на запад, мистер Леваниан?

— Попали в точку. Как догадались?

— Просто решил, что, лети мы на восток, мы бы уже должны были увидеть рассвет.

А рассвет, летевший вслед за самолетом, все-таки нагнал его, и вскоре кабину озарили лучи солнца — настоящего солнца. Но этой радости не суждено было продлиться долго: самолет нырнул вниз и оказался в слое облаков. Вспышки золота и синевы исчезли, и за стеклами иллюминаторов потянулся сплошной серый туман. Но ни Селдон, ни Дорс не жаловались

на судьбу — ведь им посчастливилось хотя бы несколько мгновений насладиться настоящим теплом и светом солнца!

Но вот облака остались позади, и перед взорами путешественников предстала во всей красе поверхность Трентора. Она оказалась именно такой, о какой рассказывала Селдону Клозия — рощицы и травянистые пустоши.

И снова ни Дорс, ни Селдону не удалось надолго углубиться в созерцание пейзажа. Перед ветровым стеклом появилось отверстие, надпись над которым гласила: «Микоген».

Самолет сложил крылья и нырнул в отверстие.

35

Приземлились они в аэропорту, который оказался совершенно безлюдным. Пилот пожал руки Гэри и Дорс, забрался в кабину, поднял машину в воздух, и она тут же исчезла в отверстии. Оставалось, по-видимому, только ждать. Скамеек вокруг было такое количество, что тут могло рассесться не меньше сотни человек, но никого не было, кроме Селдона и Дорс. Аэропорт представлял собой прямоугольную площадку, огороженную высокими стенами — столь высокими, что в них без труда могло разместиться множество туннелей для приема самолетов и их вылета, но на поле было пусто — ни людей, ни самолетов. Тишина и безлюдье — очень не похоже на Трентор.

Селдона это здорово смутило. Поглазев по сторонам, он обернулся к Дорс и спросил:

— Что мы здесь будем делать? Ты знаешь, куда идти?

Дорс покачала головой.

— Челвик сказал, что нас встретит Протуберанец Четырнадцатый. Больше я ничего не знаю.

— Как-как? Протуберанец Четырнадцатый? Это еще что такое?

— Человек, по всей вероятности. Только я не поняла, мужчина это или женщина.

— Ну и имечко! Странное, я бы сказал.

— Знаешь, это зависит от тебя. Тебе оно, конечно, может казаться странным. А меня, например, по имени часто принимают за мужчину.

— Вот уж глупо! — фыркнул Селдон.

— Ничего глупого. По имени догадаться невозможно. Мне говорили, что в других мирах так частенько называют мальчиков.

— Никогда не встречал мужчин с таким именем.

— Это потому, что ты мало путешествовал по Галактике. Я знавала многих с именем «Гэри», и даже одну женщину — представь себе. Писалось ее имя, правда, иначе, но произносилось именно так. А в Микогене, насколько я припоминаю, личных имен вообще нет, одни фамилии и номера.

— Но... «Протуберанец» — это и на фамилию как-то не похоже!

— Ну и что? У нас, в Цинне, например, «Дорс» на древнем диалекте означает «весенний дар».

— Тебя так назвали потому, что ты родилась весной?

— Вовсе нет. Я родилась в середине лета, и мои родители назвали меня так из-за того, что им понравилось, как звучит это имя, вот и все.

— В таком случае, Протуберанец...

— Так меня зовут, варвар... — прозвучал низкий, суровый голос.

Селдон испуганно обернулся вправо. Автомобиль подъехал так тихо, что ни он, ни Дорс не услышали. Машина была громоздкая, старомодная, напоминала почтовый фургон. За рулем сидел высокий тощий старик, державшийся, невзирая на возраст, очень бодро. С помпезной величественностью он открыл дверцу и ступил на мостовую.

Одет он был в длинную, до пят, белую тунику с широченными рукавами, присобранными на запястьях. Босые ноги были обуты в легкие сандалии. Крупная красивая голова старика сверкала лысиной.

— Приветствую вас, варвары! — провозгласил старик.

Автоматически откликаясь на его архаическое приветствие, Селдон поклонился:

— Приветствуем и вас, сэр.

Не в силах скрыть удивления, он спросил:

— А откуда вы появились?

— Оттуда, — махнул рукой старик. — Через ворота. Они закрылись за мною. Вы даже не смотрели в ту сторону.

— Да, не смотрели. Но мы и не знали, честно говоря, куда смотреть и чего ждать. Да и теперь не знаем.

— Варвар по имени Четтер Челвик оповестил Братьев о прибытии двоих варваров. Он просил позаботиться о вас.

— Значит, вы знакомы с Челвиком?

— Знакомы. Он оказал нам услугу. И поскольку он, достойнейший из варваров, оказал нам услугу, мы должны отплатить ему услугой. Немногие попадают в Микоген, немногие покидают его. Я должен обеспечить вашу безопасность, предоставить вам жилье, проследить за тем, чтобы вам не мешали. Здесь вам будет хорошо.

— Благодарим вас, Протуберанец Четырнадцатый, — склонила голову Дорс.

Протуберанец неприязненно взглянул на Дорс.

— Обычаи варваров мне ведомы, — презрительно проговорил он. — Я знаю, что у вас женщина имеет право говорить первой и не ждать, когда к ней обратятся. Поэтому я не в обиде. Я только бы попросил женщину быть осмотрительнее с Братьями. Не все наши так хорошо знают ваши обычаи.

— Вот как? — вскинула брови Дорс. Кто-кто, а она явно обиделась.

— Именно так, — подтвердил Протуберанец. — И когда мы наедине, необязательно называть мой порядковый номер. «Протуберанец» — этого будет вполне достаточно. Теперь же я попрошу вас проследовать со мной, дабы я смог поскорее покинуть это место, представляющееся мне невыносимо варварским. Я себя здесь чувствую неудобно.

— Все не против чувствовать себя удобно, — возразил Селдон. — И мы отсюда никуда не уйдем, покуда вы не заверите нас в том, что нас не станут принуждать соблюдать ваши традиции и этикет, к которым мы не привыкли. А мы привыкли к тому, что женщина говорит тогда, когда ей вздумается. Если вы решили предоставить нам безопасность и покой, покой должен быть не только физическим, но и психологическим.

Протуберанец недовольно уставился на Селдона.

— Ты нагл, юный варвар. Твое имя?

— Я Гэри Селдон с Геликона. Моя спутница — Дорс Венабили с Цинны.

Когда Селдон назвал свое имя, Протуберанец слегка наклонил голову, но никак не отреагировал на имя Дорс.

— Я поклялся, — сказал он, — варвару Челвику, что ты будешь в безопасности, значит, так оно и будет, и я сделаю все возможное, чтобы эта женщина, твоя спутница, тоже была в безопасности. Если она желает выказывать непокорство, это ее дело, я постараюсь, чтобы она не пострадала за это. Однако одно условие вам придется выполнить.

Указав на головы Селдона и Дорс, он сообщил:

— Вот это надо будет убрать.

— Что именно? — поинтересовался Селдон.

— Волосы, — презрительно скривился Протуберанец.

— Вы предлагаете нам выбрить головы, как у вас? Ну уж нет!

— Моя голова не выбрита, варвар Селдон. Как только я достиг совершеннолетия, я подвергся обряду депиляции, как и все Братья, как и все женщины.

— Ну, если речь идет о депиляции, тогда тем более нет.

— Варвар, я не говорю ни о бритье, ни о депиляции. Я прошу лишь о том, чтобы ваши волосы были покрыты, когда вы — среди нас.

— Это как?

— Я привез для вас шапочки, дабы вы могли покрыть ваши головы. Они снабжены полосками, которые прикроют надглазную растительность... ах да, вспомнил — брови. Вы будете носить эти шапочки, будучи рядом с нами. И конечно же, варвар Селдон, тебе придется бриться ежедневно, а то и чаще, если понадобится.

— Но ради чего все это?

— Мы считаем растительность на голове возмутительной и позорной.

— Но вы, безусловно, должны знать, что никто в Галактике так не считает!

— Мы знаем. И тем из нас, кто общается с варварами, приходится волей-неволей взирать на эту растительность. Мы страдаем, но смотрим, однако было бы несправедливо и жестоко заставлять всех Братьев созерцать то, что, на наш взгляд, оскорбительно.

— Ну, хорошо, Протуберанец, хорошо, — проворчал Селдон. — Но скажите, я хочу понять... Рождаетесь вы, как все, с волосами на голове и, как я понял, до совершеннолетия носите их. Так? Зачем же их потом удалять? Это просто обычай или за этим кроется что-то рациональное?

Старик-микогенец гордо ответил:

— Депиляция, варвар, показывает юноше, что он стал взрослым, а взрослые после этого уже никогда не забывают, кто они, и помнят, что все остальные — варвары.

Не дождавшись ответа на свою тираду (честно говоря, Селдон и не нашелся, что ответить), Протуберанец вытащил из потайного кармана пригоршню кусочков разноцветного пластика, пристально разглядел лица новых знакомых и протянул им шапочки.

— Цвета должны подойти, — сказал он. — Никто, конечно, не поверит, что вы прошли депиляцию, но зато вы никого не оскорбите своим видом.

Протуберанец подошел к Селдону и показал, как надеть шапочку.

— Прошу тебя, варвар Селдон, надень ее. Поначалу будет казаться, что это трудно, но потом ты привыкнешь.

Селдон напялил шапочку, но она все время сползала с головы.

— Начни с бровей, — посоветовал Протуберанец и уже протянул было руки, чтобы помочь.

— Может, поможете, правда? — улыбнулся Селдон.

Протуберанец отшатнулся в ужасе.

— Нет! Это немыслимо! Тогда я коснусь волос!

В конце концов Селдон с горем пополам натянул шапочку, вняв совету Протуберанца. Дорс справилась с шапочкой в два счета.

— А как ее снимать? — поинтересовался Селдон.

— Потянуть за краешек в любом месте. Вообще ты сам поймешь, что и надевать шапочку, и снимать гораздо легче, если немного подстричься.

— Нет уж, я лучше помучаюсь, — отшутился Селдон и, обернувшись к Дорс, утешил ее: — А ты все такая же хорошенькая, Дорс, тебе даже идет, правда, характера в лице стало чуть меньше.

— Он никуда не делся, весь при мне, — заверила его Дорс. — Не горюй, привыкнешь ко мне вот такой, лысой.

— Не хочу, — прошептал Селдон. — Не хочу привыкать и надеюсь, мы не пробудем здесь слишком долго, чтобы пришлось.

Протуберанец надменно отвернулся, не желая слушать, о чем шепчутся варвары.

— Если вы сядете в мою машину, — проворчал он, — я отвезу вас в Микоген.

36

— Честно говоря, — призналась Дорс, — я не верю, что я в Микогене.

— Надо понимать, что ты ничего подобного раньше не видела? — спросил Селдон.

— Я ведь всего два года на Тренторе и из Университета почти никуда не выбиралась. Так что путешественницей меня не назовешь. Бывала, конечно, кое-где, кое-что слышала, но такого... обезличивания... — прошептала она.

Протуберанец вел машину ровно и неторопливо. По пути им встречались другие автомобили. Лысины водителей поблескивали в лучах огней.

Улица была застроена трехэтажными домами. Все они были на одно лицо. Все улицы пересекались под прямым углом, все кругом было серое, безликое.

— Скучно, — пробормотала Дорс. — Как скучно...

— Уравниловка, — прошептал в ответ Селдон. — Наверное, все это для того, чтобы ни один из Братьев не мог похвалиться перед другими.

На улице было довольно много пешеходов. Тротуары не двигались, не слышалось шума экспресса.

— Похоже, — предположила Дорс, — те, что в сером, — женщины.

— Трудно сказать, — пожал плечами Селдон. — Все в балахонах, все бритоголовые.

— Да, но те, что в сером, посмотри — они или парочками, или вместе с теми, кто в белом. Те же, что в белом, ходят и поодиночке, а Протуберанец — в белом.

— Может, ты и права, — кивнул Селдон. — Сейчас спросим. Протуберанец, я хочу полюбопытствовать...

— Хочешь — спрашивай, но не жди, что я отвечу.

— Мы, похоже, проезжаем жилые районы. Тут ни вывесок, ни промышленных предприятий...

— Наше сообщество — крестьянское. Мы занимаемся только земледелием. Откуда ты родом, если тебе это неведомо?

— Вы прекрасно знаете, что я нездешний, — огрызнулся Селдон. — На Тренторе я всего пару месяцев.

— Все равно.

— Вы говорите, что заняты земледелием. Но пока нам не встретилось ни единой фермы.

— Они внизу, — коротко ответил Протуберанец.

— Значит, здесь только жилые районы?

— Да, здесь и кое-где еще. Мы такие, какие есть. Все Братья со своими семьями обитают в одинаковых жилищах, каждая когорта живет в коммуне, ничем не отличающейся от других, у всех — одинаковые машины, и все Братья водят их сами. У нас нет слуг, никто не живет за счет труда других. Никто не имеет права никем командовать.

Селдон движением бровей напомнил Дорс о том, что недавно сказал шепотом, и, обратившись к Протуберанцу, спросил:

— Однако кто-то у вас одет в серое, а кто-то — в белое. Это как понимать?

— Это надо понимать так, что одни из людей — Братья, а другие — Сестры.

— А мы?

— Ты — варвар и наш гость. Ты и твоя... — Протуберанец запнулся, — ...твоя спутница не обязаны перенимать все обычаи Микогена. Но тебе придется носить белый балахон, а твоей спутнице — серый, а жить вы будете в жилище, предназначенном для гостей. От наших жилищ оно ничем не отличается.

— Равенство для всех... восхитительный идеал! Но ведь вас, наверное, становится все больше? Как же быть? Резать все тот же пирог на более мелкие кусочки, чтобы всем досталось?

— Нас не становится больше. Мы не можем себе этого позволить. Тогда нам понадобилось бы расширять территорию нашего обитания, а это пришлось бы не по нраву соседним варварам, или мы были бы вынуждены жить хуже, чем сейчас.

— Ну а если... — начал было Селдон, но Протуберанец резко оборвал его:

— Хватит, варвар Селдон. Я предупредил тебя: я не обязан отвечать. Мы пообещали нашему другу, варвару Челвику, обеспечить тебе безопасность, покуда ты не станешь вмешиваться в нашу жизнь. Это мы сделаем, но не более того. Любопытство позволительно, но, если оно переходит границы, мы можем выйти из себя.

Сказано это было таким тоном, что у Селдона пропало всякое желание задавать вопросы. Челвик явно не все рассказал о Микогене, разбавил, так сказать, краски.

А ведь Селдону нужна была не только безопасность. Не только и не столько. Еще ему нужны были знания, и, если он их не раздобудет, оставаться тут не имеет никакого смысла.

37

Селдон без особого удовольствия разглядывал предоставленные им комнаты. Квартирка была крошечная, но при этом в ней имелась изолированная кухня и малюсенькая, но опять-таки изолированная ванная. Две узкие кровати, два гардероба, стол, два стула, короче — все необходимое для жизни в спартанских условиях.

— На Цинне у нас тоже были изолированные кухня и ванная, — с ностальгическим удовольствием проговорила Дорс.

— Я не могу этим похвастаться, — вздохнул Селдон. — Геликон — планета небольшая, но я жил в современном городе. Изолированные кухни и ванные, по-моему, это жутко неэкономно. Ну, еще в гостинице — туда-сюда, но в целом районе — ты представь только, сколько тут кухонь и ванных!

— Еще одно проявление равенства, вероятно, — предположила Дорс. — Никто не сражается за свободные кабинки и место у плиты. У всех все одинаковое.

— И ничего своего, между тем. Пойми, Дорс, я ничего не имею против в принципе и выделяться из общей массы не любитель. Но... видимо, мы должны были дать им понять, что нам нужны отдельные комнаты. Рядом, но отдельные.

— Уверена, ничего бы не вышло, — ответила Дорс. — Тут экономят пространство; они, судя по всему, и так расстарались. Как-нибудь устроимся, Гэри. Не дети же мы, в конце концов. Я не кисейная барышня, а ты не мальчик.

— Но ты не попала бы сюда, если бы не я.

— И что с того? Это так романтично. Настоящее приключение.

— Ну, хорошо. Какую кровать выбираешь? Советую занять ту, что поближе к ванной.

И Селдон уселся на другую кровать.

— И еще кое-что не дает мне покоя, — сообщил он. — Покуда мы здесь, мы — варвары. Ты, я и даже Челвик. Мы — из другого племени, не из их... как это он сказал? — когорт, что ли, и поэтому не имеем права совать нос в их дела... Но я просто обязан совать нос во все дела. Я сюда за этим и прилетел. Я хочу знать кое-что из того, что известно им.

— Или кажется, что известно, — уточнила Дорс со скепсисом истинного историка. — Я понимаю, у них есть легенды, сочиненные в незапамятные времена, но не уверена, что их можно принимать всерьез.

— Этого мы не узнаем, покуда не выясним, что это за легенды. А они не переведены на другие языки?

— Насколько мне известно, нет. Народ здесь варится в собственном соку. Это просто психоз какой-то, как они дорожат своей замкнутостью, обособленностью. Просто поразительно, как это Челвику удалось пробиться сквозь все заслоны.

— Значит, где-то есть дырочка, — усмехнулся Селдон. — Вспомни, Протуберанец удивился, даже вспылил, когда оказалось, что я не знаю, чем занимаются в Микогене. Из своих фермерских занятий они, похоже, секрета не делают.

— Но это невозможно утаить. Само название говорит за себя. Слово «Микоген» происходит из древнего выражения, означающего «производитель дрожжей». Мне так говорили, по крайней мере... Я не палеолингвист. Как бы то ни было, здесь действительно занимаются выращиванием самой разнообразной пищевой микроскопической продукции — в первую очередь, безусловно, дрожжей, а еще — водорослей, бактерий, многоклеточных грибков и так далее.

— Ничего удивительного, — пожал плечами Селдон. — Во многих мирах разводят микрокультуру. Даже у нас на Геликоне этим занимаются.

— Но не так, как в Микогене. Это их конек. Методами они пользуются столь же древними, как название их сектора, и держат те в тайне — формулы питательных сред и тому подобное. Мало ли тут чего может быть? И все в секрете.

— Неужто?

— Представь себе. Главное, здесь производится белок и

тонкие вкусовые приправы, так что здешняя продукция сильно отличается от той, что производится в других местах. Объем производства невелик, а цены сказочно высоки. Лично я никогда ничего из производящегося здесь не пробовала, и ты, думаю, тоже. Практически все отсюда уходит на стол к имперской верхушке и к богачам из других миров. Микоген настолько зависит от этих поставок, что ни для кого не делает секрета из того, что производителем этого замечательного питания является именно он, и никто другой.

— Значит, Микоген богат?

— Не беден, думаю, но подозреваю, что за богатством они не гонятся. Гонятся они за защитой. Имперские власти защищают Микоген, поскольку без него лишились бы деликатесных специй, придающих восхитительный вкус любому блюду. Вот и выходит, что Микоген зарабатывает себе право жить так, как ему хочется, и заноситься перед соседями.

Дорс осмотрелась и сказала:

— Истинные аскеты. Ни головидения, ни книг.

— А у меня вроде бы одна книжка стоит в шкафу, — сообщил Селдон, потянулся, достал книгу, посмотрел на обложку, скривился и объявил: — Поваренная книга.

Дорс взяла у него библиокассету и принялась нажимать кнопки. Система оказалась не совсем обычная, но довольно скоро загорелся маленький экран. Просмотрев несколько страниц, Дорс сказала:

— Да, тут есть кое-какие рецепты, но большей частью этот труд посвящен философским вопросам гастрономии.

Она выключила экран и повертела кассету в руках.

— Запаянная она, что ли? Непонятно, как вытащить одну кассету и вставить другую. Сканер на одну книгу? Вот тебе и экономия!

— А может, они думают, что и одной книги хватит, — предположил Селдон, поглядел на тумбочку, стоявшую между кроватями, и сказал: — Смотри-ка, какой-то приемник, а экрана нет.

— Наверное, они считают, что достаточно звука.

— Интересно, как он работает?

Селдон вертел приемник так и сяк, разглядывал со всех сторон.

— Ты когда-нибудь такой видела?

— Один раз. В музее. Не уверена, что точно такой. Тут, похоже, просто хранилище всяких древностей. Наверное, они окружают себя всякой рухлядью для того, чтобы отличаться от так называемых варваров. Из-за приверженности к старине и странных обычаев они становятся в чужих глазах чудаками и людьми второго сорта. Удивительный образчик парадоксальной логики.

Селдон еще немного повозился с приемником и воскликнул:

— Ой! Он включился. Только я ничего не слышу.

Дорс взяла с тумбочки и поднесла к уху маленький плоский цилиндр.

— Там слышен какой-то голос, — сказала она немного погодя. — Возьми, послушай.

Селдон взял у нее приемник, приложил к уху...

— А, понятно! Он как наушник работает. Ой, как громко. Что? Понятно, вы меня слышите... Да, это наша комната... Какой номер? Не знаю, какой номер. Дорс, ты знаешь, какой у нас номер?

— *Посмотри, там на приемнике какой-то номер написан.* Может, это то, что им нужно?

— Может быть, — с сомнением в голосе ответил Селдон. — Вы слушаете? — спросил он у того, кто говорил с ним. — Тут написано: 6ЛТ — 3648А. Достаточно? Послушайте, скажите, где узнать, как правильно пользоваться этим устройством? Да, и кухней заодно? Что вы хотите этим сказать: «Все работает, как обычно»? Для меня это — пустые слова. Понимаете, я ведь... варвар и почетный гость. Я не знаю, что у вас значит — «как обычно»... Да, простите за мой акцент. Что? Очень рад, что вы сразу поняли, что говорите с варваром... Меня зовут Гэри Селдон.

Гэри умолк и уставился на Дорс с невыразимой мукой, не отрывая наушника от уха.

— Сказал, что должен проверить. Наверное, сейчас скажет, что не нашел моего имени... О, вы меня нашли? Отлично. В таком случае помогите мне. Да. Да. Да, а как позвонить за пределы Микогена? Никак? А как разыскать, к примеру, Протуберанца Четырнадцатого? Ну, не его самого, так его помощника какого-нибудь, заместителя? Ага, ясно. Благодарю вас.

Не без труда оторвав наушник от уха, Селдон водрузил все устройство на тумбочку и сообщил:

— Они решают вопрос о том, кто нам покажет то, что можно показать, но этот человек не сказал, когда это произойдет. За пределами Микогена ни с кем связаться нельзя, по крайней мере, с помощью этой штуки. Значит, Челвика мы не разыщем, даже если он нам понадобится. А если я захочу связаться с Протуберанцем Четырнадцатым, придется поклониться в ножки целой шайке бюрократов. Может, тут и равенство, не знаю, но только и у равенства есть исключения. Конечно, никто ни за какие коврижки не признается, что исключения есть.

Взглянув на часы, Селдон прибавил:

— Знаешь, Дорс, читать поваренную книгу, и уж тем более кулинарные эссе, я не намерен. Часы у меня стоят по университетскому времени, так что я не в курсе, можно ли сейчас по нынешним канонам улечься в постель, но мы почти всю ночь не спали, и я не против вздремнуть.

— Я тоже. Жутко устала.

— Вот и славно. А когда встанем, я хочу выпросить разрешения посетить дрожжевую плантацию.

— Тебе это интересно? — изумилась Дорс.

— Не слишком. Однако раз это — предмет их гордости, они хотя бы говорить об этом не откажутся. Стало быть, употреблю все свое очарование, заставлю их разговориться, а там, глядишь, и до легенд дело дойдет. Мне кажется, это я здорово придумал.

— *Будем надеяться.* Но не уверена, что микогенцев так уж легко перехитрить.

— Посмотрим, — упрямо проговорил Селдон. — Легенды эти я раздобуду во что бы то ни стало.

38

На следующее утро Гэри снова принялся названивать. Он был жутко зол, в частности, из-за того, что страшно проголодался.

Попытка дозвониться до Протуберанца Четырнадцатого не удалась. Некто ответил, что его нельзя беспокоить.

— Почему? — недоуменно поинтересовался Селдон.

— Отвечать на этот вопрос я не обязан, — ответил холодный голос.

— Мы сюда прибыли не для того, чтобы сидеть взаперти, — так же холодно сказал Селдон. — И не для того, чтобы умирать с голоду.

— Уверен, у вас есть кухня и запас продуктов.

— Есть, — согласился Селдон, — но мы не знаем, как пользоваться кухонными устройствами и как готовить пищу — сырую ее есть, жарить, парить или...

— Не могу поверить, что все это вам неведомо...

Тут Дорс, которая во время разговора расхаживала по комнате, сделала попытку завладеть наушником, но Селдон предостерегающе поднес палец к губам и прошептал:

— Он не станет говорить, если услышит женский голос.

А в микрофон он сказал твердо и упрямо:

— Можете вы поверить или нет, для меня никакого значения не имеет. Вы немедленно пришлете сюда кого-нибудь, кто нам поможет, а если вы этого не сделаете, я пожалуюсь Протуберанцу Четырнадцатому, и вы поплатитесь, будьте уверены.

Однако угроза его возымела действие только через два часа. Селдон к этому времени был близок к истерике, а Дорс исчерпала все способы успокоить его.

А явился к ним молодой человек с веснушками на сияющей лысине. Не будь он лысым, он наверняка был бы рыжим.

Он принес какие-то кастрюльки и уже собрался было начать объяснять, как ими пользоваться, как вдруг занервничал и быстро повернулся к Селдону спиной.

— Варвар! — проговорил он дрожащим голосом. — У тебя шапочка съехала.

Селдон, который буквально кипел от злости, буркнул:

— Мне это нисколько не мешает.

Дорс урезонила его:

— Давай я поправлю, Гэри. Вот тут немного съехала, слева.

Селдон пробурчал:

— Можете обернуться, юноша. Как вас зовут, кстати говоря?

— Гром Пятый, — растерянно ответил микогенец, обернулся и подозрительно посмотрел на Селдона. — Я новообращенный. Я принес вам еду. Из моей кухни. Моя женщина приготовила.

Он поставил судки на стол. Селдон поднял крышку одного из них и пристрастно разглядел содержимое. Вскоре он изумленно сообщил Дорс:

— Представь себе, пахнет не противно.

— Представляю, — кивнула Дорс. — Мне нравится, как пахнет.

Гром смущенно промямлил:

— Остыло по дороге, наверное. Посуда должна быть у вас на кухне. Тарелки, вилки.

Дорс принесла все необходимое. После еды, обильной и довольно вкусной, Селдон сразу подобрел.

Дорс, поняв, что юноша чувствует себя неудобно в ее обществе, решила, что посуду уносить и мыть придется ей, и, как ей ни хотелось расслабиться после еды, удалилась на кухню. Немного повозившись с посудомойкой, она поняла, как с ней управляться, и принялась за дело.

А Селдон тем временем поинтересовался, который сейчас час в Микогене, и был не на шутку потрясен.

— То есть — середина ночи? — удивленно спросил он у юноши.

— Именно так, варвар, — подтвердил Гром. — Поэтому-то и не удалось сразу удовлетворить твою просьбу.

Тут-то до Селдона дошло, почему нельзя было беспокоить Протуберанца. Он в красках представил себе, как Гром среди ночи будит свою супругу, чтобы та готовила еду для какого-то варвара, и ему стало нестерпимо стыдно.

— Прошу прощения, — смущенно пробормотал он. — Мы всего-навсего варвары и не знали, как обращаться с кухней и готовить еду. Не могли бы вы прислать кого-нибудь утром, чтобы нас этому научили?

— Самое большее, что я могу устроить, — торжественно пообещал Гром, — это прислать вам двоих Сестер. Прошу прощения за то, что тебе, варвар, предстоит вынести общение с женщинами, но только они умеют управляться со всеми этими вещами.

Дорс как раз в эту минуту вышла из кухни и, совершенно позабыв о своем месте в патриархате Микогена, радостно воскликнула:

— Как здорово, Гром! Пусть приходят! Так интересно познакомиться с Сестрами!

Гром испуганно взглянул на нее, но промолчал. Селдон, поняв, что Гром попросту пропустил мимо ушей все, что сказала какая-то там женщина, повторил слова Дорс:

— Да, пусть приходят. Очень интересно было бы с ними познакомиться.

Гром незамедлительно просиял.

— Едва настанет новый день, я тут же пришлю их.

Как только Гром удалился, Селдон радостно потер руки и сказал:

— А ведь Сестры — это, похоже, именно то, что нам нужно.

— Правда? И почему же, Гэри?

— Ну... понимаешь, мне кажется, если мы будем относиться к ним по-человечески, они проникнутся к нам законной благодарностью и расскажут о своих легендах.

— Если они их знают, — скептически фыркнула Дорс. — Что-то мне не верится, что микогенские женщины получают образование наравне с мужчинами... если тут вообще можно говорить о каком-то образовании.

39

Сестры явились часов через шесть. За это время Селдон и Дорс еще немного поспали, решив, что нужно приспособить свои биологические часы к местному времени.

Вошли Сестры робко, чуть ли не на цыпочках. Одеты они были в серые балахоны (которые, как выяснилось позднее, на микогенском диалекте именовались «кертлами») — мягкие, бархатистые, украшенные незатейливым, более темным орнаментом. Не сказать, чтобы вид у балахонов был отталкивающий, но они явно предназначались для того, чтобы скрыть все подробности фигуры. Головы у Сестер, естественно, были лысые, на лице — никакой косметики. Обе смущенно взглянули на Дорс, веки которой были немного подкрашены голубоватыми тенями, а губы чуть тронуты красной помадой.

«А как узнаешь, Сестры это или не Сестры никакие, а наоборот — Братья?» — мелькнула у Селдона озорная мысль.

Он незамедлительно получил ответ: Сестры поздоровались и представились.

Говорили они нараспев, высокими, мелодичными голосами. Селдон помнил суровый баритон Протуберанца и басок Грома и подумал, что, вероятно, женщин, для того чтобы они отличались от мужчин, приучают тут говорить тонкими голосами и жеманничать.

— Я — Капелька Сорок Третья, — пропищала одна из Сестер. — А это — моя младшая сестра.

— Капелька Сорок Пятая, — поклонилась вторая Сестра. — Это самое распространенное имя в нашей когорте.

— Рада познакомиться с вами, — сказала Дорс. — Но скажите, как вас различать? Как к вам обращаться, когда вы вместе? Просто «Капелька» нельзя?

— Нет, — покачала головой Капелька Сорок Третья. — Когда мы вместе, нужно называть нас полными именами.

— Ну а как насчет просто «Сорок Третьей» и «Сорок Пятой», дамы? — улыбнулся Селдон.

Они быстро взглянули на него, но ничего не ответили. Дорс тихо проговорила:

— Не надо, Гэри. Я сама.

Селдон отошел в сторону. Наверное, они молодые, незамужние, и им вообще нельзя говорить с мужчинами. Старшая казалась серьезнее младшей и, вероятно, была более пуритански настроена. Правда, пока было сказано всего несколько слов, брошен один-другой взгляд и выводы делать было трудно, но кое-что Селдон для себя решил.

Дорс сказала:

— Беда в том, Сестры, что мы — варвары и не знаем, как обращаться с кухней.

— Ты хочешь сказать, что не умеешь готовить еду? — обескураженно и даже несколько презрительно спросила Капелька Сорок Третья. А Капелька Сорок Пятая с трудом сдержала смех. (Селдон понял, что вывод его был верен.)

— У меня когда-то была своя кухня, — объяснила Дорс, — но она была совсем другая, и потом, я не знаю, что это за продукты и как из них готовят.

— Это так просто! — воскликнула Капелька Сорок Пятая. — Мы тебе покажем!

— Мы приготовим для вас хороший и питательный завтрак, — сказала старшая Сестра. — Для... вас обоих.

Последняя фраза ей явно далась с трудом. Присутствие мужчины смущало ее.

— Если вы не возражаете, — предложила Дорс, — я побуду с вами на кухне, пока вы будете готовить, и вы мне все расскажете. В конце концов, Сестры, вы же не сможете приходить сюда по три раза в день?

— Мы тебе все покажем, — кивнула Капелька Сорок Третья. — Варвары, правда, очень непонятливы. Тут нужно... чутье.

— Я буду очень стараться, — с очаровательной улыбкой пообещала Дорс.

Все трое исчезли за дверью кухни. Селдон проводил их взглядом и принялся продумывать стратегию дальнейших наступательных действий.

Глава 9

МИКРОФЕРМА

МИКОГЕН. ...*Микрофермы Микогена легендарны, хотя сегодня память о них жива лишь в поговорках типа «богатые, как микрофермы Микогена» или «вкусный, как микогенские дрожжи». Подобных панегириков с годами становится все больше, однако Гэри Селдон побывал на микрофермах во время Бегства, и в его мемуарах присутствуют упоминания о них, которые поддерживают ту распространенную точку зрения, что...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

40

— Восхитительно! — воскликнул Селдон. — Намного вкуснее того варева, которым нас потчевал Гром.

Дорс урезонила его:

— Не забывай, жена Грома готовила еду наспех, посреди ночи. Жена? По-моему, он сказал «моя женщина». Да, точно. У них «женщина» звучит примерно так же, как «мой дом», «моя одежда». Жутко унизительно.

— Да, возмутительно, не спорю. Но мне кажется, что у них и «жена» звучало бы не лучше. Так уж они живут, и, похоже, Сестры не возражают. Ни тебе, ни мне тут ничего не изменить. Кстати, ты поглядела, как Сестры готовили?

— Да, и на вид все выглядело довольно просто. Я, правда, сказала, что вряд ли все запомню, но они заверили, что запоминать ничего не надо и что я вполне управлюсь, если буду просто разогревать еду. Еще я поняла, что в хлеб добавлена какая-то приправа, от которой он становится таким пышным и хрустящим. Ты почувствовал? Он как бы немного приперчен.

— Не заметил. Я заметил другое: мне его было мало. А суп? Ты поняла, из каких он овощей?

— Нет.

— Ну а жаркое? Мясо было такое нежное, просто пальчики оближешь!

— Сомневаюсь, чтобы это было мясо. Правда, на Цинне готовят нечто подобное из мяса молодого барашка...

— Но барашек абсолютно ни при чем?

— Я только сказала, что сомневаюсь. И потом, я не думаю, что кто-то за пределами Микогена так питается. Даже Император. Что бы микогенцы ни экспортировали, я убеждена, лучшее они оставляют себе. Ой, Гэри, лучше нам здесь надолго не задерживаться. Если мы привыкнем к такой еде, нам больше нигде ни за что не прожить. Все будет казаться пресным, невкусным! — Дорс рассмеялась.

Селдон тоже засмеялся, отхлебнул еще немного фруктового сока (такого вкусного он не пил никогда в жизни) и сказал:

— Послушай... Когда Челвик вез меня в Университет, мы остановились в придорожном буфете, и еда там была дрожжевая. Но вкус... — Селдон брезгливо поморщился. — Ладно, неважно, какая она была на вкус, вспоминать неохота, но тогда мне и в голову не пришло бы, что дрожжевая пища может быть такой восхитительно вкусной. Жаль, что Сестры ушли. Надо бы поблагодарить их от души.

— Думаю, они уверены, что нам понравится. Я восхищалась запахами, а они мне сказали, что на вкус будет еще лучше.

— Не сомневаюсь: это сказала старшая.

— Да, младшая в основном хихикала. Кстати, они еще зайдут. Они принесут мне кертл, чтобы я могла пройтись с ними по магазинам. Между прочим, они мне посоветовали смывать косметику, когда я выхожу из дома. Они мне покажут, где можно купить кертлы покрасивее, где приобрести полуфабрикаты, которые нужно будет только разогревать. Они дали мне понять, что хорошо воспитанные Сестры брезгуют таким спосо-

бом приготовления пищи. Но, правду сказать, у нас они тоже кое-что разогревали и дико при этом извинялись. Не преминули, кстати, поязвить на тему о том, что варвары вообще-то в кулинарии не сильны и что нам больше подойдет разогретая еда. Причем обе дали мне понять, что хождение за покупками и приготовление пищи — дело исключительно мое.

— То бишь, как говорится: «Будучи на Тренторе, веди себя как тренторианец»?

— Я так и думала, что ты так скажешь.

— Я простой человек.

— Вывернулся! — фыркнула Дорс.

Селдон откинулся на спинку стула. Настроение после прекрасного обеда у него было отменное.

— Дорс, ты пробыла на Тренторе целых два года и, по идее, должна лучше понимать все, что тут творится. Скажи, как ты думаешь, эта странная социальная система Микогена... не является ли она проявлением их веры в сверхъестественное?

— Как-как? В сверхъестественное?

— Да? Тебе так не кажется?

— Но что ты имеешь в виду под словом «сверхъестественное»?

— Ничего особенного. Веру в нечто независимое от законов природы, в нечто такое, что не связано с сохранением энергии, к примеру, с существованием константы действия.

— Понятно. Ты хочешь спросить, не является ли Микоген религиозным сообществом?

— Религиозным? — в свою очередь удивился Селдон.

— Да. Термин очень древний, но мы, историки, пользуемся им. «Религиозный» — это неточный эквивалент словосочетания «верующий в сверхъестественное», хотя сверхъестественного в этом понятии хватает. Но ответить на твой вопрос я не могу. Во-первых, специально Микогеном я никогда не занималась. Однако я не удивлюсь, если оно так и окажется. Очень может быть, что у них есть какая-то религия.

— В таком случае, удивишься ли ты, если микогенские легенды тоже окажутся религиозными?

— Нет, не удивлюсь.

— Но это означает, что у них не будет фактической основы.

— Вовсе не обязательно. В каждой легенде может содер-

жаться крупица фактического материала, а уж вокруг этого ядрышка может быть накручено-наверчено все, что угодно.

— Ага... — глубокомысленно изрек Селдон и погрузился в размышления. Наступила пауза. Наконец Дорс не выдержала и сказала:

— Знаешь, ничего сверхнеобычного в этом нет. Многие миры имеют свои собственные религии. И религиозные настроения сейчас, когда в Империи все так зыбко, неустойчиво, как раз крепнут. У нас на Цинне, например, как минимум четверть населения — тритеисты.

Селдон в очередной раз понял, как мало он знает историю.

— Скажи, — спросил он, — а в прошлом были времена, когда религия играла бóльшую роль, чем сейчас?

— Безусловно. Помимо всего прочего, время от времени возникали и возникают все новые верования. А вот микогенская религия, что бы она собой ни представляла, должна, по идее, быть довольно молодой и при этом чисто микогенской. Но так, с кондачка, я ничего, конечно же, утверждать наверняка не могу.

— Вот мы и добрались до сути, Дорс. Скажи-ка, не кажется ли тебе, что женщины религиознее мужчин?

Брови Дорс подпрыгнули вверх.

— Не уверена, что следует все так упрощать.

Немного подумав, она добавила:

— Не исключено, что к сверхъестественному более тянутся те элементы сообщества, которые обладают наименьшей долей имущества в материальном, вещественном мире, — бедняки, сироты, отверженные. До тех пор, пока сверхъестественное совпадает с религией, этих людей можно считать и более религиозными. Но тут не может не быть исключений. Многие из обездоленных могут отвергать религию, а богатые, обеспеченные люди — принимать ее.

— Но в Микогене, — сказал Селдон, — где женщины приравниваются к домашнему скоту, к вещам, разве так уж невозможно, чтобы они были религиознее мужчин? Разве они не могут больше знать о тех легендах, на которых зиждется это странное сообщество?

— Жизнью рисковать я бы ради выяснения этого вопроса не стала, но на недельный оклад поспорила бы.

— Идет, — кивнул Селдон.

Дорс улыбнулась.

— Вот тебе кусочек психоистории, Гэри. Правило 47854: «Обездоленные более религиозны, чем довольные жизнью».

Селдон покачал головой:

— Не шути с психоисторией, Дорс. Ты же знаешь, что мне нужны не мелкие правила, а обобщающие законы. Я не собираюсь выводить формулы сравнительной религиозности на основании обнаружения сотни специфических правил. Мне нужно что-то такое... такое, чтобы я его пропустил через соответствующую систему математической логики и мог сказать: «Ага, вот эта группа людей будет более религиозна, чем другая, если будут выполнены такие-то и такие-то условия, и тогда, когда человеческое сообщество испытает на себе воздействие таких-то и таких-то стимулов, произойдет то-то и то-то».

— Просто ужас! — возмутилась Дорс. — У тебя люди словно какие-то машины. Нажми на кнопку — получишь результат!

— Нет, не так. Кнопок нужно нажимать много, и все поразному, и результатов от их нажатия будет такое количество и разнообразие, что всякое предсказание будущего неизбежно окажется лишь статистическим, и отдельный человек нисколько не будет ограничен в свободе действий и выбора.

— Как ты можешь это утверждать?

— Не могу и не утверждаю. Просто... чувствую, что это должно быть именно так. Если я сумею найти аксиомы, вывести фундаментальные, основополагающие законы гуманики, если можно так выразиться, и подвергнуть их необходимой математической проработке, вот тогда можно будет считать, что я разработал психоисторию. Я же доказал, что теоретически это возможно...

— Но неосуществимо, насколько я помню?

— Я и до сих пор так считаю.

Дорс не смогла сдержать улыбки.

— Гэри, так чем же ты тогда занимаешься? Какое решение может быть у этой задачи?

— Не знаю. Клянусь, не знаю. Но Четтер Челвик так жаждет получить ответ, а я, сам не знаю почему, хочу доставить ему такое удовольствие. Знаешь, он такой упрямый...

— Знаю, как не знать.

Селдон чуть-чуть нахмурился, но ничего не сказал по поводу последней фразы и продолжил:

— Челвик утверждает, что Империя в упадке, что она погибнет и психоистория — единственная надежда на ее спасение. Ну, если не на спасение, хотя бы — на смягчение удара, что без нее человечество если и не погибнет, то по крайней мере обречено на долгие страдания. И ответственность за все это он, похоже, возлагает на меня. Понимаешь, на мой-то век Империи хватит, но, чтобы жить спокойно, я обязан сбросить эту ношу с плеч. Я обязан убедить и себя самого, и Челвика в том, что психоистория не имеет никакого отношения к практике. Это чистой воды теория. Но прежде я должен подергать за все ниточки, какие есть, и проверить, все ли оборвутся.

— Ниточки? И сейчас, когда ты размышляешь о тех временах, когда человеческое сообщество было меньше, чем теперь, ты дергаешь за одну из них?

— Да. Гораздо меньше. И намного проще.

— И хочешь доказать, что на этом пути нет решения. Думаешь, ниточка порвется?

— Да.

— Но как ты думаешь, кто тебе расскажет, каким был древний мир? Если у микогенцев и существует какое-то собственное представление о доисторической Галактике, Протуберанец ни за что не расскажет о нем варвару. И никто из микогенцев не расскажет. Это закрытое сообщество — господи, сколько можно повторять! — и его члены до безумия боятся и сторонятся варваров. Ничего, ничего они нам не скажут.

— Придется придумать, как заставить их разговориться. Начать можно, например, с Сестер.

— Да они тебе не то что рассказывать, они и слушать тебя не станут. Для них твои слова — пустой звук, как мои для Протуберанца. Что они могут рассказать?

— И тем не менее надо с чего-то начать.

— Дай-ка подумать... Челвик велел мне о тебе заботиться. Я это понимаю так, что я должна помогать тебе, чем могу. Что я знаю о религии? К моей специальности она не имеет никакого отношения, это ты должен понимать. Я ведь специализировалась на исследовании экономических, а не философских движущих сил; однако историю трудно механически разделить на независимые подразделы. Ну, например, в религиозных центрах при условии популярности той или иной религии часто скапливаются громадные ценности, а это приводит к наруше-

нию экономического равновесия в обществе. Вот тебе, кстати, одно из многочисленных правил, которое непременно следует из того, что ты назвал «законами гуманики». Но...

Дорс умолкла и глубоко задумалась.

Селдон не сводил с нее глаз, а Дорс смотрела в одну точку.

Наконец она сказала:

— Понимаешь, это вовсе не обязательно, но очень часто так бывает, что существует какая-то религиозная книга или несколько книг. В таких книгах излагаются обряды, точка зрения на историю, иногда содержатся священные стихи, да мало ли что еще. Как правило, эти книги доступны для всех и служат средством обращения в ту или иную веру. Но порой они хранятся в тайне.

— Думаешь, у микогенцев есть такие книги?

— Честно говоря, не знаю. Будь они в открытом доступе, наверное, я подержала бы в руках хотя бы одну из них, хотя бы слышала, что они есть. Значит, либо таких книг не существует, либо они хранятся в тайне. В обоих случаях тебе на них и одним глазком взглянуть не удастся.

— Ну что ж, в этом что-то есть, — кивнул Селдон.

41

Примерно через два часа после того, как Гэри и Дорс покончили со вторым завтраком, явились Сестры.

На этот раз обе вошли улыбаясь, а Капелька Сорок Третья, та, что была посерьезнее, протянула Дорс серый балахон — кертл.

— Очень красивая вещь! — улыбнулась Дорс. — А орнамент просто замечательный.

— Ничего такого особенного! — пропищала Капелька Сорок Пятая. — Это мой старый кертл. Наверное, сидеть будет не очень хорошо, ты же выше меня. Но в нем можно выйти на улицу, и мы отведем тебя в самый лучший магазин, и ты сама себе выберешь что-нибудь получше. Там такие красивые есть...

Капелька Сорок Третья нервно улыбнулась и молча, потупив взор, протянула Дорс еще один балахон — белый, аккуратно сложенный. Дорс не стала разворачивать сверток и протянула его Гэри.

— Судя по цвету, это для тебя.

— Может быть, — пожал плечами Селдон. — Только отдайка его обратно. Пусть она сама мне даст.

— Ох, Гэри... — Дорс укоризненно покачала головой.

— Сказал — не возьму, значит, не возьму, — уперся Селдон. — Я хочу, чтобы она сама отдала мне эту вещь.

Дорс немного помедлила и неуклюже протянула свернутый балахон Капельке Сорок Третьей.

Та сложила руки за спиной и отшатнулась, смертельно побледнев. Капелька Сорок Пятая стрельнула глазками на Селдона, быстро шагнула к Капельке Сорок Третьей и обняла ее.

Дорс прошептала:

— Гэри, ты не прав. Уверена, Сестрам не разрешается разговаривать с чужими мужчинами. Зачем доставлять им боль? Она ничего не может поделать. Может, она и варваров никогда не видела.

Обратившись к Капельке Сорок Третьей, Дорс мягко, заботливо спросила:

— Ты видела раньше варваров?

Девушка молча помотала головой.

— Ну, что я говорил? — взмахнул руками Селдон. — Обет молчания относится только к Братьям. Разве послали бы к нам этих девушек, если бы им нельзя было разговаривать с варварами?

— Но, Гэри, может быть, им можно разговаривать только со мной?

— Чепуха. Не верю и не поверю. Я не просто варвар, я почетный гость Микогена. Четтер Челвик просил, чтобы ко мне относились именно так. Сам Протуберанец Четырнадцатый встретил меня и привез сюда. И я не желаю, чтобы ко мне относились так, будто меня не существует. Как только я буду говорить с Протуберанцем Четырнадцатым, я непременно пожалуюсь ему.

Капелька Сорок Пятая захныкала, а Капелька Сорок Третья слегка покраснела.

Дорс собралась было еще раз уговорить Селдона, но тот показал ей кулак и уставился, не мигая, на Капельку Сорок Третью.

Наконец та подала голос — дрожащий, робкий. Видимо, ей было очень трудно заставить себя обращаться к мужчине.

— Ты не должен жаловаться на нас, варвар. Это будет несправедливо. Ты заставляешь меня нарушать обычаи моего народа. Чего ты хочешь от меня?

Селдон дружелюбно улыбнулся и протянул руку.

— Я хочу, чтобы ты отдала мне одежду, которую принесла для меня, кертл.

Девушка молча протянула ему сверток.

Селдон церемонно поклонился и дружески, тепло поблагодарил:

— Большое спасибо, Сестра.

«Ну что, съела?» — сказал его лукавый взгляд, обращенный на Дорс. Та сердито отвернулась.

Никаких украшений типа вышивки на белом балахоне не было. Видимо, мужчинам излишеств не полагалось. Правда, к балахону прилагался белый же пояс с кисточками, который, по всей вероятности, нужно было как-то по-особому завязывать.

— Пойду в ванную переоденусь, — сказал Селдон. — Я быстро.

Селдон шмыгнул в ванную, но дверь за ним не закрылась. Туда же влетела Дорс и захлопнула дверь за собой.

— Что ты себе позволяешь! — накинулась на Селдона Дорс. — Ты просто тиран, Гэри! Почему ты так мучаешь эту несчастную девушку?

— Но я должен был заставить ее заговорить со мной! — прошипел полушепотом Селдон. — Мне нужно выудить у нее кое-что, и ты это знаешь. Жаль, что пришлось прибегнуть к силе, но как иначе можно было нарушить это проклятое табу?

Дорс хлопнула дверью с другой стороны. Когда Гэри вышел из ванной, она уже успела облачиться в свой балахон. Удивительно, несмотря на шапочку, скрывавшую прекрасные волосы, и мешковатый балахон, Дорс все равно продолжала оставаться весьма привлекательной. Ее балахон был подпоясан более широким поясом, который был сшит из ткани чуть более темной, чем сам кертл. И надо же — спереди пояс застегивался на пряжку из ярко-голубого камня. «О женщины! — подумал Селдон. — Они всегда и всюду стремятся выглядеть красивыми, даже тогда, когда их так притесняют».

— Ну-у-у, — развела руками Дорс. — Ты просто настоящий микогенец. По крайней мере, теперь мы запросто можем выйти на улицу в сопровождении Сестер.

— Да, — кивнул Селдон. — Но только меня гораздо больше интересуют микрофермы. Мне бы очень хотелось, чтобы Капелька Сорок Третья повела меня на экскурсию на микроферму.

Капелька Сорок Третья широко раскрыла глаза и сделала шаг назад.

— Посмотреть хочется, — спокойно пояснил Селдон.

Капелька Сорок Третья бросила умоляющий взгляд на Дорс.

— Варварша...

— А, понятно, — кивнул Селдон. — Ты, наверное, просто ничего не знаешь про микрофермы.

Видимо, он задел больное место. Не поворачивая головы и глядя по-прежнему на Дорс, девушка чуть-чуть запрокинула голову и сказала:

— Я работала на микрофермах. Там работают все Братья и Сестры.

— Ну так отведи же меня на экскурсию! — воскликнул Селдон. — И давай больше не будем препираться. Я не Брат, с которым тебе нельзя разговаривать и общаться. Я варвар и почетный гость. Я ношу эту шапочку и балахон, чтобы не привлекать к себе внимания, но я — ученый, и покуда я здесь, мне нужно кое-что узнать. Не могу же я сидеть в этой комнате и изучать стены! Я хочу увидеть то, чего больше нет нигде в Галактике — ваши микрофермы. Мне казалось, ты сочтешь за честь показать их мне.

— Да, мы гордимся ими, — Капелька Сорок Третья мотнула головой и наконец посмотрела Селдону в глаза. — И я отведу тебя туда. Не думай, что тебе удастся разузнать наши секреты, если ты за ними охотишься. Я поведу тебя на микрофермы завтра утром. Нужно время, чтобы договориться.

— До утра я, так и быть, подожду, — согласился Селдон. — Но ты не обманешь меня? Даешь честное слово?

— Я — Сестра, — гордо ответила Капелька Сорок Третья. — Как сказала, так и сделаю. Слово сдержу, даже данное варвару.

Голос ее к концу последней фразы стал холодным, а вот глаза засверкали. «Что бы это значило?» — без особой радости подумал Селдон.

42

Ночь выдалась беспокойная. Во-первых, Дорс объявила, что она непременно пойдет на микроферму вместе с Селдоном, а он уперся — нет и нет.

— Как ты не понимаешь? — возмущался он. — Весь замысел состоит в том, что мне нужно заставить ее говорить свободно, а для этого нужно поставить ее в необычные условия. Она будет наедине с мужчиной — пускай варваром, неважно. Обычаи уже нарушены, и теперь легче нарушить их еще немножко. А если ты пойдешь с нами, она будет говорить с тобой, а мне достанутся одни отбросы!

— А вдруг с тобой опять что-нибудь случится, как тогда, наверху?

— Ничего не случится. Прошу тебя! Если хочешь помочь мне, останься дома. Если не останешься, я больше не буду иметь с тобой дела. Пойми же, Дорс, это крайне важно для меня. Дорс, я к тебе очень хорошо отношусь, ты мне очень дорога, но тут я поступлю по-своему.

В конце концов Дорс отступилась и только попросила:

— Хотя бы пообещай, что ты будешь добр с ней, пожалуйста!

— А тебе не кажется, что это меня от нее надо защищать? Уверяю тебя, когда был с ней груб, никакого удовольствия я не испытал и не собираюсь допускать такого в дальнейшем.

Вот так они впервые поссорились, и эта ссора не давала Селдону заснуть. Он ворочался с боку на бок, и мысли о ссоре мешались с мыслями о том, что Капелька Сорок Третья может не выполнить данного слова и не прийти утром.

Однако Сестры явились вдвоем как раз тогда, когда Селдон успел наспех позавтракать и облачиться в кертл. Немного повозившись с поясом, он приладил его как следует.

Капелька Сорок Третья, взгляд которой по-прежнему хранил суровость, сказала:

— Если ты готов, варвар Селдон, то моя сестра останется с варваршей Венабили.

Голос у нее сегодня был не писклявый и не хриплый. Похоже, она всю ночь напролет тренировалась — как будет разговаривать с тем, кто не Брат, но мужчина.

«Мучила ли ее бессонница?» — подумал Селдон и сообщил:

— Я готов. Хоть сейчас.

Примерно через полчаса они уже опускались вниз по бесконечным лифтам и лестницам. По часам день был в полном разгаре, но даже наверху, на улице, свет был приглушенным, сумрачным.

Интересно, почему? Наверняка искусственный солнечный свет, шествуя по планете, должен был задевать и Микоген. Значит, микогенцы сами приглушают освещение — еще одна странная привычка. Глаза Селдона постепенно привыкли к тусклому свету.

Селдон старался как можно спокойнее смотреть на попадавшихся навстречу Братьев и Сестер. Ведь его и Капельку Сорок Третью, как ему казалось, можно было запросто принять за Брата и его женщину, и покуда он не делал ничего такого, чтобы привлечь постороннее внимание, никто не должен был на них глазеть.

Но, увы, Капелька Сорок Третья вела себя именно так, чтобы привлечь внимание. Говорила односложно, почти не раскрывая рта. Было ясно, что шествие в компании с чужим мужчиной, пусть это известно только ей, девушке неприятно. Селдон понял: начни он уговаривать ее расслабиться и не нервничать, она почувствовала бы себя еще более скованно.

Лифты, эскалаторы... казалось, им не будет конца. Да, «эскалаторы», похоже, именно так называла эти движущиеся лестницы Капелька Сорок Третья; Селдон этого слова никогда раньше не слыхал.

Чем ниже они опускались, тем сильнее становилось нетерпение Селдона. Нетерпение и удивление.

Микрофермы существовали на многих планетах, и на них выращивались в каждом мире свои микроорганизмы. Селдону на Геликоне доводилось бывать на микрофермах, и там всегда стоял весьма специфический запах — неприятный до тошноты.

Работники микроферм, похоже, свыклись с этим запахом, а посетители... некоторые посетители тоже быстро привыкали. Поморщатся, покрутят носом, а потом, глядишь, уже ходят как ни в чем не бывало. А вот Селдон всегда был необычайно чувствителен к запахам. Он вечно страдал от неприятных запахов и приготовился страдать сегодня. Он, правда, уговаривал себя изо всех сил — мол, придется пожертвовать самочувствием ра-

ди столь нужных сведений, но желудок жил по своим законам и уже заранее заявлял о себе.

Однако спуск продолжался, а воздух оставался свежим. В конце концов Селдон не выдержал и спросил:

— Когда же мы доберемся до тех уровней, где расположены микрофермы?

— Уже добрались.

Селдон глубоко вздохнул, принюхался.

— А по запаху не скажешь.

— По запаху? О чем это ты? — осмелев настолько, что голос ее стал более громким, удивленно спросила Капелька Сорок Третья.

— Ну, понимаешь, всякий раз, когда я раньше бывал на микрофермах, там стоял такой... кислый запах. Наверное, это пахли питательные среды, которые нужны бактериям, грибкам, дрожжам.

— Ты бывал на микрофермах? — снова понизив голос, спросила Капелька. — Где же?

— У себя на родине.

— Что, твой народ возится в габелле? — с отвращением спросила Капелька.

Селдон никогда раньше не слышал такого слова, но по выражению лица Капельки понял, что оно значит.

— Нет-нет, не думай, когда продукция готова, она так не пахнет.

— А у нас вообще никогда так не пахнет. Наши биотехнологи разработали замечательные штаммы. Водоросли растут в условиях прекрасного освещения, в тщательно сбалансированных электролитных растворах. Сапрофиты питаются самой лучшей органикой. И этих рецептов и формул никогда не узнать варварам. Ну вот, мы прибыли. Ходи, вынюхивай, что хочешь. Ничего дурного не вынюхаешь. У нас везде хорошо пахнет. Вот почему наши продукты ценятся по всей Галактике, и Император, насколько нам известно, питается только нашей едой. Правда, если бы меня спросили, я бы сказала, что варвар недостоин такой роскоши, даже если он называет себя Императором.

Сказано это было сердито, даже гневно, и весь гнев был обращен на Селдона. Чтобы ему было более понятно, Капелька добавила:

— Да, и даже если он называет себя почетным гостем.

Они зашагали по узкому коридору. По обе стороны стояли большие ванны из толстого стекла, где булькала мутная зеленоватая жидкость, наполненная множеством нитевидных водорослей, кувыркающихся в вихре пузырьков воздуха. «Углекислый газ», — решил Селдон.

Ванны освещали мощные светильники, лившие на них приятный розовый свет, более яркий, чем освещение в проходе. Селдон глубокомысленно проговорил:

— Понятно. Эти водоросли лучше растут в красных лучах спектра.

— Верно, — кивнула Капелька.

— Все автоматизировано, по-видимому?

Она пожала плечами, но не ответила.

— Я спросил потому, что тут совсем не видно ни Братьев, ни Сестер.

— Тем не менее тут есть работа, и она делается, даже если ты не видишь работников. Подробностей я тебе не скажу. Это не твое дело.

— Погоди. Перестань на меня рычать. Государственные тайны выпытывать я вовсе не собираюсь. Постой, милая, — слово неожиданно сорвалось у него с губ.

Она рванулась вперед, но Селдон удержал ее за руку. Капелька не пошевелилась, но вся задрожала, и он быстро отпустил ее руку.

— Просто мне показалось, что тут все автоматизировано.

— Пусть тебе кажется что угодно. Однако тут есть работа и для головы, и для рук. Каждому Брату, каждой Сестре приходится время от времени работать здесь. Для некоторых это становится профессией.

Теперь она говорила более свободно, но левой рукой ожесточенно терла правую — то самое место, к которому прикоснулись пальцы Селдона, словно тот ее ужалил.

— Эти ванны тянутся на многие километры, — пояснила Капелька, — но если мы сейчас повернем, то попадем туда, где расположена грибковая секция.

Они зашагали дальше. Селдон поражался царившей в помещениях чистоте. Стекло сверкало. Кафельный пол на вид казался сырым, но, когда Селдон улучил момент и потрогал его, оказалось, что он ошибся. Правду сказать, можно было не на-

клоняться. Не сыро и ни чуточки не скользко; во всяком случае, подошвы сандалий — из тех, кстати, по микогенской моде, торчали большие пальцы ног Селдона — не скользили; впрочем, их, вероятно, чем-то смазали.

Кое в чем Капелька Сорок Третья была права. Время от времени им попадались то там, то тут Брат или Сестра, которые молча работали — поправляли шланги, крутили рычажки на пультах. Кто-то выполнял менее квалифицированную работу — протирал оборудование. Все были поглощены своими занятиями.

Селдон из осторожности не спрашивал, чем заняты работники фермы — мало ли, вдруг Капелька не сумеет ответить или вдруг, что гораздо хуже, взорвется и заявит, что это не его ума дело.

Вскоре они миновали бесшумно открывшуюся дверь, и вот тут наконец Селдон ощутил некое подобие знакомого запаха. Он бросил взгляд на Капельку, но та и бровью не повела. Запах был почти неуловимым, и Селдон скоро привык к нему.

Характер освещения резко изменился, свет стал тусклым, ярко освещено было только оборудование. Время от времени мелькали фигуры Братьев и Сестер. Головы их были украшены фосфоресцирующими повязками; на некотором расстоянии виднелись крохотные, хаотично мечущиеся искорки света.

Селдон украдкой глянул на Капельку в профиль. Раньше, когда он смотрел на ее лицо, он не мог угадать, что за характер кроется за бледностью, пустыми глазами. Казалось, в этом лице не осталось никакой индивидуальности. А вот в профиль кое-что открывалось. Черты лица у Капельки были правильные — прямой нос, маленький подбородок, пухлые губы. В сумраке даже лысина казалась не столь уж отталкивающей.

«Да ведь она могла бы быть просто красавицей, отрасти она волосы и сделай прическу! — удивленно подумал Селдон. — Но волосы у нее никогда не отрастут, — была следующая его мысль. — Она так и будет всю жизнь ходить лысая!»

Но почему? За что? Протуберанец сказал, что микогенец всю жизнь должен помнить, что он — микогенец. Почему же именно таким жестоким образом они отличали себя от других?

Селдон привык рассматривать противоположные точки зрения, а потому решил: привычка — вторая натура. Стоит привыкнуть к тому, что все вокруг лысые, такие же, как ты сам,

и пышная растительность на голове будет вызывать отвращение. В конце концов, он ведь и сам брился каждое утро и терпеть не мог, когда у него отрастала щетина, однако даже со щетиной его лицо не казалось ему таким уж отвратительным. Он мог в любое время, если бы захотел, отрастить бороду.

Он знал: на некоторых планетах все мужчины поголовно носят бороды. Кое-где их даже не подстригают, не подравнивают. Что бы сказали про него обитатели таких планет, взгляни они на его гладко выбритые щеки и подбородок?

А они все шли и шли вперед, и время от времени Капелька Сорок Третья легонько касалась его локтя, когда нужно было повернуть в ту или иную сторону. Судя по всему, она уже немного осмелела, по крайней мере, руку не отдергивала, как от огня, а порой держала его за локоть целую минуту.

Наконец она сказала:

— Сюда! Иди сюда!

— Что такое? — спросил Селдон.

Они остановились перед небольшой тележкой, доверху наполненной маленькими шариками — сантиметра два в диаметре. Рядом с тележкой, по-видимому, только что водруженной на подобающее место, стоял Брат и вопросительно смотрел на них.

Капелька Сорок Третья вполголоса подсказала Селдону:

— Попроси немного.

«Ага, — понял Селдон. — Она не имеет права заговорить с Братом, пока он сам к ней не обратится», — и неуверенно обратился к Брату:

— Можно попробовать, Б-брат?

— Бери хоть пригоршню, Брат, — добродушно предложил работник.

Селдон осторожно взял один шарик и хотел было угостить Капельку Сорок Третью, но, обернувшись, с удивлением заметил, что предложение угощаться она приняла на свой счет и зачерпнула с подноса две пригоршни шариков.

Шарик оказался гладким, приятным на ощупь. Когда они отошли подальше от Брата, Селдон шепотом поинтересовался:

— Это можно есть? — и недоверчиво принюхался к шарику.

— Они не пахнут.

— А что это такое?

— Лакомство. Драже. Для экспорта к ним делаются различ-

ные добавки, но в Микогене мы едим их просто так, без всяких добавок.

Отправив одно драже в рот, она призналась:

— Я их ужасно люблю.

Селдон последовал ее примеру. Драже быстро растаяло во рту, он и охнуть не успел. Рот наполнился капелькой жидкости, которая мгновенно стекла по пищеводу.

Какой-то миг Селдон не мог пошевелиться — настолько он был поражен. Драже оказалось чуть сладковатым. После него во рту остался непонятный пряный привкус.

— Можно я еще попробую? — спросил он.

— Бери сразу полдюжины, — посоветовала Капелька Сорок Третья и протянула Селдону пригоршню драже. — Вкус всегда разный, а калорий совсем нет. Попробуй.

Она была права. Селдон пробовал так и сяк: брал драже в рот и давал рассосаться, лизал потихоньку, пытался откусить кусочек. Но как бы легко он ни прикасался к драже, стоило чуть-чуть лизнуть, и оно моментально исчезало. И действительно, у каждого шарика вкус был чуть-чуть да иной.

— Вот беда, — вздохнула Капелька Сорок Третья, — каждый раз попадается что-нибудь необычное, вкус невозможно забыть, но больше такое может никогда не попасться. Помню, было мне лет девять, и мне попалось такое...

Мечтательное выражение тут же покинуло ее лицо. Она сказала строгим голосом:

— Прекрасная вещь — это драже. Учит тому, как все зыбко в этом мире.

«А ведь это сигнал, — подумал Селдон. — Хватит, нагулялись. Она уже вполне свыклась с моим присутствием, свободно разговаривает. Пора переходить к делу, и немедленно!»

43

Селдон сказал:

— Сестра, я родом из мира, который раскинулся под открытым небом, как и другие миры, кроме Трентора. Там иногда идет дождь, а иногда сухо, реки порой текут спокойно и лениво, а иногда выходят из берегов, там то жарко, то холодно. А это значит, что урожаи там бывают то плохие, то хорошие.

А здесь все так стабильно, продуманно. И урожаю ничего другого не остается, как только быть всегда хорошим. Как счастлив Микоген!

Селдон замолчал и стал ждать ответа. Ответов могло быть несколько, и дальнейшие действия зависели от того, как именно ответит Капелька.

Она и впрямь достаточно осмелела и теперь почти не стеснялась того, что рядом мужчина. Вот что она ответила:

— Стабильности добиться не так уж легко. Состояние среды контролировать приходится постоянно. Порой нападает какая-нибудь вирусная инфекция, а бывают еще неожиданные и нежелательные мутации. Иногда приходится браковать огромные партии продуктов.

— Правда? И что же потом?

— Другого выхода, как только уничтожать забракованные партии, нет. Даже тогда, когда есть хоть малейшее подозрение, что партия недоброкачественная. Тележки, ванны — все подвергается самой тщательной стерилизации, а порой и все оборудование уничтожают.

— Стало быть, на манер хирургии, — кивнул Селдон. — Отсекаете пораженную болезнью ткань.

— Да.

— А что же вы предпринимаете, чтобы предотвратить подобные неполадки?

— Что можно поделать? Проводим непрерывные анализы на мутацию и вирусы, следим за чистотой и составом питательных сред. Изменения мы наблюдаем крайне редко, однако стоит нам заметить что-нибудь, мы предпринимаем немедленные и радикальные шаги. В итоге неурожайных лет у нас почти не бывает, да если и бывают, то страдает всегда лишь небольшая часть урожая. Помню, самый неудачный год у нас был, когда мы потеряли двенадцать процентов урожая. Беда в том, что самые старательные прогнозы, самые продуманные компьютерные программы не всегда способны предсказать то, что на самом деле непредсказуемо.

Селдон от неожиданности вздрогнул. Капелька говорила так, словно рассуждала о психоистории, а на самом деле речь шла всего-навсего о продукции микрофермы в небольшом тренторианском секторе. А ведь он сам все время мыслил гран-

диозными масштабами — никак не меньше Галактической Империи.

Неизвестно почему немного обидевшись, словно речь и впрямь шла о его работе, Селдон проговорил:

— Наверняка не все непредсказуемо. Есть силы, которые правят всеми нами и обо всех нас заботятся.

Капелька резко остановилась, обернулась и удивленно, не мигая, взглянула ему в глаза.

— Что? — спросила она.

Селдон принялся неловко объяснять:

— Понимаешь... вот мы говорим о вирусах, мутациях... Это ведь все явления природные и подчиняются, следовательно, законам природы. Ничего сверхъестественного тут нет, верно? Все, что не повинуется законам природы, тут не учитывается. А ведь именно оно может управлять самими законами.

Капелька не отрываясь смотрела на Селдона — так, словно он вдруг заговорил на чужом языке, каком-нибудь древнем, забытом диалекте.

— Что? — еще раз спросила она.

Селдон, запинаясь, продолжил свою мысль, путаясь в незнакомых, непривычных словах:

— Нужно обращаться к чему-то великому, какому-то высшему духу, какому-то — просто и не знаю, как назвать.

Она вполголоса проговорила:

— Я так и думала. Только не сразу поверила, что ты об этом говоришь. Ты судишь нас за то, что у нас есть *религия*. Почему же ты не сказал прямо? Почему избегал этого слова?

Она ждала ответа, а Селдон, несколько обескураженный тем, что его слова так задели ее, пробормотал:

— Потому что я не привык пользоваться этим словом. Мне более знакомо слово «сверхъестественное».

— Называй, как хочешь. Это религия, и ее у нас нет. Религия — это для варваров, для стада ско...

Она умолкла, чтобы перевести дух, но Селдон не сомневался, что она хотела сказать: «для стада скотов».

Однако Капелька довольно быстро взяла себя в руки.

— Мы — не религиозный народ. Наше царство — от мира сего, от этой Галактики, и так было всегда. Если у тебя есть своя религия...

Селдон почувствовал, что влип. Вот уж чего он никак не ожидал!

— Не сказал бы, что это так... — промямлил он. — Видишь ли, я математик, и мое царство — тоже от мира сего и от этой Галактики. Просто, понимаешь, у вас такие странные обычаи, вот я и подумал, что ваше царство...

— Не думай, варвар. Если у нас странные обычаи, то это потому, что нас мало. Нас миллионы, а вокруг нас миллиарды миллионов. По миллиарду вас на каждого из нас. Должны же мы как-то выделиться, чтобы не затеряться. Нас отличает отсутствие волос, одежда, поведение, образ жизни. Мы обязаны помнить, кто мы такие, и должны быть уверены, что вы, варвары, помните, кто мы такие. Мы трудимся на наших фермах, чтобы вы ценили нас, высоко ценили. Покуда вы будете ценить нас, вы нас не тронете. Вот и все, чего мы от вас хотим, — чтобы вы нас не трогали, не мешали.

— Я вовсе не хотел причинить вреда ни тебе, ни твоему народу. Я просто ищу знаний. Ищу здесь, как искал бы в любом другом месте.

— И поэтому выказываешь презрение к моему народу, обвиняя нас в том, что у нас есть религия, предлагая нам положиться на какой-то мистический, несуществующий дух, в который мы никогда не верили, чтобы этот дух что-то сделал за нас?

— Но есть масса миров, где люди верят в сверхъестественные силы в той или иной форме, и там это называется религией. В чем-то мы можем быть с ними не согласны, но ведь мы в своем неверии также можем ошибаться, как они — в своей вере. Во всяком случае, ничего дурного я в вере не вижу, и мой вопрос не нес в себе ничего оскорбительного.

Однако, судя по всему, ему не удалось разубедить разгневанную Капельку.

— Религия! — фыркнула она. — Она нам ни к чему!

Селдон окончательно пал духом. Вся эта экскурсия, все его ухищрения — все прахом, все насмарку.

Капелька прибавила:

— У нас есть кое-что получше. Гораздо лучше. У нас есть *история*.

Селдон тут же воспрял и радостно улыбнулся.

Глава 10

КНИГА

«РУКА НА БЕДРЕ» — *случай, описанный в мемуарах Селдона. Он утверждает, что именно этот случай стал поворотным в поисках метода разработки психоистории. К сожалению, в воспоминаниях Селдона отсутствуют подробности этого происшествия, и, сколько бы ни обсуждался этот вопрос в дальнейшем, ясная картина не складывается. Этот случай остается одной из самых удивительных загадок карьеры Селдона.*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

44

Капелька Сорок Третья смотрела на Селдона широко раскрытыми глазами. Грудь ее тяжело вздымалась.

— Я не могу больше тут оставаться.

Селдон огляделся по сторонам.

— Но тут никого нет. Даже тот Брат, что угостил нас драже, нам ни слова не сказал. Похоже, он нас принял за самую обычную парочку.

— Это потому, что там было темно, и, когда ты говоришь тихо, не так слышен твой варварский акцент, и я вела себя спокойно. Но теперь... — хрипло проговорила она.

— Что теперь?

— Я нервничаю. Я задыхаюсь.

— Но кто это заметит? Успокойся, расслабься.

— Здесь я не могу успокоиться. Не могу, здесь меня могут увидеть.

— Куда же нам в таком случае пойти?

— Где-то должны быть комнаты отдыха. Я тут работала. Я знаю, что они где-то тут.

Она зашагала быстрее, Селдон пошел следом за ней. Вскоре они повернули в узкий коридор, вдоль которого тянулась линия дверей.

— Кажется, последняя комната свободна, — пробормотала Капелька.

И верно, комната была свободна. На двери горел маленький

квадратик, надпись на котором гласила: «Не занято». Дверь отворилась.

Капелька Сорок Третья быстро осмотрела комнату, подтолкнула Селдона вперед и вошла сама. Как только она прикрыла за собой дверь, на потолке загорелся светильник.

— Теперь табличка покажет, что комната занята? — поинтересовался Селдон.

— Да. Стоит двери закрыться с этой стороны, как загорается такая надпись.

Здесь слышался шум вентилятора. Похоже, тишины на Тренторе не было нигде.

Комната была невелика, однако в ней стояла кушетка с жестким матрасом, застеленная чистым бельем. Стол, стул, маленький холодильник, какое-то устройство, напоминающее электроплитку.

Капелька Сорок Третья устало опустилась на стул, выпрямилась. Видимо, пыталась успокоиться.

Селдон, не понимая, чем ему заняться, стоял столбом, пока Капелька не махнула рукой в сторону кушетки, тогда он сел.

Тихо, словно говоря с самой собой, Капелька Сорок Третья проговорила:

— Если кто-нибудь узнает, что я была здесь с мужчиной, пусть даже с варваром, меня подвергнут отлучению.

Селдон резко вскочил на ноги.

— Тогда давай уйдем отсюда.

— Сядь. Я не могу уйти, пока я в таком состоянии. Ты спрашивал о религии. Что ты вынюхиваешь? Чего ищешь?

Селдону показалось, что перед ним — совсем другой человек. Как она переменилась! Ни униженности, ни робости не осталось и в помине. Нисколько не смущаясь его присутствием, Капелька с прищуром смотрела на него.

— Я уже говорил тебе. Я ищу знания, только знания. Я ученый. Это моя работа. Я хочу научиться понимать самых разных людей, поэтому я изучаю историю. Во многих мирах древние исторические записи — настоящие записи — превратились в мифы и легенды и зачастую бытуют в форме религиозных верований или того, что я зову тягой к сверхъестественному. Но раз в Микогене религии нет, то...

— Я сказала тебе: у нас есть *история*.

— Да, сказала. Сколько лет насчитывает ваша история?

— Двадцать тысячелетий.

— Вот как? Давай по-честному. Это истинная история или нечто такое, что давно превратилось в легенду?

— Нет, это самая настоящая история.

Селдон собрался было спросить, откуда у нее такая уверенность, но передумал. На самом деле, могла ли история насчитывать двадцать тысячелетий и при этом оставаться истинной? «Я не историк, — подумал Селдон. — Надо будет посоветоваться с Дорс».

Однако он не видел ничего удивительного в том, что древняя история любого мира — это, как правило, адская смесь самовосхвалений, героики, этакие мини-спектакли, побасенки с моралью, которые ни в коем случае нельзя воспринимать буквально. Так было и на Геликоне, и все же каждый геликонец готов был с пеной у рта клясться, что все это истинная правда, даже совершенно невероятный рассказ о первопроходцах, которые сражались тут с гигантскими, свирепыми летучими рептилиями (хотя давным-давно было достоверно доказано, что таких зверей, как летучие рептилии, попросту быть не может).

Ни о чем таком Селдон Капельке не сказал. Он спросил:

— И с чего начинается ваша история?

Капелька задумалась, взгляд ее стал отрешенным.

— С одного мира, — сказала она. — Нашего, одного-единственного.

— Единственного мира? — переспросил Селдон, сразу вспомнив рассказы Челвика о легендарной прародине человечества.

— Да, с рассказа о единственном мире. Потом были другие миры, но наш был первым. Единственная планета, у которой была атмосфера, чистый воздух, где хватало места для всех. Цветущие луга, теплые дома, добрые люди. Мы жили там тысячи лет, а потом нам пришлось покинуть этот мир и скитаться с места на место, пока некоторые из нас не отыскали уголок на Тренторе. Здесь мы научились производить пищу столь чудесную, что она дала нам свободу. И здесь, в Микогене, мы живем по-своему и по-своему мечтаем.

— И что же, в вашей истории этот единственный мир описан подробно?

— Да, это все написано в Книге, и эта Книга у нас есть. У каждого из нас. Мы постоянно носим ее с собой, чтобы в любой момент можно было открыть ее и прочитать о том, кто мы

такие, чтобы никогда не забывать об этом, чтобы помнить, что в один прекрасный миг мы вернемся на свою родину.

— А знаешь ли ты, где находится этот мир и кто там живет теперь?

Капелька Сорок Третья растерялась, потом яростно замотала головой:

— Нет, мы не знаем, но в один прекрасный день мы найдем наш мир.

— А сейчас у тебя эта Книга при себе?

— Конечно.

— Можно взглянуть?

По лицу Сестры скользнула кривая усмешка.

— Так вот что тебе нужно... Я поняла, что ты чего-то хочешь, когда ты добивался, чтобы я тебя повела на микрофермы одна. Только, — она немного растерялась, — я никак не думала, что тебя интересует Книга.

— Представь себе. Это единственное, что меня интересует, — честно признался Селдон. — Ни о чем другом я и не думал. Если ты привела меня сюда из-за того, что думала, будто бы...

Закончить фразу ему не удалось.

— Хватит. Так тебе нужна Книга или нет?

— Ты позволишь мне посмотреть ее?

— С условием.

Селдон остолбенел. Неужели он перестарался и Сестра раскрепостилась настолько, что...

— С каким условием?

Капелька Сорок Третья кончиком языка облизала пересохшие губы. Наконец она проговорила дрожащим от волнения голосом:

— Сними шапочку.

45

Ничего не понимая, Селдон не мигая смотрел на Капельку Сорок Третью. Он, надо сказать, совершенно забыл, что у него на голове шапочка.

Наконец он сообразил, о чем она его просит, поднял руку, прикоснулся к гладкому пластику, под которым прощупывался жесткий ежик стрижки.

— Но зачем? — оторопело спросил он.

— Затем, что я так хочу. Вот мое условие. Сними и получишь Книгу.

— Ну ладно, если тебе действительно так хочется... — Селдон пожал плечами и сдернул бы с головы шапочку, но Капелька опередила его.

— Нет, постой. Я сама! — хрипло воскликнула она, устремив на него жадный взгляд.

Капелька резко встала и опустилась на кушетку рядом с Селдоном. Медленно, осторожно она коснулась краешка шапочки около уха Селдона, высунула язык, снова облизнулась. Наконец она добралась до полоски, закрывавшей брови, отделила ее ото лба Селдона. Ему даже показалось, что волосы у него немножко приподнялись, обрадовавшись нежданному освобождению.

Он встревоженно проговорил:

— У меня, наверное, голова вспотела под шапочкой. Значит, волосы влажные.

Только он успел поднять руку, чтобы проверить, так ли это на самом деле, как Капелька взяла его за запястье.

— Я сама, — проговорила она твердо. — Это тоже часть условия.

Ее пальцы тихонько, робко коснулись его волос и тут же отдернулись. Она прикоснулась еще раз и теперь решилась провести пальцами по волосам Селдона.

— Сухие... — сообщила она. — Как приятно...

— Ты никогда раньше не гладила чужие волосы?

— Несколько раз. У детей. Но это совсем другое...

Она снова погладила его волосы.

— Другое? В чем же?

— Не знаю... Просто другое, и все.

Какое-то время спустя Селдон спросил:

— Ну что, достаточно?

— Не торопи меня. А скажи, ты можешь их уложить, как захочешь?

— Не сказал бы. Немного подправить можно, но для этого нужна расческа, а у меня ее с собой нет.

— Расческа?

— Ну, такая штука с зубьями, на вилку похожа, только зубьев на ней больше и они не такие острые.

— А пальцами нельзя? — спросила она и, не дожидаясь ответа, запустила пятерню в его волосы.

— Можно, да только толку мало, — объяснил Селдон.

— А сзади колются, — сообщила Капелька.

— Просто сзади волосы короче острижены.

Капелька Сорок Третья наморщила лоб. Казалось, она что-то вспоминает.

— Брови... — пробормотала она. — Правильно я сказала? — спросила она, нежно касаясь правой брови Селдона. — Правильно? Как приятно... Как смешно...

Она вдруг рассмеялась — весело, беззаботно, точь-в-точь, как ее младшая сестренка.

— Тоже колются!

Селдон нетерпеливо поинтересовался:

— Ну, все в порядке?

Капелька Сорок Третья склонила голову набок. Что же она ответит? Ответит ли? Вместо ответа она вдруг резко отдернула руки и поднесла пальцы к носу. «Что она там вынюхать думает?» — раздраженно подумал Селдон.

— Как странно... — протянула она. — А можно я сделаю это еще разок. Когда-нибудь?

Селдон вздохнул.

— Если одолжишь мне Книгу на какое-то время, может быть, я и позволю.

Рука Капельки Сорок Третьей скользнула внутрь балахона и достала из потайного кармана Книгу, обернутую в некий плотный, но гибкий материал. Селдон, сгорая от нетерпения, протянул руку и взял Книгу.

Пока он прилаживал шапочку, Капелька Сорок Третья снова поднесла кончики пальцев к носу и быстро, украдкой лизнула один палец.

46

— Она трогала твои волосы? — не веря своим ушам, переспросила Дорс и поглядела на волосы Селдона так, словно сама собиралась их потрогать.

Селдон отстранился.

— Ради бога, не надо. Эта женщина... Это было похоже на извращение!

— Можно себе представить. Ну а тебе не было приятно?

— Приятно? Да я весь был в мурашках! Только когда она перестала меня трогать, я снова смог дышать. И все думал: не поставит ли она еще какого-нибудь условия?

Дорс рассмеялась.

— Боялся, что она тебе навяжет секс? Боялся? Или надеялся?

— Уверяю тебя, это мне и в голову не приходило. Я думал только о Книге.

Разговор происходил в предоставленной им квартирке, и они были надежно защищены от подслушивания искажателем поля, который Дорс предусмотрительно захватила с собой из Университета.

Сгущалась микогенская ночь. Селдон разоблачился — снял шапочку и кертл, вымылся. Особенно долго он возился с волосами — намыливал их даже дважды. Теперь он восседал на кровати, одетый в легкую пижаму, которую нашел в ванной.

Дорс лукаво улыбнулась и спросила:

— А она не догадалась, что у тебя еще и на груди волосы растут?

— Больше всего я уповал на то, что она об этом не вспомнит.

— Бедненький Гэри. Но на самом деле это все так естественно... Наверное, я могла попасть в такую же беду, окажись наедине с каким-нибудь Братом. Нет, мне могло быть намного хуже! Ведь, по их убеждению, я, как женщина, обязана повиноваться любым приказаниям беспрекословно.

— Ну, Дорс, даже не знаю, что тебе сказать. Легко тебе говорить: «Естественно!» Тебя бы на мое место! Бедняжка была просто в экстазе! Все ее чувства были на пределе — она и нюхала свои пальцы, что прикасались к моим волосам, и лизала их... Клянусь, если бы она могла расслышать, как растут волосы, она бы слушала во все уши!

— Ты просто не понял меня. Это для нее было естественно. Все, что запретно, сразу приобретает сексуальную привлекательность. Разве у тебя вызывала бы какие-то чувства обнаженная женская грудь, если бы ты вырос в обществе, где все женщины выставляли свою грудь напоказ с утра до ночи?

— Не знаю... Думаю, все-таки вызывала бы.

— Но разве ты испытывал бы не больше чувств, если бы женщины ходили всегда одетыми? Собственно, так оно и есть в большинстве миров. Послушай, дай-ка я тебе расскажу об одном случае. Занесло меня как-то на курорт, дома, на Цинне. У вас на Геликоне есть курорты? Пляжи и всякое такое?

— Конечно, — с некоторым раздражением ответил Селдон. — Или ты думаешь, что Геликон — это сплошные горы и скалы да вода в колодцах?

— Не обижайся, Гэри. Мне нужно было просто удостовериться, что ты знаешь, что такое «курорт». В общем, на Цинне такие пляжи, где люди совершенно безразличны к тому, что на тебе надето. Гуляй хоть голышом.

— Нудистские пляжи?

— Не совсем, но, думаю, если бы кто-то разделся догола, в него не стали бы тыкать пальцем. В основном все придерживаются минимальных приличий, но минимум порой совсем крохотный.

— Пожалуй, на Геликоне несколько иное представление о минимальных приличиях, — буркнул Селдон.

— Догадываюсь. Судя по тому, как ты себя ведешь со мной. Но каждому, как говорится, свое. Ну так вот... Я сидела на уютном пляже на берегу озера, и ко мне подошел молодой человек, с которым я успела чуть раньше перебросить парой фраз. Приятный такой парень, и я ничего не имела против. Он уселся на подлокотник моего шезлонга и положил руку на мое левое бедро — обнаженное, естественно. Просто так, чтобы сидеть было удобнее.

Мы поболтали пару минут, и вдруг он говорит: «Надо же! Ведь ты меня почти совсем не знаешь, а моя рука лежит у тебя на бедре, и я не вижу в этом ничего сверхъестественного. Мало того, и ты не имеешь ничего против, значит, и для тебя это тоже вполне естественно».

Клянусь, я только тогда заметила его руку. Видимо, кожа, обнаженная на людях, теряет сексуальную чувствительность. То есть, как я говорила, все дело в том, что притягательно только то, что скрыто от глаз.

Молодой человек, по всей видимости, это тоже почувствовал, потому что потом он мне вот что сказал: «А ведь если бы мы встретились в более формальной обстановке и на тебе был

бы... ну, хотя бы халатик, ты бы наверняка мне такого не позволила, а?»

Я рассмеялась, а потом мы болтали о том о сем. Ну и, конечно, этот молодой человек вскоре убрал руку.

Вечером я оделась к обеду гораздо более строго, чем того требовали приличия. Никто из женщин не был одет строже меня. Я разыскала того самого молодого человека. Он сидел за столом. Я подошла, поздоровалась с ним и сказала: «Ну вот, я, можно сказать, в халатике, но под ним — мое голое левое бедро. Не теряйся. Положи руку туда, где она лежала».

Он попытался. Ему непросто было это сделать, ведь все глазели. Нет, я не мешала ему, и никто бы не помешал — и все же он не смог этого сделать. А ведь народу было не меньше, чем на пляже. Собственно, публика была та же самая. И все же он не решился. Условия другие, понимаешь? Условия, условности.

— А я бы сделал то, чего не сделал он, — неожиданно проговорил Селдон.

— Уверен?

— Абсолютно.

— Невзирая на то, что ваша пляжная мораль строже нашей?

— Да.

Дорс присела на краешек своей кровати, а потом легла, закинув руки за голову.

— Значит, тебя не слишком волнует, когда я расхаживаю в ночной сорочке, под которой почти ничего нет?

— Меня это *не шокирует*, скажем так. Что же касается волнения, все зависит от того, какой смысл вложить в это слово. Я прекрасно замечаю, как ты одета.

— Что делать? Если нам суждено тут задержаться, придется свыкнуться с такими мелочами.

— Или воспользоваться ими, — усмехнулся Селдон. — Дорс, мне так нравятся твои волосы. Они такие красивые. Ты весь день ходишь лысая, и так приятно смотреть на тебя по вечерам...

— Только не прикасайся! Я еще не мылась. — Дорс прикрыла глаза. — Как интересно, — вполголоса проговорила она. — Забавная тема... Формальный и неформальный уровень воспитанности. Судя по тому, что ты говоришь, на Геликоне больше внимания уделяют неформальному уровню. Верно?

— Просто я говорю о том молодом человеке и себе самом.

Насколько каждый из нас является представителем своей планеты, я судить не могу. Но легко могу себе представить, как выглядят так называемые типичные представители, а также — как выродки.

— А мне кажется, что мы говорим о социальных предрассудках. Не скажу, что я такой уж большой знаток Галактики, но историю я копнула основательно. Социальную историю. К примеру, на планете Дероуд было время, когда добрачные половые отношения были абсолютно свободными. Незамужние и неженатые могли иметь сколько угодно партнеров. А вот после свадьбы наступала полная и бесповоротная моногамия. По всей вероятности, задумано было так: до брака нагуляться вволю, а потом жить порядочной жизнью и заниматься делом.

— Ну и как? Сработало?

— Примерно триста лет тому назад этому был положен конец, но кое-кто из моих коллег полагает, что этому способствовало давление других миров, которые слишком много теряли от паломничества туристов на Дероуд. Да, есть такая штука — *общегалактическое социальное давление*.

— Полагаю, в таком случае не обошлось без экономического давления?

— Видимо. Кстати, с социальным давлением я столкнулась и в Университете. У меня полно знакомых со всей Галактики. На факультете социологии любимое развлечение — сравнивать предрассудки разных миров.

А здесь, в Микогене, как мне кажется, секс находится под строжайшим контролем, ограничивается какими-то суровыми правилами. О нем даже говорить не позволено. В Стрилинге, для примера, о сексе тоже не принято распространяться, но он не запрещен. А вот в секторе Дженнат, где я как-то проработала с неделю, о сексе говорят с утра до ночи, но исключительно с целью заклеймить его. Думаю, не отыщется двух секторов на Тренторе, да и двух планет, где бы к сексу относились одинаково.

— Знаешь, что у тебя получается? Можно подумать, что... — не докончил фразы Селдон.

— Я тебе скажу, что можно подумать и что у меня получается. Вся эта болтовня о сексе укрепила меня в одной мысли. Просто теперь я тебя никуда не отпущу одного.

— Что-что?

— Дважды я упустила тебя. Первый раз сама проморгала, а второй раз ты меня заставил промолчать. И оба раза я ошиблась. Что случилось в первый раз, ты и сам знаешь.

— Да, но второй раз со мной не случилось ровным счетом ничего! — возмущенно огрызнулся Селдон.

— Ты был на волосок от беды! Представь, что случилось бы, если бы тебя застали занимающимся сексом с Сестрой!

— Каким сексом?!

— Ты сам сказал, что она была возбуждена!

— Но...

— Это опасно. Пожалуйста, подумай головой, Гэри. Все, решено. Больше я тебя никуда не отпущу.

— Послушай, — ледяным голосом проговорил Селдон. — Моя цель — изучение истории Микогена, и в результате моих «занятий сексом» с Сестрой я получил в свои руки Книгу! Книгу!

— Книгу! Ах да, Книгу. Кстати, давай-ка посмотрим на нее.

Селдон протянул ей Книгу. Дорс внимательно разглядела ее.

— Ничего хорошего, Гэри, — сообщила она через некоторое время. — Эта штуковина не состыкуется ни с одним из известных мне проекторов. Чтобы ее полистать, нужно раздобыть микогенский проектор. Начнешь искать его, тут же поинтересуются, на кой он тебе сдался. Тогда узнают, что у тебя есть эта Книга, и заберут ее.

Селдон улыбнулся:

— Эх, Дорс, все бы было именно так, будь ты права. Но дело в том, что Книга не совсем такая, как ты думаешь. Для ее чтения не нужен никакой проектор. Содержание напечатано на страницах, которые нужно попросту листать, переворачивая пальцами. Это мне Капелька Сорок Третья объяснила.

— Печатная книга? — воскликнула Дорс таким голосом, что трудно было сказать, напугана она или удивлена. — Но это же... каменный век!

— Во всяком случае, доимперские времена, — кивнул Селдон. — А ты что, никогда в глаза не видела ни одной печатной книги?

— Я не видела? Я, историк? Видела, конечно.

— А! Но такую — видела?

Он протянул Дорс Книгу, та, усмехаясь, раскрыла ее, перевернула страницу, еще одну, еще и еще...

— Но тут ничего нет! — воскликнула она.

— Это только кажется. Микогенцы с упрямством держатся за примитивность, но это не совсем так. Для них важна суть примитивности, но против современных технологий они ничего не имеют, лишь бы те служили их целям.

— Может быть, все так и есть, Гэри, но ты уж прости, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Только кажется, что страницы чистые, на самом деле на них есть текст. Ну-ка, дай сюда. Нужно нажать маленькую кнопочку на внутренней стороне обложки. Вот, смотри!

Страница, на которой была открыта Книга, тут же покрылась строчками текста, которые поползли сверху вниз.

Селдон сказал:

— Можно отладить скорость движения текста поворотом колесика. Хочешь — быстрее, хочешь — медленнее. Добираешься до конца страницы, перевертываешь и читаешь следующую.

— Но тогда должен быть какой-то источник питания?

— А как же. Где-то вмонтирована миниатюрная микрофузионная батарейка.

— А что делать, когда она сядет?

— Менять Книгу на новую. Батарейки, как я понял, не меняют.

Дорс снова взяла в руки Книгу, повертела ее и сообщила:

— Да, пожалуй, такой Книги я действительно никогда в руках не держала.

— Я тоже. Вся Галактика так быстро и резко перешла на визуальные средства, что попросту упустила такой гениальный метод.

— Но эта Книга — тоже визуальное средство.

— Да, но у нее есть свои преимущества. Она вмещает гораздо больше материала, чем обычный библиофильм.

— Так... — пробормотала Дорс. — Где включается? Получится у меня или нет?

Она открыла страницу наугад и включила механизм движения строчек. Поглядев какое-то время на страницу, она сообщила:

— Боюсь, толку все равно не будет, Гэри. Это древнегалактический язык.

— Разве тебе он незнаком? Ты же историк.

— Да, и как историк я имела дело с древними рукописями, но это для меня чересчур. Некоторые слова я понимаю, но этого мало, чтобы понять досконально, о чем идет речь.

— Отлично! — потер руки Селдон. — Если она и правда такая древняя, это просто замечательно.

— Что же замечательного, если ее невозможно прочесть?

— Почему же невозможно? Я смогу прочесть. Она двуязычная. Не думаешь же ты, что Капелька Сорок Третья способна прочитать этот древний текст?

— Если она этому училась, почему нет?

— Чему училась-то? Женщины в Микогене наверняка начинают и заканчивают свое образование на кухне. Может быть, некоторым из наиболее просвещенных мужчин и под силу прочесть такой текст, но большинству требуется перевод на общегалактический стандарт.

Нажав еще одну кнопочку, он объявил:

— Вот, прошу.

Строчки тут же преобразились.

— Здорово! — *восхищенно прошептала Дорс.*

— У этих микогенцев стоило бы кое-чему поучиться, правда?

— Да, стоило бы, но мы ничегошеньки о таком не знали.

— Трудно поверить. Теперь об этом знаю я. Знаешь ты. Наверняка время от времени в Микоген по каким угодно делам — торговым, политическим — заносило и других иностранцев. Иначе у них не было бы тут в запасе такого количества шапочек. Как же могло так выйти, что до сих пор никому не попалась на глаза такая Книга, что никто не видел, как она устроена? По-видимому, даже если такое случалось, на нее смотрели как на забавную вещицу, не более, и тут же забывали. Ведь она микогенская, стало быть, предмет из безнадежно отсталого мира.

— А ты считаешь, она достойна внимания?

— Безусловно. Как все на свете. Не исключено, что, когда Челвик толковал о признаках упадка в Империи, он имел в виду отсутствие интереса к этим Книгам.

Селдон любовно погладил обложку и сказал:

— Но я — человек любопытный и прочитаю ее, и, может

быть, она наведет меня на какую-то мысль относительно психоистории.

— Надеюсь, — Дорс пожала плечами. — Но если хочешь моего совета, я бы порекомендовала тебе для начала выспаться как следует. Утро вечера мудренее. Немного вычитаешь, если будешь носом клевать.

Селдон слегка растерялся, потом воскликнул:

— Ну, ты прямо как мамочка заботливая!

— Я должна заботиться о тебе.

— Но у меня мама жива пока. Я бы предпочел, чтобы ты была моим другом.

— Если на то пошло, я стала твоим другом, как только мы познакомились.

Она улыбнулась, а Селдон снова растерялся. Наконец он сказал со вздохом:

— Ну что ж, тогда я внимаю твоему *дружескому* совету и отправляюсь на боковую.

Он собрался было положить Книгу на тумбочку между кроватями, но передумал и сунул под подушку.

Дорс тихонько рассмеялась.

— Можно подумать, ты боишься, что я проснусь среди ночи и начну взахлеб читать. Боишься, да?

— Ну... — Селдон покраснел. — Не без того. Дружба дружбой, но книжка моя и психоистория тоже.

— Согласна, — сказала Дорс. — Обещаю, ссориться с тобой из-за нее я не собираюсь. Кстати, ты хотел что-то сказать, а я тебя перебила. Помнишь?

Селдон ненадолго задумался и ответил:

— Нет, не помню.

Свет погас. Он думал только о Книге. Рассказ Дорс о «руке на бедре» совершенно вылетел у него из головы.

47

Дорс проснулась посреди ночи. Кровать Гэри была пуста. Если он не ушел совсем, быть ему было негде, кроме как в ванной.

Дорс тихонько постучала в дверь ванной и шепотом спросила:

— Гэри?

— Входи, — отсутствующе отозвался Селдон.

Крышка унитаза была опущена. Гэри восседал на ней, не спуская глаз со страницы Книги.

— Я читаю, — пояснил он неизвестно зачем.

— Вижу. Но почему?

— Прости, но я не мог заснуть.

— Но почему здесь?

— Если бы я зажег свет, я бы тебя разбудил.

— Но, может быть, у Книги есть подсветка?

— Нету. Я проверял. И Капелька Сорок Третья о подсветке ни слова не сказала. Да это и так ясно: подсветка съедала бы массу энергии, и батарейка долго бы не протянула.

Голос у него был недовольный.

— Ладно уж, выходи, — вздохнула Дорс. — Я хочу воспользоваться этим помещением по прямому назначению.

Выйдя из ванной, Дорс увидела, что Гэри сидит на кровати, скрестив ноги, а под потолком сверкает лампа.

— Слушай, а чего это ты такой расстроенный? — поинтересовалась Дорс. — Что, Книга разочаровала тебя?

Оторвавшись от страницы, часто моргая, он ответил:

— Да, представь себе. Я ее пролистал. В общем, это какая-то энциклопедия. Тут перечислены имена каких-то людей, названия — мне это ровным счетом ничего не дает. Тут нет ни слова о Галактической Империи и даже о доимперских царствах. Речь все время идет о каком-то единственном мире. Словом, судя по тому, что я успел прочесть, это какая-то бесконечная диссертация на тему внутренней политики.

— Нужно, вероятно, сделать скидку на древность. Очень может быть, она имеет отношение к тому времени, когда и вправду существовал только один-единственный мир. Единственный обитаемый.

— Да все я понимаю! — раздраженно махнул рукой Селдон. — Мне-то нужно убедиться в одном: что это настоящая, истинная история, а не легенда. Я не хочу верить, что это так только из-за того, что мне до смерти хочется, чтобы это было так.

Дорс пожала плечами:

— Ну что сказать? Вопрос о единственной планете, откуда пошел род человеческий, сейчас в большом ходу. Люди —

единственные разумные существа, распространившиеся по всей Галактике, значит, они должны были где-то зародиться. По крайней мере, такова одна из самых распространенных в наше время гипотез. Вряд ли могло быть так, чтобы у одного вида были разные источники.

— Не вижу, почему бы эту гипотезу нельзя было оспорить, — не согласился Селдон. — Разве не могло быть так, что на разных планетах зародились разные виды людей, а потом за счет скрещивания образовался некий промежуточный вид?

— Виды не могут скрещиваться. Потому они и называются видами.

Селдон немного подумал, потом махнул рукой:

— Ладно, это пусть биологи разбираются. Это их дело.

— Вот именно биологи больше всего и склоняются к гипотезе о Земле.

— Земле? Что, так они называют мир — прародину человечества?

— Так принято называть эту планету, хотя теперь уже невозможно выяснить, так ли она называлась в действительности, если и существовала на самом деле. И потом, никто на свете не знает, где она находилась.

— Земля! — поджал губы Селдон. — Пустой звон. В Книге мне такого названия не встретилось. Как пишется это слово?

Дорс сказала слово по буквам, а Селдон быстро пробежал глазами указатель.

— Ну вот. В указателе такого названия нет. Ни в таком написании, ни в других возможных вариантах.

— Правда?

— А вот кое-какие другие миры упоминаются. Без названий, правда. Похоже, другие миры составителей этой Книги попросту не интересовали. Упоминаются они только в связи с какими-то вмешательствами во внутренние дела того мира, о котором тут идет речь, — по крайней мере, это следует из того, что я пока успел прочитать. В одном случае упоминается «Пятьдесят», но о ком или о чем речь, я не понял. Пятьдесят вождей? Пятьдесят городов? Мне почему-то показалось, что речь идет о пятидесяти мирах.

— Но разве у этого мира, о котором там говорится, нет имени? Авторы никак его не называют? — спросила Дорс. — Если не Землей, как они его называют?

— Да никак. То «мир», то «планета». Иногда мелькает что-нибудь вроде «старейшая» или «Мир Утренней Зари». Вероятно, у последнего определения есть какой-то поэтический смысл, но мне он не ясен. Наверное, придется прочитать Книгу от корки до корки, тогда выплывет какой-то смысл. — Селдон посмотрел на Книгу с некоторой неприязнью. — Вот только времени на это уйдет уйма, а стану ли я в конце концов умнее, это еще большой вопрос.

— Как мне тебя жалко, Гэри, — вздохнула Дорс. — Ты говоришь так разочарованно.

— Да я действительно разочарован! Хотя... сам виноват. Не надо было обольщаться. Правда, в одном месте они называют свой мир... ты подумай только... — Аврора.

— Аврора? — переспросила Дорс и удивленно вскинула брови.

— Похоже, это настоящее название. Но что оно значит? Тебе оно о чем-нибудь говорит, Дорс?

— Аврора... — задумчиво проговорила Дорс. — Не припомню, чтобы я когда-нибудь слыхала о планете с таким названием. Но, в конце концов, я и не обязана знать названия всех двадцати пяти миллионов миров. Можно было бы навести справки в Университетской библиотеке, но кто знает, когда мы теперь вернемся в Стрилинг. Здесь, в Микогене, искать библиотеку, мне кажется, совершенно бесполезно. Почему-то у меня такое чувство, что все их знания собраны в этой Книге. Все, что в нее не входит, их попросту не интересует.

Селдон зевнул и сказал:

— Наверное, ты права. Во всяком случае, дальше читать пока бесполезно. У меня уже глаза слипаются. Не возражаешь, если я выключу свет?

— Нисколько не возражаю. Давай поспим подольше.

В наступившей темноте Селдон сказал вполголоса:

— Безусловно, многое, о чем там пишется, выглядит по меньшей мере странно. Ну, например, они утверждают, что продолжительность жизни у них на планете составляла четыре столетия.

— Столетия?

— Да, и считают они не годами, а десятилетиями. Возникает какое-то странное чувство. Столько всякой дребедени, и вдруг какие-то настоящие цифры. Просто не верится. И все-

таки что-то тут есть такое... Так написано, что начинаешь верить.

— Ничего удивительного. Во многих легендах вожди живут очень долго. Герои, сам понимаешь, должны жить немыслимо долго.

— Правда? — зевая, спросил Селдон.

— Правда. И один из секретов долголетия заключался в том, чтобы вовремя ложиться спать и оставлять важные дела на утро.

Селдон только успел задуматься о том, как хорошо бы на самом деле стать долгожителем: ведь тогда шанс понять все, что происходит в Галактике, был бы намного больше, — и уснул сладким сном.

48

На следующее утро, бодрый и отдохнувший, Селдон, перед тем как снова углубиться в чтение Книги, спросил у Дорс:

— Послушай, как тебе кажется, а сколько лет Сестрам?

— Не знаю, — пожала плечами Дорс. — Двадцать — двадцать два.

— А тебе не кажется, что им лет эдак триста-четыреста?

— Гэри, ты спятил, не иначе.

— Я говорю: «не кажется ли»? В математике все основано на предположениях. Большая продолжительность жизни наверняка должна быть связана с задержкой в развитии. На вид им может быть двадцать, а на самом деле — все шестьдесят.

— Ну и спроси у них, сколько им лет.

— Они могут солгать.

— Не знаю. Попроси показать свидетельства о рождении.

— Готов поспорить на что угодно — они заявят, что у них нет никаких свидетельств. А если есть, они скажут, что не имеют права показывать их варварам.

— Не надо спорить. Если это так, то нечего вообще гадать о том, сколько им лет.

— Ну уж нет! Ты подумай хорошенько. Если у микогенцев действительно такая сумасшедшая продолжительность жизни, если она превышает среднюю продолжительность жизни обычного человека раза в три-четыре, рождаемость должна

быть ограничена, иначе получался бы колоссальный прирост населения. Помнишь, Протуберанец обмолвился насчет того, что население у них не растет. Он еще как-то сердито про это сказал.

— К чему ты клонишь? — нахмурилась Дорс.

— Сколько я ни ходил с Капелькой Сорок Третьей, я нигде не встречал детей.

— На микрофермах?

— Да.

— Но откуда там взяться детям? А вот когда мы мотались с Капелькой Сорок Пятой по магазинам, я видела детей. Всяких, в том числе и грудных. Немного, но видела.

— Ага... — разочарованно протянул Селдон. — Значит, им не в радость долголетие... Они не предаются его радостям сполна.

— Значит, так. Но неужели ты действительно решил, что они могут столько жить?

— Да нет, не то чтобы так уж и решил. Просто предположил.

— Знаешь, на такие предположения можно столько времени зря потратить! Стоит ли тратить время на такую чепуху?

— Знаешь, порой то, что кажется чепухой, на самом деле оказывается весьма важным. Кстати. Ты же у нас историк. Скажи, в своей работе тебе никогда не встречалось упоминания о предметах или явлениях под названием «роботы»?

— Ага! Значит, ты натолкнулся еще на одну легенду. Надо сказать, она гораздо более известна. Видишь ли, в некоторых мирах верят в существование машин в обличье людей. Они якобы существовали в доисторические времена. Вот их-то и называли роботами.

Все рассказы о роботах, видимо, происходят из какого-то одного источника, поскольку основной сюжет всегда один и тот же. После того как роботы были созданы, число их непрерывно росло, росли и их способности, и в конце концов они достигли уровня сверхлюдей. Они угрожали человечеству и были поэтому уничтожены. Уничтожение их произошло, судя по легендам, задолго до того времени, когда появились первые более или менее достоверные исторические записи. Как правило, при чтении этих легенд возникает такое чувство, что они представляют собой живописание символической картины ос-

воения Галактики, когда люди покинули свой родной мир и странствовали по Галактике, встречаясь с непрерывными опасностями. Тогда, по всей вероятности, был исключительно силен страх встречи с другими разумными существами, может быть, более сильными.

— Может быть, так и случилось? — спросил Селдон. — Может быть, такая встреча на самом деле произошла и породила легенду?

— Можно было бы такое предположить, однако ни в одном из миров, ранее не заселенных людьми, не было найдено никаких следов какой-либо дочеловеческой и нечеловеческой цивилизации.

— Но почему их называли «роботами»? Есть у этого слова какое-нибудь значение?

— Точно не знаю, но вроде бы это эквивалент слова «автомат».

— Автомат? Почему же их тогда не назвали автоматами?

— Понимаешь, в легендах всегда встречаются древние, иногда безнадежно устаревшие слова и термины. Это придает особый колорит. Да, кстати, а почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что в этой Книге идет речь о роботах. Причем, надо отметить, отношение к ним высказывается весьма и весьма благосклонное. Послушай, Дорс, ты куда-нибудь пойдешь с Капелькой Сорок Пятой?

— Может быть. Если она появится.

— Ты не могла бы задать ей несколько вопросов и попытаться выудить ответы?

— Попробовать можно. Что за вопросы?

— Мне бы хотелось разузнать — только умоляю, как можно тактичнее! — существует ли в Микогене какая-то прослойка населения, которая как-то по-особенному связана с прошлым, у которой есть какие-то мифические признаки, которая способна...

Дорс прервала, стараясь не улыбаться:

— По-моему, ты просто хочешь узнать, есть ли в Микогене храм.

Селдон удивился и спросил:

— Что такое «храм»?

— Еще одно древнее понятие. Но в нем совмещается все то,

о чем ты спрашиваешь, — исключительность, мифичность, прошлое. Хорошо, я спрошу. Хотя очень может быть, что о таких вещах тут не принято болтать с первым встречным, тем более — с варварами.

— И все-таки попробуй.

Глава 11

СВЯТИЛИЩЕ

АВРОРА — *легендарная планета, заселенная, вероятно, в доисторические времена. Заселение ее относится, по всей видимости, к закату эры межзвездных перелетов. Некоторые считают ее мифическим «первичным миром» — прародиной человечества, а название планеты — вариантом названия «Земля». Народ Микогена, сектора древнего Трентора, считал, что его предки родом с Авроры, и эта догма стала главной в микогенской системе верований, о которой известно крайне мало...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

49

Обе Капельки явились утром. Капелька Сорок Пятая, по обыкновению, была весела, а ее сестра застыла на пороге в нерешительности. Смотрела в пол, видимо, опасаясь встретиться взглядом с Селдоном.

Селдон не знал, как себя вести, и подмигнул Дорс. Та весело, по-деловому обратилась к девушкам:

— Одну минутку, Сестры. Мне нужно кое-что объяснить моему другу, а то он не знает, чем ему сегодня заняться.

Они шмыгнули в ванную. Дорс шепотом спросила:

— Что-нибудь не так?

— Да. Капелька Сорок Третья явно смущена. Скажи ей, что я постараюсь вернуть Книгу как можно скорее.

Дорс смерила Селдона удивленным взглядом.

— Гэри, — сказала она, покачивая головой, — ты, конечно, исключительно внимателен и заботлив, но хитрости тебе явно недостает. Как ты не понимаешь, что, как только я заикнусь о Книге, эта несчастная девица сразу поймет, что ты мне рассказал все-все о том, что случилось вчера, и вот тогда-то она смутится окончательно. Единственный выход — вести себя с ней так, как обычно.

Селдон обреченно кивнул и сказал:

— Может, ты и права.

Вернулась Дорс как раз к обеду. Селдон лежал на кровати, нетерпеливо перелистывая Книгу. Угрюмо взглянув на Дорс, он пробурчал:

— Если придется тут задержаться, неплохо было бы обзавестись каким-нибудь средством связи. Я не знал, когда ты вернешься, и, признаться, беспокоился.

— Ну вот она я, вернулась, — улыбнулась Дорс, стянула с головы шапочку и с неприязнью посмотрела на нее. — Правда? Ты волновался? Как приятно. А я, честно говоря, думала, что ты так поглощен чтением Книги, что и не заметишь моего отсутствия.

Селдон фыркнул.

— Что касается средства связи, — сказала Дорс, — то думаю, что в Микогене нам вряд ли удастся раздобыть что-либо подобное. Ведь это означало бы, что варвары, находящиеся здесь, и те, что за границей Микогена, могли бы поддерживать связь между собой, а цель нынешней политики — всеми силами препятствовать каким-либо внешним сношениям.

— Точно, — кивнул Селдон, отложив Книгу. — Собственно, это видно из того, что тут написано. А тебе что-нибудь удалось разузнать об этом... как ты его назвала? — ...храме?

— Да, — кивнула Дорс, отклеивая ленточку с бровей. — Он существует. И не один. Храмы разбросаны по всему сектору, но существует одно, главное здание. ...Слушай, ты не поверишь, одна женщина заметила мои подкрашенные ресницы и заявила, что мне не следует показываться на людях. У меня есть опасение, что она на меня донесет за аморальное поведение!

— Ладно, не бойся, — нетерпеливо махнул рукой Селдон. — Ну и что же, выяснила ты, где находится этот главный храм?

— Я поняла, где он находится, но Капелька Сорок Пятая предупреждала меня о том, что женщин внутрь допускают только по особым случаям. И таких случаев в ближайшее время не предвидится. А называется это место Святилищем.

— Как-как?

— Святилищем.

— Удивительно неуклюжее слово. Что оно означает?

Дорс покачала головой:

— Я его тоже впервые слышу. И ни одна из Капелек не смогла мне объяснить, что оно значит. Для них «Святилище» — это не название здания, а его сущность. Спрашивать у них, почему оно так называется, это все равно что спрашивать, почему стена называется стеной.

— Ну хорошо, что же в таком случае они знают об этом заведении?

— Кое-что знают, Гэри. Они знают, для чего оно предназначено. Это место посвящено чему-то, отличному от обыденной жизни в Микогене. Другому, прежнему, более прекрасному миру.

— Тому миру, где они жили раньше?

— Точно. Капелька Сорок Пятая... в общем, еще бы чуть-чуть, и она именно так бы и сказала. Но слова произнести не посмела.

— Аврора?

— Да. Но у меня такое подозрение, что, если бы ты произнес это слово вслух при большом скоплении народа, люди бы попросту испугались. Капелька Сорок Третья только и успела сказать: «Святилище посвящено...», потом запнулась, а потом вывела буквы пальцем на ладони. Да еще и зарделась, словно совершила что-то запретное.

— Странно, — нахмурился Селдон. — Если эта Книга — их главное руководство, учебник жизни, так сказать, стало быть, Аврора — самое дорогое из всех воспоминаний, краеугольный камень их мировоззрения, ось, вокруг которой вертится весь Микоген. Почему же упоминание о ней запрещено? Ты уверена, что поняла все правильно?

— Да, Гэри. Скорее всего ничего загадочного тут нет. Если бы об этом болтали напропалую, информация просочилась бы за пределы Микогена, попала бы к варварам. И лучший способ избежать этого — сделать из самого упоминания об этом мире табу.

— Табу?

— Это такой специальный антропологический термин. Табу — это разновидность запрета на какие-то действия. Ну вот,

например, в здешнее Святилище не допускают женщин — наверняка это связано с каким-то табу. Уверена, любая Сестра умерла бы от ужаса, если бы ей предложили нарушить запрет.

— А ты хорошо поняла, где находится Святилище? Сможешь мне объяснить, чтобы я сам сходил туда?

— Во-первых, Гэри, один ты туда не пойдешь. Я пойду с тобой. Я считала, что этот вопрос мы уже обсудили и закрыли. На расстоянии я не могу защитить тебя ни от снежной бури, ни от страстных женщин. И потом, мне кажется, что не стоит особо обольщать себя мыслью о том, чтобы попасть в Святилище. Во-вторых, туда не дойти пешком. Микоген, конечно, маленький сектор, но не настолько маленький.

— Ну хорошо, а на экспрессе?

— Маршруты экспресса не пролегают по микогенской территории. Это бы чересчур облегчило контакты между микогенцами и варварами. Но кое-какой транспорт тут все-таки есть. Что-то такое безнадежно устарелое, что в ходу лишь на отсталых планетах. Собственно, сам Микоген — словно кусочек отсталой планеты, вырезанный откуда-то и вставленный в тело Трентора. ...Да, Гэри, заканчивай чтение как можно скорее. Капелька Сорок Третья волнуется. Отдав тебе Книгу, она тоже нарушила какой-то запрет, и, если это выяснится, ей может здорово нагореть.

— Хочешь сказать, что давать эту Книгу варвару — тоже табу?

— Уверена.

— Ну что ж. Можно отдать хоть сейчас. Потеря невелика. Я бы сказал так: девяносто пять процентов содержания — скука смертная: бесконечное описание борьбы политических группировок, бесконечное восхваление политиков, о мудрости которых судить крайне трудно, бесконечные рассуждения на темы морали, и ото всего этого разит таким самодовольством, что просто рассвирепеть можно.

— Выходит, ты только обрадуешься, если я заберу у тебя Книгу?

— В общем и целом, да. Но оставшиеся пять процентов посвящены Авроре, которая почти никогда не называется своим именем. Думаю, в этом что-то есть, и я склонен полагать, что

мог бы извлечь из этого кое-какую пользу. Вот потому-то я и хочу отправиться в Святилище.

— Ты думаешь, в Святилище ты сумеешь больше узнать об Авроре?

— Может быть. И еще: меня просто захватила эта тема — об автоматах, или как их там... роботах. Это очень интересно.

— Уверена, ты не принимаешь этого всерьез?

— Как раз наоборот. Почти всерьез. Если понять содержание некоторых фрагментов книги буквально, получается, что некоторые роботы выглядели совсем как люди.

— Конечно. Если собираешься изготовить имитацию человека, какой же ты ее сделаешь? Естественно, ты придашь устройству форму тела человека.

— Да, это понятно. Имитация предполагает сходство, но сходство ведь может быть весьма приблизительным. Художник, допустим, набросает карикатурную фигурку, но ты поймешь, что он нарисовал человека. Голова — кружочек, тело — палочка, ручки и ножки зигзагами, вот и все. Но дело в том, что роботы были потрясающе похожи на людей. Абсолютно похожи.

— Глупости, Гэри. Ты только представь, сколько времени уйдет на то, чтобы создать верные пропорции металлического тела, сымитировать очертания мускулатуры.

— При чем здесь «металлическое тело», Дорс? У меня полное впечатление, что с какого-то времени началось производство органических или псевдоорганических роботов. Их тело покрыто кожей, и выглядели они совсем как люди — не отличить.

— Что, так написано в Книге?

— Буквально несколько слов. Но впечатление такое...

— Твое впечатление, Гэри. Твое. Я бы не стала принимать этого всерьез.

— Погоди. Послушай меня. Из всего того, что в этой Книге написано о роботах, я сделал четыре вывода. Первое: как я уже сказал, некоторые из них являлись точными копиями людей. Второе: продолжительность их жизни была необычайно велика.

— Ой, только не говори «жизни», — поморщилась Дорс. — Хотя бы — «деятельности». А то уж и вправду получается все как у людей.

— Третье, — продолжал Гэри, не обратив внимания на ее замечание. — Некоторые из них, по крайней мере один, живы доныне.

— Гэри, так говорится в легендах. Древний герой, дескать, не умер, а пребывает в состоянии анабиоза и вернется к жизни, когда придет время спасать его народ. Ну, Гэри, что ты в самом деле!

— Четвертое, — не сдавался Селдон. — В нескольких строчках речь идет об этом самом храме, или Святилище. Правда, в Книге оно так не называется, но зато говорится, что там находится этот самый робот. — Немного помолчав, он тихо спросил: — Ну, понимаешь теперь?

— Нет, — покачала головой Дорс. — Что я должна понять?

— Если связать воедино все четыре вывода, то есть: робот может выглядеть совсем как человек, он все еще жив, прожил двадцать тысячелетий и находится в Святилище.

— Нет, Гэри, не пытайся убедить меня. Не может быть, чтобы ты в это поверил.

— *Не могу сказать, чтобы я действительно в это верил*, но и отмахнуться не могу. А что, если это правда? Пускай один шанс из миллиона, а вдруг все-таки правда? Неужели ты не понимаешь, как это важно для меня. Ведь этот робот может помнить Галактику такой, какой она была задолго до того, как появились первые исторические записи. Он мог бы помочь мне в создании психоистории.

— Но даже если это так, неужели ты надеешься, что микогенцы впустят тебя в Святилище и позволят допрашивать робота?

— А я не собираюсь просить разрешения. Для начала я хочу проникнуть в Святилище и посмотреть, есть ли там тот, кого я хотел бы допросить...

— Но... не сегодня же? Хотя бы завтра. Если к утру не передумаешь, пойдем вместе.

— Не ты ли сама сказала мне, что женщин туда не пускают?

— Не сомневаюсь, что снаружи женщинам можно смотреть на Святилище, и почти уверена: большего нам обоим сделать не удастся.

50

Селдон целиком и полностью положился на Дорс. По микогенским улицам она ходила чаще его и чувствовала себя здесь намного увереннее.

Однако Дорс особой уверенности не ощущала.

— Имей в виду, — предупредила она довольно хмуро, — мы запросто можем заблудиться.

— Почему? У нас же есть карта-путеводитель.

Дорс сердито стрельнула глазами в Гэри.

— Мы в Микогене, Гэри, не забывай. Нужна бы была компьютерная карта, такая, чтобы можно было задать вопрос и получить ответ. У микогенцев эту функцию выполняет, как видишь, кусок пластика с обозначениями. Я не могу объяснить пластику, где я нахожусь, — ни голосом, ни нажиманием кнопочек. Это напечатанная вещь. Понимаешь? Ориентироваться по ней можно только глазами.

— Ну так прочитай, что там напечатано!

— Я как раз этим и занимаюсь, но она составлена, эта карта, для тех, кто тут привык ориентироваться. Все равно придется спрашивать дорогу.

— Нет, Дорс. Только в самом крайнем случае. Мне не хотелось бы привлекать внимания. Лучше попробовать самим найти дорогу. Пусть мы будем блуждать, путаться, но только сами.

Дорс склонилась над картой, пригляделась повнимательнее и наконец проговорила:

— Так... Ну что ж, Святилище здесь так или иначе обозначено. И это вполне естественно. Вероятно, всякому микогенцу приходится время от времени туда добираться. — Приглядевшись еще внимательнее, она сказала: — Но прямой дороги туда отсюда нет.

— Что?

— Погоди, не волнуйся. Наверняка можно сначала добраться до другого места, откуда идет какой-то транспорт до Святилища. Придется сделать пересадку.

Селдон облегченно вздохнул.

— Ну, слава богу. Конечно, что тут такого? Пересадки — дело обычное даже на Тренторе. То есть в других секторах Трентора.

— Можно подумать, я этого не понимаю! — огрызнулась

Дорс. — Просто я привыкла к говорящим путеводителям. А когда ищешь дорогу сам, самые простые вещи могут запросто не прийти в голову.

— Ладно, дорогая. Не ворчи. Если ты уже поняла, как туда добираться, веди. Я последую за тобой.

И они отправились в путь. Шли и шли, пока наконец не добрались до остановки.

Народу на остановке было немного — трое мужчин в белых кертлах и парочка женщин в серых. Селдон дружелюбно улыбнулся, но вся компания широко раскрыла глаза, и все как один отвернулись.

Тут как раз подкатило пресловутое транспортное средство. Будь Селдон сейчас на Геликоне, он бы назвал его автобусом. Внутри оказалось около двадцати сидений со спинками, на каждое из которых могло усесться по четыре человека. Около каждого сиденья располагалась отдельная дверца. На остановках пассажиры могли свободно выходить с обеих сторон автобуса. (Селдон задумался было, а каково приходится тем пассажирам, которые вынуждены выходить на ту сторону, по которой движется встречный поток транспорта, но довольно скоро заметил, что, как только автобус подъезжал к очередной остановке, встречные машины сразу останавливались и ждали, пока не сойдут все пассажиры.)

Дорс подтолкнула Селдона к сиденью, где было два свободных места. Селдон занял место, Дорс села рядом с ним. (Мужчины, как заметил Селдон, входили и выходили первыми.)

— Прекрати глазеть на людей, — прошипела Дорс на ухо Селдону. — Не забывай, где ты находишься.

— Попытаюсь.

— Смотри-ка, — кивнула Дорс, указывая на узкий плоский экран на спинке предыдущего сиденья. Как только автобус тронулся, на экране замерцали буквы — название следующей остановки и названия важных учреждений или строений, мимо которых пролегал маршрут. — По идее, — сказала Дорс, — с помощью этой штуковины мы должны узнать, когда нам нужно пересаживаться.

— Хорошо, — кивнул Селдон. Немного погодя он наклонился к Дорс и прошептал: — Никто на нас не смотрит. Я уже заметил: так обстоит дело в любом многолюдном месте. Искусственные границы выстраиваются для того, чтобы сохранить

право на индивидуальность. Ты о таком никогда не задумывалась?

— Я всегда принимала это как данность. Если ты собираешься возвести такое элементарное явление в ранг правила для своей психоистории, имей в виду, ты никого не удивишь.

Дорс оказалась совершенно права: вскоре светящийся экран предупредил их о том, что автобус приближается к тому месту, где им нужно было сойти и сделать пересадку на другой, который шел прямо до Святилища.

Они сошли и стали ждать другого автобуса.

Пока автобус не подошел, Селдон успел заметить, что в нужном направлении уже ушло несколько автобусов. Значит, маршрут этот оживленный. «Ничего удивительного, — решил Селдон. — Наверняка Святилище — своеобразный центр сектора».

Вскоре подкатил автобус, они вошли и заняли места. Селдон взволнованно прошептал:

— Дорс, мы и в тот раз ничего не платили, и теперь...

— Судя по путеводителю, общественный транспорт тут бесплатный.

Селдон выпятил нижнюю губу.

— Подумать только... Какая цивилизованность! Вот тебе и отсталость!

— Твое правило нарушено, — сообщила Дорс шепотом. — На нас смотрят. Мужчина справа от тебя.

51

Селдон скосил глаза. Справа от него сидел тощий старик, кареглазый, смуглый. Селдон почему-то решил, что у него, не пройди он обряда депиляции, наверняка были бы черные как смоль волосы.

«Необычный какой-то Брат. Нетипичный», — подумал Селдон, отведя взгляд и глядя прямо перед собой. До сих пор почти все Братья, которые встречались ему в Микогене, были высокие, светлокожие, и глаза у них были, как правило, серые или голубые. Правда, не так много он видел Братьев, чтобы делать какие-то обобщения.

Но тут что-то легонько коснулось правого рукава его кертла. Селдон робко обернулся и увидел карточку с торопливо нацарапанными словами: «Осторожнее, варвар!»

Селдон вздрогнул и инстинктивно поднес руку к шапочке. Мужчина, сидевший справа от него, одними губами произнес:

— Волосы.

Тут рука Селдона нащупала непослушную прядь волос, выбившуюся из-под шапочки на виске. Как можно быстрее и незаметнее он заправил волосы под шапочку и проверил, все ли в порядке, притворившись, что почесывает лысину.

— Спасибо, — прошептал Селдон, повернув голову к соседу.

Сосед улыбнулся и довольно громко спросил:

— В Святилище направляешься?

— Да, — кивнул Селдон.

— Нетрудно догадаться. Я тоже. Выйдем вместе? — дружелюбно улыбнулся он.

— Но я не один. Со мной моя... моя...

— Твоя женщина? Значит, выйдем втроем?

Селдон даже не знал, что ответить. Он скосил взгляд влево. Дорс смотрела прямо перед собой, не обращая, казалось, никакого внимания на мужскую беседу — ну прямо истинная, хорошо воспитанная Сестра. Однако она ухитрилась легонько коснуться своим коленом колена Селдона, как бы говоря: «Все в порядке».

— Да, конечно, — вежливо ответил незнакомцу Селдон.

Потом они больше не разговаривали с соседом, но вот табличка оповестила их о том, что следующая остановка — Святилище, и новый знакомец Селдона поднялся, приготовившись к выходу.

Автобус резко повернул, объезжая вокруг парка, и вскоре остановился. Началась жуткая сутолока. Мужчины проталкивались вперед, стараясь обогнать женщин. Женщины покорно уступали им дорогу.

Голос микогенца был чуть хрипловатым, но приятным.

— Друзья мои, — сказал он. — Вы не против, если я вас буду так называть? Друзья мои, завтракать еще рановато, но вы уж мне поверьте, имеет смысл перекусить. Если вы не против, я бы вам посоветовал купить какой-нибудь еды и перекусить на воздухе. Я хорошо знаком с этими местами и помогу вам разыскать уютный уголок.

Селдон немного встревожился — уж не хитрый ли это трюк, чтобы заманить ничего не подозревающих варваров в ловушку? Однако он решил рискнуть.

— Вы очень добры, — сказал он. — Мы тут совершенно ничего не знаем, так что с радостью принимаем ваше любезное предложение.

Вскоре они уже нагрузились покупками, купили с уличного лотка сандвичи и какой-то молочный напиток. Микогенец предложил позавтракать в парке около Святилища.

По пути, глядя на Святилище, Селдон отметил, что здание немного напоминает Дворец Императора и парк чем-то похож на окрестности Дворца. Трудно было предположить, что на подобную постройку микогенцев вдохновила архитектура Дворца, но тем не менее зданию было не отказать в своеобразной красоте.

— Красиво, правда? — с нескрываемой гордостью спросил микогенец.

— Очень, — подтвердил Селдон. — Все сверкает! Замечательно!

— А парк вокруг Святилища, — пояснил микогенец, — разбит наподобие того, что когда-то красовался около здания правительства в нашем Мире Утренней Зари, но, конечно, наш гораздо миниатюрнее.

— Скажите, а парк около Дворца Императора вы никогда не видели? — спросил Селдон осторожно.

Микогенец понял намек, но не счел его ни в коей мере оскорбительным.

— Они тоже старались скопировать то здание в Мире Утренней Зари.

Вскоре троица подошла к полукруглой скамейке из белого камня, радостно сверкавшей в лучах утреннего солнца, как и само здание.

— Хорошо, — взгляд микогенца выражал удовольствие, — мое любимое местечко не занято. Я зову его своим, потому что это моя любимая скамейка. Отсюда открывается сквозь деревья прекрасный вид на боковую стену Святилища. Прошу садиться. Камень не холодный, не бойтесь. И твоя спутница пусть тоже садится. Она варварша, и у нее другие привычки. Но она... она может принять участие в беседе, если хочет.

Дорс зыркнула на микогенца, но промолчала и села.

Селдон, понимая, что хочешь не хочешь, а придется провести какое-то время с новым знакомым, протянул руку и представился:

— Меня зовут Гэри, а мою спутницу — Дорс. Числительными, вы уж простите, мы не пользуемся.

— Каждому свое, — кивнул микогенец. — Меня зовут Мицелий Семьдесят Второй. У нас очень многочисленная когорта.

— Мицелий? — несколько обескураженно переспросил Селдон.

— Вы удивлены? Вы, наверное, до сих пор общались только с членами старейших семейств. У них имена типа «Туча», «Солнечный Свет», «Звездное Сияние» и тому подобные — все такие, астрономические.

— Должен признаться... — начал было Селдон, но Мицелий прервал его:

— Ну а теперь познакомьтесь с представителем низшего слоя. Наши имена происходят от всего, что имеет отношение к земле и тому, что на ней произрастает. Вполне уважаемые имена.

— Нисколько не сомневаюсь, — кивнул Селдон. — Кстати, позвольте вас поблагодарить за тот совет, что вы мне дали в автобусе.

— Знаете, — признался Мицелий Семьдесят Второй, — я и правда спас вас от большой беды. Если бы ваши выбившиеся из-под шапочки волосы до меня увидела какая-нибудь Сестра, она бы обязательно закричала, а первый попавшийся Брат вышвырнул бы вас из автобуса, не дожидаясь остановки.

Дорс чуть-чуть наклонилась вперед, чтобы задать вопрос микогенцу.

— А почему вы не сделали этого сами?

— Я? Видите ли, я не питаю неприязни к варварам. Я ученый.

— Ученый?

— Первый в своей когорте. Я учился в школе при Святилище и закончил ее весьма успешно. Я обучен всем древним наукам и теперь обладаю правом посещать особую библиотеку, где собраны книги, написанные варварами, и читать любую. У нас там имеются даже компьютерные справочники, и я умею с ними обращаться. Это очень помогает расширению кругозора.

Так что меня совершенно не раздражает такая мелочь, как выбившиеся из-под шапочки волосы. Я не раз видел в книгах репродукции и рисунки, где изображены люди с пышными шевелюрами. Мужчины и женщины, кстати, — сообщил он, бросив быстрый взгляд на Дорс.

Какое-то время они молча жевали сандвичи. Молчание нарушил Селдон:

— Я обратил внимание, что у каждого Брата, который входит в Святилище и выходит из него, есть красная сумочка.

— О да, — кивнул Мицелий Семьдесят Второй. — Переброшена через левое плечо и свисает справа от талии. Обычно их затейливо украшают.

— Но для чего они нужны?

— Называются они «обиа» и символизируют радость от входа в Святилище и цвет крови, которую каждый готов пролить, чтобы сохранить его.

— Крови? — неприязненно переспросила Дорс.

— Это просто символ. Никогда не слышал, чтобы кому-то на самом деле пришлось пролить кровь ради спасения Святилища. Да и радости, откровенно говоря, мало. Там только плачут, рыдают и скорбят об Утраченном Мире. — Он помолчал и сказал тихонько: — Ужасно глупо.

— Значит, вы — неверующий? — спросила Дорс.

— Я ученый, — с нескрываемой гордостью ответил Мицелий. Он усмехнулся, и лицо его избороздили морщинки. Он сразу постарел. Селдону вдруг стало интересно, сколько лет новому знакомому. Несколько веков? Нет, этого не может быть, но все-таки...

— Сколько вам лет? — вырвалось у Селдона. Вопрос, похоже, нисколько не задел Мицелия Семьдесят Второго. Он как ни в чем не бывало ответил:

— Семьдесят два.

Но Селдон не удовлетворился таким ответом.

— А я слыхал, что в прежние, давние времена представители вашего народа жили очень долго — по нескольку веков.

Мицелий Семьдесят Второй немного удивленно посмотрел на Селдона.

— А откуда у тебя такие сведения? Вряд ли кто-то мог такое рассказать. Хотя это правда. То есть некоторые верят, что это правда. А веру эту поддерживают Старейшины, поскольку этот

факт служит убежденности в нашем превосходстве. Однако у нас действительно высокая продолжительность жизни. Это потому, что мы рационально питаемся. Но до ста лет у нас мало кто доживает.

— Я так понял, что лично вы не верите в превосходство микогенцев перед другими народами?

— Народ как народ, — пожал плечами Мицелий. — Во всяком случае, не хуже других. Но мне кажется, что все люди равны. Даже женщины, — подчеркнул он, взглянув на Дорс.

— Не думаю, — засомневался Селдон, — что многие в Микогене с вами согласились бы.

— Так же как и многие из ваших, — кивнул Мицелий Семьдесят Второй. — Но я в это верю. Ученый обязан в это верить. Я прочитал огромное количество варварской литературы. Я знаком с вашей культурой, понимаю и чту ее. Даже написал о ней несколько научных статей. И поэтому я сижу тут так спокойно и разговариваю с вами, словно вы — такие же, как мы.

— Похоже, вы гордитесь тем, что понимаете жизнь и обычаи варваров, — немного раздраженно проговорила Дорс. — А за пределами Микогена вы когда-нибудь бывали?

— Нет, — несколько пристыженно ответил Мицелий Семьдесят Второй.

— Почему же? Ведь тогда вы узнали бы нас гораздо лучше.

— Я бы чувствовал себя неловко. Мне пришлось бы носить парик. Я бы стеснялся.

— Зачем вам парик? — удивленно спросила Дорс. — Могли бы оставаться лысым.

— Нет, — упрямо покачал головой Мицелий. — Я бы не сделал такой глупости. Все, у кого на голове растут волосы, тыкали бы в меня пальцем и дразнили не переставая.

— Дразнили? За что? — воскликнул Селдон. — Мой отец, к примеру, рано облысел, и мне кажется, у меня тоже есть такая склонность. Пройдет пара десятков лет, и я тоже стану лысым.

— Все равно... это не то... не такая лысина, — упорствовал Мицелий. — Остаются волосы по краям и над глазами... брови. Для меня «лысый» — это когда совсем нет волос. Никаких.

— Нигде на теле? — с любопытством спросила Дорс.

Тут уж Мицелий Семьдесят Второй, похоже, оскорбился по-настоящему. По крайней мере, вопрос Дорс оставил без ответа.

Селдон, желая сгладить неловкость и вернуться к начатому разговору, спросил:

— Скажите, пожалуйста, Мицелий Семьдесят Второй, дозволяется ли варварам входить внутрь Святилища?

— Никогда! — яростно затряс головой Мицелий. — Это позволено только Сыновьям Утренней Зари.

— Только Сыновьям? — уточнила Дорс.

Мицелий какое-то время молчал, утратив дар речи. Наконец, овладев собой, он пробормотал:

— Вы же варвары, надо сделать скидку... Дочери Утренней Зари входят в Святилище только в определенные дни, в дни особых торжеств. Вот так все обстоит. Я не хочу сказать, что лично я одобряю такой порядок вещей. Если бы все зависело от меня, я бы сказал: «Входите все, и радуйтесь, и наслаждайтесь, если сможете!»

— А вы сами были там когда-нибудь?

— Когда я был маленький, родители водили меня, но, — он покачал головой, — все, что я запомнил, так это то, что все там смотрят в Книгу, читают из нее отрывки и только вздыхают и плачут о прошлом. Там нельзя разговаривать, смеяться. Даже смотреть друг на друга нельзя. Думать можно только об Утраченном Мире и больше ни о чем другом. Это не для меня, — Мицелий решительно взмахнул рукой. — Я ученый, и я хочу, чтобы мне был открыт весь огромный мир.

— Прекрасно сказано, — одобрительно кивнул Селдон, нащупавший, как ему казалось, лазейку. — Мы тоже ученые — и я, и Дорс.

— Знаю, — спокойно кивнул Мицелий Семьдесят Второй.

— Знаете? Откуда?

— Кем же вам еще быть? Из варваров в Микогене бывают только торговцы, политики и дипломаты, да еще ученые. А вы похожи только на последних. Вот это-то меня в вас и заинтересовало, — от души улыбнулся он.

— Вы не ошиблись. Я математик. Дорс историк. А вы?

— Я специалист по культуре. Я прочел очень много величайших произведений, написанных варварами — Лиссо, Ментоном, Новигором...

— А мы успели познакомиться с величайшим произведением вашего народа, — прервал его Селдон. — Я, например, прочел Книгу... Об Утраченном Мире.

Мицелий Семьдесят Второй широко раскрыл глаза. Удивлению его не было предела.

— Неужели? Но как? Где?

— У нас в Университете есть копии, которые можно прочесть при наличии специального допуска.

— Копии *Книг*?

— Да.

— Поразительно! Хотел бы я знать, ведомо ли это Старейшинам?

— И еще я там прочел про роботов, — сообщил Селдон.

— Про роботов?

— Да. И именно поэтому мне так хочется попасть в Святилище. Мне хотелось бы взглянуть на робота.

Дорс потянула Селдона за рукав, но он взял быка за рога и не обратил на ее предупреждение никакого внимания.

— Я в такие вещи не верю, — гордо проговорил Мицелий. — Ученым это не к лицу. — Он воровато оглянулся по сторонам. Видимо, все-таки боялся, что кто-то его услышит.

Селдон не отступался:

— Я прочел, что робот до сих пор находится в Святилище.

— Не желаю болтать о такой чепухе, — пробурчал Мицелий Семьдесят Второй.

— Но если он в Святилище, — стоял на своем Селдон, — то где именно?

— Даже если бы он там был, я бы не смог тебе ничего подсказать. Я же там не был с детства.

— Но, может быть, там есть какое-то особое место?

— Существует алтарь. Но туда входят только Старейшины. И там ничего нет.

— Вы там бывали?

— Нет, конечно, нет.

— Откуда же вы знаете, что там ничего нет?

— Я не знаю, что там нет гранатового деревца. Не знаю, что там нет лазерного органа. Я не знаю, что там нет миллиона всевозможных вещей. Если я об этом не знаю, разве это значит, что они там есть?

Селдон не сразу нашелся, что сказать.

По лицу Мицелия Семьдесят Второго пробежала легкая усмешка.

— Логика ученого, — проговорил он. — Со мной не так

просто разговаривать. И тем не менее я бы не советовал вам подниматься в алтарь Старейшин. Не думаю, чтобы вам понравилось то, что произойдет, если они заметят варваров в Святилище, не говоря уже об алтаре. Ну что ж, всего вам наилучшего, — сказал Мицелий и, не сказав больше ни слова, поспешил уйти. Селдон проводил его удивленным взглядом.

— Чего это вдруг он так сорвался?

— Видимо, из-за того, что к нам кто-то идет, — сказала Дорс.

И действительно, к ним шел высокий мужчина в просторном белом кертле. Через плечо у него свисала красная сумочка с блестящей вышивкой. Шагал он очень уверенно, так шагал бы представитель власти, более того — недовольный представитель этой самой власти.

52

Гэри Селдон встал ему навстречу, сам не зная зачем. Он не был уверен, что его порыв — верное с точки зрения этикета действие, но подумал, что вреда от этого большого не будет. Дорс встала следом за ним и скромно потупила взор.

Микогенец остановился прямо перед ними. Этот человек также был немолод, однако выглядел немного иначе, чем Мицелий Семьдесят Второй. Старина, казалось, красила его лицо. У него была благородная форма головы, ярко-голубые глаза, цвет которых резко контрастировал с ослепительно красной сумочкой.

Незнакомец сказал:

— Как я вижу, вы варвары.

Голос у него оказался более высокий, нежели ожидал Селдон, и говорил он медленно, тщательно взвешивая каждое слово.

— Вы не ошиблись, — вежливо, но твердо ответил Селдон. Он решил не унижаться, но и грубить не собирался.

— Ваши имена?

— Я — Гэри Селдон с Геликона. Моя спутница — Дорс Венабили. Она с Цинны. А вас как зовут, микогенец?

Микогенец сощурился, однако твердость, с которой разго-

варивал Селдон, от него не укрылась. Видимо, он тоже ценил смелость и решительность.

— Я — Молния Второй, — ответил он и, гордо вздернув подбородок, добавил: — Старейшина Храма. А вы кто такие, варвары?

— Мы, — ответил Селдон, сделав особое ударение на слове «мы», — ученые из Стрилингского Университета. Я математик, моя спутница — историк, и мы занимаемся изучением обычаев Микогена.

— Кто вам дал на это право?

— Мы находимся в Микогене по приглашению Протуберанца Четырнадцатого.

Молния Второй немного помолчал, усмехнулся и сказал:

— Верховный Старейшина. Я хорошо с ним знаком.

— Не сомневаюсь, — отрезал Селдон. — Есть еще вопросы, Старейшина?

— Да.

Судя по всему, Старейшина не собирался сдавать позиции.

— Кто тот человек, что сидел с вами рядом и убежал, завидев меня?

Селдон покачал головой:

— Мы с ним незнакомы, Старейшина, и ничего о нем не знаем. Мы встретились с ним совершенно случайно и спросили его о Святилище.

— А почему вы спросили его? И о чем именно?

— Мы задали ему всего два вопроса, Старейшина. Мы спросили его, не Святилище ли это здание и можно ли туда войти варварам. На первый вопрос он ответил утвердительно, а на второй — отрицательно.

— Все правильно. А почему вас интересует Святилище?

— Сэр, мы здесь для того, чтобы изучить обычаи Микогена, а разве Святилище — это не сердце и мозг Микогена?

— Оно наше и принадлежит только нам.

— А если бы, Старейшина, Верховный Старейшина разрешил нам посетить его из чисто научных соображений?

— У вас на самом деле есть такое разрешение?

Селдон на мгновение растерялся. Дорс украдкой взглянула на него. Нет, солгать он не посмел.

— Нет, — ответил он и добавил: — Пока нет.

— И никогда не будет, — сурово проговорил Старейши-

на. — Вы в Микогене по приглашению, но даже самый главный властитель не может распоряжаться всем на свете и пренебрегать интересами народа. Мы высоко ценим наше Святилище, и должен вам сказать, что присутствие варваров в Микогене наш народ, мягко говоря, неприязненно воспринимает вообще, а в особенности — на территории Святилища. Стоит только кому-нибудь одному поднять панику и закричать «Вторжение!», и самая мирная толпа в одно мгновение рассвирепеет и разорвет вас в клочья. Поверьте, я не преувеличиваю. Будьте благоразумны. Ради вашей же пользы, не пренебрегайте милостью, оказанной вам Верховным Старейшиной, и уходите. Немедленно!

— Однако Святилище... — заупрямился Селдон, но Дорс тихонько потянула его за рукав.

— Вы уже посмотрели на Святилище снаружи, — строго сказал Старейшина. — Внутри вам смотреть не на что.

— Там робот, — сказал Селдон спокойно.

Старейшина не мигая смотрел на Селдона целую минуту, а потом, снизойдя настолько, что склонился к самому уху Селдона, прошептал:

— Уходи немедленно, или я сам подниму панику. Если бы я не уважал Верховного Старейшину, я бы тебе и уйти не дал.

И тут Дорс — откуда у нее столько силы взялось! — резко рванула Селдона за рукав и увлекла за собой. Он пошатнулся и быстро зашагал следом за ней.

53

Только на следующее утро, за завтраком, Дорс заговорила о вчерашнем происшествии. Заговорила так, что Селдон был готов сквозь землю провалиться.

— Восхитительное фиаско мы потерпели вчера, — сказала она.

Селдон, который искренне надеялся, что она не затронет эту досадную тему, невинно спросил:

— В чем же, собственно, мы потерпели фиаско?

— Нас выгнали с позором. И ради чего все это было? Чего мы добились?

— Только одного. Узнали, что робот там действительно есть.

— Мицелий Семьдесят Второй сказал, что его там нет.

— А что он еще мог сказать? Он ученый. По крайней мере, считает себя ученым, и в той библиотеке, куда ходит, других сведений он попросту не мог добыть. Ты лучше вспомни про реакцию Старейшины.

— Я про нее не забыла.

— А ведь он не повел бы себя так, не будь в Святилище робота. Он испугался, поняв, что мы знаем об этом.

— Это всего лишь твоя догадка, Гэри. Но даже если он там есть, внутрь нам все равно не пробраться.

— Попытаться можно. После завтрака пойдем и купим сумочку, ну, эту самую, обиа. Я перекину ее через плечо, скромно потуплю взор и войду в Святилище как ни в чем не бывало.

— В шапочке? Да тебя раскусят за секунду.

— Нет, не раскусят. Мы отправимся для начала в библиотеку, где собрана варварская литература. Так или иначе, я не прочь туда попасть. А из библиотеки, которая, как я понял, располагается в пристройке к Святилищу, наверняка есть вход в само Святилище.

— Где тебя тут же сцапают.

— Совершенно не обязательно. Ты же слышала, что сказал Мицелий Семьдесят Второй о том, какая там внутри обстановочка. Все смотрят в пол и медитируют, скорбя о родимой Авроре. Друг на друга никто не глядит. Вероятно, это попросту запрещено. Ну вот. Потом я разыщу алтарь Старейшин...

— Даже так?

— Вспомни, Мицелий сказал, что не советует мне подниматься в алтарь. *Подниматься*. Стало быть, расположен алтарь в башне. Скорее всего в самой высокой, центральной.

Дорс покачала головой.

— Я не могу вспомнить точно, что он сказал, и не уверена, что ты запомнил правильно. Мне кажется, не стоит так опрометчиво полагаться... Постой! — вдруг сказала она взволнованно и нахмурилась.

— Ну! Что? — поторопил ее Селдон.

— Древнее слово «алтарь»... У него есть такой оттенок значения... что-то возвышенное, то, что находится наверху...

— Ага! То-то же! Значит, мы все-таки узнали кое-какие

очень важные вещи в результате того, что ты назвала «фиаско». И если я могу разыскать живого робота, который прожил двадцать тысяч лет, и если он сможет сказать мне...

— Ну хорошо, допустим, он существует, хотя поверить в это трудно. Допустим, ты его найдешь, как ты думаешь, долго ли тебе удастся болтать с ним о том о сем, пока твое присутствие не будет обнаружено?

— Не знаю, но, если я его найду, я уж придумаю, как заставить его разговориться. Теперь мне слишком поздно отступать, какие бы препоны ни ждали меня на пути. Челвик отстанет от меня только тогда, когда я докажу, что на самом деле нет ни малейшей возможности разработать психоисторию. И теперь, когда блеснул луч надежды, я добьюсь своего во что бы то ни стало, и ничто меня не остановит — даже угроза смерти.

— Гэри, микогенцы могут разгневаться, и рисковать опасно.

— Пусть. Я все равно попытаюсь.

— Нет, Гэри. Я должна беречь тебя, и я не позволю тебе сделать этого.

— Должна позволить. Найти способ разработки психоистории — это намного важнее, чем моя жизнь, моя безопасность. Моя безопасность только потому и важна, что я должен разработать психоисторию. Удержи меня от того, что я задумал, — и вся твоя забота теряет смысл. Подумай сама.

Селдон чувствовал, что прав. Воодушевлению его не было предела. Психоистория — его собственная туманная теория, которую он еще совсем недавно считал несбыточной мечтой, — вдруг стала так близка, достижима. Сам не понимая, как это произошло, он наконец поверил в нее. Словно кусочки разбросанной головоломки начали сходиться, и, хотя до того, чтобы собрать ее целиком, было еще немыслимо далеко, он был уверен, что Святилище — один из кусочков этой головоломки, может быть, самый важный.

— Тогда я пойду с тобой, чтобы вытащить тебя оттуда, балбес ты этакий, когда будет нужно.

— Женщинам туда входить нельзя.

— А что делает меня женщиной? Только серый кертл. Под ним даже грудь не видна. В шапочке моей прически не видно. Самое обычное лицо. Мужчины тут не бреются, и щетины у них на щеках не видно. Значит, всего-то и нужно, что белый

кертл и красная сумочка. Любая из Сестер могла бы сделать то же самое, не связывай ее табу. А я на табу плевать хотела.

— Есть еще я. На меня ты не наплюешь. Я не позволю тебе. Это слишком опасно.

— Для меня это не более опасно, чем для тебя.

— Но я просто обязан рискнуть.

— Значит, и я обязана. Почему это дело для тебя важнее, чем для меня?

— Потому что... — выпалил Селдон, но осекся и задумался.

— Запомни хорошенько, — ледяным голосом проговорила Дорс, — без меня ты туда не пойдешь. Попытаешься, я тебя так стукну... а потом свяжу. Если не хочешь, чтобы так вышло, лучше даже не думай отправиться туда в одиночку.

Селдон растерялся и пробормотал что-то нечленораздельное. Он решил не спорить с Дорс, по крайней мере — пока.

54

На небе не было ни облачка, но цвет его был какой-то странный — бледно-бледно-голубой, словно оно было подернуто дымкой. «Хороший будет день», — подумал Селдон, и вдруг ему нестерпимо захотелось увидеть солнце. А солнце на Тренторе можно было увидеть только с поверхности, да и то лишь тогда, когда рассеивались облака.

А коренные тренторианцы — скучали ли они по солнцу? Задумывались ли о нем, вспоминали ли его? Посещая другие планеты, где светило настоящее солнце, смотрели ли они на его слепящий диск в страхе и восхищении?

«Почему так происходит, — думал Селдон, — что так много людей живет всю жизнь, не задаваясь вопросами? Разве есть в жизни что-либо более прекрасное, чем поиск ответов на вопросы?»

Селдон спустился с небес на землю. Он шагал по улице, застроенной невысокими домами, в большинстве из которых располагались магазины. В обе стороны скользили автомобили. Все они были такие старомодные, что уличное движение напоминало парад древней автомобильной техники. Селдон задумался. «Старомодный» — всегда ли это слово имеет насмешливый оттенок?.. Ведь «старомодный» — это, как прави-

ло, «медленный, неторопливый». А зачем спешить, если на то пошло?

На улице Селдону время от времени попадались дети. «Да, — думал Селдон, — долголетием тут и не пахнет, иначе Микоген попросту со временем впал бы в детство». И мальчики, и девочки расхаживали в кертлах. Кертлы у них были покороче, чем у взрослых, — едва заходили за колено. Наверное, чтобы детям было легче бегать и прыгать.

И еще: у детей были волосы, правда, у всех без исключения подстриженные довольно коротко, однако кертлы у детей постарше были снабжены капюшонами, покрывавшими головы. Не то, подрастая, дети сами стеснялись ходить с непокрытыми головами, не то их заставляли носить капюшоны до того дня, когда им предстояло пройти обряд депиляции.

У Селдона мелькнула мысль, и он спросил у Дорс:

— Дорс, а когда вы ходили по магазинам, кто расплачивался за покупки — ты или Сестры?

— Конечно, я. Капельки и не вытаскивали своих кредитных карточек. Да и с какой стати? Все покупки делались для нас, а не для них.

— Но ведь у тебя тренторианская карточка — то есть варварская.

— Да, Гэри, однако никаких проблем не возникло. Пойми, они тут могут делать что угодно — хранить свою культуру, традиции, обычаи, носить балахоны и разгуливать лысыми, но деньгами обязаны пользоваться универсальными. Если они от этого откажутся, это вызовет спад коммерции. Конечно же, ни одному разумному человеку такое в голову не придет. Деньги правят миром, Гэри, — сказала Дорс, помахав в воздухе воображаемой кредитной карточкой.

— То есть никто не возражал, что ты расплачивалась со своей кредитной карточки?

— Да, никто и не пикнул. Даже на шапочку мою не глядели. Денежки, Гэри... за них покупается все на свете.

— Замечательно. Значит, я могу купить...

— Нет, покупать буду я. Покуда я в женском обличье, мне это сделать будет намного легче. Они тут настолько привыкли не обращать на женщин внимания... А вот, кстати, и магазин готовой одежды, где мне уже довелось побывать.

— Ладно, давай, а я тут подожду. Купи мне хорошенькую красную сумочку. Покрасивее, пожалуйста.

— Только не притворяйся, будто забыл о нашем уговоре. Я куплю две хорошенькие сумочки и еще белый кертл моего размера.

— А ты думаешь, продавцу не покажется странным то, что женщина покупает белый кертл?

— Нисколько. Он решит, что я покупаю кертл для мужа, у которого совершенно случайно такой же размер, как у меня. Думаю, никаких возражений быть не должно.

Селдон остался на улице, чувствуя себя неловко. Ему казалось, что вот-вот к нему кто-нибудь подойдет, обзовет варваром. К счастью, ничего такого не случилось. Прохожие не обращали на него никакого внимания — ни мужчины, ни женщины.

Ясно — никто не ожидал встретить варвара. Не ожидали, а потому и не видели.

Совсем неплохо! Особенно с точки зрения предстоящего вторжения в Святилище. Уж там-то никто не ожидает увидеть варвара!

В общем, к тому времени, когда вернулась Дорс, Селдон успел развеселиться по-настоящему.

— Ну, все купила?

— Все, что хотела.

— Тогда пошли домой, переоденемся.

Белый кертл сидел на Дорс не так хорошо, как серый. Понятно — она же не могла примерить его в магазине; у продавца тогда наверняка случился бы нервный шок.

— Ну, как я выгляжу, Гэри? — спросила Дорс.

— Совсем как мальчик, — улыбнулся Селдон. — Ну-ка, возьми сумочку... как ее... обиа. Надо научиться называть ее правильно.

Дорс, еще не успевшая надеть шапочку, тряхнула кудряшками.

— Ни в коем случае! Ты что, собираешься маршировать с обиа по всему сектору, чтобы все микогенцы пялились на тебя?

— Да нет, я просто хотел посмотреть, как это будет выглядеть.

— Нет, возьми вот эту. Она красивая и более дорогая.

— Ты права, Дорс. Тебе надо выглядеть попроще, чтобы в тебе не заподозрили женщину.

— Да я об этом и не думала, Гэри. Просто я хочу, чтобы ты красиво выглядел.

— Спасибо огромное, но боюсь, что это невозможно. Так-так, и как же она надевается?

Гэри и Дорс объединенными усилиями напялили обиа, сняли, снова надели. Так они практиковались до тех пор, пока не научились ловко надевать и снимать сумочки. Обучение взяла на себя Дорс, поскольку она успела вчера понаблюдать за мужчиной, который все это проделал около Святилища.

Но когда Гэри похвалил ее за столь ценное наблюдение, она покраснела и сказала:

— Гэри, что тут особенного? Просто обратила внимание. Случайно.

— Гениальная случайность! — воскликнул Селдон.

Добившись, как им показалось, удовлетворительной сноровки в обращении с сумочками, они принялись самым придирчивым образом рассматривать друг друга. Обиа Гэри сверкала и переливалась. Вышивка на сумочке была крайне замысловатая, рисунок напоминал дракона. У Дорс обиа была гораздо проще, все украшение — тоненькая полоска поперек центра, чуть светлее ткани.

— Простенько, но со вкусом, — похвалила Дорс свою сумочку.

— А теперь, — объявил Селдон, — мы их сложим и уберем во внутренние карманы. Еще захватим мою кредитную карточку — прошу прощения, не мою, а, если точнее, Челвика, и еще возьмем Книгу. Ее мы положим вот сюда, в другой карман.

— Книгу? Ты не боишься брать ее с собой?

— Да я просто обязан ее взять! Уверен, всякий, кто направляется в Святилище, обязательно захватывает с собой копию Книги. Мицелий же говорил, что там все читают. В случае необходимости, мы с тобой уставимся в одну Книгу, глядишь, никто не заметит. Ты готова?

— Не сказала бы, но я иду с тобой.

— Путешествие нам предстоит серьезное. Будь добра, проверь, не выглядывают у меня на этот раз волосы из-под шапочки. Кстати, не советую почесывать голову.

— Не буду. Ты в порядке.

— Ты тоже.

— Только ты сильно нервничаешь.

Селдон лукаво проговорил:

— Угадай, почему?

Дорс невольно потянулась к нему, схватила за руку и тут же отшатнулась, сама удивленная своим внезапным порывом. Она потупилась и одернула кертл. Гэри, удивленный, но довольный, откашлялся и сказал:

— Ну, пошли.

Глава 12

АЛТАРЬ

РОБОТ. *В древних легендах некоторых миров этим термином именовались устройства, чаще называемые «автоматами». Чаще всего роботы описываются в виде металлических существ, имеющих форму тела человека, однако порой встречаются упоминания о псевдоорганических роботах. Существует распространенное мнение о том, что Гэри Селдон во время своего знаменитого Бегства встретился с настоящим роботом, однако истинность подобной встречи весьма сомнительна. В своих многочисленных трудах Селдон ни разу не упоминает ни о каких роботах, хотя...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

55

Никто их не заметил.

Гэри Селдон и Дорс Венабили повторили свой вчерашний маршрут, и на этот раз никто не обратил на них никакого внимания. Пару раз им пришлось потесниться в автобусе, чтобы дать место другим пассажирам. Народу в этот день в транспорте было полно, и в автобусе было душновато от запаха не слишком чистых кертлов.

Наконец они добрались до цели.

— Это, похоже, библиотека, — сказал Селдон вполголоса.

— Наверное, — так же негромко сказала Дорс. — По край-

ней мере, это именно то здание, на которое нам вчера показывал Мицелий Семьдесят Второй.

Они неторопливо зашагали в направлении библиотеки.

— Дыши глубже, — посоветовал Селдон. — Вот он, наш первый рубеж.

Из раскрытых дверей лился тускловатый свет. Гэри и Дорс шагнули на первую из пяти широких каменных ступеней и сразу поняли, что лестница самая обычная и наверх их не повезет. Дорс едва заметно поморщилась и дала Селдону знак шагать наверх на своих двоих.

Шагая по ступеням, оба испытывали примерно одинаковые чувства: до чего же Микоген отстал от всего света в технике. Сразу же за дверью стоял стол, а за ним сидел мужчина, склонившись над пультом самого примитивного и неуклюжего компьютера из всех, какие когда-либо видел Селдон.

Мужчина не удосужился даже взглянуть на посетителей. «И очень хорошо, — с облегчением подумал Селдон. — Да, собственно, зачем ему на посетителей глядеть? Все микогенцы на одно лицо — белые кертлы, лысые головы. Очень удачно для двоих варваров, очень!»

Итак, не поднимая головы, мужчина рассеянно поинтересовался:

— Ученые?

— Ученые, — отозвался Селдон.

Мужчина качнул головой в сторону внутренних дверей:

— Прошу проходить. Идите и наслаждайтесь.

Дорс и Гэри не стали ждать повторного приглашения и поторопились войти в зал. Там никого не было. Видимо, библиотека была не слишком популярным местом. А может, ученых в Микогене было мало. А скорее всего — и то и другое.

Селдон прошептал:

— Я был почти уверен, что у нас потребуют какие-нибудь пропуска или читательские билеты, и придется врать, будто мы их забыли.

— Наверное, он просто радуется, что сюда вообще хоть кто-то заглянул. Ты только погляди вокруг! Если бы здания могли умирать, как живые существа, можно было бы с уверенностью сказать, что мы попали внутрь трупа.

Большую часть зала занимали полки, на которых были расставлены печатные книги, похожие на ту, что до сих пор лежала у Селдона во внутреннем кармане кертла. Дорс пошла вдоль полок, внимательно разглядывая корешки.

— Почти все книги очень старые, — сообщила она через некоторое время. — Есть классические, есть и всякая дребедень.

— Ну а иностранные книги? Немикогенские, я хочу сказать.

— О да. Я тебе про иностранные и говорю. Если у них и есть собственные книги, они, по всей вероятности, хранятся где-то еще. Здесь все собрано для того, чтобы такие ученые, как тот симпатяга, с которым мы вчера познакомились, могли проводить свои гениальные исследования. Вот тут у них справочная литература стоит, а вот Имперская Энциклопедия издания пятидесятилетней давности. Вот — компьютер.

Она потянулась к клавишам пульта, но Селдон удержал ее:

— Погоди. Если вдруг что-то не то нажмешь, нам придется задержаться.

И он молча указал на табличку, висевшую на стене, повыше отдельно стоявшего стеллажа. Буквы гласили: «В Святилище». Буква «т» была безвозвратно утрачена, но, судя по всему, это никого не огорчало. «Точно, Империя гибнет, — подумал Селдон. — Повсюду. И Микоген — не исключение».

Он еще раз оглядел зал. Нищенская библиотека, столь необходимая для гордости и самолюбия микогенцев и, наверное, такая нужная Старейшинам, которые могли пользоваться ею для поисков всяческих зацепок для своих верований, по-прежнему была пуста. Никто не вошел в зал после Селдона и Дорс.

Селдон прошептал:

— Давай отойдем в сторонку, чтобы нас не заметил привратник, или как его там, и напялим сумочки.

Чуть позже, когда они уже были готовы переступить порог — второй рубеж на пути к цели, — Селдон сказал:

— Не ходи со мной, Дорс.

— Почему это? — нахмурилась Дорс.

— Это небезопасно, а я не хочу, чтобы ты рисковала.

— Я здесь для того, чтобы защитить тебя, — тихо, но уверенно заявила Дорс.

— Дорс, ты сама подумай, ну как ты меня можешь защитить? Пойми и поверь, я сам в состоянии себя защитить. А вот если мне придется защищать тебя, меня точно схватят. Разве ты не понимаешь?

— Обо мне тебе нечего беспокоиться, Гэри. Беспокоюсь тут я, запомни, — отрезала Дорс и поправила ремешок обиа на груди.

— Потому что Челвик так велел?

— Потому что это моя обязанность.

Она крепко ухватила Селдона за руку повыше локтя, и он, как обычно, удивился ее необычайной силе.

— Гэри, я была против этой затеи, но, если уж ты так твердо решил, что это необходимо, значит, я тоже должна идти.

— Ну ладно. Но если что-то случится и ты увидишь, что можешь удрать, беги и не думай обо мне.

— Все, хватит. Теряешь время, а заодно оскорбляешь меня.

Селдон вздохнул, прикоснулся ладонью к двери; та отъехала в сторону, и они вместе шагнули в проем...

56

...И оказались в просторном зале, казавшемся еще более просторным оттого, что в нем не было ничего, хотя бы смутно напоминавшего мебель. Ни стульев, ни скамеек — ровным счетом ничего. Ни подиума, ни занавесей, ни росписи на стенах.

Освещения тоже не было, если не считать тусклого, рассеянного света. Шел он, по всей вероятности, от вмонтированных в стены телевизионных экранов. Расположены они были довольно-таки беспорядочно — на разной высоте. Головидением тут и не пахло — все экраны давали двухмерное изображение.

Людей в зале было немного, и все стояли поврозь, разбросанные по залу точь-в-точь так же беспорядочно, как экраны по стенам. Все в белых кертлах и с красными сумочками.

Тишину нарушало только едва слышное бормотание. Если кто и передвигался по залу, то на цыпочках, скорбно потупив глаза.

Обстановочка была, прямо сказать, похоронная.

Селдон собрался было что-то прошептать на ухо Дорс, но та быстро приложила палец к губам и указала на один из телеэкранов. В это мгновение там красовался идиллического вида садик в цвету, и камера медленно, плавно скользила вдоль него.

Стараясь двигаться так, чтобы не отличаться от присутствующих, Селдон и Дорс подошли поближе к экрану...

Примерно в полуметре от экрана стал слышен голос, сопровождавший кадры: «...Сад Антеннин. Таким он выглядит на иллюстрациях из древних путеводителей и фотографиях. Расположен на окраине Эос. Обратите внимание на...»

Дорс сказала так тихо, что Селдон едва расслышал:

— Звук включается, когда к нему подходишь поближе, и отключается, когда отходишь. Здесь, где мы сейчас стоим, мы можем разговаривать, только смотри, глаз не поднимай и сразу закрывай рот, как только кто-то приблизится.

Селдон принял подобающую позу — скрестил руки на животе, потупил взор и прошептал:

— У меня такое ощущение, что того гляди кто-нибудь разрыдается.

— Запросто. Они все скорбят о своем Утраченном Мире, — прошептала в ответ Дорс.

— Надеюсь, хоть картинки будут меняться. А то с ума можно сойти от скуки.

— Стой и смотри, — исподлобья глядя на экран, шепнула Дорс. — Может, и правда, сюжеты меняются время от времени. Сказать трудно.

— Стой-ка! — прошептал Селдон чуть-чуть громче, чем следовало, потом понизил голос и прибавил: — Иди сюда.

Дорс нахмурилась, хотела что-то сказать, но Селдон едва заметно качнул головой в сторону. Крадущейся походкой Селдон перешел к соседнему экрану. Дорс, опустив голову, двинулась за ним и, заметив его поспешность, незаметно потянула его за кертл. Селдон замедлил шаги.

Как только включился звук, он объяснил, в чем дело:

— Тут роботы.

На экране был виден угол какого-то строения, около которого раскинулась зеленая лужайка, окруженная невысокой изгородью, а на лужайке стояли трое существ, которых иначе как роботами назвать было нельзя.

Голос диктора произнес:

«Перед вами — построенное в третьем столетии поместье Вендом. По преданию, того робота, что стоит в середине, звали Вендаром. Он прослужил двадцать два года, а потом, как ут-

верждает предание, его заменили. Слайд изготовлен совсем недавно».

— Раз он говорит «совсем недавно», — прошептала Дорс, — значит, они все-таки меняют кадры.

— Если только слова «совсем недавно» не звучат уже тысячу лет с хвостиком.

Тут в звуковую зону шагнул какой-то микогенец и тихо, но чуть погромче, чем Селдон и Дорс, сказал:

— Приветствую вас, Братья.

Произнося приветствие, он не взглянул ни на Дорс, ни на Селдона; бросив в его сторону беглый, исподтишка, взгляд, Селдон отвернулся. А Дорс и вовсе не посмотрела на незнакомца.

Селдон растерялся. Мицелий Семьдесят Второй утверждал, что в Святилище не разговаривают. Неужели он преувеличил строгость порядков? Но, в конце концов, он ведь сам не бывал в Святилище с детства. Может, тут что-то изменилось за эти годы?

Селдон помялся, помучился и решил, что надо все-таки что-то ответить.

— Приветствую тебя, Брат, — тихонько ответил он.

На самом деле он понятия не имел, так ли нужно было ответить, но, похоже, микогенец вполне удовлетворился таким ответом.

— Да пребудете вы на Авроре, — прошептал микогенец.

— И ты, Брат, — отозвался Селдон, замолчал, потом решил, что этого явно недостаточно, и добавил: — Пребудешь на Авроре. — Напряжение спало, но голова у Селдона под шапочкой вспотела.

— Как красиво! — проговорил микогенец. — Я раньше не видел этой картины.

— Замечательно! — кивнул Селдон и, отважившись на величайший риск, проговорил: — Да не забудется никогда наша утрата.

Незнакомец, похоже, немного напугался, но пробормотал: «Воистину, воистину» — и удалился.

— Не рискуй больше, — прошептала Дорс. — Не болтай лишнего.

— Похоже, пока проскочило. Итак, слайд новый. Только роботы какие-то не слишком внушительные. Эти как раз боль-

ше смахивают на автоматы. Мне бы хотелось взглянуть на органических, на гуманоидных.

— Если они и существовали, — неуверенно проговорила Дорс, — мне кажется, что больше всего они похожи на садовников.

— Верно, — согласился Селдон. — А потому нам надо найти алтарь Старейшин.

— Если он *существует*. Пока мне кажется, что в этой пустой пещере больше ничегошеньки нет.

Они медленно пошли вдоль стены от экрана к экрану, задерживаясь ненадолго около каждого из них. Наконец Дорс тихонько взяла Селдона под локоть. В промежутке между двумя экранами проступали очертания правильного прямоугольника.

— Дверь, — прошептала Дорс и растерянно спросила: — Как, по-твоему?

Селдон исподлобья огляделся по сторонам. Те, кто не смотрел на экраны, уставились в пол. Отлично. Просто великолепно. Все бы хорошо, если бы проклятый микогенец не успел обратить на них внимания. Зачем он подходил? Зачем?

— Как, ты думаешь, она открывается? — спросил Селдон.

— От прикосновения, наверное.

— Не вижу обозначения.

— Присмотрись получше. Там обесцвеченный квадратик. Видишь? Не пойму только, одну руку надо приложить или две и сколько раз.

— Попробую. Страхуй меня и дай знать, если кто-то вдруг посмотрит в нашу сторону.

Селдон затаил дыхание, незаметно протянул руку к обесцвеченному квадратику, прижал к нему ладонь...

Дверь открылась бесшумно — ни скрипа, ни треска. Селдон быстро шагнул в образовавшийся в стене проем. Дорс шагнула следом. Дверь за ними закрылась.

— Весь вопрос в том, — сказала Дорс, переведя дыхание, — успел ли кто-нибудь заметить, как мы скрылись?

— Наверняка этой дверью часто пользуются Старейшины, — предположил Селдон.

— Да, но так уж ли мы с тобой похожи на Старейшин?

Селдон подумал и сказал:

— Если бы нас заметили и если бы что-то было не так, дверь

распахнулась бы через пятнадцать секунд после того, как закрылась за нами.

— Может быть, — сухо отозвалась Дорс. — А может быть, по эту сторону двери и нет ничего интересного, так что никому нет дела до того, кто сюда вошел.

— Выясним, — сказал Селдон упрямо.

Попали они в узкое, полутемное помещение, но стоило им сделать несколько шагов в глубь комнаты, как свет стал ярче.

Тут стояли стулья с широкими, удобными сиденьями, маленькие столики, несколько кушеток, высокий и узкий холодильник, буфеты.

— Ну, если это алтарь Старейшин, — сказал Селдон, — то они неплохо устроились. Тоже мне аскеты!

— Ничего удивительного, — пожала плечами Дорс. — Аскетизм правящей верхушки — явление крайне редкое. Разве что напоказ. Запиши этот вывод в книжечку, когда задумаешь собирать афоризмы для психоистории.

Оглядевшись по сторонам, Дорс сообщила:

— Никакого робота тут не видно.

— Алтарь должен быть расположен выше, не забывай, — возразил Селдон. — Судя по высоте потолков, это помещение на одном уровне с главным залом. Нужно поискать лестницу, ведущую наверх. Думаю, нам сюда. Ну, смотри! — и он указал туда, где начинались ступени, покрытые ковровой дорожкой. Однако он не бросился туда опрометью, а предусмотрительно оглядел помещение еще раз.

Дорс догадалась, что ищет Селдон.

— Про лифт можешь забыть. В Микогене культивируют простоту. Ну точно, ты забыл об этом. Никаких лифтов не будет, и более того: не надейся, что лестница задвижется, стоит нам только встать на нижнюю ступеньку. Хочешь не хочешь, придется идти пешком. Не исключено, что несколько пролетов.

— Пешком?

— По идее, лестница ведет в алтарь, если вообще куда-нибудь ведет. Ты же хочешь попасть в алтарь, верно?

Селдон молча кивнул, и они пошли вверх по ступенькам.

Пролет, еще один, и еще... Свет постепенно пошел на убыль. Глубоко вздохнув, Селдон прошептал:

— Хоть я на здоровье и не жалуюсь, но это для меня слишком.

— Просто для тебя такое физическое упражнение непривычно, — пояснила Дорс. Для нее, похоже, подъем по лестнице особой трудности не представлял. Она дышала ровно и спокойно.

Третий пролет закончился площадкой. Перед Селдоном и Дорс оказалась еще одна дверь.

— А вдруг она закрыта? — спросил Селдон неизвестно у кого. — Будем взламывать?

— Как она может быть закрыта, — усмехнулась Дорс, — если нижняя была открыта? Если тут действительно алтарь Старейшин, значит, никому, кроме Старейшин, тут ходить не позволено. Табу. А табу крепче любых запоров.

— Ну да. Пока те, на кого рассчитано табу, его соблюдают, — съязвил Селдон, но к двери почему-то приближаться не отважился.

— Слушай, пока есть еще время вернуться, — предупредила его Дорс. — И я тебе советую это сделать.

— Думаешь, я испугался, струсил? Ничего подобного. Просто гадаю, что там, за этой дверью, вот и все. Если там ничего нет... — Он помолчал, потом решительно произнес: — Значит, там ничего нет!

Селдон решительно шагнул вперед, коснулся двери, она тихо, медленно открылась... и Селдон резко отшатнулся — такой яркий свет хлынул из дверного проема.

Ослепительный свет, а в его лучах — фигура, но чья? Лицом к двери... светящиеся глаза, руки приподняты, одна нога немного выставлена вперед... Человек? Но откуда этот желтоватый металлический блеск? На нем туника! Нет, никакая не туника.

— Это... робот! — в ужасе пробормотал Селдон. — Но он металлический.

— Хуже того, — сказала Дорс, быстро обойдя фигуру кругом, — он не следит за мной глазами. Руки у него не движутся. Он мертв. Если роботы могут быть живыми.

И в это мгновение из-за спины робота вышел человек — этот-то уж точно был человеком — и сказал:

— Может быть, и так. Зато я живой.

Действуя скорее инстинктивно, чем осознанно, Дорс шагнула вперед и встала между незнакомцем и Селдоном.

57

Селдон мягко отстранил Дорс.

— Не надо, Дорс. Это же наш старый приятель, Протуберанец Четырнадцатый.

Старик, через плечо которого была переброшена двойная красная сумочка, что, по всей вероятности, говорило о том, что он — Верховный Старейшина, сказал:

— А ты — варвар Селдон.

— Конечно, — кивнул Селдон.

— А это, в мужском одеянии, варварша Венабили.

Дорс промолчала.

— Ты прав, варвар, — сказал Протуберанец Четырнадцатый. — Я не причиню тебе вреда. Прошу садиться. Садитесь. Ты не Сестра, варварша, и можешь остаться. Садись и помни, что ты — первая женщина, кому позволено здесь сесть. Это великая честь.

— Я так не считаю, — огрызнулась Дорс.

Протуберанец Четырнадцатый кивнул.

— Как будет угодно. Я тоже присяду, поскольку хочу задать вам кое-какие вопросы, а стоя беседовать не слишком удобно.

Все трое уселись в уголке. Селдон нет-нет, да и поглядывал на металлического робота.

— Это — робот, — объявил Протуберанец Четырнадцатый.

— Знаю, — кивнул Селдон.

— Я знаю, что ты знаешь. А теперь скажи, зачем вы здесь?

Селдон посмотрел на Протуберанца Четырнадцатого в упор и ответил:

— Чтобы посмотреть на робота.

— Но известно ли тебе, что никому, кроме Старейшин, не позволено входить в алтарь?

— Не то чтобы известно, но я догадывался, что это так.

— А известно ли тебе, что варварам нельзя переступать порог Святилища?

— Мне говорили об этом.

— Но ты пропустил это мимо ушей, так?

— Я уже сказал: мы хотели увидеть робота.

— А известно ли тебе, что ни одной женщине, даже Сестре, не позволено входить в Святилище, кроме как по особым дням?

— Мне говорили об этом.

— А известно ли тебе, что женщинам запрещено переодеваться в мужскую одежду? В пределах Микогена это запрещено делать и варваршам.

— А вот этого мне не говорили, но, правду сказать, я не удивлен.

— Хорошо. Главное, чтобы ты все это понимал. Итак, зачем ты хотел посмотреть на робота?

Селдон пожал плечами:

— Любопытно было. Просто я никогда не видел робота и даже не знал, что роботы существуют.

— А откуда ты узнал, что они существуют? Откуда ты узнал, что здесь, именно здесь есть робот?

Селдон помолчал, затем покачал головой:

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Именно за этим тебя послал в Микоген варвар Челвик? Чтобы ты изучал роботов?

— Нет. Варвар Челвик послал нас сюда затем, чтобы здесь мы обрели покой и безопасность. Но... понимаете. Мы — ученые. И я, и доктор Венабили. Знания — это наша работа. Собирать знания — это наша задача. О Микогене мало что знают за его пределами, а нам бы хотелось побольше узнать о вашей жизни, ваших обычаях, вашем мышлении. Это вполне естественное желание, и мне кажется, от такого желания никакого вреда быть не может.

— Ясно. Но зато мы не хотим, чтобы внешние миры и другие племена знали о нас. Это — *наше* естественное желание, и *нам* судить, так ли безвредно ваше желание побольше о нас разузнать. А потому я вновь спрашиваю тебя, варвар: откуда ты узнал, что здесь есть робот — в Микогене вообще и в этом помещении в частности.

— Да так... слух прошел, — попытался отговориться Селдон.

— Ты говоришь правду?

— Да, правду.

Взгляд умных голубых глаз Протуберанца Четырнадцатого стал более острым, пронзительным. Он спокойно, не повышая голоса, проговорил:

— Варвар Селдон, мы давно сотрудничаем с варваром Челвиком. Он варвар, но всегда вел себя с исключительной тактичностью. Мы привыкли доверять ему. Но он — варвар! Когда он попросил за вас двоих и вверил вас нашему попечению, мы согласились. Однако, как я уже сказал, варвар Челвик остался варваром, и, каковы бы ни были его добродетели, доверять ему полностью мы не вправе. Мы вовсе не уверены в том, какова на самом деле ваша цель.

— Знания. Только знания, — ответил Селдон. — Варварша Венабили — историк. Я математик, но меня тоже интересует история. Почему нас не может интересовать история Микогена?

— Во-первых, потому, что мы не хотим, чтобы она вас интересовала. Кстати, к вам были приставлены две Сестры. Они должны были познакомиться с вами поближе, выяснить, каковы ваши намерения, и... как это говорится у варваров... подыграть вам. Но не настолько, чтобы вы заметили какую-то игру. — Протуберанец Четырнадцатый угрюмо усмехнулся. — Капелька Сорок Пятая, — продолжил он немного погодя, — ходила по магазинам с варваршей Венабили и ничего подозрительного не заметила. Естественно, она нам все докладывала. Тебя, варвар Селдон, Капелька Сорок Третья водила по нашим микрофермам. Вероятно, ее желание отправиться туда наедине с тобой вызвало у тебя подозрение. И действительно, подобный поступок противоречит нашим обычаям. Однако ты решил, что то, что непозволительно Братьям, вполне нормально для варвара, и успокоил себя мыслью о том, что и она приняла такое же решение. Она исполнила твое желание, хотя это стоило ей большого труда и могло серьезно нарушить ее душевное равновесие. Потом ты попросил у нее Книгу. Если бы она отдала ее тебе без колебаний, ты бы заподозрил неладное, поэтому она пошла на великий подвиг и поставила тебе условие. Ее самопожертвование не будет забыто. Я так понимаю, варвар, что Книга до сих пор у тебя. Наверняка она и сейчас у тебя с собой. Могу я получить ее?

Селдон хранил гордое молчание.

Морщинистая рука Протуберанца Четырнадцатого повисла в воздухе.

— Это было бы гораздо лучше, чем если бы пришлось отнимать ее у тебя силой.

Что было делать? Селдон вытащил Книгу и отдал ее Протуберанцу Четырнадцатому. Тот быстро пролистал несколько страниц, видимо, для того, чтобы убедиться, что Книга в целости и сохранности.

Тихо вздохнув, Протуберанец Четырнадцатый сообщил:

— Придется ее уничтожить. Грустно!.. Ну так вот... Раз уж ты заполучил Книгу, мы вовсе не удивились, когда ты отправился в Святилище. За тобой всю дорогу следили, но ты об этом не догадывался. Ты твердо убежден, что ни один Брат или Сестра не могут признать в тебе варвара с первого взгляда. Однако это так. Шапочку от лысины умеет отличать каждый, и шапочек этих в Микогене всего-то десятков семь, и носят их в основном варвары, прибывшие в Микоген по официальным делам. Проживают они в особом районе и никуда оттуда не отлучаются. Поэтому тебя не только видели, но и все время понимали, кто ты такой.

Пожилой Брат, что познакомился с тобой, многое рассказал тебе о библиотеке и Святилище, но не забыл упомянуть, что варварам входить туда запрещено. Это был акт доброй воли — нам не хотелось устраивать для тебя ловушку. Молния Второй тоже предупредил тебя об этом, и довольно-таки настойчиво. И тем не менее ты не отказался от своей затеи.

Продавцы магазина, в котором были приобретены две сумочки, сразу же сообщили нам об этом, и стало ясно, что ты задумал. Библиотеку специально освободили от посетителей, а библиотекарю было велено заниматься своими делами. В Святилище намеренно запустили меньше половины обычного числа Братьев. Единственный Брат, который заговорил с вами от себя, безо всякого умысла, чуть было не упустил вас, но, как только понял, с кем разговаривает, поспешил отойти в сторону. А потом вы попали сюда.

Теперь тебе должно быть ясно, что ты сам хотел попасть сюда. Мы тебя сюда не заманивали. Ты хотел попасть сюда и попал, и поэтому я снова задаю тебе вопрос: зачем?

На этот раз ответила Дорс. Голос ее был тверд, взгляд — исполнен упрямства.

— Мы повторяем еще раз, микогенец. Мы ученые, знания для нас — превыше всего, только их мы и искали. Да, вы нас сюда не заманивали, но и не отпугнули. Это вы могли легко сделать до того, как мы приблизились к этому зданию. Вы, можно сказать, вымостили для нас дорогу сюда — разве это нельзя посчитать приманкой? Ну а какой вред мы принесли, что дурного сделали? В здании мы ни к чему пальцем не прикоснулись. Ни вас, ни вот этого не тронули... — И она показала на робота. — Вы храните здесь эту груду бесполезного, мертвого металла, и теперь мы знаем, что ваш робот мертв. Вот и все, что нам нужно. Мы думали, что все гораздо интереснее, и разочаровались, но теперь, когда узнали то, что хотели узнать, мы уйдем. Уйдем отсюда и, если вам так хочется, из Микогена вообще.

Протуберанец Четырнадцатый слушал то, что говорила Дорс, холодно и бесстрастно и, когда она умолкла, обратился не к ней, а к Селдону:

— Этот робот, которого вы видите, — символ. Символ всего, что мы утратили, всего, чего у нас больше нет. Всего, о чем мы не забыли на протяжении многих тысячелетий. Всего, к чему мы надеемся вернуться в один прекрасный день. Он — это все, что у нас осталось от Утраченного Мира, материального и духовного, и он дорог нам, а для твоей женщины он — всего лишь «груда бесполезного металла». Ты тоже такого мнения, варвар Селдон?

Селдон сказал:

— Видите ли, мы — члены сообщества, которое не так сильно привязано к далекому прошлому. Мы живем в настоящем, которое считаем продуктом *всего* нашего прошлого, а не какого-то промежутка времени. Умом мы понимаем, что для вас может означать этот робот, и не имеем ничего против этого. Но мы способны смотреть на него лишь так, как умеем, — своими глазами, а вы — только своими. Для нас он действительно — груда бесполезного железа.

— А теперь, — объявила Дорс, — мы пойдем.

— Нет, не пойдете, — покачал головой Протуберанец Четырнадцатый. — Явившись сюда, вы совершили преступление. «Это — преступление только в ваших глазах» — вы, конечно, скажете так. — Губы его скривились в холодной усмешке. — Однако это наша территория, и здесь нам решать, преступление это или нет. И это преступление по нашим законам наказуется смертной казнью.

— И вы собираетесь пристрелить нас? — насмешливо спросила Дорс.

Протуберанец Четырнадцатый вздохнул и опять ответил не ей, а Селдону:

— Кем ты нас считаешь, варвар Селдон? Наша культура такая же древняя, как ваша. Она такая же сложная, такая же цивилизованная, такая же гуманная. Я не вооружен. Вас будут судить и, когда приговорят, казнят по закону — быстро и безболезненно.

Если вы решите бежать сейчас, я не стану вас задерживать, но внизу много Братьев, гораздо больше, чем было тогда, когда вы только вошли в Святилище, и они так разъярены и возмущены вашим деянием, что могут вас разорвать в клочья. В нашей истории бывали случаи, когда варвары умирали ужасной смертью, совсем не безболезненной.

— Нас уже предупредили, — усмехнулась Дорс. — Молния Второй. Такая, значит, у вас сложная, цивилизованная, гуманная культура.

— Люди могут ожесточиться в минуту эмоционального напряжения, варвар Селдон, — упрямо обращаясь к Селдону, заявил Протуберанец Четырнадцатый. — Любые люди, как бы ни были они спокойны и выдержанны от природы. Такое возможно для представителей любой культуры, и это должно быть известно твоей женщине, которая утверждает, что она историк.

— Давайте будем благоразумны, Протуберанец Четырнадцатый, — предложил Селдон. — В Микогене свои законы — это мы понимаем. Но мы — не граждане Микогена, мы подданные Империи, и если уж кто может нас судить, так это представители закона Империи.

— Может быть, оно так и есть теоретически, — покачал головой Протуберанец Четырнадцатый, — на бумаге, на экранах головизоров, но мы сейчас не о теории говорим. Верховный Старейшина наказывал и наказывает святотатственные преступления, не спрашивая на то разрешения у Императора.

— Это если преступники — граждане Микогена, — не соглашался Селдон. — С иноземцами все должно обстоять иначе.

— Сомневаюсь. Варвар Челвик представил мне вас как бе-

женцев, людей, спасающихся от имперских властей. Не думайте, мы не так глупы, чтобы не понять, от кого вы спасаетесь. Так, может, Император нам еще и спасибо скажет за то, что мы сделали за него его работу?

— Не скажет, — покачал головой Селдон. — Поймите, если бы мы были людьми, спрятавшимися здесь от имперских властей, которым мы нужны только для того, чтобы наказать нас, они бы до сих пор за нами гонялись. Мы бы им до сих пор были нужны. Отдать нас вам на растерзание — нас, немикогенцев, без имперского суда и следствия — это сильно пошатнуло бы авторитет Императора, и он не позволил бы такому прецеденту случиться. Как бы сильно он ни был заинтересован в приобретении продукции ваших микроферм, он все равно поймет, что в таком случае он обязан держать марку Империи. Неужели вам до такой степени хочется нас убить, что вы даже не задумываетесь о том, что, если вы сделаете это, вашу границу тут же пересечет имперская армия и ваши фермы и жилища будут растоптаны, ваше Святилище будет стерто с лица земли, а Сестры опорочены солдафонами? Подумайте хорошенько.

Протуберанец Четырнадцатый улыбнулся, но не сдался.

— Конечно, я подумал об этом, и альтернатива есть. После того как будет оглашено обвинение, мы сможем отложить вашу казнь и дать вам время апеллировать к Императору, дабы он отдал распоряжение пересмотреть ваше дело. Император наверняка будет благосклонен к нам — тут уж все будет законно. Мы выразим подобающую субординацию, а он получит вас в свои руки. Микоген только выиграет. Ну, хотите вы этого? Хотите апеллировать к Императору, как положено, хотите, чтобы мы передали вас ему?

Селдон и Дорс быстро переглянулись и промолчали.

Протуберанец Четырнадцатый сказал:

— Я понял, что вы больше хотите попасть в руки к Императору, чем умереть, но у меня странное впечатление: вы хотите этого лишь ненамного сильнее.

— Конечно, — произнес чей-то голос. — Я полагаю, ни тот ни другой вариант никуда не годится, и нам следует подумать о третьем.

58

Первой обладателя голоса узнала Дорс. Может быть, потому, что именно она ждала его.

— Челвик, — проговорила она с облегчением. — Хвала провидению, ты разыскал нас. Я связалась с тобой, когда поняла, что не могу позволить, чтобы Гэри пострадал от, — она яростно раскинула руки, — всего этого!

Челвик едва заметно усмехнулся, однако лицо его тут же приняло обычное угрюмо-печальное выражение. Похоже, он здорово устал.

— Милочка, — сказал он, — я был занят совсем другими делами. Меня не так-то легко выдернуть по первому зову. И потом, когда я добрался сюда, мне пришлось, как и вам обоим, облачиться в кертл, приобрести сумочку, не говоря уже о шапочке и о том, чтобы добраться до Святилища. Успей я сюда чуть-чуть пораньше, я бы не дал этому случиться, но у меня такое впечатление, что я не опоздал.

Тут Протуберанец Четырнадцатый наконец, похоже, оправился от шока.

— Как ты попал сюда, варвар Челвик? — прохрипел он.

— Это было непросто, Верховный Старейшина, но, как любит говорить *варварша* Венабили, я человек упрямый. Очень упрямый. Некоторые здесь еще помнят, кто я такой и что сделал для Микогена. Помнят и то, что я — почетный Брат. Разве вы об этом забыли, Протуберанец Четырнадцатый?

— Не забыл, — ответил Старейшина, — но даже самые лучшие воспоминания не могут оправдать определенных действий. Варвар здесь! Варвар! И варварша! Худшего преступления просто не может быть. Если положить на одну чашу весов все, что ты сделал для нас, а на другую — это чудовищное деяние, оно перевесит. Мой народ не забывает добра. С тобой мы рассчитаемся как-нибудь иначе. Но эти двое должны либо умереть, либо быть переданы Императору.

— Но и я тоже здесь, — спокойно возразил Челвик. — Это разве не преступление?

— Ради тебя, — ответил Протуберанец Четырнадцатый, — ради тебя лично, поскольку ты — почетный Брат, я мог бы сделать исключение. Единственное исключение. Но не ради этих двоих.

— Ты ждешь награды от Императора? Какой-то выгоды? Концессии? Может быть, ты уже связался с ним по этому поводу? Или не с ним, а что гораздо более вероятно, с его государственным секретарем Демерзелем?

— Это не предмет для обсуждения.

— Звучит как признание. Послушай, я не спрашиваю, что тебе обещал Император, но многого он тебе обещать не мог. У него мало что осталось — времена нынче не те. Позволь-ка я сделаю тебе предложение. Эти двое сказали, что они ученые?

— Сказали.

— Так оно и есть. Они не лгут. Она — историк, он — математик. Они пытаются соединить свои знания ради того, чтобы создать новую науку, математизированную историю, которую называют «психоисторией».

— Я ничего не знаю ни про какую психоисторию, — пробурчал Протуберанец Четырнадцатый. — Не знаю и знать не хочу. Ни она, ни какие-то другие ваши варварские науки меня совершенно не интересуют.

— И все-таки, — упорствовал Челвик, — я советую тебе выслушать меня.

Примерно пятнадцать минут у Челвика ушло на краткое изложение принципиальной возможности выведения естественных законов жизни общества; он не забыл указать, что в результате появится возможность предсказывать будущее со значительной степенью вероятности.

Когда он закончил объяснение, Протуберанец Четырнадцатый, слушавший его с каменной физиономией, заявил:

— Удивительно беспочвенные рассуждения, на мой взгляд.

Селдон, все это время хранивший скорбное молчание, хотел было что-то сказать — видимо, выразить полное согласие с мнением Протуберанца Четырнадцатого, но пальцы Челвика крепко и недвусмысленно сжали его колено.

— Может быть, это так и есть, Верховный Старейшина, — сказал Челвик, — да вот беда — Император так не думает. Но когда я говорю «Император», я подразумеваю «Демерзель». Император и сам-то не подарок, а про Демерзеля тебе рассказывать не надо. Оба они мечтают заполучить в свои руки этих двоих ученых, вот поэтому-то я попросил тебя укрыть их здесь. Я никак не ожидал, что ты заменишь Демерзеля и отдашь ему этих ученых.

— Они совершили преступление, которое...

— Да, конечно, все так, Верховный Старейшина, но то, что они сделали, является преступлением только до тех пор, пока вы считаете его таковым. Они на самом деле ничего дурного не сделали.

— Ничего дурного? А боль, причиненная нашим душам, обида, нанесенная нашим глубочайшим верованиям, нашим лучшим чувст...

— А теперь представьте себе, что было бы, если бы психоистория попала в руки Демерзелю. Нет, может быть, ничего и не случилось бы. А вдруг? Вдруг имперскому правительству взбредет в голову воспользоваться ею? Оно обретет возможность заглядывать в будущее. И заглядывать туда сможет только оно, и больше никто. А стало быть, оно обретет возможность принимать кое-какие меры — такие меры, которые помогут состряпать будущее по образу и подобию Империи.

— Ну?

— А разве у тебя, Верховный Старейшина, есть какие-то сомнения, что может представлять собой будущее по образу и подобию Империи? Безусловно, одно-единственное: уплотнение, централизацию. Ведь уже много веков, как тебе известно, в Империи идет обратный процесс. Многие миры теперь лишь формально сохраняют подданство Империи, а на самом деле все делают по-своему. Децентрализация проявляется даже здесь, на Тренторе. Микоген — прекрасный пример государства в государстве. Ты правишь Микогеном в должности Верховного Старейшины, и у тебя за плечом не стоит имперский чиновник, приглядывающий, хорошо ли ты правишь, все ли делаешь, как надо. И как тебе кажется, долго ли такое продлится, если такие люди, как Демерзель, примутся кроить будущее по своему усмотрению?

— Повторяю, рассуждения беспочвенные, — пробурчал Протуберанец Четырнадцатый, — но тревожные, не могу не признать.

— Но, с другой стороны, если эти ученые смогут закончить свою работу... Ты скажешь, что это маловероятно, но все-таки — если сумеют, то будь уверен, они не забудут, что ты пощадил их тогда, когда мог осудить на смерть. И тогда, поверь, они сумеют предсказать такое будущее, где Микогену достанется

свой собственный мир, целый мир, который можно будет обустроить так, что он станет почти точной копией вашего Утраченного Мира. И даже если они посмеют забыть об этом, я буду рядом и напомню.

— Ну... — неуверенно проговорил Протуберанец Четырнадцатый.

— Послушай, — продолжал Челвик, — я отлично догадываюсь, о чем ты думаешь. Поверь, из всех варваров меньше всего тебе следует доверять Демерзелю. И хотя шансов на то, что психоистория будет создана и заработает, очень мало (если бы я обманывал тебя, я бы так не сказал, правда?), но они не равны нулю. И если она все-таки заработает, неужели вам нужно что-то большее, чем реставрация вашего Утраченного Мира? Неужели вам не захочется хотя бы капельку рискнуть? Послушай, я обещаю тебе, а ты знаешь, я скуп на обещания. Освободи этих двоих и рискни. Поставь на карту свое самое заветное желание, ведь больше тебе ставить нечего.

Долго-долго было тихо; наконец Протуберанец Четырнадцатый кивнул.

— Просто не знаю, как это получается, варвар Челвик, но всякий раз, когда мы с тобой встречаемся, ты меня убеждаешь сделать что-то такое, чего я вовсе не намеревался делать.

— Ну и подвел я вас хотя бы раз, Верховный Старейшина?

— Таких мизерных шансов ты мне никогда не обещал.

— И такой высокой награды тоже. Так что мы квиты.

Протуберанец Четырнадцатый склонил голову:

— Ты прав. Забирай этих двоих и увози их из Микогена куда хочешь. Я не желаю их больше видеть, пока не придет час... но это, конечно же, случится тогда, когда меня уже не будет в живых.

— Может быть, и не случится, Верховный Старейшина. Но твой народ терпеливо ждал почти двадцать тысячелетий, так разве трудно подождать еще двести лет?

— Что касается меня, то я бы не ждал ни одной минуты, но мой народ будет ждать столько, сколько нужно.

Встав, он сказал:

— Я пойду первым. А ты забирай их и уходи!

59

Скоро они уже неслись вдоль по туннелю, похожему на тот, что одолели когда-то Селдон и Челвик по пути из Имперского сектора в Стрилингский Университет. А этот туннель вел из Микогена. Селдон не решался спросить куда. Лицо Челвика словно окаменело, и к разговору он явно не был расположен.

Челвик занял переднее место в четырехместной машине, Дорс и Селдон разместились на задних сиденьях.

У Дорс вид тоже был невеселый, но Селдон все-таки решился заговорить с ней:

— Правда, как здорово снова очутиться в нормальной одежде?

— Никогда в жизни, — ответила Дорс с неожиданным подъемом, — я не надену и даже не посмотрю на что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее кертл. Никогда в жизни не напялю эту проклятую шапочку. Честно говоря, мне почему-то даже кажется, что я теперь буду шарахаться от лысых — обыкновенных лысых.

Она немного помолчала и вдруг задала Челвику тот вопрос, что вертелся у Селдона на языке.

— Четтер, — спросила она как можно более небрежно, — почему бы тебе не сообщить нам, куда мы, собственно, направляемся?

Челвик развернулся вполоборота и печально поглядел на Селдона и Дорс.

— Кое-куда, — ответил он, — где вам труднее будет угодить в беду, хотя я сильно сомневаюсь, что такое место вообще существует.

Дорс смутилась и пустилась в оправдания:

— Четтер, я одна во всем виновата. В Стрилинге я отпустила Гэри одного наверх. В Микогене я, правда, пошла вместе с ним, но, видимо, не должна была позволить ему войти в Святилище.

— Я так решил, — вставил Селдон. — И Дорс тут, безусловно, ни при чем.

Челвик и не подумал ругаться.

— Я так понял, что ты хотел увидеть робота. Что за причина? Можешь сказать?

Селдон почувствовал, что заливается краской.

— Я ошибся, Челвик. Я увидел совсем не то, что ожидал, надеялся увидеть. Если бы я знал, что находится в алтаре, я бы и не подумал соваться туда. Можешь назвать случившееся полным фиаско.

— Ну хорошо, Селдон, но скажи, пожалуйста, что ты надеялся там увидеть? Не торопись. Расскажи все по порядку. Путь у нас неблизкий, так что давай, выкладывай.

— Дело в том, Челвик, что мне показалось, будто существуют или существовали гуманоидные роботы. Я решил, что они — долгожители, что хотя бы один из них мог уцелеть до сих пор и что именно он может находиться в алтаре. Робот там действительно оказался, но он металлический, мертвый, он просто символ и ничего больше. Если бы я только знал...

— Да. Если бы все только знали, тогда не было бы нужды задавать вопросы и искать на них ответы. Но откуда тебе стало известно, что когда-то существовали гуманоидные роботы? Уверен, никто из микогенцев не стал бы с тобой об этом говорить. Следовательно, узнать об этом ты мог только из микогенской Книги. Из книжки с батарейкой, напечатанной на древнеаврорском языке и современном галактическом. Так?

— Так.

— И где же ты раздобыл Книгу?

Селдон помолчал и пробормотал:

— При довольно-таки запутанных обстоятельствах.

— Меня запутать не так-то просто, Селдон.

Селдон все рассказал, и Челвик едва заметно улыбнулся.

— Неужели ты не заподозрил подвоха? — удивился Челвик. — Ни одна Сестра ни за что на свете не сделала бы такого, если бы только ее загодя как следует не проинструктировали и не убедили.

Селдон нахмурился и затряс головой.

— Не так легко было догадаться. Люди меняются. А тебе, конечно, легко смеяться. Я же не знал того, что знаешь ты, и Дорс не знала. Если ты не хотел, чтобы я попадался тут в ловушки, почему ты не предупредил меня о том, что они существуют?

— Согласен. Беру свои слова обратно. Как бы то ни было, я так понимаю, что Книги у тебя больше нет.

— Нет. Протуберанец Четырнадцатый забрал ее у меня.

— И много ты успел прочитать?

— Нет, не так много. Не успел. Длинная книга, и должен тебе признаться, жутко нудная.

— Да, знаю. Я, пожалуй, в свое время прочитал из нее побольше, чем ты. Она не только нудная, но и совершенно ненадежная. Она представляет собой односторонний, официальный микогенский взгляд на историю, причем задача Книги состоит гораздо больше в том, чтобы изложить этот взгляд, чем объективно рассказать о том, что было на самом деле. Местами так много тумана напущено, что постороннему — даже если ему попадется в руки Книга — ни за что на свете не сообразить, о чем идет речь. Ну вот ты, к примеру, вычитал там про роботов. Что там было об этом написано?

— Я тебе уже сказал. Написано про гуманоидных роботов, про роботов, которых внешне нельзя было отличить от людей.

— И много их было? — спросил Челвик.

— Не говорится... По крайней мере, мне упоминание об их численности не встретилось. Может быть, их было совсем немного, но один из них в Книге упоминается как «Ренегат». Похоже, сказано это в отрицательном смысле, осуждающем, но почему — я не понял.

— А мне ты ничего такого не рассказывал, — упрекнула Селдона Дорс. — Если бы рассказал, я бы тебе объяснила, что это ни в коем случае не имя собственное. Это устаревшее слово и означает приблизительно то же самое, что на современном галактическом значит слово «предатель». Причем древнее слово более выразительно. Предатель совершает измену трусливо, а ренегат бравирует ею.

— Семантика древнего языка — это по твоей части, Дорс, — сказал Челвик, — но, во всяком случае, если этот Ренегат действительно существовал и если он был гуманоидным роботом, значит, он точно был предателем и врагом, и уж никак не его должны были хранить в алтаре Старейшин.

— Я не знал, — сказал Селдон, — что значит это слово, но, как я уже сказал, я уловил, что этот Ренегат был врагом. И я подумал, что, может быть, его в конце концов победили и он хранится там как трофей, как свидетельство победы микогенцев.

— А что, в Книге говорится о том, что Ренегата победили?

— Нет, ничего такого я не прочитал, но подумал, что, может быть, что-то пропустил, не успел прочесть...

— Вряд ли. Любая микогенская победа воспевалась бы в Книге на все лады.

— Там еще кое-что было сказано про Ренегата, но, — Селдон здорово растерялся, — я не уверен, что понял правильно.

— Ну я же сказал тебе, — усмехнулся Челвик, — что временами там все так закручено...

— И все-таки там говорилось, что Ренегат умел как-то влиять на людские эмоции... как-то управлять ими...

— Это любой политик умеет, — пожав плечами, хмыкнул Челвик. — Когда это у кого-нибудь получается, говорят, что у него дар божий.

Селдон вздохнул.

— Ну, в общем, мне жутко хотелось поверить, что это он. Я готов был многое отдать ради того, чтобы увидеть древнего гуманоидного робота, который до сих пор жив и которому я мог бы задать кое-какие вопросы.

— Зачем? — спросил Челвик.

— Чтобы вызнать кое-какие подробности о доисторическом обществе, когда в Галактике населенными были всего-навсего несколько миров. Построить исходные посылки психоистории на таком материале было бы гораздо легче.

— И ты уверен, что тому, что ты мог бы услышать в ответ, можно было бы доверять? Столько тысячелетий прошло, и ты мог бы поверить воспоминаниям дряхлого робота? Да ты хоть представляешь себе, насколько эти воспоминания могли бы быть извращены?

— Верно, — неожиданно вставила Дорс. — Гэри, тут дело могло бы обстоять точно так же, как с компьютеризированными хрониками, я же тебе говорила, помнишь? С течением времени память этого робота могла быть утрачена, стерта, извращена. И чем глубже бы ты забирался, тем менее надежны были бы его воспоминания.

Челвик кивнул:

— Я слыхал, что в информатике такое явление называется принципом неуверенности.

— Но разве не может быть так, — задумчиво проговорил Селдон, — что *какие-то* сведения по определенной причине

могли сохраниться? Фрагменты микогенской Книги относятся к событиям двадцатитысячелетней давности и при этом могут описывать реальные события. Чем ценнее сведения, тем тщательнее они сохраняются, тем более они долговечны и точны.

— Все дело в том, что имеешь в виду под «какими-то» сведениями. То, что стремится сохранить Книга, может оказаться вовсе не тем, что ты в ней ищешь. То, что может лучше всего помнить робот, может оказаться тем, что тебе вовсе не нужно.

Селдон в отчаянии всплеснул руками:

— Ну что же это такое получается? Куда бы я ни повернул в поисках разработки психоистории, все выходит так, что я захожу в тупик. К чему же тогда все старания?

— Это тебе сейчас так кажется, — холодно отозвался Челвик, — но все может обернуться таким образом, что мелькнет искра и озарит такую дорогу к психоистории, о которой мы теперь даже не догадываемся. Не надо отчаиваться... Так... Похоже, мы приближаемся к стоянке. Давайте-ка выйдем, разомнемся, перекусим.

Пережевывая кусочки баранины и почти безвкусного хлеба — не то что в Микогене, — Селдон сказал:

— Я так понял, Челвик, что тем огнивом, от которого возгорится искра, ты считаешь меня. А я в этом совершенно не уверен.

— Понятное дело, — кивнул Челвик. — Но пока у меня нет подходящего кандидата на должность этого самого огнива и — делать нечего — придется остановиться на тебе.

Селдон горько вздохнул и сказал:

— Ладно, попытаюсь, но пока — ни малейшего проблеска надежды. «Вероятно, но неосуществимо» — как я говорил в самом начале, и сейчас я в этом убежден сильнее, чем когда бы то ни было.

Глава 13

ТЕРМАРИИ

АМАРИЛЬ, ЮГО — *математик, делящий с Гэри Селдоном славу разработки фрагментов психоистории. Именно он... Однако обстоятельства, в которых прошло его раннее детство, едва ли менее драматичны, чем его вклад в математику. Родившись в*

страшной бедности в секторе Даль древнего Трентора, он мог бы прожить жизнь в нищете и безвестности, если бы Селдон совершенно случайно не познакомился с ним во время...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

60

Властелин Галактики устал — устал физически. Губы у него болели от того, что ему нужно было непрерывно растягивать их в милостивой улыбке. Шея онемела от того, что ему нужно было все время вертеть головой туда-сюда, изображая неподдельный интерес. Даже уши болели — устали слушать. Все тело ныло от непрерывного вставания, поворотов, рукопожатий и поклонов.

А ведь был всего-навсего самый обычный прием, на котором, по обыкновению, присутствовали мэры, вице-короли и министры с супругами как с Трентора, так и кое-откуда из Галактики. Притащилось их не меньше тысячи, толпа вышла на редкость разномастная, все болтали на разных наречиях, и, что хуже всего, с Императором все старались говорить на имперском галактическом, и выходило еще хуже. Но что самое ужасное, Император не должен был забывать о том, что ему нельзя делать никаких замечаний по содержанию сказанного и отвечать можно только бессодержательно.

Весь прием — и визуально, и вербально — записывался, и по его прошествии Эдо Демерзель посмотрит, хорошо ли, верно ли вел себя Клеон Первый. То есть это Император так думал. Демерзель-то, конечно, скажет, что он попросту собирал информацию или решил проследить за поведением какой-то группы гостей. Может, и так.

Счастливчик Демерзель!

Император не мог покинуть границ Дворца и его окрестностей. А Демерзель, будь на то его воля, мог бы прочесать всю Галактику. Император всегда был на виду, всегда в пределах досягаемости, всегда вынужден принимать надоедливых посетителей — от очень важных до абсолютно никчемных. Демерзель хранил инкогнито и никогда не показывался никому на глаза на дворцовой территории. Он оставался всего-навсего

именем, внушавшим всеобщий страх, этаким невидимкой, одно упоминание о котором приводило в трепет.

Император был Человеком-живущим-внутри, и к его услугам были все прелести и западни власти. А Демерзель был Человеком-живущим-снаружи, и у него ничегошеньки не было, даже формального титула, но его руки, его разум могли дотянуться куда угодно, и он не просил никаких наград за свои неустанные труды, кроме единственной — настоящей власти.

Это забавляло Императора. Он любил иной раз поиграть сам с собой в такую игру: представить, что на самом деле в любое мгновение может без предупреждения, по сфабрикованному обвинению арестовать Демерзеля, отправить за решетку, в ссылку, пытать, казнить. Можно было бы даже не придумывать никакого обвинения вообще. В конце концов, времена стояли неспокойные, и Императору трудно было осуществлять свою волю в Галактике. Даже Трентором было править нелегко — все время приходилось делать скидку на какие-то договоры, протоколы, суверенитеты и коммюнике, пункты межзвездного права... Но во Дворце власть Императора была и оставалась абсолютной.

Однако Клеон прекрасно понимал, что все его мечты о власти — не более чем приятная иллюзия, Демерзель служил его отцу, и он не мог припомнить случая, чтобы он сам и его отец, прежде чем принять хоть какое-то решение, не обратились бы для начала за советом к Демерзелю. Демерзель все знал, все придумывал и все делал. Более того, если что-нибудь не получалось, на Демерзеля можно было свалить всю вину. Император же всегда оставался вне всякой критики, и опасаться ему было нечего — ну, конечно, кроме дворцовых заговоров и покушений на свою жизнь со стороны ближайшего окружения. Чтобы такого не случилось, и приходилось прежде всего полагаться на Демерзеля.

При одной только мысли о том, чтобы остаться без Демерзеля, Клеон поежился. Да, бывали Императоры, которые ухитрялись править самолично, и их государственные секретари талантами не блистали, и все-таки владыки держали при себе этих бездарей и как-то, худо-бедно, правили, и ничего.

А Клеон так не мог. Ему был нужен Демерзель. Стоило только подумать о возможности покушения — а вся история Империи говорила о том, что ему этого не избежать, — как он

понимал, что без Демерзеля ему никак не обойтись. Ни за что не обойтись. Как бы хитро ни защищался сам Клеон, Демерзель наверняка заметил бы раньше любой ход, кто бы его ни предпринял, и сам бы стал во главе дворцового переворота. И тогда... тогда Клеон не успел бы глазом моргнуть, как отправился бы на тот свет. Его сменил бы новый Император, и Демерзель стал бы служить ему. Служить и управлять им.

А может быть, Демерзелю прискучит притворяться и он сам станет Императором?

Нет, ни за что! Он слишком сильно привык к анонимности. Нет-нет, если Демерзель начнет играть в открытую, все его могущество, вся мудрость и удачливость отвернутся от него. В этом Клеон был просто убежден.

Словом, покуда Клеон вел себя подобающим образом, Демерзель не мог его покинуть.

Но вот и он сам, одетый так сдержанно и просто, что Клеон сразу почувствовал себя жутко неловко в своем разукрашенном парадном облачении. К счастью, тут же явились слуги и унесли мундир.

— Демерзель, — сказал Император, — как я устал!

— Государственные дела утомляют, сир, — пробормотал Демерзель.

— Но должен ли я тогда уделять им каждый вечер?

— Не *каждый*, но они важны. Людям важно лицезреть вас, чувствовать ваше внимание к себе. Это помогает править Империей без забот.

— Раньше Империей можно было править без забот с помощью одной только власти, — с печальным вздохом проговорил Император. — А теперь ею нужно править с помощью улыбочек, милостивых жестов, ласковых словечек, медалей и орденов.

— Если все это способствует миру и спокойствию, сир, то о чем говорить? А ваше правление протекает спокойно.

— Ты знаешь, почему это так. Потому, что ты со мной. Единственный мой талант — это то, что я осознаю твою важность. — Немного помолчав, он, прищурившись, посмотрел на Демерзеля. — Мой сын не годится в наследники. Он не слишком способный мальчик. Что, если я назначу своим преемником тебя?

— Сир, — холодно проговорил Демерзель, — это необдуманное предложение. Я не имею желания узурпировать престол. Я не собираюсь отнимать его у вашего законного наследника. И потом, если я совершил что-либо неугодное, не наказывайте меня столь сурово. Что бы я ни совершил, что бы я ни замыслил, я не заслуживаю такого наказания.

Клеон рассмеялся.

— Браво, Демерзель. За то, что ты так верно оценил стоимость пребывания на имперском троне, я отказываюсь от всякой мысли о наказании. Беру свои слова обратно. Ладно, давай поболтаем о чем-нибудь другом. Надо бы лечь спать, но я еще морально не готов к той церемонии, которой меня перед этим подвергают. Давай поболтаем.

— О чем, сир?

— О чем угодно... Хотя бы об этом математике и о его психоистории. Время от времени я вспоминаю о нем, знаешь ли. Вот и сегодня за обедом я о нем думал. Знаешь, почему? Я подумал: что, если бы этот математик спрогнозировал такое будущее, где бы Императору можно было обойтись без этих бесконечных церемоний?

— Почему-то мне кажется, сир, что такое не под силу даже самому гениальному психоисторику.

— Ладно, расскажи мне последние новости. Он что, все еще прячется у этих лысых балбесов в Микогене? Ты обещал, что вытащишь его оттуда.

— Да, сир, обещал и пытался, но должен признаться, что мне это не удалось.

— Не удалось? — Император слегка нахмурился. — Не нравится мне это.

— Мне тоже, сир. Я планировал спровоцировать математика на какое-либо святотатственное деяние — подобное деяние очень легко совершить в Микогене, особенно иноземцу, непосвященному. За такое деяние его могли бы подвергнуть весьма суровому наказанию. Тогда математик был бы вынужден апеллировать к Императору, и в результате мы заполучили бы его. Я собирался осуществить это дело за счет крошечных концессий с нашей стороны — для нас пара пустяков, а для Микогена — очень важных. Лично я в этом участвовать не собирался. Все должно было быть совершено мягко, ненавязчиво.

— Понятно, — кивнул Клеон. — Но ничего не вышло. И что, мэр Микогена...

— Он называется Верховным Старейшиной, сир.

— Мне все равно, какой у него титул, не придирайся. Что, этот Верховный Старейшина отказался?

— Напротив, сир, согласился, и математик удивительно легко угодил в ловушку.

— И что же?

— Ему позволили уйти, сир. Отпустили и ничего не сделали.

— Почему? — нетерпеливо спросил Клеон.

— Точно не знаю, сир, но, по-моему, нас кто-то опередил.

— Кто? Мэр Сэтчема?

— Может быть, сир, но в этом я сомневаюсь. За Сэтчемом я постоянно наблюдаю. Если бы они сцапали нашего математика, я бы уже об этом знал.

Теперь Император не просто нахмурился. Он явно был разъярен.

— Это плохо, Демерзель. Я очень недоволен. Такая неудача заставляет меня усомниться в твоих способностях. И какие же меры мы примем к Микогену за столь явное пренебрежение к желанию Императора?

Демерзель низко склонил голову, пережидая бурю негодования монарха, но ответил холодно и спокойно:

— Предпринимать какие-либо санкции против Микогена сейчас, сир, было бы ошибкой. Такой конфликт сыграл бы на руку Сэтчему.

— Но должны же мы *что-то* предпринять!

— Может быть, и не должны, сир. Все не так плохо, как кажется.

— Как это так? Куда уж хуже?

— Вы помните, сир, что этот математик был убежден в том, что его психоистория не может быть внедрена в практику?

— Конечно, помню, но это же ничего не значит? Для наших целей, имею в виду.

— Может быть, и не значит. Но если бы ее можно было внедрить в практику, сир, она бы послужила нашим целям, и еще как бы послужила. А из того, что мне стало известно на сегодняшний день, я сделал вывод, что этот математик как раз сейчас предпринимает попытки практического применения психоистории. И его святотатственный поступок в Микогене как раз имеет непосредственное отношение к решению проблемы

психоистории. Раз так, сир, то имеет полный смысл предоставить его самому себе. Лучше будет схватить его тогда, когда он приблизится к своей цели или даже тогда, когда он до нее доберется.

— Ага. Если только мэр Сэтчема не схватит его раньше нас.

— Я прослежу за тем, чтобы этого не произошло.

— Точно так же, как ты позволил математику ускользнуть из Микогена?

— На этот раз я не совершу ошибки, сир, — холодно отозвался Демерзель.

— Да уж, Демерзель, лучше не совершай. Второй ошибки я тебе не прощу. Да... — капризно закончил Император, — поспать мне сегодня не удастся.

61

Жирад Тисальвер из Даля был невысокого роста, на полголовы ниже Селдона. Но близко к сердцу он, похоже, этого не принимал. У него были правильные, приятные черты лица, обворожительная улыбка, пушистые, густые черные усы и черные волосы, лежавшие плотными завитками.

Жил он вместе с женой и маленькой дочкой в квартирке из нескольких комнатушек, где всегда царила почти больничная чистота, но обстановка была самая скромная.

— Я прошу прощения, господин Селдон и госпожа Венабили, — извинился Тисальвер, — за то, что не могу предоставить вам роскоши, к которой вы, вероятно, привыкли, но Даль — бедный сектор, да и я небогат, даже по нашим меркам.

— Тогда уж нам стоит извиниться, — сказал Селдон, — за то, что вам придется терпеть неудобства от нашего присутствия у вас.

— Никаких неудобств, господин Селдон. Господин Челвик нам щедро заплатил за ваше проживание в наших скромных апартаментах. Деньги нам никогда не помешали бы, а еще и ваше общество...

Селдону на память пришли прощальные слова Челвика.

— Селдон, — сказал он тогда, — это уже третье убежище. В первые два имперским властям попасть было исключительно трудно, и именно поэтому скрываться там было наиболее ло-

гично. Здесь все иначе. Это нищий, ничем не примечательный сектор, и, конечно, место не совсем безопасное. Прятаться здесь тебе вряд ли пришло бы в голову, поэтому мало вероятно, чтобы взоры Императора и его Государственного секретаря обратились в сторону Даля. Можешь ты пообещать мне держаться подальше от беды хотя бы здесь?

— Я постараюсь, Челвик, — сказал Селдон чуть обиженно. — Только не думай, пожалуйста, что я нарочно ищу неприятностей на свою голову. Я ищу знаний, которые помогли бы сэкономить те тридцать жизней, которые мне, видимо, придется потратить на создание психоистории.

— Ясное дело, — хмыкнул Челвик. — Погоня за знаниями погнала тебя на поверхность в Стрилинге, в микогенский алтарь. Остается только гадать, в какой пороховой погреб она тебя заведет в Дале. Что же касается вас, доктор Венабили, я понимаю, что вы и так старались заботиться о Селдоне, но придется заботиться еще лучше. Вбейте себе в голову, да покрепче, что он — самый важный человек на Тренторе и даже во всей Галактике и что его надо сберечь во что бы то ни стало.

— Постараюсь сделать все, что в моих силах, — сухо отозвалась Дорс.

— Что касается ваших квартирных хозяев, люди они не без странностей, но хорошие. Я с ними давно знаком, и очень не хотелось бы, чтобы из-за вас они попали в беду.

Но пока Тисальвер, похоже, только радовался квартирантам — неподдельно, искренне и как будто вовсе не потому, что получил неплохие деньги за их проживание.

Всю жизнь он прожил в Дале и страстно обожал рассказы о других местах. Жена его тоже слушала с удовольствием, то и дело улыбалась, кивала головой, а их дочурка, не вынимая изо рта обслюнявленного пальца, подглядывала в щелочку.

Как правило, все семейство собиралось вместе после обеда, и от Селдона и Дорс ждали очередного рассказа о далеких мирах. Еды всегда бывало вдоволь, но пища была простая, а временами и просто грубая. После изысканных микогенских блюд здешний рацион можно было смело назвать несъедобным. Да и питались тут весьма своеобразно. Стол представлял собой узкую длинную доску, прикрепленную к стене; все выстраивались возле нее и ели стоя.

Селдон путем мягких и ненавязчивых расспросов выяснил,

что такая манера потребления пищи никак не связана с бедностью, что так едят в Дале везде. «О да, конечно, — объяснила госпожа Тисальвер, — те, кто занимает важные государственные посты, порой вынуждены заводить какие-то предметы вроде сидячих полок, — видимо, она имела в виду стулья, — но представители среднего класса смотрят на подобные нововведения свысока, неодобрительно».

Но как бы сильно Тисальверы ни презирали то, что считали ненужной роскошью, слушали они про нее во все уши. Упоминание о матрасах на ножках вызывало у них восхищенные восклицания. Не меньший восторг производили рассказы о разных столах и шкафчиках, изысканной посуде и столовых приборах.

Выслушав рассказ об обычаях Микогена, Жирад Тисальвер любовно пригладил свою курчавую шевелюру, словно желая показать, что он скорее готов подвергнуться кастрации, чем депиляции. При всяком упоминании о дискриминации женщин госпожа Тисальвер вздрагивала, вскрикивала, приходила в ярость и никак не могла поверить, что Сестры покорно мирятся с таким положением дел.

Но больше всего они любили слушать рассказ Селдона о посещении Дворца Императора. Выяснилось это совершенно случайно, и, стоило Селдону обмолвиться о том, что он видел живого Императора и говорил с ним, Тисальверы просто окаменели от ужаса и восторга. Потом посыпались вопросы, и их было такое количество, что Селдон был просто не в состоянии ответить на все. Ведь он на самом деле ни Дворца, ни его окрестностей толком не видел.

Тисальверов столь скудные сведения явно не устроили, и время от времени они предпринимали очередные попытки выудить у Селдона хоть что-нибудь еще. Немного успокоившись по этому поводу, они никак не могли поверить, что Дорс ни разу даже близко не подходила к Императорскому Дворцу. А замечание Селдона о том, что Император вел себя и разговаривал совсем как обычный человек, вызвало у Тисальверов поистине бурю негодования.

Выдержав три таких вечера подряд, Селдон почувствовал страшную усталость. Поначалу такое времяпрепровождение показалось ему привлекательным — ничего не делать (по крайней мере, днем), а только просматривать кое-какие книги по

истории, рекомендованные Дорс. Тисальверы пошли на благородный шаг и днем выключали головизор. Это, правда, жутко огорчало девочку, которой приходилось бегать смотреть передачи к соседям.

— Ничего не выходит, — раздраженно признался Селдон, включив для прикрытия музыку погромче. — Я понимаю, ты обожаешь историю, но в ней такое количество подробностей. Целая гора... да нет, что там гора — целая галактика информации, в которой я, увы, не вижу никакой упорядоченности.

— А я бы сказала, — ответила Дорс, — что было время, когда люди не видели никакой упорядоченности в картине звездного неба, а потом разобрались в строении Галактики.

— Да, но на это ушли не недели, а жизнь многих поколений. Когда-то ведь и сама физика была не чем иным, как собранием разрозненных фактов и результатов наблюдений, и только потом были открыты законы природы, но и это отняло жизнь не одного поколения. А что скажешь о Тисальверах?

— А что о них сказать? По-моему, милые, приятные люди.

— Любопытные.

— Ну, конечно. А ты бы на их месте разве не был бы любопытен?

— Да, но только ли в любопытстве дело? Похоже, их просто-таки страшно заинтересовали подробности моей встречи с Императором.

— Да что тут такого особенного? — возмутилась Дорс. — Стань на их место и представь, как ты бы расспрашивал их о том же самом.

— Все равно я почему-то нервничаю.

— Нас привез сюда Челвик.

— Да, но он не святой. Он привез меня в Университет, а там меня вытянули на поверхность. Он сдал нас с рук на руки Протуберанцу Четырнадцатому, который самолично нас и сцапал. Тебе это прекрасно известно. Два прокола подряд. И потом, я устал от постоянных допросов.

— Давай поставим вопрос иначе, Гэри. Даль сам по себе тебя интересует?

— Конечно. Скажи, что тебе известно об этом секторе?

— Ничего. Он — всего-навсего один из восьмисот с лишним тренторианских секторов, а я на Тренторе — чуть дольше двух лет.

— Правильно. А на свете двадцать пять миллионов разных миров, а я занимаюсь этой проблемой чуть больше двух месяцев. Вот что я тебе скажу: я хочу вернуться на Геликон и заняться изучением математических принципов турбуленции, темой своей диссертации на соискание докторской степени, и клянусь, я никогда в жизни не вспомню и даже не подумаю, что турбуленция имеет хоть какое-то отношение к жизни человеческого общества.

Однако в этот же вечер он спросил у Тисальвера:

— Скажите, пожалуйста, господин Тисальвер, если не секрет, чем вы занимаетесь? Что у вас за работа?

— У меня? — удивленно переспросил Тисальвер, прижав руку к груди, прикрытой, надо сказать, исключительно тоненькой футболкой — так одевались все мужчины в Дале. — Да ничего такого особенного. Я работаю программистом на местной головизионной станции. Скучноватая работенка, но на жизнь хватает.

— Работа очень уважаемая, — вступилась госпожа Тисальвер. — По крайней мере, ему не приходится вкалывать на термарии.

— Как вы сказали? На термарии? — не скрывая изумления, переспросила Дорс.

— Ну, это наша главная достопримечательность, — улыбнулся Тисальвер. — Ничего особенного, конечно, но дело в том, что сорока миллиардам людей на Тренторе нужна энергия, и мы поставляем ее значительную часть. Не то чтобы мы задирали из-за этого нос, но хотел бы я посмотреть, как в богатых секторах обошлись бы без нашей помощи.

Селдон был обескуражен.

— Но разве Трентор не потребляет энергию с орбитальных станций, оборудованных солнечными батареями?

— Частично, — кивнул Тисальвер. — Частично — с атомных станций на островах, частично — от микрофузионных двигателей, частично с ветряных станций, установленных на поверхности, но половина энергии, — тут он многозначительно, гордо поднял указательный палец, — поступает из термариев. Подобные источники тепла существуют во многих местах, но только Даль так богат ими. Нет, вы действительно ничего не знаете про наши термарии? Вы так смотрите...

Дорс быстро нашлась:

— Мы же иноземцы, понимаете, — она чуть было не сказала «варвары», но вовремя опомнилась. — Особенно доктор Селдон. Он на Тренторе всего-то пару месяцев.

— Правда? — удивилась госпожа Тисальвер. Ростом она была еще ниже мужа, пухленькая, но не толстая. Темные волосы аккуратно собраны в пучок, карие глазки искрились весельем и любопытством. Как и мужу, ей было не больше тридцати.

После пребывания в Микогене Дорс никак не могла привыкнуть к тому, что женщина так свободно ведет себя в компании. «Как быстро все меняется — манеры, привычки», — подумала Дорс и решила, что непременно надо будет сказать об этом Селдону, как о еще одной проблеме, заслуживающей внимания психоистории.

— Правда, — кивнула она. — Доктор Селдон — с Геликона.

— А где же это такое находится? — вежливо поинтересовалась госпожа Тисальвер.

— Ну, это... — начала Дорс и обернулась за помощью к Селдону: — Где это, Гэри?

Селдон немного растерялся.

— Правду сказать, я даже на модели Галактики не сумел бы сразу найти свою планету, если бы не заглянул для начала в справочник. Все, что я могу сказать, так это то, что Геликон находится по другую сторону центральной черной дыры от Трентора, и попасть туда на гиперпространственном корабле довольно трудно.

— Сомневаюсь, — вздохнула госпожа Тисальвер, — что мы с Жирадом когда-нибудь куда-либо полетим на гиперпространственном корабле.

— Не грусти, Касилия, — подбодрил ее господин Тисальвер, — глядишь, может, и полетим когда-нибудь. Вы нам лучше про Геликон расскажите, господин Селдон.

Селдон покачал головой:

— По-моему, это выйдет скучно. Планета как планета, как все остальные. На мой взгляд, только Трентор и не похож на все остальные планеты. Термариев на Геликоне нет, а может быть, их и нигде нет, кроме Трентора. Расскажите мне про них.

«Только Трентор и не похож на все остальные планеты» — сказанная им самим фраза звенела у Селдона в ушах, повторялась и повторялась, и вдруг совершенно неожиданно в его памяти всплыла история Дорс о «руке на бедре», но Тисальвер

начал рассказывать, и фраза о Тренторе и рассказ Дорс вылетели у Селдона из головы так же быстро, как возникли.

А Тисальвер сказал вот что:

— Если вы действительно хотите узнать о термариях, я мог бы сводить вас туда. Касилия, — спросил он у жены, — ты не будешь возражать, если завтра я отведу господина Селдона на термарии?

— И меня, — тут же вмешалась Дорс.

— Хорошо, и госпожу Венабили тоже.

Госпожа Тисальвер нахмурилась, поджала губы.

— Не думаю, что это хорошая мысль. Нашим гостям там не понравится.

— Почему не понравится, госпожа Тисальвер? — удивился Селдон. — Нет, нам очень даже интересно взглянуть на термарии. Мы будем рады, если и вы к нам присоединитесь, и дочка ваша, если, конечно, захочет.

— На термарии? — возмущенно воскликнула госпожа Тисальвер. — Там не место благовоспитанным женщинам.

— Не обижайтесь, — вмешался Тисальвер. — Касилия считает, что это ниже нашего достоинства, и это правда, но, поскольку я там не работаю, ничего страшного в том, чтобы пойти туда и показать термарии гостям, для меня нет. Но только... это довольно неприятно, и я ни за что не смогу заставить Касилию... подобающе одеться.

Все общество встало. Дальские «стулья» представляли собой высокие табуретки на колесиках. Селдон уже успел их возненавидеть: край табуретки врезался под колени, да еще она и ерзала по полу при каждом движении. Тисальверы, правда, как-то ухитрялись усидеть на своих табуретках и вставали с них ловко, не придерживаясь, как Селдон, руками за сиденье. Дорс тоже поднялась весьма изящно, и Селдон в который раз восхитился ее природной грацией.

Прежде чем разойтись по комнатам, Селдон сказал Дорс:

— Ты действительно ничего не знаешь про эти их термарии? Послушать госпожу Тисальвер, так это просто отвратительное местечко.

— Не думаю, что оно такое уж отвратительное, иначе господин Тисальвер не согласился бы повести нас на эту экскурсию. Давай приготовимся к тому, что нас там ждет что-то удивительное.

62

— Вам нужно подобающе одеться, — сказал утром господин Тисальвер.

Госпожа Тисальвер выразительно фыркнула. С ужасом вспомнив о кертлах, Селдон осторожно поинтересовался:

— Что вы имеете в виду под подобающей одеждой?

— Что-нибудь легкое, вроде моей одежды. Футболку с короткими рукавами, легкие брюки, тонкое нижнее белье, носки, сандалии. Все это у меня для вас найдется.

— Отлично. Ничего страшного как будто.

— И для госпожи Венабили тоже найдется такой комплект. Надеюсь, подойдет по размеру.

Все, что предложил господин Тисальвер, пришлось Дорс и Селдону впору. Ну, может быть, вещи оказались чуть-чуть тесноваты. Как только все были готовы, все трое попрощались с госпожой Тисальвер; та вздохнула, покачала головой и проводила их взглядом до дверей.

На улице было еще светло — ранний вечер, и небо светилось красками искусственного заката. По всей вероятности, скоро должны были зажечься фонари. Было тепло, и на улицах не было почти никакого транспорта, все шли пешком. Издалека доносился извечный шум экспресса, время от времени вспыхивали его огоньки.

Селдон обратил внимание на то, что пешеходы никуда не спешат, а просто гуляют. Наверное, раз Даль — небогатый сектор, то с развлечениями тут не густо, и, будучи не в силах позволить себе ничего более роскошного, по вечерам люди тут предаются простым радостям вроде пеших прогулок.

Селдон сам не заметил, как перешел на ленивый прогулочный шаг и погрузился в тепло и дружелюбие уличной атмосферы. Пешеходы здоровались друг с другом, обменивались парой-тройкой вежливых фраз. Почти у всех мужчин физиономии украшали черные усы разнообразной длины и фасонов. Похоже, усы здесь были столь же неотъемлемой частью облика мужской половины населения, как лысые головы у микогенских Братьев.

Прогулка напоминала вечерний ритуал, означавший, что день прошел хорошо и у тебя самого, и у твоих друзей и знакомых. Вскоре Селдон заметил, что почти все встречные удивленно посматривают на Дорс. В сумерках ее рыжие волосы казались темнее, но все равно разительно выделялись на фоне целого моря черноволосых голов (не считая изредка встречавшихся седых). Ее головка проплывала по этим волнам, словно золотая монетка, катившаяся по куче угля.

— Послушайте, мне ужасно нравится эта прогулка, — сказал Селдон.

— Я тоже очень люблю гулять по вечерам, — признался Тисальвер. — Обычно я гуляю с женой, а она так просто обожает этот вечерний променад. Она знает всех по именам на целый километр в округе, знает, кто чем занимается, кто чей родственник, и так далее. А я никак не могу всех упомнить. Ну, вы же видели, сколько человек уже успели со мной поздороваться, а я половину из них по имени не знаю. Но вообще-то нам надо поторопиться. Нужно поскорее добраться до лифта. Внизу народу побольше.

Когда лифт вез всю троицу вниз, Дорс сказала:

— Если я ошибаюсь, господин Тисальвер, поправьте меня. Я так понимаю, что термарии — это такое место, где внутреннее тепло Трентора используется для производства пара, который должен вращать турбины, которые, в свою очередь, производят электричество.

— О нет! Там стоят мощные термоэлементы, которые напрямую производят электричество. Только не спрашивайте у меня о подробностях, прошу вас. Я всего-навсего программист-головизионщик. И вообще не советую никого тут, внизу, расспрашивать о подробностях. Тут все вроде большого такого черного ящика. Все работают, но никто не знает как.

— А если что-то сломается?

— Как правило, ничего такого не происходит, но если и случается, откуда-то вызывают эксперта. Того, кто разбирается в компьютерах. Тут все компьютеризировано, конечно.

Кабина лифта остановилась, они вышли и сразу почувствовали, как по ним ударила плотная волна жара.

— Жарко тут, — заметил Селдон, хотя это и так было ясно.

— Да, жарко, — согласился Тисальвер. — Потому-то Даль и является таким ценным источником энергии. Слой магмы залегает здесь ближе к поверхности, чем в любом другом месте. Приходится работать в такой жаре.

— А как насчет кондиционеров? — спросила Дорс.

— Кондиционеры тут есть, но они ужасно дороги. Тут есть вентиляция, увлажнители и охладители, но если пользоваться всем этим чересчур широко, то на потребление энергии уйдут слишком большие затраты и все предприятие станет нерентабельным.

Тисальвер остановился у какой-то двери и позвонил. Дверь открылась, из проема хлынул более прохладный воздух, и Тисальвер пробормотал:

— Нужно разыскать кого-нибудь, кто бы нас здесь поводил. Вы уж извините, но нашему провожатому придется оградить госпожу Венабили от всяких неприятных замечаний, на которые тут способны некоторые мужчины.

— Меня совершенно не пугают никакие замечания, — улыбнулась Дорс.

— А меня могут напугать, — сказал Тисальвер.

— Хано Линдор, — представился молодой человек, вставший им навстречу из-за столика. Можно было подумать, что он — близкий родственник Тисальвера. Селдон понял, что еще долго в Дале ему предстоит вот так путаться — до того тут все были похожи друг на друга.

— Буду рад, — сказал Линдор, — показать вам все, что сумею. Зрелище, правда, не ахти... — Говорил он, вроде бы обращаясь ко всем сразу, но взгляд его был прикован к Дорс. — И потом, вам будет не совсем удобно. Думаю, придется снять футболки.

— Но тут так хорошо, прохладно, — возразил Селдон.

— Конечно, но это в кабинете. Должность имеет свои привилегии. А за пределами кабинета мы не в силах поддерживать кондиционирование на таком же уровне. Поэтому рабочие получают больше, чем я. На самом деле, у них самая высокооплачиваемая работа в Дале, только деньгами сюда народ и заманиваем. И все равно, находить рабочих становится все труднее и труднее. Ну ладно, — сказал он, глубоко вздохнув, — нырнем в кипяточек...

Он стянул с себя футболку через голову и, скомкав, засунул под поясной ремень. То же самое проделал и Тисальвер. Селдон последовал их примеру.

Линдор взглянул на Дорс и пробормотал:

— Вам же лучше будет, госпожа, но это необязательно.

— Все нормально, — улыбнулась Дорс и сняла футболку,

оставшись в тоненьком белом бюстгальтере, который почти ничего не скрывал.

— Госпожа, — опустив глаза, промямлил Линдор, — это необя... Ну ладно, — закончил он, пожав плечами, — пойдемте.

Селдон смотрел во все глаза, но видел только компьютеры, какие-то машины, толстые трубы, мелькание огоньков да тусклo светящиеся экраны.

Общее освещение было ужасно тусклым, только панели приборов горели ярко. Вглядываясь в темноту, Селдон спросил:

— Почему тут такая темнотища?

— Освещение хорошее там, где нужно, — ответил Линдор хорошо поставленным, но чуть хрипловатым голосом. — Общее освещение слабое, да, но для этого есть чисто психологические причины. Слишком яркий свет ассоциируется с жарой. Стоит только поярче включить свет, и тут же сыплются жалобы, даже если при этом понизить температуру.

— Похоже, тут все у вас здорово компьютеризировано, — отметила Дорс. — Мне кажется, что и все тут могли бы делать компьютеры. Самое подходящее место для этого.

— Совершенно верно, — кивнул Линдор. — Но мы должны быть застрахованы от любых ошибок. Если что-то сломается, нужны люди. Вышедший из строя компьютер может вызвать неполадки за две тысячи километров от места поломки.

— Так же, как и ошибка человека, разве нет? — спросил Селдон.

— Да, конечно, но, когда работают одновременно и люди, и компьютеры, ошибку компьютера выявить всегда гораздо проще, и наоборот — компьютер быстрее подметит ошибку человека. Главное, ничего ужасного не случится до тех пор, пока человек и компьютер не ошибутся одновременно. А такое не случается почти никогда.

— Почти никогда, но все-таки случается, а? — спросил Селдон.

— Почти никогда, но все-таки случается, — подтвердил Линдор. — И компьютеры уже не те, и люди тоже.

— Так всегда говорили, во все времена, — Селдон тихо рассмеялся.

— Нет-нет, я говорю не о прошедшем времени, не о старых добрых временах. Такова статистика.

И снова Селдон вспомнил слова Челвика об упадке.

— Я вот о чем говорю, — сказал Линдор потише. — Посмотрите, вон там кучка рабочих, судя по виду, с уровня С-3. Они пьют. И все не на своих рабочих местах.

— А что они такое пьют? — поинтересовалась Дорс.

— Особые напитки для профилактики потери электролита. Фруктовые соки.

— Но разве можно их за это ругать? — возмутилась Дорс. — Как же тут не пить, в такой жаре?

— А знаете ли вы, как долго опытный рабочий уровня С-3 может тянуть свой напиток? А поделать ничего нельзя. Если давать им пятиминутные перерывы на питье и хронометрировать эти перерывы, да следить за тем, чтобы они не собирались компаниями... так и до забастовки недалеко.

Вскоре они подошли поближе к группе рабочих. Среди них были и мужчины, и женщины, и все по пояс обнаженные. На женщинах, правда, были надеты какие-то тряпочки, отдаленно напоминавшие бюстгальтеры, но назначение у них было чисто функциональное. Они поддерживали грудь, впитывали пот, но ничего не прикрывали.

— Знаешь, Гэри, — шепнула Дорс Селдону, — в этом что-то есть. Я уже взмокла.

— Сними, — шепнул Селдон. — Я не против.

— Я так и думала, — кивнула Дорс, но бюстгальтер не сняла.

В компании рабочих было около дюжины человек.

— Если кто-то из них что-нибудь отчебучит в мой адрес, я переживу, — сказала Дорс.

— Благодарю вас, — ответил Линдор. — Не могу пообещать, что они от этого удержатся. Но мне придется вас представить. Если им покажется, что вы — парочка инспекторов, расхаживающих здесь за компанию со мной, они не поверят. Инспекторы обычно шныряют в одиночку, без представителей руководства.

Подняв обе руки в знак приветствия, Линдор обратился к рабочим.

— Термальщики, — сказал он, — позвольте представить вам наших гостей. Они нездешние, ученые. Они прибыли из таких миров, где не хватает энергии, и сюда пришли для того, чтобы посмотреть, как обстоят дела в Дале. Они надеются кое-чему поучиться у нас.

— Мы их поучим, как потеть, — выкрикнул один из термальщиков, и вся компания громко расхохоталась.

— А у этой-то, поди, уже пузо взопрело, — выкрикнула женщина-термальщица, — в таком-то наряде!

Дорс не ударила лицом в грязь:

— Я готова раздеться, да только боюсь, мне до тебя далеко.

Смех рабочих на сей раз был вполне дружелюбным.

Но тут вперед выступил молодой человек. Уставившись на Селдона в упор глубоко посаженными глазами, он весело улыбнулся и сказал:

— Я вас знаю. Вы математик.

Быстро подойдя поближе, он принялся бесцеремонно разглядывать Селдона. Дорс автоматически шагнула вперед и встала между ним и Селдоном, а Линдор заслонил ее собой и крикнул:

— Назад, термальщик! Веди себя как подобает!

— Погодите! — вмешался Селдон. — Дайте ему сказать. Что это вы все выстроились впереди меня?

— Если кто-то из них подойдет поближе, — вполголоса объяснил Линдор, — вам сразу станет ясно, что пахнут они не как тепличные цветочки.

— Переживу, — отрезал Селдон. — Молодой человек, кто вы такой и что вам угодно?

— Меня зовут Амариль. Юго Амариль. А вас я видел в головизионной передаче.

— Может быть. И что из этого?

— Забыл, как вас зовут.

— Не стоит вспоминать.

— Вы говорили о чем-то под названием «психоистория».

— Вы не представляете, как я об этом жалею.

— Что вы сказали?

— Ничего. Что вам угодно?

— Я хочу поговорить с вами. Совсем немного. Прямо сейчас.

Селдон посмотрел на Линдора. Тот резко покачал головой:

— Только в нерабочее время.

— Когда вы приступаете к работе, мистер Амариль? — спросил Селдон.

— В шестнадцать ноль-ноль.

— Можете встретиться со мной в четырнадцать ноль-ноль?

— Конечно. Где?

Селдон обернулся к Тисальверу:

— Вы позволите мне принять этого молодого человека у вас?

— Это не принято, — пробормотал Тисальвер. — Ведь он простой термальщик.

— Но он узнал меня. Он что-то обо мне знает, — возразил Селдон. — Не может быть, что он простой термальщик. В общем, я приму его у себя в комнате. Моя комната, — добавил он, заметив, что Тисальвер состроил гримасу, — это то, за что вам заплачено. Да тем более мы встретимся тогда, когда вы будете на работе.

— Не во мне дело, господин Селдон, — вполголоса проговорил Тисальвер. — Моя жена, Касилия. Она этого не переживет.

— Я поговорю с ней, — вздохнул Селдон. — Поговорю и уговорю.

63

— Термальщик! — широко раскрыла глаза Касилия Тисальвер. — Только не у нас!

— Но почему? Я его приму у *себя*, — сказал Селдон. — В четырнадцать ноль-ноль.

— Нет-нет, и не уговаривайте! Вот что выходит из всех этих экскурсий по термариям, — проворчала госпожа Тисальвер. — Мой Жирад глупец, что потащил вас туда...

— Не огорчайтесь так, госпожа Тисальвер. Мы пошли туда по моей просьбе, и мне там очень понравилось. Мне обязательно нужно повидаться с этим молодым человеком. Это важно для моей научной работы.

— Вы уж меня извините, но я не могу позволить, не могу, и все.

— Гэри, — вмешалась Дорс, — позволь, я попробую объяснить. Госпожа Тисальвер, я понимаю, раз господин Селдон желает с кем-то встретиться у себя в комнате, это требует дополнительной платы. Мы это прекрасно понимаем. Значит, за сегодняшний день мы заплатим вдвойне за комнату господина Селдона.

Госпожа Тисальвер задумалась.

— Это очень благородно с вашей стороны, — сказала она наконец, — но дело не только в деньгах. Что подумают соседи? Потный, вонючий термальщик...

— Не думаю, чтобы в четырнадцать ноль-ноль он был потный и вонючий, госпожа Тисальвер, но позвольте, я закончу. Если доктору Селдону обязательно нужно с ним повидаться, но здесь встретиться им нельзя, значит, ему придется встречаться с этим парнем где-то еще, но не можем же мы бегать туда-сюда. Это будет не слишком удобно. Значит, нам придется поискать другую квартиру. Наверное, это будет нелегко, и нам этого совсем не хочется, но что поделаешь — придется. Поэтому, раз так, мы заплатим вам по сегодняшний день включительно и покинем вас, но, безусловно, нам придется рассказать господину Челвику, почему нам пришлось переехать с вашей квартиры.

— Погодите... — проговорила госпожа Тисальвер торопливо, и по ее лицу стало видно, что она производит в уме подсчеты. — Нам бы не хотелось лишний раз беспокоить и расстраивать господина Челвика... да и вас тоже. Сколько времени пробудет тут этот?..

— Он придет в четырнадцать ноль-ноль. В шестнадцать ноль-ноль он заступает на смену. Значит, здесь он пробудет никак не больше двух часов, а скорее всего — гораздо меньше. Мы встретим его на улице и проведем в комнату доктора Селдона. Если нас и увидит кто-то из ваших соседей, можно сказать, что это наш земляк и приятель.

Госпожа Тисальвер кивнула:

— Хорошо, только пусть все будет именно так, как вы сказали. Двойная оплата за комнату господина Селдона за сегодня, и чтобы больше этого термальщика и духу тут не было.

— Только сегодня, обещаем, — кивнула Дорс.

А чуть позже, когда Селдон и Дорс сидели вдвоем в ее комнате, Дорс спросила:

— А зачем ты хочешь встретиться с ним, Гэри? Неужели беседа с термальщиком так уж важна для психоистории?

Селдону послышались в голосе Дорс саркастические нотки, и он резко, даже немного обиженно ответил:

— Я не обязан все свои поступки совершать в согласовании с моим грандиозным проектом, в который, кстати говоря, сам

не очень-то верю. Я тоже человек, как-никак, и ничто человеческое мне не чуждо, в том числе и обычное человеческое любопытство. Мы провели в термариях несколько часов, и ты сама видела, на кого похожи рабочие. Уровень — ниже не бывает, это я говорю буквально, без всяких каламбуров. И вдруг среди них попадается человек, который меня знает. Видеть меня по головизору он мог только в одном случае — если смотрел передачу о Декадном математическом конгрессе. Вдобавок, он еще и словечко «психоистория» запомнил. Он меня просто поразил. По-моему, он там совершенно не на своем месте. Но почему? Вот мне и захотелось поговорить с ним.

— Что, твое самолюбие тешит тот факт, что тебя знает даже простой термальщик из Даля?

— Может, и так. Но это любопытно, согласись.

— А ты не думаешь, что он завербован кем-то и специально подставлен, чтобы завлечь тебя в ловушку, как случалось раньше?

Селдон усмехнулся.

— Не бойся, я не позволю ему гладить себя по головке. И потом, мы же теперь во всеоружии, не так ли? Уверен, ты будешь присутствовать при нашей с ним беседе. Это я к тому говорю, что ты меня одного отпустила наверх в Университете, позволила отправиться на микроферму с Капелькой Сорок Третьей, так не покидай теперь, ладно?

— Можешь быть абсолютно уверен, не покину, — пообещала Дорс.

— Вот и славно. Я буду толковать с термальщиком, а ты следи за каждым словом. Я тебе доверяю целиком и полностью.

64

Амариль явился чуть раньше четырнадцати ноль-ноль, смущенный, растерянный. Волосы его были старательно причесаны, черные усики прилизаны, напомажены и чуть-чуть закручены кверху, футболка — белее белого. Пахнуть от него пахло, но это был запах фруктового дезодоранта, с которым он явно переусердствовал. В руке у него была пластиковая сумка.

Селдон и Дорс встретили его около дома, взяли под руки и быстро вошли в кабину лифта. Добравшись до нужного этажа,

все трое скользнули в дверь квартиры Тисальверов и, пройдя по коридору, провели гостя в комнату Селдона.

Испуганно оглянувшись на закрывшуюся за ними дверь, Амариль хриплым шепотом спросил:

— Дома никого, а?

— Может, кто и есть, но все при делах, — небрежно ответил Селдон. — Садитесь, — предложил он, указывая на единственное посадочное место в комнате — маленький пуфик.

— Не надо, — покачал головой Амариль. — Обойдусь. Вы садитесь.

И он уселся прямо на пол, мягко, почти по-кошачьи.

Дорс скопировала его грацию и опустилась на краешек дивана Селдона. Селдон тоже сел на диван, но у него, конечно, вышло не так ловко.

— Ну, молодой человек, — сказал Селдон, наконец управившись с не желавшими слушаться ногами, — почему вы хотели со мной встретиться?

— Потому что вы математик. Вы — первый математик, которого я увидел... так близко... так близко, что можно потрогать.

— Математики на ощупь точно такие же, как все остальные люди.

— Для меня — не такие... доктор... доктор Селдон?

— Да, так меня зовут.

Амариль радостно улыбнулся.

— Ну вот, я таки вспомнил... Понимаете, я тоже хочу стать математиком.

— Похвально. И что же вам мешает?

— Вы серьезно спрашиваете? — нахмурился Амариль.

— Видимо, что-то вам все-таки мешает. Да, я спрашиваю совершенно серьезно.

— Как — что? Я — далиец, я дальский термальщик. У меня нет денег на образование, и я никогда не смогу их заработать. На настоящее образование, я хочу сказать. Меня научили только читать, да считать, да пользоваться компьютером, а этого за глаза хватает любому термальщику. Больше не положено. Но я хочу большего. Поэтому я сам занимался.

— А знаете, это совсем неплохо. Иногда даже лучше, чем в Университете получается. И как же вы занимались?

— Я познакомился с одной библиотекаршей. Она очень хо-

тела мне помочь. Она очень добрая женщина и разрешила мне заниматься в библиотеке. Показала, как пользоваться компьютером для изучения математики. Еще она подсоединила тот компьютер, за которым я занимался, к компьютерам других библиотек. Я мог ходить туда по выходным, по утрам до работы и после смены. Иногда она запирала меня в своем кабинете, чтобы мне никто не мешал, а иногда пускала позаниматься в те дни, когда библиотека бывала закрыта. Сама она математики не знала, но помогала мне, как могла. Пожилая, добрая женщина, вдова. Не знаю, может быть, она считала меня кем-то вроде сына. Своих детей у нее не было.

«А может быть, ею владели и какие-то другие чувства, — подумал Селдон, но тут же прогнал глупую мысль. — Не мое это дело, в конце концов».

— Я увлекся теорией чисел, — продолжал тем временем Амариль. — И даже придумал кое-что такое, чего не было ни в программе компьютера, ни в учебниках.

— Интересно! — поднял брови Селдон. — Ну, например?

— Я тут принес кое-что. Я этого никому еще не показывал. Вокруг меня такой народ, — пожав плечами, смущенно проговорил Амариль. — Покажи я им такое, они бы или высмеяли меня, или не поняли бы. Один только раз я попытался рассказать об этом знакомой девушке, так она сказала, что я зануда и что она больше не желает меня видеть. А вам можно показать?

— За меня не волнуйся. Я смеяться не буду, честное слово.

Селдон протянул руку, Амариль чуть помедлил и дрожащими руками передал ему сумку.

Довольно долго Селдон просматривал записи Амариля. Труды оказались жутко наивными, но Селдон не позволил себе ни единой усмешки. Он просмотрел все записи, не обнаружил в них никаких выдающихся открытий, но это было неважно.

Оторвавшись наконец от записей, Селдон спросил:

— Это вы все сами проделали?

Амариль, полумертвый от волнения, скованно кивнул.

Селдон вытащил из стопки несколько листков.

— Почему вы задумались вот об этом? — спросил он, указывая на цепочку цифр.

Амариль посмотрел, нахмурился, задумался, объяснил ход своих рассуждений.

Выслушав его, Селдон кивнул и спросил:

— Вы книгу Аната Ригелля читали?

— По теории чисел?

— Она называется «Математическая дедукция». Там написано не только о теории чисел.

Амариль покачал головой:

— Простите. Я даже не слыхал о таком авторе.

— Вот эту вашу теорему он разработал триста лет назад.

— Я не знал, — потрясенно пробормотал Амариль.

— Конечно, не знали. А у вас вышло поизящнее, ей-богу. Не слишком точно, правда, но...

— Что вы хотите сказать — не слишком точно?

— Это неважно.

Селдон сложил листочки, присоединил их к остальным, сунул в сумку и сказал:

— Сделайте, пожалуйста, несколько копий. Одну прокрутите через принтер официального компьютера и завизируйте. Мой друг, госпожа Венабили, поможет вам поступить в Стрилингский Университет, где вы будете получать стипендию. Придется, правда, начать с азов и позаниматься кое-чем, кроме математики, но...

Амариль наконец сумел выдохнуть.

— В Стрилингский Университет? Меня не примут.

— Почему не примут? Дорс, ты же сможешь это устроить, правда?

— Смогу, без сомнения.

— Нет, не сможете! — горячо возразил Амариль. — Не возьмут там меня. Я из Даля.

— И что?

— Не принимают они никого из Даля.

— О чем он говорит? — спросил Селдон, удивленно посмотрев на Дорс.

— Честное слово, не понимаю, — покачала головой Дорс.

— Вы не тренторианка, госпожа, — сказал Амариль. — Сколько лет вы в Стрилинге?

— Чуть больше двух лет, мистер Амариль.

— Ну и видели вы там хоть раз далийцев? Ну, невысокого роста, черноволосых, курчавых, с большими усами?

— У нас всяких студентов полно.

— А далийцев нет. Как вернетесь в Университет, приглядитесь получше.

— Но почему? — спросил Селдон.

— Не любят нас там. Мы другие. Усы наши, к примеру, не любят.

— Но вы можете побри... — начал было Селдон и тут же осекся под гневным взглядом Амариля.

— Ни за что! С какой стати? Мои усы — признак моего мужского достоинства.

— А бороду вы бреете, как я посмотрю. Она не признак вашего мужского достоинства?

— Нет. У нашего народа таким признаком являются усы.

Селдон поглядел на Дорс и пробормотал:

— Там лысины, тут усы — с ума можно сойти...

— Что вы сказали? — гневно переспросил Амариль.

— Не обращайте внимания. Ну и что, неужели дело только в усах? Как-то не верится.

— Мало ли что еще... Говорят, от нас пахнет противно. Мол, грязные мы. Воришки, грубые, *глупые*.

— И почему же это все говорят?

— Потому что так легко говорить, потому что им так нравится. Ну конечно, поработаешь в термариях, станешь и грязным, и вонючим. Поживешь в такой нищете, так пойдешь и воровать, и драться. Но не все же у нас такие! Взять хотя бы этих длиннющих блондинов из Имперского сектора, которые думают, будто правят всей Галактикой. Да что там «думают», они и правят ею на самом деле. Они что — не дерутся, не крадут? Если бы они вкалывали, как я, они бы воняли точно так же.

— Конечно, люди везде разные, кто спорит? — пожал плечами Селдон.

— Никто не спорит! Только про нас так думают, и иначе думать никто не хочет и не станет! Господин Селдон, мне нужно убраться с Трентора. На Тренторе я ничего никогда не добьюсь за всю жизнь. Ни денег не заработаю, ни выучиться не смогу, никогда не стану математиком, так и останусь тем, кем меня считают — полной бездарью и никчемной тупицей.

Он произнес эти слова с отчаянием и безнадежностью в голосе.

Селдон привел последний аргумент:

— Но... вот мы живем в дальской семье. У нашего хозяина чистая работа, хорошее образование.

— Ну конечно! — страстно воскликнул Амариль. — Есть избранные. Избранным иногда позволяют забраться чуть-чуть повыше, чтобы потом говорить, что такое возможно. Но и горстка избранных живет неплохо только здесь, в Дале. Стоит им попробовать сунуться за его границу, и вы увидите, как к ним будут относиться. Ну а покуда они здесь, они тешат свое самолюбие и гордость, унижая остальных, относясь к ним, словно те — грязь у них под ногами. Тогда они воображают себя чистенькими, светловолосыми. И что, интересно, сказал вам ваш милейший хозяин, когда вы объявили ему, что пригласили в гости термальщика? Как сказал он вам, на кого я похож? Наверняка хозяева смылись из дому, потому что побрезговали находиться в одной квартире со мной.

Селдон облизнул пересохшие губы.

— Я вас не забуду, Юго. Я позабочусь о том, чтобы помочь вам улететь с Трентора. Если не возражаете, можете прилететь в Геликонский Университет. Я вас вызову, как только сам вернусь туда.

— Обещаете? Честное слово? Вам все равно, что я далиец?

— Мне совершенно все равно, кто вы такой. Главное, что вы уже математик! Но то, о чем вы рассказываете, просто не умещается у меня в голове. Не могу поверить, что может сложиться такое дурацкое отношение к ни в чем не повинным людям.

Амариль горько вздохнул.

— Это из-за того, что вы ни с чем таким раньше не сталкивались. Вас это не интересовало, вот и все. А ведь это все так близко, у вас под носом, можно сказать, только вас не касается.

Дорс урезонила его:

— Мистер Амариль, понимаете, доктор Селдон математик, как и вы, и большей частью витает в облаках. А я историк. Я-то знаю, что возвышение одной части общества за счет унижения другой — дело совсем не исключительное. Бывает и похуже. Порой доходит до жуткой ненависти, у которой как будто нет и быть не может разумного объяснения. Это ужасно.

— Это легко сказать — «ужасно», — усмехнулся Амариль. — Вот вы осудите такой порядок вещей, покажетесь кому-то доброй, хорошей, а потом уедете отсюда восвояси, займетесь

своими делами, и плевать вы хотели на тех, кого пожалели. А ведь все гораздо хуже, чем «ужасно». То, что здесь творится, противоречит природе, естеству. А ведь мы все равны — брюнеты, блондины, коротышки и высокие, Северяне, Южане, Западники, Восточники, тренториане и иноземцы. Все мы — и вы, и я, и даже сам Император — произошли от людей Земли, правда ведь?

— Произошли от кого? — не веря своим ушам, переспросил Селдон, ошарашенно взглянув на Дорс.

— От людей Земли! — прокричал Амариль. — С той планеты, где зародился род человеческий.

— С одной планеты? С одной-единственной?

— Да. С одной. С Земли.

— Вы сказали «Земля», а имели в виду Аврору, так?

— Аврору? Что за Аврора? Нет, я говорил про Землю и имел в виду Землю. Вы разве никогда не слыхали о Земле?

— Нет, — покачал головой Селдон. — Нет, не слыхал.

— Это мифический мир, — начала Дорс, — который...

— Никакой не мифический, — возразил Амариль. — Самая настоящая планета.

— Мне такое уже не раз говорили, — вздохнул Селдон. — Ну, поехали. Есть в Дале книга, где рассказывается о Земле?

— Что?

— Ну, не книга, кассета какая-нибудь?

— Не понимаю, о чем вы меня спрашиваете?

— Молодой человек, откуда вы знаете о Земле?

— Отец рассказывал. Все про нее знают.

— А нет ли кого-нибудь, кто знает о Земле побольше? Может быть, вас в школе этому учили?

— Нет, в школе об этом ни слова не говорили.

— Как же тогда люди узнают об этом?

Амариль пожал плечами, не понимая, о чем его так усердно расспрашивают.

— Просто все знают, и все. Если хотите послушать рассказы о Земле, есть такая женщина, матушка Ритта. Вроде бы она еще жива.

— Ваша мать? Как же вам тогда не знать, она еще...

— Нет, никакая она мне не мать. Просто ее так все называют. Матушка Ритта. Она старушка, живет в Биллиботтоне. Жила раньше, по крайней мере.

— А где это?

— Там... — Амариль неопределенно махнул рукой.

— Как туда добраться?

— Добраться? Нет-нет, даже не думайте. Оттуда не возвращаются.

— Это почему же?

— Поверьте мне. Даже не думайте.

— Но мне хотелось бы повидать матушку Ритту.

Амариль покачал головой.

— Вы с ножом обращаться умеете?

— С каким ножом? Для чего?

— С острым ножом. Вот таким.

Амариль притронулся кончиками пальцев к широкому ремню. Часть ремня отъехала в сторону, и в открывшемся углублении блеснуло тонкое острое лезвие.

Рука Дорс тут же крепко сжала правое запястье юноши.

Амариль рассмеялся.

— Я и не думал вынимать его. Просто показываю. Такой нож обязательно нужен для самозащиты, а если у вас такого при себе нет, нечего и думать отправляться в Биллиботтон. Живым вы оттуда не вернетесь. Хотя, — он сразу как-то собрался, напрягся, — так вы не шутите, господин Селдон, насчет Геликона? Вы мне правда поможете?

— Не шучу. Какие шутки? Я пообещал. Напишите ваше имя и адрес, чтобы вас можно было разыскать по гиперкомпьютерной связи. Код у вас есть, надеюсь?

— Есть код кабинета в термарии, где я работаю. Этого будет достаточно?

— Да.

— Ну тогда... — сказал Амариль, устремив на Селдона чистый юношеский взгляд. — Все мое будущее зависит от вас, только от вас, господин Селдон, и я вас очень прошу, не ездите в Биллиботтон. Теперь мне вас тем более нельзя потерять.

Он обернулся, умоляющим взглядом посмотрел на Дорс и тихо попросил:

— Госпожа Венабили, если он вас послушается, не пускайте его. *Пожалуйста.*

Глава 14

БИЛЛИБОТТОН

ДАЛЬ. *Как ни странно, наиболее известной достопримечательностью этого сектора является Биллиботтон, полулегендарное место, о котором ходит множество рассказов. Образовалась даже целая отрасль литературы, посвященная опаснейшим приключениям героев в Биллиботтоне. Эти произведения настолько хорошо стилизованы, что в одном из наиболее известных романов есть фрагмент, где описывается просто-таки фантастическое приключение Гэри Селдона и Дорс Венабили, которые...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

65

Когда Гэри Селдон и Дорс остались наедине, Дорс нахмурилась и спросила:

— Ты в самом деле собираешься посетить эту... матушку?

— Я думаю об этом, Дорс.

— Странный ты все-таки человек, Гэри. Похоже, тебе просто не терпится от плохого поскорее перейти к худшему. Потащился на поверхность в Стрилинге — ну ладно, там хотя бы цель была более или менее разумная. В Микогене тебя понесло в алтарь Старейшин. Это было намного опаснее, чем выход на поверхность, а уж цель была гораздо более дурацкая. Теперь в Дале ты собираешься отправиться в такое место, поход куда, если верить этому молодому человеку, равносилен самоубийству, и цель у тебя, ты уж меня извини, попросту бессмысленная.

— Меня заинтересовало упоминание о Земле. Я должен выяснить, что за этим кроется.

— Это легенда, и не такая уж интересная, — уговаривала Дорс. — Ничего особенного. В разных мирах эту планету называют по-разному, но суть одна и та же. Это всегда рассказ о мире-прародине человечества и его золотом веке. Все легенды до одной отражают тоску по замечательному, прекрасному, нехитрому прошлому, и это так естественно для людей, живущих в хитросплетениях жестокого мира. А все миры, все сообщества таковы или таковыми их себе представляют те, кто в них живет, как бы проста на самом деле ни была их жизнь. Это ты, кстати, не забудь записать для своей психоистории.

— Все равно, я должен учесть эту вероятность, вероятность того, что когда-то существовал один-единственный мир. Аврора, Земля — не имеет значения. На самом деле...

Он умолк на полуслове и молчал, пока Дорс не поторопила его:

— Ну?!

Селдон покачал головой.

— Помнишь, ты мне в Микогене рассказала про забавный случай насчет руки, лежащей на бедре? Сразу после того, как я получил Книгу от Капельки Сорок Третьей... В общем, история почему-то пришла мне на память однажды вечером, совсем недавно, когда мы болтали с Тисальверами. Что-то я такое сказал и вдруг на мгновение вспомнил...

— О чем вспомнил?

— Уже не помню. Вспомнил, и все тут же вылетело из головы, но почему-то всякий раз, стоит разговору зайти об этом самом единственном мире, у меня возникает такое ощущение, будто я прикасаюсь к чему-то очень важному, но оно тут же ускользает от меня.

Дорс удивленно смотрела на Селдона.

— Ничего не понимаю. История о руке, лежащей на бедре, не имеет ничего общего ни с Землей, ни с Авророй.

— Знаю, но все равно что-то такое... что все время ускользает, все равно должно быть связано с этим единственным миром, потому-то меня не покидает чувство, что я должен во что бы то ни стало разузнать о нем гораздо больше. О нем и о роботах.

— И о роботах? А я думала, что приключение в алтаре поставило точку на твоем интересе к роботам.

Но Селдон только молча покачал головой.

Дорс нахмурилась.

— Гэри, я тебе вот что хочу сказать. В настоящей истории, в официальной, — поверь мне, я отвечаю за свои слова, — нет ни единого упоминания ни о каком первоначальном мире. Да, многие в это верят, это правда. Не только в таких местах, как Микоген, где это — народное предание, не только в Дале, где в это верят униженные, отверженные термальщики, но в это верят и некоторые уважаемые биологи, которые настаивают, что

единственный мир-прародина обязательно должен был существовать; правда, откуда у них такая уверенность, я судить не могу. Есть и мистически настроенные историки, которые также утверждают, что такой мир существовал. Подобные мысли бродят и у роскошествующих интеллектуалов. И все-таки настоящая, официальная история, научная история об этом ничего не говорит.

— Тем больше причин заглянуть туда, — сказал Селдон упрямо, — куда не сует нос эта самая официальная история. Мне нужно средство, которое помогло бы упростить подход к созданию психоистории, и мне все равно, что это будет за средство — математический ли фокус, исторический ли, или вообще что-то совершенно невообразимое. Если бы этот молодой человек, с которым мы только что беседовали, был бы чуть-чуть более образован, я бы поручил ему разработку этой проблемы. Он мыслит оригинально, местами даже гениально...

— Значит, ты действительно собираешься ему помочь?

— Безусловно. Как только смогу.

— Но стоит ли давать обещания, когда ты сам не знаешь, когда сможешь их выполнить?

— Я *хочу* выполнить свое обещание. Если же тебя так волнуют невыполнимые обещания, лучше вспомни, что пообещал Челвик Протуберанцу Четырнадцатому. Ведь он посулил ему ни много ни мало — что с помощью психоистории микогенцы получат обратно свой возлюбленный мир. А шансы-то почти нулевые. Даже если я разработаю психоисторию, кто знает — можно ли будет ее применить для выполнения столь узкой, конкретной задачи? Вот уж гораздо более яркий пример невыполнимого обещания.

Дорс возмущенно воскликнула:

— Четтер Челвик, к твоему сведению, пытался спасти нам с тобой жизнь, вырвать нас из рук Демерзеля и Империи. Не забывай об этом! И потом, я думаю, он искренне хочет помочь микогенцам.

— А я искренне хочу помочь Юго Амарилю, и шансы помочь ему у меня гораздо более реальны, чем в случае с микогенцами. Так что если ты оправдываешь обещание Челвика, не придирайся к моему. А главное, Дорс, — тут глаза Селдона сердито блеснули, — я действительно хочу разыскать матушку Ритту, и пойду я туда один.

— Ни-ког-да! — отчеканила Дорс. — Мы пойдем вместе.

66

Госпожа Тисальвер вернулась за ручку с дочерью примерно через час после того, как ушел Юго Амариль. Она не сказала ни слова ни Дорс, ни Селдону, в ответ на их приветствие только коротко кивнула и придирчиво осмотрела комнату, как бы желая убедиться, что термальщик не оставил никаких следов своего пребывания. Брезгливо принюхалась, одарила Селдона гневным взглядом и промаршировала через гостиную к себе в спальню.

Господин Тисальвер пришел попозже и, усевшись за обеденный стол и улучив минутку, пока жена отдавала какие-то последние распоряжения насчет обеда, тихонько спросил:

— Ну что, был здесь этот человек?

— Был и ушел, — спокойно ответил Селдон. — Вашей жены в это время дома не было.

Тисальвер кивнул и спросил:

— Больше не будете с ним встречаться?

— Не думаю, — ответил Селдон.

— Ну и славно.

Обед протекал в молчании, но потом, когда девочка ушла к себе, дабы предаться сомнительным развлечениям — практике общения с компьютером, — Селдон выпрямился и небрежно сказал:

— Расскажите мне про Биллиботтон.

У Тисальвера отвисла и беззвучно задвигалась челюсть. Однако Касилия не так легко, как ее муж, лишалась дара речи.

— Значит, там, — сказала она, презрительно поджав губы, — живет ваш новый приятель? Собираетесь нанести ответный визит?

— Я пока спросил всего-навсего о Биллиботтоне, — уточнил Селдон.

— Это трущобы, — фыркнула Касилия. — Там живут отбросы общества. Туда никто не ходит, кроме тех бродяг, что там живут.

— Я так понял, что там живет матушка Ритта.

— Никогда про такую не слыхала, — отрезала Касилия. Она явно не желала иметь ничего общего ни с кем из живущих в Биллиботтоне.

Тисальвер, украдкой взглянув на жену, пробормотал:

— А я... про нее слышал вроде бы. Это выжившая из ума старуха, говорят, она предсказывает будущее.

— И она живет в Биллиботтоне?

— Не знаю, господин Селдон. Я ее в глаза не видел. Иногда про нее говорят в новостях, когда она делает какое-нибудь предсказание.

— И что, ее предсказания сбываются?

Тисальвер фыркнул.

— Разве предсказания вообще когда-нибудь сбываются? А она вдобавок предсказывает всякую чушь.

— А о Земле она ничего не говорит?

— Не знаю. Не удивился бы, если бы и говорила.

— А вот вы даже не удивились при упоминании о Земле. Вы что-нибудь знаете о Земле?

Вот тут-то Тисальвер на самом деле удивился.

— А как же, господин Селдон? Вроде бы это мир, откуда пошел род человеческий.

— Вроде бы? А вы в это не верите?

— Я? Я человек образованный. Глупые люди верят — многие.

— А книги о Земле есть?

— В детских сказочках иногда говорится о Земле. Помню, когда я был маленький, была у меня любимая сказка, она так начиналась: «Когда-то, давным-давно, на Земле, когда Земля была единственной планетой...» Помнишь, Касилия? Ты тоже обожала эту сказку.

Касилия пожала плечами, но в беседу вступать не пожелала — все еще дулась.

— Неплохо было бы пролистать, — кивнул Селдон, — но только я спросил у вас о настоящих книгах, научных — библиофильмах или печатных.

— Я сам никогда о таких не слышал, но, может быть, в библиотеке...

— Попробую поискать. А скажите, разговоры о Земле — не табу?

— Что такое «табу»?

— Ну, это когда нельзя говорить о Земле, а иноземцам нельзя про нее спрашивать.

Тисальвер столь выразительно выпучил глаза, что стало ясно — спрашивать дальше бессмысленно.

— А в Биллиботтон, — спросила Дорс, — иноземцам можно ездить?

Тисальвер нахмурился.

— Ездить-то можно, но я бы никому не посоветовал. Я бы туда ни за что на свете не пошел.

— Почему? — спросила Дорс.

— Опасно. Страшно! Все вооружены до зубов. То есть в Дале вообще все вооружены, но в Биллиботтоне оружием *пользуются*. Лучше не покидайте нашего района. Здесь безопасно.

— Пока, — скептически заметила Касилия. — Пока безопасно. Но термальщики уже и сюда подбираются, — и она одарила Селдона еще одним гневным взором.

— В Дале все вооружены? — удивленно переспросил Селдон. — Что это значит? Насколько мне известно, в Империи очень строгие законы насчет ношения оружия.

— Конечно, — кивнул Тисальвер. — И здесь ни у кого нет ни парализаторов, ни пневматики, ни психозондов, ничего такого. Зато у всех есть ножи, — сказал он и сам растерялся.

— Вы тоже ходите с ножом, Тисальвер? — спросила Дорс.

— Я?! — в ужасе воскликнул Тисальвер. — Я мирный человек, и район у нас безопасный, тихий.

— Мы держим в доме пару ножей, — сообщила Касилия. — Не так уж мы уверены, что наш район тихий и безопасный.

— И что, все ходят с ножами? — спросила Дорс.

— Почти все, госпожа Венабили, — ответил Тисальвер. — По привычке. Но это вовсе не значит, что все ими пользуются.

— А в Биллиботтоне, надо понимать, пользуются? — спросила Дорс.

— Иногда. Когда злятся, затевают драки, поножовщину.

— И правительство закрывает на это глаза? Я разумею Имперское правительство?

— Иногда они пытаются устраивать нечто вроде прочесывания района, но ножи так легко спрятать, да и привычка не расставаться с ними очень сильна. И потом, далийцы погибают то

и дело, и не думаю, чтобы Имперское правительство сильно горевало по этому поводу.

— Ну а если убьют заезжего?

— Если такой случай становится достоянием гласности, имперские власти могут занервничать. Но вся беда в том, что, как правило, все обстряпывается так, что никто ничего не видел, никто ничего не знает. Даже если и задержат кого-то, доказать ничего невозможно. Мне так думается, в конце концов власти просто машут рукой на случившееся и решают, что попавший в беду в Биллиботтоне сам виноват — дескать, нечего было туда соваться... В общем, не суйтесь и вы в Биллиботтон, даже если у вас будут ножи.

Селдон лениво покачал головой.

— Я не возьму с собой нож. Я не знаю, как обращаться с ним. Вряд ли у меня получится.

— Чего же проще, господин Селдон? Не ходите туда. Не надо.

— Не ходить у меня тоже вряд ли получится, — сказал Селдон.

Дорс, не скрывая гнева, глянула на него и спросила у Тисальвера:

— А где продаются ножи? Или можно у вас позаимствовать?

— Ножи не принято одалживать! — возмущенно воскликнула Касилия. — Хотите, так покупайте сами.

— Нож купить — не проблема, — объяснил Тисальвер. — Магазинов таких полно. Они, конечно, все подпольные. Но ножи продаются во всех хозяйственных магазинах. Словом, если увидите на вывеске стиральную машину, можете не сомневаться — нож вам там продадут.

— А в Биллиботтон как добраться? — спросил Селдон.

— Экспрессом, — ответил Тисальвер и смутился, заметив, как укоризненно глянула на него Дорс.

— А точнее? — упорствовал Селдон.

— Садитесь на восточный маршрут и следите за указателями. Только... господин Селдон, если уж вам так невтерпеж, вы хоть госпожу Венабили не тащите с собой. К женщинам там относятся... хуже.

— Она не поедет, — успокоил Селдон.

— А я говорю, поедет, — спокойно, уверенно заявила Дорс.

67

Усы у продавца в хозяйственном магазине были роскошные — густые, пушистые, блестящие, вот только подвыцвели с годами, хотя шевелюра его по-прежнему была черной как смоль, без единой сединки. Увидев Дорс, продавец приосанился, пригладил усы, подкрутил их кончики.

— А вы — не далийка, — кокетливо угадал он.

— Нет, но мне все равно нужен нож.

— Закон не позволяет продавать ножи, — сообщил продавец.

— Я не полицейская ищейка, не правительственный шпион. Просто я еду в Биллиботтон.

— Одна? — изумленно спросил продавец.

— С другом, — и Дорс показала через плечо большим пальцем правой руки на Селдона, который покорно ожидал ее на улице.

— Так, значит, вы для него хотите нож купить? — спросил продавец, оценивающе поглядел на Селдона и сделал заключение: — Он тоже не местный. Пускай сам зайдет и купит.

— Он тоже не правительственный шпион. А нож мне нужен для себя.

Продавец покачал головой.

— Ненормальный вы народ, заезжие. Ну, если вам до смерти не терпится потратить ваши денежки, мне-то что...

Он наклонился под прилавок, вытащил футляр, легко, уверенно раскрыл его; блеснуло лезвие ножа.

— Это что, самый большой? — спросила Дорс.

— Самый лучший женский нож.

— Вы мне мужской покажите.

— Он для вас тяжеловат будет. Вы хоть знаете, как ножом пользоваться?

— Научусь, а тяжелый или нет — неважно. Показывайте мужской.

Продавец ухмыльнулся:

— Ну, если хотите...

Он наклонился пониже и достал футляр побольше. Нож на сей раз был гораздо более внушительный — прямо-таки мясницкий.

Улыбаясь, продавец протянул Дорс нож, держа его за лезвие.

— Ну-ка, покажите, как вы его вынимаете, — попросила Дорс.

Продавец медленно продемонстрировал, как обнажается лезвие и как убрать его обратно.

— Вот так повернуть... а потом перехватить, — пояснил он.

— Еще разочек, сэр.

Продавец повторил.

— Хорошо, — кивнула Дорс, — закройте и сделайте вид, что угрожаете мне.

Он медленно замахнулся.

Дорс вырвала у него нож, вернула и сказала:

— Теперь порезче.

Продавец слегка опешил, потом без предупреждения замахнулся левой. Дорс левой же рукой перехватила нож; лезвие мелькнуло и тут же исчезло в рукоятке. У продавца отвисла челюсть.

— Значит, этот у вас самый большой? — как ни в чем не бывало спросила Дорс.

— Да. Но если собираетесь им пользоваться, скоро устанете.

— Ничего. Буду дышать поглубже. И еще один такой же.

— Для вашего друга?

— Нет. Для меня.

— Вы что, двумя ножами орудовать собираетесь?

— У меня же две руки.

Продавец вздохнул.

— Ох, госпожа, не суйтесь вы в Биллиботтон. Вы даже не представляете, что там с женщинами делают.

— Догадываюсь. А как засунуть эти ножи в ремень?

— Тот, что на вас, не подойдет, госпожа. Он не годится для ножей. Я бы мог поискать для вас такой, какой нужно.

— А два ножа в нем поместятся?

— Где-то у меня завалялся двойной ремень. Сейчас поищем... Их не очень-то берут.

— Я возьму.

— Боюсь, он вам широковат будет.

— Ничего, подрежу как-нибудь, ушью.

— Но это все вам обойдется недешево.

— Не волнуйтесь, у меня хватит.

Когда Дорс наконец вышла из магазина, Селдон скорчил кислую мину и сообщил:

— Ну у тебя и видок с этим ремнем!

— Правда, Гэри? Такой видок, что неприлично показаться рядом с тобой в Биллиботтоне? Тогда давай вернемся к Тисальверам и никуда не поедем.

— Нет, я сам поеду. Так будет безопаснее.

— Не надо, Гэри. Все решено. Либо мы вместе возвращаемся, либо вместе едем. Я с тобой не расстанусь.

Ее голубые глаза смотрели так уверенно, губы были так сурово сжаты, руки так твердо легли на ремень, что Селдон понял — она не шутит.

— Ладно, — сказал он, — но если ты останешься в живых и я еще раз увижусь с Челвиком, я потребую с него плату за то, что буду продолжать возиться с психоисторией. Дорс, как бы ты ни была мне дорога, я потребую, чтобы он забрал тебя. *Понимаешь?*

Дорс неожиданно улыбнулась.

— Не надейся. И не подлизывайся. Со мной этот номер не пройдет. Никто меня не заберет. Понимаешь?

68

Как только мелькнули буквы «Биллиботтон», Дорс и Селдон торопливо выскочили из вагончика экспресса. Первым признаком того, что их ожидало, могла служить хотя бы отсутствующая вторая буква «и» в названии остановки. На ее месте просто горело пятнышко света.

Гэри и Дорс спустились по лестнице и оказались на улице. Было немного за полдень, светло, и на вид улица ничем не отличалась от того района Даля, из которого они уехали.

А вот пахло тут совсем иначе, какой-то тухлятиной, а на тротуаре повсюду валялись кучи мусора. Уборочными машинами, в буквальном смысле слова, не пахло за километр.

И тем не менее — улица как улица, ничего особенного. Откуда же бралась такая напряженность, почему так тяжело дышалось?

Может быть, из-за пешеходов? Их было не больше и не

меньше, чем в других местах, но все-таки они были какие-то другие. Обычно в городской сумятице и спешке люди выглядят занятыми, торопливыми, думают о чем-то своем. Только так и можно выжить на Тренторе — игнорировать друг друга, не смотреть встречным в глаза, ни о чем не думать, кроме того, куда и зачем идешь. Или, наоборот, как в тихом районе, где обитали Тисальверы, предаваться ритуальному дружелюбию вечернего променада.

А здесь, в Биллиботтоне, и в помине не было ни дружелюбия, ни отчужденности. По крайней мере, по отношению к неместным. Головы всех встречных до единого, а также всех, кого обгоняли Селдон и Дорс, автоматически поворачивались им вслед, и все взгляды были злобные, нехорошие.

Одеты прохожие были неряшливо, потрепанно. Грязью и нищетой несло ото всех, и Селдон почувствовал себя неловко в чистой, глаженой одежде.

— Как ты думаешь, — спросил он у Дорс, — где может жить матушка Ритта?

— Не знаю, — покачала головой Дорс. — Это твоя идея, вот и гадай теперь, где она живет. Я другим заниматься буду. На мне — защита, и у меня сильное подозрение, что без работы я не останусь.

— Я-то думал, что можно будет просто спросить у первого встречного, — сказал Селдон немного виновато, — а теперь как-то не могу решиться.

— Я тебя не виню. И не думаю, что кто-то с радостью придет тебе на помощь.

— Ну да ладно, есть еще такая вещь на свете, как детишки, — сказал Селдон и поманил кого-то пальцем. На его призыв сразу откликнулся мальчишка. На вид ему было лет двенадцать, по крайней мере, усы еще не пробились. Он остановился как вкопанный, во все глаза разглядывая Дорс и Селдона.

— Ты, наверное, думаешь, — фыркнула Дорс, — раз он такой маленький, он меньше ненавидит чужаков?

— По крайней мере, может, хоть не такой злющий, как взрослые. Если мы подойдем поближе, он в худшем случае удерет и осыплет нас ругательствами, но уж драться-то вряд ли полезет. Молодой человек! — позвал мальчишку Селдон.

Мальчишка отступил на шаг, но смотрел по-прежнему на Дорс и Селдона.

— Поди сюда, — поманил его Селдон.

— А на че? — поинтересовался мальчишка.

— Хочу спросить дорогу. Да не бойся, подойди поближе, чтобы мне не кричать.

Мальчишка сделал два шага вперед. Мордашка у него была чумазая, но глазки умненькие и веселые. На босых ногах красовались совершенно разные сандалии, а на штанине — грубая заплатка.

— Каку таку еще дорогу? — спросил он и шмыгнул носом.

— Мы ищем матушку Ритту.

Глаза мальчишки загорелись.

— А тебе она на че сдалась?

— Я ученый. Знаешь, что такое ученый?

— В школе, видать, учился?

— Да. А ты?

— Не-а, — мальчишка помотал головой и презрительно сплюнул.

— Мне нужно потолковать с матушкой Риттой. Можешь отвести нас к ней?

— Че, хотишь, чтобы тебе судьбу предсказали, а? Приперся в Биллиботтон таким фертом, так и я тебе предскажу, не больно-то трудно. Незавидная у тебя судьба.

— Как тебя зовут, молодой человек?

— А тебе на че?

— Чтобы можно было говорить по-дружески. Чтобы ты отвел нас к матушке Ритте. Ты знаешь, где она живет?

— Может, знаю, а может, нет. А звать меня Рейч. А че ты мне дашь, коли я тебя отведу?

— А чего бы тебе хотелось, Рейч?

Взгляд Рейча остановился на ремне Дорс.

— У тетечки у твоей пара ножичков. Дашь один — так и быть, отведу вас к матушке Ритте.

— Это взрослые ножи, Рейч. Ты еще слишком маленький.

— Ну, тода и к матушке Ритте водить я тоже буду слишком маленький, — заявил Рейч, хитро глянув на Селдона из-под спутанной челки.

Селдон занервничал. Еще немного, и вокруг соберется толпа. И так уже некоторые останавливались, но, не высмотрев ничего интересного, уходили. Но стоило мальчишке разозлиться, он бы наверняка мог созвать целую шайку.

— Читать умеешь, Рейч? — с улыбкой спросил Селдон.

Рейч снова сплюнул сквозь зубы и сказал:

— Не-а. Че я, дурак, что ли, — читать? Пусть дураки читают.

— А с компьютером обращаться умеешь?

— С говорящим-то? А то как же. Это каждый дурак умеет.

— Тогда мы вот как договоримся. Веди меня в ближайший магазин, где продаются компьютеры, и я куплю тебе маленький компьютер с приставкой для обучения чтению. Через несколько недель сумеешь сам читать.

Селдону показалось, что на мгновение в глазах мальчишки мелькнул огонек, но если и мелькнул, то тут же угас.

— Не-а, — мотнул тот головой. — Не дадите ножик, так мне ниче не надо.

— Подумай хорошенько, Рейч. Будешь учиться потихоньку, а потом всех удивишь. Только не говори никому, что учишься. А потом поспорь с кем-нибудь на пять кредиток, выиграешь обязательно; глядишь, и сам сможешь купить себе ножик.

Мальчишка растерялся.

— Не-а. Кто со мной спорить-то будет? Деньжат ни у кого нету.

— Ну, тогда по-другому. Выучишься читать, сможешь найти работу в магазине, где торгуют ножами, и купишь себе ножик за полцены. Подходит?

— И че, прям щас можешь купить говорящий компьютер?

— Прямо сейчас, но отдам тебе тогда, когда отведешь нас к матушке Ритте.

— А денежки у тебя есть?

— У меня есть кредитная карточка.

— Ладно, валяй, покупай.

Компьютер был незамедлительно приобретен, но когда мальчишка потянулся за ним, Селдон покачал головой и убрал машину в карман.

— Сначала отведи нас к матушке Ритте, Рейч. Ты точно знаешь, где она живет?

— А то! — возмутился Рейч. — Отвести я вас отведу, не без этого, токо ты мне компьютер смотри сразу отдай, а то я быстренько кликну ребят, и тебе и тетечке твоей не поздоровится. Так что смотри, не обмани.

— Зря ты так, — улыбнулся Селдон. — Мы тебя не обманем.

Рейч быстро повел их вдоль по улице, свернул в переулок, потом в другой, в третий... Селдон молчал, Дорс тоже. Вот только Дорс не была погружена в собственные мысли, а внимательно наблюдала за встречными и теми, кто шел позади. Любопытные, злобные, похотливые взгляды она встречала спокойно, холодно. Время от времени, когда позади слышались шаги, она оборачивалась.

Наконец Рейч сообщил:

— Туточки! — и ткнул грязным пальцем в длинное одноэтажное здание. — Че стоите? Не на улице она живет-то.

Дорс и Селдон вошли в дверь следом за Рейчем. Потянулся бесконечно длинный коридор, сворачивающий то вправо, то влево, и как ни старался Селдон запомнить дорогу, это ему не удалось.

— Как ты не путаешься в этих коридорах, Рейч?

Мальчишка пожал плечами:

— Да я тут мотаюсь сызмальства. Че такого-то? Номерки на дверях стоят почти что везде, ну разве где посбивали... ну и стрелочки намалеваны на стене. Нипочем не заблудишься, ежели знаешь, как идтить.

Рейч, по всей вероятности, знал дорогу досконально, и скоро все трое забрались в самое нутро дома. Вот уж где пахло так пахло! Кучи мусора в коридорах, вонь жуткая! Обитатели коридоров, попадавшиеся им время от времени по пути, вылупив глаза, смотрели на гостей. Беспризорные, чумазые детишки носились по коридорам с дикими, воинственными воплями.

— Эй, ты! — провизжал какой-то мальчишка, чуть было не угодив мячом прямо в Дорс. — Че мешаешься!

Наконец Рейч остановился перед темной потрескавшейся дверью, на которой слабо мерцал номер: «2782».

— Туточки, — сказал он и торопливо протянул руку.

— Сначала посмотрим, кто там за дверью, — тихо проговорил Селдон, нажал кнопку звонка, однако ответа не последовало.

— Ниче не выйдет, — объяснил Рейч. — Ты стукни. Да погромче. Она ж глухая совсем.

Селдон забарабанил в дверь кулаком и был вознагражден — за дверью послышались чьи-то шаги. Хриплый голос спросил:

— Кто спрашивает матушку Ритту?

— Двое ученых! — прокричал Селдон в ответ, вынул из кар-

мана маленький компьютер с приставкой, вручил Рейчу, тот схватил подарок, ухмыльнулся и помчался прочь. Селдон проводил его взглядом, обернулся.

На пороге стояла матушка Ритта.

69

Лет ей было, наверное, за семьдесят, правда, по лицу так сразу и не скажешь. Пухлые щечки, маленький рот, аккуратный подбородок, под которым едва намечался второй. Роста она была маленького — метра полтора, и очень полная.

Глаза потонули в сеточках морщин, а когда она улыбалась, морщинки от глаз разбегались по всему лицу. Передвигалась она тяжело, грузно.

— Входите, входите, — проговорила она негромким, чуть осипшим голосом и близоруко прищурилась. — Не местные. Даже не с Трентора, верно? Пахнет от вас не по-тренториански.

Лучше бы она вообще не заикалась о запахах. В тесной комнатушке, заставленной всяким хламом, все пропахло какой-то кислятиной. Духота стояла страшная, и Селдон с ужасом подумал, что, наверное, к тому времени, как они с Дорс уйдут отсюда, его одежда успеет насквозь пропахнуть этими ароматами.

— Вы правы, матушка Ритта, — кивнул Селдон. — Я Селдон с Геликона. Моя подруга Венабили — с Цинны.

— Ну вот, — довольно улыбнулась матушка Ритта и принялась высматривать, куда бы усадить гостей, но ничего пристойного не нашла.

— Не беспокойтесь, мы постоим, — успокоила ее Дорс.

— Что? — переспросила старушка, поглядев на Дорс. — Говори погромче, деточка. Уши у меня уже не те, что были, когда я была такая же молоденькая, как ты.

— А что же вы слуховым аппаратом не пользуетесь? — поинтересовался Селдон.

— Не помогает, господин Селдон. Похоже, у меня что-то неладное со слуховым нервом, а деньжат на операцию нету. Так вы пришли к старушке Ритте, чтобы узнать свое будущее?

— Не совсем так, — покачал головой Селдон. — Я пришел, чтобы узнать о прошлом.

— Хорошо. Так трудно понять, чего хотят люди.

— Наверное, это целое искусство, — с улыбкой проговорила Дорс.

— На вид очень даже просто, но надо говорить поубедительнее. Я честно зарабатываю свои денежки.

— Если у вас есть устройство для приема кредитных карточек, — сказал Селдон, — мы вам неплохо заплатим, если вы расскажете нам о Земле. Только выдумывать и приукрашивать ничего не надо. Мы хотим услышать правду.

Старушка, которая все это время бродила по комнате, перекладывая с места на место всякую рухлядь, словно старалась, чтобы ее неряшливые апартаменты приобрели более пристойный вид, застыла в неподвижности.

— А... что вы желаете узнать о Земле?

— Ну, для начала, что это такое?

Старушка повернулась к ним лицом и уставилась в одну точку. Заговорила она низким голосом, тихо, медленно выговаривая каждое слово:

— Это мир, очень древняя планета. Она забыта и потеряна.

— В истории о ней ничего не говорится. Это мы знаем, — вмешалась Дорс.

— Это было давно, деточка, в доисторические времена, — гордо проговорила матушка Ритта. — Планета эта существовала на заре Галактики, и даже раньше. Этот мир был тогда единственным. На других планетах тогда еще не жили люди.

— Не было у Земли другого названия — Аврора, например? — спросил Селдон.

Матушка Ритта сердито нахмурилась.

— Откуда ты знаешь об этом?

— Уж не помню. Где-то слышал, будто Авророй называлась планета, где человечество когда-то обитало в мире и гармонии.

— Это ложь! — объявила матушка Ритта и брезгливо вытерла губы, словно хотела, чтобы на них не задержался самый вкус услышанного. — То слово, что ты произнес, упоминается только для названия места, где обитало Зло. Оттуда пошло Зло. Земля была одна до тех пор, покуда не пришло Зло. Зло чуть было не погубило Землю, но Земля устояла и победила Зло с помощью своих героев.

— Земля существовала *раньше* этого Зла? Вы уверены в этом?

— Намного раньше. Земля была одной-единственной в Галактике тысячи, нет — миллионы лет.

— Миллионы лет? Человечество существовало на Земле миллионы лет, и больше ни на одной планете людей не было?

— Это правда. Это правда. Это *правда*.

— Но вам-то это откуда известно? Это что, зафиксировано в памяти компьютера? Напечатано, написано? Есть у вас книга какая-нибудь, где я мог бы прочитать об этом?

Матушка Ритта покачала головой.

— Я слышала рассказы моей матушки, а она слышала эти рассказы от своей матушки, и так далее. У меня детишек нет, поэтому я рассказываю про это другим, но когда-нибудь все это кончится. Нынче времена, когда люди мало во что верят.

— Это не совсем так, матушка, — вмешалась Дорс. — Есть люди, которые думают о доисторических временах и изучают рассказы о потерянных мирах.

Матушка Ритта безнадежно махнула рукой.

— Они смотрят на все холодными глазами. Учеными. Стараются все приспособить под свои понятия. Я целый год напролет могла бы рассказывать вам истории о великом герое Бэй-ли, но вы бы не выдержали, у вас бы времени не хватило, а я бы под конец выдохлась.

— А о роботах вы слышали что-нибудь? — спросил Селдон.

Старушка вздрогнула и испуганно вскрикнула:

— Зачем ты спрашиваешь про такое? Это были искусственные люди, злобные создания, порождения злобных миров. Они были уничтожены, и о них нельзя упоминать.

— Но был один робот, которого ненавидели в злобных мирах, не так ли?

Матушка Ритта неожиданно резво приблизилась к Селдону и, прищурившись, заглянула ему в глаза. Селдон ощутил ее горячее дыхание.

— Ты пришел посмеяться надо мной? Сам знаешь, зачем спрашиваешь? Зачем, зачем ты спрашиваешь?

— Затем, что хочу знать.

— Был один искусственный человек, который помог Земле. Это был Дэ-ни, друг Бэй-ли. Он не погиб и живет где-то до сих пор, ожидая, когда для него придет время вернуться. Никто не знает, когда придет это время, но в один прекрасный день он вернется, и с ним вернутся старые добрые времена, а зло, несправедливость и нищета уйдут навсегда. Таково обещание... — проговорила она чуть тише, прикрыла глаза, улыбнулась, словно что-то припоминала.

Селдон немного выждал, вздохнул и сказал:

— Благодарю вас, матушка Ритта. Вы нам очень помогли. Что мы вам должны?

— Так приятно встретиться с чужеземцами... — пробормотала матушка Ритта. — Десять кредиток. Не желаете ли чего-нибудь выпить?

— Нет-нет, спасибо, — поспешно отказался Селдон. — Вот вам двадцать. Скажите только, как добраться от вас к остановке экспресса. Кстати, матушка Ритта, если сумеете записать какие-нибудь ваши рассказы о Земле на компьютерную дискету, я вам неплохо заплачу.

— Ну, это не так легко, сынок. И сколько же ты мне заплатишь?

— Все будет зависеть от того, сколько вы расскажете и хорошо ли. Я мог бы заплатить вам тысячу кредиток.

Матушка Ритта облизнулась.

— Тысячу кредиток? Целую тысячу? А как же я тебя разыщу, когда запишу свои рассказы?

— Вот вам компьютерный код, по которому меня можно разыскать.

Селдон вручил старушке листок с кодом, и они с Дорс вышли в коридор, воздух в котором теперь показался им намного более свежим, чем в комнатушке предсказательницы, и быстро зашагали в том направлении, что указала им матушка Ритта.

70

— Беседа оказалась не слишком долгой, Гэри, — заметила Дорс.

— Знаю. Но ты сама видела, что там у нее за обстановочка, да и узнал я вполне достаточно. Просто поразительно, как эти истории обрастают подробностями и преувеличениями.

— Что ты имеешь в виду под преувеличениями?

— Ну смотри: микогенцы населяли свою Аврору человеческими существами, способными жить целые века, а у далийцев человечество, видите ли, жило на Земле в гордом одиночестве

миллионы лет. Но и те, и другие говорят о роботе, который живет вечно. Что-то тут есть.

— Что касается миллионов лет, то... Куда мы идем?

— Матушка Ритта сказала, чтобы мы шли до зоны отдыха, потом нашли указатель «Бульвар», повернули налево. Только разве мы проходили зону отдыха по дороге сюда?

— Может быть, мы возвращаемся отсюда совсем другой дорогой. Я никакой зоны отдыха не помню, но я по сторонам особенно не глазела, больше на людей смотрела, и...

Дорс умолкла. Впереди коридор раздваивался.

Селдон вспомнил. Здесь они точно проходили. Тут по обе стороны коридора вдоль стен стояли ободранные кушетки. Зона отдыха!

Теперь Дорс не было нужды приглядываться к встречным и тем, кто шел позади. В коридоре было пусто. А вот впереди, в пресловутой зоне отдыха, кучковались мужчины, довольно высокие для далийцев, с огромными усищами, мускулистыми руками, покрытыми блестящим слоем пота.

Они явно поджидали чужеземцев. Дорс и Селдон почти одновременно остановились. Мужчины впереди не тронулись с места. Селдон растерянно оглянулся. Позади появились трое.

— Мы в ловушке, — процедил Селдон сквозь зубы. — Не надо было тебе ездить со мной, Дорс.

— Как раз наоборот. Именно потому я поехала с тобой. А теперь скажи, стоило мотаться к матушке Ритте, а?

— Стоило, если мы выберемся отсюда.

Селдон шагнул вперед и вежливо поинтересовался:

— Разрешите пройти?

Один из мужчин двинулся навстречу. Роста он был точно такого же, как Селдон, но шире в плечах и плотнее. Правда, с брюшком, отметил Селдон.

— Меня звать Маррон, — сообщил мужчина самодовольно, словно само по себе его имя должно было вызвать ужас и уважение, — и я здесь для того, чтобы сказать вам, что мы не любим, когда в наш район суются чужаки. Хотели войти, пожалуйста, мы не против, а хотите выйти, придется раскошелиться.

— Отлично. Сколько?

— Все, что есть. Вы же заезжие богачи, точно? У вас кредитные карточки имеются? Вот и выкладывайте их.

— Нет.

— Это ты зря отнекиваешься. Мы их отберем.

— Отобрать ты их сможешь, если только убьешь меня или побьешь, но от карточки тебе не будет никакого толку без образца звучания моего голоса. Нормального звучания, учти.

— Ты, господин, не прав — видишь, какой я вежливый? Мы можем отобрать у вас ваши карточки, почти пальцем вас не тронув.

— И сколько же для этого потребуется крепких мужчин? — усмехнулся Селдон. — Девять? Нет, десять, — быстро подсчитал он.

— Зачем десять? Хватит одного меня.

— Сам драться будешь?

— Сам.

— Тогда пусть остальные разойдутся. Давай, Маррон, попробуй.

— У тебя ножа нету, господин. Дать тебе?

— Не надо. Своим можешь пользоваться, чтобы все было по-честному. Я буду драться без ножа.

Маррон оглянулся на своих приятелей и сказал:

— Смелый мужик попался, глядите, ребята! И не боится даже. Ладно, это мне нравится. Такого и бить-то жалко... Я тебе вот что скажу, господин. Я беру твою девчонку, а если хочешь, чтобы я ее отпустил, гони свою карточку и ее тоже, да побыстрее, и скажи, что положено, нормальным голосом, чтобы карточка заработала. И она пускай скажет. Скажешь «нет», тогда, хотя... нет, чуть попозже, когда я закончу с девочкой — это ведь требует времени, а? — он грубо расхохотался, — мне придется отделать тебя как следует.

— Нет, — ответил Селдон. — Женщину не трогать. Я вызвал тебя на бой. Один на один. Ты — с ножом, я без ножа. Мало тебе этого? Я согласен драться с двумя. Но женщину не трогать, понял?

— Хватит, Гэри! — крикнула Дорс. — Если ему не терпится, пусть попробует меня схватить. Стой, где стоишь, Гэри, и не двигайся.

— Слыхал? — осклабился Маррон. — Стой где стоишь, Гэри, и не двигайся. Похоже, малышке я понравился. Вы двое, придержите его.

Руки Селдона тут же оказались крепко сжатыми за спиной, а между лопаток уперлось острие ножа.

— Не двигайся, — прохрипел голос прямо ему в ухо. — Смотреть можешь, так и быть. Девочке понравится, вот увидишь. Маррон мастер на это дело.

— Не двигайся, Гэри! — еще раз прокричала Дорс и развернулась к Маррону, прищурившись и чуть согнув руки в локтях.

Маррон медленно пошел на нее, а Дорс, дождавшись, пока тот окажется на расстоянии вытянутой руки, ловко выхватила из-за ремня два громадных ножа.

Маррон на мгновение растерялся, даже отшатнулся, но тут же расхохотался.

— У-у-у, как страшно! У малышки два ножичка, какие большие! Такие ножички нельзя носить девчонкам, такие ножички только большие мальчики носят. А у меня — ай-ай-ай, только один. Ну да ладно, так будет по-честному... — и он выбросил вперед лезвие ножа. — Ох, как бы не хотелось поцарапать тебя, милашка... вот увидишь, как славно будет, если этого не случится! Может, просто взять да и выбить ножички из твоих ручонок, а?

— Убивать тебя я не собираюсь, — сообщила Дорс хладнокровно. — Постараюсь не убить. Но все равно, все свидетели, если я тебя убью, я сделаю это только для того, чтобы защитить моего друга, с которым связана словом чести.

Маррон дурашливо запросил пощады:

— Ой-ой-ой, не убивай меня, малышка, не надо! — и расхохотался. Заржали, как жеребцы, и его дружки.

Маррон замахнулся, но Дорс уклонилась от удара. Детина замахивался снова и снова, но все удары приходились мимо цели. Маррон рассвирепел, и если до этого он больше пытался запугать Дорс, то теперь перешел к решительным действиям. Нож в левой руке Дорс блеснул и схлестнулся с ножом Маррона с такой силой, что руку нахала отбросило назад. Лезвие ножа, зажатого в правой руке Дорс, сверкнуло как молния, и на футболке Маррона появился косой порез, сразу засочившийся кровью.

Маррон ошарашенно вылупился на свою рану. Его приятели в ужасе ахнули. Селдон почувствовал, что хватка у обоих парней, что держали его за руки, сразу ослабла. Поединок явно складывался не так, как они ожидали.

Маррон снова замахнулся правой рукой, а левой попытался ухватить Дорс за талию. Лезвие ножа, зажатого в левой руке Дорс, снова скрестилось с лезвием ножа Маррона. Правую руку Дорс ловко выбросила вперед, и готовые сжаться у нее на талии пальцы Маррона схватили, казалось бы, воздух, но, когда он разжал пальцы, через всю ладонь протянулась кровавая полоска.

Дорс отскочила назад, а Маррон, разъяренный видом собственной крови, проревел:

— Кто-нибудь, киньте мне еще один нож!

Поначалу никто не решался выполнить его просьбу, но вот один из приятелей протянул ему свой нож. Маррон потянулся за ножом, но Дорс опередила его, взмахнула правой рукой — сверкнуло лезвие, и предложенный Маррону нож звякнул о пол.

Селдон почувствовал, что держат его еще слабее. Он резко рванул руки вперед и вверх и освободился. Те, кому было поручено держать Селдона, с криками бросились ловить его, но он развернулся, резко стукнул одного в пах, другому нанес точный удар в солнечное сплетение. Оба рухнули как подкошенные.

Селдон наклонился, присел, вынул у обоих ножи. Правда, в отличие от Дорс он понятия не имел, как нужно драться ножами, но спасение его было в том, что этого скорее всего не знали и далийцы.

— Не лезь на рожон, Гэри, — посоветовала ему Дорс. — Защищайся, Маррон, и учти, в следующий раз я тебя царапать не буду, ударю — не опомнишься.

Маррон, разъяренный до крайности, взревел, как бык, и рванулся вперед, по всей вероятности, надеясь одолеть противницу за счет одной только массы собственного тела, сбить с ног. Дорс пригнулась, прошмыгнула под его правой рукой, подставила ему подножку, и Маррон рухнул на пол. Нож вылетел у него из пальцев.

Дорс быстро опустилась на колени, приставила один из ножей к шее Маррона.

— Сдавайся! — произнесла она.

Но Маррон взревел, отшвырнул Дорс в сторону, встал на четвереньки...

Выпрямиться ему не удалось. Дорс вскочила на него верхом и отхватила ножом половину усов.

На этот раз Маррон взвыл, как раненый зверь, схватился за лицо... Когда он отдернул руку, ладонь была вся в крови.

— Погуляешь теперь без усов, Маррон! — крикнула Дорс. — Я прихватила заодно и кусок губы. Попробуй еще разок, и я убью тебя!

Она ждала ответа, но Маррону явно хватило развлечений. Постанывая, он поплелся прочь, истекая кровью.

Дорс проводила его взглядом и развернулась к остальной компании. Те двое, что пали жертвой боевого искусства Гэри, все еще валялись, скрючившись, на земле — обезоруженные и без признаков жизни. Дорс присела рядом с ними, ловко перерезала ремни и надпорола штаны.

— Пойдете домой, штанишки не забудьте поддержать, — посоветовала она парням.

Остальные семеро в ужасе застыли на месте. Взгляды всех были прикованы к Дорс.

— Ножик кто из вас Маррону одолжил? — поинтересовалась Дорс.

Ответом ей была гробовая тишина.

— А, неважно, — махнула рукой Дорс. — Хотите — по одному, хотите — все вместе, но живыми вам не уйти.

Не сговариваясь, все семеро развернулись и позорно бежали.

Дорс, приподняв брови, обернулась к Селдону и сказала:

— Ну уж теперь Челвику никак не обвинить меня в том, что я плохо тебя защищала.

Селдон пробормотал:

— До сих пор не могу поверить. Вот уж не представлял, что ты на такое способна.

Дорс просто, искренне улыбнулась.

— Ну, ты тоже не без способностей, если на то пошло. Славная мы парочка, а? Ладно, убирай ножи по карманам. Наверняка здесь новости разносятся быстро, и мы выберемся из Биллиботтона без проблем.

Она оказалась совершенно права.

Глава 15

ПОДПОЛЬЩИК

ДАВАН. *В неспокойные времена, которыми были отмечены последние века существования Первой Галактической Империи, возникали типичные очаги беспорядков, причиной которых было то, что политические и военные лидеры боролись за «исключительную» власть, исключительность которой становилась все более и более бесполезной с каждым десятилетием. До внедрения психоистории лишь изредка возникало нечто, что можно было бы назвать народным движением. В этой связи одним из самых интересных примеров может послужить Даван, человек, о котором мало что известно, но не исключено, что он познакомился с Гэри Селдоном во время...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

71

Гэри и Дорс с горем пополам вымылись в сидячих ваннах — других у Тисальверов не было, — переоделись и засели в комнате Селдона. Тут вернулся с работы Тисальвер. Он робко позвонил.

Селдон открыл дверь и добродушно проговорил:

— Добрый вечер, господин Тисальвер. И вам, госпожа, добрый вечер.

Касилия стояла за спиной мужа — хмурая, недовольная.

— Надеюсь, вы и госпожа Венабили хорошо себя чувствуете? — спросил Тисальвер и сам себе ответил робким кивком, словно боялся услышать отрицательный ответ.

— Замечательно, — ответил Селдон. — Побывали в Биллиботтоне и вернулись. Все в порядке. Вымылись, переоделись, никакого запаха.

Последние слова Селдон нарочито адресовал госпоже Тисальвер. Но она ему не поверила и на всякий случай принюхалась.

Тисальвер все так же робко, смущенно поинтересовался:

— Вы, похоже, дрались там на ножах?

— Вот как? Уже слухи ходят? — удивленно вздернул брови Селдон.

— Говорят, будто вы и госпожа подрались с сотней бродяг и всех уложили. Это правда? — заискивающе спросил Тисальвер.

— Ничего подобного, — возмущенно ответила Дорс. — Глупости какие. Вы что, думаете, мы — убийцы-профессионалы? Неужели вы можете поверить, будто сотня бандитов ждала бы, покуда я... то есть мы, разделаемся с каждым из них по очереди? Подумайте хорошенько.

— Так говорят, — с ледяной уверенностью проговорила Касилия Тисальвер. — И мы не можем позволить, чтобы такое творилось в нашем доме.

— Во-первых, — возразил Селдон, — это случилось не в вашем доме. Во-вторых, их было не сто, а десять. В-третьих, никого мы не убивали. Подрались, да, но они отступили и дали нам пройти.

— Дали пройти! — фыркнула госпожа Тисальвер. — И вы хотите, чтобы я поверила вам, чужеземцы?

Селдон вздохнул. Надо же, как мало нужно, чтобы такие милые, добрые люди вдруг стали твоими врагами.

— Ну хорошо, — кивнул он. — Если вам угодно, один из них был слегка ранен. Не серьезно.

— А у вас — ни царапинки? — восхищенно спросил Тисальвер.

— Ни царапинки, — подтвердил Селдон. — Госпожа Венабили прекрасно управилась с двумя ножами.

— А я вам скажу, — заявила госпожа Тисальвер, гневно глянув на ремень Дорс, — что такого я у себя в доме не потерплю.

Дорс спокойно ответила:

— Покуда на нас тут никто не нападает, терпеть вам нечего.

— Да? А известно ли вам, что из-за вас у наших дверей стоит пакость подзаборная? У наших дверей! Известно вам это?

— Любовь моя, — попытался урезонить ее Тисальвер. — Давай не будем ссориться...

— Почему? — возмущенно воскликнула Касилия. — Боишься ее ножей? Пусть только попробует достать их здесь!

— Не имею такого намерения, — покачала головой Дорс. — И что это за пакость у дверей? О чем вы, госпожа Тисальвер?

Тисальвер объяснил:

— Моя жена говорит о бродяге из Биллиботона, беспризорнике... так он, по крайней мере, выглядит, он желает вас ви-

деть... а у нас в районе это не принято. Это нас унижает, вы уж простите.

— Хорошо, господин Тисальвер, — кивнул Селдон, — мы выйдем, выясним, в чем дело, и постараемся отделаться от него побыстрее...

— Нет. Погоди, — вмешалась Дорс. — Это — *наши комнаты*. Мы за них платим. И *нам* решать, кто может к нам прийти, а кто — нет. Если тот молодой человек, что стоит за дверью, из Биллиботтона, значит, он, во всяком случае, далиец. А самое главное — он тренторианец. И что еще важнее — он подданный Империи и человек. А самое важное, раз он пришел к нам, значит, он — наш гость. Поэтому мы приглашаем его войти.

Госпожа Тисальвер не дрогнула. Тисальвер оробел.

Дорс сказала, усмехнувшись:

— Ну, раз вы верите, что я уложила наповал целую сотню в Биллиботтоне, неужели вы думаете, я испугаюсь какого-то мальчишки или, если уж на то пошло, вас двоих?

И ее правая рука небрежно легла на ремень.

— Госпожа Венабили, — прижав руки к груди, воскликнул Тисальвер, — мы не хотели вас обидеть, что вы, что вы! Конечно, это ваши комнаты, и вы можете тут принимать кого захотите.

Он отошел в сторону, схватил за руку возмущенную супругу, по яростному виду которой было совершенно ясно, что Тисальвер еще поплатится за свое поведение.

Дорс проводила их ледяным взглядом.

— Ты на себя не похожа, Дорс, — сухо усмехнулся Селдон. — Я считал тебя человеком, благородно вступающим в схватку, но спокойным и выдержанным, когда нужно всего-навсего предотвратить беду.

Дорс покачала головой.

— Терпеть не могу, когда при мне унижают человека только из-за того, что считают его ниже себя. Именно эти уважаемые люди и виноваты в том, что здесь вырастают хулиганы и бандиты.

— Точно, — кивнул Селдон, — они и прочие уважаемые люди, которые виноваты в том, что выросли такие же вот уважаемые люди. Эта взаимная враждебность так свойственна людям...

— Значит, ты это учтешь при разработке психоистории?

— Учту, конечно, если придется что-то учитывать... Ага, вот и наш бродяжка. Это Рейч, и меня это нисколько не удивляет.

72

Рейч вошел, оглядываясь по сторонам, явно растерянный и смущенный, потирая верхнюю губу указательным пальцем, словно пытался обнаружить там хоть какие-то признаки растительности.

Обернувшись к онемевшей от ярости госпоже Тисальвер, он неуклюже поклонился.

— Спасибочки, хозяйка. Славная у вас квартирка.

Как только дверь за ним захлопнулась, он развернулся к Селдону и Дорс с видом человека, знающего толк в таких делах:

— Здорово устроились, братцы.

— Рад, что тебе тут нравится, — кивнул Селдон. — А как ты узнал, где мы живем?

— А выследил вас. А вы как думали? Ну, тетечка, — сообщил он, повернувшись к Дорс, — деретесь вы, я вам скажу... так тетечки не дерутся.

— И много ты видал дерущихся тетечек? — с интересом спросила Дорс.

Рейч вытер нос.

— Не-а, ваще не видел. Тетки ваще с ножами не гуляют, разве что с маленькими, чтобы детишек пугать. Ну, меня-то не шибко напугаешь.

— Верю. А что ты такое делаешь, чтобы тетечки доставали свои ножички, вот вопрос?

— Ниче не делаю. Дурака валяю. Ну, крикну че-нибудь вроде: «Эй, тетечка, дай-ка я...» — Он ненадолго задумался и покачал головой. — Не, ниче, это я так.

Дорс сказала:

— Со мной лучше не пытайся. Номер не пройдет.

— Шутите? Штоб я... после того, как вы Маррона отделали? И где вы только такому выучились, тетечка?

— У себя на родине.

— А меня можете выучить?

— Ты ко мне за этим пришел?

— Не, не за этим. Я вам записочку принес.

— От кого же? Кто-нибудь еще хочет со мной подраться?

— Нет, тетечка, никто больше с вами драться не хочет. Вас, тетечка, теперь все боятся. Приезжайте теперь в Биллиботтон, так там все парни вам дорогу дадут, будут кланяться и прятаться от вас. Вот вы какая, тетечка. Потому-то он и хочет с вами повидаться.

— Ладно, Рейч, — поторопил Селдон, — не тяни волынку. Выкладывай, кто хочет с нами увидеться?

— Один парень. Даван звать.

— Кто он такой?

— Просто парень. Живет в Биллиботтоне, а гуляет без ножа.

— И еще жив, Рейч?

— Он читает — целу кучу всего прочитал — и помогает парням, кода у них беда с полицией. Его никто не трогает. Ножик ему ни к чему.

— Что же он сам не пришел? — спросила Дорс. — Зачем тебя послал?

— Он не любитель сюда мотаться. Говорит, будто его тут тошнит. Говорит, будто все, кто тут живет, лижут правительству... — Рейч осекся, виновато посмотрел на Селдона и Дорс по очереди и заявил: — Словом, не придет он сюда. А меня, сказал, пустят, потому как маленький я еще. Токо, — он улыбнулся, — чуть было не выперли, а? Ну, эта дамочка, что все вроде как принюхивалась? — Рейч замолчал, смущенно оглядел себя с головы до ног. — Там у нас не шибко-то помоешься.

— Не переживай, — улыбнулась Дорс. — Ну и где же нам с ним встретиться, если он не может сюда прийти? В Биллиботтоне? Что-то нас туда не очень тянет.

— Сказал же, — клятвенно воскликнул Рейч, — ниче вам теперь в Биллиботтоне не будет! И живет он там, где вас ваще никто не тронет.

— Это где же? — спросил Селдон.

— Я вас могу отвести. Недалеко.

— Но зачем он хочет с нами встретиться? — спросила Дорс.

— Чтоб я знал. Он мне токо так сказал... — Рейч закрыл глаза, стараясь вспомнить сказанное слово в слово. — «Скажи им, что я хочу увидеть человека, который говорил с далийским тер-

мальщиком так, словно тот — человек, и женщину, которая одолела Маррона на ножах, но не убила его, хотя могла это сделать». Вроде так.

Селдон улыбнулся.

— Похоже, ты все правильно запомнил. Ну, можно идти?

— Он ждет.

— Ладно, мы пойдем с тобой, — кивнул Селдон и с некоторым сомнением посмотрел на Дорс.

— Нормально, — сказала она. — Я пойду. Может, это и не ловушка никакая. Надежда умирает последней...

73

День клонился к вечеру. Розово-фиолетовый закат озарил искусственное небо с искусственными облачками. Хотя в Дале и жаловались на неважное отношение к сектору со стороны имперских властей, с климатом тут, по крайней мере, все было в полном порядке — Даль входил в общепланетную компьютерную сеть контроля погоды.

Дорс вполголоса проговорила:

— Похоже, нас чествуют, это точно.

Селдон спустился с небес на землю и сразу заметил громадную толпу зевак у подъезда многоквартирного дома, где жили Тисальверы.

Все взгляды были устремлены на вышедших из подъезда Дорс и Селдона. Как только стало ясно, что двое чужеземцев заметили зевак, толпа зашевелилась, зашумела. Еще чуть-чуть, и раздались бы бурные аплодисменты.

— Теперь мне ясно, — проговорила Дорс, — почему госпожа Тисальвер была такая сердитая. Пожалуй, не стоило огрызаться.

Толпа состояла в основном из бедно одетых людей. Нетрудно было догадаться, что многие прибыли из Биллиботтона.

Повинуясь неосознанному порыву, Селдон улыбнулся и поднял руку в приветствии, которое было-таки встречено аплодисментами. Кто-то крикнул:

— Пусть леди покажет нам, как она управляется с ножами!

— Нет! — прокричала Дорс в ответ. — Я делаю это только тогда, когда меня разозлят!

Из толпы вышел мужчина. Судя по его виду, он был никак не из Биллиботтона и даже не далиец. Во-первых, усики у него были весьма так себе, и к тому же не черные, а каштановые.

— Марло Танто, — представился он. — «Тренторианские головизионные новости». Можно с вами побеседовать? Для ночного выпуска?

— Нет, — наотрез отказалась Дорс. — Никаких интервью.

Репортер не двинулся с места.

— Насколько мне известно, вы подрались с целой шайкой в Биллиботтоне и победили. Вот это новость так новость, — улыбнулся он.

— Это неправда, — покачала головой Дорс. — Мы действительно столкнулись кое с кем в Биллиботтоне, потолковали с ними и пошли дальше. Вот и все, и большего вы не дождетесь.

— Как вас зовут? У вас не тренторианский выговор.

— Меня никак не зовут.

— А как зовут вашего друга?

— И его никак не зовут.

Репортер занервничал.

— Послушайте, леди. Вы действительно стали сенсацией, а я просто-напросто делаю свою работу.

Рейч потянул Дорс за рукав. Она наклонилась, и Рейч что-то прошептал ей на ухо.

— Послушайте, мистер Танто, — сказала Дорс, выпрямившись. — Я думаю, что вы никакой не репортер. Я думаю, что вы правительственный шпион, задумавший доставить неприятности Далю. Никакой драки не было, а вы пытаетесь сфабриковать сенсацию, из-за которой в Биллиботтон могут быть отправлены отряды имперской полиции. Я бы на вашем месте тут не задерживалась. Не думаю, чтобы вас тут сильно полюбили.

При первых же словах Дорс толпа зашевелилась. Поднялся шум, крики, и толпа двинулась к Танто с угрожающей скоростью. Он испуганно оглянулся и поспешил прочь.

Дорс крикнула:

— Пусть идет! Не трогайте его. А не то он сообщит в новостях, что на него напали.

Толпа расступилась.

— Ой, тетечка, зря вы так, — покачал головой Рейч. — Пущай бы его в клочки разодрали.

— Ну, кровожадный мальчишка, — улыбнулась Дорс, — веди нас к своему дружку.

74

Человека по имени Даван они обнаружили в комнатушке, что помещалась в недрах здания, фасад которого украшала вывеска закусочной.

Процессию возглавлял Рейч, чувствовавший себя в трущобах Биллиботтона столь же уверенно, как какой-нибудь геликонский крот в прорытом им самим подземном ходу.

Первой проявила беспокойство Дорс.

— Стой, Рейч, — окликнула она мальчишку. — Ты точно знаешь дорогу? Куда мы идем?

— К Давану идем, — возмутился Рейч. — Сказал же.

— Но тут никто не живет. Ни души нет, — растерянно проговорила Дорс, оглядываясь по сторонам с явной неприязнью. И действительно, место было безлюдное, световые панели либо не горели вовсе, либо едва-едва светились.

— Даван так любит, — объяснил Рейч. — Прячется. Он то здесь, то там. Ну прячется, смекаете?

— Почему? — требовательно спросила Дорс.

— Так сподручнее, тетечка.

— И от кого?

— От правительства, а то от кого же?

— На что правительству сдался Даван?

— Я, тетечка, не знаю. Знаете чего? Я вам скажу, где он, скажу, как туда дойти, и идите сами, коли не хотите, чтоб я вас вел.

— Нет-нет, Рейч, — вмешался Селдон. — Без тебя мы точно заблудимся. Нет, я тебе вот что скажу. Ты нас отведи и подожди. Потом отведешь обратно.

— На че мне это сдалось-то? — хмыкнул Рейч. — Че мне, голодным шататься, или че?

— Пошатайся голодным, Рейч, а потом я тебя накормлю роскошным обедом. Все, что захочешь, то и куплю.

— Это вы щас обещаете, господин. А вдруг обманете?

В руке Дорс блеснуло лезвие ножа.

— Так мы обманщики, Рейч, да?

Рейч оторопел, выпучил глаза, но не потому, что испугался.

— Ой, я не заметил, как вы это... Еще разок, а?

— Так и быть, покажу, если ты нас подождешь. Удерешь, имей в виду, мы тебя разыщем.

— Ой, тетечка, напугали, — фыркнул Рейч. — Разыщете вы меня, как же! Ищейки нашлись! Токо я не удеру. Чес-слово.

Дальше они пошли молча, только звучало под сводами пустых коридоров эхо шагов.

Даван бросил на вошедших испуганный взгляд, но как только разглядел Рейча, сразу успокоился и вопросительно указал на двоих чужеземцев.

Рейч объяснил:

— Ну, эти самые, — и, ухмыльнувшись, ретировался.

— Я — Гэри Селдон, — сообщил Селдон. — Моя спутница — Дорс Венабили.

Он с любопытством разглядывал Давана. Тот был смуглый, с густыми черными усами — истинный далиец, но еще у него росла борода. Первый далиец из всех, кого довелось встречать Селдону, который не был гладко выбрит. Даже биллиботтонские бандюги, и те, похоже, здорово следили за собой в этом смысле.

— Как вас зовут, сэр? — спросил Селдон.

— Даван. Я думал, Рейч вам сказал.

— А фамилия?

— Просто Даван. За вами «хвоста» не было, господин Селдон?

— Не было, уверен. Был бы, Рейч бы сразу понял. Ну, если не он, так госпожа Венабили.

Дорс усмехнулась.

— А ты, оказывается, доверяешь мне, Гэри?

— Чем дальше, тем больше, — серьезно ответил Селдон.

— И все-таки вас раскусили, — сообщил Даван, тревожно поерзав на стуле.

— Раскусили?

— Ну да, я уже слыхал про этого мнимого репортера.

— Уже? — изумился Селдон. — Что касается меня, то я на самом деле принял его за репортера и не считаю, что от него нужно было ждать беды. Мы обозвали его имперским шпио-

ном исключительно со слов Рейча, и это он здорово придумал. Толпа тут же переключилась на него, а мы сумели улизнуть.

— Нет, — покачал головой Даван. — Он тот самый, кем вы его назвали. Мои люди его знают, и он действительно работает на Империю... Но, в конце концов, вы — не я. Вам не надо скрываться под чужим именем и менять убежища. Вы живете под своими собственными именами, вам не надо прятаться. Вы Гэри Селдон, математик.

— Точно, — кивнул Селдон. — Но к чему мне чужое имя?

— Вас ищут в Империи, правда?

Селдон пожал плечами:

— Я стараюсь держаться таких мест, где Империя не сможет до меня дотянуться.

— Открыто — да, это понятно, но Империя не обязана работать открыто. Я бы посоветовал вам исчезнуть, исчезнуть по-настоящему.

— Как вы? — поинтересовался Селдон, неприязненно оглядывая каморку Давана. Тут было так же пусто, как в тех коридорах, по которым они шли сюда. Сыро, холодно, мерзко.

— Да, — кивнул Даван. — Вы могли бы оказать нам услугу.

— Какую же?

— Вы разговаривали с молодым человеком по имени Юго Амариль?

— Разговаривал.

— Амариль говорит, что вы умеете предсказывать будущее.

Селдон тяжело вздохнул. Он уже устал стоять столбом в пустой каморке. Даван, правда, сидел на подушке, по полу были раскиданы еще несколько штук, но видок у них был, прямо сказать, не первой свежести. Да и прислоняться к осклизлой стенке Селдона как-то не тянуло.

— Либо вы недопоняли Амариля, — ответил Селдон, — либо Амариль недопонял меня. Я всего-навсего доказал, что возможно избрать стартовые условия, исходя из которых исторический прогноз приведет не к хаосу, но к предсказанию, вероятность какового будет колебаться в определенных границах. Но каковы эти стартовые условия, я пока не имею понятия и не уверен, что кому-либо под силу их отыскать — ни одному человеку, ни множеству людей в необозримом будущем. Вы меня поняли?

— Нет.

Селдон снова вздохнул.

— Давайте еще разок. Будущее предсказывать возможно, но, что касается того, как пользоваться этой возможностью, тут возникают сложности. Теперь понимаете?

Даван угрюмо поглядел на Селдона, перевел взгляд на Дорс и сказал:

— Значит, вы не умеете предсказывать будущее.

— Вот именно, господин Даван.

— Просто Даван. Но когда-нибудь вы сумеете этому научиться?

— Сомнительно.

— Вот, значит, почему имперские власти охотятся за вами.

— Нет, — покачал головой Селдон. — Вы ошибаетесь. Лично мне кажется, что именно поэтому Империя не слишком старается заполучить меня. Захотели, так давно схватили бы без всяких хлопот. А сейчас, пока я еще ничего толком не знаю, я им не больно нужен, и потому они не торопятся нарушать мир на Тренторе вмешательством во внутренние дела, к примеру, этого сектора. Вот потому-то я могу совершенно безбоязненно передвигаться под своим собственным именем.

Даван схватился руками за голову и пробормотал:

— Безумие...

Устало подняв глаза на Дорс, он тихо спросил:

— А вы — жена господина Селдона?

— Я его друг и защитница, — спокойно ответила Дорс.

— Вы его хорошо знаете?

— Мы знакомы несколько месяцев.

— Всего-то?

— Всего-то.

— Как вы думаете, он говорит правду?

— Я знаю, что он говорит правду, но станете ли вы доверять мне, если не верите ему? Если Гэри почему-то обманывает вас, разве я не поддержу его, дабы защитить?

Даван беспомощно поглядел на них обоих по очереди и сказал:

— А может, все-таки поможете нам?

— Кому именно? И какая вам нужна помощь?

— Вы же видите, каково положение в Дале, — сказал Даван. — Нас унижают. Думаю, вы это поняли, а раз вы так по-

доброму отнеслись к Юго Амарилю, значит, не может быть, чтобы вы нас презирали.

— Не только не презираем, а искренне сочувствуем.

— И вы должны понимать, откуда идет давление.

— Вы, вероятно, скажете, что оно исходит от Имперского правительства. Да, пожалуй, я с вами согласен. Но только частично. Я успел заметить, что далийский средний класс играет в этом немалую роль — эти люди презирают термальщиков. А в остальной части сектора орудуют бандиты, терроризируя население.

Даван поджал губы, но не дрогнул.

— Все правда. Так и есть. Но Империя этому не мешает. Даль — потенциальный источник беспорядков. Если термальщики забастуют, на Тренторе сразу станет ощутимой нехватка энергии. Но тогда дальские богачи сами выложат денежки, чтобы нанять биллиботтонских бандюг, и те помогут им одолеть восставших термальщиков. Такое уже случалось. Империя позволяет кое-кому из далийцев богатеть и процветать — относительно, конечно, — для того чтобы превратить их в имперских лакеев, а о выполнении законов насчет ношения оружия не заботится, как будто ей наплевать на рост преступности.

И это повсюду, не думайте, не только у нас в Дале. Теперь они не решаются применять силу для достижения своих целей — времена не те. На Тренторе все так перепуталось: достаточно спичку поднести, чтобы... Приходится имперским властям держаться подальше.

— Проявление упадка... — пробормотал Селдон, припомнив слова Челвика.

— Что? — спросил Даван.

— Ничего, — покачал головой Селдон. — Говорите, Даван.

— Ну вот. Приходится имперским властям держаться подальше, но они все равно решили, что можно загребать жар чужими руками. Каждый из секторов провоцируют на враждебное отношение к соседям. Разные слои населения внутри секторов провоцируются на необъявленную войну друг с другом. В итоге стало совершенно невозможно объединить людей по всему Трентору. Повсюду народ скорее станет сражаться со своими земляками, чем выступать в едином строю против имперской тирании. А Империя правит безо всякого насилия.

— И как вам кажется, — спросила Дорс, — что со всем этим можно поделать?

— Я уже многие годы пытаюсь пробудить у народов Трентора чувство солидарности.

— Смею предположить, — сухо проговорил Селдон, — что вы успели убедиться, насколько это тяжелое и неблагодарное занятие?

— Правильно предполагаете, — кивнул Даван. — Но наша партия набирает силу. Многие из тех, кто разгуливает с ножами, успели понять, что лучше не резать друг друга. На вас в трущобах Биллиботтона напали, кто еще этого не понял. А вот те, кто поддержал вас сегодня, кто был готов защитить вас от имперского агента, принятого вами за репортера, — мои люди. Я живу среди них. Не слишком приятная жизнь, но здесь я в безопасности. У нашего движения есть сторонники в соседних секторах, и с каждым днем нас становится все больше и больше.

— Но нам-то что у вас делать? — спросила Дорс.

— Во-первых, — объяснил Даван, — вы чужеземцы и ученые. Такие люди, как вы, нужны нам как руководители. Наша основная сила — бедняки, неграмотные — те, кто больше всего страдает от гнета, но лидеров из них не получится. Такие, как вы двое, стоят сотни таких, как они.

— Звучит странновато из уст человека, который встал на защиту угнетенных, — заметил Селдон.

— Я не о людях говорю, — поспешно принялся оправдываться Даван. — О руководстве, поймите. Лидерами партии должны быть люди интеллектуального труда.

— Я вас понял. Такие люди, как мы, могли бы помочь вашей партии обрести респектабельность.

— Все можно высмеять, если захотеть, — с упреком проговорил Даван. — Но вы, господин Селдон, больше чем респектабельный человек, больше чем интеллектуал. Даже если вы не сумеете развеять туман, скрывающий будущее...

— Прошу вас, Даван, — оборвал его Селдон, — не надо поэзии, и не надо говорить в сослагательном наклонении. Ни о каких «если» не может быть и речи. Я *не могу* предсказывать будущее. И не туман загораживает от меня будущее, а барьер из хромированной стали.

— Дайте мне закончить, прошу вас. Даже если вы не сумее-

те предсказать будущее... как вы это называете... с психоисторической точностью, вы же изучали историю, и, может быть, сумеете хотя бы интуитивно почувствовать последствия? Ну, разве не так?

Селдон покачал головой.

— Может быть, у меня и есть определенное интуитивное чутье математической стороны вероятности, но каким образом можно было бы перевести мои предчувствия на язык реальной истории, совершенно неясно. И потом, я не изучал историю. Хотел бы. Но, увы, сплошные пробелы.

— Я историк, Даван, — вступила в беседу Дорс, — и могла бы кое-что сказать, если хотите.

— Пожалуйста, — недоверчиво пожал плечами Даван.

— Во-первых, в истории Галактики было множество революций, в результате которых свергали тиранию. Иногда такие революции имели место на отдельных планетах, иногда — в целых планетарных системах, порой — даже в Империи. Чаще всего, однако, в итоге одна тирания просто-напросто сменялась другой. Другими словами, друг друга сменяли правящие классы. Чаще всего брал верх более сильный, а стало быть, и более способный обеспечить собственное существование класс. А беднота, униженные слои так и оставались нищими и униженными, им разве что еще хуже становилось после этих революций.

Даван внимательно выслушал Дорс и кивнул:

— Это мне известно. Это всем известно. Может быть, нам удастся усвоить уроки прошлого и мы будем лучше знать, чего избегать. И потом, та тирания, что существует сегодня, самая что ни на есть настоящая, такая, которая вовсе не обязательно должна будет существовать в будущем. А если мы все время будем отступаться от перемен, думая, что любые перемены — только к худшему, значит, не будет никакой вообще надежды на то, что хоть когда-то удастся одолеть несправедливость.

Дорс сказала:

— Вам не следует забывать о том, что даже тогда, когда правда на вашей стороне, даже тогда, когда справедливость вопиет к небесам, сила всегда будет на стороне тирании. Ничего ваши мастера ножевых искусств не сумеют поделать. Ну восстание, ну демонстрация — что это все против до зубов вооруженной армии, на вооружении которой механическое, химическое и нейрологическое оружие? Можете собрать под свои знамена всех бедняков и даже всех, кто побогаче, но как вы одолеете полицию и армию? Сумеете вы хотя бы немного поколебать их верность правительству?

— На Тренторе много разных правительств, — возразил Даван. — В каждом секторе — свои правители, и многие из них настроены против Империи. Если на нашу сторону встанет могущественный сектор, положение изменится, правда? Тогда мы уже не будем всего-навсего шайкой оборванцев, размахивающих ножами и булыжниками.

— Означает ли это, что некий могущественный сектор уже встал на вашу сторону, или вам этого просто хочется?

Даван промолчал.

— Позволю себе предположить, — сказала Дорс, — что вы думаете о мэре Сэтчема. Если мэр собирается воспользоваться народными волнениями для того, чтобы узурпировать имперский трон, вас это не коробит, нет? А зачем, спрашивается, мэру рисковать своим положением, которое и без того не такое уж жалкое? Неужели ради красивых слов о справедливости и равноправии, ради справедливого отношения к людям, до которых ему нет никакого дела?

— Вы хотите сказать, — проговорил Даван, — что всякий правитель, желающий сейчас помочь, может потом нас предать?

— Галактическая история изобилует подобными примерами.

— Но если мы будем знать об этом, почему нам не предать его?

— То есть использовать его, а потом, в критический момент, изолировать от всех, кто стоит за ним, и уничтожить?

— Ну, может быть, не совсем так, но такой вариант оборота дел нужно на всякий случай иметь в виду.

— Итак, мы имеем революционное движение, в рамках которого главные участники событий должны быть готовы к предательству и каждый должен ждать своего часа. Лучший рецепт анархии.

— Значит, вы нам не поможете? — спросил Даван.

Селдон, который все это время слушал, нахмурившись, беседу Давана и Дорс, сказал:

— Все не так просто. Мы были бы рады вам помочь. Мы на

вашей стороне. Мне вообще кажется, что ни один здравомыслящий человек не станет поддерживать имперскую систему, основанную на провоцировании поголовной ненависти и подозрений. Даже тогда, когда представляется, что система работает, это не более чем метастазы главной опухоли, которые расползаются во все стороны, и все чреваты нестабильностью. Вопрос в другом: чем мы можем помочь? Если бы у меня была психоистория, если бы я мог предсказать наиболее вероятный ход событий, если бы я мог сказать, какие действия из числа вероятных вариантов скорее всего приведут к желаемому результату, тогда бы я с радостью предложил вам свои услуги. Но у меня ничего нет. Самое большее, что я могу для вас сделать, это не бросать попыток разработать психоисторию.

— И долго вы будете этим заниматься?

Селдон пожал плечами:

— Не знаю.

— Мы же не можем ждать вечно.

— Иного я вам сейчас предложить не могу. Единственное, что я могу сказать, — это то, что еще совсем недавно я был совершенно уверен в том, что психоисторию разработать невозможно. Теперь я в этом не так уверен.

— Хотите сказать, что до чего-то додумались?

— Пока всего-навсего интуитивно чувствую, что сумею додуматься, что решение есть. Я пока еще сам как следует не понимаю, откуда у меня взялось такое чувство. Может быть, это иллюзия, но я попытаюсь. Дайте мне время. И может быть, мы еще встретимся.

— Может быть, — кивнул Даван. — Но, может быть, когда вы придете сюда в следующий раз, то окажетесь в имперской ловушке. Можете, конечно, тешить себя надеждой на то, что вы, дескать, не интересуете Империю до тех пор, пока не придумали своей психоистории, но я уверен: Император и его клеврет, Демерзель, не собираются ждать вечно, так же, как и я.

— Постараюсь не торопить их, — спокойно ответил Селдон. — Я не на их стороне, а на вашей. Пойдем, Дорс.

Они повернулись и вышли. Снаружи их ожидал Рейч. А Даван остался один-одинешенек в своей жалкой каморке.

75

Рейч лопал, облизывая пальцы, прижимая к груди пакет с едой. От него самого и от пакета жутко разило луком, но каким-то ненастоящим, наверное — дрожжевым.

Дорс поморщилась и спросила:

— Где ты раздобыл еду, Рейч?

— А парни Давана притащили мне. Даван добрый.

— Значит, нам не придется угощать тебя обедом? — спросил Селдон, почувствовав, что сам жутко хочет есть.

— Вы мне кое-че задолжали, — заявил Рейч, облизывая пальцы и плотоядно поглядывая на ремень Дорс. — Как нащот тетечкиного ножичка, а? Ну хоть один дайте...

— Никаких ножей, — отрезала Дорс. — Отведешь нас обратно — дам тебе пять кредиток.

— Ну да... — обиженно протянул Рейч. — Че, я ножик, че ли, куплю за пять-то кредиток?

— Пять кредиток — и все. Больше ничего не получишь.

— Зануда вы, тетечка, — заявил Рейч.

— Зануда с острым ножиком, Рейч, так что давай, пошли.

— Ну ладно. Че раскипятились-то? Сюда, — Рейч махнул рукой.

Они двинулись в обратный путь по пустынным коридорам, но на этот раз Дорс время от времени посматривала назад и вскоре прошептала:

— Стой, Рейч. За нами «хвост».

— Че? — удивился Рейч. — Ниче не слышу.

— И я тоже ничего не слышу, — наклонив голову, произнес Селдон.

— А я слышу, — упрямо мотнула головой Дорс. — Так, Рейч, ты мне голову не морочь. Или ты мне сейчас же объяснишь, в чем дело, или я тебя так отделаю, что неделю горбатым ходить будешь. Обещаю.

Рейч заслонился рукой.

— Ну и бейте, тетечка, ну и бейте. Это парни Давана. А они вас же прикрывают, чтобы бандюги не сунулись, а вы...

— Парни Давана?

— Ну! По боковым коридорам топают.

Дорс резко схватила Рейча за рубашку. Мальчишка повис в воздухе, отчаянно болтая ногами и руками:

— Ой, тетечка, ой!

— Дорс! — одернул подругу Селдон. — Не надо так!

— Ему будет еще хуже, если он солгал. Я забочусь о тебе, Гэри, а не о нем.

— Да не вру я! — воскликнул Рейч, все еще пытаясь вырваться. — Ну не вру же!

— Уверен, он не врет, — сказал Селдон.

— Ладно, увидим. Рейч, скажи им, пусть выйдут и покажутся.

Дорс отпустила мальчишку и вытерла руки.

— Злюка вы, тетечка, — с упреком проговорил Рейч. — Эй, Даван! — крикнул он. — Парни, выходите.

Пришлось немного подождать, и вскоре из ниши в стене вышли двое черноусых мужчин и еще один, у которого через всю щеку тянулся шрам. Все трое в руках сжимали зачехленные ножи.

— Сколько вас тут еще? — резко спросила Дорс.

— Немного, — сказал один из незнакомцев. — У нас приказ. Мы вас охраняем. Даван хочет, чтобы вы остались целы и невредимы.

— Спасибо. Постарайтесь двигаться тише прежнего. Пошли, Рейч.

— Ну, тетечка, — с упреком проговорил Рейч, — я вам правду сказал, а вы?

— Прости, — сказала Дорс.

— «Прости»... — Рейч потер шею. — Возьму и не прощу. Ну да ладно, на первый раз прощается... — и он зашагал вперед.

Как только они добрались до проспекта, невидимые защитники испарились, даже Дорс перестала слышать их осторожные шаги. Но теперь особенно бояться было нечего — Селдон и Дорс уже находились в менее опасной части города.

Дорс внимательно оглядела Рейча и покачала головой:

— Вряд ли у нас найдется одежда твоего размера, Рейч.

— А на че мне от вас одежка, госпожа. — Похоже, стоило Рейчу покинуть коридоры трущоб, как он тут же преобразился в вежливого, по его понятиям, мальчика. — Одежка у меня своя имеется.

— А я думала, ты хочешь прогуляться с нами туда, где мы живем, и принять ванну.

— Эт еще на че? И так я на днях мыться буду. Тода и надену другую рубаху. — Он подозрительно посмотрел на Дорс. — Че, стыдно стало, а?

— Вроде того, — улыбнулась Дорс.

Рейч царственно помахал рукой.

— Ниче. Мне и не больно было нисколечки. Ну вы и силачка, тетечка. Ух, как это вы меня подняли, будто я и не весю ничего.

— Я рассердилась, Рейч. Я должна заботиться о господине Селдоне.

— Че, телохранительница, че ли?

Рейч вопросительно глянул на Селдона.

— Тетечка — ваша телохранительница?

— Ничего не поделаешь, — смущенно улыбнулся Селдон. — Ей это нравится. Ну и потом, она свое дело знает.

— Подумай хорошенько, Рейч, — настаивала Дорс. — Может, вымоешься все-таки? Ванна у нас такая приятная, теплая.

— Ниче не выйдет, — шмыгнул носом Рейч. — Хозяйка меня нипочем не пустит.

Дорс посмотрела наверх и увидела у подъезда Касилию Тисальвер, которая бросала гневные взгляды попеременно то на нее, то на Рейча. Трудно сказать, кому были адресованы более гневные из взоров хозяйки.

— Ну, покедова, господин и госпожа. Может, она и вас не захотит в дом пускать.

Рейч сунул руки в карманы и враскачку удалился.

— Добрый вечер, госпожа Тисальвер, — поздоровался Селдон. — Поздновато уже, правда?

— Очень поздновато, — с трудом сдерживая гнев, отозвалась госпожа Тисальвер. — А тут, между прочим, целое сражение было из-за того, что вы отдали на съедение толпе несчастного репортера.

— Никого мы никому не отдавали, — возразила Дорс.

— Я была здесь, — госпожа Тисальвер гордо вздернула подбородок, — и все видела.

Она отошла в сторону, пропуская их в дом и показывая всем своим видом, как ей этого не хочется.

— Она ведет себя так, словно это последняя капля в чаше ее терпения, — сказала Дорс Селдону, когда они расходились по комнатам.

— Ты так думаешь? Но что она может сделать?

— Понятия не имею, — покачала головой Дорс.

Глава 16

РЕЙЧ

РЕЙЧ. *Судя по воспоминаниям Гэри Селдона, его первая встреча с Рейчем произошла совершенно случайно. Он был всего-навсего уличным оборвышем, у которого Селдон спросил дорогу. Но с этого мгновения его жизнь составляла одно целое с жизнью и судьбой великого математика, до тех пор, пока...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

76

На следующее утро, вымывшись и побрившись, раздетый по пояс, Селдон постучал в дверь комнаты Дорс и негромко проговорил:

— Дорс, открой.

Дверь открылась. Дорс еще не успела высушить волосы и тоже была раздета до пояса.

Селдон смутился и отпрянул. Дорс равнодушно оглядела себя и обернула полотенце вокруг головы.

— В чем дело? — спросила она.

Селдон, стараясь не смотреть на нее, пробормотал:

— Я хотел спросить тебя про Сэтчем.

— Зачем?

— Что — «зачем»?

— Говори яснее. И, ради бога, повернись ко мне лицом. Не девственник же ты, в конце концов?

Селдон обиженно буркнул:

— Просто я старался вести себя как воспитанный человек. Если тебе все равно, то мне тоже. И «зачем» тут вовсе ни при чем. Я спросил тебя про сектор Сэтчем.

— Зачем тебе это нужно? Нет, лучше так: зачем Сэтчем?

— Дорс, я не шучу. То и дело разговор заходит о Сэтчеме, вернее, о мэре Сэтчема. И Челвик о нем говорил, и ты, и Даван. А я ничего не знаю ни о секторе, ни о мэре.

— Гэри, я ведь тоже не коренная тренторианка. Знаю не так много, но всем, что знаю, готова поделиться с тобой. Сэтчем находится недалеко от Южного полюса, это очень большой, многонаселенный сектор...

— Недалеко от Южного полюса и многонаселенный?

— Гэри, мы не на Геликоне. И не на Цинне. Это Трентор. Тут все под землей, а находиться под землей на полюсах — это то же самое, что находиться под землей на экваторе. Конечно, там другая долгота дня и ночи — то есть летом долгие дни, а зимой долгие ночи — примерно так, как было бы на поверхности. Но это все показуха. Просто им нравится подчеркивать, что они живут на полюсе.

— Но на поверхности они бы все перемерзли.

— Ну конечно. На поверхности в области Сэтчема лежат снег и лед, но их слой не такой плотный, как можно подумать. Будь это так, полярная шапка попросту раздавила бы купол, но этого не происходит, и в том основная причина могущества Сэтчема.

Дорс повернулась к зеркалу, сняла с головы полотенце и набросила на волосы сушильную сеточку. Через каких-нибудь пять секунд ее рыжая шевелюра была суха и засверкала, точно в лучах солнца.

— Ты просто не представляешь, какое удовольствие ходить без микогенской шапочки, — улыбнулась Дорс и надела блузку.

— Но какое отношение имеет к могуществу Сэтчема полярная шапка?

— Подумай сам. Сорок миллиардов людей пользуются громадным количеством энергии, каждая калория со временем превращается в тепло, от которого нужно как-то избавляться. Это тепло перекачивают на полюса, в особенности — на Южный, где полярная шапка более высокая, чем на Северном, и выбрасывают в пространство. При этом тает очень много льда, и, думаю, в большой степени из-за этого над Трентором столь плотный облачный слой и так часто льют дожди, как бы ни выпендривались метеорологи и ни утверждали, что в атмосфере Трентора протекают безумно сложные процессы.

— И что же, Сэтчем как-то использует энергию, прежде чем производить ее выбросы в космос?

— Очень может быть. Что касается технической стороны, то я не имею об этом ни малейшего представления, а говорю о политическом могуществе. Если бы Даль перестал производить полезную энергию, это доставило бы Трентору определенные неудобства, однако существуют и другие секторы, производящие энергию, и они в таких обстоятельствах могли бы

усилить ее производство, ну и потом, определенные запасы энергии на Тренторе на всякий случай хранятся. Думаю, с Далем наверняка со временем удалось бы договориться. Что же касается Сэтчема...

— Да?

— То Сэтчем осуществляет выбросы как минимум девяноста процентов всего производимого на Тренторе тепла и в этом смысле незаменим. Если Сэтчем прекратит выбросы, по всему Трентору поднимется температура.

— Но и в самом Сэтчеме тоже.

— Да, но поскольку Сэтчем — на Южном полюсе, они запросто могут устроить себе приток холодного воздуха. Ничего хорошего в этом, конечно, не будет, но Сэтчем сумеет протянуть дольше, чем остальные секторы Трентора. В итоге Сэтчем во все времена был бревном в глазу у Императора, и мэр Сэтчема — персона очень важная.

— И что собой представляет нынешний мэр Сэтчема?

— Этого я не знаю. Из того, что я о нем слышала, могу заключить лишь, что это старик, затворник, непробиваемый, как обшивка звездолета, и со страшной силой цепляющийся за власть.

— Почему, вот интересно? Если он такой старый, он не сможет долго удерживать власть.

— Кто знает, Гэри? Привычка, может быть. А может быть, игра. Игра в удерживание власти, когда власть сама по себе не так уж и нужна. Может, сумей он занять место Демерзеля и даже самого Императора, он был бы жутко разочарован, потому что тогда игра бы окончилась. Правда, он и тогда бы мог затеять очередную партию игры за удержание власти, что было бы так же трудно и приносило бы такое же удовольствие.

Селдон покачал головой.

— Неужели кто-то может мечтать занять место Императора?

— Согласна с тобой. По идее, этого не должен хотеть ни один здравомыслящий человек, но «имперские амбиции», как их часто называют, подобны заболеванию, которое, стоит лишь им заразиться, вызывает безумие. И чем ближе подбираешься к заветной цели, тем сильнее вероятность подхватить эту инфекцию, и с каждым очередным продвижением по служебной лестнице...

— ...болезнь обостряется все сильнее. Это понятно. Но мне

кажется, что Трентор — такой огромный мир, потребности которого столь сложны, амбиции столь противоречивы, что Императору ужасно трудно им править. Именно им. Так почему же ему не покинуть Трентор и не обосноваться в каком-нибудь другом мире, где жизнь попроще?

Дорс рассмеялась.

— Ты бы не спрашивал, если бы лучше знал историю! Трентор по традиции связывают с Империей. А традиции этой — тысячи и тысячи лет. Император, который не сидит в Императорском Дворце, — это не Император. Император больше место, чем человек.

Селдон замолчал, задумался, нахмурился.

Через некоторое время Дорс не выдержала и спросила:

— Что случилось, Гэри?

— Я думаю, — вполголоса отозвался Селдон. — С тех пор как ты рассказала мне о руке, лежащей на бедре, у меня навязчивые мысли о том, что... И вот теперь твоя фраза о том, что Император — больше место, чем человек, задела струну.

— Какую струну?

Селдон покачал головой.

— Я пока думаю. Может быть, я ошибаюсь. — Он пристально посмотрел на Дорс. — Ладно, пора спускаться вниз и позавтракать. Мы и так опоздали, а я не уверен, что госпожа Тисальвер нынче в достаточно благодушном настроении для того, чтобы принести нам завтрак сюда.

— Ты оптимист, — сказала Дорс. — Лично мне кажется, что она в недостаточно благодушном настроении, чтобы нас видеть — за завтраком и вообще. Она только о том и мечтает, чтобы вышвырнуть нас отсюда.

— Не исключено, но мы ей платим.

— Да, но я подозреваю, что теперь ей и денежки наши не милы.

— Надеюсь, ее супруг более благоразумен в отношении финансов.

— Если он замолвит словечко, Гэри, единственный, кто удивится этому больше меня, будет, конечно же, госпожа Тисальвер. Ну ладно, я готова.

И они спустились по лестнице на хозяйскую половину, где их ожидала та, о которой они только что говорили; завтрака не было и в помине, зато было кое-что другое...

77

Касилия Тисальвер встретила их, стоя в надменной позе, с натянутой улыбкой и горящими глазами. Ее супруг растерянно прислонился к стене. Посередине комнаты стояли, вытянувшись в струнку, двое мужчин. Если они и видели подушки, лежащие на полу, то явно решили не обращать на них никакого внимания.

У обоих были черные курчавые волосы и густые черные усы, все как у истинных далийцев. Оба стройные, одетые в одинаковые темные брюки и рубашки, стало быть — в форме. По рукавам и штанинам сбегали тоненькие белые лампасы. На правой стороне груди у обоих красовалась едва заметная эмблема «Звездолет и Солнце» — символ Империи во всех обитаемых мирах Галактики. Посередине эмблемы, на солнечном диске, темнела буква Д.

Селдон сразу понял, что перед ними — двое представителей Дальской службы безопасности.

— В чем дело? — сердито спросил Селдон.

Один из военных шагнул вперед.

— Я — офицер сектора Лэнел Расс. Это мой напарник, Гебор Астинвальд.

Оба вытащили и показали идентификационные голографические удостоверения. Селдон даже не удосужился взглянуть на них.

— Что вам угодно?

— Вы — Гэри Селдон из Геликона? — спокойно спросил Расс.

— Да.

— А вы — Дорс Венабили с Цинны, госпожа?

— Да, — ответила Дорс.

— Я прибыл для того, чтобы расследовать поступившую к нам жалобу относительно спровоцированных Гэри Селдоном вчерашних уличных беспорядков.

— Ничего подобного я не делал, — сказал Селдон.

— Такова наша информация, — сказал Расс, глядя на экранчик портативного компьютерного блокнота. — Вы обвинили репортера в том, что он — имперский шпион, и тем самым спровоцировали нападение на него толпы.

— Это я, — вмешалась Дорс, — сказала, что он — имперский шпион, офицер. И у меня была причина для подобного вывода. Высказывать свое личное мнение — это никак не преступление. В Империи — свобода слова.

— Свобода слова не имеет ничего общего с высказыванием мнений, способных вызвать беспорядки.

— Откуда вам знать, что были какие-то беспорядки, офицер?

Тут в разговор вмешалась госпожа Тисальвер.

— Я могу сказать, — хрипло проговорила она. — Она видела, что собралась толпа, толпа бродяг, готовая вспыхнуть, стоило только бросить в нее горящую спичку. Она нарочно сказала, что он — имперский шпион, нарочно, ничего она про него не знала, и крикнула этому сброду, что это так, чтобы они набросились на невинного человека. Она явно знала, что делает.

— Касилия... — умоляюще проговорил господин Тисальвер, но жена бросила на него столь выразительный взгляд, что он сразу же замолчал.

Расс повернулся к госпоже Тисальвер:

— Это вы подали жалобу, госпожа?

— Да. Эти двое живут тут всего несколько дней, и от них — одни неприятности. Они приглашали в мой дом людей низкого происхождения, что грозит моей репутации в глазах соседей.

— Разве противозаконно, офицер, — спросил Селдон, — приглашать мирных, аккуратных жителей Даля туда, где ты живешь? Две комнаты наверху — это наши комнаты. Мы их сняли, платим за них. Что, разговаривать с далийцами в Дале — это преступление, офицер?

— Нет, — ответил Расс. — Это не имеет отношения к содержанию жалобы. Какая у вас была причина, госпожа Венабили, предположить, что человек, которого вы в этом обвинили, действительно имперский шпион?

— У него были маленькие каштановые усики, — объяснила Дорс, — поэтому я решила, что он не далиец. Я решила, что он — имперский шпион.

— Вы так решили? А у вашего приятеля, господина Селдона, и вовсе нет никаких усов. Почему вы его не считаете имперским шпионом?

— Как бы то ни было, — поспешно вмешался Селдон, —

никаких беспорядков не было. Мы попросили толпу не трогать мнимого репортера, и я уверен, никто его пальцем не тронул.

— Вы уверены, господин Селдон? — спросил Расс. — Судя по имеющимся у нас сведениям, вы ушли сразу же после того, как бросили свое обвинение. Как вы можете утверждать, что было и чего не было после того, как вы ушли?

— Не могу, — согласился Селдон. — Но позвольте поинтересоваться: этот человек мертв? Избит?

— Мы его допрашивали. Он отрицает, что он — имперский шпион, и у нас нет таких сведений. Он утверждает также, что с ним грубо обошлись.

— Вполне возможно, что он вас обманывает, — сказал Селдон. — Я бы предложил провести психозондирование.

— Его нельзя производить без согласия подозреваемого, — сказал Расс. — Правительство сектора строго придерживается закона. Можно было бы это устроить, если бы и вы двое согласились на проведение психозондирования. Вы согласны?

Селдон и Дорс переглянулись.

— Нет, — ответил Селдон. — Об этом не может быть речи.

Второй офицер, Астинвальд, который до сих пор молчал как рыба, улыбнулся.

Расс продолжал:

— У нас имеются сведения, что два дня назад вы затеяли драку на ножах в Биллиботтоне и тяжело ранили гражданина Даля по имени, — он заглянул в компьютерный блокнот, — Эльгин Маррон.

— В ваших сведениях не указано, как началась драка? — поинтересовалась Дорс.

— Сейчас это не имеет значения, госпожа. Вы отрицаете, что участвовали в драке?

— Нет, не отрицаем, — горячо вмешался Селдон. — Но мы драку не затевали. На нас напали. Этот Маррон схватил госпожу Венабили, и не было никаких сомнений в том, что он собирался изнасиловать ее. Все, что произошло потом, было чистейшей самозащитой. Или в Дале позволено насильничать?

Расс если и удивился, то никак — ни голосом, ни жестом — этого не показал.

— Вы говорите, что на вас напали? И сколько же человек?

— Десятеро мужчин.

— И вы один, в паре с женщиной, сумели защититься от десятерых здоровых мужчин?

— Да. Мы с госпожой Венабили именно защищались.

— Но как же так вышло, что на вас ни царапинки? Или у вас есть хотя бы какие-то синяки или порезы под одеждой?

— Нет, офицер.

— Но как же такое возможно? Вы дрались один... ну, хорошо, не один, на пару с женщиной, и у вас — ни царапинки, а жалобщик, Эльгин Маррон, поступил в больницу весь израненный. Больше того, ему потребуется пластическая операция губы.

— Мы старались, — угрюмо буркнул Селдон.

— И, похоже, слегка перестарались! А что, если я скажу, что трое свидетелей утверждают, что вы и ваша подруга без предупреждения напали на Маррона?

— Я вам отвечу, что это невозможно. Я уверен, что этот Маррон наверняка состоит у вас на учете как задира и драчун. А их было десятеро. По всей вероятности, шестеро отказались врать, давать ложные показания. А остальные трое? Они объяснили, почему не пришли на помощь дружку, на которого якобы злонамеренно напали чужеземцы? Неужели не ясно, что они лгут?

— Предлагаете провести их психозондирование?

— Да. И пока вы не успели спросить, позвольте заранее отказаться. Нам не предлагайте.

Расс не сдавался:

— А еще у нас имеются сведения, что вчера, покинув, так сказать, поле боя, вы встречались с неким Даваном, известным подпольщиком, которого разыскивает полиция. Это правда?

— Придется вам это доказывать без нашей помощи, — сказал Селдон. — Больше ни на какие вопросы мы отвечать не намерены.

Расс убрал в карман компьютер-блокнот.

— Сожалею, но мне придется пригласить вас проследовать с нами в участок для дальнейшего разбирательства.

— Не думаю, что это так уж обязательно, офицер, — сказал Селдон. — Мы приезжие, не совершившие ничего дурного, предосудительного. Пытались отделаться от репортера, который приставал к нам с дурацкими вопросами, пытались защититься от изнасилования и убийства в районе вашего сектора,

известном своей криминальной атмосферой, разговаривали кое с кем из далийцев. Мы не видим в этом ничего такого, что заслуживало бы дальнейшего разбирательства. Это чистой воды недоразумение.

— Решения тут принимаем мы, — заявил Расс, — а не вы. Будет вам угодно проследовать с нами?

— Нет, не будет, — ответила Дорс.

— Осторожно, — вскрикнула госпожа Тисальвер. — У нее два ножа!

Офицер Расс вздохнул и сказал:

— Благодарю, госпожа, но это я и сам знаю.

Обернувшись к Дорс, он спросил:

— Известно ли вам, что ношение ножей без специального разрешения является серьезным преступлением? У вас есть такое разрешение?

— Нет, офицер, у меня его нет.

— Значит, Маррона вы явно поранили нелегально приобретенным ножом. Вы осознаете, что это в значительной степени отягощает вашу вину?

— Я ни в чем не виновата, — сказала Дорс. — Поймите вы наконец. У Маррона тоже был нож, и никакого разрешения, я уверена.

— Таких сведений у нас нет, и потом — Маррон весь изранен, а вы целехоньки.

— Нож у него был, офицер, не сомневайтесь. И если вы не знаете, что у любого мужчины в Биллиботтоне, да и везде в Дале имеется при себе нелегально приобретенный нож, то вы — единственный человек в Дале, кому это неизвестно. И магазинов, в которых совершенно открыто торгуют ножами, полно. Это вам тоже неизвестно?

Расс ответил:

— Неважно, что я знаю и чего не знаю. Это не имеет значения. Не имеет также значения и то, что кто-то другой нарушил закон, и сколько человек его нарушило. Значение имеет только одно: госпожа Венабили нарушила постановление о правилах ношения оружия. Я обязан потребовать, госпожа, чтобы вы немедленно передали мне эти ножи, и вы двое должны проследовать вместе с нами в участок.

— В таком случае, попробуйте забрать их у меня, — предложила Дорс.

Расс вздохнул.

— Поймите, госпожа, ножи — не единственное оружие в Дале, и у меня нет ни малейшего желания вызывать вас на ножевую дуэль. У меня и у моего напарника при себе бластеры, которые способны одним выстрелом превратить вас в кровавое месиво еще до того, как вы успеете потянуться за своим ножом, какой бы вы ни были ловкой. Бластерами мы пользоваться, конечно же, не будем, мы прибыли не для того, чтобы убить вас. Но у каждого из нас еще есть нейронный хлыст, которым мы можем свободно воспользоваться. Надеюсь, демонстрировать действие хлыстов не потребуется? Хлыст не убивает, не наносит никаких телесных повреждений, не оставляет следов, но боль жуткая. Мой напарник уже нацелился на вас нейронным хлыстом. Вы под прицелом. А вот и мой. Ну, выкладывайте ваши ножи, госпожа Венабили.

После минутного молчания Селдон сказал:

— Отдай им ножи, Дорс. Ты же видишь, все бесполезно.

И в это самое мгновение послышался бешеный стук в дверь и чей-то взволнованный, срывающийся голос.

78

Проводив Дорс и Селдона, Рейч домой не вернулся.

Он неплохо поел, пока Дорс и Селдон говорили с Даваном, даже поспать успел, потом разыскал более или менее работающий туалет. А теперь, когда все было позади, идти ему особо было некуда. Да, у него было нечто вроде дома, была и мать, но она никогда не волновалась, если он задерживался. Никогда.

Кто был его отец, Рейч понятия не имел и порой гадал, был ли тот у него вообще. Ему говорили, что был, и причину подобной уверенности излагали весьма грубо. Иногда он думал, стоит ли верить таким рассказам, уж больно щекотливы были подробности.

А вспомнилось все это ему из-за той, кого он называл «тетечкой». Она, конечно, была старая, но красивая, и драться могла, как мужик. Нет, даже лучше, чем мужик. И странные мысли полезли в голову Рейчу.

Ведь она предложила ему помыться в ванне... Когда удавалось скопить немного деньжат, он плавал в биллиботтонском

бассейне, но только тогда, когда их больше не на что было потратить, или тогда, когда удавалось проскользнуть бесплатно. Только тогда он и промокал с головы до ног, но ему было холодно, и нужно было потом ждать, когда высохнешь.

Но ванна... это же совсем другое дело! Там теплая вода, и мыло, и полотенца, и сушилка... Он не был точно уверен, понравится ли ему ванна, но, наверное, понравилась бы, если бы рядом была *она*.

Рейч знал биллиботтонские закоулки как свои пять пальцев, знал, как спрятаться за углом так, что его никто не заметит, и не сомневался, что и здесь, неподалеку от дома, где жила *она*, он сумеет притаиться так, что его не поймают.

В общем, Рейч устроился в сквере неподалеку от дома, в котором скрылись Дорс и Селдон, неподалеку от общественного туалета, чтобы в случае опасности скрыться там.

Спать он толком не спал, а все думал и думал свои странные думы. А вдруг он и правда выучится читать и писать? Какая из этого будет выгода? Кто знает? Но, может быть, она сумеет ему объяснить? Рейчу грезились туманные картины: будто ему платят деньги за работу, которую он пока делать не умел, но за какую? Надо, чтобы ему объяснили, но как до них теперь доберешься?

Если бы он остался с ними, они могли бы помочь, наверное. Но на что он им сдался?

Решив, что на последний вопрос надо ответить утвердительно, он встрепенулся, но не потому, что освещение стало ярче, а потому, что его чуткие уши уловили утренний шум — начинался день.

Звуки он различал просто великолепно: в биллиботтонских закоулках слух означал жизнь. И вот теперь звук двигателя, расслышанный Рейчем, означал «опасность». Такой официальный, враждебный звук...

Он стряхнул остатки дремоты и осторожно прокрался на улицу. Машину он увидел сразу и, даже не глядя на эмблему «Звездолет и Солнце», — по одним ее очертаниям догадался, что это за машина. Значит, за ними приехали потому, что они виделись с Даваном. Он не стал долго раздумывать над тем, прав или нет, и помчался прочь. Вернулся он минут через пятнадцать. Машина стояла на прежнем месте, но за это время уже успели собраться зеваки, которые пялились на машину и

подъезд дома с почтительного расстояния. Скоро наверняка соберется целая толпа. Рейч быстро взбежал по ступенькам, на ходу вспоминая, в какую дверь постучать. Лифта ждать было некогда.

Дверь он разыскал — решил, что разыскал, — и заколотил в нее кулачками, крича:

— Тетечка, тетечка!

Он слишком сильно был взбудоражен, чтобы вспомнить, как ее зовут, а вот как зовут мужчину, вспомнил.

— Гэри! — крикнул он. — Впусти меня!

Дверь открылась, и он вбежал — то есть, вернее, попытался вбежать. Его тут же крепко ухватил за руку офицер сектора.

— Полегче, парень. Ты куда?

— Вы че? Я ниче такого не делал! — запыхавшись, проговорил Рейч. — Ой, тетечка, а че это они тут делают?

— Арестовывают. Нас арестовали, — угрюмо ответила Дорс.

— За че? — вырываясь из цепких пальцев офицера, воскликнул Рейч. — Эй, ну че ты так вцепился-то! Не ходите с ним, тетечка. Нече вам с ним ходить.

— Пошел вон! — приказал Расс, грубо встряхнув мальчишку.

— Нет, не пойду. И ты, Солнценос, не пойдешь никуда. Щас вся моя шайка туточки будет. И вы не уйдете отсюдова, если не отпустите дядечку и тетечку.

— Что за шайка? — нахмурившись, спросил Расс.

— Все уже туточки, у подъезда. Небось уже машинку вашу по кусочкам растягивают. И вас растянут, не боись!

Расс обернулся к напарнику:

— Вызови участок. Пусть подгонят пару фургонов со спецназом.

— Нетушки! — завопил Рейч, наконец вырвавшись и подбежав к Астинвальду. — Не зови никого!

Расс прицелился нейронным хлыстом и выпустил разряд.

Рейч вскрикнул, схватился за правое плечо и упал на пол, дергаясь, как в агонии.

Расс не успел обернуться к Селдону, как математик, схватив его за руку, вывернул ту вверх, потом по кругу и назад, наступив при этом на ногу Расса, чтобы офицер не дергался. По всей видимости, он вывихнул Рассу плечевой сустав — тот издал хриплый, пронзительный вопль.

Астинвальд выхватил бластер, но рука Дорс легла ему на плечо, а острие ножа уперлось в кадык.

— Не двигайся! — приказала она. — Только двинься, я перережу тебе глотку. Бросай бластер! Бросай! И хлыст тоже!

Селдон подхватил под мышки стонущего Рейча, прижал к себе, обернулся к Тисальверу и сказал:

— Снаружи люди. Рассерженные люди. Я впущу их сюда, и они у вас тут все переломают, даже стены. Если не хотите, чтобы это случилось, подберите оружие и отнесите в другую комнату. Быстро! У второго полисмена тоже возьмите оружие. Быстрее! Пусть жена вам поможет. В следующий раз поостережется жаловаться на невинных людей. Дорс, этот, что на полу валяется, уже ничего не сделает. Успокой второго, только не убивай.

— Ладно, — Дорс кивнула и ударила полицейского по виску рукоятью ножа. Офицер упал на четвереньки. — Ненавижу таким заниматься, — брезгливо скривилась Дорс.

— Они стреляли в Рейча, — напомнил ей Селдон, стараясь скрыть собственные чувства по поводу происходящего.

Они поспешно покинули квартиру. На улице действительно собралась целая толпа народу, в основном мужчины, поднявшие крик, как только Дорс, Селдон и Рейч вышли из подъезда. Толпа двинулась к ним, распространяя запах пота и грязной одежды.

Кто-то крикнул:

— А Солнценосы куда девались?

— Они внутри! — прокричала в ответ Дорс. — Не трогайте их. Пока они беспомощны, но вызовут подкрепление, как только очухаются, так что лучше расходитесь да побыстрее.

— А вы? — спросили сразу человек десять.

— Мы тоже уйдем. И не вернемся.

— Ниче, я их выведу отсюдова! — крикнул Рейч, освободившись от рук Селдона, и, выпрямившись, потер правое плечо. — Ниче, я могу сам идти. Пустите меня.

Толпа быстро расступилась, и Рейч поторопил Дорс и Селдона:

— Господин, тетечка, пошлите со мной. Быстренько!

Они зашагали по улице, сопровождаемые толпой в несколько десятков человек, но вскоре Рейч махнул рукой и пробормотал:

— Сюда, ребята. Я вас сопровожу в такое местечко, где вас никто не сыщет. Даже Даван про это местечко, поди, не знает. Токо нам в канализацию придется залезть. Нас никто не увидит, правда, запашок там... смекаете?

— Переживем, надеюсь, — пробормотал Селдон. И они двинулись вниз по узенькой винтовой лесенке, а навстречу им поднимался запах, в источнике которого ошибиться было невозможно.

79

Рейч таки отыскал для них местечко. Взобравшись наверх по металлической лесенке, они оказались в большом помещении, напоминавшем не то чердак, не то склад, заставленном громоздким оборудованием непонятного назначения. В помещении было довольно чисто подметено, чувствовался приток свежего воздуха, смягчавшего канализационные ароматы.

— Ну ниче, правда? — довольно спросил Рейч, потирая плечо и морщась от боли.

— Могло быть и хуже, — согласился Селдон. — А ты знаешь, для чего предназначено это место, Рейч?

Рейч попробовал пожать плечами, но сморщился.

— Не знаю, — ответил он. — А кому какое дело-то?

Дорс, которая предварительно смахнула рукой пыль, опустилась на пол и, подозрительно взглянув на свою ладонь, заявила:

— Если не ошибаюсь, это помещение входит в комплекс очистных сооружений. Детоксикация, переработка отходов, которые в конце концов применяются как удобрения.

— Значит, — печально вздохнул Селдон, — работники комплекса должны периодически появляться здесь и могут явиться в любой момент.

— Я туточки бывал, — сказал Рейч. — Никого не видал ни разу.

— Скорее всего тут все автоматизировано, — предположила Дорс. — Уж где применять труд автоматов, как не при переработке отходов. Никто нас тут не тронет, по крайней мере какое-то время.

— Не обольщайся. Мы проголодаемся и захотим пить, Дорс.

— Я могу раздобыть жратвы и воды, — вызвался Рейч. — Говорил же вам, я сызмальства по коридорам мотаюсь.

— Спасибо, Рейч, — рассеянно поблагодарил мальчика Селдон, — но пока мне есть не хочется. И вряд ли захочется, — добавил он, брезгливо принюхавшись.

— Захочется, — пообещала Дорс. — Пускай ты на время потеряешь аппетит, пить тебе уж точно скоро захочется. Хорошо, хоть с туалетом никаких проблем.

Какое-то время все трое молчали. Освещение было тусклым, и Селдон задумался о том, зачем оно тут вообще. Но почти сразу он вспомнил, что до сих пор ни разу не видел по-настоящему темных общественных мест. Наверное, освещение, хоть какое-то, вошло в привычку на этой богатой энергией планете. Странно, однако, что мир, в котором обитает сорок миллиардов человек, богат энергией. Впрочем, запасы подземного тепла дают колоссальное количество энергии, не говоря уже о солнечных батареях и атомных станциях на спутниках. Если подумать хорошенько, выходит, что энергетически бедных планет в Империи нет вовсе. Неужели были когда-то времена, когда техника была на столь примитивном уровне, что энергии не хватало?

Селдон прислонился было спиной к трубам, в которых что-то булькало, но, вспомнив, что именно там булькает, отошел и сел рядом с Дорс.

— Я вот думаю, — сказал он, — можем мы каким-то образом связаться с Четтером Челвиком?

— На самом деле, — ответила Дорс, — я посылала ему весточку, хотя мне жутко не хотелось этого делать.

— Не хотелось?

— Я должна защищать тебя. А всякий раз, когда мне приходится что-то сообщать ему, я сообщаю об очередном провале своей миссии.

Селдон, прищурившись, посмотрел на нее.

— Что ты так расстраиваешься, Дорс? Не можешь же ты защитить меня от службы безопасности целого сектора?

— Нет, наверное. Мы могли отделаться от нескольких, но...

— Знаю. И отделались. Но они вышлют подкрепление —

боевые машины с нейронными пушками, с усыпляющим газом. Уж и не знаю, что у них на вооружении, но наверняка они обозлятся и пустят в ход всю свою технику. Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Наверное, ты прав, — поджав губы, кивнула Дорс.

— Тетечка, им вас не сыскать, — неожиданно заявил Рейч. Его острые глазенки посматривали то на Дорс, то на Селдона, пока те разговаривали. — Давана же они ни разу не сцапали, как ни силятся.

Дорс печально усмехнулась и растрепала волосы мальчика, посмотрела на свои пальцы, покачала головой и сказала:

— Не уверена, что тебе стоит оставаться с нами, Рейч. Очень не хотелось бы, чтобы они сцапали *тебя*.

— Меня не сцапают, не сомневайтесь, токо если я смоюсь, кто вам жратвы и воды добудет, кто вас отведет в другое местечко, чтобы запутать Солнценосов?

— Нет, Рейч, нас они найдут. Просто Давана они не слишком упорно искали. Он их раздражает, но мне кажется, они не принимают его всерьез. Понимаешь, о чем я говорю?

— Хочете сказать, будто он просто... ну, вроде когда чешется... шея, и они думают, что неча за ним гоняться?

— Да, я именно это хочу сказать. Но понимаешь, мы здорово поколотили двоих офицеров, и они не дадут нам улизнуть. Даже если им потребуется пустить в ход все свои силы, даже если они захотят прочесать все закоулки, все коридоры в секторе — они найдут нас.

Рейч пробормотал:

— Тода... Ой, и зачем я токо... Не вломись я к вам, не подними крику, вы бы с ними разошлись тихо-мирно и не угодили бы в такую беду.

— Да нет, не переживай, раньше или позже мы бы их... поколотили. Может быть, пришлось бы даже поколотить не двоих, а побольше.

— А здорово у вас это вышло! — восхищенно воскликнул Рейч. — Не будь мне так больно, я бы смотрел во все глаза. Здорово!

— Но сражаться со всей полицией сектора нам не под силу, — вздохнул Селдон. — Вот вопрос: что они с нами сделают, если схватят? В тюрьму посадят, это точно.

— О нет, — возразила Дорс. — В случае необходимости можно будет обратиться к Императору.

— К Императору? — широко раскрыл глазенки Рейч. — Вы че, с Императором знакомство водите?

Селдон покачал головой.

— Любой гражданин Империи может жаловаться Императору. Только мне кажется, Дорс, что делать этого не стоит. Раз уж мы покинули Имперский сектор, нечего нам к Императору обращаться.

— Предпочитаешь оказаться в дальской тюрьме? По крайней мере, апелляция к Императору даст нам отсрочку, а за это время мы сумеем что-нибудь придумать.

— Есть еще Челвик.

— Да, есть, — проговорила Дорс. — Но нельзя на него все взваливать. Во-первых, даже если он получил мое послание и даже если сумеет добраться до Даля, как он нас найдет? И даже если найдет, что сумеет поделать против всей службы безопасности сектора?

— В таком случае, — сказал Селдон, — нужно что-то придумать, пока они нас еще не разыскали.

Рейч живо предложил:

— Коли пойдете со мной, мы удерем от них. Я тут все закоулочки наперечет знаю.

— Ну, одного полисмена мы, может, и смогли бы опередить, Рейч, но если их будет целая куча да по всем коридорам? Один отряд обойдем, так на другой напоремся.

Тяжелое молчание затягивалось. Все перебирали в уме безнадежные варианты спасения. Наконец Дорс пошевелилась и напряженным, тихим шепотом проговорила:

— Они здесь. Я слышу.

Все напряглись, прислушались, и вскоре Рейч вскочил на ноги и прошептал:

— Оттуда шлепают. Стало быть, мы вон туда пойдем.

Селдон был обескуражен. Он совсем ничего не слышал, но вынужден был довериться более острому слуху своих спутников. Но как только Рейч бесшумно, по-кошачьи двинулся в сторону, противоположную той, откуда исходила опасность, послышался голос, отразившийся эхом от стен канализационного колодца:

— Стойте!

— Это Даван! — радостно воскликнул Рейч. — И как он токо вызнал, что мы туточки?

— Даван? — спросил Селдон шепотом. — Ты уверен?

— А то! Он поможет.

80

— Что случилось? — спросил Даван.

Если Селдон и ощутил облегчение, то совсем небольшое. Ну Даван, и что? Что его присутствие могло изменить? Правда, под его началом достаточно много народу для того, чтобы создать неразбериху...

— Вы, наверное, уже знаете, что случилось, Даван, — ответил Селдон. — Догадываюсь, что среди толпы, что собралась у дома, где живут Тисальверы, было немало ваших людей.

— Да, кое-кто там был. Поговаривают, будто вас хотели арестовать, а вы отделали целый эскадрон Солнценосов. Но за что вас хотели арестовать, вот вопрос?

— Их было двое, — сказал Селдон и для вящей убедительности поднял вверх два пальца. — Но и этого достаточно. В частности, нас хотели арестовать за то, что мы встречались с вами.

— Маловато будет. Солнценосы на меня особого внимания не стали бы обращать. Недооценивают, — с горечью проговорил Даван.

— Может быть, — кивнул Селдон. — Но женщина, у которой мы снимали комнаты, донесла на нас, что мы якобы спровоцировали беспорядки и нападение на репортера, который нам попался по дороге к вам. Вы знаете, о чем я говорю. Ваши люди были там вчера и сегодня. Двоим офицерам изрядно досталось, и теперь они запросто могут принять решение обшарить все закоулки, коридоры, а это значит, что вы можете пострадать. Мне очень жаль. Я вовсе не хотел и не думал, что выйдет что-нибудь этакое.

— Не знаете вы Солнценосов, — покачал головой Даван. — Им и этого маловато будет. Ничего они не станут прочесывать. Прочешут, найдут, схватят, так с нами что-то делать надо будет. А они только радуются, что мы никуда не суемся из Билли-

боттона и других трущоб. Нет, они за вами охотятся, за вами. Что вы натворили?

— Ничего мы не натворили, — раздраженно ответила Дорс. — Да и какая разница? Если они охотятся не за вами, а за нами, они все равно скоро окажутся здесь, и, попадись им вместе с нами вы, у вас будут большие неприятности.

— У меня-то не будет, — покачал головой Даван. — У меня есть друзья, могущественные друзья. Я вам говорил про это вчера вечером. И вам они тоже могут помочь. Когда вы наотрез отказали нам в помощи, я связался с ними. Они знают, кто вы такой, доктор Селдон. Вы человек знаменитый. Они могут поговорить с мэром Даля и сделать так, что вас не тронут, что бы вы ни натворили. Но вам придется скрыться... уехать из Даля.

Селдон улыбнулся. Вот тут-то он наконец ощутил настоящее облегчение.

— Значит, у вас, Даван, есть могущественный друг? Некто такой, кто сразу откликается на призыв о помощи, кто способен договориться с далийским правительством, кто может забрать нас отсюда? Отлично. Я не удивлен.

Селдон с улыбкой обернулся к Дорс:

— И как это Челвику все так ловко удается?

А Дорс недоверчиво покачала головой.

— Слишком быстро. Ничего не понимаю.

— А я верю, что он способен на все, — упрямо заявил Селдон.

— Я знаю его лучше, чем ты, и дольше, и я в это *не верю!*

Селдон усмехнулся.

— Ты его недооцениваешь.

И, словно не желая больше говорить об этом, он повернулся к Давану и спросил:

— Но как вы нас разыскали? Рейч сказал, что вы об этом месте ничего не знаете?

— И не знает, — вмешался Рейч. — Нипочем не знает. Мое это местечко, сам нашел.

— Я тут никогда не бывал, — подтвердил Даван, оглядевшись по сторонам. — А местечко интересное. Рейч тут наверняка как рыба в воде.

— Да, Даван, это мы уже поняли. Но все-таки, вы-то как нас нашли?

— Термодатчик. У меня есть такая штуковина, которая реа-

гирует на инфракрасное излучение, причем выявляет объекты с температурой тридцать семь градусов по Цельсию. Реагирует только на присутствие людей и больше ни на какие источники тепла. Вот и среагировала на вас троих.

Дорс нахмурилась.

— Что толку от такого прибора на Тренторе, где люди повсюду? Я знаю, на других планетах пользуются такими приборами...

— Да, знаю, — кивнул Даван, — на Тренторе они не в ходу. А вот в трущобах незаменимы.

— И где же вы такой раздобыли? — поинтересовался Селдон.

— Неважно, — ответил Даван. — Раздобыл и раздобыл. Но нам пора трогаться, господин Селдон. Слишком много народу охотится за вами, а мне хотелось бы передать вас моему могущественному другу.

— И где же он, этот ваш могущественный друг?

— Скоро будет здесь. По крайней мере, мой прибор уже зарегистрировал приближение объекта с температурой тридцать семь градусов, и не думаю, чтобы это мог быть кто-то другой.

Объект с температурой тридцать семь градусов вскоре действительно возник в дверном проеме, и готовое сорваться с губ Селдона радостное приветствие так и осталось на губах. Это был не Четтер Челвик.

Глава 17

СЭТЧЕМ

СЭТЧЕМ — *сектор города-планеты Трентор... В последние века существования Галактической Империи Сэтчем был сильнейшей и стабильнейшей частью планетарного города. Его правители долго стремились к Имперскому трону, мотивируя свои притязания на него не слишком обоснованными утверждениями о том, что являются потомками первых Императоров. При Манниксе Четвертом Сэтчем был милитаризован и, как утверждали впоследствии имперские власти, планировал захват всей планеты...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

81

В дверях стоял высокий, широкоплечий мужчина с длинными светлыми усами, кончики которых кокетливо загибались кверху, и густой бородой. Только подбородок и нижняя губа у него были чисто выбриты. Их покрывала легкая испарина. При столь буйной растительности на нижней половине лица стрижка у него была такая короткая, что Селдону невольно припомнился Микоген.

Одежда незнакомца явно представляла собой какую-то форму. Красно-белое одеяние дополнял широкий ремень, усеянный серебристыми заклепками.

Заговорил он густым, рокочущим басом, с акцентом, какого Селдону раньше слышать не доводилось. Как правило, незнакомые акценты режут слух, а выговор незнакомца звучал приятно, даже музыкально. Может быть, причиной тому был низкий, красивый тембр голоса.

— Я — сержант Эммер Талус, — выделяя каждый слог, произнес незнакомец. — Ищу доктора Гэри Селдона.

— Это я, — кивнул Селдон и шепнул Дорс: — Значит, Челвик не сумел явиться самолично и прислал вместо себя эту говяжью тушу.

Сержант придирчиво осмотрел Селдона с головы до ног и объявил:

— Да, это вы. У меня есть описание вашей внешности. Прошу вас следовать за мной, доктор Селдон.

— Ведите, — ответил Селдон.

Сержант шагнул назад, Селдон и Дорс — вперед.

Сержант остановился и предостерегающе поднял руку.

— У меня приказ увести отсюда только доктора Селдона, и никого больше.

Мгновение Селдон удивленно смотрел на сержанта. Но удивление быстро сменилось возмущением.

— Не может быть, чтобы у вас был именно такой приказ, сержант. Доктор Дорс Венабили — моя сотрудница и спутница. Она *должна* сопровождать меня.

— Это не входит в мою компетенцию, доктор.

— Ваша компетенция меня нисколько не беспокоит, сержант Талус. Я ни шагу не сделаю без нее.

— А я вам больше скажу, — вмешалась Дорс, — в мою компетенцию входит постоянная защита доктора Селдона, и я не могу выполнять свои обязанности, не будучи рядом с ним. А потому куда он, туда и я.

Сержант несколько растерялся.

— Но... я и сам обязан о вас заботиться, доктор Селдон. Если вы откажетесь следовать за мной добровольно, я, следуя приказу, должен доставить вас в самолет силой. Постараюсь не сделать вам больно.

Он протянул руки, словно хотел схватить Селдона за талию.

Селдон отпрыгнул назад и одновременно нанес резкий удар по правой руке сержанта выше локтя, там, где слой мышц был тоньше всего.

Сержант вздрогнул, задохнулся от боли, затем развернулся и вновь пошел на Селдона. Даван с места не трогался, а Рейч спрятался сержанту за спину.

Селдон ударил снова и еще раз, но сержант уже ожидал удара и подставил под кулак плечо.

Дорс выхватила ножи.

— Сержант, — проговорила она сквозь зубы, — повернитесь сюда! Хочу, чтобы вы поняли: если будете упорствовать и попытаетесь увести доктора Селдона против его воли, мне придется вас хорошенько отделать.

Сержант, не двигаясь, какое-то время оторопело, словно загипнотизированный, смотрел на подрагивающие лезвия ножей, но вскоре взял себя в руки и объявил:

— В мои инструкции не входит упоминание о том, что я не обязан применять силу к кому-либо, кроме доктора Селдона.

Его правая рука метнулась к рукоятке пистолета, что торчала из кобуры на поясе, Дорс отреагировала мгновенно: выставив перед собой ножи, она кинулась на сержанта.

Однако ни тот, ни другая не успели выполнить задуманное.

Рейч рванулся вперед, изо всех сил стукнул сержанта по спине левой рукой, а правой выхватил из кобуры пистолет с длинным узким стволом, тут же отскочил в сторону, сжал пистолет обеими руками и прокричал:

— Руки вверх, сержант, а не то пальну!

В руках Рейча, судя по форме оружия, было не что иное, как нейронный хлыст.

Сержант растерялся, покраснел.

— Брось эту штуку, сынок, — пробасил он. — Ты все равно не знаешь, как она работает.

— Че тут знать-то? — хихикнул Рейч. — Нажмешь вот тут вот, и ба-бах! И бабахнет, коли ты хоть пальцем шевельнешь.

Сержант замер на месте. Он отлично понимал, как опасно оружие в руках возбужденного двенадцатилетнего мальчишки.

Селдон тоже забеспокоился.

— Осторожно, Рейч, — проговорил он. — Не стреляй. Убери палец с курка.

— Я не дам ему меня сцапать, не дам!

— Он ничего не сделает. Прошу вас, сержант, не двигайтесь. Давайте разберемся. Вам было приказано забрать меня отсюда. Так?

— Так, — кивнул сержант, не сводя глаз с Рейча, который в свою очередь не спускал глаз с него.

— И больше никого забирать вам не приказано. Так?

— Так, доктор, — подтвердил сержант недрогнувшим голосом; чувствовалось, что он человек мужественный.

— Хорошо. Но выслушайте меня, сержант. Вам было приказано не забирать никого другого?

— Я только что сказал...

— Нет, нет. Послушайте, сержант. Есть разница. Каков был приказ? «Забрать доктора Селдона»? Только это, и больше ничего? Или вам приказали: «Забрать доктора Селдона, и никого другого»?

Сержант подумал и ответил:

— Мне было приказано забрать вас, доктор Селдон.

— Значит, в вашем приказе нет ни слова ни о ком другом, верно?

— Да, — подтвердил сержант после непродолжительной паузы.

— Вам не было приказано забирать доктора Венабили, но вам и не приказывали ее не забирать. Верно?

— Похоже, что так, — после чуть более продолжительной паузы ответил сержант.

— Ну вот. А теперь посмотрите на Рейча. У этого юноши в руках нейронный хлыст, нацеленный на вас, — ваш нейронный хлыст, не забывайте, — и он просто жаждет пристрелить вас.

— Ага! — выкрикнул Рейч.

— Не спеши, Рейч, — успокоил мальчишку Селдон. — Итак, он жаждет вас пристрелить, а у доктора Венабили — парочка ножей, с которыми она обращается весьма искусно, уверяю вас. И еще я, а я могу одной рукой так вправить вам кадык, что вы до конца своих дней будете говорить только шепотом. Ну, так как? Хотите вы забрать доктора Венабили или нет? Ваш приказ позволяет вам сделать выбор.

Сержант еще немного подумал и подавленно кивнул.

— Я возьму женщину.

— А еще мальчика Рейча.

— И мальчика.

— Прекрасно. Дайте мне честное слово — слово солдата, — что вы не обманете.

— Даю вам честное слово солдата, — кивнул сержант.

— Хорошо. Рейч, отдай ему пистолет. Быстро. Без фокусов.

Рейч скорчил недовольную гримасу, поглядел на Дорс, ища в ее глазах поддержки, но та после минутной растерянности покачала головой. Она была в это мгновение ненамного счастливее Рейча.

Рейч протянул сержанту оружие.

— Скажи спасибо им, жирная ты... — конец фразы он пробормотал себе под нос.

— Убери ножи, Дорс, — попросил Селдон.

Дорс покачала головой, но ножи убрала.

— Ну, сержант? — поторопил Селдон.

Бросив взгляд на нейронный хлыст, сержант взглянул на Селдона и сказал:

— Вы честный человек, доктор Селдон, и я сдержу слово.

И ловко, с военной сноровкой, он убрал пистолет в кобуру.

Селдон обернулся к Давану и сказал:

— Даван, прошу вас, забудьте обо всем, что только что видели. Мы, все трое, добровольно отправляемся с сержантом Талусом. При встрече передайте Юго Амарилю, что я о нем не забуду и, как только все будет позади и я обрету свободу действий, позабочусь о том, чтобы он попал в Университет. И еще: если я смогу когда-нибудь хоть чем-нибудь вам помочь, я сделаю это. А теперь пойдемте, сержант.

82

— Летал когда-нибудь на самолете, Рейч? — спросил Селдон.

Рейч молча покачал головой. Он во все глаза смотрел вниз, на проплывавшую под крылом самолета поверхность планеты. В его взгляде читались страх и восторг.

А Селдон в очередной раз поразился — сколько же на Тренторе линий экспресса и такси! Даже на дальние расстояния люди в основном путешествовали под землей. А воздушные путешествия, столь популярные на других планетах, на Тренторе были роскошью. А уж такой самолет...

«И как это только Челвик ухитряется?» — подумал Селдон.

Он смотрел в иллюминатор на сменявшие друг друга холмы куполов, на зелень, покрывавшую поверхность планеты, местами представлявшую собой настоящие джунгли, зеркала небольших озер, свинцовые воды которых время от времени вспыхивали в лучах солнца, изредка пробивавшихся сквозь плотный слой облаков.

Так они летели около часа; Дорс, наблюдавшая за пейзажем без видимого удовольствия, закрыла шторку иллюминатора и сказала:

— Хотела бы я знать, куда мы летим.

— Если этого не знаешь ты, — пожал плечами Селдон, — то уж я тем более. Ты на Тренторе дольше моего.

— Да, но я жила внутри, — возразила Дорс. — А тут, наверху, я заблудилась бы, как маленький ребенок в лесу.

— Ну ладно... думаю, Челвик знает, что делает.

— Уверена, — коротко кивнула Дорс. — Но он может не иметь никакого отношения к происходящему. Не понимаю, почему ты думаешь, что за всем этим стоит он.

— Ну... — поднял брови Селдон. — Пожалуй, сейчас я так не думаю. Но думал. Почему бы и нет?

— Потому, что тот, кто организовал все это, не указал, чтобы меня взяли с тобой. Не верю, чтобы Челвик забыл о моем существовании. Потому, что он не явился сам, как в Стрилинге и Микогене.

— Не может же он всегда являться лично, Дорс. Может быть, он занят. Удивительно как раз не то, что он не появился сейчас, а то, что он ухитрялся появляться тогда.

— Ну хорошо, он сам не появился, но разве он мог прислать за нами этот летающий дворец? — и Дорс обвела рукой действительно роскошный салон самолета.

— Что тут такого? Может быть, он это сделал нарочно. Кому придет в голову, что на столь дорогом транспортном средстве удирают бедняги, которым только и надо привлекать к себе как можно меньше внимания? Двойная, а то и тройная конспирация.

— Слишком очевидная, на мой взгляд. И неужели он послал бы за нами такого тупицу, как сержант Талус?

— Никакой он не тупица. Просто он обучен беспрекословно выполнять приказы. Если приказ соответствующий, на Талуса вполне можно положиться.

— Вот-вот, Гэри. Вот именно. Но почему он получил несоответствующий приказ? Не могу поверить, что Четтер Челвик велел ему вытащить тебя из Даля и при этом ни словечком не обмолвился обо мне. Просто невероятно.

На это Селдону ответить было нечего.

Прошел еще час, и Дорс сказала:

— Холодает, похоже. Посмотри-ка вниз, растительность уже не зеленая, а коричневая, и обогрев включился.

— Что это значит?

— Даль расположен в тропической зоне, и, значит, мы летим либо на юг от него, либо на север, и забрались уже довольно далеко. Если бы я имела хоть какое-то представление о том, в какой стороне линия ночи, я бы поняла, куда мы летим.

Прошло еще какое-то время, и самолет пронесся над обледеневшим побережьем водного пространства, подступавшего к куполам.

И тут же, довольно неожиданно и резко, пошел вниз.

— Ща грохнемся! — вскрикнул Рейч. — Ща в лепешку расшибемся!

Селдон судорожно стиснул подлокотники кресла.

Дорс не испугалась.

— Пилот признаков тревоги не проявляет. Не волнуйтесь, просто мы сейчас влетим в туннель.

И только она успела это сказать, как крылья сложились, и самолет, подобно пуле, влетел в отверстие туннеля. Вокруг сгустился мрак, но в следующее же мгновение зажглось освеще-

ние. За иллюминаторами заскользила светящаяся ленточка — змейка огней вдоль стен туннеля.

— Я, наверное, никогда не пойму, как они узнают, что тунель свободен, — пробормотал Селдон, утирая пот со лба.

— Думаю, пилот получил такие сведения загодя, — сказала Дорс. — Во всяком случае, путешествие наше близится к концу, и скоро мы узнаем, куда попали. — Немного помолчав, она добавила: — А узнаем — не обрадуемся.

83

Самолет выскользнул из туннеля и помчался по длинной посадочной полосе. Освещение здесь так напоминало естественное, что Селдон вспомнил о минутах, проведенных под открытым небом в Имперском секторе.

Самолет затормозил гораздо быстрее, нежели ожидал Селдон, что, разумеется, привело к возрастанию инерции. Рейч упал на спинку переднего сиденья да так и прилип, и Дорс пришлось потянуть его за плечо. Сержант Талус, подтянутый, строгий, вышел из кабины, открыл дверцу пассажирского салона и помог всем троим по очереди спуститься.

Селдон вышел последним. Вполоборота глянув на сержанта, он сказал:

— Полет был весьма приятным, сержант.

По лицу сержанта пробежала легкая улыбка, пушистые усы чуть поползли вверх. Слегка коснувшись околыша фуражки, он проговорил:

— Еще раз спасибо, доктор.

Затем он проводил их к роскошному автомобилю, где все трое разместились на заднем сиденье. Сам сержант сел за руль, машина мягко тронулась с места и поехала вдоль по широким улицам, застроенным высокими, красивыми зданиями, поблескивающими в лучах яркого света. Как и повсюду на Тренторе, издалека доносился шум экспресса. Тротуары были заполнены толпой хорошо, даже слишком хорошо, одетых пешеходов. Кругом царила подчеркнутая чистота.

Селдон чувствовал себя не слишком уверенно. Похоже, сомнения Дорс оправдывались. Он наклонился и прошептал в самое ухо женщины:

— Как думаешь, уж не отвезли ли нас обратно, в Имперский сектор?

— Нет, — покачала головой Дорс, — в Имперском секторе здания выстроены в основном в стиле рококо, и парков тут не так много. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю.

— Но где же мы тогда, Дорс?

— Боюсь, придется поинтересоваться, Гэри.

Ехали они недолго и вскоре подкатили к автостоянке около высокого четырехэтажного здания. Вдоль карниза бежали лепные украшения в виде фантастических зверей, разделенных полосами светло-розового камня. И лепнина, и само здание смотрелись на редкость красиво.

— Ну, — сказал Селдон, — уж это точно рококо.

Дорс пожала плечами и промолчала. А Рейч восхищенно присвистнул и проговорил как можно более равнодушно:

— Ниче себе домишко.

Сержант Талус дал Селдону знак, определенно означавший, что тот должен выйти и следовать за ним, но Селдон откинулся на спинку сиденья и, вторя универсальному языку жестов, обнял за плечи Дорс и Рейча, показывая, что без них не сделает ни шагу.

Сержант немного растерялся. Он уже стоял у внушительного дверного проема. Даже кончики усов у него опустились.

— Ну, хорошо, идите все втроем, — упавшим голосом проговорил он. — Честное слово так честное слово. Только учтите, другие вам слова не давали.

Селдон кивнул:

— Вы, безусловно, отвечаете только за себя, сержант.

Сержант явно был тронут, и на мгновение физиономия его просияла. Казалось, он был готов подать Селдону руку или еще каким-то образом отблагодарить математика, повинуясь порыву души. Однако он взял себя в руки и шагнул на первую ступень широкой лестницы, ведущей к дверям. Лестница тут же поползла вверх.

Селдон и Дорс, вполне искушенные в подобных вещах, шагнули следом за ним, без труда удержав равновесие. А Рейч на мгновение растерялся, но потом, по-видимому, решив, что эта диковинная лестница не что иное, как немного усовершенствованный эскалатор, уверенно шагнул на ступень правой но-

гой и, подтянув левую, сунул руки в карманы и беспечно засвистел какой-то легкомысленный мотивчик.

Двери распахнулись, и оттуда вышли две женщины, обе молоденькие и хорошенькие. Они были одеты в длинные платья, сшитые из какого-то шуршащего материала, туго стянутые широкими поясами на талии. Каштановые волосы каждой из девушек были заплетены в две толстые косы. Селдону их прически понравились, но он задумался, сколько же времени они тратят на то, чтобы каждое утро так укладывать волосы. У тех женщин, что попадались им по дороге сюда, он таких изысканных причесок не заметил.

Обе женщины смотрели на гостей с явным неудовольствием, и Селдон этому нисколько не удивился. После всего, что они с Дорс пережили за этот день, выглядели они ничуть не привлекательнее Рейча.

Тем не менее женщины отвесили всем изящный поклон и отработанным жестом пригласили войти.

Войдя в двери, они прошли через просторный вестибюль, уставленный замысловатой мебелью и устройствами, назначение которых Селдону показалось непонятным. Пол в вестибюле был светлый, какой-то радостный, с подсветкой. Селдону стало неловко — шагая по такому красивому полу, они оставляли на нем пыльные отпечатки следов.

Потом распахнулись следующие двери, и из них вышла еще одна женщина. Она была явно старше тех двоих, что встретили их снаружи. А они отвесили новой даме поклон с приседанием, столь изящно, что Селдон удивился, как это они не упали. «Наверняка такое дается только долгой практикой, — подумал Селдон. — Может, и мне подобает что-то такое изобразить?» Но поскольку он понятия не имел, как изобразить такой изысканный реверанс, он попросту поклонился. Дорс не пошевелилась. Рейч стоял с широко раскрытым ртом, смотрел по сторонам с восторгом и удивлением и даже не глянул на вошедшую женщину.

Она была полная, но не чересчур. Волосы у нее были уложены точно так же, как и у двух девушек, и платье на ней было примерно такое же, только побогаче — все расшитое затейливым орнаментом. Селдону оно показалось несколько вычурным.

Женщина была немолода, и волосы ее кое-где были тронуты сединой, но на щеках у нее были очень симпатичные ямочки, и они удивительно молодили ее лицо. Светло-карие глаза смотрели весело, было в ней что-то такое... не пожилое, а скорее материнское.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, как будто не имела ничего против присутствия Дорс и Рейча. — А я вас поджидала. Вы доктор Селдон, с которым я так мечтала познакомиться. А вы, по-видимому, доктор Венабили. Мне сообщали, что вы повсюду следуете за доктором Селдоном. А вот этого молодого человека я, боюсь, не знаю, но и его я рада видеть. Ну ладно, не буду утомлять вас разговорами, вам, конечно, надо отдохнуть с дороги.

— И вымыться, мадам, — резко добавила Дорс. — Нам всем не помешает постоять под душем.

— О, конечно, — кивнула женщина. — И переодеться. Особенно молодому человеку, — она с улыбкой посмотрела на Рейча, не выказывая столь заметной неприязни, какая была во взглядах ее помощниц.

— Как ваше имя, молодой человек? — спросила женщина.

— Рейч, — ответил Рейч хрипло и смущенно. И на всякий случай добавил: — Госпожа.

— Потрясающее совпадение! — воскликнула женщина, и глаза ее весело сверкнули. — А меня зовут Рейчел! Ну не чудно ли? Пойдемте, мы все для вас устроим. А потом, за обедом, наговоримся всласть.

— Погодите, мадам, — вмешалась Дорс. — Можно узнать, где мы находимся?

— Это Сэтчем, милочка! И пожалуйста, зовите меня Рейчел, так будет лучше. Я формальностей не признаю.

Дорс нахмурилась.

— Вы удивлены, что мы интересуемся? Разве не естественно, что мы хотим знать, где находимся?

Рейчел мягко, мило рассмеялась.

— Ох, доктор Венабили, и вправду нужно что-то такое придумать с названием этого места. Я не вопрос вам задала, а ответила. Вы спросили, где вы находитесь, а я не спросила у вас, зачем вам это нужно знать, а сказала: «Сэтчем». Вы в секторе Сэтчем.

— В Сэтчеме? — потрясенно переспросил Селдон.

— Конечно, доктор Селдон. Мы мечтали встретиться с вами с того самого дня, как вы выступили с докладом на Декадном конгрессе, и теперь очень рады, что вы наконец у нас.

84

На то, чтобы отдохнуть, привести себя в порядок и отойти после всех приключений, потребовался почти целый день. Гостям принесли одежду — шелковистую и просторную, в сэтчемском духе. После душа все уснули как убитые.

Только на следующий сэтчемский вечер был устроен обещанный мадам Рейчел обед.

На длинном столе стояло только четыре прибора — для Селдона, Дорс, Рейчел и Рейча. Со стен и потолка лился мягкий свет, цвет которого время от времени ненавязчиво, мягко менялся. Скатерть, изготовленная из непонятной ткани, мерцала и искрилась.

За обедом им прислуживали многочисленные слуги, а когда в какой-то момент Селдон бросил взгляд на открывшуюся дверь, он заметил, что в соседних апартаментах находятся солдаты, и притом вооруженные, в полной боевой готовности. Сидели они как бы внутри бархатной перчатки, но стальной коготок был совсем неподалеку.

Рейчел вела себя мило и дружелюбно и особое внимание уделяла Рейчу, которого намеренно усадила рядом с собой.

Рейч, чистенький, вымытый до блеска, неузнаваемый в новой одежде, подстриженный, причесанный, не осмеливался рта раскрыть, словно чувствовал, что его лексикон никак не вяжется с новым обличьем. Он исподтишка наблюдал за Дорс и копировал все ее движения за столом.

Угощения были вкусные, но такие острые, что Селдон с трудом узнавал блюда.

Рейчел, очаровательно улыбаясь, сверкая ровными зубками, сказала:

— Вы, наверное, думаете, что мы приправляем пищу микогенскими специями, но это не так. Тут, на столе, все наше, сэтчемское. На планете нет другого столь самостоятельного сектора, как Сэтчем. И мы упорно трудимся, чтобы сохранить нашу самостоятельность.

Селдон вежливо кивнул:

— Все просто превосходно, Рейчел. Мы вам очень благодарны.

Правда, про себя он подумал, что в Микогене еда была все-таки повкуснее, а еще — что пора признать собственное поражение. Ну, не собственное, так Челвика, что в принципе одно и то же.

В конце концов Сэтчем сцапал его. Случилось то самое, что так испугало Челвика после случая наверху.

— Надеюсь, вы простите мне мою настойчивость, но, как хозяйка, я просто не могу не задать вам кое-какие вопросы, — сказала Рейчел. — Поправьте меня, если я не права, но ведь вы трое — не одна семья? Вы, Гэри, и вы, Дорс, не женаты, и Рейч — не ваш сын?

— Нет, между нами нет никаких родственных связей, — ответил Селдон. — Рейч родился на Тренторе, я — на Геликоне, а Дорс — на Цинне.

— И как же вы познакомились?

Селдон коротко рассказал, не углубляясь в подробности.

— Как видите, ничего романтического.

— А мне рассказали, что вы повздорили с моим помощником, сержантом Талусом, когда он собирался забрать вас одного из Даля.

— Я привязался к Дорс и Рейчу, — ответил Селдон, — и не хотел с ними расставаться.

Рейчел улыбнулась и проговорила:

— А вы человек сентиментальный, как я погляжу.

— Да. Сентиментальный. И обескураженный.

— Обескураженный?

— Ну конечно. И раз уж вы задали такой личный вопрос, можно мне тоже кое о чем вас спросить?

— Ну конечно же, Гэри, дорогой мой. Спрашивайте о чем угодно.

— Как только мы встретились с вами, вы сказали, что Сэтчем мечтал заполучить меня с того самого дня, когда я выступил на Декадном конгрессе. Зачем я вам был так нужен?

— Не поверю, что вы до сих пор не догадались. Вы нам нужны из-за вашей психоистории.

— Догадался. Это понятно. Но почему вы думаете, что, получив меня, вы получили и психоисторию?

— Наверняка вы не так беспечны, чтобы потерять ее.

— Все гораздо хуже, Рейчел. У меня ее и не было.

Рейчел слегка нахмурилась.

— Но в докладе вы такого не говорили. Не могу сказать, чтобы я поняла ваш доклад. Я не математик и просто терпеть не могу цифр. Но у меня на службе — математики, которые разъяснили, что вы имели в виду...

— В таком случае, дорогая Рейчел, вам нужно было выслушать их более внимательно. Смею предположить, что они объяснили вам, что психоисторическое прогнозирование — вещь безнадежно далекая от практического применения.

— Я не могу поверить этому, Гэри. Ведь на следующий же день после доклада у вас была аудиенция у этого псевдоимператора, Клеона.

— У псевдоимператора? — с чуть заметной иронией переспросила Дорс.

— Ну конечно, — подчеркнуто серьезно ответила Рейчел. — У псевдоимператора. У него нет истинного права на престол.

— Рейчел, — несколько раздраженно проговорил Селдон, — Клеону я сказал то же самое, что сейчас сказал вам, и он отпустил меня.

Улыбка сошла с лица Рейчел, и голос ее стал немного другим.

— Да, он отпустил вас. Отпустил, как кот, который играет с мышкой. И с тех пор он вас преследовал — в Стрилинге, в Микогене, в Дале. Но что-то мы слишком серьезно заговорили. Давайте отдыхать. Послушаем музыку?

Только она произнесла эти слова, как неизвестно откуда полилась приятная инструментальная музыка. Рейчел наклонилась к Рейчу и тихо проговорила:

— Малыш, если тебе невмоготу управляться с вилкой, можешь есть ложкой, а то и пальцами. Не стесняйся.

— Да, мэм, — кивнул Рейч и с трудом проглотил кусок, но Дорс поймала его взгляд и одними губами проговорила:

— Возьми вилку.

Рейч послушался.

— Музыка очаровательная, мадам, — сказала Дорс вслух (она упрямо не переходила на обращение по имени), — но отвлекаться не стоит. Мне почему-то кажется, что если нас кто и преследовал, так это люди из Сэтчема. Наверняка вы не были

бы так хорошо осведомлены о наших приключениях, если бы за всем этим не стоял Сэтчем.

Рейчел громко рассмеялась.

— У Сэтчема повсюду глаза и уши, но мы за вами, уверяю вас, не гонялись. Если бы гонялись, вас бы давно уже без труда схватили и доставили сюда, что в конце концов и случилось в Дале, когда мы на самом деле этого захотели. А вот когда погоня проваливается и руки не дотягиваются до цели, то уж это, конечно, промашки Демерзеля.

— Вы такого низкого мнения о Демерзеле? — поинтересовалась Дорс.

— Да. Вас это удивляет? Мы утерли ему нос.

— Вы лично? Или весь Сэтчем?

— Сэтчем, конечно, но покуда победитель — Сэтчем, то я и есть победитель.

— Как-то странно, — покачала головой Дорс. — На Трентоpe все считают, что такие понятия, как «победа», «поражение» и тому подобные, не имеют ничего общего с Сэтчемом. Все считают, что Сэтчемом правит одна воля, одна рука, и что эти воля и рука принадлежат мэру. Не поверю, чтобы этим мог бы похвастаться еще кто-то в Сэтчеме, и вы — в том числе.

Рейчел широко улыбнулась, потрепала Рейча по щеке и сказала:

— Ну что же, если вы считаете, что наш мэр — автократ и что Сэтчемом правит одна-единственная рука, тут вы, пожалуй, правы. Но придется употребить личное местоимение, поскольку это моя рука и моя воля.

— Почему ваша? — недоуменно спросил Селдон.

— А почему бы и нет? — пожала плечами Рейчел, посматривая на слуг, занявшихся уборкой стола. — Я мэр Сэтчема.

85

Первым отреагировал на это заявление Рейч. Совершенно позабыв о той маске цивилизованности, которую до сих пор старался не снимать, он от души расхохотался и проговорил сквозь смех:

— Ой, тетечка, ладно вам врать-то. Тетечки мэрами не бывают. Мэрами токо дядечки бывают.

Рейчел с улыбкой посмотрела на него и ответила без запинки:

— Ой, малыш, бывают мэры дядечки, а бывают тетечки. Перевари это в своем чайничке, ага?

Рейч выпучил глаза и замер. Наконец ему удалось выдавить из себя:

— Ну вы даете, тетечка. Во шпарите-то!

— А то как же. Шпарю о-го-го как, — с улыбкой подтвердила Рейчел.

Селдон откашлялся и проговорил:

— Однако ловко у вас получается!

Рейчел кивнула:

— Давно не приходилось так разговаривать, но такое не забывается. Был у меня когда-то приятель, далиец... давно, когда я была совсем молоденькая. Нет, конечно, — вздохнув, она покачала головой, — он так не разговаривал, он был образованный человек... но мог, если хотел, и меня научил. Мне ужасно нравилось вот так с ним болтать. Знаете, весь мир вокруг менялся. Да, замечательно было... Но, увы, невозможно. Мой отец был против. Ну а теперь откуда ни возьмись появляется этот плутишка, Рейч, и напоминает мне об этих давно минувших днях. Тот же акцент, те же глаза, такой же смугленький. Ох, еще лет шесть, и он станет грозой для молоденьких девушек. Правда, Рейч?

— Чтоб я знал, — растерянно проговорил Рейч и так же растерянно добавил: — Мэм.

— Станешь, станешь, точно тебе говорю, и будешь ужасно похож на моего приятеля, и лучше бы мне тогда с тобой не встречаться. Ну, обед закончен, и тебе пора к себе, Рейч. Посиди, посмотри головизор, если хочешь. Читать ты вряд ли умеешь.

Рейч залился краской.

— Ниче, выучусь. Господин Селдон так сказал.

— Ну, раз он так сказал, конечно, выучишься.

Тут появилась девушка, встала возле Рейча и вежливо поклонилась Рейчел. А Селдон и не заметил, когда Рейчел успела подозвать ее.

— А че, мне нельзя побыть тут с господином Селдоном и госпожой Венабили? — спросил Рейч.

— Увидитесь попозже, — мягко проговорила Рейчел. —

У нас будет важный разговор, так что пока нам придется расстаться.

Дорс одними губами проговорила: «Иди», и Рейч, не слишком довольный, слез со стула и поплелся за девушкой.

— Не волнуйтесь за мальчика. С ним все будет в порядке, — пообещала Рейчел, когда Рейч ушел. — Как, кстати, и со мной. Точно так же, как сейчас ко мне подошла эта девушка, прибудет целая дюжина вооруженных мужчин, и даже быстрее, если потребуется. Хочу, чтобы вы это поняли.

— Мы и не думали нападать на вас, Рейчел... или теперь уже «мадам мэр»?

— Рейчел. Просто мне сообщили, что вы — неплохой мастер боевых искусств, Гэри, а вы, Дорс, отлично работаете ножами, которые мы уже забрали, кстати, из вашей комнаты. Так что не тратьте свое мастерство попусту. Гэри мне нужен живым, невооруженным и добрым.

— Но я точно знаю, — вмешалась Дорс, по-прежнему сохраняя не самый дружелюбный тон, — что правителем Сэтчема последние сорок лет был не кто иной, как Манникс Четвертый, что он до сих пор жив и здоров. Кто же тогда вы?

— Та самая, кем представилась, Дорс, Манникс Четвертый — мой отец. Он действительно, как вы выразились, жив и здоров. Император и вся Империя числят его мэром Сэтчема, но он устал от государственных дел и мечтает передать их в мои руки, которые совсем не против эти дела принять. Я его единственное дитя, и всю мою жизнь меня учили тому, как нужно править. По закону и по титулу мэром остается мой отец, но фактически мэр — я. Кстати говоря, войска Сэтчема уже успели присягнуть на верность мне, а в Сэтчеме это — самое главное.

Селдон кивнул:

— Хорошо, как скажете. Пусть так, Манникс Четвертый или Рейчел Первая — вы, видимо, Первая. Ни отцу, ни вам удерживать меня не имеет никакого смысла. Я сказал вам, что не располагаю работающей психоисторией, и не уверен, что она когда-либо достанется вам или кому-то другому. Я так и Императору сказал. Я совершенно бесполезен и для него, и для вас.

— Как вы наивны, — усмехнулась Рейчел. — Вы знакомы с историей Империи?

— С некоторых пор у меня возникло желание, — ответил Селдон, — узнать ее получше.

— Имперскую историю неплохо знаю я, — вставила Дорс, — хотя специализируюсь в основном по доимперским временам, мадам мэр. Но какая разница — знаем мы историю или нет?

— Ну, если вы знаете историю, вы должны знать, что Дом Сэтчема древний и уважаемый и ведет род от династии Дацианов.

— Дацианы, — возразила Дорс, — правили пять тысячелетий назад. Число их потомков, живших и умерших с тех незапамятных времен, за сто пятьдесят поколений так велико, что равняется, пожалуй, половине населения Галактики, если вы пытаетесь оспаривать какие-то генеалогические права на престол.

— Наши генеалогические права, доктор Венабили, — впервые за все время холодно и недружелюбно проговорила Рейчел, — никаким сомнениям не подлежат, и оспаривать их нечего. Они записаны на бумаге. Дом Сэтчема удерживал власть в течение всех этих поколений, и были случаи, когда мы сидели на Имперском троне и правили Империей.

— А в учебниках по истории, — упрямо возразила Дорс, — о правителях Сэтчема чаще всего пишется, что они были антиимператорами и большая часть Империи их никогда не признавала.

— Все зависит от того, кто написал учебники истории. В недалеком будущем этим будем заниматься мы, поскольку некогда принадлежавший нам престол снова станет нашим.

— Чтобы этого добиться, вам придется развязать гражданскую войну.

— В этом не будет ничего страшного, — сказала Рейчел. Теперь она снова очаровательно улыбалась. — Но я бы не отказалась от помощи доктора Селдона, чтобы предотвратить подобную катастрофу. Мой отец, Манникс Четвертый, всю жизнь был мирным человеком. Он сохранял лояльность ко всем, кто бы ни забирался за эти годы на Имперский трон, и поддерживал экономику Трентора на плечах Сэтчема ради блага всей Империи.

— Не уверена, чтобы Император свято верил, что цели вашего отца именно таковы, — усмехнулась Дорс.

— Я тоже, — спокойно кивнула Рейчел, — поскольку все Императоры, восседавшие на троне во время правления моего отца, были узурпаторами. Узурпатор на узурпаторе. А узурпаторы не могут позволить себе такой роскоши, как доверие к истинным правителям. И все-таки мой отец сохранял мир. Но, конечно, он отдал немало сил созданию и обучению могущественной армии, призванной защищать этот мир, процветание и спокойствие в секторе. А Имперское правительство не противилось этому, потому что Сэтчем им был нужен мирным, довольным, спокойным и лояльным.

— Но лоялен ли он? — спросила Дорс.

— По отношению к законному Императору — конечно, — сказала Рейчел. — И сейчас мы достигли такого уровня, что можем без труда сбросить правительство буквально одним ударом. И еще до того, как кто-то успеет вымолвить: «гражданская война», на троне уже будет сидеть истинный Император или, если вам так больше нравится, Императрица. А на Тренторе все будет тихо и мирно, как и было.

Дорс покачала головой.

— Позвольте, я вас немного просвещу? Как историк.

— Я никогда не против послушать, — пожала плечами Рейчел и чуть-чуть склонила голову к Дорс.

— Как бы велика и как бы прекрасно обучена ни была ваша армия, какие бы средства ни были у нее на вооружении, она все равно не справится с объединенными вооруженными силами Империи, расквартированными в двадцати пяти миллионах миров.

— О, доктор Венабили, вот вы сами и задели больное место узурпатора. Двадцать пять миллионов миров — и рассеянные, разбросанные по ним вооруженные силы. Громадные расстояния между формированиями; расхлябанные офицеры, отвыкшие от боевых действий, если к чему и готовы, так разве что только к тому, чтобы выступить за свои собственные интересы, а уж никак не за интересы Императора. А наши силы все целиком собраны здесь, на Тренторе. Мы можем начать и кончить наше дело задолго до того, как просиживающие штаны на дальних планетах генералы и адмиралы почешутся и поймут, что они тут зачем-то нужны.

— Но когда поймут, то сюда прибудут силы, которым вы не сможете противостоять.

— Вы в этом уверены? — насмешливо спросила Рейчел. — К этому времени мы уже будем во Дворце. Трентор будет нашим, никто и не пикнет. Зачем же тогда Имперской армии вообще будет шевелиться, когда каждый марионеточный командующий получит в свое распоряжение собственную планету, собственную провинцию?

— Значит, вы именно к этому стремитесь? — удивленно спросил Селдон. — Неужели вы хотите уверить меня в том, что собираетесь править Империей, разорванной на кусочки?

— Вы совершенно правы, — кивнула Рейчел. — Я хочу править Трентором и прилегающими к нему планетными системами, которые составляют часть Тренторианской провинции. Мне гораздо более по нраву стать Императором Трентора, чем Императором Галактики.

— И вас устроит один только Трентор? Неужели? — недоверчиво спросила Дорс.

— Почему бы и нет? — с воодушевлением проговорила Рейчел, склонилась к столу и крепко уперлась ладонями в его крышку. — Именно об этом думал мой отец все сорок лет. Он и живет-то теперь только для того, чтобы своими глазами увидеть это. На что нам сдались миллионы миров, далеких миров, которые для нас ровным счетом ничего не значат, которые тянут из нас силы, оттягивают их на невообразимые расстояния; из-за них только неразбериха, сплошные скандалы, разбираться в которых — попусту тратить время. Наша планета, наш громадный город — вот та галактика, которой нам хватит за глаза. У нас есть все, чтобы безбедно существовать. А остальная Галактика пускай распадается. Пусть каждый милитарист-марионетка получает свой жирный кусок. И биться за куски не придется. На всех хватит.

— Но они все равно *будут* биться, — возразила Дорс. — Никто не удовлетворится выделенной ему провинцией. Каждый будет считать, что соседу достался больший или лучший кусок. Каждый не будет чувствовать себя в безопасности и будет, как о единственной ее гарантии, грезить о владычестве над Галактикой. Это ясно как дважды два, мадам Императрица Пустоты. Начнутся бесконечные войны, в которые втянут и вас, и весь Трентор, и в конце концов все рухнет, останутся одни руины.

— Ну, если не смотреть дальше своего носа, можно нарисовать и такую картину, — с явной насмешкой проговорила Рейчел. — Если воспринимать уроки истории буквально.

— Ну а если смотреть дальше? — парировала Дорс. — У кого же еще брать уроки, как не у истории?

— У кого? — усмехнулась Рейчел. — А у него! — воскликнула она, показывая указательным пальцем на Селдона.

— У меня? — удивился Селдон. — Но я уже сказал вам, что психоистория...

— Не повторяйте того, что уже сказали, мой милый доктор Селдон, — оборвала его Рейчел. — Так мы ни до чего не договоримся... Как вы полагаете, доктор Венабили, мой отец никогда не подозревал об опасности затяжной гражданской войны? Неужели вы думаете, что он ни разу не употребил свой могучий ум на то, чтобы задуматься об этом? В последние десять лет он был готов в любой день завоевать Империю. Нужна была только убежденность в безопасности после победы.

— Которой у вас нет, — кивнула Дорс.

— Но которая у нас появилась, как только мы узнали о докладе доктора Селдона на Декадном конгрессе. Отец мой слишком стар и не сразу понял, в чем дело. Но когда я объяснила ему, как это важно, он согласился со мной и именно тогда формально передал мне бразды правления. Так и вышло, Гэри, что своим вступлением на пост мэра я обязана вам и вам же надеюсь быть обязанной вступлением на более высокий пост в будущем.

— Я никак не могу объяснить вам, что не в силах... — раздраженно начал Селдон.

— Неважно, что вы можете и чего не можете. Важно то, во что поверят или не поверят люди. Они *поверят вам*, Гэри, когда вы объявите, что психоисторический прогноз гласит, что Трентор может править сам собой, что провинции должны стать королевствами, которые будут жить в мире и добрососедстве.

— Я такого прогноза делать не собираюсь, — мотнул головой Селдон, — покуда не располагаю досконально разработанной психоисторией. И роль шарлатана играть не намерен. Если вам нужно нечто в таком духе, вот и прогнозируйте, я не против.

— Ну, Гэри, что вы говорите? Мне не поверят. Поверят вам. Вам, великому математику. Почему бы не потрафить народу?

— Представьте себе, — вздохнул Селдон, — о том же самом просил меня Император. Ему я отказал, так неужели вы думаете, что вам не откажу?

Рейчел некоторое время молчала, а когда снова заговорила, в ее голосе зазвучали почти умоляющие нотки.

— Гэри, подумайте, ведь я не Клеон — и это совсем не одно и то же. Клеон, несомненно, требовал от вас пропаганды, направленной на сохранение его положения на престоле. Это бесполезно, поскольку престол ему не сохранить. Разве вы не знаете, что Галактическая Империя переживает упадок, что так больше продолжаться не может? Трентор сам упорно катится по наклонной плоскости, и его тянут за собой, как гиря на шее, двадцать пять миллионов миров. Впереди нас ждет распад и гражданская война, что бы вы ни сделали ради Клеона.

— Что-то подобное я уже слышал, — сказал Селдон. — Может быть, это и правда, но что из этого?

— Ну так помогите же Империи распасться на части *без* всякой войны! Помогите мне захватить Трентор, наладить надежное управление административной единицей. Позвольте мне дать свободу всей Галактике, чтобы каждая планета пошла собственной дорогой, в соответствии со своими обычаями и культурой. И тогда Галактика снова оживет за счет торговли, туризма, культурных связей, и над ней перестанет маячить призрак угрозы разрыва, до которого ее обязательно доведет нынешнее правительство. Амбиции у меня самые скромные: один мир вместо миллионов, мир вместо войны, свобода вместо рабства.

— Но почему Галактика больше поверит мне, чем вам? — спросил Селдон. — Меня никто не знает, и на кого из командиров флота произведет неизгладимое впечатление слово «психоистория»?

— Сейчас вам не поверят, но я и не прошу вас ни о чем сейчас. Дом Сэтчема ждал тысячи лет, подождет и несколько тысяч дней. Поступайте ко мне на службу, и я сделаю ваше имя знаменитым. Я пообещаю, что психоистория просияет во всех мирах, а в нужное время, когда я решу, что оно нужное, вы произнесете свое предсказание, и мы нанесем удар. И тогда в Галактике воцарится Новый Порядок, покой и счастье на века. Ну, Гэри, неужели вы мне откажете?

Глава 18

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ

ТАЛУС, ЭММЕР — *сержант Сэтчемских сил безопасности во времена древнего Трентора.*

...Помимо вышеупомянутых малозначительных подробностей, об этом человеке практически ничего не известно, кроме того, что однажды в его руках была судьба всей Галактики.

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

86

Завтрак на следующее утро был накрыт в холле, примыкавшем к комнатам троих пленников, и оказался поистине роскошным. Огромный выбор вкуснейших блюд и всего вдоволь.

Селдон за обе щеки уплетал острые сосиски, пустив побоку предупреждение Дорс относительно катара желудка и кишечной колики.

Рейч сообщил:

— А мадам мэр, когда заходила ко мне вечером...

— Она к тебе заходила? — удивился Селдон.

— Ага. Сказала, что хочет поглядеть, удобственно ли мне. А еще сказала, что, может, отведет меня в зоопарк.

— В зоопарк? — Селдон взглянул на Дорс. — Какой на Тренторе может быть зоопарк? Собаки с кошками?

— Ну, там могут быть кое-какие местные животные, — предположила Дорс, — не исключено, что есть и привозные, с других планет, или такие, которые обитают везде, в том числе и на Тренторе, только на других планетах их, конечно, побольше. На самом деле Сэтчемский зоопарк очень знаменит. Это, пожалуй, самый лучший зоопарк на Тренторе после Имперского.

— Добренькая старушенция, — заключил Рейч.

— Не такая уж она старушенция, — заметила Дорс. — А вот кормят нас и правда неплохо.

— Что правда, то правда, — согласился Селдон.

Покончив с завтраком, Рейч удалился осматривать апартаменты, а Дорс уединилась с Селдоном.

— Вот уж не знаю, — сказал Селдон недовольно, — надолго

ли нас предоставили самим себе. Наверняка она уже продумала, чем нас занять.

— Пока жаловаться, по-моему, не на что, — возразила Дорс. — Тут гораздо приятнее, чем в Микогене и в Дале.

— Дорс, я надеюсь, тебя не очаровала эта женщина? — спросил Селдон.

— Меня? Рейчел? Конечно же, нет. С чего ты взял?

— Ну, ты говоришь, что тут приятно. Кормят хорошо. Вполне естественно расслабиться и принимать подарки судьбы.

— Да, вполне естественно. А почему нужно от них отказываться?

— Послушай, не ты ли мне вечером говорила, что будет, если она победит? Я, конечно, не историк и верю тебе на слово, да и не только верю, а понимаю, что все правильно, даже не будучи историком. Империя распадется, и образовавшиеся островки будут сражаться друг с другом, пока... пока... в общем, неизвестно сколько времени. Рейчел надо остановить.

— Согласна, — кивнула Дорс. — Надо. Но не вижу, каким образом мы можем провернуть это маленькое дельце именно сейчас. Гэри, — прищурившись, спросила она, — скажи, ты ведь не спал этой ночью?

— А ты? — осведомился Селдон, не отрицая того, что не спал сам.

Дорс смотрела на него в упор с нескрываемой тревогой.

— Всю ночь провалялся без сна, думая о разрушении Галактики, из-за того, что я сказала?

— Об этом и кое о чем еще. Нельзя ли связаться с Четтером Челвиком? — спросил Селдон шепотом.

— Я пыталась сделать это еще тогда, когда нам грозил арест в Дале. Сообщение мое он получил, но не появился. Может быть, просто не сумел вырваться, но, когда сумеет, явится обязательно.

— А ты не думаешь, что с ним что-нибудь случилось?

— Нет, — спокойно ответила Дорс. — Я так не думаю.

— Откуда такая уверенность?

— Я бы узнала. Узнала бы наверняка. Раз не знаю, значит, все в порядке.

Селдон нахмурился:

— А вот я не уверен попросту ни в чем, ну, то есть вовсе. Даже если бы Челвик появился, что бы он мог поделать? Нельзя

же в одиночку одолеть всех в Сэтчеме! Раз у них тут, как утверждает Рейчел, самая организованная армия на Тренторе, то что он может предпринять против целой армии?

— Давай не будем об этом. Как ты думаешь, есть надежда убедить Рейчел, каким-то образом вбить ей в голову, что у тебя нет никакой психоистории?

— Рейчел прекрасно знает, что у меня ее нет и не будет еще много лет, если и будет когда-нибудь вообще. Но она объявит во всеуслышание, что психоистория существует, что я владею методом в полной мере, и сделает это достаточно хитро для того, чтобы люди поверили и вели себя потом в соответствии с тем, как им будут преподноситься мои прогнозы, даже если я сам и рта не раскрою.

— Но ведь Рейчел потребуется время. За ночь ей не сотворить из тебя кумира, как, впрочем, и за неделю. По-хорошему на это уйдет никак не меньше года.

Селдон в задумчивости мерил шагами комнату.

— Может, и так. Не знаю. Да, пожалуй, здесь ты права. Рейчел не произвела на меня впечатления женщины, привыкшей терпеть и смиряться. А ее престарелый батюшка, Манникс Четвертый, наверняка еще менее терпелив. Он должен чувствовать приближение собственной кончины, и если стремился к развалу Империи всю свою жизнь, то предпочтет, чтобы все свершилось за неделю до его похорон, а не семью днями после. И потом...

Селдон оборвал себя на полуслове и внимательно оглядел комнату.

— Что — «потом»?

— Мы должны обрести свободу. Понимаешь... Я решил проблему психоистории.

Глаза Дорс удивленно расширились.

— Что?! Ты ее разработал?!

— Ну, не то чтобы в полном смысле разработал. На это уйдут десятилетия, может быть, века. Но теперь я знаю, что нужно для того, чтобы психоистория стала не теоретической, а практической наукой. Знаю, как, но для этого мне нужно время, покой и средства. И пока я, быть может, вместе с моими учениками, буду этим заниматься, Империя должна существовать. Надеюсь, кто-нибудь придумает, как сохранить ее или хо-

тя бы свести до минимума последствия распада. И не спал я прошлой ночью от мыслей о том, что пора браться за работу, а я не могу.

87

Утром пятого дня пребывания в Сэтчеме Дорс помогала Рейчу облачиться в парадный костюм, который вызывал у обоих одинаковое удивление.

Рейч с сомнением глядел на свое отражение в голографическом зеркале, а отражение, казалось, смотрело на него, копируя каждое движение, но при том не путало левую и правую стороны. Мальчик впервые в жизни смотрелся в голографическое зеркало, поэтому не смог удержаться — потянулся к изображению, смущенно захихикал, когда рука схватила пустоту, а рука в зеркале в точности повторила движение, но ее прикосновения он не почувствовал.

Наконец он изрек:

— Потешный у меня видок, однако.

Рейч пощупал тунику, сшитую из тончайшей ткани и подпоясанную узким плетеным ремешком, ее воротник — стоячий, будто накрахмаленный, доходивший до ушей.

— А башка у меня, как мяч в чашке.

— Так одеваются богатые дети в Сэтчеме, — объяснила Дорс. — И всякий, кто на тебя посмотрит, будет просто в восторге и обзавидуется.

— Это с прилизанными-то патлами?

— Конечно. А еще ты наденешь вот эту маленькую круглую шапочку.

— Тогда башка уж точно как мяч станет.

— Значит, не позволяй никому ее пинать. А теперь вспомни все, о чем мы говорили. Будь внимателен и не веди себя как маленький.

— Но я же и есть маленький, — возразил Рейч, невинно глядя на Дорс.

— В самом деле? — поддразнила та. — А я-то думала, что ты считаешь себя двенадцатилетним взрослым.

Рейч ухмыльнулся.

— Ладно, чего там. Прошпионю, как надо.

— Только, пожалуйста, не зарывайся. Не подслушивай у замочных скважин. Если тебя за этим застанут, ничего хорошего не получится.

— Ну вы че, тетечка, за кого меня держите? Че я, дите малое?

— А не ты ли, плутишка, утверждал это секунду назад? Слушай и запоминай все, что будет твориться вокруг тебя, но так, чтобы никто не видел, а после расскажешь нам. Это очень просто.

— Это вам, госпожа Венабили, просто говорить... — притворно вздохнул Рейч, но тут же хитро усмехнулся и закончил: — А мне такое дело — раз плюнуть.

— И будь осторожен.

— Ясное дело, — понимающе подмигнул далиец.

Тут явился лакей (настолько бесцеремонный, насколько только может быть самый наглый из них), дабы сопровождать Рейча туда, где его ожидала Рейчел.

Селдон проводил их озабоченным взглядом.

— Пожалуй, вряд ли парень посмотрит зоопарк, если будет слушать во все уши. Не уверен, что мы правы, подвергая ребенка такой опасности.

— Опасности? Я так не думаю. Рейч вырос в трущобах Билиботтона, не забывай. Шпион из него получше будет, чем из нас двоих, вместе взятых, Гэри. К тому же Рейчел без ума от мальчишки и простит ему любую проделку, бедняжка.

— Ты что же, жалеешь мэршу?

— А ты считаешь ее недостойной сожаления, если она дочка мэра и по праву считает себя мэром, если мечтает разрушить Империю? Может, ты и прав, но все равно в ней есть кое-что, заслуживающее симпатии. Ну, например, у нее была несчастная любовь. Совершенно очевидно, сердце ее было разбито, и она страдала — по крайней мере какое-то время.

— А у тебя когда-нибудь была несчастная любовь, Дорс? — спросил Селдон.

Дорс ненадолго задумалась и ответила:

— Да нет, не было. Я слишком занята работой, чтобы позволить себе такую роскошь, как разбитое сердце.

— Я так и думал.

— Зачем же тогда спросил?

— Я мог ошибаться.

— Ну а у тебя?

Селдон немного растерялся.

— Было дело. Какое-то время пришлось пожить с разбитым сердцем. Разлетелось прямо-таки на кусочки.

— Я так и думала.

— Зачем же спрашивать?

— Не потому, что я могла ошибаться, уверяю тебя. Просто хотелось посмотреть, соврешь ты или нет. Ты не соврал, и это меня радует.

Помолчав, Селдон перевел разговор на другую тему:

— Прошло уже целых пять дней, а ничего не случилось.

— Да, ничего. И с нами по-прежнему хорошо обращаются.

— Если бы животные могли думать, то считали бы, что с ними хорошо обращаются, откармливая на убой.

— Согласна. Только Рейчел откармливает на убой Империю.

— Но когда она собирается ее убить?

— Наверное, когда будет к этому готова.

— Мадам хвасталась, что способна провернуть все за день, и у меня сложилось впечатление, что она может это сделать хоть завтра.

— Даже если твое впечатление верно, Рейчел для начала захотела бы увериться в том, что справится с ответной реакцией Империи, а на это нужно время.

— Много ли его нужно? Она собирается подавить ответную реакцию, используя меня, но пока таких попыток не предпринимает. Ни малейших признаков того, что из меня хотят, как ты выразилась, сотворить кумира. Хожу по улицам, и никто не просит автографа. Толпы сэтчемцев не собираются, дабы превозносить меня. В гиперновостях — ни словечка.

Дорс улыбнулась.

— Похоже, тебя это и впрямь огорчает. Ты наивен, Гэри. И не историк, что в принципе одно и то же. Думаю, тебе лучше радоваться тому, что создание психоистории сделает из тебя историка, чем тому, что психоистория спасет Империю. Если бы все люди понимали историю, то не совершали бы непрерывно глупейших ошибок.

— В чем же моя наивность? — обиженно поинтересовался Селдон, вздернув подбородок и сверху вниз глядя на Дорс.

— Не обижайся, Гэри. На самом деле мне кажется, что это одно из самых симпатичных твоих качеств.

— Ясно. Из-за этого у тебя пробуждается материнский инстинкт, а тебя сюда для того и послали, чтобы нянчиться со мной, как с ребенком. И все же в чем ты видишь наивность?

— А в том, что воображаешь, будто Рейчел вознамерилась распропагандировать все население Империи, дабы тебя восприняли как пророка! Ничего подобного. Квадриллионы людей так просто с места не сдвинешь. Существуют социальная и психологическая инерции, и они столь же распространены, как инерция физическая. И потом, вступив в открытую игру, она тем самым бросит вызов Демерзелю.

— Что же, по-твоему, происходит сейчас?

— Полагаю, что сведения о тебе — всяческого рода восхваления и превозношения — распространяются исключительно в узком кругу и поступают только к тем вице-королям секторов, флотским адмиралам и влиятельным лицам, которых эта интриганка уже склонила или надеется склонить на свою сторону. Сотни таких приспешников — этого будет достаточно для того, чтобы смутить лоялистов на время, которого Рейчел Первой за глаза хватит на то, чтобы установить Новый Порядок и удерживать его столько, сколько необходимо для подавления любого сопротивления. Мне, по крайней мере, так видится ход событий по сценарию этой дамы.

— А от Челвика — ни слуху ни духу.

— Не может быть, чтобы он бездействовал. Слишком многое зависит сейчас от того, что здесь происходит.

— А тебе не приходила в голову мысль о том, что он умер?

— Маловероятно. Будь это в самом деле так, я бы узнала.

— Здесь?

— Даже здесь.

Селдон приподнял брови, но промолчал.

Рейч вернулся с прогулки лишь к вечеру, радостно возбужденный, без умолку описывая обезьян и бакарийских гримуаров. За обедом только его и было слышно.

Впервые за пять дней Рейчел за обедом не присутствовала, однако это никак не сказалось ни на выборе и вкусе блюд, ни на количестве слуг.

И лишь после обеда, когда все трое удалились к себе, Дорс попросила:

— А теперь, Рейч, скажи-ка, что стряслось с мадам мэршей. Расскажи все, что она говорила или делала, что, как тебе кажется, нам стоит узнать.

Глаза Рейча блеснули.

— Кой-че было, — сообщил он. — Потому она небось и обедать не пришла.

— И что же было?

— Зоопарк-то закрыт оказался. Токо нас и пустили. А нас была уйма целая — Рейчел, я, куча парней в форме, теток, разодетых в пух и прах, и все такое. А потом явился еще один в форме, сначала-то я его не приметил, и что-то шепнул Рейчел, а та развернулась так ко всем прочим и рукой эдак махнула, чтобы они, стало быть, с места не трогались, ну, все и послушались. А эти двое протопали в сторонку, значит, и давай шушукаться. Ну, тут я притворился, значит, что ни фига не понял, и стал разгуливать около клеток и подобрался так незаметненько поближе к Рейчел, чтобы подслушать, про че они там.

Рейчел ему: «Как они смеют?» — и злая такая прямо стала, ну ровно сбрендила. А этот парень, значит, в форме который, все вроде здорово психовал. Я, правду сказать, не шибко к нему приглядывался, а притворялся больше, что на зверюшек глазею. Ну, ушки на макушке, стало быть, слушаю. Парень этот, стало быть, и говорит, что кто-то — имени не упомню, но вроде генерал — ну, этот генерал, значит, вроде бы сказал, будто офицеры пристегнули доверенность Рейчелову старикану...

— Присягнули на верность, — поправила его Дорс.

— Что-то в этом роде, и сильно запсиховали, и не захотели делать, что им тетка велит. А еще, что они хотят старикана, а если тот захворал, стало быть, пускай какого другого дядьку мэром поставит, только не тетку.

— Не тетку? Точно?

— В точности так и сказал. Тихо-тихо. Он так психовал, а Рейчел — та просто взвилась и язык проглотила. Потом очухалась и как зашипит: «Я получу его голову. Они все присягнут мне на верность завтра же, а кто откажется, пожалеет!» Вот так и выдавала все точь-в-точь, а потом всех разогнала по домам, а со мной ни полслова не обмолвилась. Так и сидела всю дорогу, злющая, точно зверюга.

— Молодчина, — кивнула Дорс. — Только, пожалуйста, не проболтайся об этом, Рейч.

— Заметано. Ну че, вам только это и было надо?

— Ты отлично поработал, дружок. Сделал больше, чем было надо. А теперь ступай к себе и постарайся выкинуть все это из головы.

Как только мальчик ушел, Дорс обернулась к Селдону:

— Очень, очень интересно. Дочери наследуют посты отцов или матерей на всех уровнях власти. Сколько угодно. Существовали правящие Императрицы — ты это наверняка знаешь, — и не могу припомнить, чтобы хоть когда-нибудь в Имперской истории по этому поводу возникали какие-то разногласия. Просто удивительно, что такой вопрос вдруг возник в Сэтчеме.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Селдон. — Не так давно мы побывали в Микогене, где женщин унижают, как хотят, к власти не подпускают и на пушечный выстрел.

— Да, верно, но это — исключение. Есть места, где женщины, наоборот, доминируют. А в большинстве правительств планет мужчин и женщин поровну. Если на высоких постах и больше мужчин, то только потому, что женщины чисто биологически более склонны заниматься не государственными делами, а воспитанием детей.

— А какая в этом смысле ситуация в Сэтчеме?

— Насколько я знаю, тут равенство полов. Рейчел не постеснялась занять пост мэра, а старик Манникс не задумываясь передал дочери бразды правления. Нет ничего удивительного в том, что Рейчел поразилась и пришла в ярость из-за того, что мужчины отказываются повиноваться. Она ведь и в мыслях не допускала подобного.

— А тебе ход событий явно нравится, — отметил Селдон. — Почему?

— Исключительно потому, что все это так неестественно, так не вписывается в привычные рамки, что поправки вносит не кто иной, как Челвик.

— Ты так думаешь? — недоверчиво спросил Селдон.

— Да, — кивнула Дорс.

— Представь себе, и я тоже.

88

А на десятый день, утром, Селдона разбудил тревожный звонок у двери, и послышался срывающийся голосок Рейча:

— Господин, господин Селдон, война!

Селдон потряс головой, прогоняя сон, вскочил с кровати. Поеживаясь (проклятые сэтчемцы почему-то располагали спальни на холодной стороне, и это его ужасно злило), он распахнул дверь.

Рейч влетел в комнату, выпучив глаза и задыхаясь.

— Мистер Селдон, теперича у них Манникс, старый мэр. Они...

— Кто — «они», Рейч?

— Имперщики. Их самолеты — целая куча — прилетели прошлой ночью. Щас про это передают в гиперновостях. У госпожи в комнате. Она-то велела вас не будить, а я подумал, что надо.

— Ты не ошибся, Рейч, — кивнул Селдон, натягивая халат. На ходу запахнув его, он помчался в комнату Дорс. Та была уже одета и не отрывала глаз от экрана стоявшего в нише головизора.

На экране за маленьким письменным столиком сидел мужчина, на тунике которого красовалась ярко вышитая имперская символика — «Звездолет и Солнце». По обе стороны от него навытяжку стояли двое солдат, помеченных той же эмблемой.

«...Находится под мирным попечением Его Императорского Величества, — офицер закончил фразу. — Мэр Манникс здоров, в безопасности и полностью осуществляет свои обязанности под защитой миротворческих войск Империи. Вскоре он выступит перед вами, дабы успокоить всех жителей Сэтчема и обратиться к сэтчемским воинам с призывом сложить оружие».

Затем последовали сообщения, произносимые дикторами с бесстрастными, поставленными голосами и имперскими повязками на рукавах. Содержание сообщений почти не менялось: «капитулировало такое-то и такое-то подразделение сэтчемских войск», «...после того, как было дано несколько предупредительных выстрелов...», «...без всякого сопротивления»,

«заняты такой-то и такой-то районы города». Новости то и дело перемежались кадрами, демонстрирующими толпы горожан, покорно взирающих на марширующие по городу войска.

— Потрясающе организованная операция, Гэри, — сообщила Дорс. — Никто не ожидал. Сопротивление было бессмысленно, и все обошлось без жертв.

Тут на экране, как и было обещано, возник мэр Манникс Четвертый. Он стоял во весь рост, и империалов поблизости видно не было, но Селдон нисколько не сомневался, что они не спускают глаз с мэра и стоят по обе стороны от камеры.

Манникс был стар, но былая сила еще сквозила в его взгляде, который он, увы, старательно отводил от камеры. Слова произносил вымученно, словно не по своей воле. Но опять-таки, как и было обещано, мэр обратился к сэтчемцам с призывом сохранять спокойствие, не оказывать сопротивления, уберечь город от разрушений и выражать лояльность Императору, да продлится его царствование.

— А о Рейчел ни слова, — отметил Селдон. — Как будто его дочери не существует.

— О ней словно вообще забыли, — добавила Дорс. — Однако из этого вовсе не следует, что мэрша уже арестована. На ее резиденцию, которой, собственно, и является это здание, никто не покушался, а значит, возможно, Рейчел успела сбежать и спрятаться в каком-нибудь приграничном секторе. Хотя я почти уверена в том, что вскоре на Тренторе для нее не останется безопасных мест.

— Возможно, — произнес голос той, о которой шла речь, — но здесь я хотя бы ненадолго в безопасности.

Вошла Рейчел, аккуратно одетая и внешне совершенно спокойная. Даже улыбалась — правда, не слишком весело.

Все трое замерли, уставившись на вошедшую, и Селдон подумал, здесь ли все ее многочисленные слуги, или сбежали, покинув хозяйку.

Дорс чуть натянуто произнесла:

— Я вижу, мадам мэр, что ваши мечты о захвате власти не сбылись. Вас, вероятно, опередили.

— Меня не опередили. Меня предали. Моих офицеров распропагандировали, и вопреки всякому здравому смыслу они отказались служить женщине, признавая лишь своего старого

повелителя. А потом эти подлые предатели дали схватить своего любимого старого господина, и он не смог возглавить сопротивление.

Она поискала глазами стул и села.

— И вот теперь Империя должна продолжать распадаться и погибать, тогда когда я была готова предложить ей новую жизнь.

— Я полагаю, — заметила Дорс, — что Империя избежала долгой и ненужной борьбы и разрушения. Смиритесь с этим, мадам мэр.

Казалось, Рейчел не расслышала.

— Столько лет готовиться, — проговорила она с горечью, — и потерять все за одну ночь.

Рейчел сникла, убитая горем, постаревшая лет на двадцать сразу.

— Вряд ли за одну ночь, — возразила историк. — Наверняка ваших офицеров обработали заранее.

— Это наверняка дело рук Демерзеля! Я его недооценила. Угрозы, подкуп, обман — как бы то ни было, своего он добился. Демерзель большой мастер на предательство и воровство, а я просчиталась.

Немного помолчав, она продолжала:

— Располагай этот негодяй только своими собственными силами, я без труда одолела бы всех, кого бы он ни послал сюда. Но кто бы мог подумать, что в Сэтчеме есть предатели, что присягу на верность можно так легко нарушить.

— Но мне помнится, — спокойно возразил Селдон, — что присягу на верность войска приносили все-таки не вам, а вашему отцу?

— Чепуха! — яростно воскликнула Рейчел. — Когда отец передавал мне пост мэра, на что имел полное и законное право, ко мне в подчинение автоматически перешли все, кто когда-либо присягал ему на верность. Самый тривиальный прецедент. Да, обычно новому правителю приносят присягу, но это всего-навсего традиция, а не пункт закона, что моим офицерам прекрасно известно, и однако они предпочли все забыть. Ради оправдания своего предательства они заявили, что не желают служить под началом женщины, но истина в том, что эти подлые трусы либо поджали хвосты в ожидании имперского отмщения, которое никогда бы не пришло, будь они честнее, либо пустили слюни от предвкушения имперских наград, которых им не видать как своих ушей, или я не знаю Демерзеля.

Она резко обернулась к Селдону:

— Вам ясны его цели, не правда ли? Демерзель только из-за вас напал на меня.

— При чем тут я? — вздрогнул Селдон.

— Не прикидывайтесь дурачком. Вы ему нужны затем же, зачем пригодились бы мне, — чтобы использовать как инструмент. Но, к счастью, — добавила Рейчел, вздохнув, — не все меня предали. Есть еще верные солдаты. Сержант!

Вошел сержант Талус — легко, почти бесшумно. Его походка никак не вязалась с внушительными габаритами. Форма — с иголочки, усы — еще более кокетливо подкручены, чем в прошлый раз.

— Мадам мэр, — прищелкнув каблуками, проговорил он.

На вид сержант по-прежнему напоминал говяжью тушу и полностью соответствовал определению Селдона — солдафон, слепо, несмотря ни на что, исполняющий приказы.

Рейчел печально улыбнулась мальчику.

— Ну, как ты, малыш Рейч? А мне хотелось сделать из тебя человека. Теперь уже вряд ли получится.

— Здрассьте, мэм... мадам, — неуклюже пробормотал Рейч.

— И для вас я тоже кое о чем мечтала, доктор Селдон, — добавила та, — но, увы, уж вы меня простите, не судьба.

— Меня, мадам, не жалейте, не стоит.

— Жалею, Гэри, жалею. Я не могу позволить Демерзелю заполучить вас. Такой победы он недостоин, и уж этому я могу помешать.

— Я не стал бы на него работать, мадам, поверьте, так же, как не стал бы работать на вас.

— Работа здесь ни при чем. Я говорю об использовании. Прощайте, доктор Селдон... Сержант, пристрелите его.

Сержант послушно выхватил бластер, а Дорс с громким криком бросилась к нему, но Селдон успел удержать девушку, схватив за локоть.

— Не надо, Дорс! — прокричал он. — Иначе он пристрелит тебя. Меня он не убьет. А ты, Рейч, назад! Не двигайся!

Селдон в упор посмотрел на сержанта.

— Вы растерялись, сержант, потому что знаете, что выстрелить не сможете. Десять дней назад я мог убить вас, но не сделал этого. Вы пообещали тогда, что будете мне защитой.

— Чего ты ждешь? — прошипела Рейчел. — Я сказала — пристрелить его, сержант!

Селдон молча стоял и смотрел на Талуса. Тот, выпучив глаза, вцепился в рукоятку бластера, наставленного на голову Селдона.

— У тебя есть приказ! — рявкнула Рейчел.

— А у меня — ваше честное слово, — спокойно проговорил Селдон.

— А, все равно пропадать! — прохрипел сержант Талус, опустил руку, и бластер звякнул о пол.

— Предатель! — в отчаянии взвизгнула мэрша, и прежде, чем Селдон успел пошевелиться, прежде, чем Дорс успела вырваться из его крепко державшей руки, Рейчел завладела оружием, прицелилась в сержанта и выстрелила.

До сих пор Селдон ни разу не видел, чтобы в кого-то стреляли из бластера. Он судил по названию и ожидал, что прогремит оглушительный выстрел, польется кровь и тело разлетится на куски. Сэтчемский бластер оказался оружием совсем другого сорта. Что произошло внутри грудной клетки Талуса, осталось неясно, но сержант, не изменившись в лице, беззвучно скрючился и повалился на пол. Он был мертв, в этом не могло быть никаких сомнений.

В следующее мгновение Рейчел развернулась и направила бластер на Селдона. Еще миг, и он отправится на тот свет вслед за сержантом...

Но в ту секунду, как сержант упал замертво, Рейч одним прыжком оказался между Рейчел и Селдоном, замахал руками и отчаянно завопил:

— Госпожа, госпожа! Не стреляйте, госпожа!

Рейчел растерялась.

— Уйди, Рейч, прошу тебя! Я не хочу твоей смерти!

Этого мгновения растерянности было достаточно для того, чтобы Дорс, вырвавшись из рук Селдона, пригнулась и прыгнула на Рейчел. Та с криком упала на пол, а бластер еще раз оказался там же, лишь для того, чтобы быть подхваченным Рейчем.

Срывающимся от ужаса голосом Селдон попросил:

— Рейч... отдай!

Мальчик затряс головой и попятился.

— Господин Селдон, вы не станете ее убивать, не станете же? Она добрая!

— Я никого не стану убивать, Рейч, — пообещал Селдон. — Эта женщина убила сержанта и убила бы меня, но она удержалась от выстрела, боясь поранить тебя. Поэтому я дарю ей жизнь.

Селдон уселся на стул, крепко сжав в руке бластер, а Дорс вытащила из второй кобуры на поясе погибшего сержанта игольчатый пистолет.

В это мгновение раздался знакомый голос:

— Теперь за ней присмотрю я, Селдон.

Селдон, потрясенный до глубины души, поднял голову и в порыве безотчетной радости воскликнул:

— Челвик! Наконец-то!

— Прошу прощения, что задержался, Селдон. У меня была уйма дел. Как жизнь, доктор Венабили? Я так понимаю, это дочь Манникса, Рейчел. А кто этот мальчик?

— Рейч, наш юный далийский друг.

Следом за Челвиком в комнату вошли солдаты и, повинуясь едва заметному жесту, подняли с пола Рейчел.

Дорс, получившая возможность отвлечься от Рейчел, отряхнулась и поправила блузку. А Селдон только теперь осознал, что до сих пор в халате.

Рейчел же, в бешенстве сбросив с себя крепкие руки солдат, показала на Челвика, прищурилась и спросила у Селдона:

— Кто это такой?

— Это Четтер Челвик, — ответил Селдон, — мой друг и защитник на этой планете.

— Защитник? — безумно, громко расхохоталась мэрша. — Дурак! Идиот! Этот человек — Демерзель, и если вы посмотрите сейчас на свою подругу Венабили, то поймете, что ей это прекрасно известно! Вы уже давно в ловушке, в капкане — таком крепком, что тот, в который поймала вас я, не идет с ним ни в какое сравнение.

89

Челвик и Селдон на следующий день завтракали в одиночестве и почти все время молчали.

Только уже ближе к концу Селдон внезапно оживился и спросил весело:

— Итак, сэр, как теперь мне вас называть? Я, правда, до сих пор считаю вас Четтером Челвиком и, даже если поверю в подобное двуединство, все равно не смогу привыкнуть к имени Эдо Демерзеля. В этой роли у вас наверняка есть какой-то титул, но какой? Просветите, будьте так добры.

— Зови меня Челвиком, если не возражаешь. Или Четтером. Да, я — Эдо Демерзель, но для тебя — Челвик. По правде говоря, между нами нет большой разницы. Я говорил тебе, что Империя распадается и погибает, и так думают обе мои половины. Я говорил также, что психоистория мне нужна для того, чтобы сохранить ее, а если все же упадок и гибель неотвратимы, то найти пути для возрождения и укрепления. И в это тоже верят оба моих «я».

— Но я был у вас в руках — думаю, вы были где-нибудь поблизости, когда я встречался с Его Императорским Величеством.

— С Клеоном. Да, конечно.

— И вы могли бы тогда поговорить со мной лично, точно так же, как позже сделали это в обличье Челвика.

— И чего бы добился? У меня, Демерзеля, куча дел. Мне нужно руководить Клеоном, благонамеренным, но не слишком умным правителем, и не давать ему, по возможности, совершать ошибок. Я должен играть свою роль в управлении Трентором и всей Империей. Сам видишь, каких трудов стоило помешать Сэтчему натворить бед.

— Да, вижу, — пробормотал Селдон.

— Это было нелегко, и акция чуть было не сорвалась. Много лет я внимательно и осторожно манипулировал Манниксом, научился просчитывать ход его мыслей, разрабатывал контрудары, предназначенные для отражения его выпадов. Но мне и в голову не могло прийти, что он додумается при жизни передать бразды правления дочери. Последнюю я почти не знал и оказался совершенно не готов к ее бесшабашности. В отличие от отца, эта дама привыкла принимать власть как некую дан-

ность, не поняв, что и власть имеет свои пределы. Поэтому она и захватила тебя, а меня вынудила вступить в игру прежде, чем я был к ней подготовлен.

— В результате... ты чуть было не потерял меня. Я дважды смотрел в дуло бластера.

— Знаю, — кивнул Челвик. — Мы могли бы лишиться тебя и на поверхности — там произошел еще один непредвиденный случай.

— Но ты так и не ответил на мой вопрос. Стоило ли гонять меня по всему Трентору, пряча от Демерзеля, когда ты сам и есть Демерзель?

— Ты сказал Клеону, что психоистория — чисто теоретическая наука, разновидность математической игры, в которой нет никакого практического смысла. Может быть, так оно и было, но, обратись я к тебе официально, ты бы наверняка остался при своем мнении. Идея захватила меня. Я подумал, что она может в конце концов оказаться больше, чем просто игрой. Пойми, я не просто хотел использовать тебя, мне нужна была настоящая, практическая психоистория.

Для того-то и гонял я тебя, как ты выразился, по всему Трентору, всюду в образе Демерзеля наступая тебе на пятки. Мне казалось, что это должно послужить для тебя мощнейшим стимулом. Психоистория должна была превратиться в нечто увлекательное, большее, чем математическая игра. Ты бы постарался разработать свою науку для искреннего идеалиста Челвика, но палец о палец не ударил бы ради имперского лакея Демерзеля. И потом, во время скитаний у тебя была возможность посмотреть своими глазами на жизнь в различных частях Трентора. Что само по себе гораздо ценнее, чем жизнь в башне из слоновой кости на дальней планете в окружении сплошных математиков. Я не ошибся? Разве ты не продвинулся вперед?

— В психоистории? Продвинулся, Челвик. Я думал, ты знаешь.

— Откуда?

— От Дорс.

— Но ты ничего не сказал мне. Хорошо хоть теперь обмолвился. Хорошие новости?

— Не совсем, — уточнил Селдон. — Можно сказать, я едва подступился. Но начало положено.

— Нельзя ли это начало как-то объяснить нематематику?

— Думаю, да. Понимаешь, Челвик, поначалу я думал, что психоистория как наука должна базироваться на сведениях о взаимосвязях между двадцатью пятью миллионами миров, в каждом из которых в среднем живет по четыре миллиона человек. Но этого слишком много. С такой массой информации ни за что не управиться. Если мне и суждено было добиться какого-то результата, если существовал какой-то метод разработки практической версии психоистории, то для этого была более простая модель.

Тогда я решил, что нужно совершить путешествие назад во времени и начать отсчет от единственного мира, населенного людьми в туманную эпоху до начала заселения Галактики. В Микогене таким миром называют Аврору, в Дале — Землю. Сперва мне показалось, что скорее всего речь идет об одной и той же планете, называемой разными именами. Но в одном ключевом моменте между этими мирами отмечалось существенное расхождение, и я понял, что Аврора и Земля — не одно и то же. Но дело не в этом. И о той, и о другой нам известно до крайности мало, а то, что известно, до такой степени обросло мифами и легендами, что положить начало психоистории на основе летописей этих планет — задача поистине безнадежная.

Селдон умолк, отхлебнул холодного сока, не спуская глаз с лица Челвика.

— Ну? — поторопил его Челвик. — И что потом?

— Однажды Дорс рассказала мне историю о руке, лежащей на бедре. Ничего, казалось бы, особенного — совершенно тривиальная, забавная история. Но Дорс сделала вывод о том, что моральные нормы в различных мирах и в различных секторах Трентора различны. И мне показалось, что она говорит о трентористанских секторах как о совершенно разных мирах. Тогда я подумал: «Ну вот, было у меня двадцать миллионов миров, а стало двадцать пять миллионов восемьсот». Различие было невелико, так что я позабыл об этом и больше не вспоминал. Но, путешествуя из сектора в сектор, переезжая из Имперского сектора в Стрилинг, из Стрилинга в Микоген, оттуда — в Даль, а из Даля — в Сэтчем, я сам убедился, насколько они различны. Тогда я подумал, что Трентор — не единая планета, а комплекс разных миров, но главного я все еще не понимал.

И только речи Рейчел — видишь, даже хорошо, что в конце концов меня захватил Сэтчем, хорошо, что бесшабашность

Рейчел довела ее до таких грандиозных планов, — так вот, когда я послушал Рейчел, которая утверждала, что важен лишь Трентор да еще кое-какие близлежащие планеты, Трентор — сам по себе Империя, сказала она, а про остальные миры заметила, что они не имеют значения,— в то самое мгновение мне стало понятно то, что, видимо, уже давно зрело в мозгу. С одной стороны, на Тренторе — необычайно сложная социальная система. Он представляет собой конгломерат восьмисот более маленьких миров. А это — достаточно сложная система для того, чтобы на основании сведений о ней разработать психоисторию, которая при этом намного проще целой Империи, а значит, здесь легче опробовать психоисторию практически.

Что касается остальных двадцати пяти миллионов планет, то они таки действительно не имеют значения. Да, конечно, они оказывали и оказывают определенное влияние на Трентор, а Трентор — на них, но это все — явления второго порядка. Если бы я смог заставить психоисторию заработать в первом приближении, на Тренторе, то затем можно было бы ввести модификации, обозначающие второстепенное влияние остальных миров. Понимаешь, о чем я говорю? Я искал один-единственный мир, одну планету, чтобы начать от нее отсчет ради внедрения психоистории в практику, в далеком прошлом, и все это время единственный мир находился у меня под ногами.

— Прекрасно! — облегченно и довольно воскликнул Челвик.

— Да, но все еще впереди, Челвик. Я должен досконально изучить Трентор, провести математическую проработку полученных данных. Может быть, если удача не отвернется, я успею получить ответы, пока жив. Если нет, это сделают мои преемники. И не исключено, что Империя может погибнуть и распасться на части до того, как психоисторией можно будет воспользоваться практически.

— Я сделаю все, чтобы помочь тебе.

— Знаю, — кивнул Селдон.

— Значит, ты доверяешь мне, несмотря на то что я — Демерзель?

— Абсолютно доверяю. Бесповоротно. Но потому, что ты — не Демерзель.

— Но я — это он, — возразил Челвик.

— Нет. Ты такой же Демерзель, как и Челвик.

— О чем ты? — широко раскрыл глаза Челвик и откинулся на спинку стула.

— О том, что имя «Челвик» ты выбрал по совершенно определенной причине. «Челвик» — немного измененное слово «человек», верно?

Челвик молчал, пристально глядя на Селдона.

Наконец Селдон проговорил:

— Потому что ты не человек, верно, Челвик-Демерзель? Ты — робот.

Глава 19

ДОРС

СЕЛДОН, ГЭРИ. *Традиционно имя Гэри Селдона упоминается только в связи с психоисторией, его считают воплощением математики и социальных перемен. Несомненно, в большой степени в этом повинен он сам, поскольку в своих официальных трудах ни единым словом не упоминает о том, как ему удалось решить различные вопросы психоистории. Судя по тому, что он пишет, можно вообразить, что многие решения пришли к нему, образно говоря, из воздуха. Он не рассказывает ни о тех тупиках, в которые заходил, ни о том, куда и почему свернул по ошибке.*

...Что касается его личной жизни, то она представляет собой белое пятно. О его родителях, братьях и сестрах известно крайне мало. Его единственный сын, Рейч, был приемным ребенком, но, как произошло его усыновление, неизвестно. Относительно супруги Селдона известно лишь то, что она существовала. Совершенно очевидно, что во всем за пределами психоистории Селдон стремился к неизвестности. Словно хотел дать понять остальным, или хотел, чтобы так поняли, что он не живет, а психоисторифицируется.

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

90

Челвик не дрогнул, не изменился в лице и продолжал смотреть на Селдона, а Селдон ждал. Он решил, что теперь очередь Челвика говорить.

Челвик заговорил, но всего-навсего переспросил:

— Робот? Я? Под роботом, как я понимаю, ты имеешь в виду искусственное существо, вроде того, что ты видел в микогенском Святилище?

— Не совсем такое, — возразил Селдон.

— Не металлическое? Не собранное? Не безжизненную копию? — равнодушно уточнил Челвик.

— Нет. Ничего такого. Быть носителем искусственной жизни не обязательно означает быть сделанным из металла. Я говорю о роботе, внешне неотличимом от человека.

— Неотличимом? Понятно. Но если так, Гэри, как ты можешь отличить робота от человека?

— Я сужу не по внешности.

— Объясни.

— Челвик, во время моего бегства от тебя — Демерзеля, я слышал о двух древних мирах, я уже говорил тебе — о Земле и об Авроре. Об обеих планетах говорили, как о первоначальных, как о единственных. В обоих случаях упоминались роботы, но по-разному. — Селдон не спускал глаз с человека, сидевшего напротив него, ожидая, что тот подаст хоть какой-нибудь знак того, что он меньше, чем человек, или больше. — Когда речь шла об Авроре, один робот упоминался как «ренегат», предатель, изменивший делу. А когда речь шла о Земле, один из роботов описывался как герой, спаситель. Разве не резонно было предположить, что это — один и тот же робот?

— Резонно, — пробормотал Челвик.

— Вот о чем я подумал, Челвик. Я решил, что Земля и Аврора были двумя отдельными планетами, существовавшими в одно и то же время. Не знаю, какая из них старше. Микогенцы так надменны, так гордятся своим превосходством, что можно было счесть, что Аврора старше, поэтому они ненавидят землян, которые либо отняли ее у них, либо изменили им. Но, с другой стороны, матушка Ритта, которая рассказывала мне о Земле, была убеждена в том, что прародина человечества — Земля, и тогда становилась понятной изоляция крошечного микогенского поселения в огромной Галактике, где живут квадриллионы людей, не придерживающихся странных микогенских обычаев. Тогда выходило, что прародиной людей действительно является Земля, а Аврора — уродливое ее производ-

ное. Я не могу утверждать наверняка, но передаю тебе ход своих мыслей, чтобы ты понял, откуда у меня взялся такой вывод.

Челвик кивнул:

— Понятно. Продолжай.

— Эти планеты враждовали. Матушка Ритта говорила именно так. Когда я сравнивал микогенцев, которые превозносят Аврору, и далийцев, которые превозносят Землю, я решил, что Аврора, неважно, старше она или младше Земли, была тем не менее более развитой планетой, такой, на которой могли производиться более совершенные роботы, даже такие, которые внешне были неотличимы от людей. Такой робот был создан, следовательно, на Авроре. Но он стал изменником и покинул Аврору. Для землян он стал героем, значит, наверное, прибыл на Землю. Почему он сделал это, какие у него были на то причины, я не знаю.

Челвик попытался уточнить:

— Ты говоришь о нем как о живом существе?

— Ты сидишь напротив меня, — ответил Селдон, — и я не могу назвать этого робота «оно». Матушка Ритта убеждена, что героический робот, *ее* героический робот, существует до сих пор и что он вернется, когда будет нужен. И мне показалось, что в идее существования бессмертного робота нет ничего невероятного. Менять почаще выходящие из строя детали, и ты бессмертен.

— Что, даже мозг? — спросил Челвик.

— Даже мозг. На самом деле я ничего не знаю о роботах, но думаю, что новый мозг может быть... ну, скажем, переписан со старого. А матушка Ритта намекнула, что у него были необыкновенные умственные способности, поистине могущественные, и я решил: это возможно. Может быть, я, конечно, и романтик, но не настолько, чтобы согласиться с тем, что робот, переметнувшийся с одного фронта на другой, мог бы в одиночку изменить течение истории. Он не мог обеспечить победу Земли и поражение Авроры, если бы в нем не было чего-то странного, особенного.

— А тебе не кажется, Гэри, что ты делаешь свои выводы на основании легенд, которые перевирались и приукрашивались на протяжении столетий и тысячелетий так, что даже самые тривиальные, рядовые события в них выглядят сверхъестественными? Неужели ты сумел поверить в робота, который не

только выглядит как человек, но и бессмертен и обладает колоссальным ментальным могуществом? Не стал ли ты верить в сверхъестественное?

— Я отлично знаю, что представляют собой легенды, и я не из тех, кого можно ими одурачить и заставить поверить в сказки. И все-таки в тех случаях, когда за легендами стоят определенные странные события, которые я видел и пережил лично...

— Например?

— Челвик, мы познакомились, и я сразу доверился тебе. Да, ты помог мне разделаться с двумя нахалами, хотя я тебя не просил, и тем самым вызвал у меня симпатию к себе. Я, конечно, тогда и догадаться не мог, что они — твои наемники и делают, что им приказано. Ну ладно, я не в обиде.

— Да? — переспросил с улыбкой Челвик.

— Я доверился тебе. Я тебе поверил. Ты легко уговорил меня не улетать домой, на Геликон, и отправил странствовать по Трентору. Я верил каждому твоему слову, отдал себя в твои руки. Вспоминая все это, я понимаю, что я был как бы и не я. Меня не так просто обмануть, и все-таки это произошло. Больше того: тогда я ничего необычного в своем поведении не находил.

— Тебе лучше знать себя, Гэри.

— Дело не только во мне. Как могла Дорс Венабили, красивая женщина, у которой свои дела, своя карьера, бросить все это и последовать со мной? Как могло случиться, что она все время рисковала жизнью ради меня, взяв на себя, словно некое священное дело, мою защиту, и целиком отдалась этому? Неужели только из-за того, что ты ее об этом попросил?

— Да, я попросил ее об этом, Гэри.

— И тем не менее она не кажется мне человеком, способным радикально изменить всю свою жизнь только из-за того, что кто-то ее об этом попросил. Не могу я поверить и в то, что она безумно влюбилась в меня с первого взгляда и ничего не смогла с собой поделать. Я, честно говоря, был бы совсем не против того, чтобы это произошло, но она владеет своими чувствами, владеет больше — должен тебе в этом честно признаться, — чем я.

— Она — замечательная женщина, — улыбнулся Челвик. — И я тебя понимаю.

Селдон продолжал:

— Как могло случиться, что Протуберанец, это надменное чудовище, ведущий за собой толпу таких же напыщенных тупиц, дал согласие впустить в Микоген варваров — меня и Дорс, и обращаться с нами на самом высочайшем, по их понятиям, уровне? И когда мы нарушили все законы, совершили святотатственное преступление, как же тебе удалось уговорить его отпустить нас? Как тебе удалось уговорить Тисальверов, насквозь пропитанных предрассудками, сдать нам комнаты? Как тебе удается везде чувствовать себя в своей тарелке, везде иметь друзей, оказывать влияние на каждого человека, независимо от его странностей? Кстати, как тебе удается вертеть самим Клеоном? Ну хорошо, он мягкохарактерный, доверчивый человек, но как ты тогда управлялся с его папашей — грубым и бесчеловечным тираном? Как это все тебе удается?

А самое главное, как вышло, что Манникс Четвертый всю свою жизнь посвятил созданию армии без страха и упрека, вышколенной, профессиональной, и вдруг она вся летит к чертям собачьим, стоило только его дочке попробовать поставить ее себе на службу? Как ты всех поголовно превратил в предателей, таких же, каким когда-то стал сам?

Челвик ответил:

— Но разве это не может означать всего-навсего, что я просто тактичный человек, имеющий опыт общения с самыми разными людьми, что я нужным людям оказывал и в будущем буду оказывать внимание? Ни для чего из того, что я сделал, на мой взгляд, не нужны какие-то сверхъестественные силы и способности.

— Ни для чего? Даже для нейтрализации сэтчемской армии?

— Они не захотели служить женщине.

— Они не первый год знали, что в один прекрасный день Манникс Четвертый либо сложит с себя полномочия мэра, либо попросту умрет и тогда власть автоматически перейдет в руки его дочери, и никакого недовольства по этому поводу не выказывали. Не выказывали, пока ты не решил, что пора бы им его выказать. Дорс как-то сказала, что ты — настойчивый человек. Так и есть. Гораздо более настойчивый, чем любой *человек*. Но не более настойчивый, чем бессмысленный робот, обладающий непонятной ментальной силой. Ну, Челвик?

— Чего ты от меня ждешь, Гэри? — пожал плечами Челвик. — Ждешь, что я признаю, будто я — робот? Что я только похож на человека? Что я бессмертен? Что я — властелин умов?

Селдон перегнулся к Челвику через стол.

— Да, Челвик, жду. Я жду, что ты скажешь мне правду, что все вопросы, которые ты сейчас задал, не более чем риторические. Ты, Челвик, тот самый робот, о котором говорила матушка Ритта, которого она называла Дэ-ни, друг Бэй-ли. Ты должен сказать правду. У тебя нет выбора.

91

Казалось, они сидели в своей собственной маленькой вселенной. Посередине Сэтчема, где имперские вояки разоружали сэтчемскую армию, они сидели тихо и спокойно. Здесь, в самой гуще событий, за которыми следил весь Трентор, а может быть, и вся Галактика, словно в маленьком шарике, отделенном от остального мира, сидели Селдон и Челвик и играли в игру, состоящую из нападений и защит. Селдон ухватился за новую реальность и не желал с ней расставаться, а Челвик никоим образом не принимал эту новую реальность.

Селдон не боялся, что их беседа будет прервана. Он был уверен, что у того невидимого шарика, внутри какового они находятся, есть непробиваемая оболочка, за которую никто не сумеет проникнуть, что сил Челвика — нет, сил *робота* — хватит для того, чтобы никто не сунулся сюда, пока игра не окончится.

— Ты — гениальный парень, Гэри, — сказал наконец Челвик. — Но только я никак не могу понять, почему я обязан признать, будто я робот, и почему у меня нет выбора. Согласен, во всем, что касается поведения, ты можешь быть прав — твоего собственного поведения, поведения Дорс, Протуберанца, Тисальверов, сэтчемских генералов. Да, все, все могло быть именно так, как ты говоришь, но это вовсе не означает, что твоя *интерпретация* происшедшего верна. Несомненно, у всего случившегося может быть естественное объяснение. Ты доверял мне потому, что поверил моим словам. Дорс решила, что твоя безопасность исключительно важна потому, что, будучи сама историком, поверила в нужность психоистории. Протубе-

ранец и Тисальвер связаны со мной обязательствами, о которых ты просто ничего не знаешь. Сэтчемские генералы отказались служить правителю-женщине, вот и все. Зачем забираться в дебри сверхъестественного?

— Послушай, Челвик, — сказал Селдон, — ты действительно веришь в то, что Империя погибает, что ее нельзя бросить на произвол судьбы, нельзя не протянуть ей руку помощи?

— Да, действительно, — ответил Челвик, и почему-то Селдон понял, что он ответил искренне.

— И ты действительно хочешь, чтобы я досконально разработал психоисторию? Сам не можешь этого сделать?

— У меня нет таких способностей.

— И тебе кажется, что только я справлюсь с этой задачей — даже если я порой в этом сильно сомневаюсь?

— Да.

— Значит, ты должен понимать, что, если можешь мне хоть чем-то помочь, ты должен это сделать.

— Понимаю.

— И никаких личных чувств, устремлений и тому подобного?

Легкая усмешка пробежала по печальному лицу Челвика, и на краткое мгновение Селдону открылась глубочайшая усталость, прячущаяся за обычным спокойствием Челвика.

— Я давно научился обходиться без чувств и устремлений. Порукой тому — моя долгая успешная карьера.

— Тогда я прошу тебя о помощи. Я смогу разработать психоисторию, основываясь на сведениях только о Тренторе, но у меня определенно возникнут трудности. Я с ними, конечно, справлюсь, но мне было бы гораздо легче, если бы я знал кое-какие важнейшие факты. Например, какая из планет была прародиной человечества — Аврора, или Земля, или совсем другая планета? Существовали ли какие-то связи между Землей и Авророй? С какой из них началось колонизирование Галактики? Или оно началось с обеих планет? Если только с одной, то почему не с другой? Если с обеих, то каким образом? Существуют ли миры, заселенные выходцами с обеих планет или только с каждой из них? Почему люди поссорились с роботами? Почему столицей Империи стал Трентор, а не какая-нибудь другая планета? Что случилось с Авророй и Землей? Я бы мог задать сейчас тысячу вопросов, и сто тысяч еще возникнет потом.

Разве ты оставишь меня без помощи, в неведении, Челвик, когда мог бы помочь и рассказать о многом?

— Если бы я был роботом, — усмехнулся Челвик, — разве в моей памяти уместилась бы двадцатитысячелетняя история миллионов различных миров?

— Я не знаю, каковы способности мозга робота. Я не знаю, каковы способности твоего мозга. Но если таких способностей у тебя нет, значит, ты располагаешь такой информацией, такими данными, которые в твоем мозгу не помещаются и хранятся где-то там, откуда ты их можешь запросить. Если они у тебя есть, эти сведения, которые мне так нужны, разве ты можешь скрывать их от меня? А если нет, как ты можешь отрицать, что ты робот, тот самый робот-предатель? — Селдон откинулся назад и перевел дыхание. — И я снова спрашиваю тебя: ты — тот самый робот? Если тебе нужна психоистория, придется признаться. Продолжая утверждать, что ты не робот, убедив меня в том, что это не так, ты существенно уменьшишь мои шансы. Так что все зависит от тебя. Ты робот? Ты — Дэ-ни?

И Челвик, по обыкновению бесстрастно, ответил:

— Твои доводы неотразимы. Я — Р. Дэниел Оливо, «Р» означает «робот».

92

Р. Дэниел Оливо продолжал говорить спокойно, но Селдону показалось, что голос его едва заметно изменился, словно теперь, когда не нужно было больше скрывать, кто он такой, ему стало легче.

— За двадцать тысяч лет, — признался Дэниел, — никто не догадывался, что я робот, если только у меня не было желания и причины кому-то об этом рассказать. Частично это было связано с тем, что люди давно забыли о роботах, забыли о самом их существовании. А частично — с тем, что я действительно обладаю способностью выявлять людские эмоции и управлять ими. Выявлять эмоции — дело нехитрое, но вот манипулировать ими мне трудно по причинам, связанным с самой природой робота. Но когда необходимо, я могу это делать. Могу, но стараюсь прибегать к этому в самом крайнем случае. И даже тогда, когда я этим занимаюсь, я всего-навсего усиливаю, под-

стегиваю, по возможности минимально, те чувства, те эмоции, которые уже и так есть. Если бы я мог достигать своих целей, не прибегая к этой своей способности, я бы к ней и не прибегал.

Обрабатывать Протуберанца для того, чтобы он принял вас в Микогене... кстати, обрати внимание, я называю эту деятельность «обработкой», потому что это не слишком приятное для меня занятие... так вот, Протуберанца обрабатывать не пришлось, потому что он мне кое-чем обязан. А он — честный, верный данному слову человек, несмотря на все свои странности. Вмешаться в его сознание мне пришлось потом, когда ты совершил святотатственное, по его меркам, преступление, да и то — не слишком. Не так уж сильно он жаждал сдать тебя с рук на руки имперским властям, он их, мягко говоря, недолюбливает. Я просто-напросто немножко усилил эту его нелюбовь, и он отдал тебя мне, согласившись с приведенными мной аргументами, которые в иной ситуации показались бы ему сомнительными.

Не слишком сильно я прикасался и к тебе. Ты тоже не доверял всему, что связано с Империей. Это свойственно в наши дни большинству людей, и это является важным фактором упадка Империи. А еще ты гордился психоисторией, самим этим понятием, гордился тем, что именно ты первым ее придумал. Ты бы не отказался от ее практического воплощения. Это еще больше польстило бы твоему тщеславию.

Селдон нахмурился и проговорил:

— Прошу прощения, мистер робот, но я и не подозревал, что я такой жуткий гордец.

— Никакой ты не жуткий гордец, — мягко успокоил его Дэниел. — Ты прекрасно понимаешь, что быть человеком, движимым гордыней, и некрасиво, и бесполезно, поэтому стараешься подавлять в себе подобные порывы, но столь же успешно можно отрицать, что тобой движет твое сердце. Ни с тем, ни с другим ничего нельзя поделать. Как бы ты ни прятал от себя свою гордыню ради своего собственного спокойствия, от меня ты ее спрятать не можешь. А мне только и пришлось легонько усилить твою гордость, и ты тут же согласился на все, лишь бы укрыться от Демерзеля, хотя ни за что бы не согласился за мгновение до того, как я осторожно поманипулировал с твоим сознанием. И над психоисторией ты согласился работать с такой готовностью, над какой за мгновение до того просто посмеялся бы. Больше я ничего менять не стал, и ты в конце концов разгадал мою сущность. Если бы я предвидел такую возможность, я бы положил конец твоим мыслям, но пределы предвидения, как видишь, ограничены. Но теперь я не жалею, что проиграл, потому что приведенные тобой доводы неоспоримы, и важно, что ты знаешь, кто я такой. А я помогу тебе, чем могу. А эмоции, дорогой мой Селдон, — могучий движитель людских поступков, гораздо более могучий, чем думают о них люди, и ты не можешь даже представить себе, сколь многого можно добиться легким прикосновением к ним и как мне не хочется этого делать.

Селдон все еще тяжело дышал, пытаясь представить себя человеком, движимым гордыней. Это ему было не по нраву.

— Не хочется? Почему?

— Потому что тут очень легко хватить через край. Мне нужно было помешать Рейчел установить в Империи феодальную анархию. Я мог бы действовать резко, но тогда пролилось бы море крови. Мужчины есть мужчины, и сэтчемские генералы в этом смысле не исключение. Почти все среди них мужчины. На самом деле, совсем нетрудно посеять в мыслях любого мужчины протест и пробудить скрытый страх перед женщинами. Тут дело в биологии, и мне как роботу это не до конца понятно. Так что мне пришлось всего-навсего усилить вышеупомянутые чувства для того, чтобы нарушить ее планы. Перестарайся я хоть капельку, я бы зашел слишком далеко и не добился бы того, чего хотел, — бескровного переворота. Я хотел только одного: чтобы сэтчемская армия сдалась без сопротивления, когда высадились мои солдаты. — Дэниел помолчал, словно старался получше подобрать слова, и продолжил: — Мне не хотелось бы вдаваться в математическое описание моего позитронного мозга. Это не до конца доступно моему пониманию. Может быть, ты даже лучше меня сумел бы в этом разобраться, если бы обдумал все получше. Как бы то ни было, мной руководят Три Закона Роботехники, которые обычно передаются словами — вернее, передавались когда-то, давным-давно. Они таковы:

1. Робот не может причинить вред человеку или, за счет бездействия, позволить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен подчиняться приказам человека, если они не противоречат Первому Закону.

3. Робот должен защищать себя, за исключением тех случаев, когда это противоречит Первому и Второму Законам.

Но у меня был друг... двадцать тысяч лет назад. Другой робот. Не такой, как я. Его бы ты не принял за человека, и вот уж у кого были ментальные способности! Я был его учеником.

И ему казалось, что должен существовать еще один закон, более общий, чем остальные три. Он называл его Нулевым Законом, поскольку ноль идет прежде единицы. Тот, по его мнению, должен был звучать так:

0. Робот не может причинить вред человечеству или, за счет бездействия, позволить, чтобы человечеству был нанесен вред.

Тогда Первый Закон должен читаться так:

1. Робот не может причинить вред человеку или, за счет бездействия, позволить, чтобы человеку был нанесен вред, за исключением тех случаев, когда это противоречит Нулевому Закону.

Таким образом интерпретировались и остальные два Закона. Понимаешь?

Дэниел ждал ответа, и Селдон ответил:

— Понимаю.

Дэниел продолжал:

— Беда в том, Гэри, что человек перед тобой или нет, понять просто. Проще простого. Так же просто понять, что принесет вред человеку, а что нет, — довольно легко, по крайней мере. Но что такое человечество? О чем мы говорим, когда говорим о человечестве? И как можно определить, что принесет человечеству вред? Как можно понять, от чего человечеству будет лучше, а от чего хуже? Робот, который первым выдвинул Нулевой Закон, умер — то есть перестал существовать, — потому что оказался втянутым в действия, которые, как он полагал, спасут человечество, но только полагал, а уверен в этом не был. Уходя из жизни, он передал заботу о Галактике мне.

С тех пор я не оставлял попыток. Вмешивался как можно осторожнее, надеясь, что люди сами могут судить о том, что хорошо, а что дурно. Они могли рисковать, я — нет. Они могли промахиваться, я — нет. Они могли безотчетно приносить вред другим, я не мог. Соверши я что-либо подобное, я бы самоуничтожился. В Нулевом Законе нет ссылок на бессознательный вред.

Но порой я вынужден предпринимать те или иные действия. То, что я до сих пор функционирую, говорит о том, что действия мои во все времена были умеренными и точными. Однако с тех пор, как Империя начала двигаться по пути упадка и гибели, мне приходится вмешиваться все чаще, и вот уже несколько десятилетий подряд я вынужден играть роль Демерзеля и пытаться направлять деятельность правительства таким образом, чтобы оттянуть неминуемую гибель... и все-таки, как видишь, я до сих пор функционирую.

Когда ты произнес доклад на Математическом конгрессе, я сразу понял, что психоистория — тот инструмент, с помощью которого можно было бы решить, что хорошо для человечества, а что — нет. С ее помощью мы могли бы принимать более осмысленные решения. Я бы даже отошел в сторону и позволил людям принимать решения самостоятельно, и снова ограничился бы вмешательством только в самых крайних случаях. И я сделал так, чтобы Клеон как можно быстрее узнал о твоем выступлении и вызвал тебя к себе. Затем, когда я услышал, как ты расписываешься в собственной беспомощности и бесполезности психоистории, я был вынужден что-то предпринять для того, чтобы так или иначе заставить тебя попытаться. Понимаешь, Гэри?

— Да, Дэниел, понимаю, — искренне ответил Селдон.

— В те редкие дни, когда мы сумеем видеться, я должен для тебя остаться Челвиком. Я предоставлю тебе всю имеющуюся у меня информацию, все, что тебе будет нужно. Как Демерзель, я буду тебя защищать, как делал до сих пор. А имя Дэниел тебе лучше забыть.

— Обещаю, — с готовностью откликнулся Селдон. — Мне так нужна твоя помощь, так неужели я стану рушить твою репутацию?

— Все верно, — устало улыбнулся Дэниел. — В конце концов, ты достаточно жаден для того, чтобы получить всю награду за психоисторию целиком. Ты ни за что никому не расскажешь — никогда, — что тебе понадобилась помощь робота.

— Я не... — промямлил Селдон и покраснел.

— Не спорь. Я сказал правду, даже если ты ее старательно скрываешь от самого себя. И это так важно, что я позволю себе

немного усилить это твое чувство — совсем немного, только ради того, чтобы ты никогда не смог заговорить обо мне с другими людьми. Тебе даже и в голову не придет, что ты на такое способен.

— Видимо, Дорс знает... — пробормотал Селдон.

— Она знает, кто я такой, но она тоже не может говорить обо мне с другими. Теперь, когда вы оба знаете правду обо мне, между собой можете говорить про меня свободно, но только между собой. — Дэниел поднялся. — Гэри, мне пора приниматься за дела. Скоро тебя и Дорс доставят обратно, в Имперский сектор.

— Мальчик, Рейч, должен отправиться со мной. Я не могу бросить его. И еще есть один молодой далиец, Юго Амариль...

— Понимаю. Можно взять и Рейча, и кого угодно еще из твоих друзей. Обо всех вас наилучшим образом позаботятся. И ты будешь работать над психоисторией. У тебя будет персонал. Любые компьютеры, любые материалы. Я буду вмешиваться как можно меньше, и, если у тебя возникнут какие-то сложности, которые не будут слишком серьезно угрожать нашей миссии, придется тебе справляться с ними самостоятельно.

— Постой, Дэниел, — торопливо проговорил Селдон. — Что, если, несмотря на всю твою помощь и все мои старания, окажется, что психоисторию нельзя превратить в практическое средство? Что, если мне это не удастся?

— На этот случай, — улыбнулся Дэниел, — у меня заготовлен еще один план. Над ним я долго трудился в одном особом мире совершенно особым образом. План этот тоже нелегкий и кое в чем более радикальный, чем психоистория. Он тоже может провалиться, но когда перед тобой сразу две дороги, то гораздо больше надежды, что хотя бы на одной из них тебя ждет удача. Послушай моего совета, Гэри: если настанет время, когда ты сумеешь придумать некое средство, с помощью которого можно было бы не дать случиться худшему, посмотри, нельзя ли придумать и второе, так, чтобы, если не сработает первое, можно было бы попытаться применить второе. Пусть их всегда, если можно, будет не одно, а два. А теперь, — Дэниел вздохнул, — я должен вернуться к своим повседневным делам, а ты — к своим. О тебе позаботятся.

Он кивнул на прощание и вышел.

Селдон проводил его взглядом и тихо проговорил:

— Сначала мне нужно переговорить с Дорс.

93

Дорс сообщила:

— В доме пусто. Рейчел ничего страшного не грозит. А ты, Гэри, вернешься в Имперский сектор?

— А ты, Дорс? — тихо, взволнованно спросил Селдон.

— Наверное, возвращусь в Университет, — ответила она задумчиво. — Работа брошена, занятия тоже.

— Нет, Дорс, у тебя есть более важная работа.

— Какая же?

— Психоистория. Я без тебя не справлюсь.

— Неужели? В математике я полный нуль.

— Так же, как я в истории, а нам нужно и то, и другое.

Дорс рассмеялась.

— Подозреваю, что ты действительно выдающийся математик. А я историк вполне заурядный. Ты сможешь без труда найти более выдающихся историков, чем я.

— В таком случае, позволь объяснить тебе, Дорс, что психоистории нужны больше чем просто математики и историки. Ей также нужны те, кто будет согласен посвятить ей всю свою жизнь. Без тебя, Дорс, у меня такого желания не будет.

— Ты заблуждаешься, Гэри.

— Дорс, если ты покинешь меня, я лишусь этого желания.

Дорс внимательно посмотрела на Селдона.

— Мы попусту тратим слова, Гэри. Несомненно, решение примет Челвик. Если он отошлет меня в Университет...

— Не отошлет.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что я ему все четко объясню. Если он отошлет тебя в Университет, я вернусь на Геликон, и пропади пропадом вся Империя.

— Не может быть, ты так не скажешь!

— Скажу, не сомневайся.

— Как ты не понимаешь, что Челвик может так изменить

твое настроение, что ты *будешь* работать над психоисторией, даже без меня?

Селдон покачал головой.

— Челвик не примет такого жестокого решения. Я говорил с ним. Он не осмеливается чересчур усердствовать с сознанием людей, поскольку руководствуется тем, что зовет Тремя Законами Роботехники. Так изменить мое сознание, Дорс, чтобы я не хотел, чтобы ты была со мной... нет, он на такое не решится. С другой же стороны, если он даст мне свободу действий и ты присоединишься ко мне в работе над проектом, он получит то, что хочет, — реальный шанс разработать психоисторию. Почему бы ему на это не согласиться?

Дорс покачала головой.

— Он может не согласиться на это по личным причинам.

— Почему? Тебя попросили защищать меня, Дорс. Что, Челвик уже отменил эту просьбу?

— Нет.

— Значит, он хочет, чтобы ты продолжала меня защищать. И я хочу, чтобы ты меня защищала.

— От кого? От чего? Теперь тебя защищает Челвик в лице Демерзеля и Дэниела, и думаю, больше тебе ничего не нужно.

— Даже если бы меня защищали все и каждый в Галактике, я бы все равно нуждался в твоей защите.

— Значит, я нужна тебе не ради психоистории, а ради защиты?

— Нет! — рявкнул Селдон. — Не перевирай моих слов! Почему ты вынуждаешь меня сказать то, что сама отлично *знаешь?* Ты мне нужна не ради психоистории и не ради защиты. Это всего лишь оправдания, и я бы придумал уйму других. Мне нужна *ты*, просто ты, и только ты. И если хочешь правду, ты мне нужна потому, что ты — это *ты*.

— Но ты... ты даже не знаешь меня толком.

— Это не имеет значения. Мне все равно... И все-таки я тебя в каком-то смысле знаю. И гораздо лучше, чем ты думаешь.

— Неужели?

— Конечно. Ты выполняешь приказы и, не задумываясь, рискуешь жизнью ради меня, не гадая о последствиях. Ты потрясающе быстро выучилась играть в теннис. Еще быстрее ты выучилась жонглировать ножами и превосходно управилась с Марроном. *Не по-человечески* ловко, я бы даже сказал. У тебя

потрясающе сильные мышцы и удивительно быстрая реакция. Откуда-то тебе всегда известно, прослушивается ли комната, и ты умеешь связываться с Челвиком без всяких подручных средств.

— И что же ты думаешь обо всем этом? — спросила Дорс.

— Мне пришло в голову, что Челвик, в своем истинном обличье, в обличье Р. Дэниела Оливо, не может править всей Империей. У него должны быть помощники.

— Ничего удивительного. Их, наверное, миллионы. Я помощник. Ты помощник. Малыш Рейч.

— Да, но ты не *такой* помощник.

— Какой «не такой»? Гэри, *говори*. Как только ты скажешь то, о чем думаешь, вслух, ты поймешь, как это безумно.

Селдон долго смотрел на нее и наконец вполголоса проговорил:

— Нет, не скажу, потому что... потому что мне все равно.

— Это правда? Ты хочешь принять меня такой, какая я есть?

— Я должен принять тебя именно такой. Ты — Дорс, и, кто бы ты ни была, во всем мире мне больше никто не нужен.

— Гэри, — нежно проговорила Дорс. — Я, такая, как есть, хочу тебе добра, но, даже если бы я была иной, я бы все равно желала тебе добра. И я не думаю, что подхожу тебе.

— Подходишь, не подходишь, какая разница? — Селдон сделал несколько шагов по комнате, остановился и спросил: — Дорс, тебя когда-нибудь целовали?

— Конечно, Гэри, в этом нет ничего особенного. Я живу нормальной жизнью.

— Нет, нет, я не про это! Скажи, ты когда-нибудь *по-настоящему* целовалась с мужчиной? Страстно, понимаешь?

— Да, Гэри, целовалась.

— Тебе было приятно?

Дорс растерялась.

— Когда я так... так целовалась, мне было более приятно, чем если бы я огорчила молодого человека, который мне нравился, чья дружба много значила для меня. — Тут Дорс покраснела и отвернулась. — Прошу тебя, Гэри, не нужно. Мне трудно это объяснить.

Но Гэри не унимался.

— Значит, ты неправильно целовалась. Для того, чтобы не обидеть этого человека.

— Наверное, все так делают, в каком-то смысле.

Селдон подумал над ее словами и неожиданно спросил:

— А ты никогда не просила, чтобы тебя поцеловали?

Дорс нахмурилась, вспоминая, и ответила:

— Нет.

— И никогда не была в постели с мужчиной? — спросил он тихо, с отчаянием в голосе.

— Почему? Была. Я же тебе сказала, это естественно. Так же, как поцелуи.

Гэри крепко схватил ее за плечи, словно собрался встряхнуть.

— Но чувствовала ли ты когда-нибудь желание, потребность в такой близости с одним, определенным человеком? Дорс, ты когда-нибудь *любила*?

Дорс медленно подняла голову и грустно посмотрела на Селдона.

— Мне очень жаль, Гэри, но нет.

Селдон отпустил ее. Руки его беспомощно упали.

А она нежно взяла его за руку и сказала:

— Сам видишь, Гэри. Я не то, что тебе нужно.

Селдон потупился и уставился в пол. Он изо всех сил пытался мыслить разумно, но вскоре сдался. Он хотел того, чего хотел, — вопреки разуму.

Он взглянул на женщину.

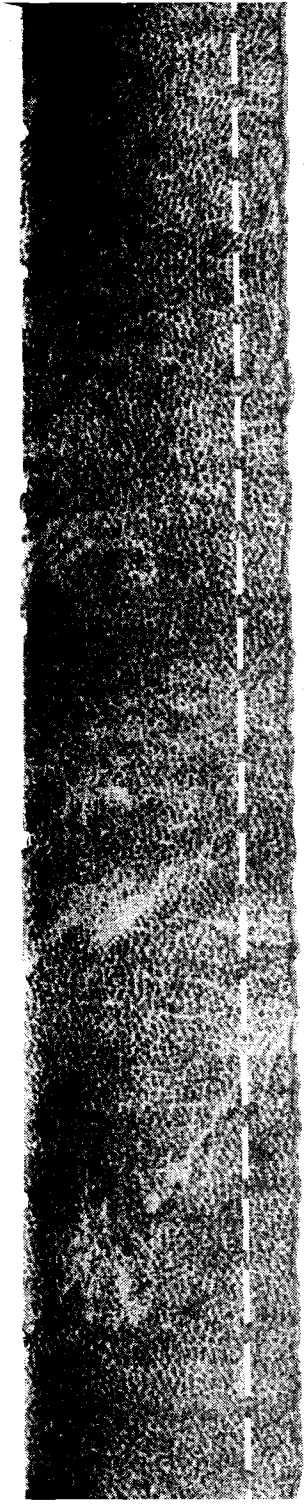
— Дорс, милая, даже пусть так, мне *все равно.*

Он обнял ее и медленно, осторожно прижал к себе.

Она не отстранилась, и он поцеловал ее — тихо, нежно, а потом страстно, и она вдруг прижалась к нему крепче прежнего.

Когда он наконец оторвался от ее губ, она, радостно улыбаясь, посмотрела ему в глаза и прошептала:

— Поцелуй меня еще, Гэри... Пожалуйста.



НА ПУТИ К АКАДЕМИИ

Часть I
ЭДО ДЕМЕРЗЕЛЬ

Демерзель, Эдо. В то время как сосредоточение реальной власти в руках Эдо Демерзеля на протяжении большей части царствования Императора Клеона Первого не оставляет сомнений, относительно сути его правления мнения историков расходятся. Классическая версия гласит, что он был одним из весьма могущественных и безжалостных угнетателей в течение последнего столетия существования целостной Галактической Империи, но ревизионисты полагают, что если Демерзель и был деспотом, то деспотом милосердным. Не исключено, что причиной для подобных выводов были отношения Демерзеля с Гэри Селдоном, многим подробностям которых суждено остаться недоказанными, в особенности — странной истории жизни Ласкина Джоранума, чей фантастический взлет...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ[1]

Глава 1

— Повторяю, Гэри, — сказал Юго Амариль, — у твоего друга Демерзеля большие неприятности.

Он лишь немного подчеркнул слово «друг», но так, что прозвучало оно с нарочитой неприязнью.

Гэри Селдон это заметил, но пропустил мимо ушей. Немного помолчав, он чуть раздраженно спросил:

— Не понимаю, зачем ты так упорно отнимаешь у меня время и пытаешься убедить в этом?

---

[1] Все цитаты из Галактической энциклопедии взяты из 116-го издания, опубликованного в 1020 г. а.э. издательством «Галактическая Энциклопедия» на Терминусе, с разрешения издательства.

— Затем, что думаю, как это важно, — отрезал Амариль и решительно уселся с таким видом, что стало ясно: уйдет он не скоро, а лишь тогда, когда выскажет все, что жаждет высказать.

Восемь лет назад он работал термальщиком в секторе Даль, то есть находился на самой низкой — ниже не придумаешь — ступени социальной лестницы. Гэри Селдон вытянул его наверх, сделал его математиком, интеллектуалом, более того — он сделал его психоисториком.

Юго никогда ни на минуту не забывал о том, кем он был, кем стал и кому обязан всеми переменами в своей жизни. Это означало, что, если уж он заговорил с Гэри Селдоном резко — ради его же пользы, значит, его уже ничто не остановит: ни желание сохранить любовь и уважение старшего товарища, ни забота о собственной карьере. Даже возможностью вести себя резко он тоже был обязан Селдону.

— Так вот, Гэри, — сказал Юго, рубанув по воздуху рукой, — я совершенно не понимаю почему, но ты об этом Демерзеле чрезвычайно высокого мнения. Я — нет. И никто из тех, к кому я привык прислушиваться, про него слова доброго не скажет. Так вот, на то, что будет с ним лично, мне наплевать, но я знаю, что тебе это не безразлично, поэтому я просто обязан все рассказать.

Селдон улыбнулся. Он был тронут преданностью и откровенностью своего ученика, но была у этой улыбки и другая причина: Юго не понимал и не мог понять, что опасения его совершенно беспочвенны.

Амариль был дорог Селдону. Мало сказать — дорог. Он был одним из тех четверых, кто встретился Селдону во время его недолгого, полного опасностей и приключений скитания по Трентору. Более близких людей у Селдона не было.

Каждый из них был по-своему уникален и незаменим. Уникальность Юго Амариля состояла в том, что он поразительно быстро усвоил основные идеи психоистории и обладал богатейшим воображением, позволявшим ему постоянно придумывать нечто новое. Селдона успокаивала мысль о том, что, если и стрясется с ним самим что-то непредвиденное до тех пор, когда математическая проработка будет завершена (а дело продвигалось крайне медленно, с колоссальными трудностями), останется хотя бы один человек со светлой головой, который сумеет продолжить исследования.

— Прости, Юго, — сказал Селдон, — я вовсе не хотел тебя обидеть или отмахнуться загодя от того, что ты хочешь мне рассказать. Все дело в работе. Как-никак, а я все-таки декан...

Тут уж Амариль улыбнулся.

— Ты меня тоже прости, Гэри, и не следовало бы мне смеяться, но ты так мало смахиваешь на декана.

— Знаю, знаю, но учиться-то надо. Я должен создавать видимость некоей безвредной деятельности, и уверяю тебя, на свете нет ничего более безвредного, чем должность декана математического факультета в Стрилингском университете. Я могу запросто забить весь день до отказа всякой ерундой, так что никому и в голову не придет задумываться о том, как продвигаются дела с разработкой психоистории, но вся беда в том, что у меня весь день как раз и забит разной чепуховиной и совершенно не остается времени на...

Селдон обвел взглядом свой кабинет, где в памяти компьютеров хранились материалы, доступ к которым был известен только ему и Юго. На тот случай, если бы кто-то и задумал сунуть туда нос, материал был закодирован мудреными символами, смысла которых никто, как бы ни силился, понять не сумел бы.

— Может быть, — пожал плечами Амариль, — когда ты получше разберешься в сути своих обязанностей, ты сумеешь их с кем-то разделить, и тогда у тебя будет оставаться больше времени.

— Надеюсь, — вздохнул Селдон. — Ну а теперь, скажи на милость, что такого важного ты хотел сообщить мне о Демерзеле?

— Ничего особенного, кроме того, что этот самый Эдо Демерзель, великий премьер-министр нашего дорогого Императора, в поте лица готовит переворот.

Селдон нахмурился:

— Зачем ему это нужно?

— Я не сказал, что ему это нужно. Просто он этим занят — вот уж не знаю, понимает он сам или нет, — и в этом ему оказывают неоценимую помощь его злейшие политические противники. Мне-то это до лампочки, как ты понимаешь, я бы только порадовался. В идеале было бы просто замечательно вышвырнуть такого премьера к чертям собачьим подальше от дворца, с Трентора... вообще за пределы Империи, если уж на то пошло. Но раз ты к нему почему-то неровно дышишь, я ре-

шил предупредить тебя, поскольку у меня большое подозрение, что в последнее время ты не так пристально, как следовало бы, следишь за ходом политических событий.

— Есть дела и поважнее, — негромко проговорил Селдон.

— Типа психоистории. Согласен. Но как мы сумеем разработать психоисторию, как можем надеяться на какой-либо успех, если будем игнорировать политику? Нынешнюю, современную политику, я хочу сказать. Сейчас — *сейчас* — как раз то самое время, когда настоящее прямо на наших глазах превращается в будущее. Мы не можем только тем и заниматься, что исследовать прошлое. Что было в прошлом, мы отлично знаем. Полученные результаты нужно проверять в настоящем и ближайшем будущем.

— У меня такое ощущение, — проворчал Селдон, — что эти доводы я уже слышал.

— И еще не раз услышишь. Потому что подобное доказывать тебе — никакого проку.

Селдон вздохнул, откинулся на спинку стула и с улыбкой посмотрел на Юго Амариля. Да, молодой человек бывал грубоват, но зато он принимал психоисторию всерьез — и это все искупало.

Фигура Амариля еще хранила следы его прошлого облика. Он был крепок, мускулист, широкоплеч, как всякий, кто привык к суровому физическому труду. Он до сих пор не позволял себе особых поблажек и держался в хорошей форме, и, надо сказать, это было неплохо, поскольку, когда Амариль отрывался от компьютера, чтобы размяться, волей-неволей к нему присоединялся и Селдон. Конечно, он не мог похвастаться такой физической силой, какой обладал Амариль, но по-прежнему неплохо дрался, хотя ему уже исполнилось сорок, а молодости не суждено было длиться вечно. Однако благодаря каждодневным разминкам Селдон сохранил стройность, руки и ноги у него были крепкими, как в юности.

— Наверняка, — сказал он, — ты печешься о Демерзеле не только потому, что он мой друг. Что-то еще тебя волнует.

— Никаких загадок. Покуда ты друг Демерзеля, здесь, в университете, ты в безопасности и можешь без помех продолжать работу над психоисторией.

— Ну, вот видишь? Следовательно, у меня есть самая веская причина поддерживать с ним дружеские отношения. Это уж ты должен понять.

— Поддерживать, вот именно. Согласен и понимаю. Но что касается самой дружбы — уволь, не понимаю. Но как бы то ни было, если Демерзель утратит власть — неважно, как это повлияет на твое положение, — тогда Империей станет править сам Клеон и она покатится по наклонной плоскости еще быстрее. Анархия захлестнет нас с головой еще до того, как мы успеем разработать практические выкладки психоистории и превратить ее в науку, способную спасти человечество.

— Понимаю... Но, видишь ли, я не строю никаких иллюзий и не думаю, что нам удастся разработать психоисторию вовремя, для того чтобы предотвратить упадок Империи.

— Но даже если мы не сумеем предотвратить упадок, мы могли бы сгладить его последствия, верно?

— Может быть.

— Чего же тебе еще? Значит, чем больше будет у нас возможностей спокойно работать, тем выше шанс предотвратить упадок или, по крайней мере, смягчить его последствия. Стало быть, нужно сберечь Демерзеля, нравится это нам — вернее, мне — или нет.

— Но ты сам только что сказал, что очень порадовался бы, если бы он оказался где-нибудь подальше от дворца, Трентора и всей Империи.

— Да, но это в идеале. Однако мы живем не в идеальных условиях и нуждаемся в нашем премьер-министре, хотя он и является инструментом угнетения и деспотизма.

— Понятно. Но неужели ты думаешь, что Империя так близка к гибели, что уход со сцены премьер-министра прямотаки подтолкнет ее в пропасть?

— Все просто. Психоистория подсказывает.

— Ты разве ею пользуешься для прогнозирования? Мы даже общей схемы пока не набросали. Какое может быть прогнозирование?

— Интуиция, Гэри.

— Интуиция всегда была. Нам нужно нечто большее, разве нет? Нам нужна математическая проработка вероятностей того, что может произойти в будущем при тех или иных условиях. Если мы будем полагаться только на интуицию, никакая психоистория не нужна вообще.

— Необязательно одно должно исключать другое, Гэри. Я говорю о том и другом сразу, о сочетании того и другого, что

лучше каждого в отдельности, по крайней мере, до тех пор, пока психоистория не отшлифована окончательно.

— Если она когда-нибудь будет отшлифована, — едва слышно произнес Селдон. — Но скажи, пожалуйста, что за опасность грозит Демерзелю? Кто может сбросить его? Ты ведь хочешь сказать именно это?

— Да, — угрюмо кивнул Амариль.

— Ну так скажи. И прости мне мое неведение.

— Не притворяйся, Гэри, — вспыхнул Амариль. — Ты наверняка слыхал о Джо-Джо Джорануме.

— Ну конечно. Он демагог... Постой, откуда он? Ах да, с Нишайи, верно? Захолустная планета. Там вроде бы коз разводят и делают отличные сыры.

— Все правильно. Но только он не просто демагог. У него уйма последователей, и он с каждым днем набирает силу. Он взывает к социальной справедливости, к более активному участию народных масс в политической жизни.

— Да, — кивнул Селдон. — Это я слышал. Его лозунг — «Правительство принадлежит народу».

— Не совсем так, Гэри. Он говорит: «Правительство — это народ».

— Ну да, понятно. И знаешь, должен тебе сказать, мне симпатичен этот лозунг. Не вижу в нем ничего дурного.

— Я тоже не вижу. Я всей душой *за* — если бы Джоранум именно это имел в виду. Но на уме у него совсем другое. А этот лозунг ему нужен лишь для того, чтобы вымостить дорогу к цели. Он хочет избавиться от Демерзеля. Тогда ему будет легче управиться с Клеоном. А потом Джоранум сам заберется на трон и станет тем самым «народом», о котором разглагольствует сейчас с пеной у рта. Не ты ли сам мне говорил, что таких случаев было полным-полно в имперской истории, а ведь сейчас Империя слабее, чем когда бы то ни было. И удар, который раньше только пошатнул бы ее устои, сейчас может запросто положить на лопатки. Империя будет втянута в гражданскую войну и никогда не выберется из нее, и мы не сумеем завершить работу над психоисторией, которая показала бы, что нам нужно делать.

— Я понял, к чему ты клонишь, но уверен, что избавиться от Демерзеля будет нелегко.

— Ты просто не представляешь, как стремительно Джоранум набирает силу.

— Это не имеет никакого значения, — покачал головой Селдон и слегка нахмурился. — Вот интересно, как это его родители додумались дать ему такое нелепое имя? Скорее на кличку смахивает.

— Его родители тут совершенно ни при чем. Настоящее его имя — Ласкин, кстати, весьма распространенное на Нишайе. Это он сам прозвал себя Джо-Джо, наверное, просто взял первый слог от фамилии.

— Ну и дурак, по-моему.

— А по-моему, нет. Слышал бы ты, как его поклонники скандируют: «Джо-Джо-Джо-Джо...» И так без конца. В этом есть что-то гипнотическое.

— Ладно, — сказал Селдон и выпрямился, всем своим видом показывая, что ему не терпится вернуться к прерванной работе. — Поживем — увидим.

— Как ты можешь проявлять такое безразличие? — возмутился Амариль. — Я тебе говорю о реальной опасности.

— Никакой опасности я не вижу, — сказал Селдон убежденно. — Просто ты не располагаешь всеми фактами.

— Какими же фактами я не располагаю?

— Поговорим об этом в другой раз, Юго. А теперь займись своей работой. Заботы о Демерзеле и судьбе Империи оставь мне.

Амариль поджал губы, но спорить не стал — он привык подчиняться распоряжениям Селдона.

— Хорошо, Гэри, — кивнул он, но у двери обернулся и покачал головой. — Но ты совершаешь ошибку.

Селдон усмехнулся.

— Я так не думаю, но спасибо за предостережение. Я о нем не забуду. И все-таки я уверен — все будет хорошо.

Амариль вышел, и лицо Селдона сразу стало серьезным. А будет ли все хорошо на самом деле?

Глава 2

Селдон не забыл о предупреждении Амариля, однако не придал ему большого значения. Минул его сороковой день рождения, нанеся очередной психологический удар.

Сорок лет! Прощай, молодость! Теперь жизнь для него

больше не была подобна громадному нехоженому полю, уходящему далеко за горизонт. Уже восемь лет он жил на Тренторе, и время бежало неумолимо быстро. Еще восемь лет — и ему будет почти пятьдесят, там и до старости недалеко. А ему пока не удалось даже как следует подступиться к психоистории! Юго Амариль блестяще рассуждал о законах и выводил свои формулы, делая дерзкие предположения, основанные на интуиции. Но как можно было проверить эти предположения? Пока психоистория не представляла собой экспериментальной науки. Для ее создания потребуется проведение экспериментов, которыми должны быть охвачены целые миры, целые столетия. А как быть с этической ответственностью?

Казалось, проблему решить невозможно, и Селдон в конце концов углубился в факультетские дела. Домой он отправился в тот день не в лучшем расположении духа.

Как правило, прогулка по кампусу улучшала его настроение. Купола над Стрилингским университетом были так высоки, что создавалась иллюзия пребывания на безбрежном просторе, а погода тут всегда стояла хорошая. Тут росли деревья, зеленели лужайки, белели дорожки — словом, все выглядело так, будто Селдон никуда не улетал, а по-прежнему жил и работал в университете у себя на родине, на Геликоне.

Иллюзия переменной облачности создавалась здесь за счет появления и исчезновения солнечного света (не солнца, а именно солнечного света) через неравные промежутки времени. Было немного прохладно — совсем немного.

Пожалуй, в последнее время прохладных дней, таких, как сегодня, стало больше. Может быть, Трентор стал экономить энергию? Уж не признак ли это приближающегося кризиса? А может быть (от этой мысли Селдон поежился), он просто постарел и кровь у него медленнее течет? Селдон сунул руку в карманы куртки, зябко ссутулившись.

Обычно он шел домой, даже не задумываясь, куда идет. Ноги сами несли его, так что и по дороге домой, и по дороге на работу он мог думать о чем угодно. Сегодня не удалось. Странные звуки помешали. Совершенно бессмысленные.

— Джо... Джо... Джо... Джо...

Звуки доносились издалека, приглушенно, но Селдон вспомнил... Ах да, Амариль предупреждал. Тот демагог... Неужели он здесь, в кампусе?

Селдон машинально свернул с обычной дороги и направился по пологому склону к университетскому полю — месту, предназначенному для студенческих митингов и занятий спортом, ритмикой.

В самой середине поля собралась большая толпа студентов и оживленно скандировала. На помосте незнакомый человек громко выкрикивал один и тот же слог, раскачиваясь в такт.

Но это был не Джоранум. Джоранума Селдон не раз видел в выпусках головизионных новостей. С тех пор как Амариль предупредил его, Селдон стал более внимательно следить за развитием событий. Джоранум был высокий, широкоплечий и всегда коварно, заискивающе улыбающийся. У него были густые песочного цвета усы и голубые глаза.

Нынешний оратор был невысок, можно сказать, коротышка, к тому же худой, широкоротый, темноволосый и... крикливый. К его словам Селдон не прислушивался, но разобрал фразу «власть одного — многим», которую тут же подхватило множество голосов.

«Неплохо, — подумал Селдон, — но как он собирается это осуществить и насколько серьезен?»

Селдон пробежал глазами толпу и вскоре заметил Фингагелоса, аспиранта математического факультета, черноволосого курчавого парня не без способностей.

— Фингагелос! — окликнул он аспиранта.

— Профессор Селдон, — обернувшись, отозвался Фингагелос, в первое мгновение не узнавший декана без неизменного калькулятора в руках. Подойдя к Селдону поближе, он спросил: — Вы пришли послушать этого парня?

— Просто решил узнать, по какому поводу шум. Кто это такой?

— Его зовут Намарти, профессор. Он говорит от имени Джо-Джо.

— Это я понял, — кивнул Селдон. Толпа снова взревела в ответ на очередной лозунг. — Но кто он такой, этот Намарти? Его имя мне ничего не говорит. С какого он факультета?

— Он не из университета, профессор. Он один из людей Джо-Джо.

— Если он не из университета, тогда, значит, не имеет права произносить тут речи без соответствующего разрешения. Как вы полагаете, есть у него такое разрешение?

— Понятия не имею, профессор.

— Что ж, давайте выясним.

Селдон углубился было в толпу, но Фингагелос потянул его за рукав.

— Не стоит, профессор. С ним молодчики.

За спиной оратора действительно стояли шестеро дюжих парней. Они выстроились в цепочку, расставив ноги на ширину плеч и сложив руки за спиной.

— Молодчики?

— На всякий случай — мало ли что взбредет кому-то в голову.

— Ну, тогда он уж точно не из университета, и будь у него даже разрешение на выступление, он не имеет права разгуливать тут с этими шалопаями. Так, Фингагелос, дайте-ка знать в университетскую службу безопасности. Хотя, по идее, они должны бы и сами уже быть здесь.

— Думаю, они просто держатся подальше от неприятностей, — пробормотал Фингагелос. — Прошу вас, профессор, не стоит ничего такого затевать. Если вы хотите, чтобы я разыскал офицеров службы безопасности, я сделаю это, но очень прошу вас, подождите, пока они прибудут.

— Возможно, мне удастся прекратить все это до их прихода.

И Селдон стал решительно пробираться вперед. Это оказалось не так уж трудно. Многие из присутствующих на митинге сразу узнавали его, а те, кто не знал его лично, соответствующим образом реагировали на профессорскую нашивку на лацкане его куртки. Селдон добрался до помоста, ухватился руками за край и, негромко крякнув, подтянулся и забрался наверх. «А лет десять назад, — подумал он с горечью, — я бы запросто подтянулся на одной руке и крякать бы не пришлось».

Профессор встал во весь рост. Оратор прервал речь на полуслове и уставился на него. Взгляд его был холоден и тревожен.

Селдон спокойно сказал:

— Попрошу ваше разрешение на выступление перед студентами, сэр.

— Кто вы такой? — вызывающе громко спросил оратор.

— Я профессор университета, — ответил Селдон так же громко. — Ваше разрешение, сэр.

— Вы не имеете права требовать у меня какое-то там разрешение, — отпарировал оратор.

Парни, стоявшие за его спиной, сбились теснее.

— Если у вас нет разрешения, я бы посоветовал вам как можно скорее покинуть территорию университета.

— А если я не сделаю этого?

— Во-первых, сюда уже приглашены сотрудники службы безопасности. А во-вторых... Студенты, — обратился Селдон к толпе, — мы пользуемся правом свободы слова и собраний в нашем кампусе, но можем лишиться своих привилегий, если позволим посторонним без разрешения произносить безответственные...

Тут на его плечо легла тяжелая рука. Он вздрогнул. Обернувшись, он увидел, что рядом с ним стоит один из тех, кого Фингагелос назвал «молодчиками».

С жутким акцентом — Селдон не успел понять, откуда этот мужлан был родом, — тот процедил сквозь зубы:

— Пошел вон отсюда, да побыстрее!

— Представители службы безопасности будут здесь с минуты на минуту.

— В таком случае, — ухмыльнулся Намарти, — будет бунт. А нас этим не запугаешь...

— Никакого бунта не будет, — покачал головой Селдон. — Чего вы добиваетесь? — спросил Селдон. — Я понимаю, вас бы это порадовало, но бунта не ждите. Всем вам придется убраться отсюда подобру-поздорову. — Он, дернув плечом и отбросив руку приспешника Намарти, снова обратился к студентам: — А мы об этом позаботимся, верно?

Кто-то из толпы выкрикнул:

— Это профессор Селдон! Не троньте его. Он наш человек.

Селдон почувствовал, что настроение у собравшихся неоднозначное. Он знал наверняка, что некоторым забавно будет поглядеть на стычку посторонних со службой безопасности — именно забавно. Но тут были и те, кто питал к нему личные симпатии, и те, кто его не знал, но кому неприятен был сам факт грубого обращения с профессором университета.

Тут взвизгнула женщина:

— Осторожнее, профессор!

Селдон мгновенно развернулся к молодчикам. Он прикидывал, справится ли — сработает ли реакция и хватит ли сил, несмотря на его навыки в рукопашной схватке.

Было видно, что парни слишком уверены в себе. Один из парней двинулся прямо на него. Он не торопился, что работало

на Селдона. Вдобавок выбросил вперед руку — просто замечательно!

Селдон схватил его за руку, крутанул ее, вскинул вверх, резко опустил вниз, крякнул (и зачем ему надо было крякать?), и парень плашмя рухнул на помост с вывихнутым плечом.

Развитие событий принимало уж вовсе неожиданный оборот. Толпа оглушительно взревела. У студентов, судя по всему, проснулась местническая гордость.

— Поддай-ка им как следует, проф! — воскликнул кто-то.

Его голос поддержал дружный рев.

Селдон пригладил волосы и постарался сдержать дыхание. Размахнувшись ногой, он поддел незадачливого противника и сбросил его с помоста.

— Еще желаете? — вежливо спросил он. — Или все-таки уйдете тихо?

Намарти и его охранники растерянно переминались с ноги на ногу. Селдон сказал им:

— Я вас предупреждаю. Толпа теперь на моей стороне. Стоит вам только попытаться прикоснуться ко мне, и вас разорвут в клочья. Ну, кто следующий? Поехали. Подходите по одному.

Голос его звучал все громче. Он пальцем поманил к себе молодчиков. Толпа торжествующе взревела.

Намарти с места не двигался. Селдон по-кошачьи скользнул к нему и крепко ухватил за шею. А студенты уже карабкались на помост, выкрикивая: «Подходи по одному! Подходи по одному!» Вскоре между телохранителями Намарти и Селдоном выросла живая стена. Селдон крепче сжал горло Намарти и прошептал ему на ухо:

— Вот как это делается, Намарти. Поверь мне — уж я-то знаю как. Этим не один год занимаюсь. Попробуй рвануться, сделай только шаг, и я сотворю с тобой такое, что ты никогда не сможешь больше произносить речей. Шепотом будешь говорить, голубчик, понял? Если тебе дорог твой голосок, делай, как я велю. Я тебя отпущу, а ты прикажи своим бульдогам убираться, да побыстрее. Попробуй хоть слово сказать не так, и оно будет твоим последним словом. А если тебе вздумается еще раз навестить кампус, пощады не жди. Я доведу дело до конца.

Он тут же ослабил хватку. Намарти хрипло пробормотал:

— Пошли отсюда все!

Молодчики поспешно ретировались, окружив низверженного оратора. А когда буквально через несколько мгновений на поле брани появились-таки сотрудники службы безопасности, Селдон сказал:

— Прошу прощения, джентльмены. Ложная тревога.

По дороге домой Селдон испытывал недовольство собой — показал себя не с той стороны, с какой хотелось бы. В конце концов, он никогда не был садистом. «А самое противное, — думал он, — что об этом наверняка узнает Дорс». Пожалуй, было бы лучше, если бы он сам ей все рассказал, а то ведь такое накрутят. Но ей все равно не понравится, даже если он сам все подробно расскажет.

Глава 3

Так оно и вышло.

Дорс ждала Селдона у дверей коттеджа в весьма выразительной позе — уперев руку в бок. Она выглядела почти такой же, какой ее впервые увидел Селдон восемь лет назад здесь, в этом самом университете: стройная, рыжеволосая. Ему она казалась красавицей, хотя, если судить объективно, не была такой уж красивой. Но Селдон с первых дней после их встречи и до сих пор не научился смотреть на нее объективно.

Дорс Венабили! Глядя в спокойное лицо верной подруги жизни, Селдон подумал о том, что во множестве миров, да даже во многих секторах Трентора, он мог бы называть ее Дорс Селдон, но он понимал, что тогда бы она стала чем-то вроде его собственности, а ему самому этого не хотелось, хотя такой порядок вещей давно установился в Империи — жена принимала фамилию мужа.

Покачав головой, от чего ее шелковистые локоны слегка растрепались, Дорс негромко проговорила:

— Я уже все знаю, Гэри. Ну, что прикажешь с тобой делать?

— Например, поцеловать.

— Это можно, но сначала я все-таки сделаю тебе внушение. Входи, дорогой. — Она впустила Селдона в дом и закрыла дверь. — Послушай, милый, у меня работы по горло. Я все еще вожусь как проклятая с кошмарным периодом истории Трентории Королевства, который ты считаешь сверхважным для твоей работы. Ты прекрасно знаешь, что я до сих пор обя-

зана этим заниматься. Это тем более моя обязанность теперь, когда у тебя наметился некоторый прогресс в психоистории. Что же, прикажешь бросить работу и таскаться повсюду за тобой, водить тебя за руку?

— Прогресс? Это было бы недурно. Но водить меня за руку и защищать никакой нужды нет.

— Нет? Я послала Рейча искать тебя. В конце концов, ты задерживался, и я волновалась. Имею я право волноваться? Обычно ты меня предупреждаешь, если задерживаешься. Прости, если тебе не нравится моя роль телохранителя. Но, Гэри, я действительно твой телохранитель.

— А не кажется ли вам, о телохранительница Дорс, что время от времени мне бывает желательно сорваться с поводка?

— А если с тобой что-нибудь случится, что я скажу Демерзелю?

— Я что, опоздал к обеду? Не пойму, мы разве теперь пользуемся услугами кухарки?

— Нет, я просто ждала тебя. Это ты привык обедать вовремя. Я очень тебя прошу, не бросай хорошую привычку.

— Разве Рейч не сказал тебе, что со мной все в порядке? О чем вообще разговор?

— Когда он тебя нашел, ты уже управился, и он вернулся домой раньше тебя, но ненамного. Подробностей я не знаю. Скажи мне, что ты там делал?

Селдон пожал плечами.

— Да ничего особенного. Собрался нелегальный митинг, и я его разогнал. У университета были бы большие неприятности, Дорс, если бы я этого не сделал.

— Именно ты должен был этим заниматься? Гэри, ты больше не профессиональный борец. Ты...

— Хочешь сказать — старик? — прервал ее Селдон.

— Для борьбы — да. Тебе сорок. Как ты себя чувствуешь, кстати?

— Нормально. Устал немного.

— Можно себе представить. А в один прекрасный день, когда ты снова попытаешься разыгрывать из себя юного геликонского атлета, ты вернешься домой со сломанным ребром... А теперь рассказывай все.

— Послушай, я говорил тебе, что Амариль предупредил ме-

ня — ну, насчет того, что демагогия Джо-Джо Джоранума грозит опасностью Демерзелю?

— Джо-Джо. Да, помню. Ты давай про то, чего я не знаю. Что стряслось сегодня?

— На поле собралась толпа. В кампус проник лазутчик Джо-Джо по имени Намарти и принялся разглагольствовать...

— Намарти... Намарти. Джембол Дин Намарти, правая рука Джоранума.

— Ну вот, видишь, ты про него знаешь больше меня. Словом, он собрал огромную толпу, не имея разрешения на публичное выступление, и, думаю, надеялся, что ему со своими мордоворотами удастся затеять бунт. Им же как воздух необходимы такие спектакли, а если бы им удалось добиться хотя бы временного закрытия университета, они бы запросто сумели обвинить Демерзеля в нарушении принципов общественных свобод. Я думаю, его они винят абсолютно во всем, в чем только не лень. В общем, я им задал... Пришлось им убраться несолоно хлебавши.

— Да ты никак гордишься собой?

— А почему бы и нет? Совсем неплохо для сорокалетнего.

— Так ты за этим полез в драку? Чтобы проверить, на что еще способен?

Селдон рассеянно пробежал глазами обеденное меню.

— Нет, — ответил он немного погодя. — Не за этим. Я на самом деле считаю, что университету грозили лишние неприятности. И еще я думал о Демерзеле. Боюсь, внушение Амариля насчет грозящей ему опасности подействовало на меня сильнее, чем я ожидал. Это было глупо, Дорс, ведь я прекрасно понимаю, что Демерзель в силах сам о себе позаботиться. Но этого я не могу объяснить ни Юго, никому другому — никому, кроме тебя. — Он глубоко вздохнул и продолжал: — Какое счастье, что хотя бы с тобой я могу говорить об этом открыто! Ведь ты, так же как и я, знаешь, что наш Демерзель неприкасаем.

Дорс нажала кнопку на выдвижной панели стены, и обеденный отсек комнаты осветился приятным, мягким розовато-персиковым светом. Они с Гэри сели к столу, уже накрытому к обеду. Безупречно белая скатерть, хрусталь, столовые приборы. Стоило им опуститься на стулья, как выдвижная панель поползла кверху и на столе одно за другим начали появляться

блюда. В это время суток долго ждать не приходилось. Селдон уже привык к тому, что его теперешнее положение позволяет ему с такими удобствами питаться дома, не наведываясь в преподавательскую столовую.

Он сдобрил еду изысканными специями, к которым они с Дорс пристрастились во время краткого пребывания в Микогене, — только специи и были хороши в этом странном, зациклившемся на дурацкой религии, прочно привязанном к прошлому секторе.

Дорс негромко спросила:

— Что ты имеешь в виду под словом «неприкасаем»?

— Послушай, дорогая, он способен воздействовать на эмоции. Не может быть, чтобы ты об этом позабыла. Если Джоранум и впрямь станет опасен, Демерзель сумеет его... (Селдон щелкнул пальцами, подбирая подходящее слово) изменить, заставить думать иначе.

Дорс насупилась. Обед прошел в непривычной тишине. Только тогда, когда трапеза была завершена и все, что было на столе — посуда, приборы, скатерть, — уползло в образовавшееся посреди стола отверстие, которое тут же само собой закрылось, Дорс нарушила молчание:

— Не хотелось бы говорить, Гэри, но я не могу долее держать тебя в неведении.

— В неведении? — нахмурился Селдон.

— Да. Мы никогда не говорили об этом. Собственно, я никогда и не думала, что придется об этом заговорить, но и у Демерзеля есть уязвимые места. Он не неприкасаем, Гэри, ему может грозить опасность, и Джоранум — опасность вполне реальная.

— Ты не шутишь?

— Нисколько. Просто ты плохо понимаешь, что такое роботы — такие сложные, как Демерзель. А я очень хорошо понимаю.

Глава 4

Оба умолкли, но лишь потому, что мысли беззвучны. А мысли Селдона просто-таки разбушевались.

Все верно. Его жена прекрасно разбиралась в роботах. Это

так удивляло Гэри, и удивляло так часто, что он в конце концов сдался и старался вовсе об этом не думать. Ведь если бы не Эдо Демерзель — робот, Гэри никогда бы не встретился с Дорс. Дорс *работала* на Демерзеля, и именно Демерзель «приставил» Дорс к Гэри восемь лет назад, дабы она охраняла ученого во время его скитаний по разным секторам Трентора. И хотя теперь она была его женой, помощницей, его «лучшей половиной», Гэри до сих пор нет-нет да и задумывался о странной связи Дорс с роботом Демерзелем. Это оставалось единственной областью жизни Дорс, куда Гэри не имел доступа. И это было самым болезненным вопросом их отношений. Жила ли Дорс с Селдоном, повинуясь приказу Демерзеля или потому, что любила все-таки? Ему хотелось верить в последнее, и все же...

Его жизнь с Дорс Венабили была счастливой, но при определенном условии. И условие это было тем более жестким, что установилось не в итоге какого-либо обсуждения или договора между ними, а за счет обоюдного молчаливого согласия.

Селдон понимал, что обрел в Дорс все, что бы ему хотелось видеть в образе жены. Правда, у них не было детей, но он этого и не ждал, да, честно говоря, и не слишком желал. У него был Рейч, к которому он чувствовал искреннюю отцовскую привязанность — такую сильную, будто Рейч и впрямь был его родным ребенком.

И вот Дорс заставила его погрузиться в мысли о том, о чем он думать вовсе не хотел. Потеряло силу их обоюдное согласие. А ведь только за счет этого согласия они и были спокойны и счастливы уже столько лет. Селдон разнервничался, но постарался прогнать невеселые мысли прочь. Он смирился с тем, что его жена считает себя его защитницей, пусть так и будет. В конце концов, это же с ним она живет под одной крышей, сидит за одним столом и разделяет супружеское ложе — с ним, а не с Демерзелем.

Размышления его прервал голос жены:

— Я сказала... Гэри, ты спишь, что ли?

Селдон слегка вздрогнул. Значит, она уже не в первый раз к нему обращается, а он не слышит — так глубоко задумался.

— Прости, дорогая. Нет, я не сплю. Просто размышляю о том, как я должен отреагировать на твое заявление.

— Насчет роботов? — уточнила она, произнося запретное слово совершенно спокойно.

— Ты сказала, что я не разбираюсь в них так хорошо, как ты. Как я должен на это реагировать? То есть без обиды, — добавил он чуть погодя, понимая, что здорово рискует.

— Я же не сказала, что ты вообще не разбираешься в роботах. Если уж цитируешь меня, то цитируй точно. Я сказала, что ты плохо их понимаешь. Уверена, знаешь ты о них многое, пожалуй, намного больше меня, но знать и понимать — не всегда одно и то же.

— Послушай, Дорс, ты, по-моему, нарочно говоришь загадками, просто чтобы позлить меня. А парадоксы возникают лишь из дилетантизма — невольного или преднамеренного. Мне это не нравится ни в науке, ни в обычном разговоре, разве только ради смеха, но, похоже, сейчас не место юмору.

Дорс рассмеялась так, как могла смеяться только она, — негромко, нежно, словно веселье было для нее неким сокровищем и она не желала им разбрасываться.

— Видимо, парадокс заставил тебя заговорить столь патетическим тоном, а ты всегда ужасно смешной, когда так говоришь. Я все объясню. Вот уже вовсе не собиралась тебя злить.

Она наклонилась, погладила мужа по руке, а он с удивлением и растерянностью обнаружил, что его рука непроизвольно сжалась в кулак.

— Ты много говоришь о психоистории. По крайней мере, со мной. Это тебе известно? — спросила Дорс.

Селдон откашлялся.

— Если говорить о психоистории, то тут я полагаюсь на твое милосердие. Проект секретен. Секретен по самой своей сути. Психоистория будет работать, если только люди, которых она касается, не будут ничего знать о ней. Поэтому говорить о проекте я могу только с Юго и с тобой. Что касается Юго, то тут речь об интуиции. Он блестящий ученый, но настолько дерзок, что способен прыгнуть в пекло с завязанными глазами, и тогда приходится играть роль сдерживающего фактора. Видимо, мне суждено всю жизнь присматривать за ним, опекать. У меня, правда, тоже порой мелькают дикие мысли, и это помогает мне порой слушать, как они звучат, даже тогда, — улыбнулся он, — когда ты откровенно даешь мне понять, что не понимаешь ни слова из того, о чем я говорю.

— Знаю, что я твой демонстрационный стенд, и не имею ничего против, Гэри, так что не надо делать поспешных выводов и менять привычки. Естественно, я почти ничего не понимаю в математике, я всего-навсего историк, даже не ученый-историк. И сейчас все мое время занято изучением воздействия экономических изменений на развитие политических событий...

— Да, и, между прочим, тут я твой демонстрационный стенд, или ты не замечаешь? То, чем ты сейчас занимаешься, понадобится мне в один прекрасный день для психоистории, а посему у меня есть подозрение, что тогда ты мне окажешь неоценимую помощь.

— Прекрасно! Вот мы и выяснили, почему ты со мной живешь, — я, собственно, и так догадывалась, что не из-за моей блистательной красоты, — а теперь позволь, я продолжу свое объяснение. Так вот, изредка, в тех случаях, когда ты отступаешь от чистой математики, мне кажется, что я начинаю улавливать ход твоих мыслей. Несколько раз ты пытался разъяснить мне нечто, что ты называешь необходимостью минимализма. Думаю, я тебя правильно поняла. Под этим ты имеешь в виду...

— Я знаю, что я имею в виду.

— Гэри, утихомирься, — чуть обиженно урезонила его Дорс. — Я вовсе не собираюсь объяснять это тебе. Я себе пытаюсь объяснить. Ты же сказал, что ты мой демонстрационный стенд, вот и побудь им немного. Честная игра, не так ли?

— Честная-то она честная, но если ты собираешься обвинять меня в высокопарности, когда я говорю, что единственное маленькое...

— Хватит! Замолчи! Ты говорил мне, что минимализм является одним из главнейших принципов прикладной психоистории, заключающимся в способности менять нежелательный ход событий на желаемый или, по крайней мере, на менее нежелаемый. Ты говорил, что изменения должны быть самыми незаметными, самыми минимальными, какие только возможны...

— Верно, — кивнул Селдон. — Это потому...

— Позволь, Гэри, — прервала его Дорс. — Объясняю сейчас я. Мы оба прекрасно знаем, что ты все отлично понимаешь. Минимализм нужен из-за того, что любое изменение дает мириады побочных явлений, а это не всегда позволительно. Если же изменение слишком велико и побочных явлений, следовательно, огромное количество, становится очевидно, что итог

будет слишком далек от того, что задумано, и более того — он станет совершенно непредсказуем.

— Все точно, — подтвердил Селдон. — В этом суть хаотического эффекта. Проблема состоит в том, существуют ли бесконечно малые изменения, способные сделать результат предсказуемым, или история человечества неизбежно и неизменно хаотична во всех отношениях. Именно поэтому я и полагал вначале, что психоистория не...

— Знаю, знаю, но дай мне договорить! Дело вовсе не в том, каждое ли изменение можно довести до минимума. Дело в том, что любое изменение, превышающее пределы минимума, хаотично. Может оказаться так, что нужное изменение равно нулю, а если не нулю, то какой-то очень малой величине, и тогда основной проблемой станет то, как обнаружить некоторое изменение, достаточно малое и все же больше нуля. Вот примерно так я понимаю то, что ты называешь минимализмом.

— Более или менее верно, — согласился Селдон. — Безусловно, на языке математики это можно было бы выразить более четко и кратко. Вот посмотри...

— Смилуйся! — проговорила Дорс. — Итак, раз ты знаешь, какое значение этот момент имеет для психоистории, тебе должно быть понятно многое относительно Демерзеля. У тебя есть знания, но нет понимания. А нет его потому, что тебе никогда не приходило в голову попробовать применить правила психоистории к Законам Роботехники.

Селдон отрицательно помотал головой и пробормотал:

— Ну, теперь я уж точно не понимаю, к чему ты клонишь.

— Но ведь это так просто! Робот тоже пользуется принципами минимализма, Гэри. Согласно Первому Закону, робот не может нанести вред человеку. Это — главное правило для обычных роботов, но Демерзель совершенно необычен, и для него выше Первого Закона стоит Нулевой. А Нулевой Закон гласит, что робот не может нанести вред всему человечеству. И это ставит Демерзеля точно в такие же рамки, в каких находишься ты, работая над психоисторией. Понимаешь теперь?

— Вроде бы да.

— Надеюсь. Так вот, если Демерзель и обладает способностью изменять сознание людей, он должен делать это без нежелательных побочных явлений, а поскольку он занимает пост

премьер-министра Императора, таких побочных явлений — бессчетное количество.

— И какое это имеет отношение к нынешней ситуации?

— Сам подумай! Ты не можешь сказать никому, кроме меня, конечно, что Демерзель — робот; он так все устроил, что ты просто не можешь ни с кем об этом говорить. Но чего стоило произвести такой переворот в твоем сознании? Скажи честно, тебе хочется поведать людям, что он — робот? Тебе хочется прекратить его существование и деятельность, когда ты обязан ему самой возможностью работать спокойно? Нет, конечно. Следовательно, изменения, произведенные с твоим сознанием, должны быть исключительно минимальными, такими, чтобы их хватало ровно настолько, чтобы ты не проговорился в момент возбуждения или беззаботности. Изменения настолько минимальны, что у них практически нет побочных явлений. Вот именно так Демерзель и пытается править всей Империей.

— Ну а в случае с Джоранумом?

— Тут дело совсем другое. Какие бы ни были у него мотивы, он — ярый, откровенный противник Демерзеля. Несомненно, Демерзель мог бы все переменить, но исключительно ценой таких изменений в личности Джоранума, что в итоге Демерзель просто не смог бы предугадать результатов. И вместо того чтобы рисковать возможностью нанести вред Джорануму, вызывать побочные явления, следствием которых может быть нанесение вреда другим людям, а возможно, и всему человечеству, он должен не трогать Джоранума, не трогать до тех пор, покуда не придумает, не найдет какого-то маленького изменения, совсем крохотного, с помощью которого можно было бы спасти положение, никому не навредив. Вот почему Юго прав, вот почему Демерзель действительно уязвим.

Селдон слушал молча. Похоже, он крепко задумался. Прошло несколько минут, и наконец он сказал:

— Раз Демерзель не может ничего поделать, значит, этим обязан заняться я.

— Он ничего не может поделать, но что же можешь поделать ты?

— Я дело другое. Я не связан с Законами Роботехники. Мне нет нужды обременять себя непрерывными мыслями о минимализме. А для начала мне необходимо повидаться с Демерзелем.

Дорс разволновалась не на шутку.

— Необходимо? Я уверена, демонстрировать ваше знакомство особого смысла не имеет.

— Видишь ли, настало время, когда довольно притворяться, будто бы мы с ним незнакомы. Естественно, я не собираюсь наносить ему визит под рев фанфар и с предварительным торжественным объявлением по головидению. Но увидеться с ним мне очень нужно.

Глава 5

Селдон безумно злился. Проклятое время, проклятый возраст! Восемь лет назад, когда он впервые попал на Трентор, он бы не задумывался, а действовал. Тогда у него ничегошеньки не было за душой — гостиничный номер и пожитки, которые запросто можно было унести с собой, то бишь он был свободен, как птица, и мог летать по всему Трентору куда вздумается.

А теперь... Ученые советы, необходимость беспрерывно принимать какие-то решения, работа, работа... Нелегко было бросить все это и помчаться к Демерзелю. Допустим, даже если он сумел бы действительно вырваться — у самого Демерзеля дел было по горло. Да, выкроить время, чтобы они оба имели возможность встретиться, прямо скажем, было нелегко.

Нелегко было и смотреть, как Дорс покачивает головой.

— Просто не представляю, что ты собираешься делать, Гэри.

Он нетерпеливо ответил:

— Я тоже, Дорс, не представляю, что мне нужно делать. Надеюсь понять *что*, но для этого мне надо встретиться с Демерзелем.

— Твоя первейшая обязанность — психоистория. Он тебе скажет именно это.

— Может быть. Вот я и выясню.

И теперь, как раз тогда, когда восемь дней спустя он выбрал время для встречи с премьер-министром, Селдон получил послание. Старомодные, несколько вычурные буквы загорелись на стенном экране в кабинете Селдона. Содержание послания соответствовало витиеватости каллиграфии: «ПРОШУ АУДИЕНЦИИ У ПРОФЕССОРА ГЭРИ СЕЛДОНА».

Селдон несколько мгновений удивленно смотрел на экран.

Даже к Императору теперь никто не думал обращаться в таком, столетней давности, духе.

Вдобавок буквы были не напечатаны для ясности чтения, как делалось обычно. Написано было так, что прочесть послание не составляло труда, но вместе с тем почерк был красив и небрежен, словно писал тот, кто считает каллиграфию искусством. А интереснее всего была, конечно же, подпись: «ЛАСКИН ДЖОРАНУМ»! Не кто-нибудь — сам Джо-Джо просил аудиенции у Селдона.

Селдон невольно причмокнул. Вот это да! Теперь был ясен и подбор слов, и каллиграфия. Все продумано — обычная просьба была изложена таким замысловатым образом, что просто обязана была вызвать любопытство. Большого желания встречаться с этим человеком не было, то есть не было бы при обычных обстоятельствах. Но ради чего такая помпезность и артистизм? Это ему захотелось выяснить.

Он поручил секретарю договориться о времени и месте встречи. Безусловно, в рабочем кабинете, а не дома. Деловой разговор и только, ничего лишнего.

А главное, встреча должна состояться как раз тогда, когда и он задумал повидаться с Демерзелем.

Дорс сказала:

— Ничего удивительного, Гэри. Ты поколотил двоих его людей, причем один из них — его ближайший помощник, испортил ему задуманное развлечение в виде студенческого бунта и, соответственно, выставил его, пускай даже в лице его соратников, в дурацком свете. Вот он и решил на тебя посмотреть, и у меня такое ощущение, что лучше мне присутствовать при вашей встрече.

Селдон покачал головой.

— Я возьму с собой Рейча. Он знает те же самые приемы, что знаю и я, а лет ему вдвое меньше. Хотя я уверен, что никакая защита мне не понадобится.

— Как, интересно, ты можешь быть в этом уверен?

— Джоранум придет ко мне в кабинет. Стало быть, встреча состоится в пределах университета. Молодежи кругом — хоть отбавляй. По-моему, я достаточно популярен в студенческих кругах, и, насколько догадываюсь, Джоранум — не тупица же и понимает, что дома и стены помогают. Думаю, что он будет исключительно вежлив и дружелюбен.

— Ну-ну... — проговорила Дорс, и уголок верхней губы у нее едва заметно приподнялся.

— Но притом — совершенно убийствен, — закончил Селдон.

Глава 6

Гэри Селдон придал лицу отсутствующее выражение и склонил голову ровно настолько низко, чтобы засвидетельствовать подобающую случаю почтительность. Он успел до встречи внимательно рассмотреть несколько голографических портретов Джоранума, но, как это часто бывает, наяву человек оказывается не совсем таким, а порой — и совсем не таким, как на голограммах, как бы старательно они ни были изготовлены. «Вероятно, — подумал Селдон, — все дело в том, как реагируешь на реальность».

Джоранум оказался высоким мужчиной — во всяком случае, не ниже Селдона ростом, но гораздо плотнее профессора. И дело тут было вовсе не в мускулатуре, поскольку он, не будучи тучным, производил впечатление человека мягкотелого. Округлое лицо, густая шапка волос (скорее песчаных, чем желтых), ясные голубые глаза. Одет Джоранум был небрежно, физиономию его украшала полуулыбка, создававшая иллюзию дружелюбия и расположенности, но не оставлявшая при всем том сомнений, что это, увы, иллюзия, и ничего больше.

— Профессор Селдон, — обратился он к Гэри глубоким, низким, хорошо поставленным голосом профессионального оратора, — я счастлив видеть вас. Вы были очень добры, что позволили мне навестить вас. Думаю, вы не будете возражать против того, что я прибыл к вам не один, а вместе со своим ближайшим помощником, моей, так сказать, правой рукой, хотя и не предупредил вас об этом заранее. А вы, видимо, с ним уже знакомы.

— Да, знаком. И прекрасно помню, при каких обстоятельствах состоялось наше знакомство.

Селдон несколько насмешливо взглянул на Намарти, более внимательно, чем в прошлый раз, разглядывая его. Намарти был среднего роста, с тонкими чертами лица, бледный, темноволосый, широкоротый. Ни полуулыбки, ни какого-то иного выражения лица — только осторожность и внимание.

— Мой друг, доктор Намарти, его специальность — древняя литература, пришел к вам по собственной инициативе. Извиниться, — уточнил Джоранум, бросив быстрый взгляд на Намарти.

Тот, слегка поджав губы, проговорил бесцветным голосом:

— Я сожалею, профессор, о том, что произошло тогда на поле. Я попросту был не в курсе тех строгих правил, которыми регламентируются в вашем университете подобные собрания, и несколько увлекся.

— Что вполне понятно, — сказал Джоранум. — Ничем другим и объяснить невозможно. И потом, он понятия не имел о том, кто вы такой. Думаю, теперь мы все можем забыть об этом досадном инциденте.

— Уверяю вас, джентльмены, — сказал Селдон, — что я не имею ни малейшего желания вспоминать о нем. Позвольте представить вам моего сына Рейча Селдона. Как видите, я тоже не один.

Рейч очень вырос. Теперь он ходил с усами — густыми, черными, как подобает истинному далийцу. Восемь лет назад, когда он познакомился с Селдоном, никаких усов у него, конечно, не было и в помине. Тогда он был беспризорником, голодным оборвышем. Он был невысок, но крепок, мускулист и ловок, глаза его дерзко сверкали, словно он старался за счет заносчивости прибавить пару-тройку дюймов к своему росту.

— Доброе утро, молодой человек, — поздоровался с Рейчем Джоранум.

— Доброе утро, сэр, — учтиво ответил Рейч.

— Прошу садиться, джентльмены, — пригласил гостей Селдон. — Могу я предложить вам чего-нибудь выпить или закусить?

Джоранум поднял руки вверх.

— Нет-нет, сэр. Мы же не в гости к вам явились. — Опустившись в кресло, он добавил: — Хотя очень надеюсь, что в будущем и в гости мы к вам не раз зайдем.

— Ну если речь о деле, то я весь внимание.

— До меня дошли слухи, профессор Селдон, о том маленьком происшествии, которое вы столь любезно согласились не вспоминать, вот я и удивился, почему вы решились на отчаянный поступок? Ведь это было рискованно, согласитесь.

— Представьте себе, я так не думал.

— А вот я думал. Потому и решил узнать о вас по возможности больше, профессор Селдон. Вы интересный человек. Вы с Геликона, если не ошибаюсь...

— Да, я там родился. Ваши сведения точны.

— А на Тренторе вы восемь лет.

— Это тоже ни для кого не секрет.

— А знаменитость вам принес самый первый доклад о том... как это вы называете, о психоистории, не так ли?

Селдон едва заметно покачал головой. Как часто он сожалел об этой неосторожности! Конечно, тогда ему и в голову не могло прийти, что это неосторожность. Он улыбнулся.

— Юношеский энтузиазм. Из этой затеи ничего не вышло.

— Так ли? — Джоранум оглядел кабинет с довольным изумлением. — И все-таки вы нынче декан математического факультета в одном из самых престижных университетов Трентора, а ведь вам всего сорок, если я не ошибаюсь. Мне, между прочим, сорок два, поэтому я не смотрю на вас с высоты возраста. Видимо, вы просто-таки выдающийся математик, коли сумели добиться такого высокого положения.

Селдон пожал плечами:

— Мне как-то в голову не приходило думать об этом.

— Либо вы выдающийся математик, либо у вас влиятельные друзья.

— Никто не отказался бы от протекции влиятельных друзей, мистер Джоранум, но тут, я думаю, вы ошибаетесь. У университетских профессоров такие друзья — редкость, да и вообще друзья, если на то пошло.

Он улыбнулся.

Улыбнулся и Джоранум.

— А как вам кажется, Император — влиятельный друг, профессор Селдон?

— Влиятельный, конечно, но какое это имеет отношение ко мне?

— А у меня такое впечатление, знаете ли, что Император — ваш друг.

— Уверен, в моем досье, мистер Джоранум, есть отметка о том, что я побывал на аудиенции у Его Императорского Величества восемь лет назад. Наша встреча длилась около часа, и тогда я не заметил с его стороны каких-либо признаков дружеского расположения. С тех пор я с ним ни разу не встречался и даже не видел его — ну, разве что по головидению.

— Но, профессор, вовсе не обязательно встречаться с Императором лично, для того чтобы он числился во влиятельных друзьях. Вполне достаточно встречаться с Эдо Демерзелем, премьер-министром Императора. Демерзель — ваш опекун, а раз так, можно с уверенностью сказать, что и Император тоже.

— Простите, вы эти сведения тоже из моего досье почерпнули — относительно того, что премьер-министр — мой опекун? Или отыскали что-то другое, что позволило вам прийти к такому заключению?

— Зачем заглядывать в досье, когда и так прекрасно известно, что между вами существует связь? Вы это знаете, и я тоже это знаю. Так давайте примем это как данность и продолжим. И прошу вас, — он снова поднял руки в знак протеста, — только не надо искренних возражений, умоляю. Пустая трата времени, ничего больше.

— На самом деле, — сказал Селдон, — я как раз собирался спросить вас: почему вы так уверены в том, что ему вздумалось оказывать мне протекцию? С какой стати?

— Профессор! Ну зачем вы так? Хотите выставить меня наивным дурачком? Я имею в виду вашу психоисторию, ведь она так нужна Демерзелю.

— А я вам уже сказал, что все это — не более чем юношеские мечты, которые ни к чему не привели.

— Вы мне можете говорить что угодно, профессор, но я не собираюсь верить каждому вашему слову. Позвольте, я вам скажу откровенно. Я читал тот ваш доклад и попытался понять, о чем в нем речь. Мне помогли математики. У меня и математики в штате имеются, вы не думайте. Так вот, они сказали, что это дикая мечта и совершенно невозможно, чтобы она осуществилась.

— Я с вами полностью согласен, — кивнул Селдон.

— И все же у меня такое чувство, что Демерзель ждет, когда вы свою психоисторию разработаете и внедрите в практику. Ну а если он не ждет, я согласен ждать. И для вас, профессор Селдон, было бы намного лучше, если бы я подождал.

— Это почему же?

— Потому что Демерзель на своем посту долго не удержится. Общественное мнение все сильнее отворачивается от него.

Очень может быть, что скоро, когда Император устанет от присутствия рядом с собой непопулярного премьер-министра, грозящего опрокинуть трон, на котором Император восседает, он быстренько подыщет замену. И очень может быть, что этой заменой окажется моя скромная персона. А вам все равно нужен будет опекун, кто-то, кто сможет обеспечить вам сносное существование и спокойные условия для работы.

— И этим опекуном станете вы?

— Конечно, и по той же самой причине, по которой эту роль исполняет Демерзель. Мне нужен практический метод применения психоистории, с помощью которого я мог бы более успешно править Империей.

Селдон понимающе кивнул; немного помолчав, он сказал:

— В таком случае, мистер Джоранум, что толку мне об этом задумываться? Я ведь всего-навсего скромный ученый, живущий тихой жизнью, занятый безвредной математической и педагогической деятельностью. Следовательно, я совершенно спокойно могу продолжать заниматься своими делами. Деритесь себе на здоровье с премьер-министром. Кто бы из вас ни победил, у меня все равно будет опекун — ну, *так* я вас, по крайней мере, понял.

Джоранум прищурился.

— Доктор Селдон, вы патриот?

— Ну конечно. Империя дала человечеству тысячелетия мира — во всяком случае, в основном мира — и обеспечила неуклонное развитие.

— Все точно. Но только прогресс несколько замедлился в последние пару столетий.

Селдон рассмеялся.

— Я таких подробностей не изучал.

— А вам и не нужно. Вы знаете, что в политическом смысле последнее столетие, да и предыдущее, было временем непрерывных заварушек. Царствование каждого из Императоров долго не длилось и порой еще более сокращалось за счет покушений...

— Даже разговор об этом, — прервал его Селдон, — равен измене. Лучше бы вам не...

— Послушайте, — сказал Джоранум, откинувшись на спинку кресла, — видите, как все шатко? Империя гибнет. И я готов говорить об этом открыто. И мои последователи также не боятся говорить об этом открыто, поскольку на все сто уверены в этом. Нам нужен некто, стоящий по правую руку от Императора, кто мог бы управлять Империей, подавлять бунтовские настроения, которые то и дело вспыхивают где угодно, привести вооруженные силы в состояние боеготовности, в котором им просто подобает находиться, возглавить экономику...

Селдон протестующе взмахнул рукой.

— И вы все это сумеете, так, что ли?

— Мне хотелось бы стать этим человеком. Дело будет нелегким, и сильно сомневаюсь, что выискалось бы много охотников им заняться, да это и понятно. Демерзель, безусловно, уже не тянет. При нем упадок Империи только ускоряется, и скоро дело дойдет до полного распада.

— А вы, стало быть, можете предотвратить упадок?

— Да, доктор Селдон. С вашей помощью. С помощью психоистории.

— Но, может быть, и Демерзель смог бы остановить упадок с помощью психоистории, если бы такая наука существовала?

Джоранум, не моргнув глазом, заявил:

— Она существует. И давайте не будем притворяться, что это не так. Однако ее существование Демерзелю не помогает. Психоистория — не более чем инструмент. Значит, нужен разум, чтобы понять ее, и умение, чтобы работать.

— И все это у вас, как я понимаю, имеется?

— Да. Я знаю, на что способен. Мне нужна психоистория. Я хотел бы ею пользоваться. Я хочу ее иметь.

Селдон покачал головой.

— Хотеть не запрещается. У меня ее нет.

— Нет, есть. И спорить я не намерен.

Джоранум наклонился вперед, словно хотел, чтобы Селдон лучше его расслышал.

— Вы утверждаете, что вы — патриот. Я обязан сместить Демерзеля и занять его место ради предотвращения распада Империи. Однако сам факт смены лидеров может отчаянно ослабить и без того шаткое положение. Вы ведь не хотите этого? Вот вы и подскажите мне, как нужно действовать, чтобы добиться желаемого деликатно, без вреда и шума, — ради жизни всех нас.

— Я не могу, — сказал Селдон. — Вы приписываете мне

знания, которыми я не обладаю. Хотел бы помочь, но, увы, не имею возможности.

Джоранум резко встал.

— Хорошо. Теперь вам все известно. Вы знаете, что у меня на уме и чего я хочу от вас. Подумайте. А больше подумать прошу об Империи. Вам, может быть, кажется, что вы чем-то обязаны Демерзелю — этому отравителю всех населенных людьми миллионов планет — ну, например, дружеским расположением. Будьте осмотрительны. То, чем вы занимаетесь, способно поколебать самые основы Империи. Я прошу вас о помощи во имя квадриллионов людей, населяющих Галактику. Повторяю, подумайте об Империи.

К концу тирады голос Джоранума перешел на могущественный полушепот. Селдон почувствовал, что его пробирает дрожь.

— Я и не забываю об Империи, — ответил он.

— Вот и все, о чем я прошу вас сейчас, — сказал Джоранум. — Благодарю за то, что приняли и выслушали меня.

Селдон проводил взглядом Джоранума и его спутника и еще долго смотрел на бесшумно закрывшуюся дверь.

Он нахмурился. Что-то не давало ему покоя, но *что*, он сам пока понять не мог.

Глава 7

Намарти не спускал с Джоранума глаз. Оба сидели в надежно экранированном офисе в секторе Стрилинг. Пока тут было весьма скромно — позиции партии Джоранума в Стрилинге были еще слабоваты, но это ничего, скоро они тут обоснуются посолиднее.

Просто поразительно, как быстро пустило корни их движение. Всего лишь три года назад их деятельность была начата на пустом месте, а теперь вовсю давала ростки — где-то заметнее, где-то меньше — по всему Трентору. Внешние Миры пока что оставались практически недоступными. Демерзель упорно трудился, оберегая их покой, но в этом как раз и состояла его ошибка. Именно здесь, на Тренторе, бунты были особенно опасны. Где угодно их можно было взять под контроль, остановить. А здесь Демерзеля можно было одолеть. Странно, что

он этого не понимал, однако Джоранум всегда придерживался мнения о том, что репутация Демерзеля раздута, что, если кому-нибудь взбрело бы в голову ковырнуть острым ножом, драгоценная раковина оказалась бы пустой, и что Император не стал бы с ним долго церемониться, если бы его собственная жизнь была поставлена на карту.

Пока, по крайней мере, все прогнозы Джоранума сбывались. До сих пор у него не было ни единого промаха, не считая досадного провала в Стрилингском университете, случившегося с легкой руки этого Селдона.

Именно поэтому Джоранум и напросился к нему с визитом. В его деле мелочей не было. Любую занозу нужно было немедленно удалять. Джоранум наслаждался чувством непотопляемости, и Намарти вынужден был признать, что неразрывная цепь успехов являлась надежнейшим залогом того, что цепь эта и далее останется неразрывной. Людям свойственно принимать сторону победителя, пусть даже его мнение расходится с их собственным. Дилетантов и неудачников люди не жалуют.

Но вот была ли беседа с Селдоном звеном в цепи успехов или стала следующей занозой? Намарти был вовсе не в восторге от того, что Джоранум потащил его с собой извиняться, да и толку от этого, по его впечатлению, не вышло никакого.

Теперь Джоранум сидел, задумавшись и посасывая большой палец, словно пытался высосать оттуда что-то питательное.

— Джо-Джо, — негромко произнес Намарти. Он был одним из немногих, кому было позволено так обращаться к Джорануму в приватной обстановке, называя его этим уменьшительным именем, которое нараспев выкрикивали толпы народа. Джоранум мирился с этим на публике, но в личных беседах требовал к себе уважения от всех, исключения делались для немногих преданных друзей, с которыми его связывали долгие отношения. — Джо-Джо, — повторил Намарти.

Джоранум поднял взгляд.

— Да, Джей Ди, в чем дело? — отозвался он несколько раздраженно.

— Что мы будем делать с этим Селдоном, Джо-Джо?

— Делать? Пока ничего. Позднее, может быть, он присоединится к нам.

— Но зачем ждать? Можно надавить на него. Потянуть за

кое-какие ниточки в университете, и ему небо с овчинку покажется.

— Нет-нет. Пока Демерзель нам не мешал идти своей дорогой. Тупица. Он слишком доверчив. Но меньше всего мне хотелось бы, чтобы он начал действовать, до того как мы будем полностью готовы. А непродуманный, грубый шаг в отношении Селдона может спровоцировать Демерзеля на ответные действия. Думаю, Демерзель возлагает на Селдона большие надежды.

— Из-за этой самой психоистории, что ли?

— Именно.

— А что это за штука? Я об этом не слыхал даже.

— Не ты один. Это математический подход к анализу человеческого общества, в результате которого становится возможным предсказание будущего.

Намарти нахмурился и невольно отодвинулся подальше от Джоранума. Что он, шутит, что ли? Хочет насмешить его? У Намарти с чувством юмора всегда было туго.

— Предсказание будущего? — переспросил он. — Это как?

— Ха! Если бы я знал как, зачем бы мне было нужно таскаться к Селдону?

— Честно говоря, не верится мне в это, Джо-Джо. Как можно предсказывать будущее? Как гадалки?

— Я тоже так думал, но, после того как Селдон испортил затеянный тобой митинг, я поинтересовался его карьерой. От и до. Восемь лет назад он явился на Трентор и прочел доклад о психоистории на математическом конгрессе. И все. Больше он к этому не возвращался. Полное молчание.

— Похоже, что в этом и нет ничего.

— О нет, как раз наоборот. Если бы не наступила сразу же после доклада тишина, если бы сообщения шли на убыль постепенно, если бы критики высмеяли его доктрину, вот тогда, согласен, ничего бы в этом не было. Но это внезапное молчание означает, что вся ситуация вокруг психоистории помещена в самый мощный морозильник. Очень может быть, именно поэтому Демерзель нас и пальцем не трогает. Очень может быть, что им руководят не дурацкая доверчивость и верхоглядство, а психоистория, с помощью которой предсказано нечто такое, чем Демерзель решил воспользоваться в нужный момент. Коли

так, мы провалимся, если только не сумеем сами воспользоваться психоисторией.

— Но Селдон утверждает, что ее не существует.

— А ты бы не утверждал, будь ты на его месте?

— Все равно я считаю, что на него стоит надавить.

— Бесполезно, Джей Ди. Ты когда-нибудь слыхал рассказ о топоре Венна?

— Нет.

— Если бы ты был тоже с Нишайи, наверняка слыхал бы. У меня на родине это знаменитая сказка. Короче говоря, этот Венн был лесоруб, и у него был волшебный топор, которым можно было без труда свалить любое дерево. Сам понимаешь, вещь жутко ценная, но Венн не старался ни от кого прятать свой топор. И тем не менее никто и не пытался его украсть, поскольку никто, кроме самого Венна, не в силах был поднять топор, не говоря уже о том, чтобы размахнуться и ударить им по дереву.

Ну так вот, в настоящее время никто, кроме Селдона, не в силах управиться с психоисторией. Окажись он на нашей стороне только потому, что мы вынудили его к этому, мы никогда не сможем быть уверенными в его верности. Разве он не сумеет предпринять такие действия, что они покажутся нам полезными и нужными, но проделает это так хитро, что в конце концов мы сядем в лужу? Нет, на нашу сторону он должен перейти добровольно и работать на нас, потому что будет желание, чтобы мы победили.

— И как же мы этого добьемся?

— У Селдона есть сын. Рейч — вроде бы так он его называл. Ты его хорошо рассмотрел?

— Не очень.

— Ох, Джей Ди, Джей Ди, проиграешь, друг мой, если не будешь во все как следует вникать. В нашем деле надо глядеть в оба. Этот юноша меня слушал с горящими глазами. На него мои доводы явно произвели впечатление. Единственное, что я про себя знаю точно, так это то, какое впечатление произвожу на людей. Я всегда знаю наверняка, когда я человека потряс до глубины души, когда мой слушатель и зритель готов передумать.

Джоранум улыбнулся. Только теперь на лице его играла не формальная полуулыбка-маска, которую он выносил на пуб-

лику. На этот раз это была холодная и, пожалуй, даже страшная ухмылка.

— Подумаем, как нам быть с Рейчем, — сказал он, — и нельзя ли добраться до Селдона через него.

Глава 8

После того как двое политиканов ретировались, Рейч пригладил усы и взглянул на Селдона. Он испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие, приглаживая усы. Здесь, в секторе Стрилинг, кое-кто из мужчин носил усы, но им было безнадежно далеко до Рейча. А большинство разгуливали с сиротливо оголенными верхними губами. Селдон тоже был безусый, а потому на Рейча производил впечатление внешне человека унылого, без изюминки. Да, собственно, при его цвете волос от усов проку было бы мало.

Рейч немного подождал, думая, что Селдон сам выйдет из раздумий, но в конце концов не выдержал.

— Па! — окликнул он профессора.

Селдон посмотрел на него и растерянно спросил:

— Что?

Наверное, рассердился, что я побеспокоил его, решил Рейч и сказал:

— Мне кажется, ты зря принял этих парней.

— О? Это почему же?

— Ну, этот-то, худющий, не помню, как его звать, это же тот самый, кого ты отделал тогда, на поле. Он наверняка это запомнил.

— Он же извинился.

— Он этого не хотел. А другой, Джоранум, этот вообще, по-моему, личность опасная. А если бы у них было оружие?

— Что? Здесь, в университете? В кабинете? Нет, невозможно. Тут тебе не Биллиботтон. Да и потом, даже если бы они попытались затеять потасовку, я бы с ними легко управился. С обоими.

— Не знаю, — покачал головой Рейч. — Ты...

— Молчи, неблагодарное чудовище, — прервал его Селдон, предостерегающе подняв указательный палец. — Сейчас ты начнешь говорить точно так же, как твоя матушка, а я от нее

уже наслушался. Я не старею, по крайней мере, не слишком еще состарился. И потом, ты был рядом, а ты в драке мне не уступишь.

Рейч наморщил нос.

— От драки толку чуть. — Он, конечно, хотел сказать: «драться бесполезно». Время от времени, хотя прошло уже целых восемь лет, Рейч нет-нет да и сбивался на далийский акцент, безошибочно указывающий на его происхождение из низших слоев общества. Вдобавок он был невысокого роста, и это порой жутко раздражало его. Но главное, у него были усы, и никому не удавалось пока унизить его. — А что ты собираешься делать с этим Джоранумом?

— Пока ничего.

— Послушай, па. Я пару раз видел Джоранума по головизору. Я даже записал его речи. Про него же все болтают напропалую, вот я и решил посмотреть, что он скажет. И знаешь, что-то есть в его трепе. Мне он ничуточки не нравится, я не верю ему, и все-таки что-то в нем есть этакое. Он хочет, чтобы у всех секторов были равные права и возможности, — в этом же нет ничего дурного, верно?

— Конечно, нет. Любой цивилизованный человек подписался бы под этим.

— Так почему же тогда у нас все не так? Император под этим подпишется? А Демерзель?

— Императору и премьер-министру приходится заботиться обо всей Империи. Они не могут все время думать только о Тренторе. А Джорануму легко разглагольствовать о равенстве. У него никакой ответственности ни за что нет. Занимай он правящий пост, он бы быстро убедился, что это колоссальный труд — править двадцатью пятью миллионами миров. Да и не только в этом дело. Он бы постоянно сталкивался с сопротивлением, которое бы оказывали ему сами секторы. Каждому из них хочется побольше равенства для себя — но не столько же для других. Скажи, Рейч, тебе не кажется, что Джорануму надо бы дать возможность поуправлять, хотя бы для того, чтобы мы увидели, на что он способен?

— Не знаю, — пожал плечами Рейч. — Я просто думаю... Но я точно знаю, если бы он попробовал тебя хоть пальцем тронуть, я бы его придушил на месте.

— Следовательно, любовь ко мне для тебя стоит выше судьбы Империи?

— Еще бы. Ты — мой отец.

Селдон с любовью посмотрел на Рейча, но не прочел в его взгляде того, что позволило бы ему окончательно успокоиться. Каковы были на самом деле гипнотические чары Джоранума?

Глава 9

Гэри Селдон откинулся на спинку стула, которая слегка подалась назад. Полулежа, закинув руки за голову, он прикрыл глаза. Казалось, он дремлет.

Дорс Венабили сидела в противоположном конце комнаты около выключенного вьюера. Микрофильмы, просмотренные ею, уже были убраны в футляры. Сегодня она основательно покопалась в них, проверяя правильность своей точки зрения относительно Флоринского Инцидента, имевшего место на раннем этапе истории Трентора, и решила, что пора передохнуть. Интересно, о чем сейчас думает Гэри?

Наверное, о психоистории. Скорее всего у него уйдет весь остаток жизни на разработку подходов к этому полухаотичному методу, а закончить работу он так и не успеет и будет вынужден передать ее другим (в частности, Амарилю, если этот молодой человек к тому времени тоже не сломает голову на психоистории), и это разрывает его сердце.

Однако именно это давало ему силы для жизни. Он непременно проживет дольше, когда каждый его день с утра до ночи занят делом, и это радовало Дорс. Но она знала, что настанет день, когда потеряет его, и мысль эта пугала ее. Она и подумать не могла раньше, что будет так, — раньше, когда ее задача была проще простого — беречь его ради сохранения его знаний.

Когда же все это стало для нее личным делом? И могло ли быть теперь что-то более личное? Что такого было в этом человеке, что заставляло ее волноваться всякий раз, когда его не было рядом, — даже тогда, когда она была твердо уверена, что с ним все в порядке, и по идее, заложенные внутри нее рефлексы не призывали ее ни к каким действиям? Ведь ей было приказано всего-навсего заботиться о его безопасности. Откуда же взялось все остальное?

Давным-давно она поговорила об этом с Демерзелем — тогда, когда твердо убедилась, что чувства не обманывают ее.

Он грустно посмотрел на нее и сказал:

— Простых ответов не жди, Дорс. Ты сама не так проста. Я в своей жизни тоже изредка встречаю людей, рядом с которыми мне было легче думать, приятнее существовать, проще проявлять ответные реакции. Я пытался оценить причину легкости моих реакций в их присутствии и трудности — в их отсутствие, чтобы понять, что я приобретаю или теряю. В конце концов стало ясно, что радость от их общества перевешивала печаль от их исчезновения. Так что уж лучше испытывать такие чувства, какие ты испытываешь сейчас, чем наоборот.

Дорс подумала: «Настанет день, и Гэри уйдет, и этот день с каждым часом все ближе, и думать об этом я не должна».

Именно затем, чтобы избавиться от этой навязчивой мысли, она окликнула мужа:

— Гэри, о чем ты думаешь?

— Что?

Селдон открыл глаза и посмотрел на Дорс.

— Скорее всего о психоистории. Наверное, зашел в очередной тупик?

— Да ну... Вовсе не об этом я думал. Знаешь, о чем? — спросил он, негромко рассмеявшись. — Ни за что не догадаешься. О волосах!

— О волосах? Вот это номер! О чьих же?

— В данный момент — о твоих, — сказал Селдон и с любовью посмотрел на жену.

— С ними что-нибудь не в порядке? Может, перекрасить их в другой цвет? Наверное, я должна была уже поседеть?

— Брось! Твоим волосам не нужна седина... Понимаешь, эта мысль заставила меня подумать о совершенно посторонних вещах. К примеру, о Нишайе.

— Нишайя? Это что?

— Видишь ли, Нишайя не была частью доимперского Трентворианского Королевства, потому я вовсе не удивлен, что ты о ней даже не слышала. Это планета, очень маленькая. Изолированная. Никому не нужная и не интересная. Да и я о ней в конце концов узнал только потому, что поинтересовался. Мало какому из двадцати пяти миллионов миров удавалось добиться такого головокружительного взлета известности, причем среди

них вряд ли отыщется столь малозначительный мир, как Нишайя... А ведь это интересно, не правда ли, и весьма значительно.

Дорс отодвинула в сторону справочные материалы и спросила:

— Ты решил в очередной раз поупражняться в парадоксах? К чему этот разговор о значительности и незначительности?

— О, я вовсе не выдумываю никаких парадоксов, даже тогда, когда они у меня получаются. Понимаешь, Джоранум ведь с Нишайи.

— А, так ты думаешь о Джорануме?

— Да. Я просмотрел одно из его выступлений — по настоянию Рейча. Смысла в нем, прямо скажем, немного, но общее впечатление поистине гипнотическое. На Рейча он подействовал именно так.

— Думаю, так бы он подействовал на любого далийца, Гэри. Непрерывные призывы Джоранума к равенству секторов, естественно, найдут отклик в сердцах униженных термальщиков. Ты же помнишь Даль?

— Отлично помню и нисколько не виню мальчика. Мне просто не дает покоя то, что Джоранум родом с Нишайи.

Дорс пожала плечами:

— Ну, должен же он быть откуда-то родом, и, наоборот, Нишайя время от времени должна порождать выдающихся людей, выдающихся даже по тренторианским меркам.

— Все верно, но, как я тебе уже сказал, я поинтересовался Нишайей. Мне даже удалось выйти на гиперпространственную связь с одним второстепенным служащим, что стоило мне довольно значительной суммы, которую я при всем желании не могу представить для оплаты на факультет.

— Ну, и узнал ты что-нибудь такое, что оправдало бы затраты?

— Похоже, узнал. Понимаешь, Джоранум то и дело вставляет в свои речи всяческие рассказы — легенды своей родной планеты. И это служит ему хорошую службу здесь, на Тренторе, поскольку он производит впечатление человека из народа, наполненного до краев доморощенной философией. Эти рассказы оживляют его речь, создается впечатление, что он — уроженец маленькой планеты, выросший на далекой одинокой ферме, расположенной в пасторальной, экологически чистой

местности. Людям это нравится — особенно тренторианцам, которые скорее умрут, чем согласятся переселиться куда-нибудь в экологически чистую местность, но зато обожают мечтать о таком.

— Ну и что?

— А то, что тот человек с Нишайи, с которым я говорил, ни сном ни духом не ведает ни о каких таких сказках.

— Это не имеет значения, Гэри. Какая бы это ни была маленькая планета, это все равно планета. То, что у всех на устах в той местности, где родился Джоранум, может быть неведомо никому в тех краях, откуда родом человек, с которым ты беседовал.

— Нет-нет. Народные предания, в том или другом варианте, как правило, гуляют по всей планете. И потом, понимаешь, я с трудом разбирал то, что мне говорил этот человек. Говорил он на стандартном галактическом, но с таким жутким акцентом, что понять было почти невозможно. Ради проверки я поговорил еще кое с кем с этой планеты — то же самое.

— И что?

— У Джоранума — ни малейшего акцента. У него приятный тренторианский выговор, совершенно безупречный. Получше моего, если на то пошло. Я, к примеру, грассирую «р» — так говорят на Геликоне. Он — нет. Судя по его досье, он прибыл на Трентор, когда ему было уже девятнадцать. На мой взгляд, совершенно невероятно провести первые девятнадцать лет жизни, говоря на варварском диалекте Нишайи, а потом оказаться на Тренторе и утратить все следы акцента. Как бы долго он ни жил здесь, все равно что-то должно было бы в его выговоре остаться такое... Ты на Рейча посмотри — он же то и дело сбивается на свои далийские штучки.

— И какой же вывод ты сделал?

— Вывод? Какой вывод? Сижу весь вечер и пытаюсь сделать вывод, прямо как какая-нибудь дедукционная машина. Вывод такой: Джоранум не с Нишайи. На самом деле, я думаю, он избрал Нишайю как вымышленную родину именно потому, что это такая отсталая, малозначительная планета, что никому и в голову не придет там наводить о нем справки. Вероятно, он осуществил скрупулезнейшую компьютерную проверку в поисках такого мира, в отношении которого его наименее вероятно было бы уличить во лжи.

— Но это смешно, Гэри. Зачем ему придумывать себе ложную родину? Из-за этого ему пришлось бы страшно фальсифицировать все свое досье.

— Именно это он, по всей вероятности, и сделал. Полагаю, у него достаточно последователей в муниципальных службах, чтобы он без труда мог это проделать. Скорее всего никому и в голову не пришло проверять его утверждения, а все его последователи — слишком убежденные фанатики, чтобы вообще заводить такие разговоры.

— И все-таки, зачем?

— Затем, думаю, что Джоранум не хочет, чтобы люди знали, откуда он родом на самом деле.

— Но почему? Все планеты в Империи равны — и в отношении закона, и в отношении традиций.

— Не знаю. Не уверен. В реальной жизни чаще всего все обстоит не так идеально.

— Ну и откуда же он тогда? У тебя есть какая-то догадка?

— Да. Она возвращает нас к разговору о волосах.

— При чем тут волосы?

— Понимаешь, покуда я беседовал с Джоранумом, я все время чувствовал себя не в своей тарелке и никак не мог понять почему. Наконец я понял, что это из-за его волос. Что-то в них было такое — густота, блеск... какая-то неестественная красота — я такой раньше никогда не видел. И вдруг я понял. У него искусственные волосы, старательно выращенные на черепе, который, по идее, должен бы быть лысым.

— Должен бы? — прищурилась Дорс. Похоже было, она все поняла. — Ты хочешь сказать...

— Да, хочу. Он из архаичного, напичканного мифами трентворианского сектора Микоген. Вот именно это он и пытается скрыть.

Глава 10

Дорс Венабили холодно и трезво задумалась. Собственно, она только так и умела думать — холодно и трезво, в отличие от того, как вела себя во время эмоциональных вспышек.

Она закрыла глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Прошло восемь лет с тех пор, как они с Гэри побывали в Микогене, да и

пробыли там совсем недолго. Восторгаться там, прямо скажем, было нечем, разве только пища вызывала восхищение.

В сознании ее мало-помалу воскресала картина... Странное, пуританское, патриархальное сообщество... Там действительно удаляли всю растительность с тела, и делалось это исключительно для того, чтобы противопоставить себя всем остальным, для того, чтобы «понять, кто такие микогенцы»... Легенды, воспоминания (или выдумки) о тех временах, когда они правили Галактикой, когда жизнь их длилась долго, когда существовали роботы...

Дорс открыла глаза и спросила:

— Зачем, Гэри?

— Зачем что, дорогая?

— Зачем ему скрывать, что он из Микогена?

Она вовсе не думала, что Гэри помнит о Микогене больше ее, и помнить не мог, но у него был совсем другой ум — не лучше и не хуже, а просто другой. Ее ум был способен лишь на то, чтобы запоминать и делать очевидные заключения в форме математической дедукции. А ум Гэри порой делал самые неожиданные скачки. Селдон, правда, старался делать вид, будто бы интуиция — это из той области, которая свойственна исключительно его ассистенту, Юго Амарилю, но Дорс он не мог обмануть. Селдон пытался производить и другое впечатление — несколько странноватого математика, который взирает на мир, не переставая удивляться, но и в этом он тоже не мог обмануть Дорс.

— Так зачем же ему скрывать, что он из Микогена? — повторила Дорс свой вопрос.

Селдон сидел, глядя в одну точку. Когда он вот так сидел, Дорс чутьем понимала, что он пытается извлечь нечто ценное из принципов психоистории, что помогло бы прояснить конкретный вопрос.

Наконец Селдон ответил:

— Микоген — жестокое сообщество с уймой ограничений. Там всегда отыщется кто-то, кто взбунтуется против их диктата над делами и мыслями. Всегда отыщется кто-то, кто захочет раствориться в общей массе, кто возжелает попасть в более раскрепощенный мир за пределами такого сообщества. Это вполне понятно.

— И поэтому они принялись выращивать искусственные волосы?

— Не совсем так. Чаще всего Отступники — именно так микогенцы именуют предателей и, безусловно, презирают их — носят парики. Это гораздо проще, но намного хуже. Как мне сказали, настоящие Отступники выращивают искусственные волосы. Процесс этот непростой, и стоит такая операция немалых денег, но в результате получается почти неотличимо от настоящих волос. Слыхать-то я об этом слыхал, но напрямую никогда не сталкивался. Несколько лет подряд я потратил на изучение всех восьмисот секторов Трентора, пытаясь выработать основные принципы и математическую основу психоистории. Пока я мало чем могу похвастаться, увы, но я узнал-таки кое-что.

— Но все же зачем Отступникам скрывать, что они — из Микогена? Ведь их никто не преследует за это, насколько мне известно.

— Нет, не преследует. На самом деле нет такого отношения к микогенцам как к людям второго сорта. Все гораздо хуже. Их никто не принимает всерьез. Да, они умны — это признают все; они высокообразованны, честолюбивы, воспитанны, сущие мудрецы в том, что касается гурманства, поистине устрашающи в своей способности поддерживать процветание родного сектора, и все-таки никто не принимает их всерьез. Их убеждения за пределами Микогена создают у людей впечатление глупости, просто невероятной, опереточной глупости. И такое отношение переносится даже на тех микогенцев, которые становятся Отступниками. Попытайся микогенец захватить власть в правительстве — да его же на смех поднимут. Когда тебя боятся — это ерунда. Когда тебя презирают — да нет, и с этим, пожалуй, жить можно. Но вот когда над тобой смеются — это невыносимо. Джоранум хочет стать премьер-министром, значит, у него должны быть волосы, мало того — он должен выставить себя уроженцем какого-то другого мира, причем желательно расположенного как можно дальше от Микогена.

— Но послушай, есть же люди лысые, то есть просто лысые?

— Есть, конечно, но все равно их не спутаешь с теми, кто подвергся полной депиляции по микогенскому закону. Во Внешних Мирах на это всем было бы наплевать. Но само слово

«Микоген» для жителей Внешних Миров — пустой звук. Микогенцы так крепко держатся за свое насиженное место, что мало кто из них когда-либо отправлялся во Внешние Миры. А вот здесь, на Тренторе, все обстоит совсем по-другому. Да, люди тут могут быть лысыми, и все-таки при самой большой лысине у них наблюдаются какие-то остатки волос, и их наличие неопровержимо указывает, что перед вами — никакие не микогенцы. Либо такие люди выращивают искусственные волосы. Те немногие, кто лыс абсолютно и безнадежно, — ну, считай, что им здорово не повезло в жизни. Наверное, им приходится всюду предоставлять справку, что они не микогенцы.

Дорс, слегка нахмурившись, спросила:

— Что это нам дает?

— Пока не знаю.

— А ты мог бы доказать, что он — микогенец, и сделать это достоянием гласности?

— Не уверен, что это будет легко. Он наверняка старательно замел следы, и даже в том случае, если мне удастся...

— Ну?

Селдон пожал плечами:

— Мне бы не хотелось призывать к дискриминации. Социальная ситуация на Тренторе и без того напряженная, так что вовсе незачем выпускать из-под замка страсти, которые потом ни мне, ни кому-то другому станут не подвластны. Если мне и придется выложить этот микогенский козырь, то я выложу его последним.

— Значит, ты тоже желаешь минимализма.

— Естественно.

— И что же в таком случае ты собираешься делать?

— Я договорился о встрече с Демерзелем. Может быть, он знает, что делать.

Дорс взглянула на него.

— Гэри, не обманывай себя. Так дело не пойдет. Разве Демерзель обязан разгадывать за тебя все загадки?

— Нет, но, может быть, эту разгадает.

— А если нет?

— Значит, придется придумать что-нибудь другое.

— К примеру?

Гримаса боли и тоски искривила лицо Селдона.

— Дорс, я не знаю. Не думай, что я тоже способен разгадать любую загадку.

Глава 11

Эдо Демерзель на людях появлялся редко, и единственным, пожалуй, с кем он более или менее часто виделся, был Император. У Демерзеля была масса причин держаться подальше от посторонних взглядов, и одна из них — та, что с годами он почти не менялся внешне.

Гэри Селдон не видел его уже несколько лет, а лично не беседовал еще дольше.

Учитывая то, как прошла недавняя встреча Селдона с Ласкином Джоранумом, и он, и Демерзель понимали, что афишировать их свидание ни в коем случае нельзя. Визит Селдона к премьер-министру в Императорский Дворец не мог остаться незамеченным, поэтому из соображений безопасности они договорились встретиться в небольшом, но роскошно обставленном номере гостиницы, расположенной неподалеку от дворцовой территории.

Увидев Демерзеля, Селдон ощутил боль прошедших лет. Одно лишь то, что Демерзель выглядел точно так же, как всегда, усилило эту боль. Он был все так же высок и статен, с правильными, жесткими чертами лица; в его темных волосах мелькали светлые пряди, но не седины. Лицо его нельзя было назвать красивым, но оно было выразительно. Внешне он поразительно соответствовал идеалу императорского премьер-министра и был совсем не похож на тех, кто занимал этот пост до него. Селдон считал, что одно это давало ему некоторую власть над Императором, а следовательно, и над придворными... и даже над Империей.

Демерзель шагнул навстречу Селдону, радостно, по-доброму улыбаясь. Правду сказать, даже такая искренняя улыбка почти не меняла вечно печального, озабоченного выражения его лица.

— Гэри, — сказал он, — как я рад тебя видеть! А я уж было подумал, что ты передумаешь и не выберешься.

— А я был почти уверен, что передумаете вы, премьер-министр.

— Можно Эдо, если ты боишься называть меня моим настоящим именем.

— Не могу. Из меня его клещами не вытянешь. Ты же знаешь.

— Я вытяну. Произнеси его. Мне было бы так приятно услышать его из твоих уст.

Селдон растерялся. Он просто не мог поверить, что его губы сумеют сложиться для произнесения звуков, что голосовые связки сомкнутся.

— Дэниел... — проговорил он наконец.

— Р. Дэниел Оливо, — кивнул Демерзель. — Пообедаешь со мной, Гэри? Ведь если я буду обедать с тобой, мне не придется есть. Знаешь, это такое облегчение.

— С радостью, хотя подобное одностороннее потребление пищи не вяжется с моим идеалом совместной трапезы. Ну, может, хотя бы кусочек-другой?

— Только чтобы доставить тебе удовольствие.

— Но все равно, — покачал головой Селдон, — я просто не знаю, стоит ли нам проводить вместе долгое время.

— Стоит. Я получил на этот счет соответствующее распоряжение. Его Императорское Величество желает, чтобы мы с тобой встретились.

— Почему, Дэниел?

— Через два года состоится очередной математический конгресс. А ты вроде удивлен. Ты что, забыл?

— Да нет, не то чтобы забыл. Я просто об этом не думал.

— Разве ты не собираешься присутствовать? На предыдущем конгрессе ты был главной сенсацией.

— Угу. С психоисторией. Та еще сенсация.

— Ты привлек внимание Императора. Ни одному математику до тебя такое не удавалось.

— Привлек я сначала твое внимание, а вовсе не Императора. Потом мне пришлось удирать во все лопатки и оставаться в недосягаемости для Императора до тех пор, покуда я не сумел убедить тебя в том, что я вплотную подошел к началу психоисторических изысканий. Только потом ты позволил мне оставаться в спасительной неизвестности.

— Будучи главой математического факультета в престижнейшем учебном заведении? Сомнительная неизвестность.

— И все-таки это так, поскольку эта деятельность — прикрытие для того, чем я на самом деле занимаюсь.

— Ага, вот и обед подали. Давай пока поболтаем о чем-нибудь другом, просто как закадычные друзья. Как Дорс?

— Прекрасно. Настоящая жена. Готова меня таскать всюду на поводке, так трясется за мою безопасность.

— Это ее работа.

— Она мне так и говорит — и слишком часто. Дэниел, если серьезно, я никогда не сумею отблагодарить тебя за то, что ты нас познакомил.

— Спасибо, Гэри, но, если честно, я вовсе не предполагал, что вы обретете семейное счастье, особенно Дорс.

— Огромное спасибо тебе за этот подарок, даже если ты не ожидал такого оборота дел.

— Я рад, но подарок этот сомнительный, и ты это со временем поймешь, такой же сомнительный, как моя дружба.

Селдон не знал, что ответить, и, повинуясь жесту Демерзеля, принялся за еду.

Через некоторое время он приподнял вилку с кусочком рыбного филе и сказал:

— Не могу сказать точно, что это за зверь, но явно микогенского происхождения.

— Точно. Я знаю, как ты любишь тамошнюю кухню.

— Только она и оправдывает существование микогенцев. Но они для тебя что-то значат. Что-то особенное. Я не должен забывать об этом, прости.

— Не стоит. Теперь ничего особенного нет. Их предки давным-давно населяли планету под названием Аврора. Продолжительность жизни там равнялась тремстам годам и больше, и обитатели планеты были властелинами пятидесяти миров Галактики. Именно уроженец Авроры придумал и создал меня. Я не забыл об этом, я это помню даже, пожалуй, слишком хорошо — и не так извращенно, как микогенские потомки обитателей Авроры. Но тогда, давным-давно, я предал их и покинул. Я сделал свой выбор в пользу того, что считал лучше для человечества, и следовал по этому пути все время, стараясь как можно лучше исполнять свой долг.

— Нас не могут подслушать? — спросил вдруг Селдон взволнованно.

Демерзель улыбнулся.

— Если тебе такое пришло в голову только сейчас, то уже слишком поздно. Но не беспокойся, я предпринял необходимые меры предосторожности. Тебя видели считаные единицы. И когда будешь уходить, мало кто увидит. Да и те, кто увидит,

не будут нисколько удивлены. Я имею печальную репутацию математика-любителя с грандиозными замашками, но с весьма скромными способностями. Это удивительно забавляет тех придворных, кто не является моими друзьями, и поэтому здесь никто не удивится, что я проявляю интерес к подготовке приближающегося математического конгресса. Я ведь с тобой как раз о конгрессе хотел поговорить.

— Вот уж не знаю, какой от меня в этом смысле толк. Я мог бы говорить на конгрессе об одном-единственном предмете, но говорить о нем не могу. Если и приму участие, то самое пассивное, как зритель и слушатель. Я не собираюсь представлять никакого доклада.

— Понимаю. И все-таки, если тебе любопытно, имей в виду, что Его Императорское Величество про тебя не забыл.

— Наверное, потому, что ты держишь меня у него в уме.

— Нет. Этим я не занимался. Видишь ли, Его Императорское Величество порой меня просто потрясает. Он в курсе того, что приближается очередной конгресс, и, видимо, не забыл твоего выступления на предыдущем. Его по-прежнему интересуют психоистория и последствия ее применения. Я обязан тебя предупредить. Весьма вероятно, что он возжелает с тобой встретиться. Придворные, безусловно, сочтут, что это великая честь — дважды в жизни получить приглашение во дворец.

— Ты шутишь? Что толку от моей встречи с ним?

— Не знаю, но, если тебя пригласят, отказаться ты будешь не вправе. Ну а как твои юные протеже, Юго и Рейч?

— Полагаю, тебе все о них известно. Уверен, ты с меня глаз не спускаешь.

— Точно. Я не спускаю глаз с твоей безопасности, но не слежу за каждым твоим шагом. Видишь ли, у меня дел по горло, и я не всевидящ.

— А Дорс разве тебе не все докладывает?

— Доложила бы, если бы положение дел стало критическим. Только так, а не иначе. Ей вовсе не улыбается роль домашней шпионки.

Демерзель снова едва заметно улыбнулся.

Селдон откашлялся.

— Мальчики в порядке. С Юго жутко трудно ладить. Он, надо тебе сказать, больше психоисторик, чем я, и у него, по всей вероятности, такое впечатление, что я не даю ему дороги.

Что же до Рейча, то он очаровательный озорник — такой, какой и был. Он запал мне в душу еще тогда, когда слонялся беспризорником по биллиботтонским трущобам, но что самое невероятное — так это то, что Дорс он тоже ухитрился покорить. Я совершенно честно тебе скажу, Дэниел: если я надоем Дорс и она захочет уйти, она все равно не перестанет любить Рейча. — Демерзель кивнул, а Селдон задумчиво продолжал: — А ведь если бы этот сорванец не овладел в свое время сердцем Рейчел из Сэтчема, меня бы теперь тут не было. Пристрелили бы меня как миленького. Знаешь, Дэниел, — добавил он, нервно поерзав на стуле, — я терпеть не могу об этом вспоминать. Ведь это действительно был случай непредсказуемый, невероятный. В чем же мне тут помогла психоистория?

— А разве не ты говорил мне о том, что в лучшем случае психоистория способна оперировать только вероятностями и большими числами и не имеет никакого отношения к конкретным, отдельным людям?

— Но если этот конкретный человек оказывается исключительно важным...

— Думаю, ты понимаешь, что ни один человек в отдельности не может быть исключительно важным. Ни я, ни ты.

— Может быть, ты и прав. Но понимаешь, какая штука... Сколько бы я ни работал в рамках подобных допущений, тем не менее я никак не могу избавиться от мыслей о собственной значимости. Какой-то суперэгоизм, превосходящий все пределы разумного... Но и ты исключительно важная персона, и именно поэтому я так хотел тебя увидеть и поговорить с тобой — насколько возможно откровенно. Я должен знать.

— Что знать?

Со стола уже прибрали, и свет в комнате стал более приглушенным, обстановка казалась более непринужденной, располагающей к интимной беседе.

— Джоранум, — сказал Селдон без лишних слов.

— Ах да!

— Ты знаешь о нем?

— Конечно. Еще бы мне не знать.

— Ну так вот. Я тоже хочу узнать о нем.

— Что именно?

— Слушай, Дэниел, не притворяйся. Он опасен?

— Конечно, он опасен. А что, есть на этот счет какие-то сомнения?

— Для тебя, я хочу сказать. Для твоего положения в ранге премьер-министра.

— Я об этом и говорю. Именно в этом смысле он и опасен.

— И ты миришься с этим?

Демерзель, облокотившись, склонился к столу.

— Существуют такие вещи, которые происходят независимо от того, мирюсь я с ними или нет, Гэри. Давай будем смотреть на все философски. Его Императорское Величество Клеон Первый восседает на троне уже восемнадцать лет, и все это время я служу государственным секретарем и премьер-министром, даже при его отце служил, правда, не так рьяно, как при Клеоне. Срок немалый, и вряд ли кому из премьер-министров удавалось так долго оставаться на своем посту.

— Ты не совсем обычный премьер-министр, Дэниел, и ты это прекрасно знаешь. Ты обязан оставаться у власти, покуда не будет разработана психоистория. Не улыбайся, не надо. Это правда. Когда мы познакомились с тобой восемь лет назад, ты сказал мне, что Империя находится в состоянии разрухи и упадка. Теперь ты думаешь иначе?

— Вовсе нет.

— На самом деле упадок сейчас стал еще более заметен, верно?

— Да, хотя я упорно тружусь над его предотвращением.

— А не будь тебя, это случилось бы? Джоранум поднимает против тебя всю Империю.

— Не Империю, Гэри, только Трентор. Во Внешних Мирах пока все спокойно, несмотря на упадок в экономике и снижение объема торговли.

— Но Трентор — самое главное. Трентор — столичная планета, где мы живем, сердце Империи, административный центр, и именно Трентор способен сбросить тебя. Ты не сможешь удержаться на своем посту, если Трентор скажет тебе «нет».

— Согласен.

— А если ты уйдешь, кто же тогда позаботится о спокойствии Внешних Миров, предотвратит упадок и скорое скольжение Империи по наклонной плоскости вниз, к анархии?

— Но это всего-навсего вероятность.

— Значит, тебе нужно что-то делать. Юго уверен в том, что тебе грозит смертельная опасность, что ты не сможешь удержаться на своем посту. Ему это подсказывает интуиция. Дорс говорит о том же и все объясняет тремя или четырьмя законами...

— Роботехники, — подсказал Демерзель.

— А юный Рейч, похоже, увлечен доктринами Джоранума — он же далиец, сам понимаешь. А я... я в растерянности, потому и решил посоветоваться с тобой. Думал, ты меня как-то успокоишь. Уверь меня в том, что ты держишь ситуацию в руках.

— Уверил бы, если бы был уверен. Но я тоже неспокоен. Я *действительно* в опасности.

— И при этом ничего не делаешь?

— Нет. Я многое делаю для того, чтобы сдерживать недовольство и отражать удары Джоранума. Если бы я этого не делал, я бы уже не работал. Но моей деятельности недостаточно.

Селдон растерялся. Немного помолчав, он сказал:

— Знаешь, я думаю, что Джоранум на самом деле микоген-ец.

— Это действительно так?

— Это всего лишь мое мнение. Я подумывал, нельзя ли воспользоваться этим фактом против него, но мне не хотелось бы прибегать к дискриминации.

— И правильно делаешь, что сомневаешься. Есть масса возможных вариантов действий, которые повлекут за собой совершенно нежелательные эффекты. Видишь ли, Гэри, я ведь не боюсь оставить свой пост, если будет найден подходящий последователь, который будет в своей деятельности придерживаться тех же принципов предотвращения упадка, к которым в своей работе прибегал я. Но, с другой стороны, если мое место займет Джоранум, боюсь, это будет просто-таки фатальный случай.

— Тогда все, что бы ни предприняли, чтобы остановить его, годится.

— Не совсем так. Империя может скатиться в анархию даже при том условии, если мы одолеем Джоранума и я останусь на своем посту. Следовательно, я не должен предпринимать ничего такого, что позволило бы одолеть Джоранума, а мне — остаться на своем посту, если само это деяние ускорит гибель

Империи. Пока я не сумел придумать ничего такого, что позволило бы одновременно избавиться от Джоранума и избежать анархии.

— Минимализм... — прошептал Селдон.

— Прости, не расслышал.

— Дорс объяснила мне, что ты связан рамками минимализма.

— Так оно и есть.

— Значит, я зря пришел к тебе, Дэниел.

— Ты хочешь сказать, что искал успокоения, но не нашел его?

— Похоже, что так.

— Но ведь и я шел на встречу с тобой, потому что тоже искал успокоения.

— У меня?

— У психоистории, которая обеспечила бы такой путь к безопасности, которого я отыскать не могу.

Селдон тяжело вздохнул.

— Дэниел, психоистория пока не разработана до такой степени.

Премьер-министр укоризненно посмотрел на математика.

— Гэри, у тебя было целых восемь лет.

— Восемь, восемьдесят ли, какая разница? Это грандиозная проблема.

— Я вовсе не жду, что методика будет доведена до совершенства, но, может, у тебя появилась хотя бы какая-то схема, остов, что ли, некий принцип, которым можно было бы руководствоваться? Пускай несовершенный, но все-таки лучше, чем гадание на кофейной гуще.

— Нет. То, чем я сейчас располагаю, ничуть не больше, чем у меня было восемь лет назад. Так что выводы будут такие: ты должен оставаться у власти, а Джоранума надо одолеть таким способом, чтобы как можно дольше сохранить стабильность в Империи. Следовательно, это мой единственный шанс продолжать трудиться над разработкой психоистории. Но этого нельзя добиться, пока я не разработаю психоисторию. Верно?

— Похоже, что так.

— Значит, мы зашли в порочный круг и Империя погибнет.

— Если только не случится ничего непредвиденного. Если

только ты не сделаешь так, чтобы нечто непредвиденное случилось.

— Я? Дэниел, как я могу этого добиться без психоистории?

— Не знаю, Гэри.

Селдон поднялся, чтобы уйти... в полном отчаянии.

Глава 12

Четыре дня спустя Гэри Селдон пренебрег своими обязанностями главы факультета и использовал служебный компьютер для личных целей — настроил его на прием новостей.

Компьютеров, способных осуществлять ежедневный сбор новостей из двадцати пяти миллионов миров, были считаные единицы. Несколько таких компьютеров было установлено в Императорском Дворце — там они были просто необходимы. Стояли такие и в столицах других Внешних Миров, хотя в большинстве из них довольствовались гиперсвязью с главной службой новостей на Тренторе.

Компьютер, стоявший на математическом факультете такого крупного университета, как Стрилингский, можно было при желании превратить в источник информации, и Селдон добился того, что его компьютер позволял делать это. В конце концов это было необходимо для его работы над психоисторией, хотя возможности компьютера были старательно завуалированы.

В идеале компьютер должен был сообщать все экстраординарное, что происходило в любом из миров, входивших в состав Империи. Закодированный, едва заметный сигнал обозначал, что известие, относящееся к разряду экстраординарных, поступило, и тогда Селдон обращал на него внимание. Надо сказать, случалось такое крайне редко, поскольку рамки «экстраординарности» были установлены очень жестко, и под это определение подпадали исключительно события глобального масштаба или нечто сверхинтересное.

Если бы этого компьютера не было, пришлось бы связываться время от времени с различными планетами на выбор — не всеми двадцатью пятью миллионами, конечно, а с несколькими десятками из них. Задача эта была нудная и утомительная, поскольку мало в каком из миров ежедневно не происходило какой-нибудь своей маленькой катастрофы. Там — из-

вержение вулкана, там — наводнение, там — экономический кризис, ну и, конечно, бунты. За последнюю тысячу лет не было дня, чтобы хотя бы на одной из сотни планет не вспыхивало народное волнение.

Естественно, обращать особое внимание на подобные случаи нужды не было. Волноваться относительно бунтов стоило ничуть не больше, чем относительно вулканических извержений. И то и другое постоянно происходило в обитаемых мирах. Вот если выдавался денек, когда не происходило ни единого восстания, как раз тогда следовало бы расценивать, что происходит нечто необычное, заслуживающее самого пристального внимания и беспокойства.

А именно беспокойства-то у Селдона и не возникало. Внешние Миры, при всех их беспорядках и бедствиях, казались тихой, спокойной поверхностью громадного океана, на которой почти всегда царил штиль. Ну, пробежит волна повыше — и снова все успокоится. Никаких признаков глобальной кризисной ситуации, которые предвещали бы неминуемый упадок, за последние восемь лет Селдону обнаружить не удавалось, да и за восемьдесят тоже. И все же Демерзель (без него Селдон даже мысленно не мог называть его Дэниелом) говорит, что процесс упадка продолжается и ему приходится постоянно держать руку на пульсе Империи, действуя способами, Селдону недоступными, покуда в его распоряжении не окажется направляющая сила психоистории.

Может быть, упадок происходит так незаметно, что не станет очевиден до тех пор, пока не достигнет некой критической точки, как, к примеру, твой дом, что стоит себе и стоит, потихоньку ветшая, но так незаметно, что поймешь это только тогда, когда в одну прекрасную ночь тебе на голову рухнет крыша.

И когда же она должна рухнуть, эта крыша? Вопрос на засыпку, и ответа на него у Селдона не было.

Время от времени Селдон проверял и оценивал ситуацию на Тренторе. Тут новости во все времена имели особый характер. Во-первых, Трентор был самым населенным миром из всех — здесь жили сорок миллиардов человек. Во-вторых, восемьсот секторов, на которые делился Трентор, представляли собой нечто вроде своеобразной мини-Империи. В-третьих, здесь существовала разветвленная сеть государственных учреждений с невероятно запутанной иерархической структурой,

проследить за которой было крайне трудно, уделяя при этом внимание и поведению царствующей фамилии.

На этот раз Селдона поразило сообщение о результатах выборов в секторе Даль. Там к власти пришли последователи Джоранума. Судя по комментарию, это был первый случай, когда джоранумиты завладели властью над целым сектором.

На самом деле — ничего удивительного. Даль стал главным оплотом джоранумитов, однако Селдона неприятно поразил факт столь очевидного успеха демагога. Он заказал копию видеоматериала и, получив, забрал домой.

Когда Селдон вошел, Рейч оторвался от экрана своего компьютера и, судя по всему, решил, что нужно объяснить отцу, чем это таким он занимается.

— Помогаю маме, — сообщил он. — Собираю для нее кое-какие справки.

— А как насчет твоей собственной работы?

— Сделано, па. Все сделано.

— Отлично. А теперь погляди-ка сюда, — сказал Селдон и показал пленку, собираясь затем вставить ее в микропроектор.

Рейч, прищурившись, просмотрел пленку и сказал:

— Уже знаю.

— Вот как?

— Конечно. Я с Даля глаз не спускаю. Родина как-никак.

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Я не удивлен. А ты? Весь Трентор считает Даль комком грязи. Почему бы тем, кто там живет, не разделять убеждения Джоранума?

— Ты их тоже разделяешь?

— Ну... — Рейч задумался. — Вынужден признаться, кое-что из того, о чем он говорит, задевает меня. Например, что он хочет равенства для всех. Что тут плохого?

— Ничего. Если он не лжет. Если не разглагольствует об этом исключительно ради того, чтобы набрать побольше голосов.

— Все верно, па, но только большинство далийцев скорее всего думают так: «Что нам терять? У нас и сейчас равенства нет, хотя законы утверждают, что оно у нас есть».

— Законы и писать, и контролировать непросто.

— Знаешь, от этой мысли не станет холодно, когда будешь помирать от жары.

Селдон нахмурился. Как только он прочел сообщение об итогах выборов, в голову ему пришла одна идея.

— Послушай, Рейч, — сказал он, — ты ведь не был в Дале с тех самых пор, как мы с мамой увезли тебя оттуда, верно?

— Почему не был? Мы же все вместе ездили туда пять лет назад.

— Да-да, — замахал руками Селдон. — Но это не то. Мы останавливались в гостинице, которая, насколько я помню, даже и далийской не была, и потом, насколько я помню, Дорс не отпускала тебя одного на улицу. Ведь тебе тогда было всего пятнадцать. А не хочешь ли ты съездить в Даль теперь? Один, самостоятельно — теперь, когда тебе уже двадцать?

Рейч прищелкнул языком.

— Мама ни за что не отпустит.

— Я же не говорю, что меня жутко радует мысль о том, как я буду с ней об этом разговаривать, но, честно говоря, я не собираюсь спрашивать у нее разрешения. Вопрос стоит таким образом: согласен ли ты сделать это для меня?

— Из любопытства? Почему бы и нет? Я не прочь поглядеть, что и как там теперь.

— От учебы сумеешь оторваться?

— Конечно. Ведь я еще ни разу не пропускал занятий. И потом, ты же можешь записать лекции, и я наверстаю пропущенное, когда вернусь. Меня отпустят. Ну а если что, так у меня же старик — важная шишка в университете. Ой, па, ты не обиделся?

— Пока нет. Только учти, я тебя не на увеселительную прогулку посылаю.

— Ясное дело. Сомневаюсь, чтобы ты представлял себе, что такое увеселительная прогулка, па. Странно даже от тебя это слышать.

— Ну ладно, пошутили и будет. Когда ты попадешь в Даль, я хочу, чтобы ты встретился там с Ласкином Джоранумом.

Рейч удивился не на шутку.

— Это как? Как я его найду?

— Он собирается в Даль. Его пригласили выступить в Совете сектора вместе с новыми членами правительства сектора, его последователями. Мы выясним точно, в какой день он будет выступать, и ты отправишься в Даль на несколько дней раньше.

— Но как я сумею повидаться с ним, па? Думаю, он не устраивает приемов.

— Я тоже так думаю, но тут уж тебе карты в руки. Тебе было двенадцать, а ты уже тогда знал, как это делается. Надеюсь, за последние годы ты не утратил этого замечательного качества.

Рейч улыбнулся.

— Я тоже надеюсь. Ну, допустим, я к нему попаду. И что?

— Нужно будет выяснить все возможное. Что он собирается делать? Что у него на уме?

— Ты что, серьезно думаешь, что он мне все это выложит?

— Не удивлюсь, если все так и получится. Ты умеешь внушать доверие, паршивец, умеешь. Давай все обсудим.

И они обсудили. И не раз.

Мысли у Селдона были невеселые. Он вовсе не был уверен, что что-то получится из его затеи, но решил не посвящать в нее ни Юго Амариля, ни Демерзеля, ни (самое главное) Дорс. Они помешали бы. Они бы принялись доказывать, что идея дурацкая, а он не хотел, чтобы кто-нибудь ему это доказывал. То, что он задумал, казалось ему единственным путем к спасению, и он не желал, чтобы кто-то вставал ему поперек дороги.

Но был ли возможен этот путь? Вот в чем вопрос. Рейч был единственным, на взгляд Селдона, кто мог бы втереться в доверие к Джорануму, но соответствовал ли Рейч этой роли? Рейч — далиец, и у Джоранума он мог вызвать симпатию. Однако насколько ему можно доверять?

Какой ужас! Рейч был его сыном, и до сих пор Селдону и в голову не приходило усомниться в том, насколько ему можно доверять!

Глава 13

Да, Селдон сомневался во многом — в том, насколько верно все задумал, в том, не вызовет ли задуманное преждевременного взрыва в ходе событий, в том, можно ли быть до конца уверенным, что Рейч справится с порученным делом, но насчет одного у него никаких сомнений не было: насчет поведения Дорс, когда он расскажет ей о своих планах.

И она не разочаровала его, если можно так выразиться.

Нет, в каком-то смысле все-таки *разочаровала*, потому что

она не стала кричать от ужаса — он ведь ожидал чего-нибудь именно в таком роде.

На самом деле зря ожидал. Она была совсем не такая, как обычные женщины, и по-настоящему злой он ее никогда не видел. Очень может быть, она и не умела по-настоящему злиться — *по-настоящему*, с точки зрения Селдона.

Нет, она просто посмотрела на него ледяными глазами и с горечью в голосе проговорила:

— Ты послал его в Даль? Одного?

Тихо так проговорила, вопросительно.

Из-за этого ее спокойствия Селдон поначалу опешил. Но взял себя в руки и твердо, решительно ответил:

— Я должен был это сделать. Это необходимо.

— Погоди, я хочу понять. Ты послал его в это логово воров, трущобы, кишащие убийцами, в эту клоаку преступности?

— Дорс! Не говори так со мной. Это выводит из себя! Такими словами говорят разве что мещане.

— Ты что, отрицаешь, что Даль именно таков?

— Конечно, отрицаю. Да, в Дале есть преступники и трущобы. Я это отлично знаю. Мы оба это отлично знаем. Но не весь Даль таков. Преступники и трущобы есть в каждом секторе, даже в Имперском, и в Стрилинге.

— Но существует такое понятие, как уровень преступности, если не ошибаюсь? Один не равен десяти. Даже если все секторы, все планеты погрязли в преступности, Даль все равно один из самых страшных или нет? У тебя есть компьютер? Посмотри статистику.

— Не стоит. Даль — беднейший из секторов Трентора, а между нищетой, отчаянием и преступностью существует положительная связь. Тут я с тобой согласен.

— Ты со мной согласен! И ты отпустил его одного? Ты мог поехать с ним, мог попросить меня поехать с ним, отправить с ним, если на то пошло, десяток его сокурсников. Они бы с радостью сорвались с занятий, уверена.

— То, ради чего я его послал туда, требует, чтобы он был один.

— А ради чего ты его послал туда?

Селдон молчал, как в рот воды набрал.

— Вот, оказывается, до чего дошло? — нахмурилась Дорс. — Ты мне не доверяешь?

— Это опасно. Рисковать я намерен один. Я не могу подвергать опасности ни тебя, ни кого-либо другого.

— Ты не рискуешь! Рискует бедняга Рейч.

— Вовсе он не рискует, — мотнул головой Селдон. — Ему двадцать. Молодой, быстрый, крепкий, как дерево, и не такое, какие выращивают тут, на Тренторе, в тепличных условиях, а такое, какие растут в геликонских лесах. И потом, он силен в рукопашной схватке, а далийцы в этом ничего не смыслят.

— Уж мне эти твои рукопашные схватки! — огрызнулась Дорс. — Ты считаешь, что в этом решение всех проблем. Далийцы ходят с ножами. Все до одного. И с бластерами наверняка тоже.

— Насчет бластеров не знаю. Закон крайне суров, когда дело доходит до бластеров. Что касается ножей, я уверен, у Рейча нож при себе. Он даже здесь, в кампусе, с ножом не расстается, а ведь это противозаконно. Неужели ты думаешь, он в Даль без ножа отправился?

Дорс промолчала.

Селдон тоже молчал несколько минут, затем решил, что все-таки нужно ввести жену в курс дела.

— Послушай, — сказал он, — я тебе могу сказать одно: я надеюсь, что он встретится с Джоранумом, который намеревается посетить Даль.

— О! И чего ты ждешь от Рейча? Что мальчик убедит Джоранума, что тот был в корне не прав, и сердце того наполнится искренним раскаянием о содеянном, и он уберется обратно в Микоген?

— Хватит. Если ты собираешься и дальше беседовать в таком духе, не имеет смысла продолжать разговор.

Селдон отвернулся от нее и взглянул в окно, за которым виднелось серо-голубое «небо».

— Жду от него другого, — сказал он. — Жду, что он спасет Империю.

— О да. Это будет намного легче, — фыркнула Дорс.

— Я этого жду, — сердито буркнул Селдон. — У меня нет разрешения. У тебя тоже нет. Нет и у Демерзеля. Он так и сказал, что решение за мной. К этому я и стремлюсь, и поэтому мне нужно было, чтобы Рейч поехал в Даль. Дорс, ну ты же прекрасно знаешь, как он умеет очаровывать людей. С нами у

него это вышло, так что можно надеяться, выйдет и с Джоранумом. Если я прав, все будет хорошо.

Дорс широко раскрыла глаза.

— И ты еще станешь утверждать, что ты опираешься на психоисторию?

— Нет. Не стану. Я не собираюсь тебя обманывать. Пока я еще не достиг таких результатов, чтобы мог руководствоваться психоисторией. Но Юго постоянно говорит об интуиции, а у меня она тоже есть.

— Интуиция? Что это такое? Дай определение!

— С легкостью. Интуиция — это свойственное человеческому разуму умение находить верный ответ в ситуации, когда у него недостает точной информации, а та, что есть, порой противоречива.

— И ты положился на это умение.

— Да, — решительно кивнул Селдон. — Положился.

Но про себя он подумал о том, что не мог сказать Дорс: «Что, если Рейч утратил свое природное обаяние? Что, если — того хуже — в нем укрепилось сознание того, что он — далиец?»

Глава 14

Биллиботтон остался Биллиботтоном: грязным, вонючим, мерзким Биллиботтоном, гниющим и тем не менее полным жизни. Такого места нигде больше на Тренторе не найти, так думал Рейч. Может, где-то еще в Империи и сыскалось бы подобное местечко, однако Рейч о таких не слыхал.

Он не бывал здесь с тех самых пор, как Дорс и Селдон увезли его, то есть с двенадцати лет, но ему казалось, что тут все по-прежнему, даже люди те же самые: адская смесь цепных псов и мелких шавок, излучающих воспаленную гордость и злобный протест. Мужчины по-прежнему носили густейшие черные усы, а женщины ходили в мешковатых платьях, которые, на теперешний цивилизованный взгляд Рейча, казались еще более уродливыми.

И как только так одетым женщинам удавалось привлечь к себе внимание мужчин? На самом деле вопрос дурацкий. Ему было всего двенадцать, а он уже тогда знал, как легко и просто эти платья снимаются.

И вот он здесь, на родине. Погрузившись в воспоминания, он шел по Торговой улице, смотрел на витрины и пытался убедить себя в том, что отлично помнит каждое место, глядел на встречных и пытался угадать, нет ли среди них тех, с кем он был знаком восемь лет назад, — дружков детства. Увы, он помнил только клички, которыми они награждали друг друга. Настоящего имени ни одного из своих приятелей, хоть убей, он вспомнить не мог.

И в самом деле, он очень многое успел забыть. Не потому, что восемь лет — такой уж большой срок, а потому, что для двадцатилетнего это две пятых жизни, наполненных бесконечными событиями, а его жизнь после отъезда из Биллиботтона так сильно изменилась, что прошедшее ему виделось как в тумане.

Но главное — запахи. Запахи тут были те же самые. Он остановился у кондитерской, приземистой и неряшливой на вид, и уловил запах кокосового мороженого — такого запаха он давно не ощущал. Даже тогда, когда он покупал трубочки с кокосовым мороженым, даже тогда, когда вывеска гласила, что они приготовлены «по-далийски», это все были бледные призраки — не более того.

Рейч почувствовал сильнейшее искушение. Зайти? А почему бы и нет? Кредиток у него хватало. Дорс рядом не было, а то бы она непременно поморщилась и сказала что-нибудь насчет того, что там грязно. Но тогда, в старые добрые времена, кому какое дело было до чистоты!

Освещение внутри магазина было такое тусклое, что глаза Рейча долго привыкали к сумраку. Несколько низких столиков, около них — малопрезентабельные стулья. По всей вероятности, тут можно быстро перекусить — «выпить кофе с пирожными» на здешний манер. За одним из столиков сидел молодой мужчина, перед ним стояла пустая чашка. На парне была некогда белая футболка. Будь освещение поярче, пожалуй, она показалась бы еще грязнее.

Кондитер, или, по крайней мере, хозяин заведения вышел из комнаты за стойкой и довольно невежливо поинтересовался:

— Че надо?

— Кокоженое, — ответил Рейч, не добавив «пожалуйста». Какой же он был бы биллиботтонец, если бы начал распинаться в вежливых словечках? И название вспомнил, не забыл.

А название это, судя по всему, все еще было в ходу, поскольку кондитер тут же вручил ему трубочку с мороженым без лишних слов. Причем подал мороженое руками. Рейчу-мальчишке и в голову не пришло бы задуматься, но теперешний Рейч ощутил прилив брезгливости.

— Пакет дать?

— Не надо, — сказал Рейч. — Я тут съем.

Он расплатился с кондитером, взял мороженое и откусил большущий кусок, наслаждаясь знакомым вкусом. В детстве для него такое мороженое было редкой и почти недоступной роскошью. Он покупал его тогда, когда удавалось наскрести нужную сумму. Время от времени ему давал откусить кусочек кто-нибудь из внезапно разбогатевших дружков, но чаще всего он воровал мороженое, пользуясь удобным случаем. Теперь он мог купить сколько угодно порций...

— Эй! — послышался чей-то голос у Рейча за спиной.

Рейч с трудом вернулся к реальности. Его, оказывается, окликнул парень, что сидел за столом.

— Это ты мне, парень? — негромко уточнил Рейч.

— Ага. Че это ты делаешь, а?

— Кокоженое ем. Че те надо?

Рейч автоматически перешел на биллиботтонский жаргон, и это оказалось совсем нетрудно.

— Не. В Биллиботтоне че делаешь?

— Родился тут. Вырос тут. Токо в кровати народился, а не на улице, как ты.

Оскорбление слетело с языка легко, так легко и непринужденно, словно Рейч никуда и не отлучался из Биллиботтона.

— Во как? Че-то ты слишком вырядился. Тоже мне биллиботтонец. Цаца какая! Да от тебя, поди, и духами прет!

Парень пошевелил мизинцем — этим жестом подманивали к себе друг друга гомосексуалисты.

— Сказал бы я, чем от тебя несет. Но я — человек воспитанный.

— Чей-то? Во-спи-тан-ный? У-сю-сю!

В это время в кондитерскую вошли еще двое. Рейч слегка нахмурился. Сговорились они или как? Парень, сидевший за столом, обратился к вошедшим:

— Этот крякает, будто он воспитанный. Болтает — биллиботтонец.

Один из вошедших с притворной учтивостью поклонился Рейчу и ухмыльнулся, показав неровные, давно не чищенные зубы.

— А че, здорово! Биллиботтонец, да к тому же воспитанный! Завсегда че-нибудь подкинет бедненьким, несчастненьким сородичам, а? Ну, денежки, к примеру. Че тебе стоит подкинуть кредитку-другую бедненьким, а?

— И много их у тебя, господин хороший? — поинтересовался его приятель без ухмылки.

— Эй, эй! — заволновался хозяин заведения. — Парни, проваливайте отсюда. Неча у меня тут колобродить.

— Не боись, — сказал ему Рейч. — Я ухожу.

Он собрался было уйти, но парень, сидевший за столом, выставил ногу, загородив проход между столиками.

— Ну ты че, парень? Ты куда? Мы по тебе заскучимся.

Хозяин кондитерской, почувствовав, что запахло жареным, ретировался в комнатушку за стойкой.

Рейч улыбнулся и сказал:

— Парни, когда я в последний раз был в Биллиботтоне, со мной были мои старики, и нам загородили дорогу десять парней. Точно, десять. Я сосчитал. И мы с ними разделались.

— Да ну? — удивился тот, что заговорил с Рейчем. — Твой старикан разделался?

— Старикан? Не, не он. Ему бы нипочем такого не сделать. Старуха моя. А я, парни, получше ее сумею. А вас токо трое. Так что вы уж лучше пропустите меня.

— А как же. Ты токо кредитки оставь и иди. Не, еще тряпки кое-какие сыми.

Парень, сидевший за столом, встал. В руке его блеснуло лезвие ножа.

— Ага, — понимающе кивнул Рейч. — Вы, стало быть, решили поразвлечься? Ну, это вы зазря.

Рейч покончил с мороженым и повернулся к наглецам вполоборота. Вдруг быстрее, чем он сам успел сообразить, что делает, он одним махом взлетел на стол, резко взмахнул ногой и носком туфли сильно ударил точнехонько в солнечное сплетение парню с ножом.

Тот повалился на спину с громким воплем. Тут Рейч подпрыгнул, ногами опрокинул стол, схватил его за ножки и крышкой прижал к стене второго бандюгу, а третьему нанес

сокрушительный удар в кадык. Тот скорчился, страшно закашлялся и повалился на пол.

На все у него ушли считаные мгновения. Выхватив из-за пояса два ножа, Рейч прошипел:

— Ну, давай подходи по одному! Кто первый?

Никто не шелохнулся.

— Ну, раз так, я пошел, — сказал Рейч.

Но, судя по всему, хозяин заведения даром времени не терял и, удалившись в комнатку за стойкой, вызвал людей на подмогу. В магазинчик вошли трое, и хозяин встретил их возмущенными воплями:

— Хулиганье! Настоящее хулиганье!

Вошедшие явно были одеты в какую-то форму, но такой формы Рейч раньше никогда не видел. Штаны у них были заправлены в высокие ботинки, просторные футболки подпоясаны широкими ремнями, на головах — довольно забавные пилотки. Ближе к левому плечу на футболках красовались буквы «О. Дж.».

Выглядели они вполне по-далийски, только усы у них были какие-то странные, не далийские. Нет, усы как усы, черные, но только уж больно аккуратные, коротенькие.

— Капрал Квинбер, — представился старший по званию. — Что здесь происходит?

Побитые биллиботтонцы в это время поднялись, и вид у них был, прямо скажем, неважнецкий. Один из них все еще, согнувшись, держался за живот, второй потирал шею, а третий — плечо, которое, во всей видимости, было вывихнуто.

Капрал оценивающе поглядел на них. Двое его подчиненных встали у дверей. Капрал обернулся к Рейчу — на вид он был единственным непострадавшим.

— Ты биллиботтонец, парень?

— Я здесь родился и вырос, но восемь лет прожил в другом месте.

Теперь Рейч говорил не с таким выраженным акцентом, но все же с акцентом — примерно с таким же, с каким говорил и сам капрал. В конце концов, Даль был большим сектором, тут жили разные люди, и в некоторых районах люди отличались правильной речью.

— Вы из службы безопасности? — спросил Рейч. — Что-то я не припоминаю такой формы...

— Нет, не из службы безопасности. В Биллиботтоне какая служба безопасности... Мы из охраны Джоранума, и порядок тут поддерживаем мы. Этих троих мы знаем, они нам уже попадались. О них мы позаботимся. Нас интересуешь ты, парень. Номер для связи?

Рейч назвал.

— И что тут произошло?

Рейч рассказал.

— А какое у тебя тут дело?

— Послушайте, — решил на всякий случай уточнить Рейч. — А вы имеете право допрашивать меня? Если вы не из службы безопасности...

— Послушай, — грубо проговорил капрал, — тебе ли о правах рассуждать? Мы щас в Биллиботтоне, а тут право есть у того, кто его взял. Ты сказал, что отделал эту троицу, и я тебе верю. Но нас тебе не отделать. Нам бластеров носить, правда, не разрешают, — лениво проговорил капрал и вытащил из кобуры самый что ни на есть настоящий бластер. — А теперь говори, что ты тут делаешь?

Рейч вздохнул. Если бы он отправился сразу туда, куда должен был отправиться, то есть в здание правительства сектора, если бы не эта проклятая ностальгия по Биллиботтону и «кокоженому»...

Он сказал:

— Я приехал по важному делу к мистеру Джорануму, и раз вы из его органи...

— К Джорануму? Лидеру?

— Да, капрал.

— С двумя ножами?

— Ножи для самозащиты. Я не собирался идти с ножами к мистеру Джорануму.

— Это ты только говоришь. Так, мистер, нам придется сопроводить вас в участок. Там разберемся. Может, не сразу разберемся, но выясним все досконально.

— Но у вас нет такого права! Вы не официальное учреж...

— Ладно, попробуй поищи, кому пожаловаться. А до тех пор ты наш.

Ножи были конфискованы, и Рейча повели в участок.

Глава 15

Клеон уже не был больше тем красивым молодым монархом, что красовался на его голографических портретах. Только на голограммах он таким и оставался, но зеркало говорило ему совсем другое. Последний день рождения Императора был отпразднован с подобающей случаю помпезностью, однако сорок лет — они и есть сорок, как ни крути.

В принципе, Император не имел ничего против своего возраста. Здоровье его было в полном порядке. Правда, он немного растолстел — ну самую малость. Пожалуй, его лицо и могло бы выглядеть старше, но над ним постоянно трудились косметологи, и потому выглядел Император даже моложаво.

Восемнадцать лет он восседал на троне — за последнее столетие мало кому такое удавалось — и не видел ничего такого, что могло бы помешать ему процарствовать еще лет сорок, а тогда его царствование побило бы все рекорды в истории Империи.

Клеон снова взглянул в зеркало и пришел к выводу, что выглядел бы еще лучше, если бы не включал третье измерение.

Взять Демерзеля — преданного, надежного, крайне необходимого, *невыносимого* Демерзеля. Этот вообще не меняется! Остается таким, как был, и, насколько знал Клеон, косметологи ему никаких услуг не оказывают. Но что самое интересное, он никогда не выглядел *молодо*! Даже тогда, когда служил отцу Клеона, а сам Клеон был юным наследным принцем. И теперь все такой же. Может, лучше было бы слегка состариться в молодости и не меняться потом?

«Меняться»!

Это слово напомнило ему о том, что он вызвал Демерзеля по важной причине, значит, не следовало погружаться в раздумья, когда тот стоял перед ним и ждал. Такую рассеянность Демерзель мог как раз приписать тому, что Император стареет.

— Демерзель! — сказал Император.

— Сир?

— Этот Джоранум. Я уже устал слышать о нем.

— Вам нет нужды слушать, сир. Совершенно заурядный человек. Помелькает-помелькает, да и исчезнет.

— Но что-то он не исчезает.

— Порой такие вещи носят затяжной характер, сир.

— И что ты о нем думаешь, Демерзель?

— Он опасен и приобрел известную популярность. Именно популярность усиливает его опасность.

— Но если ты находишь его опасным, а мне он так сильно надоел, зачем нам ждать? Разве его нельзя просто взять и посадить в тюрьму, казнить или сделать еще что-нибудь?

— Политическая ситуация на Тренторе, сир, сложна и...

— Она всегда сложна. Разве я слышал от тебя когда-нибудь что-то другое про ситуацию на Тренторе?

— Мы живем в сложное время, сир. Предпринимать в отношении этого человека резкие меры не стоит — разве только затем, чтобы сыграть на его популярность.

— Не нравится мне все это, — пробормотал Клеон. — Я не так уж начитан — у Императора всегда не хватает времени на чтение, но историю своей Империи я как-нибудь знаю. За последние пару столетий бывали случаи, когда такие популисты, как их принято называть, захватывали власть. И в каждом из таких случаев Император превращался в марионетку. А я марионеткой становиться, Демерзель, не желаю.

— Но этого не случится, сир.

— Случится, если ты намерен бездействовать.

— Я пытаюсь принять меры предосторожности, сир, но весьма умеренные.

— А ведь есть один человек, который не так осторожничает, как ты. Примерно месяц назад университетский профессор — *профессор*, это надо же — лично вмешался и прервал митинг джоранумитов, то есть фактически предотвратил студенческие волнения. Затеял кулачный бой и выгнал их.

— Все верно. А как вы, сир, об этом узнали?

— Узнал, потому что это именно тот профессор, которым я интересуюсь. А вот ты почему мне сам об этом не доложил?

Демерзель почти обиженно проговорил:

— Разве я обязан, сир, докладывать обо всем, что ложится на мой стол ежедневно? Обо всех мелочах?

— Мелочах? Но тот, о ком я говорю, не кто иной, как Гэри Селдон.

— Да, его так зовут.

— Знакомое имя. Не он ли несколько лет назад зачитал тот самый доклад на конгрессе, что так заинтересовал нас?

— Он, сир.

— Вот видишь, — довольно осклабился Клеон. — С памятью у меня все в порядке. Я не нуждаюсь в том, чтобы за меня все запоминали мои приближенные. И я говорил с этим Селдоном о его докладе, не так ли?

— Память у вас поистине безупречная, сир.

— А как поживает его идея? Ну, то средство для предсказания будущего? Моя безупречная память не подсказывает мне, как же оно называлось...

— Психоистория, сир. Как я вам еще тогда объяснил, идея оказалась безнадежно далекой от практического воплощения. Красивая была идея, но абсолютно неосуществимая.

— И все-таки он оказался способен сорвать многолюдный митинг. Осмелился бы он на такое, не знай заранее, что это ему удастся? Разве это не свидетельство того, что его психоистория... как бы это выразиться... работает?

— Сир, это говорит об одном: Гэри Селдон — горячая голова. Даже если бы психоисторическая теория работала, она все равно не выдавала бы результатов, имеющих отношение к отдельному человеку или конкретному событию.

— Ты ведь не математик, Демерзель. А он — да. Пора бы мне снова повидаться с ним. Довольно скоро должен состояться очередной математический конгресс, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, сир, но это будет бесполезная тра...

— Демерзель, я этого желаю. Сделай, как я говорю.

— Хорошо, сир.

Глава 16

Рейч слушал со всевозрастающим нетерпением, которого старался не показывать. Он находился в импровизированной камере, где-то в центре Биллиботтона. Вели его сюда по таким хитросплетениям улочек, что теперь он с трудом понимал, где находится место его заточения. (И это он, он, который в детстве мог с завязанными глазами исколесить весь Биллиботтон и удрать от любого преследователя!)

Тот, кто теперь беседовал с ним, — человек, одетый в зеленую форму охраны Джоранума, — был либо миссионером, промывателем мозгов, либо каким-то странным богословом, скорее всего подделывался под богослова. Представился он

как Сандер Ни и теперь произносил длиннющую тираду, наверняка вызубренную наизусть, и притом с жутким акцентом истинного далийца.

— Коли далийский народ хочет наслаждаться благами равенства, он должен доказать, что достоин их. Смиренное поведение, умеренность в удовольствиях — это требуется от всех и каждого. В чем нас попрекают другие? А как раз в том и попрекают, что мы, дескать, агрессивные, что мы ходим с ножами. Мы должны быть чисты в слове и...

— Я полностью согласен с вами, охранник Ни, — вмешался Рейч, — с каждым вашим словом согласен. Но... мне нужно повидать мистера Джоранума.

Охранник медленно покачал головой:

— Это никак нельзя, если у вас нету разрешения, приглашения.

— Послушайте, я сын известного профессора из Стрилингского университета, профессора-математика.

— Не знаю никаких профессоров... Погоди, ты же вроде сказал, что ты из Даля.

— Конечно, из Даля. Вы что, не слышите, как я разговариваю?

— И твой папаша — профессор в таком большом университете? Че-то не верится.

— Он мне не родной отец. Отчим.

Охранник сглотнул слюну и покачал головой.

— А в Дале знаешь кого?

— Тут живет Матушка Ритта. Она меня знает. (А ведь она уже тогда, восемь лет назад, была жутко старая. Теперь, может, уже из ума выжила, а может, ее уж и в живых нет.)

— Сроду про такую не слыхал.

Кто же еще? Пожалуй, он не мог припомнить никого, чье бы имя что-либо сказало этому человеку. Лучшим его дружком был мальчишка по кличке Грязнуля, но, кроме клички, он ничего вспомнить не мог. Даже в полном отчаянии Рейч при всем желании не смог бы выговорить фразу типа: «Не знаком ли вам некто моего возраста по кличке Грязнуля?»

Наконец он сказал:

— Юго Амариль.

Светлые глаза Ни потемнели.

— Кто-кто?

— Юго Амариль, — заторопился Рейч. — Он работает у моего отчима в университете.

— Че, тоже далиец? Че, там у вас в университете все далийцы собрались, а?

— Нет, только он и я. Он был раньше термальщиком.

— А он в университете че делает?

— Мой отец вытянул его из термариев восемь лет назад.

— Ладно, проверим. Пошлю кого-нибудь, проверим.

Рейчу пришлось ждать. Пытаться бежать? Толку не было. Он теперь не так хорошо, как раньше, ориентировался в биллиботтонских подворотнях и закоулках, его бы тут же сцапали снова.

Прошло двадцать минут, и Ни вернулся с тем самым капралом, что арестовал Рейча в кондитерской. У Рейча появилась маленькая надежда: может, у капрала мозгов побольше?

— Как, ты говоришь, звать того далийца, какого ты знаешь?

— Юго Амариль, капрал, термальщик, которого мой отец нашел здесь, в Дале, восемь лет назад и забрал с собой в Стрилингский университет.

— Зачем это ему понадобилось?

— Моему отцу показалось, что Юго способен на большее, чем ковыряться в термарии, капрал.

— К примеру?

— Он оказался способным математиком. Он...

Капрал поднял руку, прервав Рейча:

— В каком термарии он работал?

Рейч ненадолго задумался.

— Понимаете, я тогда маленький был, но вроде бы в «С-2».

— Почти верно. В «С-3».

— Стало быть, вы его знаете, капрал?

— Я-то? Лично — нет, но эту байку в термариях все наперебой рассказывают, а я там тоже потрудился. Кто знает, может, и ты ее там услыхал. Чем докажешь, что вправду знаешь Юго Амариля?

— Послушайте, давайте вот как сделаем. Я напишу свое имя и имя моего отца на листке бумаги. И еще одно-единственное слово. Свяжитесь, как сами пожелаете, с кем-нибудь из аппарата мистера Джоранума, а мистер Джоранум будет в Дале завтра, и пусть он прочитает мое имя, имя моего отца и это самое слово. Если это ничего не даст, значит, я останусь здесь и буду

гнить потихоньку, но думаю, этого не случится. Я просто уверен, что меня отсюда в три секунды заберут, а вы получите повышение по службе за своевременную передачу информации. Если же вы мне откажете и они сами узнают, что я здесь, — а они все равно узнают, — вы попадете в большую беду. В конце концов, если вы знаете, что Юго Амариль уехал отсюда с одним знаменитым математиком, вбейте себе в голову, что этот самый математик и есть мой отец. Его зовут Гэри Селдон.

По лицу капрала стало ясно, что это имя для него не пустой звук.

— А что же это за слово такое, какое ты хочешь написать?

— «Психоистория».

— И что это за штуковина? — нахмурился капрал.

— Неважно. Передадите — сами увидите, что получится.

Капрал вырвал из блокнота листок.

— Ладно. Пиши. Поглядим, что из этого выйдет.

Рейч весь дрожал. Ему и самому не терпелось увидеть, что случится. Но все зависело теперь только от того, с кем переговорит капрал, случится ли чудо под действием магического слова.

Глава 17

Гэри Селдон смотрел на дождевые капельки, разбивавшиеся о ветровое стекло правительственного автомобиля, и чувствовал при этом острейшую ностальгию.

Всего лишь второй раз за восемь лет, проведенных им на Тренторе, он получил приказ явиться к Императору, дворец которого стоял на единственном открытом участке Трентора, и оба раза погода оказывалась дождливой и холодной. В первый раз он приехал сюда вскоре после прибытия на Трентор, и тогда ненастье попросту огорчило его. В такой погоде для него не было ничего нового. Дождей и гроз у него и на Геликоне хватало — там такая погода была привычной, особенно в тех местах, где вырос Селдон.

Но теперь, прожив восемь лет в условиях искусственного климата, когда «грозы» состояли в периодическом затемнении «небес» искусственными тучами и легком дождичке, что моросил, покуда все спали, вместо яростного ветра порой дул легкий бриз, и никогда не бывало ни пощипывающего морозца, ни жуткого зноя — а так, то легкое потепление, когда приходилось расстегнуть верхнюю пуговицу на рубашке, или легкое похолодание, когда ты бывал вынужден набросить легкую курточку (на самом деле даже такие ничтожные перепады в погоде вызывали у местных жителей жалобы), теперь этот холодный, унылый дождик, сыплющий с серого неба, казался ему родным и приятным. Дождь напомнил ему о Геликоне, о юности, о том, что казалось ему теперь порой счастливой беззаботности. Он даже подумал было, уж не попросить ли водителя выбрать самую длинную дорогу ко дворцу.

Нет, нельзя. Император желал его видеть, а путь на автомобиле и так был не близкий, даже если ехать по прямой, не останавливаясь на перекрестках.

Императора нельзя было заставлять ждать.

Клеон, оказывается, теперь был уже не тот, каким видел его Селдон восемь лет назад. Поправился фунтов на десять, мешки под глазами, хотя, безусловно, пластические операции делали свое дело: обрюзгшим лицо Императора назвать было нельзя. Селдону стало немного жаль Императора — как бы он ни был всесилен, а тоже ничего не мог поделать против всемогущего времени.

Клеон и на этот раз встретился с Селдоном наедине, в той же самой роскошно обставленной комнате, где они виделись впервые. По традиции, Селдон молчал, ожидая, когда Император обратится к нему.

Бросив на Селдона оценивающий взгляд, Император произнес самым будничным тоном:

— Рад вас видеть, профессор. Давайте поговорим по душам, без формальностей — так же, как тогда, когда мы в первый раз виделись с вами.

— Хорошо, сир, — осторожно ответил Селдон.

(Говорить по душам не всегда безопасно, только из-за того, что Император отдал тебе такое распоряжение. Можно и проговориться.)

Клеон непринужденно махнул рукой, и в комнате тут же ожила автоматика. Стол накрылся как бы сам собой. На нем одно за другим стали появляться блюда. Все произошло так быстро, что Селдон и глазом моргнуть не успел.

— Пообедаете со мной, Селдон? — как ни в чем не бывало спросил Клеон.

Ничего особенного в этом вопросе не было — самое обычное приглашение к столу, но сказано это было тоном, не допускающим возражений.

— Почту за честь, сир, — ответил Селдон и украдкой огляделся по сторонам. Он отлично знал, что Императору задавать вопросы не положено или, по крайней мере, нежелательно, но не сумел справиться с собой. Стараясь, чтобы в голосе не было вопросительных ноток, он проговорил: — Премьер-министр с нами обедать не будет?

— Нет, — ответил Клеон. — У него сейчас другие дела, а мне бы хотелось побеседовать с вами наедине.

Некоторое время обед протекал в полном молчании. Клеон пристально глядел на Селдона, Селдон натянуто улыбался. Клеона нельзя было обвинить в излишней жестокости и даже в безответственности, но на самом деле ему ничего не стоило взять да и арестовать Селдона по сфабрикованному обвинению, а при той власти, какой располагал Император, дело до суда могло и не дойти. Желательно было всегда держаться от него подальше, не привлекать его внимания, но сейчас был не тот случай.

Конечно, в прошлый раз дело обстояло намного хуже — тогда его доставили во дворец в сопровождении вооруженной охраны, но почему-то Селдону от этой мысли легче не становилось.

Наконец Клеон прервал молчание.

— Селдон, — сказал он, — мой премьер-министр — человек весьма работоспособный и полезный, и все-таки у меня такое впечатление, что порой людям кажется, будто у меня уже и своей головы на плечах нет. Вам тоже так кажется?

— Что вы, сир! — вежливо, но без комментариев, возразил Селдон.

— Я вам не верю. Однако голова на плечах у меня есть, и я отлично помню, что, когда вы впервые приехали на Трентор, вы баловались психоисторией.

— Надеюсь, вы не забыли, сир, — негромко проговорил Селдон, — что тогда я объяснил вам, что это всего-навсего математическая теория, безнадежно далекая от применения на практике.

— Это вы тогда говорили. Вы и теперь так говорите?

— Да, сир.

— Вы что, над ней не работали с тех пор?

— Нет, время от времени я этим балуюсь, но ничего не получается. К несчастью, все время мешают хаос и вероятность не...

— Мне бы хотелось, — прервал его Император, — чтобы вы занялись решением одной конкретной задачи... Угощайтесь десертом, Селдон. Очень вкусно.

— Что за задача, сир?

— Этот Джоранум... Демерзель считает, что я не могу арестовать этого человека и не могу использовать вооруженные силы для того, чтобы уничтожить его последователей. Он говорит, что от этого будет только хуже.

— Если так говорит премьер-министр, наверное, так оно и есть.

— Но мне очень мешает этот Джоранум... Во всяком случае, марионеткой я становиться не *собираюсь*. А Демерзель бездействует.

— Уверен, он делает все, что может, сир.

— Ну, коли он и трудится над решением этой проблемы, значит, меня в курс дела не вводит.

— Но это, сир, может быть, из-за того, чтобы вас лишний раз не беспокоить, чтобы поберечь от ненужных волнений. Может быть, премьер-министру кажется, что было бы лучше, если бы Джоранум... если бы он...

— Договаривайте, — брезгливо поморщился Клеон.

— Да, сир. Было бы неразумно показывать, что вы лично выступаете против него. Вы должны оставаться в стороне во имя блага Империи.

— Мне было бы гораздо спокойней заботиться о благе Империи, не будь Джоранума. И что же вы предлагаете, Селдон?

— Я, сир?

— Вы, Селдон, — нетерпеливо кивнул Клеон. — Скажем так: я вам не верю, когда вы утверждаете, что психоистория — всего-навсего игра. Демерзель продолжает поддерживать с вами дружеские отношения. Вы что думаете — я такой тупица, что не замечаю этого? Он от вас чего-то ждет. А ждет он от вас психоистории, а поскольку я все-таки не тупица, я ее тоже жду. Селдон, вы за Джоранума? Говорите! Говорите правду!

— Нет, сир, я не за него. Я считаю, что он представляет собой реальную угрозу Империи.

— Хорошо. Я вам верю. Насколько мне известно, вы прервали джоранумитский митинг и тем самым предотвратили студенческие волнения.

— Это был просто душевный порыв, сир.

— Не морочьте мне голову, Селдон. Вы руководствовались психоисторией.

— Сир!

— Не возражайте. Вы что-нибудь предпринимаете в отношении этого Джоранума? Обязаны предпринимать, если вы — на стороне Империи.

— Сир, — проговорил Селдон осторожно, поскольку не знал, как много известно Императору, — я отправил моего сына на встречу с Джоранумом в Даль.

— Зачем?

— Мой сын далиец, сир, и к тому же проныра. Он может разузнать кое-что, что сослужит нам хорошую службу.

— Может?

— Да. Увы, только может, сир.

— Вы будете держать связь со мной?

— Да, сир.

— И вот что, Селдон: прекратите валять дурака и притворяться, будто психоистории не существует, что это всего лишь идейка. Я не желаю этого слышать. Я жду, что вы что-нибудь сделаете с этим Джоранумом. Не знаю что, но что-то сделать должны. Все. Можете идти.

Селдон вернулся в Стрилингский университет в гораздо более мрачном расположении духа, чем уезжал. Клеон говорил так, что было ясно — неудачи он не потерпит.

Теперь все зависело от Рейча.

Глава 18

Ближе к вечеру Рейч уже сидел в кабинете учреждения, в которое никогда не входил — нет, не мог войти, будучи беспризорником. Даже теперь он чувствовал себя здесь не слишком уютно, как будто без разрешения проник в чужой дом.

Он изо всех сил старался принять непринужденный вид,

придать лицу веселость и обаяние. Отец сказал, что все это было ему присуще от природы, а сам он об этом никогда и не задумывался. Но раз это действительно его природное качество, ему не следовало искусственно придавать себе обаятельность.

Он постарался расслабиться и при этом не сводил глаз с человека, что сидел за письменным столом и работал на компьютере. Человек этот был не далийцем. Это был не кто иной, как Джембол Дин Намарти, тот самый, что был тогда на встрече с Джоранумом, когда они приходили к отцу.

Время от времени Намарти отрывал взгляд от экрана компьютера и враждебно поглядывал на Рейча. На его обаяние Намарти не покупался.

А Рейч и не собирался отвечать на враждебность Намарти милыми улыбочками. Это было бы нарочито, наигранно. Он просто сидел и ждал. Главное, он попал сюда. Теперь, если Джоранум приедет, а приехать он должен был непременно, у Рейча будет возможность поговорить с ним.

Джоранум вошел, источая свою лучезарную улыбочку. Намарти поднял руку. Джоранум остановился. Они принялись о чем-то тихо переговариваться. Рейч навострил уши, стараясь расслышать их разговор, делая при этом вид, что ему это совершенно не интересно. Ему стало ясно, что Намарти против их встречи. Интересно, почему?

Но вот Джоранум обернулся, улыбнулся Рейчу и оттолкнул Намарти плечом. Рейч понял, что, хотя Намарти, судя по всему, в команде Джоранума является чем-то вроде мозгового центра, сила все равно остается за самим Джоранумом.

Джоранум шагнул к Рейчу и протянул пухлую, немного влажную ладонь.

— Хорошо, хорошо. Сынок профессора Селдона? Как поживаешь, дружок?

— Отлично, сэр, спасибо.

— У тебя были кое-какие трудности, насколько я знаю?

— Да нет, ничего такого особенного, сэр.

— И ты принес мне весточку от твоего папочки, верно? Видимо, он передумал, а? Решил-таки присоединиться к моему великому крестовому походу?

— Не совсем так, сэр.

Джоранум едва заметно нахмурился.

— Так ты не привез мне ничего такого?

— Нет, сэр. Он просто послал меня.

— Ясно. Есть хочешь?

— Пока нет.

— Значит, не будешь возражать, если я перекушу? Знаешь, у меня на простые житейские радости вечно времени не хватает, — сказал он, широко улыбаясь.

— Все нормально, сэр.

Они вместе подошли к столу и сели. Джоранум развернул сверток, достал сандвич и откусил кусок. Пережевывая, он сказал:

— А зачем же он послал тебя, сынок?

Рейч пожал плечами:

— Наверное, думал, что я разузнаю что-нибудь про вас такое, что могло бы ему помочь навредить вам. Он-то душой и сердцем предан премьер-министру Демерзелю.

— А ты разве нет?

— Нет, сэр. Я же далиец.

— Знаю, что далиец, мистер Селдон, но какое это имеет значение?

— Это значит, что я — из угнетенных, а поэтому я за вас и хочу вам помочь. Конечно, мне не хотелось бы, чтобы об этом узнал мой отец.

— А зачем ему об этом узнавать? Незачем. И как же ты собираешься мне помогать? — спросил Джоранум, бросив быстрый взгляд на Намарти, который слушал их беседу, угрюмо подперев подбородок кулаками. — Тебе что-нибудь известно о психоистории?

— Нет, сэр. Отец со мной об этом не говорит, а заговори он, я бы все равно ничегошеньки не понял, да и успехов у него, судя по всему, никаких.

— Ты точно знаешь?

— Конечно, точно. У нас там есть парень такой — Юго Амариль, он тоже далиец, вот он иногда обронит словечко-другое. Так что я уверен и вам точно говорю: ничего они не добились.

— Ага! Скажи, а как ты думаешь, мог бы я повидаться как-нибудь с Юго Амарилем?

— Не думаю. Он не очень-то жалует Демерзеля, но зато с головой предан моему отцу. Он вам не помощник. Он отца не предаст.

— А ты, стало быть, можешь?

Рейч помрачнел и упрямо пробормотал:

— Я — далиец.

Джоранум прокашлялся.

— Давай-ка я тебя еще разок спрошу: чем ты собираешься мне помочь, молодой человек?

— Я могу сказать вам кое-что, но боюсь, вы не поверите.

— Вот как? Если не поверю, так тебе сразу и скажу.

— Насчет нашего премьер-министра Эдо Демерзеля.

— Ну?

Рейч облизнул губы, испуганно огляделся по сторонам.

— Меня никто не услышит?

— Никто, кроме меня и Намарти.

— Так вот, слушайте. Этот Демерзель — он никакой не человек. Он — робот.

— Что?! — взревел Джоранум.

Рейч решил, что нужно объяснить:

— Робот, сэр, это механический человек. Искусственный, ненастоящий. Машина, понимаете?

Намарти яростно вмешался:

— Джо-Джо, не верь этой ерунде! Это глупо!

Однако Джоранум предостерегающе поднял руку. Глаза его сверкали.

— Откуда тебе это известно?

— Отец когда-то побывал в Микогене. Вот он мне и рассказал, что в Микогене много болтают про роботов.

— Да, знаю. То есть, по крайней мере, слышал.

— Ну вот, и микогенцы, они верят, что когда-то давным-давно у их предков было полным-полно роботов, а потом их не стало.

Намарти прищурился.

— Нет, ты скажи, с чего это ты взял, что Демерзель — робот? Я, правда, не так много про это слышал, но, насколько я помню, роботы — они же металлические, верно?

— Верно, — честно признался Рейч, — но только я еще слышал, что были и такие роботы, которые выглядели точнехонько как люди, и они могли жить вечно...

Намарти яростно затряс головой.

— Легенды! Дурацкие легенды! Джо-Джо, и зачем только мы слушаем эту...

— Нет, Джей Ди, — прервал его Джоранум. — Я хочу послушать. Я тоже слыхал про эти легенды.

— Но это же чушь, Джо-Джо.

— Не торопись произносить слово «чушь». Пусть даже так, ведь люди живут и погибают за подобную чушь. Дело не столько в том, что есть на самом деле, а в том, чем это *считают* люди. Ладно, молодой человек, о легендах не будем. Скажи мне, почему ты считаешь, что Демерзель — робот? Допустим, роботы действительно существуют. Что же такого есть в Демерзеле, что заставляет тебя думать, будто он — робот? Он что, сам тебе об этом сказал?

— Нет, сэр, — ответил Рейч.

— Может быть, отец сказал? — спросил Джоранум.

— Нет, сэр. Это моя собственная догадка, но я в этом уверен.

— Но почему? Откуда у тебя такая уверенность?

— Есть в нем что-то такое... Например, он не меняется с годами. Не стареет, понимаете? Он бесчувственный какой-то — никаких эмоций. В общем, что-то такое, отчего кажется, будто он и вправду из железа.

Джоранум откинулся на спинку стула и довольно долго испытующе, внимательно смотрел на Рейча. Еще бы чуть-чуть, и, наверное, можно было бы услышать, как настырно звенят его мысли.

— Хорошо, — наконец проговорил он. — Допустим, он *на самом деле* робот, молодой человек. И что? Тебе-то до этого какое дело?

— Как это какое дело? — удивился Рейч. — Я же человек. И я вовсе не хочу, чтобы робот правил Империей.

Джоранум повернулся к Намарти и довольно кивнул.

— Слышал, Джей Ди? Здорово сказано: «Я — человек и не хочу, чтобы робот правил Империей». Отведи-ка его в студию, пусть скажет это всем да повторит не один раз, чтобы всем на Тренторе вбить в мозги.

— Эй! — вмешался Рейч, наконец переведя дух. — По головидению я никак не смогу этого сказать. Я же не хочу, чтобы отец узнал...

— Нет-нет, не бойся, — быстро успокоил его Джоранум. — Этого мы не допустим. Мы только возьмем твои слова. Разыщем какого-нибудь другого далийца. И еще по одному жителю из каждого сектора. Пусть говорят каждый на своем диалекте, но слова будут у всех одни и те же: «Я не хочу, чтобы робот правил Империей».

— А что, — встрял Намарти, — если Демерзель докажет, что он не робот?

— Да что ты! — отмахнулся Джоранум. — Как он сумеет доказать? Это психологически невозможно. О чем ты говоришь? Чтобы великий Демерзель, человек, стоящий за троном, человек, в чьих руках столько лет были все ниточки, тянущиеся к престолу Клеона Первого, который еще его отцу служил, взял да и спустился с заоблачных высот и оправдывался перед народом, доказывая, что он — человек? Для него это окажется ничуть не лучше, чем на самом деле быть роботом. Итак, Джей Ди, злодей у нас в руках, и этим мы обязаны вот этому замечательному юноше.

Рейч покраснел.

— Рейч... тебя же Рейч зовут? — спросил Джоранум. — Как только наша партия добьется желаемого положения, мы не забудем о тебе. Отношение к Далю, твоей родине, будет подобающим, и ты займешь важный пост среди нас. Когда-нибудь, Рейч, в один прекрасный день, ты станешь в Дале самым главным, и тебе не придется сожалеть о содеянном. Кстати, ты, случаем, не сожалеешь?

— Ни капельки! — с жаром воскликнул Рейч.

— В таком случае можешь спокойно отправляться к отцу. Уверь его в том, что мы не желаем ему зла, что мы его высоко ценим. Как ты это узнал и откуда — говори, что тебе вздумается. А если сумеешь выяснить еще что-нибудь полезное для нас, в особенности насчет психоистории, дай нам знать.

— Конечно. А вы честно сделаете так, что в Дале станет лучше, чем теперь?

— Совершенно честно. Клянусь. Равенство для всех секторов, мой мальчик. У нас будет новая Империя, а все зло — все эти привилегии и неравенство — все это мы сотрем в порошок.

— Этого мне и надо, — сжал кулаки Рейч и довольно улыбнулся.

Глава 19

Император Галактики Клеон размашисто, поспешно шагал вдоль колоннады, что вела из его личных покоев в Малом Дворце, в здание, где проживали многочисленные правитель-

ственные чиновники. Здание примыкало к Императорскому Дворцу, то бишь к сердцу и мозговому центру Империи. За ним следом семенили кто-то из его личных секретарей и телохранители. Лица у всех были обескураженные. Император не должен был сам ходить к кому бы то ни было! Кто бы то ни был — должны были сами ходить к Императору! Ну ладно, сам пошел, но как он мог столь откровенно демонстрировать поспешность, давать выход переполнявшим его чувствам?! Разве так можно? Он же Император и, значит, больше, чем просто человек, — он символ Империи.

А сейчас он вел себя в точности, как простой человек. Всех, кто попадался ему по пути, отталкивал в сторону правой рукой. А в его левой руке была зажата светящаяся голограмма.

— Где премьер-министр? — спрашивал он грозным, гремящим голосом, совсем не таким, каким обычно разговаривал во время приемов и аудиенций. — Где он?

А высшие чиновники растерянно расступались, бормотали что-то невнятное. Император сердито шел дальше, оставляя у приближенных впечатление, будто им снится страшный сон.

Наконец он добрался до кабинета Демерзеля и, переведя дыхание, заорал, то есть буквально *заорал*:

— *Демерзель*!!!

Демерзель удивленно взглянул на Императора и быстро встал, поскольку сидеть в присутствии Императора позволялось только тогда, если Император разрешил сесть.

— Сир?

Император швырнул голограмму на письменный стол Демерзеля и прошипел:

— Что это такое? Отвечай!

Демерзель посмотрел на то, что швырнул Император. Прекрасная голограмма — красивая, живая. Казалось, еще чуть-чуть, и услышишь те слова, что произносил хорошенький мальчик лет десяти, хотя на самом деле они были написаны внизу: «Я не хочу, чтобы Империей правил робот».

— Я такую тоже получил, сир, — спокойно отозвался Демерзель.

— Кто еще?

— У меня такое впечатление, сир, что эта птичка уже облетела весь Трентор. Это листовка, не иначе.

— Да, но ты видишь, там висит чей-то портрет на стене. Приглядись, про кого толкует этот паршивец? Не ты ли это?

— Сходство потрясающее, сир.

— Так, может, я не ошибаюсь и у этой «птички», как ты выразился, одно на уме: обвинить тебя в том, что ты — робот?

— Похоже, на уме у нее именно это, сир.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но ведь роботы — это вымышленные механические человекоподобные существа, упоминания о которых встречаются в романах и детских сказках?

— Для микогенцев, сир, одним из догматов их религии является то, что роботы...

— Меня не интересуют микогенцы и догматы их религии. Почему тебя обвиняют в том, что ты — робот?

— Это всего-навсего метафора, сир, я уверен. Хотят изобразить меня в виде человека бессердечного, мышление которого подобно работе вычислительной машины.

— Маловато будет, Демерзель. Меня не проведешь. — Клеон снова указал пальцем на голограмму. — Нет, Демерзель, они пытаются убедить народ в том, что ты — действительно робот.

— Вряд ли мы сможем что-то поделать, сир, если люди решат поверить в это.

— Мы не можем этого позволить. Тут речь идет о твоей гордости. Более того, речь идет о гордости Императора. Ведь получается, что это я — я! — взял себе в премьер-министры механического человека! Это невыносимо. Послушай, Демерзель, существуют ли законы, которые карали бы за оскорбление чести и достоинства имперских чиновников?

— Да, сир, существуют, довольно-таки суровые, восходящие к великому Своду Законов Абурамиса.

— А оскорбление чести и достоинства Императора, если не ошибаюсь, приравнивается к уголовному преступлению?

— И наказуется смертью, сир. Все верно.

— Так вот. Унизили и оскорбили не только тебя, но и меня, и тот, кто это сделал, должен быть казнен. Конечно, за всем этим стоит Джоранум.

— Несомненно, сир, но доказать это будет нелегко.

— Чушь! У меня достаточно доказательств. Я хочу, чтобы его казнили.

— Беда в том, сир, что у применения законов о чести и дос-

тоинстве нет прецедентов. По крайней мере, в нашем столетии не было.

— Потому-то у нас в жизни все наперекосяк, а Империя содрогается до основания. Законы в книгах записаны? Вот и задействуй их.

— Подумайте, сир, будет ли это мудро, — негромко проговорил Демерзель. — Вы тогда будете выглядеть тираном и деспотом. Ваше правление до сих блистало добротой и умеренностью...

— Вот-вот, и сам видишь, к чему это привело. Лучше пусть меня боятся за перемену в моем характере, чем любят — вот *так* любят!

— И все же я настойчиво рекомендую вам, сир, не прибегать к таким мерам. Это может стать искрой, от которой возгорится пламя восстания.

— Ну а ты-то что делать собираешься в таком случае? Что, выйдешь к народу и скажешь: «Посмотрите на меня. Я — не робот»?

— Нет, сир, я такого делать не стану, поскольку это унизительно для меня и, более того, для вас.

— И что же?

— Пока не знаю, сир. Я еще не успел обдумать.

— Не успел обдумать? Немедленно свяжись с Селдоном.

— Сир?

— Что тут непонятного в моем приказе? *Немедленно свяжись с Селдоном!*

— Вы хотите, чтобы я пригласил его во дворец?

— Нет, это слишком долго. Думаю, ты сумеешь наладить линию секретной связи — секретной, слышишь, чтобы она не прослушивалась.

— Да, сир, безусловно.

— Так давай же. Быстрее!

Глава 20

Селдону недоставало самообладания Демерзеля, ведь он был из плоти и крови. Этот вызов в кабинет, внезапное потрескивание защитного поля — все это говорило о том, что происходит нечто совершенно необычное.

Он полагал, что увидит на голографическом экране какого-нибудь высокопоставленного чиновника, который предварит его секретную, непрослушиваемую связь с Демерзелем. Судя по тому, как быстро распространялись слухи о том, что Демерзель — робот, меньшего и ждать было нельзя.

Но и большего Селдон никак не ожидал, а потому, когда в его кабинете появился (пусть даже в виде голографического изображения) не кто иной, как Его Императорское Величество собственной персоной, Селдон опустился на стул, широко раскрыл рот, и, как ни пытался встать, у него это не получалось.

Клеон знаком повелел Селдону сидеть.

— Вы, видимо, знаете о том, что происходит, Селдон? — сказал Император.

— Вы насчет разговоров о роботе, сир?

— Именно об этом. Что можно предпринять?

Селдон, несмотря на разрешение сидеть, все-таки с трудом поднялся.

— Дело обстоит гораздо хуже, сир. Джоранум поднимает бунты по всему Трентору под флагом этих самых разговоров. По крайней мере, так говорят в «Новостях».

— Да? А вот я этого пока не знаю. Нет, конечно, зачем Императору знать правду?

— Императору не стоит волноваться, сир. Я уверен, что премьер-министр...

— Премьер-министр не делает ровным счетом ничего, даже меня не информирует. Я обращаюсь к вам и вашей психоистории. Скажите, что *мне делать*?

— Сир?

— Я с вами в игрушки играть не собираюсь. Селдон, вы восемь лет работали над психоисторией. Премьер-министр утверждает, что мне не стоит принимать юридических мер к Джорануму. Но что же мне тогда делать?

— Ничего, сир, — прошептал Селдон.

— Вы ничего не можете мне посоветовать?

— Нет, сир. Я не о том. Я о том, что вам не следует ничего делать. *Ничего*! Премьер-министр совершенно прав, что отговаривает вас от юридических мер. От этого будет только хуже.

— Замечательно. А лучше от чего будет?

— Будет лучше, если вы не будете делать ровным счетом ни-

чего. Пусть правительство позволит Джорануму делать то, что ему вздумается.

— И что это даст?

Селдон, стараясь скрыть отчаяние, негромко ответил:

— Скоро будет видно.

Император вдруг просиял. Куда девались злость и негодование!

— А-га! — сказал он заговорщицки. — Я понял! Ситуация у вас в руках.

— Сир, я не говорил, что...

— И не надо. Не надо ничего говорить. Я уже наслушался. Значит, так: ситуация у вас в руках, но мне нужны результаты. На моей стороне по-прежнему императорская гвардия и вооруженные силы. Они останутся мне верны, и, если дело дойдет до серьезных беспорядков, я не растеряюсь. Но для начала я дам вам шанс.

Изображение вспыхнуло и исчезло, а Селдон еще долго сидел, глядя на экран.

Впервые с того самого злосчастного момента, когда восемь лет назад он обмолвился о психоистории, он вынужден был столкнуться с неразрешимой задачей: от него требовали то, чего у него не было.

А было-то всего — дикие, неоформленные, призрачные мысли да то, что Юго Амариль называл интуицией.

Глава 21

За два дня Джоранум покорил Трентор. Где-то он бывал сам, куда-то выезжали его помощники. Как Гэри сказал Дорс, кампания была проведена прямо-таки по-военному.

— Ему бы родиться пораньше, — заметил он, — и вышел бы из него отличный адмирал. Балда, разменивается на политику.

— Разменивается? — удивилась Дорс. — При такой прыти он через неделю станет премьер-министром! Есть сообщения о том, что кое-какие гарнизоны переходят на его сторону.

— Все это скоро кончится, Дорс, — покачал головой Селдон.

— Что «это»? Триумф Джоранума или Империи?

— Триумф Джоранума. История с роботом, конечно, надела

жуткого шума, в особенности эта листовка, но стоит немного поразмыслить весьма трезво, хладнокровно, и люди поймут, как нелепо это обвинение.

— Но, Гэри, мне-то ты можешь не лгать. Зачем ты-то притворяешься, что это все нелепо? И как только Джоранум мог узнать о том, что Демерзель — робот?

— А, ты про это? Рейч ему рассказал.

— Рейч?!

— Да. Он отлично справился с порученным делом и вернулся с обещанием Джоранума сделать его в один прекрасный день главой правительства Даля. Конечно, ему поверили. Я знал, что так и будет.

— То есть ты сказал Рейчу, что Демерзель — робот, и велел передать это Джорануму? — в ужасе спросила Дорс.

— Нет, этого я сделать не мог. Ты понимаешь, я ведь не мог сказать Рейчу, да и кому бы то ни было, что Демерзель — робот. Рейчу я, как мог, внушил, что Демерзель — не робот. А вот Джорануму он должен был сказать, что тот — робот. Так что у Рейча — самая твердая убежденность, что Джорануму он солгал.

— Но зачем, Гэри? Почему?

— Не из-за психоистории, я тебе честно скажу. Ты не уподобляйся, пожалуйста, Императору и не считай меня волшебником. Я только и хотел, чтобы Джоранум поверил, будто Демерзель — робот. Он ведь микогенец по рождению, так что его детство и юность наверняка прошли под флагом легенд о роботах. Значит, ему было бы легче поверить в такое, и он легко поверил да еще и решил, что народ поверит вместе с ним.

— Разве он не ошибался?

— В каком-то смысле — да. Когда пройдет первый шок, люди опомнятся и поймут, что все это — безумная выдумка, ну, если не поймут, то, по крайней мере, так подумают. Я убедил Демерзеля дать интервью по субэфирному головидению, которое будет передано на ключевые планеты Империи и в каждый из секторов Трентора. Он должен будет говорить о чем угодно, только ни словом не упоминать о роботах. Поддерживать эти разговоры сейчас смерти подобно. Люди будут слушать во все уши, но ничего не услышат о роботах. А потом, в самом конце, ему будет задан сакраментальный вопрос насчет листовки. Ему же надо будет только расхохотаться в ответ.

— Расхохотаться? Никогда не видела, чтобы Демерзель смеялся. Он и улыбается-то редко.

— На этот раз придется, Дорс. Ведь это единственное, чего никто не ожидает от робота. Ты же видела роботов в фантастических фильмах? Там они всегда суровы, бесчувственны, бесчеловечны — такими их и представляют себе большинство людей. Так что Демерзелю и нужно будет одно-единственное — расхохотаться. И вот еще что... Помнишь Протуберанца Четырнадцатого — правителя Микогена, верховного жреца тамошней религии?

— Еще бы. Суровый, бесчувственный, бесчеловечный. Он тоже никогда не смеялся.

— И на этот раз не рассмеется. Понимаешь, я проделал уйму работы в отношении Джоранума с того самого злосчастного дня, когда схлестнулся с его приспешниками на поле. Я знаю теперь его настоящее имя. Знаю, где он родился, кто его родители, в какой школе он учился в детстве, и все эти документально подтвержденные сведения я отправил Протуберанцу Четырнадцатому. А я не думаю, чтобы Протуберанец жаловал Отступников.

— Но ты вроде бы говорил, что дискриминация тебе противна.

— Противна. Но я ведь не передал эту информацию на головидение, а все сообщил именно тому, кому и должен был сообщить, то бишь Протуберанцу Четырнадцатому.

— Вот он и начнет кампанию по дискриминации.

— Ничего у него не выйдет. Никто на Тренторе не обратит никакого внимания на Протуберанца — что бы он ни говорил.

— И что же тогда из этого выйдет?

— Увидим, Дорс, увидим. У меня нет результатов психоисторического анализа ситуации. Я даже не знаю, возможен ли такой анализ в принципе. Просто надеюсь, что ход моих мыслей верен.

Глава 22

Эдо Демерзель рассмеялся.

И не в первый раз. Они втроем — он, Гэри Селдон и Дорс Венабили — сидели в экранированной комнате, и ему то и дело

по сигналу Гэри нужно было хохотать. Когда он откидывался на спинку кресла и оглушительно, раскатисто хохотал, Селдон качал головой.

— Нет, неубедительно. Не верю, — повторял он снова и снова.

Тогда Демерзель улыбнулся и рассмеялся, как смеялся бы человек, задетый за живое. Селдон недовольно поморщился.

— Ну и работенка... Я понимаю: рассказывать тебе анекдоты бесполезно. Ты можешь решить эту задачу только умом. Тебе нужно просто запомнить звучание смеха.

— А может, фонограмму пустить? — предложила Дорс.

— Нет! Это не будет Демерзель. Тогда мы все превратимся в компанию идиотов. Нет-нет, так не пойдет. Попробуй еще разок, Демерзель.

Демерзель попробовал, и Селдон наконец удовлетворился.

— Отлично. Запомни этот звук и воспроизведешь его, когда тебе зададут вопрос. Выглядеть ты должен искренне удивленным. Невозможно смеяться с каменным лицом. Улыбнись — ну, немножко, совсем капельку. Попробуй вот так рот скривить. Вот-вот. Совсем неплохо. А можешь увлажнить глаза?

— Что это такое — «увлажнить»? — возмущенно вмешалась Дорс. — Никто не «увлажняет» глаза. Это всего-навсего образное выражение.

— Не только, — возразил Селдон. — Бывает так, что человек не плачет, но глаза его увлажняются — от грусти, от радости, и вполне достаточно, чтобы оператор поймал отражение света от этих набежавших на глаза слез, вот и все.

— Нет, ты что, действительно ждешь, что Демерзель зальется слезами?

А Демерзель совершенно спокойно сказал:

— Это вовсе не трудно. Мои глаза время от времени производят слезы — для того, чтобы очищать глаза. Но слез бывает немного. Правда, я могу попробовать представить, что в глаза попала соринка, ну или еще что-нибудь в таком роде.

— Попробуй, — согласился Селдон. — От этого не умирают.

И вот настал день трансляции интервью с премьер-министром по субэфирному головидению. Демерзель сначала выступил с речью и говорил в обычной своей манере — холодно, сдержанно, информативно, без всякой патетики. Люди в миллионах миров во все глаза смотрели и во все уши слушали, что

говорит Демерзель, но не слышали ни слова о роботах. Наконец речь подошла к концу, и Демерзель объявил, что готов ответить на вопросы.

Ждать ему пришлось недолго. Первый же вопрос оказался тем самым, сакраментальным:

— Господин премьер-министр, вы — робот?

Демерзель несколько мгновений спокойно смотрел на тележурналиста. А потом улыбнулся, плечи его слегка затряслись, и он расхохотался. Смех его не был громким, оглушительным, но так искренне мог смеяться только тот, кому подобное предположение показалось донельзя потешным и нелепым. Смех премьер-министра звучал так заразительно, что многомиллионная аудитория замерла, а затем принялась хохотать вместе с ним.

Демерзель дождался, пока смех стихнет в студии, и, утерев набежавшие на глаза слезы, спросил у журналиста:

— Ответить? Вы хотите, чтобы я ответил на этот вопрос?

Улыбка еще не сошла с его лица, когда экран погас.

Глава 23

— Уверен, — сказал Селдон, — наша затея сработала. Конечно, обратная реакция наступит не мгновенно. На это потребуется время. Но уже сейчас общественное мнение меняется в нужном направлении. На самом деле я кое-что понял уже тогда, на университетском поле, когда прервал выступление Намарти. Аудитория была у него в руках до тех пор, покуда я не вмешался и не противопоставил свой пыл их численному преимуществу. Аудитория тут же переметнулась на мою сторону.

— И ты думаешь, что теперешняя ситуация аналогична той?

— Конечно. Раз уж у меня нет психоистории, приходится прибегать к аналогии, ну и еще к разуму, который у меня есть от природы. Что мы имели? Мы имели премьер-министра, которого обложили со всех сторон, как на охоте, а он встретил обвинение улыбкой и хохотом — самыми что ни на есть нероботскими проявлениями, какими только мог, а это само по себе уже было самым лучшим ответом на вопрос. И, естественно, симпатии начали склоняться в его сторону. Помешать процессу невозможно. Но это только начало. Нужно дождаться, пока

в игру вступит Протуберанец Четырнадцатый. Послушаем, что он скажет.

— В этом ты тоже уверен?

— На все сто.

Глава 24

Теннис был одним из любимых видов спорта Гэри, но он гораздо больше любил играть сам, чем наблюдать, как играют другие. И потому он завистливо наблюдал за тем, как Император Клеон, одетый в спортивную форму, прыгает по корту, отражая удары. Теннис был весьма своеобразный, императорский, так сказать, именно такой вариант этой игры обожали Императоры: ракетка была компьютеризована и наклонялась под нужным углом в зависимости от нажатия на кнопку, вмонтированную в рукоятку. Гэри и сам не раз пытался приспособиться к игре такой ракеткой, но пришел к выводу, что это целая отдельная наука, а времени на ее освоение у Селдона не было.

Клеон послал мяч режущим ударом и выиграл сет. С корта он ушел под громкие рукоплескания наблюдавших за игрой чиновников.

— Поздравляю, сир, — сказал ему Селдон. — Вы играли просто превосходно.

— Вам так кажется, Селдон? — безразлично спросил Клеон. — А я никакого удовольствия не получил. Они, знаете ли, подыгрывают мне.

— В таком случае, сир, может быть, вам следует просить ваших противников играть более упорно?

— Не выйдет ничего, — махнул рукой Клеон. — Они все равно будут стараться проиграть. А если бы они обыгрывали меня, я бы получал от игры еще меньше удовольствия, чем от сомнительных побед. Быть Императором не так уж весело, Селдон. И Джоранум это поймет, если ему когда-либо суждено будет занять это место.

Император скрылся за дверью персональной душевой и вскоре появился вымытый, высушенный и одетый совсем иначе.

— Ну, Селдон, — проговорил он, взмахом руки повелев всем остальным удалиться. — Теннисный корт — вполне под-

ходящее место для уединенной беседы. Погода к тому же просто замечательная, так что давайте здесь и поговорим. Я прочитал послание этого Протуберанца Четырнадцатого. Вы полагаете, что этого достаточно?

— Вполне, сир. Из этого послания явствует, что Джоранум объявлен Отступником по законам Микогена и обвиняется в святотатстве.

— Значит, ему конец?

— Ему нанесен сокрушительный, я бы сказал, смертельный удар, сир. Теперь мало кто поверит в россказни, что наш премьер-министр — какой-то там робот. Более того, Джоранум теперь предстает в образе лжеца, позера и даже хуже — человека, которого в этом уличили.

— Уличили, точно, — задумчиво проговорил Клеон. — Вы хотите сказать, что если просто лжешь, но тебя не ловят на этом — это некрасиво, унизительно и ни у кого не может вызвать восхищения.

— Вы удивительно верно выразили мою мысль, сир.

— Стало быть, Джоранум более не опасен.

— В этом мы не можем быть абсолютно уверены, сир. Он даже теперь способен оправиться от потрясения. Его организация пока жива, и многие из его последователей верны ему. В истории хватает примеров, когда людям удавалось вернуться после поражений столь же сокрушительных, как теперешнее поражение Джоранума, и даже более сокрушительных.

— Раз так, надо его казнить, Селдон.

Селдон покачал головой.

— Это было бы неразумно, сир. Вы же не хотите спровоцировать восстание и предстать в роли деспота?

Клеон нахмурился.

— Ну вот, и Демерзель то же самое говорит. Стоит мне только пожелать принять решительные меры, как он тут же бормочет слово «деспот». Ведь были до меня Императоры, которые только то и делали, что прибегали к решительным мерам, и в итоге ими восхищались и считали их не деспотами, а просто людьми сильными и решительными.

— Это верно, сир, но мы живем в тревожное время. И потом казнь не так уж необходима. Вы можете достичь желаемой цели способом, который позволит вам прослыть просвещенным и милосердным монархом.

— Прослыть? Я не ослышался?

— Я оговорился, сир. *Остаться* просвещенным и милосердным. Казнь Джоранума выглядела бы как месть, а месть — всегда проявление слабости. А вы, будучи Императором, призваны с добротой — и даже по-отечески — относиться ко всем вашим подданным и к их убеждениям. Для вас, Императора, все люди равны.

— О чем это вы толкуете?

— О том, сир, что Джоранум нанес удар по священным чувствам микогенцев и вас ужаснуло его святотатственное преступление, его ложь, направленная на то, чтобы скрыть свое истинное происхождение. Что может быть лучше того, чтобы передать Джоранума микогенцам, и пусть они сами с ним разбираются? Вам будут рукоплескать за столь разумный подход к решению всеимперской проблемы.

— А микогенцы его казнят, как вы думаете?

— Очень может быть, сир. Их законы в отношении святотатственных проступков исключительно суровы. В лучшем случае его ждут пожизненное заключение и каторжные работы.

— Замечательно, — улыбнулся Клеон. — При таком раскладе я останусь гуманным и терпимым, а они сделают за меня грязную работу.

— Так оно и будет, сир, если вы *на самом деле* передадите Джоранума в руки микогенцев. Но и это может вызвать недовольство.

— Послушайте, вы меня совсем запутали. Что же мне делать, в конце концов?

— Дайте Джорануму возможность выбора. Скажите ему, что во имя блага всех народов Империи вы призваны передать его в руки микогенского правосудия, но ваша гуманность подсказывает вам, что микогенцы могут обойтись с ним излишне сурово. Следовательно, в качестве альтернативы, он может удалиться на Нишайю, маленькую отдаленную планету, откуда, как он *утверждал*, он родом, и прожить там остаток своих дней в покое и безвестности. Конечно, вы позаботитесь о том, чтобы он находился там под охраной.

— И тогда все решится?

— Безусловно. Для Джоранума возвращение в Микоген было бы равно самоубийству, а он на меня не произвел впечатления человека, склонного к подобным вещам. Он, несомненно,

выберет Нишайю, и хотя это более разумный выход, он все равно унизителен. Став ссыльным на Нишайе, он вряд ли сумеет остаться во главе какого бы то ни было движения, направленного на захват Империи. Его партия, конечно же, распадется. Может быть, они какое-то время и будут устраивать демонстрации с ликом Джоранума на флагах, но, согласитесь, поддерживать труса — занятие не самое благодарное.

— Восхитительно! Как вы только до всего этого додумались, Селдон? — с искренним восторгом воскликнул Клеон.

— Ну, — пожал плечами Селдон, — мне показалось вполне естественным предположить, что...

— Не надо, — прервал его Клеон. — Я не жду, что вы мне скажете правду, а если скажете, я ее вряд ли пойму. Я вам вот что скажу... Демерзель уходит в отставку. Последние события дались ему нелегко, и он считает, что ему пора на отдых. Я с ним вполне согласен. Но без премьер-министра мне не обойтись, и с этой минуты им становитесь вы.

— Сир! — воскликнул Селдон в ужасе и удивлении.

— Премьер-министр Гэри Селдон, — спокойно проговорил Клеон. — Император желает этого.

Глава 25

— Не волнуйся, — сказал Демерзель. — Это мое предложение. Я тут пробыл слишком долго. Чересчур много было кризисов, и сейчас положение таково, что я просто-таки парализован в своих действиях Тремя Законами. А ты вполне логично становишься моим преемником.

— Какой из меня преемник? — с жаром возразил Селдон. — Что я знаю об управлении Империей? Император совершенно по-дурацки убежден, что теперешний кризис я разрешил, руководствуясь законами психоистории. Но ведь это не так.

— Это не имеет значения, Гэри. Раз он *верит*, что у тебя на все есть психоисторические ответы, он будет тебя слушать, а этого вполне достаточно, чтобы ты стал неплохим премьер-министром.

— Да уж. Я его заведу в такие дебри...

— А я уверен в том, что здравый смысл — ну, или *интуиция*, если хочешь, — приведут тебя к цели... с психоисторией или без нее.

— Но что же я буду делать без тебя... Дэниел?

— Спасибо, что так назвал меня. Теперь я больше не Демерзель, теперь я только Дэниел. Что ты будешь без меня делать? Например, можешь попробовать применить на практике кое-какие из идей Джоранума относительно всеобщего равенства. Он ведь эти идеи только излагал ради приобретения популярности, но сами по себе эти идеи вовсе не так уж плохи. Попробуй убедить Рейча помочь тебе. Он ведь принял твою сторону и оказал тебе неоценимую услугу, поборов в себе тягу к идеалам, проповедуемым Джоранумом, так что теперь он страдает, чувствуя себя в каком-то смысле предателем. Докажи ему, что это не так. Помимо всего прочего, у тебя будет возможность больше работать над психоисторией, поскольку в этом деле Император за тебя сердцем и душой.

— Ну а ты что будешь делать, Дэниел?

— В Галактике для меня найдется масса дел. Ведь Нулевой Закон еще никто не отменил, и я обязан трудиться на благо человечества, покуда понимаю, что это такое. И потом, Гэри...

— Да, Дэниел?

— С тобой остается Дорс.

Селдон кивнул:

— Да, со мной остается Дорс.

Он немного помолчал, потом крепко сжал протянутую руку Дэниела.

— Прощай, Дэниел.

— Прощай, Гэри.

Сказав это, робот повернулся и, гордо подняв голову, зашагал прочь по дворцовому залу. Тяжелая мантия премьер-министра шуршала при каждом его шаге.

Селдон после его ухода еще долго стоял, не в силах пошевелиться. Но вдруг, совершенно автоматически, пошел следом за Дэниелом, к кабинету премьер-министра. Он ведь не успел сказать ему самого главного!

Немного помедлив у двери, Селдон вошел в кабинет. Там было пусто. Мантия премьер-министра висела на спинке кресла около письменного стола.

— Прощай, мой друг! — произнес Гэри в пустоту, и слова эти эхом отлетели от стен кабинета.

Эдо Демерзель ушел. Р. Дэниел Оливо исчез.

Часть II
КЛЕОН ПЕРВЫЙ

Клеон Первый. ...Несмотря на многочисленные восхваления в адрес последнего из Императоров, во времена правления которого в Первой Галактической Империи имело место довольно значительное объединение миров и столь же значительное их процветание, двадцатипятилетнее правление Клеона Первого ознаменовалось непрерывным упадком. Это никак нельзя рассматривать как его непосредственную вину, поскольку упадок Империи зависел от таких политических и экономических факторов, с которыми справиться было не под силу никому в то время. Императору удалось подобрать себе в помощники исключительно удачные кандидатуры — его премьер-министрами были Эдо Демерзель, а за ним — Гэри Селдон, в способность которого разработать психоисторию Император никогда не терял веры. Клеон и Селдон как главные объекты подпольной деятельности джоранумитов, пребывавшей в состоянии агонии...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Глава 1

Мандель Грубер был счастливым человеком. По крайней мере, такое впечатление он производил на Селдона. Прервав свой утренний моцион по саду, Селдон с любопытством наблюдал за Грубером.

На вид Груберу было под сорок. Ему так часто приходилось наклоняться — именно наклоняться, а не кланяться, — что он стал сутуловат. Лицо у Грубера было симпатичное, всегда гладко выбритое, розовую лысину едва прикрывали жиденькие светлые волосы. Тихонько насвистывая, он склонился над кустом, осматривая листочки — не появились ли на них вредители.

Но Грубер, конечно же, не был главным дворцовым садовником. Главный садовник — большая шишка — почти все время проводил в своем кабинете в грандиозном здании, и под его началом трудилась целая армия подчиненных — мужчин и женщин. Как ни странно, главный садовник совершал инспекционный обход дворцовой территории не чаще двух раз в году.

А Грубер был одним из его подчиненных. Должность его, насколько знал Селдон, именовалась «садовник первой категории», и зарабатывать ее ему пришлось целых тридцать лет, трудясь верой и правдой.

Остановившись на ровной садовой дорожке, усыпанной мелким гравием, Селдон окликнул садовника:

— Отличный нынче денек, верно, Грубер?

Грубер оглянулся и улыбнулся.

— Да, господин премьер-министр, славный денек. А ведь жалко тех, кто в такой день в четырех стенах томится.

— Вроде меня?

— Не то чтобы вроде вас, господин премьер-министр... просто от души жалко, когда... Ну, вы вот погуляете, подышите — и на целый день во дворец, верно? Как же вас не жалеть? Выходит, я счастливее вас буду?

— Спасибо вам за сочувствие, Грубер, но ведь вы же знаете, что на Тренторе сорок миллиардов людей живут под куполами. Вам их всех жалко?

— А как же! Я-то судьбе благодарен за то, что я здесь, а не там. Нас ведь так мало — таких, кому суждено трудиться на вольном воздухе. Считайте, мне здорово повезло.

— Но ведь погода не всегда такая замечательная?

— Это верно. И мне приходится вкалывать и под ливнем, и когда ветрище до костей пробирает. Только, знаете, нет плохой погоды, есть плохая одежда. Да вы поглядите... — Грубер раскинул руки, как будто хотел обнять весь дворцовый парк. — Поглядите, сколько у меня тут друзей — деревья, трава, зверюшки, жучки. Работы всегда хватает, не соскучишься. Ведь надо все в порядке держать. Планировка там и все такое... А вы, господин премьер-министр, видали хоть раз планировку парка?

— Да ведь я вроде бы и сейчас ее вижу или нет?

— Э нет, я не про то. Это надо сверху, с птичьего полета, так сказать. Только тогда поймешь, каково тут все на самом деле.

Парк-то был разбит по проекту Тэппера Сэвенда лет сто назад, если не больше, и с тех пор тут ничего не меняли. Тэппер был одним из самых лучших специалистов по озеленению, и ведь он мой земляк, кстати.

— С Анакреона, стало быть?

— Точно. Далекая планета на задворках Галактики. Там, знаете, до сих пор есть место, где не ступала нога человека. Живи-поживай... А сюда я попал зеленым мальчишкой — считайте, молоко на губах не обсохло. Тогда нынешний главный садовник тоже был совсем молоденький, только-только на должность заступил, еще при прежнем Императоре. Ну а теперь, конечно, то и дело разговоры заходят — давайте, дескать, все тут переделаем, перекроим...

Грубер глубоко вздохнул и покачал головой:

— Зря сделают, если возьмутся за такое. Не стоит. И так все славно, ежели только порядок соблюдать да делать так, чтобы глаз и душу радовало. Правду сказать, все-таки порой тут кое-что изменяли. Нет-нет, а кому-то из Императоров прискучивала старая планировка и хотелось чего-то новенького. Можно подумать, — хмыкнул Грубер, — будто новенькое — это всегда лучше, чем старенькое. Наш-то нынешний Император, да продлятся его дни, тоже подумывал, не изменить ли тут чего, обсуждали они это дело с главным садовником.

Последние слова Грубер произнес почти шепотом — по всей видимости, устыдился, что распространяет дворцовую сплетню.

— Ну, это вряд ли скоро получится.

— Надеюсь, господин премьер-министр, всей душой надеюсь. Знаете, я вам вот что скажу: коли будет у вас минутка оторваться от вашей безумной работы, не поленитесь, загляните в бумаги, поглядите на планировку парка. Редкостной красоты планировка, и будь на то моя воля, я бы ни единой веточки, ни единого листочка не трогал бы, хоть тут сотни квадратных километров площади.

Селдон улыбнулся.

— Как я погляжу, вы преданы своему делу, Грубер. Не удивлюсь, если в один прекрасный день вы станете главным садовником.

— Только не это! Главный садовник — несчастнейший из людей. Он не дышит свежим воздухом, не видит красот природы. Наверное, уже и позабыл, что он про нее знает, про природу эту самую. Он вот где живет, — брезгливо махнул рукой Грубер в сторону дворцовых построек, — и поди уже не сумеет кустик от деревца отличить, если только кто из подчиненных не подведет его поближе и пальцем не ткнет.

Селдону показалось, что Грубер того гляди плюнет от отвращения, но, судя по всему, он не мог найти, куда бы сплюнуть.

Селдон негромко рассмеялся.

— Какое удовольствие, Грубер, с вами беседовать! Сами знаете, какая у меня работа. Так приятно иногда погрузиться в вашу жизненную философию.

— Да что вы, господин премьер-министр, какой из меня философ... Я и учился с пятого на десятое...

— Чтобы стать философом, совершенно не обязательно учиться. Тут нужен острый ум и жизненный опыт. Так что берегитесь, Грубер. Можете получить повышение.

— Господин премьер-министр, мне лучшей награды не будет, если вы меня оставите тем, кто я есть.

Селдон развернулся и пошел прочь, и улыбка вскоре исчезла с его лица, поскольку он задумался о делах гораздо более прозаических. Уже десять лет он занимал пост премьер-министра, и если бы Грубер знал, до какой степени Селдону осточертела его должность, он бы сочувствовал ему еще сильнее. О, если бы Грубер понимал, с какой неразрешимой дилеммой столкнулся Селдон, к чему подвел его достигнутый за эти годы прогресс в разработке психоистории!

Глава 2

Тихая, мирная, задумчивая прогулка — просто идиллия. Здесь, поблизости от Императорского Дворца, трудно было даже поверить, что за пределами этого островка под открытым небом простирается громадная территория планеты, закованная в непроницаемую броню. А здесь Селдону казалось, будто он на своей родной планете Геликон. Груберу, наверное, казалось, что он на Анакреоне!

Но, конечно, все это было обманчиво. Территория дворцового парка надежно охранялась — мало сказать «надежно».

Некогда, тысячу лет назад, когда дворцовые постройки бы-

ли не так роскошны, как теперь, и гораздо меньше отличались от остальных зданий на Тренторе, который в ту пору только начинали покрывать защитными куполами, дворцовая территория была открыта для простых смертных, а сам Император порой прогуливался по дорожкам парка и благосклонно кивал своим подданным.

Теперь все было по-другому. Теперь тут царил режим особой безопасности и никому из тренторианцев не позволялось самовольно пересечь границу дворцовой территории. На самом деле такие суровые меры предосторожности вовсе не снижали уровня опасности, поскольку исходила она, как правило, от тех, кто находился как раз внутри границ этой самой территории, то бишь от чем-то недовольных чиновников из ближайшего окружения монаршей особы или от подкупленных солдат-охранников, нарушивших присягу. Именно на дворцовой-то территории реальная опасность и грозила Императору и его неподкупным приближенным. Страшно представить, что могло бы произойти, если бы на такой вот прогулке, как сегодня, лет десять назад Селдона не сопровождала Дорс Венабили.

Он тогда был начинающим премьер-министром, и было вполне естественно предполагать, что найдутся завистники, скрежещущие зубами по поводу столь неожиданного решения Императора. Тогда было много охотников занять освободившуюся вакансию — тех, кто считал себя более опытным, более достойным (по их мнению, конечно) и поэтому вправе (по их же мнению) пылать справедливым гневом. Естественно, никто из злопыхателей ни сном ни духом не ведал о психоистории, о той важности, какую ей придавал Император, а потому они решили, что самое простое — это подкупить одного из вооруженных телохранителей премьер-министра.

И вот однажды во время прогулки зоркие глаза Дорс уловили отблеск лучей закатного солнца — настоящего солнца, чьи лучи никогда бы не проникли через стальной панцирь купола, — и отблеск этот сверкал, отражаясь от металлической поверхности бластера.

— Ложись, Гэри! — вскрикнула она и одним прыжком оказалась рядом с сержантом.

— Дайте мне ваш бластер, сержант, — приказала она тоном, не допускающим возражений.

Потенциальный террорист, донельзя смущенный яростным видом несущейся на него женщины, судорожно взвел курок.

Но выстрелить не сумел, поскольку Дорс успела крепко сжать его запястье и поднять над головой руку, сжимавшую бластер.

— Лучше бросьте, — сжав зубы, проговорила она.

Сержант отчаянно старался вырвать руку.

— И не пытайтесь, сержант, — предупредила Дорс. — Мое колено — в трех дюймах от вашего паха, и вы не успеете глазом моргнуть, как ваше мужское достоинство станет приятным воспоминанием. Замрите. Вот так, умница. А теперь разожмите пальцы. Если сейчас же не бросите бластер, я вам сломаю руку.

Тут из-за кустов с воплями выбежал садовник. Дорс сделала ему знак не приближаться. Сержант разжал пальцы. Бластер упал на землю.

Селдон, подбежав, процедил сквозь зубы:

— Иди, Дорс, я разберусь с ним.

— Нет, это ты иди. Забери бластер и уходи за деревья. Тут могут быть еще злоумышленники.

Дорс, по-прежнему крепко держа сержанта за руку, потребовала:

— А теперь, сержант, назовите имя того, кто заставил вас покуситься на жизнь премьер-министра, а также имена всех тех, кто еще в этом замешан.

Сержант молчал.

— Не валяйте дурака, — сказала Дорс. — А ну, говорите! — И она выкрутила ему руку так, что он опустился на колени. Дорс приставила к его шее носок туфли. — Сержант, если вам очень нравится помалкивать, я могу сделать так, что вы умолкнете навеки. И не только лишитесь дара речи — учтите, сначала я вам все кости переломаю. Так что давайте-ка говорите!

И сержант послушался.

А потом, когда все было позади, Селдон спросил у Дорс:

— Дорс, как ты могла? Никогда не думал, что ты способна на такую... *жестокость*!

Дорс холодно ответила:

— На самом деле я не причинила ему никакого вреда. Вполне достаточно было пригрозить. Во всяком случае, твоя безопасность была превыше всего.

— Лучше бы я сам с ним схватился.

— Ради чего? Чтобы не уронить мужского достоинства? Во-первых, ты бы мог просто-напросто опоздать. Во-вторых, чего бы ты ни добился и как бы ни преуспел, это в любом случае не стало бы неожиданностью. Один мужчина отделал другого — подумаешь! А я — женщина, а от женщины никто не ждет ни мужской ярости, ни силы. Гэри, ну ты-то понимаешь, что ни одна женщина не в силах сделать со здоровым мужиком такое? А теперь пойдут слухи, рассказ о случившемся будет обрастать неправдоподобными подробностями, и скоро все меня будут бояться, а тебя никто не осмелится и пальцем тронуть.

— Ну да. Но не только из-за того, что будут бояться тебя. Бояться будут еще и казни. Сержант и остальные заговорщики будут казнены, ты же знаешь.

Дорс, как правило, строго следила за выражением своего лица, но тут не сдержалась. Видно было, как ей жалко осужденного на смерть сержанта, того, кто мог бы, не задумываясь, прикончить ее любимого Гэри.

— Но, Гэри, — воскликнула она, — разве так уж необходимо казнить заговорщиков? Вполне достаточно было бы посадить их в тюрьму или отправить в ссылку.

— Не выйдет, — покачал головой Селдон. — Поздно. Клеон и слышать ни о чем, кроме казни, не желает. Могу процитировать тебе его слова, если хочешь.

— То есть он уже все решил?

— Не раздумывая. Я пытался убедить его в том, что хватило бы ссылки или тюрьмы, но он сказал «нет». Он сказал: «Всякий раз, когда я пытаюсь решить проблему путем твердых и решительных действий, вы мне поете ту же самую песню, что до вас пел Демерзель, — про «деспотизм» и «тиранию». Но это *мой* дворец. Это *мой* парк. Это *моя* охрана. Моя собственная безопасность зависит от того, насколько надежно охраняются дворец и территория, от того, насколько мои люди верны мне. Неужели у вас есть сомнения в том, что любое нарушение верности мне и Империи должно быть наказуемо иначе, нежели мгновенной казнью? О какой безопасности тогда вообще речь? О какой моей безопасности можно говорить?»

Тогда я сказал: «Но должен состояться суд». А он говорит: «Пусть будет суд. Трибунал. Пусть он состоится немедленно, и я не потерплю, если хоть кто-то выскажется против казни».

Дорс была потрясена.

— И ты так спокойно об этом говоришь? Ты что, согласен с Императором?

Селдон нехотя кивнул:

— Согласен.

— Из-за того, что покушались на твою жизнь, видимо? Неужели ты из чувства мести отказался от своих принципов?

— Нет, Дорс, я человек не мстительный. Но в данном случае на карту была поставлена не только моя жизнь и не только жизнь Императора. Если и есть в истории Империи что-либо неизменное, показательное, так это то, что Императоры приходят и уходят. Защищать тут приходится психоисторию. Несомненно, даже если что-нибудь ужасное случится со мной, психоистория все равно когда-нибудь появится на свет, но Империя катится к разрухе, и ждать нельзя, а пока только мне одному удалось продвинуться достаточно далеко для того, чтобы необходимая нам как воздух методика была разработана вовремя.

— Значит, тебе следовало бы передать свои знания другим, — сухо проговорила Дорс.

— Я этим и занимаюсь. Поскольку Юго Амариль кажется мне самым подходящим моим последователем, у меня от него секретов нет. Мы с ним собрали целую группу математиков. Все они люди способные и когда-нибудь сумеют внести свою лепту, но только все равно они не такие знающие, как...

— Как ты — хочешь сказать? Не так мудры, не так талантливы? Да?

— Да, я именно так думаю. И еще я думаю, что психоистория принадлежит мне, а раз я один способен с ней управиться, мне нужно время и нужна моя жизнь. Я — человек...

— Человек... — печально кивнула Дорс.

Казнь состоялась. Уже целый век в Империи не случалось ничего подобного. На смерть были осуждены двое министров, пятеро чиновников среднего звена и четверо солдат, включая того самого сержанта. Вся дворцовая охрана подверглась допросам и проверкам, и те, кто не выдержал испытаний, были уволены и, более того, сосланы в отдаленные Внешние Миры.

С этих пор все стали тише воды, ниже травы, а охрана премьер-министра была усилена вдвое, так что Тигрице — именно так стали теперь под шумок называть Дорс — уже не было нужды всюду сопровождать Селдона. Даже когда ее не было рядом,

ее образ яростной защитницы, казалось, витал где-то совсем рядом с Селдоном. Итак, минуло уже почти десять лет, как Император Клеон наслаждался спокойствием и полной безопасностью.

Теперь работа над психоисторией подошла вплотную к той черте, когда вот-вот должна была появиться возможность делать кое-какие прогнозы, и, возвращаясь в это утро с прогулки в лабораторию, где он превращался из премьер-министра в ученого-аналитика, Селдон почему-то отчетливо ощутил, что периоду его благоденствия и эйфории приходит конец.

Глава 3

Однако он не сумел сдержать радости, охватившей его при входе в лабораторию.

Как все переменилось!..

Ведь началось все двадцать лет назад, а тогда он маялся с подержанным геликонским компьютером. Но именно тогда словно озарение снизошло на него, и возникла туманная, полубезумная математическая теория...

А потом — годы работы в Стрилингском университете, когда они с Юго Амарилем корпели над выверкой уравнений, пытались избавиться от тяжеловесных множеств, обойти каким-то образом самые страшные из хаотических эффектов. Честно говоря, успехов у них было маловато.

Теперь же, когда он уже десять лет занимал пост премьер-министра, к его услугам был полный набор новейших компьютеров и обширный штат сотрудников, разрабатывающих самые разные аспекты проекта.

Условиями разработки проекта диктовалась необходимость того, чтобы никто из сотрудников — за исключением Юго и самого Селдона — не знал в точности, над чем они на самом деле работают. Каждый трудился над вычлененным из общей проблемы заданием, разрабатывая, так сказать, отдельную шахту в колоссальной горе психоистории. Только Юго и Селдон знали, как глубоки ее недра, как высоки вершины, да и для них порой эти самые вершины скрывались в тучах, а склоны заволакивал густой туман.

Конечно, Дорс была права. Пора было мало-помалу ввести сотрудников в курс дела, посвящать в тайну. Двоим теперь уже не под силу было управляться с возникшими проблемами. А годы неумолимо шли вперед. Селдон старился. Пускай даже он сумеет курировать работу над проектом еще пару десятков лет, но надо смотреть правде в глаза: лучшие его годы уже позади.

Да и Амарилю через месяц — тридцать девять. В общем, он еще достаточно молод, но не так уж молод для математика. К тому же он трудится над проектом примерно столько же времени, сколько сам Селдон, и, стало быть, способность к продуктивному, блещущему новизной мышлению у него уже не та.

Амариль заметил, как вошел Селдон, и пошел ему навстречу. Селдон с любовью смотрел на помощника. Амариль, как и Рейч, был коренным далийцем, и все же, на взгляд, в нем ничего далийского не осталось, разве что невысокий рост и крепкая, мускулистая фигура. Он не носил усов, давно избавился от акцента. Даже далийский менталитет куда-то выветрился. Призывы и лозунги Джо-Джо Джоранума в свое время не произвели на него никакого впечатления, а ведь он апеллировал в первую очередь к угнетенным и униженным далийцам.

Казалось, Амарилю совершенно несвойствен никакой патриотизм, кроме единственного — патриотизма в отношении психоистории. Только ей он принадлежал и сердцем, и душой.

Думая об этом, Селдон порой испытывал смущение. Сам он до сих пор не забыл о родной планете Геликон, о тех двадцати годах, что прожил там, и ничего не мог с собой поделать: он считал себя геликонцем. Время от времени он задумывался над тем, не мешает ли это его работе над психоисторией. Ведь в идеале человеку, занятому этой наукой, нужно было бы отречься от каких-либо национальных привязанностей и перестать принадлежать какому бы то ни было сектору, планете, а если и принадлежать кому-то и чему-то, то только лишь абстрактному человечеству, как Амариль.

«А я до сих пор этого не умею», — подумал Селдон и глубоко вздохнул.

— Гэри, — сказал Амариль, — успехи таки, похоже, есть.

— Похоже, Юго? Только похоже?

— Я не стал бы торопиться и выпрыгивать в открытый космос без скафандра, — сказал Юго совершенно серьезно. (Селдон знал, что с чувством юмора у него не очень.) И они вдвоем

вошли в их отдельный кабинет. Кабинет был невелик, но зато надежно экранирован.

Амариль сел и закинул ногу на ногу.

— Появилась возможность запустить твою последнюю схему борьбы с хаотичностью — не целиком, конечно, и ценой обобщений.

— Ясно. Выбрал прямую дорогу, так не гляди по сторонам. Именно так обстоят дела во Вселенной. Нужно просто-напросто как-то одурачить наши цифры.

— Ну, что-то в таком духе мы и сделали. Теперь мы смотрим на все как бы через обледеневшее стекло.

— Это все равно лучше, чем смотреть через свинцовый экран, заслонявший нам обзор столько лет.

Амариль что-то пробормотал себе под нос и сказал:

— Теперь мы способны различать свет и тьму.

— Поясни!

— Не могу, но у меня есть Главный Радиант, над созданием которого я трудился, как... как...

— Ламек не подойдет? Это такой геликонский зверек, живущий в горах. На Тренторе они не водятся.

— Ну, если ваш ламек трудится в поте лица, значит, я примерно так же трудился над созданием Главного Радианта.

Амариль нажал кнопку на крышке стола, сработал механизм открытия ящика, и он бесшумно выехал из-под крышки. Юго вынул из ящика черный матовый куб. Селдон с нескрываемым интересом смотрел на него. Принципиальную схему Главного Радианта создал он сам, но сборку осуществлял Амариль — он был мастер на все руки.

Комната постепенно погрузилась в темноту, и прямо в воздухе повисли цепочки уравнений и графиков. Цифры, казалось, были подвешены на невидимых ниточках над столом.

— Восхитительно! — не смог удержаться Селдон. — В один прекрасный день, если доживем до него, нужно будет добиться того, чтобы Главный Радиант проецировал целый поток математических символов, отражающих прошлое и будущее. У нас появится возможность выделять в течении этой громадной реки притоки и рукава, направлять их в нужное русло.

— Угу, — буркнул Амариль, — если нам удастся прожить с сознанием того, что наши действия, направленные на то, как бы сделать лучше, не сделали хуже, чем есть.

— Поверь, Юго, еще не было случая, чтобы я лег спать, не подумав об этом. Эта мысль все время гложет меня. И все-таки пока ничего такого не произошло. И не добрались мы покуда до такой возможности. Ты верно сказал: пока мы всего-навсего различаем свет и тьму через обледенелое стекло.

— Точно.

— И как тебе кажется, что ты видишь, Юго? — спросил Селдон, пристально глядя на Амариля. Пристально и немного печально: Амариль стал толстеть. У него даже брюшко появилось. Он проводил слишком много времени у компьютера и Главного Радианта и почти забросил свои каждодневные разминки. Селдон знал, что с женщинами Амариль встречается время от времени, но жены у него не было. Это было ошибкой! Даже трудоголику нужны жена и дети, нужно о ком-то заботиться.

И Селдон подумал о том, что он сам до сих пор старается держаться в хорошей форме и что именно Дорс заставляет его не забывать об этом.

— Что я вижу? — переспросил Амариль. — Я вижу, что Империя в беде.

— Империя всегда в беде.

— Да, но теперь дело обстоит более конкретно. Существует вероятность, что беда подстерегает нас в самом центре.

— На Тренторе?

— Может быть. А может быть, на Периферии. То ли случится несчастье здесь, у нас — может быть, гражданская война, то ли далекие Внешние Миры начнут откалываться от Империи.

— Уверен, для определения вероятности как первого, так и второго психоистория не нужна.

— Самое интересное то, что, похоже, это взаимоисключающие события. Либо одно, либо другое. А вероятность того, что и то и другое произойдет одновременно, ничтожна мала. Вот, посмотри. Это же твои собственные вычисления. Посмотри!

И они вместе углубились в чтение цифр на дисплее Главного Радианта.

Наконец Селдон проговорил:

— Знаешь, я все-таки не понял, почему ты считаешь эти варианты развития событий взаимоисключающими?

— Я тоже, Гэри, не знаю, почему это так, но в чем тогда ценность психоистории? Грош бы ей была цена, если бы она показывала нам только то, что видно невооруженным глазом.

Она должна показывать то, чего не *видно*, понимаешь? А не показывает она нам, во-первых, того, какой из двух вариантов предпочтительнее, а во-вторых, что нужно делать для того, чтобы случилось лучшее, а вероятность худшего значительно упала.

Селдон поджал губы, помолчал, потом медленно проговорил:

— Я могу сказать тебе, какой вариант предпочтительнее. Пусть Периферия катится куда подальше, а Трентор остается в покое.

— Серьезно?

— Без вопросов. Мы обязаны сохранить Трентор в неприкосновенности хотя бы потому, что здесь мы работаем.

— Но наше собственное существование нельзя ставить во главу угла.

— Наше — нет, а существование психоистории — можно. Что хорошего для нас выйдет из того, если мы примемся спасать Периферию, а на Тренторе создастся такая обстановка, что мы вынуждены будем прервать работу над психоисторией? Я не говорю, что нас убьют. Я говорю о том, что нам могут не дать работать. А наша судьба напрямую зависит от работы над психоисторией. Что же касается Империи, то отделение Периферии — всего лишь начало распада, который может продлиться очень долго, прежде чем процесс достигнет до сердцевины.

— Допустим, ты прав, Гэри, но как можно добиться сохранения стабильности на Тренторе?

— Для начала надо хотя бы подумать об этом.

Оба умолкли, и наконец Селдон признался:

— Знаешь, что-то мне не легче от этих раздумий. А что, если вся Империя — на ложном пути? Причем давно идет по нему, всю свою историю? Знаешь, эта мысль приходит мне в голову всякий раз, когда я говорю с Грубером.

— Кто это — Грубер?

— Мандель Грубер. Садовник.

— А-а-а... Тот самый, что с воплями кинулся тебе на помощь, когда тебя хотели убить?

— Он самый. Я никогда этого не забуду и останусь вечно ему признателен. Ведь он был готов голыми руками защищать меня и не испугался заговорщиков, вооруженных до зубов. Вот это преданность! Но дело не столько в этом. Знаешь, поговоришь с ним — и словно глотнул свежего воздуха. Не могу же я все время разговаривать с придворными и психоисториками.

— Ну, спасибо.

— Не сердись! Ты же понимаешь, что я хочу сказать. Грубер — дитя природы. Он любит ветер, и дождь, и мороз — словом, натуральную погоду. А я тоже по всему этому так скучаю порой.

— А я — ни капельки. И не помер бы, если бы вообще никуда не выходил.

— Ты вырос под куполом. А вот попробуй представить себе, что было бы, если бы Империя состояла из примитивных, промышленно неразвитых миров, живущих земледелием и скотоводством, где плотность населения была бы мала и хватало бы нетронутых участков земли? Разве так не было бы лучше для всех нас?

— Не знаю. На мой взгляд, это было бы просто кошмарно.

— А я выкроил время и попытался оценить такой вот вариант. Такое впечатление, что имеет место нечто вроде неустойчивого равновесия. Малонаселенный мир — ну, такой вот пасторальный, как я только что описал, — либо нищает и вырождается, опускаясь практически до дикарства, либо там происходит индустриализация. Узенькая такая, понимаешь, дощечка — того и гляди, в какую-то сторону откачнется, и почему-то чаще всего выходит так, что перевешивает индустриальный путь развития.

— Потому что он лучше.

— Может быть. Но так не может продолжаться вечно. Теперь мы наблюдаем результаты подобной однобокости. Империя долее не может существовать, потому что она... она перегрелась, лучше не могу слова подобрать. А что будет — трудно сказать. Если мы с помощью психоистории сумеем предотвратить гибель Империи или, что гораздо более вероятно, ускорить ее выздоровление после гибели, может быть, это будет не более чем запуск очередного периода перегрева. Неужели это все, что предстоит человечеству, — толкать, подобно Сизифу, камень в гору только для того, чтобы потом с отчаянием взирать, как он снова катится вниз?

— Что за Сизиф?

— Герой древнего мифа. Юго, тебе следовало бы побольше читать.

Амариль пожал плечами:

— Чтобы узнать о Сизифе? Вот уж незачем. Может быть, психоистория укажет нам путь к совершенно новому обществу, абсолютно не похожему на те, что мы видели и видим, — спокойному, устойчивому, желанному.

— Надеюсь, — вздохнул Селдон. — Очень надеюсь, но пока что-то на это не похоже. Что до ближайшего будущего, нужно приложить все усилия и добиться того, чтобы Периферия откололась. С этого момента начнется отсчет времени распада Галактической Империи.

Глава 4

— А я сказал, что это явится все-таки началом распада Галактической Империи. Так оно и будет, Дорс.

Дорс слушала его, поджав губы. В свое время она приняла назначение Селдона на пост премьер-министра точно так же, как принимала все, что с ним происходит, то есть спокойно. От нее всегда требовалось единственное — защищать его лично и его психоисторию, однако его теперешнее положение затрудняло ее задачу. Неизвестность — вот лучшая гарантия безопасности, а покуда жизнь Селдона озаряли «Звездолет и Солнце» — символ Империи, любые физические заслоны были недостаточны.

Та роскошь, которая теперь окружала их в обыденной жизни, — надежное экранирование от лучей-шпионов и от любого нападения, возможности для проведения ее собственных исторических изысканий, не ограниченные никакими рамками, — все это не удовлетворяло ее. Она бы с радостью согласилась поменять все это на скромный коттедж в кампусе Стрилингского университета, а еще лучше — на какой-нибудь безымянный дом или квартиру в безымянном секторе, где бы никто их не знал.

— Все это очень хорошо, Гэри, милый, — сказала она, — но этого мало.

— Чего мало?

— Ты мне не все сказал. Ты говоришь, что мы можем потерять Периферию. Каким образом? Почему?

Селдон усмехнулся.

— Хотел бы я знать это, Дорс, но психоистория не на той стадии разработки, чтобы дать нам ответы на такие вопросы.

— Ну хорошо, скажи тогда, как это может выглядеть, по твоему собственному мнению. В чем тут дело? В амбициях правителей отдельных провинций, которые хотят объявить об их независимости?

— И в этом тоже. Такие случаи имели место в прошлом, и ты об этом знаешь лучше меня, но это никогда не затягивалось надолго. На этот раз все может получиться иначе.

— Потому что Империя теперь слабее?

— Да, и потому, что теперь торговля застопорилась, связи между мирами стали не такими прочными, потому что губернаторы провинций на самом деле теперь гораздо ближе к независимости, чем когда бы то ни было. И если амбиции одного из них станут особенно высоки...

— Догадываешься, кто бы это мог быть?

— Ни в малейшей степени. Единственное, что мы способны вытянуть из психоистории на нынешней стадии ее разработки, так это то, что, если такой губернатор отыщется, сейчас условия для претворения его амбиций в жизнь гораздо более благоприятны, чем когда-либо раньше. Могут произойти и другие события, к примеру, какое-то жуткое стихийное бедствие или внезапная гражданская война между двумя коалициями отдаленных Внешних Миров. Прогнозировать и то и другое в точности на данный момент мы не способны, однако мы можем с уверенностью сказать, что, случись сейчас нечто подобное, и последствия будут гораздо более серьезными, чем сто лет назад.

— Но если вы даже не знаете в точности, что может случиться на Периферии, как же вы можете пытаться направить течение событий так, чтобы Периферия откололась, а Трентор остался в неприкосновенности?

— Мы пока способны только на то, чтобы самым пристальным взором следить за ситуацией на Периферии и на Тренторе и предпринимать попытки к стабилизации положения на Тренторе, но не предпринимать таковых в отношении Периферии. Пока нам нечего ждать от психоистории в плане того, что те или иные события будут автоматически происходить по нашему приказу; не зная о том, как именно работает психоистория, это было бы попросту опасно, а потому придется все

перевести в режим непрерывного «ручного» управления, так сказать. Пройдет время, методика будет усовершенствована, и необходимость в «ручном» управлении пойдет на убыль.

— Но все это, как я понимаю, в будущем, — уточнила Дорс. — Верно?

— Верно. Да и это всего лишь надежда.

— Но какого же рода нестабильность угрожает Трентору, если мы станем удерживать Периферию?

— Да такая же самая — экономические и социальные сбои, стихийные бедствия, подстегиваемые амбициями заговоры в высших сферах власти. И еще кое-что. Я вот, когда говорил с Юго, сказал ему, что, на мой взгляд, Империя как бы перегрелась. А Трентор — самая накаленная ее часть. Похоже, что он просто-таки по швам трещит. У его инфраструктуры — обеспечение водой, теплом, переработка отходов, транспортировка топлива — сейчас то и дело, похоже, возникают проблемы, с которыми раньше тут никто не сталкивался, и каждый день я отмечаю в этом плане что-то новое.

— А что скажешь насчет смерти Императора?

Селдон развел руками.

— Она неизбежна, но Клеон пребывает в добром здравии. Лет ему столько же, сколько и мне, и хотя я бы не прочь скинуть десяток годков, я ведь не старик, верно? Стало быть, и он не старик. Сын его в качестве наследника никуда не годится, но претендентов отыщется хоть отбавляй. Их гораздо больше, чем требуется для того, чтобы ускорить его кончину, однако и это вряд ли окажется глобальной катастрофой — в историческом плане.

— Хорошо, тогда скажи, что ты думаешь о покушении на его жизнь?

Селдон встревоженно посмотрел на жену.

— Не произноси этого слова. Пусть мы тут с ног до головы экранированы, все равно не стоит.

— Гэри, не валяй дурака. Всякое возможно. Было же время, когда джоранумиты были всего на волосок от захвата власти, а если бы они ее захватили, они бы от Императора так или иначе...

— Может быть, и нет. Им он был бы гораздо более полезен в качестве марионетки. Как бы то ни было, об этом можно спокойно забыть. Джоранум в прошлом году умер на Нишайе. Патетическая была личность.

— У него были последователи.

— Естественно. У всех есть последователи. Послушай, вот ты изучаешь период становления Тренторианского Королевства и консолидации миров Галактической Империи. Тебе не доводилось нигде встречать упоминания о Глобалистской Партии — была такая у нас на Геликоне?

— Нет, не доводилось. Не хотелось бы делать тебе больно, Гэри, но, честное слово, на протяжении всей истории я вообще ни разу не сталкивалась с упоминаниями о Геликоне.

— Я нисколько не обижен, Дорс. Счастлив тот мир, у которого нет истории, я так всегда говорю. И все-таки... Словом, дело было так: примерно двадцать четыре столетия назад на Геликоне образовалась группа единомышленников, полностью и бесповоротно убежденных в том, что Геликон — это единственная населенная планета, то бишь «глобус», в Галактике. Вся Вселенная — это Геликон, а над ним — всего лишь непроницаемая твердая сфера, усеянная крошечными звездочками.

— Но как они только могли верить в такое? — изумилась Дорс. — Они ведь уже тогда входили в состав Империи, насколько я понимаю?

— Да, но глобалисты упрямо твердили, что само существование Империи — не более чем иллюзия, самовнушение, что все до одного эмиссары и чиновники Империи — это геликонцы, которые неизвестно почему играют эти роли. Взывать к здравому смыслу было совершенно бесполезно.

— И что потом?

— Видишь ли, по-моему, всегда приятно думать, будто твой собственный мир — это Мир с большой буквы. На пике своей деятельности глобалисты втянули в партию примерно десятую часть населения Геликона. Казалось, немного — подумаешь, десятая часть! Однако это было то самое деятельное меньшинство, которое противостояло бездеятельному, безразличному большинству, и все шло к тому, что они возьмут верх.

— Но не взяли, как я понимаю?

— Нет, не взяли. Глобалисты добились того, что объем торговли Империи с Геликоном значительно снизился, а геликонская экономика докатилась до почти полного нуля. И когда

обыватели взяли в руки блокнотики и карандаши, популярность глобалистов резко пошла на спад. Их взлет и падение изумляли многих в то время, но я уверен, психоистория безошибочно указала бы на неизбежность такого оборота дел и доказала бы, что и думать тут много нечего.

— Ясно. Но, Гэри, объясни, для чего ты рассказал мне эту историю? Видимо, она как-то связана с тем, о чем мы сейчас говорим?

— Связь в том, что подобного рода доктрины никогда не умирают до конца, независимо от того, какими бы идиотскими способами они ни одурачивали людей. Даже сейчас на Геликоне — *даже сейчас!* — существуют глобалисты. Их немного, но время от времени семь-восемь десятков фанатиков собираются на так называемые «Глобальные Конгрессы» и получают ни с чем не сравнимое удовлетворение, разглагольствуя между собой о глобализме. Так вот... прошло ведь всего десять лет с тех пор, как Трентору реально грозила опасность со стороны мощнейшего движения джоранумитов. Так что вовсе неудивительно, если тут остались кое-какие приверженцы учения Джоранума. И тысяча лет пройдет, а они останутся, и тоже удивляться будет нечему.

— Вероятно ли, что оставшиеся могут быть опасны?

— Сомневаюсь. Дело в том, что само движение в огромной степени опиралось на чары Джоранума, а он мертв. И смерть его не стала смертью героя. Он тихо и мирно скончался в ссылке.

Дорс встала и прошлась по комнате из конца в конец, взмахивая руками и сжимая кулаки. Вернулась и встала перед сидящим в кресле Селдоном.

— Гэри, — сказала она, — позволь я скажу тебе, что я думаю. Если психоистория говорит о том, что Трентору грозят серьезные потрясения, значит, в том случае, если здесь еще остались джоранумиты, они до сих пор могут строить планы убийства Императора.

— Ты шарахаешься от теней, Дорс, — нервно рассмеялся Селдон. — Успокойся.

Однако отмахнуться от того, что так легко было сказано женой, он не сумел.

Глава 5

Сектор Сэтчем всегда противился династии Энтунов, из которой происходил и нынешний Император Клеон Первый. Династия эта правила Империей уже два столетия. Притязания сэтчемцев на престол были связаны с тем, что некогда выходцы из этого сектора побывали на монаршем престоле. Однако, хотя сэтчемской династии не суждено было достичь на этом посту сколько-нибудь значительных успехов, ни народ, ни тем более правители Сэтчема никак не могли забыть о том, кем были когда-то, что некогда, пусть ненадолго, пусть кое-как, но все же забрались на самый верх. Восемнадцать лет назад Рейчел, самозваная сэтчемская мэрша, бросила дерзкий вызов всей Империи. Из этого, правда, ничего не вышло, но зато поруганная гордость сэтчемцев взыграла с новой силой.

И поэтому небольшая группа руководителей подполья нигде не чувствовала бы себя более комфортно и безопасно, чем в Сэтчеме.

Как-то вечером пятеро подпольщиков собрались вокруг стола в небольшой комнате дома, расположенного не в самом фешенебельном районе сектора. Обстановка в комнате была так себе, зато она была отлично экранирована.

Главенствовал на собрании человек, сидевший на стуле, который был разве что чуть-чуть получше тех, на каких сидели остальные. Да, это был руководитель, в этом не могло быть никаких сомнений. У него было удлиненное узкое лицо, он был необычайно бледен, даже тонкие губы, казалось, почти не видны. Черные волосы его были кое-где подернуты сединой, а глаза горели, словно тлеющие угли, излучая злобу и ярость.

Он пристально смотрел на человека, что сидел прямо напротив, — тот был явно старше, и внешность у него была не столь зловещей: седой как лунь, с пухлыми румяными щеками.

Руководитель резко оборвал своего визави:

— То, что вы не сделали ровным счетом ничего, это я понял. Извольте объясниться.

Тот быстро заморгал.

— Но я — старый джоранумит, Намарти. Почему я должен перед вами оправдываться?

Джембол Дин Намарти, в прошлом — правая рука Ласкина «Джо-Джо» Джоранума, фыркнул:

— Знаю я вас, старых джоранумитов. Тот ни на что не способен, тот труслив, а этот позабыл обо всем на свете. Так что, что «старый джоранумит», что «старый дурак» — особой разницы не вижу.

— Это вы меня старым дураком обзываете? — оскорбленно возопил его незадачливый собеседник и откинулся на спинку стула. — Меня? Каспала Каспалова? Да я был рядом с Джо-Джо, еще когда вы, извиняюсь, пешком под стол ходили.

— Я не назвал вас дураком, — отрезал Намарти. — Я сказал только, что некоторые из старых джоранумитов — дураки. И у вас есть возможность доказать мне, что вы к ним не принадлежите.

— Но моя работа с Джо-Джо...

— Можете о ней забыть! Он мертв.

— Но дух его будет жить вечно.

— Если эта мысль будет вам подмогой в борьбе, пусть живет вечно, я не против. Но для других, а не для нас. Мы-то знаем, что он ошибался.

— Отрицаю!

— Не стоит упорно пытаться превратить в героя человека, который совершал ошибки. Он думал, что сумеет пошатнуть Империю одними только своими речами, а слова...

— Истории известны примеры, когда словами горы с мест сдвигали.

— Но не словами Джоранума, потому что он натворил кучу глупостей. Не слишком старательно он замел следы своего микогенского происхождения. Хуже того, он позволил одурачить себя и начать идиотскую кампанию по обвинению премьер-министра Эдо Демерзеля в том, что тот якобы робот. Я его предупреждал, что это глупо и опасно, но он и слушать ничего не желал. Вот и нарвался. Так что теперь нам надо начинать все сначала, верно? Какую бы пользу мы ни могли извлечь из воспоминаний о Джорануме, нам самим никаким воспоминаниям предаваться не следует.

Каспалов молчал. Остальные трое тоже помалкивали, только поглядывали на Намарти и Каспалова, втайне радуясь, что им ничего говорить пока не приходится.

— После того как Джоранум был сослан на Нишайю, джоранумитское движение распалось и, казалось бы, прекратило свое существование, — хрипло проговорил Намарти. — То есть

так бы оно и было, если бы не я. Я собрал его снова, по кусочку, по пылинке, и теперь его сеть раскинулась вновь и покрывает весь Трентор. Насколько я знаю, вы в этом не сомневаетесь.

— Я не сомневаюсь в этом, руководитель, — пробормотал Каспалов.

Он назвал Намарти «руководителем» — стало быть, встал в позицию побитого и оправдывающегося.

Намарти довольно ухмыльнулся. Он никогда не требовал, чтобы к нему вот так обращались, но ему всегда было приятно, когда его называли «руководителем».

— Так вот, вы — часть этой сети, и у вас есть свои обязанности.

Каспалов нервно заерзал на стуле. Какое-то время он вел молчаливую игру с самим собой. Наконец он откашлялся и проговорил:

— Вот вы, руководитель, говорите, что предупреждали Джоранума о том, что неразумно затевать кампанию по обвинению премьер-министра в том, что он — робот. Вы говорите: он вас не стал слушать, но все-таки вы сказали то, что думали. Позволено ли будет мне воспользоваться такой же привилегией и указать на то, что лично я считаю ошибочным? Выслушаете ли вы меня, как в свое время вас выслушал Джоранум? Вы вольны, безусловно, отвергнуть мой совет и поступить так, как считаете нужным.

— Ну, естественно, вы можете высказаться, Каспалов. Вы сюда для того и приглашены. И каково же ваше мнение?

— Я считаю, что эта наша новая тактика, руководитель, ошибочна. Из-за нее уйма вреда и страданий.

— А как же! В этом и состоит наша цель! — гневно воскликнул Намарти, донельзя возмущенный непониманием таких простых, на его взгляд, вещей. — Джоранум пытался действовать убеждением. Не вышло. А мы поставим весь Трентор на колени путем активных *действий*.

— Сколько времени на это потребуется? И какой ценой мы этого добьемся?

— Сколько понадобится, столько и понадобится, а о цене говорить и вообще не приходится. Наши диверсии не стоят нам ни гроша, а делу помогают здорово. Временные прекращения электроснабжения, взрывы водопровода и канализации,

нарушение систем кондиционирования — а больше нам ничего и не нужно.

Каспалов покачал головой.

— Подобные действия носят кумулятивный характер.

— Конечно, Каспалов, а мы как раз того и хотим, чтобы реакция на все эти неудобства, то есть возмущение и сопротивление носили кумулятивный характер. Послушайте, Каспалов, Империя катится по пути упадка. Это известно каждому. Каждому, кто способен логически мыслить. Техника все равно то и дело выходила бы из строя то тут, то там, даже если бы мы пальцем о палец не ударяли. Так что мы всего-навсего немножко ей помогаем.

— Это опасно, руководитель. Инфраструктура Трентора исключительно сложна. Один опрометчивый шаг — и вся планета будет лежать в руинах. Потяните за неверную ниточку — и Трентор обрушится словно карточный домик.

— Пока что этого не произошло.

— Может произойти. И что же получится, если люди поймут, что за всем этим стояли мы? Да нас на куски разорвут! Не силы безопасности, не армия — нет, самые обычные толпы народа.

— Но кому может прийти в голову винить в этом нас? Во все времена люди сваливают всю вину на правительство, на советников Императора. И на этот раз будет то же самое.

— Ну а нам как прикажете жить дальше с таким камнем на сердце?

Этот вопрос Каспалов задал шепотом — старик явно совершенно искренне переживал. Он умоляюще смотрел на Намарти, своего руководителя, человека, которому присягнул на верность. Он-то сделал это исключительно из тех соображений, что Намарти, по его мнению, пойдет по пути Джоранума, а теперь Каспалов с горечью думал: неужели Джо-Джо хотел бы, чтобы его мечта осуществилась таким вот образом?

Намарти зацокал языком — так отец укоряет расшалившегося ребенка.

— Ой, Каспалов, только с нами не надо сентиментальничать, ладно? Когда мы придем к власти, мы соберем тут все по кусочку и выстроим заново. Запустим в дело старые джоранумитские лозунги насчет всенародного правительства — пусть поиграют маленько во власть, — а когда мы утвердимся по-настоящему, создадим то правительство, которое нам будет нужно. И Трентор станет лучше, Империя сильнее. Можно будет создать нечто вроде совещательного органа, в работе которого участвовали бы представители различных миров — эти тоже пусть болтают, о чем хотят, тешат себя мыслью о том, что решают вопросы глобальной важности, а править будем *мы*.

Каспалов нервно потирал руки и, видимо, не знал, что сказать.

Намарти притворно улыбнулся:

— Вы сомневаетесь? Не бойтесь, мы не проиграем. Все идет хорошо и дальше будет идти хорошо. Император не знает о том, что происходит. Не имеет ни малейшего понятия. А нынешний премьер-министр — математик. Он, правда, одолел Джоранума, но с тех пор бездействует.

— Но у него же есть эта... как ее...

— Не вспоминайте, Джоранум свихнулся на этой ерунде, но это все из-за того, что он был микогенец. И насчет робота он потому и клюнул так легко, что он оттуда, из Микогена. Ничего у этого математика нет такого...

— А, вспомнил: не то исторический психоанализ, не то еще как-то. Я слышал, как-то Джоранум сказал...

— Не вспоминайте. Делайте свое дело. Вы у нас за что отвечаете? За вентиляцию в секторе Анемория, верно? Вот и отлично. Нарушьте ее работу, а как — сами придумайте. Можно устроить так, что что-то там перекрывается, и тогда растет влажность или распространяются какие-то особые запахи, да мало ли что. Никто от этого не умрет, так что не надо взывать к небесам и каяться в смертных грехах, ясно? Вы всего-навсего создадите людям временные неудобства и подстегнете в них недовольство жизнью. Можем мы на вас рассчитывать?

— Да, но то, что может оказаться всего лишь временными неудобствами для молодых и здоровых, вряд ли окажется таковым для детей, стариков, больных...

— А вы что же, считаете, что прямо-таки никто и пострадать за правое дело не должен?

Каспалов растерянно пробормотал что-то нечленораздельное.

— Без жертв в этом мире ничего не добьешься. Так не бывает, чтобы никто не пострадал, — сказал Намарти. — Делайте свое дело. Постарайтесь, если вы такой уж совестливый, сде-

лать его так, чтобы пострадало как можно меньше народу, но дело сделайте!

— Послушайте, руководитель! — воскликнул Каспалов. — Я должен сказать вам еще кое-что.

— Ну, говорите, — устало пробурчал Намарти.

— Уже не первый год мы ковыряем дырки в инфраструктуре Трентора. Ну, хорошо, допустим, настанет день и мы наковыряем их столько, что чаша народного терпения переполнится, а вы этим воспользуетесь для свержения правительства. Как именно вы собираетесь осуществить это?

— Вы хотите узнать, как мы в точности это осуществим?

— Да.

— Чем резче мы ударим, тем меньше будет объем поражений, тем успешнее будет проведено хирургическое вмешательство. — Намарти медленно, неохотно проговорил: — Я пока не решил, как именно будет выглядеть этот «хирургический удар». Но он будет нанесен. А до тех пор... Так вы будете делать свою работу?

Каспалов обреченно понурил голову.

— Да, руководитель.

— Каспалов, вы можете идти, — резко сказал Намарти и махнул рукой.

Тот встал, развернулся и вышел. Намарти проводил его взглядом и сказал человеку, что сидел по правую руку от него:

— Каспалову больше доверять нельзя. Он продался. Он хочет предать нас и именно затем выспрашивает насчет моих планов на будущее. Приглядите за ним.

Все трое кивнули, встали и ушли. Намарти остался в одиночестве. Дотянувшись до выключателя, он нажал на кнопку и отключил подсветку стен. Лишь маленький квадратик света, лившегося с потолка, рассеивал сгустившийся мрак. Думал он вот о чем: «Во всякой цепи бывают слабые звенья, от которых нужно избавляться. Мы и в прошлом так поступали и в итоге имеем неприкасаемую организацию».

Он зловеще ухмыльнулся. Все шло как надо. Кое-какие паутинки протянулись и во Дворец — не слишком прочные, не слишком надежные, но протянулись-таки. Ничего, скоро они станут прочнее.

Глава 6

Уже несколько дней подряд стояла хорошая погода — теплая и солнечная, такое на незащищенной куполами дворцовой территории случалось крайне редко.

Гэри помнил: Дорс как-то рассказывала ему о том, почему именно этот район Трентора, где зимы были так холодны и так часто лили дожди, был выбран местом постоянной резиденции монархов.

«То есть, — сказала она тогда, — по сути дела, никто это место не *выбирал*. На заре формирования Тренторианского Королевства тут располагалось поместье правящей моровианской фамилии. Когда же Королевство стало Империей, у Императора был большой выбор мест для резиденции — летние курорты, зимние дворцы, охотничьи поместья, дачи на побережье. Но в то время, когда планета мало-помалу начала покрываться куполами, один из Императоров, живший как раз здесь, так полюбил это место, что его оставили нетронутым. И именно потому, что только это *единственное* место осталось незащищенным, в нем и появилось нечто особенное, уникальное, и эта уникальность приглянулась следующему Императору, и так далее, и так далее. Вот так родилась эта традиция».

И, как всегда, когда слышал нечто подобное, Селдон задумался: что могла по этому поводу сказать психоистория? Можно ли было с ее помощью предсказать, что какой-то участок поверхности Трентора останется без купола? Допустим, это можно было бы предсказать, но наверняка ответа на вопрос о том, какой именно участок ожидает такая судьба, не последовало бы. Но, может быть, и первый вопрос остался бы без ответа? Может быть, с помощью психоистории удалось бы установить, что не покрытыми броней останутся несколько участков поверхности, а может быть, не останется ни одного? Как можно было опираться в расчетах на личные желания или нежелания некоего императора, который в критический момент оказался бы на престоле и принял решение... Да мало ли что могло на него тогда найти — хоть умопомрачение! Вот так возникает хаос — хаос и безумие.

Клеон Первый, без сомнения, наслаждался прекрасной погодой.

— Я старею, Селдон, — признался он. — Да не мне вам об

этом говорить. Мы ведь с вами ровесники. Нет, конечно, то, что мне неохота играть в теннис или идти на рыбалку, это само по себе вовсе не признаки старости... Кстати говоря, пруд недавно вычистили... Ну так вот: почему-то мне стало гораздо более приятно просто гулять по парку.

Разговаривая, Император грыз орешки, по форме напоминавшие столь любимые на Геликоне тыквенные семечки, но крупнее и не такие нежные на вкус. Клеон аккуратно разгрызал скорлупу и отправлял орешки в рот.

Селдон не был большим любителем этих орешков, но, конечно же, не смог отказаться, когда Император угостил его, и вынужден был съесть несколько штук.

Рука Клеона была занята скорлупой, и он растерянно смотрел по сторонам, не зная, куда ее выбросить. Урны-дезинтегратора поблизости не было. Зато неподалеку, вытянувшись по струнке, как и следовало в присутствии Императора, и почтительно склонив голову, стоял садовник.

— Садовник! — окликнул его Клеон.

Садовник поспешно приблизился.

— Сир!

— Выбросьте куда-нибудь мусор, — сказал Клеон, пересыпая скорлупу в услужливо подставленную ладонь садовника.

— Слушаюсь, сир.

— Тогда уж и у меня заодно заберите, Грубер, — попросил Селдон.

Грубер протянул руку и почти застенчиво проговорил:

— Слушаюсь, господин премьер-министр.

Он поспешно удалился, а Император с любопытством посмотрел ему вслед.

— Вы что, знакомы с ним, Селдон?

— О да, сир. Он мой старый приятель.

— *Садовник*? Ваш старый приятель? Кто он такой? Может, бывший математик? Неудачник какой-нибудь?

— Нет, сир. Ничего такого. Может быть, вы помните один случай? Это произошло тогда, когда... — Селдон прокашлялся, придумывая, как бы более тактично и осторожно назвать случившееся. — Когда, вскоре после того как вы своей милостью назначили меня премьер-министром, моей жизни угрожал некий сержант.

— А, покушение, — небрежно проговорил Клеон и поднял

глаза к небесам, словно искал там успокоение. — Просто не понимаю, почему все так боятся произнести это слово.

— Может быть, потому, — сказал Селдон, в душе презирая себя за то, что лесть теперь так легко срывалась у него с языка, — что все мы гораздо больше печемся о том, как бы что-нибудь непредвиденное не случилось с нашим Императором, чем вы сами, сир.

Клеон иронично усмехнулся.

— Ну-ну... А при чем тут Грубер? Так его зовут?

— Да, сир. Мандель Грубер. Уверен, вы вспомните, как обстояло дело. Некий садовник бросился мне тогда на помощь. Он был готов голыми руками защищать меня, не испугавшись вооруженного сержанта.

— Ах да! Так это он самый и есть?

— Да, сир, это он. С тех пор я считаю его своим другом и почти всякий раз, когда прогуливаюсь по парку, встречаю его. У меня такое впечатление, что он взялся меня оберегать. И, естественно, я питаю к нему самые добрые чувства.

— А я вас и не виню нисколько... Кстати, раз уж мы коснулись этого вопроса... как поживает ваша отважная супруга, доктор Венабили? Что-то я ее редко вижу.

— Она ведь историк, сир. Вся в прошлом.

— Слушайте, вы ее не боитесь? Я бы боялся, будь я на вашем месте. Мне рассказывали, как она налетела на сержанта. Его можно пожалеть.

— Она горой стоит за меня, сир. Боится. Правда, в последнее время бояться нечего. Все спокойно.

Император задумчиво посмотрел в ту сторону, куда ушел садовник.

— А мы как-нибудь вознаградили этого человека?

— Я позаботился об этом, сир. У него жена и две дочери, и я так устроил, что для каждой из дочерей отложена значительная сумма на образование их детей в будущем.

— Хорошо. Но я думаю, что его стоит повысить в должности. Он хороший садовник?

— Превосходный, сир.

— А наш главный садовник Малькомбер или как его там — что-то не припомню... Похоже, он уже не слишком годится для этой работы. Ему уже давно за семьдесят. Как вы думаете, а Грубер справится?

— Уверен, справится, сир, но только он безумно любит свою работу. Она позволяет ему подолгу бывать на свежем воздухе при любой погоде.

— Забавная рекомендация. Ну ничего, я думаю, он справится и с руководящей работой, а мне нужен кто-то, кто сумел бы придумать кое-какие новшества. Гм-м-м... в общем, я подумаю. Может быть, ваш друг Грубер — как раз тот человек, который мне нужен... Да, Селдон, что вы, кстати говоря, имели в виду, сказав, что в последнее время все спокойно?

— Только то, сир, что никаких признаков недовольства среди придворных не отмечается. Неизбежная тенденция к интригам близка к минимуму как никогда.

— Вы бы так не говорили, Селдон, будь вы на моем месте. Послушали бы вы всех чиновников с их вечными жалобами. И как вы только можете мне говорить, что все тихо и спокойно, когда мне каждую неделю докладывают о серьезнейших авариях на Тренторе?

— Подобные происшествия случаются всегда, сир.

— Что-то не припомню, чтобы они когда-нибудь случались чаще, чем за последнее время.

— Очень может быть, сир, так оно и есть. Коммуникации стареют. Для того чтобы произвести необходимый ремонт, нужен определенный срок, необходимо произвести колоссальный объем работ и вложить значительные средства. А сейчас не то время, когда люди спокойно воспримут рост налогов.

— Такого времени никогда не бывает. Похоже, людям не слишком нравятся все эти аварии. Этому следует положить конец, и вы, Селдон, проконтролируете этот вопрос. А что говорит по этому поводу психоистория?

— То же самое, что элементарный здравый смысл: все на свете приходит в негодность.

— Ну... в общем, можно считать, настроение у меня теперь испорчено на весь день. Ладно, разбирайтесь сами, Селдон.

— Слушаюсь, сир, — спокойно кивнул Селдон.

Император зашагал ко дворцу, а Селдон подумал о том, что и у него самого настроение на весь день испорчено. Эти аварии на Тренторе были той самой альтернативой, которая ему все меньше была по душе. Но как их прекратить и перебросить кризис на Периферию?

Психоистория молчала.

Глава 7

Рейч Селдон был несказанно счастлив. Еще бы ему не радоваться — ведь за несколько месяцев это был первый ужин en famille[1] с матерью и отцом. Он отлично знал, что в биологическом смысле эти двое — не кровные его родители, но это не имело никакого значения. Он считал их своими родителями и радостно, с любовью улыбался им.

Обстановка в теперешних апартаментах Селдона была не такая задушевная, не такая теплая, как некогда в коттедже Стрилингского кампуса. Увы, нынче некуда было деваться от роскоши и великолепия — такими уж положено было быть апартаментам премьер-министра.

Глядя порой на себя в зеркало, Рейч не переставал удивляться. Роста он был невысокого — всего сто шестьдесят три сантиметра, то есть ниже обоих родителей, коренастый, упитанный, но не толстяк, черноволосый, усатый — с далийскими усами он не расстался бы ни за что на свете. Они были предметом его гордости, и он особенно тщательно ухаживал за ними.

А из зеркала на него до сих пор смотрели глаза беспризорного мальчишки — того самого, каким он был когда-то, до того, как судьбе не стало угодно устроить его встречу с Гэри и Дорс по дороге к Матушке Ритте в Биллиботтоне. А теперь он, Рейч, родившийся в нищете и безысходности, был государственным служащим, мелким клерком в министерстве демографии.

— Ну, как дела в министерстве? — поинтересовался Селдон. — Есть успехи, Рейч?

— Кое-какие есть, па. Законы прошли. Решения суда приняты. Речи произнесены. И все же людей убедить трудно. Можно ведь сколько угодно разглагольствовать о братстве, а люди все равно себя братьями не чувствуют. И что меня больше всего донимает, так это то, что далийцы ничем не лучше других. Хотят, чтобы к ним относились, как к равным, и так оно и есть. Но хотят-то они хотят, а вот дай им волю, сомневаюсь, чтобы они к другим стали относится, как к равным.

— Увы, психологию людей очень трудно изменить, Рейч,

[1] En famille — семейный *(франц.)*.

почти невозможно. Придется довольствоваться попытками избавиться от самых страшных зол, — вздохнула Дорс.

— Беда в том, — сказал Селдон, — что этим практически никто никогда не занимался. Людям милостиво позволяли играть в игру, главное правило которой — «я-лучше-чем-ты», а выбить из мозгов такое трудновато. Понимаешь, если пустить все на самотек лет эдак на тысячу и сидеть сложа руки, нечего удивляться, что потом придется сто лет разбираться и наводить порядок.

— Знаешь, па, — улыбнулся Рейч, — мне порой кажется, что ты засунул меня на эту работу в качестве наказания.

— Вот тебе раз! За что же тебя наказывать? — удивленно вздернул брови Селдон.

— Хотя бы за то, что я в свое время соблазнился программой Джоранума относительно равенства секторов и призывами к более широкому представительству народа в правительстве.

— За это я тебя винить никак не могу. Лозунги крайне привлекательные, но ты же знаешь, что и Джоранум, и вся его партия использовали их исключительно как средство для вхождения во власть. А потом...

— И все-таки ты заставил меня заманить его в ловушку, несмотря на то что мне импонировали его взгляды.

— Поверь, мне было нелегко просить тебя об этом.

— А теперь ты заставляешь меня работать над претворением в жизнь программы Джоранума исключительно затем, чтобы показать, как это невыносимо трудно?

Селдон ударил в ладоши.

— Дорс, ну как тебе это нравится? Наш мальчик приписывает мне прямо-таки какую-то змеиную хитрость. Разве это у меня в крови?

— Рейч, — проговорила Дорс, с трудом пряча улыбку, — уверена, ты не такого мнения об отце.

— Да нет, нет, конечно. По жизни ты, па, прямой, как правда. Но когда дойдет до дела, ты знаешь, как перетасовать колоду. Разве не этого самого ты хочешь добиться с помощью психоистории?

Селдон грустно ответил:

— До сих пор с ее помощью я мало чего добился.

— Это скверно. Я-то думал, что существует какой-нибудь

психоисторический метод, с помощью которого можно было бы покончить с дискриминацией и бесправием.

— Может быть, он и есть, но только я пока его не обнаружил. — После ужина Селдон сказал: — Рейч, мне с тобой надо кое о чем потолковать.

— Вот как? — удивилась Дорс. — Без меня, я правильно поняла?

— Министерские дела, Дорс.

— Министерские «ля-ля», Гэри. Наверняка будешь просить мальчика сделать что-нибудь такое, чего мне не хотелось бы.

Селдон строго отрезал:

— Будь уверена, я не буду просить его ни о чем таком, чего бы ему не хотелось бы.

— Все в норме, ма, — успокоил Рейч Дорс. — Дай нам с папой поговорить. Честное слово, я тебе потом все-все расскажу.

— Ну, начинается... — Дорс скрестила руки на груди и широко раскрыла глаза. — Ясное дело, «государственные тайны».

— Представь себе, ты не ошиблась, — решительно проговорил Селдон. — И к тому же тайны первостатейной важности. Дорс, я говорю совершенно серьезно.

Дорс встала, поджав губы. Выходя из комнаты, она остановилась на пороге и сказала единственное:

— Не смей бросать мальчика на съедение волкам, Гэри.

Она вышла, а Селдон спокойно проговорил:

— Боюсь, что я задумал именно бросить тебя на съедение волкам, Рейч.

Глава 8

Селдон и Рейч перешли в домашний кабинет Селдона, который он сам окрестил «местом для раздумий». Здесь он просиживал долгие часы и думал, думал о том, как решать бесконечные, каждодневные проблемы деятельности имперского и тренторианского правительства.

— Ты читал, Рейч, — спросил Селдон, — насчет участившихся аварий в системе коммуникаций нашей планеты?

— Да, — кивнул Рейч, — но только, па, ты же сам знаешь, какая старая у нас планета. Так-то, по сути, надо бы знаешь что сделать? Вывезти отсюда весь народ, все тут перекопать, заме-

нить напрочь, наставить везде новейших компьютеров, а уж потом завезти всех обратно — ну, лучше даже не всех, а половину. Ей-богу, на Тренторе будет гораздо спокойнее, если тут будут жить двадцать миллиардов человек.

— И каким же двадцати отдать предпочтение? — улыбнулся Селдон.

— Не знаю, — мрачно проговорил Рейч. — Да это и неважно. Все равно планету нам не переделать, так что приходится латать дырки.

— Боюсь, ты прав, Рейч, но не все тут так просто. Я тебе кое-что расскажу, а ты поправь меня, если я ошибусь. Есть у меня по этому поводу кое-какие мысли.

Селдон вынул из кармана небольшой шарик.

— Что это такое? — спросил Рейч.

— Карта Трентора. Великолепная компьютерная модель. Будь так добр, Рейч, расчисти стол.

Селдон положил шарик на середину стола и нажал кнопку, вмонтированную в подлокотник кресла. Свет в комнате погас, а крышка стола загорелась молочно-белым светом, распространившимся примерно на сантиметр в глубь нее. А шарик, казалось, расплавился и растекся по поверхности стола.

Мало-помалу на молочно-белом фоне проступили пятна и точки, и примерно через тридцать секунд Рейч восхищенно проговорил:

— Да ведь это не глобус, а карта! Настоящая карта Трентора!

— А я тебе что говорил? Правда, такую в магазине не купишь. Они все у армейских начальников. Можно пользоваться как глобусом, но просто горизонтальная проекция более четко покажет, что мне хотелось бы тебе показать.

— И что же тебе хотелось бы мне показать?

— Слушай. Как мы знаем, за последние пару лет участились аварии. Ты говоришь: «Планета старая, и этого можно ожидать». Так? Однако аварии резко участились, и в них стала отмечаться некая закономерность, то есть практически все аварии являются результатом небрежности со стороны обслуживающего персонала.

— Разве такое невозможно?

— Почему нет? Возможно. В разумных пределах. В разряд событий такого рода можно отнести даже землетрясения.

— Землетрясения? На Тренторе?

— Трентор в сейсмическом отношении на редкость спокойная планета — и это замечательно, поскольку крайне опасно было бы заковывать в броню планету, которая тряслась бы как безумная по нескольку раз в году — любая броня тогда бы трещала по всем швам. Твоя мама говорит, что одной из причин, по которой Трентор был в свое время избран столицей Империи, явилось как раз то, что он так безопасен в сейсмическом плане. «Геологически полудохлый» — вот так она назвала наш любимый Трентор, ты же знаешь, как мама любит такие словечки. Ну, так вот: Трентор, он, может быть, и правда полудохлый, но все-таки еще не умер. Изредка тут случаются маленькие землетрясения, за последние два года их было три.

— Я этого не знал, па.

— Не только ты. Покрытие Трентора — это не цельносваренная броня. Она состоит из сотен кусков, каждый из которых в случае необходимости может быть отсоединен и приподнят, сдвинут в сторону, дабы избежать напряжения и сжатия, неизбежно возникающих в случае землетрясения. И поскольку землетрясения на Тренторе длятся не более минуты, подъем покрытия занимает примерно такое же время, и люди, живущие в этом районе, даже не подозревают ни о чем. Единственное, что они ощущают, — это звон посуды на полках да легкое подрагивание пола. Ну, разве еще мизерное изменение погоды за счет проникновения воздушных масс снаружи — и все.

— Но это же здорово?

— По идее, да. В этом плане все компьютеризовано. Где бы ни произошло землетрясение, его начало должно моментально выявляться и обязана включаться система автоматического подъема куполов, дабы подъем произошел до того, как вибрация станет чересчур сильной и будет грозить цельности покрытия.

— Тоже здорово.

— Согласен. Но беда в том, что при всех тех трех землетрясениях, которые, как я тебе сказал, произошли за последние два года, автоматика подъема куполов не срабатывала. То есть купола вообще не поднимались, и, как следствие, понадобился значительный ремонт. Потрачено время, вложен труд, но климатические условия надолго вышли из-под контроля. А теперь

скажи мне, Рейч, как ты думаешь, какова вероятность того, что во всех трех случаях виновато оборудование?

— Невысока!

— Мягко сказано — «невысока». Один против ста и того меньше. Такое впечатление, будто кто-то нарочно отключал автоматику всякий раз перед землетрясением. Теперь вот о чем. Примерно раз в сто лет на Тренторе случаются утечки магмы, а подобные геологические катаклизмы контролировать еще труднее, чем землетрясения. Просто страшно себе представить, что бы могло случиться, если бы такое стихийное бедствие не было вовремя выявлено. К счастью, ничего подобного пока не случилось и вряд ли случится, но ты посмотри: здесь, на этой карте, отмечены места, где за последние годы произошли аварии, казалось бы, связанные с людской халатностью. Правда, ни разу не удалось установить, *кто именно* был виноват в подобной халатности.

— Наверное, потому, что каждый спасает свою шкуру.

— Ты прав, пожалуй. Увы, это характерный признак любой бюрократической системы, а Трентор — самая громадная и совершенная из них. Ну, так что скажешь относительно локализации аварий?

На карте загорелись маленькие красноватые огоньки.

— Ну... — осторожно начал Рейч. — Похоже, слишком равномерно.

— Вот именно. Как раз *это* и интересно. Ведь, казалось бы, где аварии должны случаться чаще? Там, где инфраструктура Трентора наиболее уязвима, более изношена, то есть в самых старых районах Трентора, тех, которые раньше других были покрыты куполами, верно? Именно там при работе с оборудованием больше, чем где бы то ни было, требуется быстрая реакция обслуживающего персонала и, соответственно, самая благоприятная почва для халатности. Так... Смотри, сейчас я выделю синими огоньками старые районы Трентора. Видишь? Аварии там случались ничуть не чаще, чем в более современных районах.

— Ну и?..

— И я склонен полагать, Рейч, что халатность к авариям не имеет ни малейшего отношения, что они не случайны и имеют целью одно: раздразнить людей, вызвать их недовольство, причем желательно по всей планете.

— Что-то не верится.

— Нет? Давай в таком случае посмотрим, как аварии распределяются по времени, а не по территории Трентора. — Синие и красные точки исчезли. Несколько мгновений карта Трентора «молчала», затем на ней начали появляться золотистые огоньки — они загорались и гасли один за другим. — Обрати внимание, — сказал Селдон, — никаких наложений, совпадений. Одна за другой, через почти равные промежутки времени. Ну прямо будто часы тикают.

— Думаешь, тоже нарочно, да?

— Наверняка. Кто бы за этим ни стоял, он старается наделать как можно больше вреда и шума, прилагая как можно меньше усилий. Зачем устраивать, к примеру, две аварии одновременно, когда вполне достаточно, чтобы в «Новостях» сообщения о них мелькали постоянно? В «Новостях» и в сознании людей. И с каждым последующим сообщением недовольство народа возрастает с новой силой.

Огоньки на карте погасли, поверхность стола тоже. В комнате зажегся свет. Селдон взял со стола шарик и убрал в карман.

— Но кто же может этим заниматься? — нахмурил брови Рейч.

Селдон задумчиво проговорил:

— Несколько дней назад я получил сообщение об убийстве в секторе Сэтчем.

— Ничего удивительного, — пожал плечами Рейч. — Сэтчем, правда, не самый криминальный сектор, но и там каждый день убивают уйму людей.

— Сотни, — кивнул головой Селдон. — Бывают дни, когда число умышленных убийств на Тренторе доходит до миллиона. И чаще всего убийц обнаружить не удается. Случаи смерти просто попадают в статистические отчеты. Однако тот случай, о котором я говорю, не совсем обычен. Человека пырнули ножом, но неудачно, не насмерть. Когда его подобрали, он был еще жив. Он успел произнести одно-единственное слово перед смертью, и слово это было «руководитель». Происшествие вызвало законное любопытство, и личность убитого была установлена. Работал он в Анемории, а что делал в Сэтчеме — непонятно. Однако одному ушлому офицеру удалось-таки откопать любопытную подробность. Человек этот — из старых джоранумитов. Звали его Каспал Каспалов, и он был одним из

ближайших соратников Ласкина Джоранума. И вот теперь он мертв. Его убили, зарезали.

Рейч нахмурился.

— Думаешь, па, джоранумиты ушли в подполье? Да нет, чепуха, их больше нет.

— Видишь ли, не так давно мама спросила у меня, как я думаю, не существуют ли джоранумиты до сих пор, а я ей сказал, что всякая старая вера сохраняет своих приверженцев и порой хвост за ней тянется на целые столетия. Как правило, приверженцы теряют влияние, сильно рассредоточены. И все же: что, если джоранумитам удалось сохранить свою организацию, что, если у них остались значительные силы, что, если они решили убрать того, кого сочли изменником, что, если это именно они устраивают все аварии, как нечто вроде подготовительного этапа перед захватом власти?

— Что-то многовато «если», па.

— Знаю, знаю. Может быть, я вообще ошибаюсь. Убийство произошло в Сэтчеме, а вот в Сэтчеме-то как раз никаких аварий в коммуникациях.

— Что это доказывает?

— Это может говорить о том, что центр подполья там и располагается и что подпольщики не желают устраивать неудобств самим себе, зато щедро рассыпают их по всему остальному Трентору. Также это может означать, что за всем этим стоят не джоранумиты, а совсем наоборот — члены сэтчемской династии, все еще лелеящие мечту править Империей.

— Ой, па! Вилами на воде писано!

— Знаю. А теперь представь все-таки, что все обстоит именно так, как я говорю. Что джоранумитское подполье все-таки *существует*. Правой рукой Джоранума был Джембол Дин Намарти. Подтверждения того, что он умер, у нас нет, как нет сведений о том, что он покинул Трентор и чем занимался в последние десять лет. Это вовсе не удивительно. В конце концов, затеряться среди сорока миллиардов человек — проще простого. Я и сам в свое время пытался сделать это. Конечно, может быть, что Намарти уже нет в живых. Это было бы самое легкое объяснение. Но, может быть, он жив.

— И что? Что делать?

— Самое простое — обратиться в органы системы безопасности, но я не могу этого сделать. Рядом со мной теперь нет

Демерзеля. Он умел действовать угрозами. Я этого не умею. Он был могущественной личностью, а я всего-навсего математик. Мне не стоило становиться премьер-министром, но меня заставили. Да я бы им не стал, если бы Император не верил столь бесповоротно в возможности психоистории — на мой взгляд, совершенно зря.

— А ты вроде как занялся самобичеванием, а, па?

— Что, похоже, получается? Нет, ты только представь себе меня, обращающегося за помощью к сотрудникам системы безопасности, показывающего им то, что показал сейчас тебе, — Селдон постучал пальцем по столу, — начинающего им доказывать, что нам грозит величайшая опасность со стороны подпольной организации, про которую я, по сути, ничего не знаю. Они меня, конечно, надменно выслушают, а когда я уйду, только посмеются над чокнутым математиком — и все, пальцем о палец не ударят.

— И все-таки что же делать? — настаивал Рейч. — Что нам делать?

— Поставим вопрос иначе: что *тебе* делать, Рейч? Мне нужны доказательства, и я хочу, чтобы ты помог мне раздобыть их. Я бы послал маму, но она ни за что на свете не согласится расстаться со мной. Сам я в такие времена никак не могу покинуть дворец. Больше, чем кому-либо, кроме Дорс и себя самого, я доверяю тебе. Ты еще совсем молодой, сильный, в драке давно меня переплюнул, и еще — ты хитрый.

Только пойми, я вовсе не хочу, чтобы ты рисковал жизнью. Никакого героизма, никаких самоотверженных подвигов. Только выясни все, что сумеешь. Может быть, тебе удастся узнать, что Намарти жив и здоров. Или, наоборот, что он умер. Может быть, тебе удастся разнюхать, что джоранумиты активно действуют или же, наоборот, как выражается мама, они пребывают в полудохлом состоянии. А может быть, ты узнаешь, что сэтчемская династия что-либо затевает или, наоборот, совсем ничего не затевает. В любом случае, что бы ты ни узнал, все будет интересно. Но не это самое главное. А самое главное вот что: я хочу, чтобы ты постарался узнать, действительно ли аварии происходят так, как я думаю, то есть в результате диверсий, и что еще на уме у подпольщиков. У меня сильное подозрение, что они собираются затеять что-то вроде всенародного бунта, а если так, я должен знать об этом.

Рейч осторожно спросил:

— Ты, наверное, уже придумал для меня какой-нибудь план?

— Конечно, Рейч. Я хочу, чтобы ты обследовал тот район Сэтчема, где был убит Каспалов. Если сумеешь, попытайся выяснить, был ли он активным участником движения джоранумитов, и погляди, не сумеешь ли ты сам внедриться в какую-нибудь подпольную группу.

— А что? Может, и выйдет. Я-то всегда смогу притворится старым джоранумитом. Я, правда, был очень молодой, когда Джоранум вошел в силу, но меня, допустим, свели с ума его идеи. В каком-то смысле так ведь оно и было.

— Да-да, но тут есть маленькая тонкость. Маленькая, но важная. Тебя могут узнать. Ты, в конце концов, не кто-нибудь, а сын премьер-министра. Время от времени тебя показывают по головидению. Ты давал интервью по вопросу о равенстве секторов.

— Все так, но...

— Никаких «но», Рейч. Наденешь туфли на каблуках и станешь сантиметра на три повыше. Найдешь кого-нибудь, кто научит тебя, как сделать лицо неузнаваемым. На этот счет есть масса уловок: и брови можно выщипать, и щеки сделать более пухлыми, и тембр голоса изменить.

— Куча хлопот из-за ерунды, — пожал плечами Рейч.

— И еще, — сказал Селдон выразительно. — Тебе придется сбрить усы.

Рейч выпучил глаза и довольно долго не в силах был вымолвить ни слова.

— Сбрить усы?! — наконец выдавил он хриплым шепотом.

— Да. Чтоб физиономия у тебя была гладкая как коленка. Тогда тебя никто не узнает.

— Нет, это невозможно. Это же все равно, — замотал головой Рейч, — что отрезать себе... в общем, одно и то же, что кастрация.

Селдон покачал головой.

— Ну что ты! Усы — всего-навсего национальная диковинка. Юго же тоже далиец, как и ты, а усов не носит.

— Плевать мне на Юго! Я бы и забыл, что он живой еще, если бы не его математика.

— Он великий математик, и отсутствие усов ему в этом не

помеха. И потом... о какой кастрации ты говоришь? Через две недели твои усищи отрастут снова и станут еще гуще.

— Две недели! Какие две недели? Два года надо, чтобы их вот так отрастить... такие... такие...

Он закрыл усы рукой, словно пытался защитить их.

— Рейч, — с укором сказал Селдон, — тебе придется пойти на эту жертву. Если ты с *усами* станешь моим разведчиком, ты можешь... попасть в беду. Я не могу позволить тебе так рисковать.

— Да я лучше умру! — возопил Рейч.

— Прекрати истерику! — строго проговорил Селдон. — Умирать тебе *не надо,* а вот усы сбрить надо. Кстати... — Селдон немного растерялся, — маме все-таки лучше ничего не говори. Я сам.

Рейч некоторое время не мигая смотрел на отца и наконец проговорил тихо и безнадежно:

— Хорошо, папа.

— Я разыщу, — сказал Селдон, — кого-нибудь, кто займется изменением твоей внешности, и как только все будет сделано, вылетишь в Сэтчем самолетом. Выше нос, Рейч, это еще не конец света.

Рейч вымученно улыбнулся. Селдон проводил его взглядом. Лицо его было тревожно. Одно дело — усы сбрить, совсем другое — потерять сына. Усы-то вырастут, а вот сын... Селдон прекрасно понимал, что посылает Рейча на опасное дело.

Глава 9

Человеку свойственно заблуждаться, и Клеон — Император Галактики, король Трентора и так далее и тому подобное (титулов у него была масса, и по самым торжественным случаям они произносились все целиком — громко, нараспев) — не был исключением. Он был убежден, что он — демократ.

И Клеона всегда страшно раздражало, когда в свое время Демерзель (а потом и Селдон) пытался его образумить, трактуя такое-то и такое-то предполагаемое действие Императора как «тираническое» или «деспотическое».

Но Клеон был уверен, что сам он по природе никакой не

тиран и не деспот — нет же, ему хотелось время от времени предпринимать жестокие и решительные действия, вот и все!

Он частенько с ностальгическим одобрением отзывался о тех днях, когда Императоры не были так связаны по рукам и ногам, как он теперь, и вольны были в своих отношениях с подданными. Увы, теперь Император был отрезан от мира и от жизни из-за боязни, что кто-либо покусится на его драгоценную персону.

Весьма сомнительно в этой связи, чтобы Клеон, которому никогда в жизни не доводилось общаться с людьми иначе, как только в ограниченном количестве и в строго определенной обстановке, сумел бы запросто, как ни в чем не бывало поболтать с незнакомцем, но ему самому казалось, что это было бы восхитительно. А потому он просто-таки затрепетал от предвкушения редкой возможности побеседовать с одним из подданных во время прогулки по парку — расслабиться, забыть хотя бы ненадолго о том, что он — Император. О, как ему хотелось побыть демократом! Как он этого жаждал!

Да хоть с этим садовником, про которого рассказывал Селдон. Как это было бы благородно, как замечательно: щедро вознаградить его за преданность и мужество, но самолично, не поручая это никому из приближенных.

Итак, Клеон назначил садовнику встречу в большом розарии, где цвели и благоухали розы всевозможных сортов и оттенков. «Самое подходящее место, — думал Клеон. — Я мог бы там с ним и случайно встретиться, но пусть его все-таки туда приведут. Не могу же я, в самом деле, слоняться по парку и ждать, не выйдет ли он сам ко мне. Да, ждать я не могу, я же все-таки Император». (Увы, одно дело — демократия, но совсем другое — всяческие неудобства.)

Садовник ожидал Императора в условленном месте, рядом с кустами роз. Глаза его были выпучены, губы дрожали. «Наверное, — подумал Клеон, — никто не рассказал бедняге, зачем именно я хочу его видеть. Ну да это ничего, я его успокою, но только как же его зовут?»

Клеон обернулся и шепотом спросил у одного из сопровождающих его чиновников:

— Как зовут этого садовника?

— Мандель Грубер, сир. Он служит садовником тридцать лет.

Император кивнул и, улыбаясь, проговорил:

— А, Грубер, это вы. Как приятно познакомиться с таким славным и трудолюбивым садовником!

— Сир, — стуча зубами, пробормотал Грубер, — талантов у меня немного, я человек простой, я только стараюсь получше угодить Вашему Величеству.

— Ну да, ну да, — покивал головой Клеон, раздумывая о том, не усмотрел ли садовник в его словах издевки. Ох уж эти маленькие люди, нет в них тонкости и понимания. Как с такими будешь демократом? — Мой премьер-министр, — продолжал Клеон, — рассказывал мне о том, как вы однажды бросились ему на помощь. Похвально, Грубер, похвально. Еще он мне говорил о том, что вы очень хороший садовник. Вы с ним друзья, похоже?

— Сир, господин премьер-министр очень добр ко мне, но я знаю свое место. Я никогда не заговариваю с ним первым.

— Ну-ну, Грубер. Вы человек воспитанный, понимаю, но только премьер-министр, как и я, большой демократ, и к тому же я доверяю его мнению о людях. — Грубер низко поклонился. — Как вы, конечно, знаете, Грубер, — сказал Император, — главный садовник Малькомбер — человек пожилой, и ему пора на пенсию. Навряд ли он уже справляется со своими обязанностями.

— Сир, мы все, садовники, очень уважаем главного садовника. Да продлятся дни его, а мы всегда готовы положиться на его опыт и мудрость.

— Славно сказано, Грубер, — небрежно кивнул Император, — однако вы должны отлично понимать, что все это пустые слова. Нет-нет, он уже никуда не годится. Он сам, кстати, уже почти год просит отпустить его на пенсию. И я ему обещал, что отпущу, как только найду ему подходящую замену.

— О, сир, — испуганно забормотал Грубер, — нас у вас пятьдесят садовников, и мужчин, и женщин...

— Я знаю. Но я выбрал вас, — сказал Император и благосклонно улыбнулся. О, как он ждал этого мгновения! Он был совершенно уверен, что, услышав эти слова, Грубер падет на колени и рассыплется в благодарностях.

— Сир, — сказал Грубер, — это слишком большая честь для меня, слишком большая.

— Не скромничайте, — оборвал его Клеон, до глубины души оскорбленный тем, что его суждение кто-то осмеливается

оспаривать. — Пришла пора признать ваши заслуги по достоинству. Больше вам не придется торчать тут в любую погоду. Перейдете в кабинет главного садовника. Я распоряжусь, чтобы его отремонтировали для вас. Очень хороший кабинет. Можете перевезти своих домашних в новые апартаменты. У вас же есть семья, верно, Грубер?

— Да, сир. Жена и две дочери. И зять.

— Прекрасно. Вам будет очень удобно на новом месте, и вы сможете наслаждаться своей жизнью, Грубер. Будете жить под крышей, вдали от любой погоды, как истинный тренторианец.

— Да какой же я тренторианец, сир... Я с Анакреона...

— Это мне известно, Грубер. Для Императора все миры равны. Все решено. Вы заслужили эту должность.

Император, небрежно кивнув, удалился, крайне довольный осуществленным актом милосердия. Правда, садовник мог бы вести себя чуть более благородно, ну да ладно, дело сделано — вот и славно.

И дело казалось сущей чепухой по сравнению с вопросом об авариях инфраструктуры на Тренторе.

Клеон как-то в припадке праведного гнева обмолвился, что надо казнить всякого, пойманного на халатности в работе с оборудованием.

— Вот казним парочку, — сказал он, — и увидите, все станет нормально. Призадумаются, голубчики.

— Боюсь, сир, — сказал Селдон, — что подобным деспотичным манером вы не добьетесь того, чего хотите. Скорее всего рабочие просто объявят забастовку. Если вы попытаетесь заставить их приступить к работе, вы столкнетесь с неповиновением. А если попробуете заменить забастовщиков солдатами, вы обнаружите, что солдаты не умеют управляться с оборудованием, и тогда аварии станут происходить еще чаще.

Чего же удивляться тому, с какой радостью Клеон переключился на вопрос о назначении нового главного садовника.

Что касается облагодетельствованного Грубера, то он провожал удаляющегося Императора взглядом, полным ужаса. Кончилось его вольное житье. Теперь ему предстоит заточение в четырех стенах. Мысль эта была для него нестерпима, но разве кто-то мог отказать Императору?

Глава 10

Рейч глянул в зеркало захудалого номера сэтчемской гостиницы (версия была такова, что денег у него в обрез) и испытал жуткое отвращение. Усов нет, бакенбарды подбриты, волосы по бокам и сзади подстрижены. Как общипанная курица.

Хуже того, овал лица у него стал детским. Душераздирающее зрелище!

Ладно бы хоть дела делались, а то ведь и этого не было. Селдон дал ему прочитать отчеты о смерти Каспалова. Многого из них Рейч не почерпнул. Каспалова убрали, и сотрудники местной службы безопасности не обнаружили ничего особенного в связи с этим убийством. Очень похоже, что и особого внимания расследованию убийства не уделили.

Удивляться было действительно нечему. За последнее столетие уровень преступности значительно повысился в большинстве миров Империи, *естественно* — на Тренторе тоже, и деятельность служб безопасности нигде не приносила ощутимых плодов. На самом деле, несмотря на рост преступности, штат служб безопасности сокращался повсюду, а оставшиеся на своих постах работали с явной прохладцей (хотя последнее доказать было крайне трудно), и в их ряды проникла коррупция. В принципе, это было неизбежно при том, что зарплата не поспевала за стоимостью жизни. Для того чтобы чиновники были честны, им надо *платить*. Не будешь платить — они найдут себе деньги на стороне.

Селдон ломал голову над этой проблемой уже не первый год, но без толку. Заработную плату невозможно было увеличить без повышения налогов. Попробуй повысить налоги — и столкнешься с недовольством налогоплательщиков. Как будто люди предпочитали потратить в десять раз больше кредиток на взятки.

И все это (так говорил Селдон) есть не что иное, как свидетельство ухудшения социальной обстановки в Империи за последние два столетия.

Ну и что же было делать Рейчу? Вот он сейчас здесь, в той самой гостинице, где жил Каспалов как раз перед тем, как его убили. Очень может быть, что тут до сих пор жил кто-то, связанный с этим убийством, или, на худой конец, кто-то, кто знал убийцу.

Рейч подумывал о том, что нужно привлечь к себе внимание — проявить интерес к смерти Каспалова. И, может быть, тогда кто-то заинтересуется им? Это было опасно, но если он постарается показать, что на уме у него нет ничего дурного, может быть, на него не станут сразу нападать?

Так...

Рейч глянул на часы. Время предобеденного аперитива. Он решил наведаться в бар и попытать счастья.

Глава 11

В некоторых отношениях Сэтчем придерживался прямо-таки пуританской строгости (такое, в принципе, можно было сказать о любом секторе, но в каждом из них моральные нормы трактовались по-своему и запреты были свои собственные). В Сэтчеме, к примеру, царил сухой закон, и в рецепты напитков вводили какие-то тонизирующие вещества, но ни в коем случае — ни капли алкоголя.

Рейч купил себе бокал какого-то напитка. Вкус его ему совсем не понравился, однако он принялся потягивать напиток, неторопливо оглядывая посетителей бара.

Поймав на себе взгляд женщины, сидевшей через несколько столиков от него, он не сумел отвернуться. Женщина была хороша собой, и судя по тому, как она смотрела на Рейча, было совершенно ясно, что сэтчемцы далеко не во всем такие уж пуритане.

Вскоре женщина поднялась и пошла к столику Рейча. Рейч не спускал с нее глаз и думал о том, какая тоска, что он не может себе позволить сейчас удариться в любовные приключения.

Подойдя к столику, женщина остановилась и, не дождавшись приглашения, грациозно уселась на свободный стул.

— Привет! — улыбнулась она. — А ты, как я погляжу, новенький?

— Попала в точку, — улыбнулся ей в ответ Рейч. — А старейших, как я понимаю, ты всех знаешь?

— Вроде того, — без тени смущения отозвалась женщина. — Меня зовут Манелла. А тебя?

Рейчу хотелось провалиться сквозь землю. Такая женщина! Стройная, немного выше его ростом (как раз такие ему и нравились), белокожая, с пышной гривой рыжеватых волос. Одета она была немного небрежно и, пожалуй, приложи она немного стараний, сошла бы за приличную женщину, не слишком утруждающую себя работой.

— Не имеет смысла называться, — попытался отшутиться Рейч. — Кредиток у меня — кот наплакал.

— Ай-ай-ай, как жалко! — скорчила гримасу Манелла. — И раздобыть негде?

— Да я бы не против. Мне работа нужна. Не знаешь, куда бы пристроится?

— А какая тебе нужна работа?

Рейч пожал плечами:

— Я ничего такого особенного не умею, но вообще-то я не гордый.

Манелла с прищуром посмотрела на него.

— Знаешь, что я тебе скажу, господин Неизвестный? Можно и без кредиток.

Рейч похолодел. Нет, он не жаловался на отсутствие успеха у женщин, но одно дело — с усами, а тут... Что она такого нашла в его дурацкой ребячьей физиономии?

— Слушай, — сказал он, стараясь перевести разговор на другое. — Пару недель назад тут дружок мой жил. Что-то никак не могу разыскать его. Раз уж ты вправду знаешь тут всех завсегдатаев, может, и его знала? Каспалов. Не слыхала? Каспал Каспалов, — уточнил он немного погромче.

Манелла подумала и покачала головой:

— Нет, не знаю такого.

— Скверно. А то он — джоранумит, как и я. — (Ноль эмоций.) — Ты хоть знаешь, кто такие джоранумиты?

Она снова покачала головой:

— Не-а. Слово слыхала, но что это такое, понятия не имею. Это что, работа такая или что?

Рейч расстроился.

— Больно долго объяснять, — буркнул он.

Манелла поняла, что беседа окончена, неохотно поднялась и пошла прочь. Рейч, надо сказать, был удивлен, что она так долго с ним просидела.

(Что ж, хоть Селдон и твердил, что у Рейча недюжинные способности очаровывать людей, тут был не тот случай. Таким дамочкам денежки нужны.)

Рейч почти рассеянно провожал Манеллу взглядом. Та остановилась около другого столика, за которым сидел одинокий мужчина среднего возраста, светловолосый, гладко причесанный. Физиономия его была безукоризненно выбрита, и Рейч подумал, что ему стоило бы отпустить бороду, поскольку тогда не было бы видно неприятно выпяченного и чуть скошенного вбок подбородка.

Похоже, с безбородым Манелле повезло не больше, чем с Рейчем. Обменявшись с ним парой фраз, она отошла от его столика. Рейчу было искренне жаль ее, но, подумав, он решил, что вряд ли неудачи сопровождают ее так уж часто — она все-таки была удивительно хороша собой.

Только Рейч успел размечтаться о том, как было бы здорово, если бы он все-таки... как одиночество его было нарушено. На этот раз к нему подсел тот самый мужчина, к которому подходила Манелла. Рейч жутко разозлился на себя за то, что мечты так опрометчиво увели его от реальности. Мужчина самым натуральным образом застал его врасплох.

Мужчина с любопытством разглядывал Рейча.

— Прошу прощения, — сказал он, — вы только что говорили с моей подружкой.

Рейч не смог сдержать улыбки.

— Она такая добрая...

— Это точно. Она действительно очень хорошая моя подружка. Простите, так уж вышло, что я слышал ваш разговор.

— Вроде я ничего такого...

— Нет-нет, не волнуйтесь. Но вы назвались джоранумитом.

Сердце Рейча екнуло. Надо же, попал-таки в точку. Для Манеллы это слово оказалось пустым звуком, а вот для ее «дружка», похоже, оно что-то означало.

Значило ли это, что он на верном пути? А может, совсем наоборот? В ловушке?

Глава 12

Рейч старался как можно лучше разглядеть нового знакомого, пытаясь при этом сохранять наивность и дурашливость. Мужчина исподлобья смотрел на него зоркими зелеными глазами. Правая рука его легла на стол и почти угрожающе сжалась в кулак.

Рейч не мигая смотрел на него и ждал, что будет.

— Так, если я не ослышался, вы назвались джоранумитом.

Рейч решил показать, будто разволновался. Это ему легко удавалось.

— А почему вы так заинтересовались, мистер? — спросил он.

— Да потому что, сынок, уж больно ты молодой.

— Не такой уж я молодой. Успел поглядеть выступления Джоранума по головидению, во всяком случае.

— Да ну? И процитировать сможешь?

— Ну, не то чтобы... — пожал плечами Рейч. — Но смысл помню.

— Уж больно ты храбр, юноша. Вот так, в открытую заявлять, что ты — джоранумит... Не всем такое понравится.

— А мне говорили, будто в Сэтчеме полным-полно джоранумитов.

— Может, и так. И потому ты сюда приехал?

— Я работу ищу. Думал, может, мне подсобит какой джоранумит.

— В Дале тоже джоранумитов хватает. Ты сам-то откуда?

(Все ясно, почувствовал акцент. От этого было некуда деваться.)

— Вообще-то родом я из Миллимару, — ответил Рейч, — а в Дале жил потом.

— Чем занимался?

— Да так... Учился в школе маленько...

— И с чего же это ты в джоранумиты подался?

Рейч решил, что пора немного разгорячиться. Невозможно было прожить много лет в таком униженном и угнетенном секторе, каким был Даль, и не иметь объективных причин для того, чтобы стать хотя бы в душе джоранумитом. Подбодрившись, он объявил:

— А с того, что я думаю, что народу надо дать больше свобод, дать ему возможность большего представительства в правительстве, обеспечить равенство секторов и миров вообще. Уж и не знаю, по-моему, такое любому в голову придет, если у него, конечно, имеется голова.

— Ну а как насчет власти Императора? Хочешь, чтобы она была ликвидирована?

Рейч призадумался. Конечно, можно было далеко зайти, высказывая радикальные взгляды, но вот относительно Императора — нет уж, увольте.

— Я такого не говорил, — покачал он головой. — Я не против Императора, только, пожалуй, целой Империи для одного человека многовато будет.

— Дело не в нем одном. Дело в имперской бюрократии. А что скажешь про Гэри Селдона, премьер-министра?

— А что я могу про него сказать? Я про него и не знаю ни фига.

— Стало быть, ты знаешь, что народу следует дать побольше власти, верно?

Рейч напустил на себя смущенный вид.

— Ну, так же Джоранум говорил! Откуда мне знать, как это называется? Слыхал как-то, кто-то назвал это дело «демократией», но я не врубился, что это за штука.

— Демократия — это способ правления, который пытались у себя наладить некоторые миры. Не сказал бы, что дела у них обстояли лучше, чем в других мирах. Так ты демократ?

— Это так называется? — Рейч притворно склонил голову, делая вид, будто глубоко задумался. — Не, че-то мне не нравится это слово. «Джоранумит» как-то роднее.

— Ясное дело, раз ты далиец...

— Я там токо жил вообще-то.

— ...стало быть, ты горой за равенство и всякое такое прочее. Далийцы как угнетенный народ просто созданы для такого образа мыслей.

— А вот я слыхал, что в Сэтчеме тоже многие по-джоранумитски думают. Их-то вроде бы никто не угнетает.

— Тут другая причина. Сэтчемские мэры всегда мечтали стать Императорами. Не слыхал? — Рейч покачал головой. — Восемнадцать лет назад, — сказал мужчина, — была тут такая дамочка, Рейчел, так она еще бы чуть-чуть, и скинула Императора. Та еще была заварушка. Так что сэтчемцы — народ мятежный, и таких тут больше, чем джоранумитов.

— Я про все такое ничего не знаю, — сказал Рейч. — Я не против Императора.

— Но за то, чтобы власть была у народа, верно? Тебе не кажется, что некий выборный орган мог бы править Империей, не слишком углубляясь в политику и партизанские вылазки?

— Чего? — выпучил глаза Рейч. — Я не понял.

— Скажу проще. Сможет ли куча народу быстро принять решение в острой ситуации, когда надо что-то решить очень быстро? Или они смогут только сидеть и ругаться?

— Это я не знаю, но только мне сдается, что несправедливо, если за все миры сразу будут чего-то решать несколько людей.

— А сражаться-то за свои взгляды ты готов? Или тебе больше трепаться нравится?

— Сражаться мне покуда никто не предлагал, — сказал Рейч.

— Ну а если бы предложили? Насколько это все для тебя серьезно — демократия твоя, или джоранумитские воззрения? А?

— А чего? И сразился бы, если только от этого чего хорошее вышло бы.

— Храбрый юноша. Стало быть, ты приехал в Сэтчем, чтобы сражаться за свои взгляды?

— Да нет... — смущенно заерзал на стуле Рейч. — Я ведь, сэр, вам сказал: я работу ищу. Щас ведь работу найти непросто, а денег у меня — раз-два и обчелся. Жить-то парню на что-то надо, верно?

— Не спорю. Как тебя зовут?

Вопрос прозвучал неожиданно, но Рейч не замешкался с ответом:

— Планше, сэр.

— Это фамилия или имя?

— Имя, вроде.

— Стало быть, как я понял, у тебя нет денег и нет образования?

— Похоже, так, сэр.

— И специальности никакой?

— Я не слишком много работал, но готов на все.

— Ясно. Вот что я скажу тебе, Планше...

Мужчина вынул из кармана небольшой белый треугольник, нажал на него, и на поверхности треугольника появились буквы. Мужчина провел по надписи подушечкой большого пальца — и буквы зафиксировались.

— Вот, — сказал он. — Тут написано, к кому обратиться. Как пойдешь, возьми вот это с собой. Там найдется для тебя работа.

Рейч взял у незнакомца треугольник и поглядел на него. Буквы слабо светились, но прочитать Рейч не мог, как ни силился. Он с опаской глянул на мужчину.

— А вдруг скажут, что я это украл?

— Это невозможно украсть. Там моя подпись, а еще твое имя.

— А если спросят, кто вы такой?

— Не спросят. Скажи только, что тебе нужна работа. Есть шанс устроиться. Ничего не обещаю, но шанс есть. А вот тут написано, как пройти.

И мужчина вручил Рейчу другую карточку. Адрес Рейч разобрал моментально.

— Спасибо, — смущенно пробормотал он.

Мужчина приветливо помахал ему на прощание.

Рейч встал и вышел из бара, гадая, что его ждет впереди.

Глава 13

Туда-обратно. Туда-обратно. Туда-обратно...

Глеб Андорин следил взглядом за Намарти, который, заложив руки за спину, расхаживал взад-вперед по комнате. Похоже было, он просто не в силах усидеть на месте, настолько обуреваем страстями.

А Андорин смотрел на него и думал: «Ведь он не самый умный человек в Империи. Да что там в Империи — и в партии не самый умный. И не самый хитрый, и не самый талантливый. Его то и дело приходится удерживать от опрометчивых решений, и все-таки он всех нас обошел. Мы могли бы сдаться, послать все куда подальше, а он — ни за что на свете. Хотя, кто знает, может, как раз такой человек нам и нужен. *Не будет* такого, так и вообще ничего не получится».

Намарти резко остановился, словно почувствовал на себе взгляд Андорина, обернулся и сказал:

— Учти, если опять собираешься делать мне внушение из-за Каспалова, лучше не старайся.

— Больно мне надо тебе внушение делать, — слегка пожал плечами Андорин. — Что толку-то? Дело сделано. Вред причинен.

— Какой вред, Андорин? Какой вред?! Если бы я этого не сделал, вред бы был причинен нам! Еще чуть-чуть, и этот человек предал бы нас. Месяц максимум, и он побежал бы от нас...

— Знаю. Я был там. Я слышал, что он говорил.

— Ну так кому, как не тебе, понимать, что другого выбора у нас не было. Не бы-ло! Или ты думаешь, будто бы мне по сердцу убивать старого товарища, а? Просто у меня не было выбора.

— Ну ладно, ладно. У тебя не было выбора.

Намарти снова принялся мерить шагами комнату. Через некоторое время он так же резко, как и в первый раз, остановился, обернулся и спросил:

— Андорин, ты в богов веришь?

— В кого? — недоуменно переспросил Андорин.

— В богов.

— И слова такого не слыхал никогда. Что это такое?

— Да нет такого слова в галактическом языке. Сверхъестественные силы. Так веришь или нет?

— Сверхъестественные силы? Так бы и сказал. Нет, я в такое не верю. По определению, сверхъестественное — это нечто такое, что существует независимо от законов природы, а независимо от законов природы не существует ничего. Ты что, в мистику ударился?

Вопрос был задан шутливым тоном, однако взгляд Андорина выразил серьезнейшую озабоченность.

Намарти пронзил его огненным взглядом. О, этот взгляд кого хочешь мог пронзить — так он был жгуч и ослепителен.

— Не валяй дурака. Просто я читал об этом. Триллионы людей верят в сверхъестественное.

— Знаю, — кивнул Андорин. — Испокон веков.

— Вот именно. С доисторических времен. Само слово «боги» — неизвестного происхождения. Очевидно, сам язык, в котором оно употреблялось, не сохранился. Скорее всего от него одно только это слово и осталось... А известно ли тебе, как много существует различных верований во всевозможных богов?

— Полагаю, что оно более или менее соответствует числу всевозможных тупиц среди жителей Галактики?

Намарти пропустил это замечание мимо ушей и продолжал:

— Кое-кто считает, что это слово родилось тогда, когда все человечество проживало на одной-единственной планете.

— Опять мифология. Такая же несусветная чушь, как сверхъестественные силы. Никакого единственного мира — прародины человечества — не существовало никогда.

— Он должен был существовать, Андорин, — нервно возразил Намарти. — Люди не могли произойти на разных планетах и дать один-единственный вид.

— Пускай так, но все равно в определенном смысле слова такого мира не существует. Известно, где он находится? Нет,

неизвестно. Известно, как называется? Нет, неизвестно. Значит, и говорить не о чем. Значит, его и нет вовсе.

— Считается, что эти боги, — продолжал гнуть свое Намарти, — защищают человечество и заботятся о его безопасности, по крайней мере, о безопасности тех людей, которые в них верят. И в те времена, когда существовал один-единственный мир, одна-единственная планета, где жили люди, вполне естественно, что боги оберегали людей — ведь их было так мало. О таком мире они должны были заботиться примерно как старшие братья или как родители.

— Как это мило с их стороны! А вот посмотрел бы я на них, возьмись они опекать всю Галактику, всю Империю.

— А может, им и правда такое под силу? Что, если они вечные?

— А что, если солнце замерзнет? Что толку от всех этих «если бы» да «кабы»?

— Я размышляю. Я думаю, между прочим. Неужели ты никогда не позволяешь своему уму никаких вольностей? Или ты все время держишь его на поводке?

— Думаю, самое безопасное — держать его на поводке. И что же говорит вам, руководитель, ваш гуляющий без поводка ум?

Намарти сердито зыркнул на Андорина, но лицо того было непроницаемо — ни тени насмешки.

— Он говорит мне, — зловеще ухмыльнулся Намарти, — о том, что если боги существуют, то они на нашей стороне.

— Если так, просто здорово. Но где доказательства?

— Доказательства? Ладно, пусть не боги, пусть просто совпадение, удачное стечение обстоятельств — называй, как хочешь. Но *очень* удачное.

Намарти неожиданно зевнул и уселся на стул. Похоже было, он здорово устал.

«Вот и славно, — подумал Андорин. — Наконец утихомирился. Может, теперь заговорит нормально».

— Относительно аварий в коммуникациях... — начал Намарти, но Андорин прервал его:

— Знаешь, руководитель, а Каспалов не слишком ошибался. Чем дольше мы будем усердствовать, тем выше вероятность, что имперская безопасность разберется, кто за этим стоит. В конце концов мы на собственной мине, так сказать, подорвемся.

— Не подорвались же пока. Пока подрывается имперская безопасность. Недовольство на Тренторе уже просто-таки в воздухе повисло. Оно стало осязаемо, — ухмыльнулся Намарти, поднял руки и несколько раз сжал и разжал пальцы. — Вот оно, я его чувствую. И мы уже очень близки к цели. Мы готовы к следующему шагу.

Андорин безрадостно улыбнулся.

— О подробностях не спрашиваю, руководитель. Каспалов имел глупость полюбопытствовать и погубил себя. Я не Каспалов.

— Вот как раз потому, что ты не Каспалов, тебе я и могу все рассказать. А еще потому, что теперь я знаю кое-что такое, чего не знал тогда.

— Позволю себе предположить, что ты собираешься затеять смуту на дворцовой территории, — осторожно проговорил Андорин.

Намарти гордо задрал голову.

— Вот именно. Что же еще? Проблема, однако, состоит в том, как осуществить успешное проникновение на дворцовую территорию. У меня там есть источники информации, но это всего-навсего шпионы. А мне нужно, чтобы там оказались деятельные, решительные люди.

— Нелегко внедрить таких вот деятельных и решительных в самый охраняемый из охраняемых районов Трентора.

— Конечно, нелегко. Знаешь, сколько времени я голову ломал над этим? И сейчас бы ломал, но... нам на помощь подоспели боги.

Андорин проговорил как можно более сдержанно:

— Я что-то не склонен нынче к метафизическому диспуту. Скажи, что случилось, только, пожалуйста, если можно, без богов.

— Я получил известие, — сказал Намарти заговорщицким шепотом, — о том, что Его Величество, наш милосерднейший и возлюбленнейший монарх Клеон Первый, решил назначить нового главного садовника. Первая свободная вакансия за четверть века.

— Ну и что из этого?

— Не догадываешься?

Андорин задумался, покачал головой.

— Видно, твои боги меня не жалуют. Нет, не догадываюсь.

— Когда новый человек назначается на должность главного садовника, Андорин, ситуация такова, как если бы к власти пришел любой новый руководитель — премьер-министр, а то и сам Император. Новый главный садовник, безусловно, захочет поменять весь штат сотрудников. Отправит на пенсию всех, кого сочтет никому не нужным балластом, и наберет новых, молодых садовников. А их там много нужно — несколько сотен.

— Очень может быть.

— Не «может быть», а точно. Прежний главный садовник именно такую прополку учинил в свое время, и его предшественник, и предшественник его предшественника, и так далее. Набирать будут сотни садовников из Внешних Миров.

— С какой стати — из Внешних?

— А ты мозгами пораскинь — если они у тебя, конечно, есть, Андорин. Что понимают в садоводстве тренторианцы, всю жизнь прожившие под куполами, не видевшие ничего, кроме комнатных цветочков, зоопарков да стерильных посадок пшеницы и садовых деревьев? Что они знают о природе?

— А-а-а! Вот теперь понял.

— Значит, желающие хлынут бурным потоком на дворцовую территорию. Безусловно, их будут самым тщательным образом проверять, но не так скрупулезно, как если бы они были тренторианцами. А это позволит нам подсунуть в толпу жаждущих стать садовниками кое-кого из своих людей с подложными документами. Пусть кого-то отсеют, но некоторые попадут туда — *должны попасть*. Пройдут туда наши люди, пройдут, несмотря на то что режим безопасности здорово ужесточен со времени неудачного покушения на жизнь премьер-министра Селдона. — Имя Селдона Намарти по обыкновению проговорил сквозь зубы. — Вот он, наш шанс, наконец он у нас появился.

Тут уж у Андорина закружилась голова. Он словно угодил в бешено вертящуюся воронку смерча.

— А знаешь, руководитель, похоже, что-то есть в твоих разговорах об этих самых богах... Я как раз собирался кое-что рассказать тебе и только теперь понял, что это из той же оперы.

Намарти подозрительно посмотрел на Андорина и вдруг с опаской огляделся по сторонам, словно только сейчас забеспокоился о том, не могли ли их подслушивать. Комната находилась в глубине старомодной резиденции и была отлично экранирована. Подслушать их никто не мог, да и найти их было непросто, не имея точного плана дома, и вдобавок все подходы к комнате охранялись верными членами организации.

— Ты это о чем? — осторожно поинтересовался Намарти.

— Я нашел для тебя человека. Молодого дурачка. Симпатяга такой — тебе он сразу понравится, вот увидишь. Физиономия придурковатая, глаза нараспашку, жил в Дале, горой за равенство и братство, Джоранум для него — самая большая любовь после далийского «кокоженого». Словом, я уверен, что ради нашего дела он будет готов на все.

— Нашего дела? — небрежно переспросил Намарти. Пока Андорин его явно не убедил. — Он что, из наших?

— На самом деле он из никаких. В голове у него жуткая каша, но он хорошо помнит, что Джоранум призывал к равенству секторов.

— Да, была у него такая приманка на крючке, это точно.

— Она и у нас есть, но только этот балбес верит в нее. Только и говорит, что о равенстве и представительстве народа в правительстве. Даже демократию упомянул.

Намарти фыркнул.

— За двадцать тысяч лет не было случая, чтобы демократия долго протянула.

— Это точно, но нам-то какое дело? Главное, что этот придурок просто одержим, и я тебе точно говорю, руководитель: я его как увидел, сразу понял: вот оно, наше орудие, только я все гадал потом, к чему бы его приспособить, к какому делу. А теперь все ясно: его надо заслать на дворцовую территорию в качестве садовника.

— Это как же? Он что-нибудь смыслит в садоводстве?

— Думаю, ни черта не смыслит. Если он и работал, то только на самой неквалифицированной работе. Сейчас он работает водителем тягача, но раз такое дело, надо быстренько обучить его кое-чему из садоводства. Да если он сумеет хотя бы садовые ножницы держать как полагается, думаю, мы сумеем устроить его помощником садовника. А что нам еще нужно?

— Нам нужен некто, кто мог бы в нужный момент оказаться поблизости от того, кого мы хотим убрать, кто бы при этом не вызвал подозрений.

— А я тебе еще раз повторяю: этот малый — воплощенная честная тупость. Такого невозможно заподозрить в чем-либо дурном.

— И он сделает то, что мы ему велим?

— Как пить дать.

— А как ты с ним познакомился?

— Не я. Сначала его Манелла подцепила.

— Кто-кто?

— Манелла. Манелла Дюбанкуа.

— А, эта твоя деваха! — И Намарти поморщился. — Подруга, так сказать.

— Она многих чья подруга, — сдержавшись, отпарировал Андорин. — Именно потому она так полезна. В людях разбирается превосходно, с первого взгляда понимает, кто что за птица. С этим малым она заговорила потому, что он ей понравился, а Манелле мало кто нравится чуть выше пояса. Так что сам понимаешь, что-то в нем есть, в этом парне, необычное и привлекательное. В общем, она поболтала с ним, — зовут его, кстати, Планше, — а потом подошла ко мне и сказала: «Это то, что тебе нужно, Глеб». А Манелла не ошибается.

— Ну, — прищурившись, спросил Намарти, — и как ты думаешь, Андорин, какую же службу сослужит нам это твое восхитительное орудие, если удастся забросить его на дворцовую территорию?

Андорин развел руками.

— Как что? Если все пойдет как надо, он сделает то, что нам нужно, — покончит с нашим дорогим Императором Клеоном Первым.

Лицо Намарти исказила гримаса ярости.

— Что?! Да ты с ума сошел! Зачем это нам нужно убивать Клеона? Он — наша опора в правительстве. Он — то прикрытие, под сенью которого мы сможем править. Он — наш мандат законности. Где твои мозги? Он нужен нам как марионетка. Он нам не будет мешать, а наша позиция из-за его присутствия будет сильнее.

Добродушное лицо Андорина залилось краской. Юмор, с которым он говорил до этого мгновения, враз улетучился.

— Так чего же ты хочешь, в конце концов? Что задумал? Я уже устал гадать!

Намарти поднял руку.

— Тихо, тихо. Спокойно, не кипятись. Ничего ужасного. Ну, ты сам подумай. Кто погубил Джоранума? Кто сорвал все наши планы десять лет назад? Все этот проклятый математик.

Империей теперь правит он со своей дурацкой болтовней насчет психоистории. Клеон — нуль без палочки. Избавиться нам нужно от Гэри Селдона. Это я пытался выставить его в дурацком свете, представить беспомощным идиотом, не способным сделать ровным счетом ничего, когда по всему Трентору бушует одна авария за другой. Это к его порогу должны были сыпаться все несчастья! Он должен был оказаться во всем виноватым! И когда, — потирая руки, злорадно усмехнулся Намарти, — ему придет конец, вся Империя радостно вздохнет, головизионные «Новости» взахлеб будут трезвонить о том, как теперь все будет славно и хорошо. Пускай все будут знать, кто виновник аварий, — это не будет иметь ровным счетом никакого значения.

Он поднял руку и нанес ею воображаемый удар — словно поразил невидимого противника в самое сердце.

— А на нас будут смотреть как на героев, как на спасителей Империи. А? Понял теперь? Ну что, сумеет твой самоотверженный юноша прикончить Гэри Селдона?

К Андорину наконец вернулось самообладание — по крайней мере, внешне.

— Уверен, он сумеет. Чего тут не суметь? — сказал он с напускной небрежностью. — Клеона он худо-бедно уважает. Ты же знаешь, для простолюдинов Император окружен поистине мистическим ореолом. — Андорин едва заметно выделил слово «ты», и Намарти нахмурился. — К Селдону он таких чувств не питает.

Вот так сказал Андорин, но внутри у него бушевала ярость. Нет, он совсем не хотел этого. Он был обманут.

Глава 14

Манелла откинула волосы со лба и улыбнулась Рейчу.

— Я же говорила, что тебе это ничего не будет стоить.

Рейч зажмурился и почесал обнаженное плечо.

— Может, теперь стребуешь?

Она пожала плечами и озорно улыбнулась.

— Почему?

— А почему нет?

— Да потому, что я имею право делать что хочу. Получать удовольствие, например.

— Со мной?

— По-моему, тут больше никого нет.

После длительной паузы Манелла промурлыкала:

— Да тебе все равно столько не наскрести. Как твоя работа, а?

— Да так... Лучше, чем ничего. Честно, лучше. Это ты того мужика уговорила меня нанять?

Манелла медленно покачала головой.

— Ты про Глеба Андорина? Я его ни о чем не просила. Просто сказала, что ты забавный малый.

— А он не рассердится, что ты и я...

— С чего бы это ему сердиться? Это не его дело. И не твое, между прочим.

— А он кто? В смысле, кем работает?

— Похоже, он вообще не работает. Он богатенький. Какой-то родственник прежних мэров.

— Каких? Сэтчемских?

— Ага. Терпеть не может имперское правительство. Ну да и все мэры его терпеть не могли. Он говорит, что Клеона надо... — Манелла запнулась. — Что-то я разболталась. Смотри, не вздумай кому-нибудь сказать такое.

— Я? Да я и не слыхал ничего. И слушать не собираюсь.

— Вот и умница.

— Ну так и что Андорин-то? Он что, большой джоранумит? Важная шишка тут?

— Понятия не имею.

— Он что, про такое не разговаривает?

— Со мной — нет.

— О-о-о! — протянул Рейч, стараясь не выказать обиды.

Манелла пытливо поглядела на него.

— А что это ты так им интересуешься?

— Да хочу затесаться к ним. Может, продвинут получше. Работенка там почище, денежек погуще. Ну, сама понимаешь.

— Может, Андорин тебе и подсобит. Ты ему нравишься. Это я точно знаю.

— А нельзя ли, чтобы я ему еще больше понравился, а?

— Попробую. Почему бы и нет? Ты же *мне* нравишься. Очень...

Рейч нежно погладил плечо Манеллы. Как ему хотелось забыться и думать только о ней, а не о делах!..

Глава 15

— ...Глеб Андорин, — проговорил Селдон, устало потирая глаза.

— Кто он такой? — спросила Дорс холодно.

С тех пор, как уехал Рейч, она все время была холодна с Гэри.

— До последнего времени я о нем даже не слышал, — ответил Селдон. — Видишь, каково управляться с планетой, где живут сорок миллиардов человек? Никого не знаешь, ни о ком не слышишь, кроме тех, кто каждый день маячит перед глазами. При всем том, что на каждого жителя Трентора имеется компьютерное досье, он все равно остается планетой, населенной инкогнито. О людях мы судим по регистрационным номерам да по статистике, но кто за всем этим скрывается? Добавь сюда еще двадцать пять миллионов Внешних Миров, и диву даешься, как это Галактическая Империя ухитрилась просуществовать столько тысячелетий? Наверное, только потому, что движима инерцией. Но вечных двигателей не существует, и скоро этому движению должен прийти конец.

— Довольно философствовать, Гэри, — оборвала его Дорс. — Кто этот Андорин?

— Он из тех, о ком мне *следовало бы* знать. Мне удалось упросить чиновников из службы безопасности навести о нем справки. Он — член династии сэтчемских мэров, и не просто член, а самый известный. Только поэтому он и значится в файлах службы безопасности. Они говорят, что он человек заносчивый, но слишком большой повеса, для того чтобы они за ним следили.

— Он связан с джоранумитами?

Селдон пожал плечами:

— У меня такое впечатление, что о джоранумитах служба безопасности вообще понятия не имеет. Это может означать, что либо джоранумитов не существует, либо, если они все же существуют, мало чем отличились. Однако это может означать и другое: что служба безопасности попросту ими не интересуется. И как их вынудить ими заинтересоваться, ума не приложу. Спасибо, хоть эти сведения удалось вытрясти из них. И это при том, что я — премьер-министр.

— Может быть, ты не очень хороший премьер-министр? — сухо спросила Дорс.

— При чем тут «может быть»? Пожалуй, за несколько столетий не было менее подходящей кандидатуры на этот пост, чем я. Но к деятельности службы безопасности это не имеет ровным счетом никакого отношения. Она представляет собой самое независимое из подразделений правительства. Сомневаюсь, чтобы сам Клеон был досконально осведомлен о том, чем они занимаются, хотя, по идее, директор службы безопасности обязан время от времени отчитываться перед ним. Поверь, Дорс, если бы мы больше знали о том, что поделывает наша служба безопасности, мы бы попытались учесть их действия и обратить их в форму психоисторических уравнений.

— Но, скажи, офицеры службы безопасности хотя бы на нашей стороне?

— Думаю, да, но поклясться не могу.

— А почему ты вдруг заинтересовался этим... как его там?

— Глебом Андорином. Весточку от Рейча получил.

— Что же ты молчал! — воскликнула Дорс. Глаза ее радостно вспыхнули. — Как он? Все в порядке?

— Похоже, что так, но очень надеюсь, что он больше не будет посылать мне сообщений. Если его поймают на передаче информации, тогда у него вряд ли все будет в порядке. Во всяком случае, он наладил контакт с этим Андорином.

— И с джоранумитами?

— Не думаю. Тут, похоже, нет никакой связи. В движении джоранумитов участвовали, как правило, выходцы из рабочего класса — это, так сказать, пролетарское движение. А Андорин — аристократ из аристократов. Что у него может быть общего с джоранумитами?

— Но раз он из династии сэтчемских мэров, он может стремиться к императорскому престолу, верно?

— Они к нему давно стремятся. Рейчел не забыла? Она — тетка Андорина.

— А тебе не кажется, что он может смотреть на джоранумитов как на средство для достижения цели?

— Если они существуют. Если да и если Андорину действительно нужно средство для достижения цели, я думаю, он должен скоро понять, что играет в опасную игру. У джоранумитов — если они существуют — должны быть свои собственные

планы, и человек вроде Андорина обожжется, связавшись с ними. Это все равно что пытаться оседлать грети.

— Грети? Что это такое?

— Какое-то вымершее животное, жутко свирепое, судя по всему. На Геликоне есть такая поговорка: «Если сел верхом на грети, слезть уже не сможешь. Слезешь — он тебя сожрет». Что-то вроде того. И еще... — добавил Селдон немного погодя. — Похоже, Рейч познакомился с женщиной, которая дружна с Андорином и которая, как кажется Рейчу, сможет стать для него ценным источником информации. Видишь, я тебе все честно рассказываю, чтобы ты потом не обвиняла меня, что я, дескать, что-то от тебя скрывал.

Дорс нахмурилась.

— Женщина? Что за женщина?

— Насколько я могу догадываться, она из тех, что знакомы со многими мужчинами, которые в интимные минуты могут наговорить ей лишнего.

— Ах, из *этих*... — Дорс нахмурилась еще сильнее. — Бедняжка Рейч. Как подумаю, что он...

— Ну-ну. Рейчу тридцать лет, и опыта ему не занимать. Разберется сам с этой женщиной, да и не только с этой. Ты думаешь, — вздохнул Селдон, и Дорс увидела, как страшно он измучен, — мне это нравится? Думаешь, мне нравится *все это*?

И Дорс не нашлась, что ему ответить.

Глава 16

Джембол Дин Намарти никогда не отличался вежливостью и обходительностью. А за десять лет конспиративной работы он стал еще более дерганым и желчным.

— Долго же ты добирался, Андорин, — раздраженно проговорил он, поднимаясь со стула.

— Добрался же в конце концов, — пожал плечами Андорин.

— Ну а где твой молодой человек, твое восхитительное орудие? Ну, где он?

— Появится в свое время.

— Почему не сейчас?

Андорин немного наклонил голову, словно обдумывая, что бы такое ответить, и вдруг резко выпалил:

— Я не желаю приводить его сюда до тех пор, пока не выясню некоторых обстоятельств.

— Что это значит?

— По-моему, мы с тобой на одном языке говорим? Я желаю знать, как давно ты задумал избавиться от Гэри Селдона?

— Давно? Я всегда этого хотел! Всегда! Что, трудно понять? Мы имеем полное право отомстить ему за то, что он сделал с Джо-Джо. Пускай он бы даже этого не делал, все равно: он премьер-министр, значит, его надо убрать с дороги.

— Но убрать надо в первую очередь не его, а Клеона. Кле-о-на! Если не только его, значит, его вместе с Селдоном.

— Чем тебе мешает эта марионетка?

— Намарти, ты не вчера родился. Я не собирался объяснять тебе, каковы мои собственные интересы, потому что не считал тебя законченным идиотом. Сам мог бы понять. Какое мне дело до ваших планов, если они не предусматривают замену царствующей особы?

Намарти расхохотался.

— Ты не ошибся, Андорин. Я давно понял, что мы для тебя — только ступень в достижении цели, поднявшись на которую ты мечтаешь взобраться на трон.

— А ты чего-нибудь другого ожидал?

— Вовсе нет. Я, значит, строй планы, рискуй, а потом, когда все будет сделано, все тебе достанется? Здорово, правда?

— Да, здорово, потому что ты тоже не с пустыми руками останешься. Разве ты не сможешь рассчитывать на всяческую поддержку нового Императора, который не питает к тебе никаких чувств, кроме благодарности? Разве я не стану, — Андорин презрительно усмехнулся и процедил сквозь зубы последние слова: — новой марионеткой?

— Так ты об этом мечтаешь? Стать марионеткой?

— Я мечтаю стать Императором. Я давал вам деньги, когда их у вас не было. Я давал вам людей, когда вам их не хватало. Я дал вам все, что было нужно для того, чтобы воссоздать вашу организацию здесь, в Сэтчеме. И я даже сейчас имею возможность забрать все, что дал.

— Я так не думаю.

— Хочешь рискнуть? Только не думай, что мне можно угрожать, как ты угрожал Каспалову. Если с моей головы хоть волос упадет, в Сэтчеме вы ни на секунду не задержитесь, и по-

смотрим, в каком еще секторе найдутся дураки, чтобы снабжать вас всем необходимым.

— Значит, ты настаиваешь на том, чтобы Император был убит.

— Я не сказал «убит». Он должен быть низвержен. Остальное сам придумай.

Последнюю фразу Андорин произнес, сопроводив ее поистине царским жестом — таким небрежным и милостивым одновременно, словно он уже и впрямь восседал на троне.

— И тогда ты будешь Императором?

— Да.

— Нет, не будешь. Тебя убьют, но я тут буду ни при чем. Андорин, позволь, я дам тебе несколько советов. Если Клеон будет убит, встанет вопрос о наследовании престола, и императорские гвардейцы примутся как можно скорее уничтожать одного за другим всех представителей сэтчемской династии мэров, а тебя укокошат в первую голову. Но вот если будет убит только премьер-министр, ты останешься в живых.

— Почему?

— Да потому что премьер-министр — это всего-навсего премьер-министр. Они приходят и уходят. Кто знает, может, Клеон сам так устал от него, что подстроил это покушение? А уж мы позаботимся о том, чтобы именно такие слухи распространились. Тогда императорская гвардия опешит, а нам только того и надо будет — мы успеем быстро создать новое правительство. Не исключено, что все только спасибо скажут за убийство Селдона.

— Вы создадите новое правительство, а мне что делать прикажете? Сидеть и ждать? Сколько? Вечно?

— Нет. Как только я стану премьер-министром, я уж придумаю, как управится с Клеоном. Может быть, мне даже удастся поладить с императорской гвардией, а то и со службой безопасности и использовать их в качестве средств для достижения цели. И тогда я найду какой-нибудь относительно бескровный способ избавиться от Клеона, а его место займешь ты.

— Неужто? — всплеснул руками Андорин. — С какой стати?

— То есть как это с какой стати? — прищурился Намарти. — Не понял?

— На Селдона у тебя зуб. Так? Как только его не станет, с какой стати тебе волноваться и еще рисковать? Вы с Клеоном

уж как-нибудь договоритесь, а мне придется гнить в моем поместье и мечтать? А может, чтобы понадежнее себя обезопасить, ты и меня прикажешь убрать?

— Нет! — заорал Намарти. — Нет и нет! Клеон родился для того, чтобы царствовать. Поладить с ним и договориться невозможно. Да ты что! Как я с ним полажу? Он ведь потомок гордой династии Энтунов! А ты, наоборот, взойдешь на престол как представитель новой династии, как человек, не привязанный к традициям — какие могут тебя связывать традиции, если ты сам говоришь, что прежние сэтчемские императоры ничего выдающегося собой не представляли? За что тебе держаться? Трон под тобой ходуном будет ходить, значит, тебе потребуется надежная опора — я. А мне потребуется тот, кто от меня зависит, и тот, с кем я, следовательно, должен буду ладить, — *ты*. Слушай, Андорин, нам предстоит не брак по любви, который длится не дольше года, а брак по расчету, который будет длиться ровно столько, сколько мы с тобой проживем. Так давай же будем доверять друг другу.

— Поклянись же, что я стану Императором!

— Что толку клясться, если я считаю тебя самой подходящей кандидатурой на пост Императора, и мне хотелось бы, чтобы ты сместил Клеона и занял его место как можно скорее. А теперь постарайся побыстрее познакомить меня с этим парнем, которого ты избрал своим орудием.

— Хорошо. И не забудь о том, что делает его непохожим на других. Я его уже изучил. Туповатый такой идеалист. Сделает, что скажут, не боится опасности, не задает глупых вопросов, не задумывается лишний раз. И, главное, он внушает такое умопомрачительное доверие, что даже его жертва купится на это, несмотря на то, что в руке у нашего Планше будет бластер.

— Верится с трудом.

— Увидишь — поверишь, — пообещал Андорин.

Глава 17

Рейч потупился. Одного быстрого взгляда на Намарти было достаточно, чтобы узнать этого человека, того самого, с кем Рейч виделся десять лет назад, когда был послан в Даль, чтобы подкинуть Джорануму отравленную приманку.

За десять лет Намарти мало изменился. Злоба и ненависть так и рвались из него наружу — по крайней мере, так показалось Рейчу, хотя он не имел права на беспристрастное суждение, — и, пожалуй, с годами вошли в его плоть и кровь. Физиономия Намарти стала еще более сухой и изможденной, в черных волосах блестела седина, но тонкие губы по-прежнему были твердо и решительно сжаты, а черные глаза сверкали тусклым жутковатым огнем.

Все это Рейч разглядел с первого взгляда и быстро отвел глаза в сторону, решив, что Намарти не из тех, кому понравится человек, смело глядящий ему в глаза.

Намарти же прямо-таки пожирал Рейча глазами, однако выражение его лица не изменилось — он, по обыкновению, едва заметно ухмылялся.

Обернувшись к Андорину, который неловко переминался с ноги на ногу рядом, Намарти проговорил таким тоном, словно Рейча в комнате не было вовсе:

— Значит, это он.

Андорин кивнул и беззвучно проговорил:

— Да, руководитель.

— Имя? — без обиняков приступил к делу Намарти.

— Планше, сэр.

— Веришь в наше дело?

— Да, сэр, — осторожно ответил Рейч, стараясь держаться так, как его научил Андорин. — Я — демократ и желаю, чтобы народ принимал более активное участие в работе правительства.

Намарти подмигнул Андорину.

— Ну, прямо оратор. Готов пойти на риск ради нашего дела? — спросил он у Рейча.

— На любой риск, сэр.

— Все сделаешь, как скажем? Не сдрейфишь? Не засомневаешься?

— Я выполню приказ.

— В садоводстве разбираешься?

— Нет, сэр, — немного растерянно ответил Рейч.

— Стало быть, ты — тренторианец? Под куполом родился?

— Я родился в Миллимару, сэр, а вырос в Дале.

— Хорошо, — кивнул Намарти и сказал Андорину: — Увести и передать на время тем, кто там ожидает. О нем хорошо

позаботятся. А потом вернись сюда, Андорин. Мне надо с тобой поговорить.

Вернувшись, Андорин обнаружил, что с Намарти произошла разительная перемена. Глаза его весело блестели, рот скривился в злорадной ухмылке.

— Андорин, — сообщил он, — те боги, о которых мы толковали на днях, помогают нам гораздо больше, чем я мог ожидать.

— Я же говорил тебе, что парень годится.

— Годится, и гораздо больше, чем ты думаешь. Тебе, конечно же, известна история о том, как Гэри Селдон, наш бесподобный премьер-министр, подослал своего сынка — вернее, пасынка — к Джорануму, и в итоге Джоранум угодил в сети, не послушав моего предостережения?

— Да, — сказал Андорин, устало кивнув, — историю эту я помню.

Сказано это было тоном человека, который слышал упомянутую историю чересчур часто.

— Я этого парня только раз и видел, но забыть не мог. И неужели ты думаешь, меня можно провести? Подумаешь — десять лет прошло, и он, поганец, сбрил усы, напялил ботинки на каблуках! Этот твой Планше — не кто иной, как Рейч, пасынок Гэри Селдона.

Андорин побледнел. На мгновение у него перехватило дыхание.

— Ты в этом уверен, руководитель? — спросил он, совладав с собой.

— Так же, как и в том, что вижу перед собой тебя. Как и в том, что ты привел врага в самое наше логово.

— Но я и понятия не имел...

— Не переживай, — ухмыльнулся Намарти. — Считай, что ты совершил самый восхитительный поступок, на который только может быть способен бездельник аристократ. Ты сыграл роль, отведенную тебе богами. Если бы я не увидел его, он бы сыграл свою роль — роль шпиона, который должен был разведать наши самые секретные планы. Но теперь, когда я его узнал, у него этот номер не пройдет. Наоборот, теперь все в *наших* руках.

Намарти радостно потер руки и с небольшой запинкой, словно сам понял, насколько это не в его характере, рассмеялся.

Глава 18

— Наверное, мы больше не увидимся, Планше, — задумчиво проговорила Манелла.

Рейч растирал спину полотенцем после душа.

— Почему?

— Глеб Андорин запретил мне.

— Но почему?

Манелла пожала плечами:

— Говорит, будто тебе предстоит какое-то важное дело сделать и хватит дурака валять. Может, он нашел для тебя работу получше?

— Какую работу? — напрягся Рейч. — Он что-нибудь говорил?

— Да нет, сказал только, что тебе придется отправиться в Имперский сектор.

— Вот как? И часто он тебе такие вещи говорит?

— Планше, ну ты же сам знаешь, как это бывает. Когда мужик с тобой в постели, он болтает без умолку.

— Знаю, — буркнул Рейч, который как раз старался держать язык за зубами в подобных случаях. — И что еще он говорит?

— Ну, чего ты пристал? — капризно нахмурилась Манелла. — Ну, про тебя спрашивает частенько. Мужиков хлебом не корми — дай друг о друге повыспрашивать. Зачем это вам, а?

— И что ты ему про меня рассказываешь?

— Да ничего особенного. Просто говорю, что ты очень милый. Уж, конечно, я ему не говорю, что ты мне нравишься больше, чем он. Мне бы не поздоровилось.

Рейч заканчивал одеваться.

— Ну, значит, большой привет, так, что ли?

— Наверное, да. А может, Глеб передумает? Мне бы тоже хотелось побывать в Имперском секторе. Вот если бы он взял меня с собой... Я там ни разу не была.

Рейч чуть было не проговорился. Сдержав слова, чуть было не слетевшие с губ, он закашлялся и сказал:

— Я тоже.

— Там, говорят, самые большущие дома, куча симпатичных местечек и рестораны сногсшибательные. Там живут одни богатенькие. Хотелось бы познакомиться с богатенькими. Глеб, правда, тоже не нищий, но все-таки...

— Ну да, с меня-то тебе нечего взять, — буркнул Рейч.

— Да ладно тебе! Нельзя все время думать про кредитки, но время от времени приходится, как ни крути. Особенно как подумаю, что я Глебу скоро надоем.

— Ты не можешь надоесть, — польстил ей Рейч и вдруг понял, что сказал сущую правду.

— Мужчины так всегда говорят, — отшутилась Манелла, — но мне тоже было хорошо с тобой, Планше. Береги себя. Кто знает, может, и свидимся еще.

Рейч кивнул и обнаружил, что не может найти нужных слов, чтобы выразить свои чувства.

Он решил подумать о другом. Он должен был выяснить, что задумали люди Намарти. Раз они решили разлучить его с Маннеллой, стало быть, время решительных действий на носу. А он до сих пор ничего не выяснил. Вот только этот странный вопрос насчет садоводства...

И Селдону он ничего передать не мог. За ним строго следили после встречи с Намарти, и все линии связи были сейчас для него отрезаны — еще один признак приближающегося кризиса. Дело явно шло к развязке.

Но если ему суждено было понять, что происходит, только тогда, когда все уже произойдет, если он сумеет передать новости тогда, когда они уже перестанут быть новостями, значит, считай, он провалился.

Глава 19

День у Гэри Селдона выдался беспокойный. От Рейча после первой весточки — ни слуху ни духу. Селдон ума не мог приложить, что происходит.

К совершенно естественному беспокойству Селдона за Рейча (правда, дурные вести не сидят на месте, и, если бы что стряслось, он бы уже узнал) примешивалось волнение о том, каковы могли быть планы злоумышленников.

Конечно, они не могли задумать ничего грубого и откровенного — только что-то очень хитрое и тонкое. Нападение на дворец исключалось — слишком надежна охрана. Но что они тогда могли задумать, чтобы добиться своего?

Эти мысли не давали Селдону заснуть ночью, не покидали его и днем.

Мигнул огонек сигнальной лампочки.

— Премьер-министр, вы назначили аудиенцию на два часа, сэр.

— Что за аудиенция?

— К вам Мандель Грубер, садовник. У него в руках бумага, подтверждающая аудиенцию.

Селдон вспомнил.

— Да-да. Пусть войдет.

На самом деле времени разговаривать с Грубером у Селдона не было, но он уступил — похоже, Грубер был чем-то расстроен. Конечно, премьер-министру тоже не слишком часто приходилось идти на уступки, но Селдон оставался Селдоном.

— Входи, Грубер, — тепло пригласил он садовника в кабинет.

Грубер подошел к столу и замер. Голова его судорожно подергивалась, он моргал и растерянно смотрел по сторонам. Селдон не сомневался, что садовник никогда раньше не бывал в таких роскошных апартаментах, и у него чуть было не вырвалось: «Ну, как тебе? Нравится? Ты уж извини. Мне и самому тут не очень ловко».

Но он сказал другое:

— Что стряслось, Грубер? Отчего ты такой несчастный? — Грубер только вымученно улыбнулся. — Ну, давай садись. Вот сюда. Ну, смелее, смелее.

— Ой, нет, господин премьер-министр, что вы! Я тут все запачкаю.

— Ничего страшного. Запачкаешь — почистить нетрудно. Ну вот. Славно! Посиди, расслабься, соберись с мыслями и скажи, что случилось.

Грубер помолчал минуту, а потом словно взорвался:

— Господин премьер-министр! Меня назначают главным садовником. Сам великий Император сказал мне.

— Да-да, слышал, но уверен — это не должно тебя пугать. Тебя можно только поздравить с повышением в должности, и я тебя поздравляю. Можешь считать, что я к этому тоже причастен. Я никогда не забуду о той храбрости, с какой ты повел себя в тот ужасный день, когда меня чуть было не убили, и, конечно же, я рассказал о том случае Его Императорскому Величеству.

Грубер, это вполне заслуженная награда, и тебе в любом случа светило бы повышение. Ты вполне соответствуешь своей но вой должности. Ну а теперь, когда с этим все ясно, скажи мне из-за чего ты так расстроен?

— Господин премьер-министр, да ведь из-за этой самої должности! Я же не справлюсь, у меня опыта не хватит!

— А мы уверены, что ты справишься.

Грубер разошелся не на шутку:

— И что, я должен буду в кабинете сидеть? Я в кабинета сидеть не мастак. Ведь это же что получается? Это получает ся — я не смогу на воздух выбираться, не смогу возиться с рас тениями и зверьками. Это все равно что в тюрьму меня заса дить, я вам вот так скажу, господин премьер-министр.

Селдон широко раскрыл глаза.

— Да что ты, Грубер, с чего ты взял? Никто не заставит теб сидеть в кабинете дольше, чем нужно. Ходи себе по саду сколь ко вздумается, делай что хочешь. Единственное, чего ты лиша ешься, так это тяжелой работы.

— Да ведь я как раз и не хочу лишаться тяжелой работы премьер-министр, да и не дадут мне из кабинета выходить, эт точно, уж я-то знаю! Нагляделся я на главного садовника. Он даже когда хотел, не мог из кабинета отлучиться, вот так. Одни бумажки да распоряжения. А чтоб знать, что в хозяйстве дела ется, мы, простые садовники, должны были ему докладывать Он за садом по *головизору* смотрит, вот ведь какие дела! — вы палил Грубер и закончил с нескрываемым отвращением: — Вроде по головизору поймешь, как чего растет и живет. Нет это не по мне, господин премьер-министр.

— Послушай, Грубер, будь мужчиной. Не так уж все плохо Привыкнешь понемногу.

Грубер обреченно покачал головой.

— А начать-то мне с чего придется, господин премьер-ми нистр? Скоро ведь нагрянет вся эта уйма новых садовников Нет, конец мне, конец, это я вам точно говорю. Ну, не могу я! — взорвался Грубер с неожиданной страстью. — Не могу и не хочу!

— Грубер, я тебя прекрасно понимаю. Ты не хочешь этой работы. А я не хочу работать премьер-министром. Эта работа тоже не по мне. Знаешь, я тебе честно скажу: мне кажется, да же Императору порой надоедает быть Императором. Мы все в

Галактике должны трудиться, и работа — это далеко не всегда радость и удовольствие.

— Да это-то я понимаю, господин премьер-министр, это-то я понимаю... Да только Император — он ведь Императором родился. А вам суждено премьер-министром быть, потому как лучше вас никто с этой работой не справится. Но тут-то совсем другое дело. Подумаешь — главный садовник! Да у нас пятьдесят садовников наберется, кто с этим делом справится получше меня, да и больше бы обрадовался такой работе. Вот вы говорите, что рассказали Императору, как я пытался вас спасти. А может, вы еще разок ему словечко замолвите за меня: дескать, если ему желательно меня отблагодарить, так пусть оставит меня, как есть, простым садовником, а?

Селдон устало откинулся на спинку стула и сказал:

— Грубер, уверяю тебя, если бы я мог, я бы обязательно изложил Императору твою просьбу, но позволь, я тебе попробую кое-что объяснить, а ты постарайся меня понять, пожалуйста. Император, по идее, — единоличный правитель Галактической Империи. Но на самом деле подвластно ему очень малое. На самом деле я правлю Империей гораздо больше, чем он, но и мне далеко не все подвластно. В правительстве миллионы людей, и каждый принимает какие-то решения, каждый совершает какие-то ошибки. Кто-то действует самоотверженно, героически, мудро, кто-то — глупо, а кто-то — по-предательски. И проследить за всеми невозможно. Понимаешь меня, Грубер?

— Понимать-то я понимаю, да только в толк не возьму, я-то тут при чем?

— Да при том, что единственное место, где Император и вправду правит, — это дворцовая территория. Тут его слово — закон, и все, кто трудится во дворце и рядом с ним, обязаны повиноваться ему беспрекословно. Просить его отменить принятое им решение касательно чего бы то ни было *здесь,* в его вотчине, — все равно что посягать на святыню. Сказать ему: «Ваше Величество, отмените ваше решение по поводу назначения Грубера» — было бы равносильно подаче заявления об отставке. Я тебе точно говорю, он скорее меня в отставку отправит, чем отменит свое решение. Я-то, честно говоря, не против уйти, да только тебе это все равно не поможет.

— Значит, сделать ничего нельзя? — обреченно спросил Грубер.

— Да, Грубер, увы. Но ты не переживай так сильно. Чем смогу — помогу. Ты меня извини, но больше времени у меня нет.

Грубер встал. В руках он смущенно мял зеленую кепку садовника. Глаза его налились слезами.

— Спасибо вам, господин премьер-министр. Я, конечно, понимаю, вы помогли бы, если бы могли. Вы... вы человек хороший, господин премьер-министр...

И Грубер понуро пошел к двери.

Селдон проводил его взглядом и покачал головой. Умножить заботы Грубера на квадриллион, и получишь заботы людей, проживающих в двадцати пяти миллионах миров Империи. И как же ему, Селдону, разрешить все эти заботы, если он одному-единственному человеку, обратившемуся к нему за помощью, помочь не в силах?

Одному-единственному человеку психоистория не в силах помочь. А квадриллиону?

Селдон грустно покачал головой, заглянул в список назначенных на сегодня аудиенций и похолодел. Громко, необычайно взволнованно, совсем не похоже на себя, он прокричал в переговорное устройство:

— Догоните садовника! Верните его немедленно!

Глава 20

— Так что там насчет новых садовников?! — воскликнул Селдон, как только Грубер вернулся в кабинет.

Даже сесть он ему на этот раз забыл предложить.

Грубер, часто-часто моргая, не успев прийти в себя, заикаясь, выдавил:

— Н-новых с-садов-вников?

— Ты сказал: «уйма новых садовников». Ты ведь так сказал? Что за новые садовники?

Грубер явно удивился вопросу.

— Ну а как же? Раз новый главный садовник, значит, и все садовники новые. Так принято вроде.

— А я ничего такого не слыхал.

— Просто, когда в прошлый раз меняли главного садовника, вы еще премьер-министром не были. Может, вас и на Тренторе тогда не было вообще.

— Но что это значит, объясни толком.

— Ну, понимаете, садовников никогда не увольняют просто так. Кто-то помирает, кто-то старится, и тогда их отправляют на пенсию. А когда в должность заступает новый главный садовник, больше половины садовников можно смело на пенсию отправлять. Вот их и отправляют, а набирают новеньких.

— Помоложе?

— Ну, отчасти так, а отчасти из-за того, что хотят что-нибудь поновее учудить в садах и парках, так что, может, у кого есть какие новые мысли. Территория-то у нас, сами знаете, какая здоровенная — считай, под пять тыщ квадратных километров будет. Чтобы все переустроить, это сколько лет надо. И ведь это мне за всем этим наблюдать придется. Ну, пожалуйста, господин премьер-министр, ну что вам стоит, ну замолвите вы словечко Императору! — Грубер с трудом переводил дыхание. — Вы же такой умный, ну, пожалуйста!

Селдон, казалось, был глух к мольбе Грубера. Он глубоко задумался, лоб его пересекли глубокие морщины.

— И откуда же берут новых садовников?

— Во всех мирах набирают — охотников-то хоть отбавляй. Скоро они валом повалят. Не меньше года уйдет, пока...

— Откуда они прилетают? Откуда?

— Да откуда хочешь. Требуется только знание садоводства. Так что всякий гражданин Империи имеет право счастья попытать.

— Тренторианцы тоже пытаются устроиться садовниками?

— Нет, тут с Трентора никого нету. Откуда на Тренторе садовники возьмутся? Эти скверики под куполами — разве ж это сады? Тут цветочки в горшках, а звери — в клетках. Тренторианцы, они, бедняги, ничего не смыслят в том, что такое свежий воздух, настоящие ручьи, живая природа.

— Хорошо, Грубер. А теперь слушай меня. Я дам тебе задание. Ты должен будешь еженедельно представлять мне списки всех тех новых садовников, которые должны будут прибыть сюда. Полные сведения. Имя. Откуда прибыл. Регистрационный номер. Образование. Опыт работы. Все, что имеется уже сейчас, представь мне как можно скорее. Я дам тебе людей в

помощь. Людей с техникой, понял? Ты сам каким компьютером пользуешься?

— Да самым обыкновенным, чтоб за растениями следить и зверями.

— Ясно. Я дам тебе людей, которые сделают все, с чем ты не сумеешь справиться. Просто сказать тебе не могу, как это важно.

— А если я это все сделаю...

— Грубер, сейчас не время заключать сделки. Подведешь — не быть тебе главным садовником. Но тогда все будет гораздо хуже. Уйдешь в отставку без всякой пенсии.

Как только за Грубером закрылась дверь, Селдон рявкнул в переговорное устройство:

— Отменить все аудиенции до конца дня!

Он устало откинулся на спинку стула. Тело его обмякло, сердце часто билось. Впервые за долгие годы он ощутил себя на все пятьдесят. Спазм головной боли нахлынул горячей волной. Столько лет, да что там лет — столько десятилетий охрану дворца делали все более надежной и непроницаемой, оснащали всевозможными средствами безопасности и сигнализации.

А оказывается, наступало такое время, когда сюда толпами пускали неведомо кого! Видимо, и вопросов никаких не задавали, кроме единственного: «В садоводстве смыслишь?»

Какая колоссальная, ни с чем не сравнимая тупость! У Селдона не было слов.

Хорошо, если он успел вовремя. А если нет? Вдруг уже опоздал?!

Глава 21

Андорин следил за Намарти, полуприкрыв глаза. Намарти никогда ему не нравился, но порой он не нравился ему еще больше, чем обычно, и сейчас был как раз тот самый случай. Почему он, Андорин, особа королевского происхождения, из знатнейшего сэтчемского рода, должен иметь дело с этим парвеню, с этим почти законченным параноиком?

На самом деле ответ был Андорину известен, и он вынужден был терпеть все, даже болтовню Намарти о том, как он за десять лет возродил движение и довел его до совершенства. Господи, да сколько же можно! Он что, всем это пересказывает

по нескольку раз? Или только его, Андорина, избрал себе в жертву?

А физиономия Намарти светилась злорадной ухмылкой, и он все говорил и говорил — нараспев, будто стихи читал:

— Год за годом я работал над отработкой связей, плел паутину, невзирая на безнадежность и неудачи, строил организацию, запускал щупальца в правительство, пользовался его покровительством, порождал и усиливал недовольство, брожение в массах. А когда наступил банковский кризис и на неделю был объявлен мораторий, я... — Внезапно он оборвал себя на полуслове. — А ведь я тебе это уже сто раз рассказывал. Ты устал небось это слушать?

Андорин растянул губы в улыбке. А Намарти, оказывается, не совсем идиот — понимает, какой он зануда, просто ничего с собой поделать не может.

— Да, — кивнул Андорин, — ты мне это уже сто раз рассказывал.

Вопрос он оставил без ответа. Что толку отвечать на риторический всхлип?

Болезненный румянец залил щеки Намарти. Он сказал:

— Но так могло продолжаться вечно — вся эта работа, все эти обманы, и толку бы никакого, если бы мне в руки не попало нужное орудие. Я и пальцем не пошевелил — оно само пришло ко мне.

— То есть боги прислали тебе Планше, — безразлично проговорил Андорин.

— Совершенно верно. Скоро будет набор садовников на дворцовую территорию, — сказал Намарти и ненадолго задумался. — Набирать будут мужчин и женщин. Вполне достаточное прикрытие для наших боевиков. С ними пойдешь ты и Планше. От остальных вы будете отличаться тем, что у вас будут бластеры.

— С которыми, — нарочито лениво, с трудом скрывая сарказм, проговорил Андорин, — нас засекут у ворот и арестуют. Прийти с заряженными бластерами на дворцовую территорию...

— Никто вас не задержит, — словно не заметив насмешки, возразил Намарти. — Обыскивать вас тоже не будут. Все организовано. Вас, естественно, выйдет приветствовать какая-то придворная особа. Уж и не знаю, кто этим занимается обыч-

но — какой-нибудь младший заместитель главного начальника по травке и листочкам, — но на сей раз это будет не кто иной, как Селдон собственной персоной. Да-да, сам великий математик поспешит встретить новых садовников.

— Похоже, ты в этом просто-таки уверен.

— Конечно, уверен. Говорю же, все организовано. Практически в последнюю минуту он узнает, что среди новых садовников в списке значится его пасынок, так он помчится как миленький их встречать. А как только он появится, Планше прицелится в него из бластера. Наши люди поднимут крик: «Измена!», и в начавшейся суматохе Планше прикончит Селдона, а ты прикончишь Планше. Потом бросишь бластер и смоешься. Тебе в этом помогут. Все устроено.

— А Планше обязательно убивать?

Намарти нахмурился.

— Что за вопрос! Почему это одно убийство у тебя не вызывает возражений, а другое не нравится? Или ты хочешь, чтобы Планше растрепал потом властям предержащим все про нас? И потом, на самом деле все будет выглядеть как образчик семейной вражды. Не забывай, что Планше — это Рейч Селдон. Впечатление будет такое, словно два выстрела грянут одновременно, или такое, будто Селдон отдал приказ стрелять в своего сына, если тот предпримет что-то опасное. А мы уж постараемся повернуть всю эту историю под семейным углом. Напомним народу о кошмарных временах Его Кровожадного Величества Императора Мановелла. И народ, естественно, будет потрясен откровенной жестокостью случившегося. Это станет последней каплей, которая переполнит чашу их терпения, до краев наполненную раздражением, вызванным непрерывными авариями. И чего они потребуют? Естественно, нового правительства. И никто не сумеет отказать народу, даже сам Император. И тогда явимся мы.

— Вот так, сразу?

— Нет, не сразу. Я не в розовых очках хожу. Наверняка поначалу будет создано какое-то переходное правительство, но оно провалится. Уж мы позаботимся об этом и вот тогда выступим открыто и выдвинем старые джоранумитские лозунги, которые народ Трентора уже успел подзабыть. И скоро — очень скоро — я стану премьер-министром.

— А я?

— Со временем станешь Императором.

Андорин хмыкнул.

— Что-то слабо верится. Все-то у тебя устроено да организовано — и то, и это, и пятое, и десятое. Промахов быть не должно, иначе все провалится. Кто-то обязательно подведет. Нет, риск неоправданный.

— Для кого это он неоправданный? Для тебя?

— Конечно. Ты ждешь, что Планше обязательно убьет отца, а потом я должен прикончить Планше. Почему я? Неужели не отыщется человек, который бы в этом случае подвергался меньшему риску, чем я?

— Можно найти такого человека, но любой другой скорее провалится. Кому как не тебе это все нужно больше, чем кому бы то ни было? Нет, Андорин, другой человек может струсить и удрать в последнюю минуту, но не ты.

— Но это колоссальный риск!

— Разве игра не стоит свеч? Ты же стремишься к императорскому престолу.

— Но ты-то чем тогда рискуешь, руководитель? Останешься тут, в тепле, в уюте и будешь ждать вестей?

Намарти скривился.

— Какой же ты тупица, Андорин! И какой только из тебя Император получится? Так ты считаешь, что я не рискую, оставаясь здесь? Если весь расклад полетит к черту, если схватят кого-то из наших людей, как ты думаешь, неужели они не проболтаются и не выложат все, что знают? Да если тебя самого возьмут, неужели ты промолчишь и не расскажешь все про меня? Императорские охранники — народ, сам знаешь, какой нежный.

Ну а представь, что попытка покушения не удалась? Тебе не кажется, что они весь Трентор прочешут, чтобы меня найти? Или ты думаешь, они меня не найдут? Да я рискую больше всех вас, сидя тут, как ты выразился, в тепле и уюте. Так вот, Андорин. Ты хочешь быть Императором или нет?

Андорин ответил негромко:

— Я хочу быть Императором.

И машина заговора завертелась.

Глава 22

Подчеркнутое внимание, с которым относились к Рейчу, конечно же, не могло от него укрыться. Во-первых, Андорин держал его отдельно от остальных садовников. Кандидаты в новую садовую армию были расквартированы в одной из гостиниц в Имперском секторе, но не в самой фешенебельной, конечно.

Тут было на что посмотреть и с кем пообщаться — весь народ собрался почти из пятидесяти самых разных миров, но Рейчу не удавалось ни с кем даже словечком перемолвиться — Андорин его ни к кому не подпускал.

«Почему?» — гадал Рейч. Это угнетало его. Действительно, настроение у него было подавленное с тех самых пор, как он покинул Сэтчем. Это мешало ему думать, и он пытался бороться с депрессией, но почти что безуспешно.

Андорин и сам разгуливал в грубом комбинезоне и пытался выглядеть как рабочий. Ему тоже предстояло сыграть роль садовника в готовящемся «спектакле» (каким бы ни был этот «спектакль»).

Рейчу было жутко стыдно из-за того, что он никак не мог уловить сути этого представления. Его изолировали, лишили возможности с кем-либо общаться, так что он даже не мог предупредить отца. Может быть, точно так же изолировали всех тренторианцев, внедренных в группу будущих садовников. По подсчетам Рейча, их было около десятка, и все — люди Намарти — мужчины и женщины.

Но особенно его удивляла та забота, которую к нему проявлял Андорин, — ну прямо-таки потрясающая забота. Он никуда от Рейча не отходил, настоял на том, чтобы они вместе ели, явно выделял его из остальных.

Почему? Может быть, потому, что они оба были любовниками Манеллы? Рейч не слишком много знал о моральных устоях в Сэтчеме и не мог судить, существует ли там нечто вроде полигамии. Если двое мужчин сожительствовали с одной женщиной, может быть, между ними образовывались какие-то особые отношения, на манер братства?

Рейч ни о чем таком никогда не слышал, но прекрасно понимал, что в Галактике всякое возможно — даже на Тренторе.

Он вспомнил о Манелле и почувствовал, как сильно по ней

соскучился. Может быть, в этом причина депрессии? Но сейчас, заканчивая завтракать с Андорином, он был не просто в депрессии — состояние его было близко к отчаянию, хотя, казалось бы, особых причин для этого не было.

Манелла!

Она же говорила, что ей страшно хотелось бы попасть в Имперский сектор. Может, Андорин все-таки уступил ее желанию? Рейчу было так тоскливо, так худо, что он не выдержал и задал Андорину идиотский вопрос:

— Мистер Андорин, я вот думаю, а вы случайно не взяли с собой мисс Дюбанкуа сюда, в Имперский сектор?

Андорин выпучил глаза и негромко рассмеялся.

— Манеллу? Ты думаешь, она что-нибудь смыслит в садоводстве? Да она даже притвориться не сумела бы, если бы и захотела. О нет, дружок, Манелла из тех женщин, что созданы для услады. Другого она просто не умеет. А почему ты спрашиваешь, Планше?

Рейч пожал плечами:

— Да скучновато тут. Вот я и подумал...

Андорин некоторое время пристально смотрел на него и наконец проговорил:

— Не поверю, что тебе не все равно, с какой женщиной спать. Ей-то точно все равно, с каким мужиком ложиться. А как только все будет позади, у тебя будет полно других женщин.

— А когда все будет позади?

— Скоро. И то, что предстоит сделать тебе, очень важно.

Андорин, прищурившись, наблюдал за Рейчем.

— Важно? — переспросил Рейч. — Разве я не буду просто... садовником?

Голос его прозвучал равнодушно, и как он ни старался вложить в вопрос побольше волнения, у него это не вышло.

— Нет, не просто садовником, Планше, — ответил Андорин. — У тебя будет бластер.

— Что будет?

— Бластер.

— А я его сроду и в руках-то не держал, бластер.

— Да это просто, ты не волнуйся. Поднимешь. Наведешь. Нажмешь кнопочку. И кое-кто окочурится.

— Убивать я не мастак.

— А я думал, ты один из нас и сделаешь все, что нужно, ради общего дела.

— Ну, я же не думал, что надо будет... убивать.

Рейчу ни в коем случае нельзя было подавать виду, будто он обдумывает сказанное Андориным. И все-таки... Почему он должен стрелять? Что они такое для него придумали? Будет ли у него возможность предупредить охранников до того, как он получит приказ стрелять?

Лицо Андорина изменилось — дружеское участие превратилось в ледяную непререкаемость.

— Ты *должен убить.*

Рейч собрал все силы.

— Нет. Убивать я никого не буду. Не буду — и точка.

— Планше, — твердо заявил Андорин, — ты сделаешь то, что тебе скажут.

— А убивать не буду.

— Будешь.

— Как это вы меня заставите?

— Просто прикажу и все.

У Рейча в голове все перемешалось. Почему Андорин так уверен?

— Нет, — покачал головой Рейч.

— Планше, — усмехнувшись, проговорил Андорин, — не валяй дурака. Мы тебя накачивали с тех самых пор, как уехали из Сэтчема. Не зря же я настоял, чтобы мы ели вместе. Я следил за твоей диетой. В особенности за тем, чтобы ты слопал сегодняшний завтрак.

Рейч почувствовал, как к сердцу подступает волна страха. Он вдруг все понял.

— Десперин?!

— Именно, — кивнул Андорин. — Догадливый ты, милый Планше.

— Ну это же... противозаконно!

— А как же! И убийство тоже.

Рейч знал о существовании десперина. Десперин был химическим производным совершенно безобидного транквилизатора. Однако в производном виде этот препарат вызывал не успокоение, а отчаяние. Использование его считалось противозаконным, поскольку вызывало изменение ориентации

личности, даже поговаривали, будто в императорской охранке к нему прибегали.

Андорин, словно прочитав мысли Рейча, сказал:

— Десперином его назвали потому, что он вызывает отчаяние[1]. Ведь ты ощущаешь отчаяние?

— Нет, — прошептал Рейч.

— Браво-браво, ты храбрый малый, но только против химии не попрешь, Планше. И чем сильнее твое отчаяние, тем лучше, стало быть, на тебя подействовал десперин.

— Не верю.

— Послушай, Планше. Шутки в сторону. Намарти узнал тебя с первого взгляда, хоть ты и без усов. Он знал, что ты — Рейч Селдон, и по моему приказу ты убьешь своего отца.

— Не раньше, чем тебя... — пробормотал Рейч.

Он медленно поднялся. Неужто он не справится? Пусть Андорин выше ростом, но он явно не гигант и не спортсмен. Да его одной левой пополам переломить можно. Но стоило Рейчу встать, как у него жутко закружилась голова. Он помотал ею, но лучше не стало. Все плыло перед глазами.

Андорин встал и сделал шаг назад. Правая его рука скользнула в левый рукав, и в ней появилось оружие.

— Я не дурак, Планше, — заявил он, ухмыляясь. — Захватил пушку на всякий случай. Я знаю, что ты большой мастер рукопашного боя на геликонский манер, но только драться мы с тобой не будем, парень. — Бросив взгляд на оружие, он сообщил: — Это не бластер. Я не могу отправить тебя на тот свет, пока ты не выполнил моего задания. Это нейронный хлыст. В каком-то смысле похуже бластера будет. Так даст по левому плечу, что никто не вытерпит — боль адская.

Рейч, который до этого мгновения мрачно и решительно приближался к Андорину, резко остановился. Ему было всего двенадцать, когда он на своей шкуре познал — и то не слишком сильно, — что такое нейронный хлыст. Стоит раз попробовать — и всю жизнь не забудешь.

— Вот и умница, — притворно похвалил его Андорин. — А то учти, церемониться я с тобой не буду. Такой разряд дам — на полную катушку, и левой рукой ты уже никогда пользоваться не сможешь. А правую поберегу — тебе в ней бластер дер-

[1] От англ. «despair» — отчаяние. (*Примеч. пер.*)

жать придется. А теперь садись и, если хочешь обе ручки сберечь, больше так не шути. И придется тебе, дружок, еще десперином подкрепиться, а то, видно, доза маловата.

Рейч почувствовал, как вызванное препаратом отчаяние охватывает его все сильнее и сильнее. Все кругом двоилось, во рту у него пересохло, и он не мог сказать ни слова.

Единственное, что он понимал, так это то, что должен сделать все, что прикажет Андорин. Он вступил в игру и проиграл.

Глава 23

— Нет! — свирепо прокричал Гэри Селдон. — Ты мне там совсем не нужна, Дорс.

Но Дорс Венабили смотрела на него твердо и решительно.

— Значит, я тебя не пущу, Гэри.

— Но я непременно должен пойти.

— Ничего ты не должен! По традиции, их должен встречать старший садовник.

— Верно. Но Грубер не справится. У него жуткое настроение.

— Значит, надо послать с ним кого-нибудь из помощников. Или пусть пойдет прежний главный садовник. В конце концов, год продолжается, он должен еще свои обязанности выполнять.

— Он болен. И потом... — Селдон несколько растерялся. — Среди новобранцев есть «зайцы». Тренторианцы. Непонятно почему, но их довольно много. У меня список.

— Значит, надо взять их под стражу. Всех до единого. Все так просто, и зачем ты все усложняешь?

— Затем, что мы не знаем, *зачем* они здесь. Что-то случилось. Я, правда, не понимаю, на что способны двенадцать садовников, но... Нет, я не то хотел сказать. Они на многое способны — вариантов столько же, сколько их самих, но я не знаю, что именно у них на уме. Безусловно, мы возьмем их под стражу, но я должен как можно больше выяснить, прежде чем это будет сделано.

Понимаешь? Нужно никого не пропустить и всех подозрительных проверить с головы до ног. Надо хорошенько понять, что им здесь нужно, прежде чем они будут соответствующим

образом наказаны. А мне бы не хотелось, чтобы все выглядело наказанием за проступок, а не за преступление. Они же непременно начнут жаловаться на безработицу, отчаяние, станут скулить, что, дескать, несправедливо брать на работу чужаков и тренторианцам отказывать. Все это будет выглядеть тоскливо и жалостливо, а мы предстанем в идиотском виде. Нужно дать им возможность сознаться в более тяжком преступлении. И потом...

Селдон умолк, и Дорс была вынуждена поторопить его с ответом:

— Ну-ну, выкладывай, что это еще за новое «потом»?

Селдон проговорил срывающимся шепотом:

— Один из этих двенадцати — Рейч под псевдонимом Планше.

— Что?!

— Чему ты так удивляешься? Я послал его в Сэтчем, чтобы он внедрился в движение джоранумитов, и это ему удалось. Я верю в него. Раз он здесь, он-то знает, зачем он здесь, и наверняка у него есть какой-то план насчет того, как вставить палку в колесо. Но я тоже хочу быть на месте событий. Я хочу его увидеть. Хочу иметь возможность помочь ему, если сумею.

— Если хочешь ему помочь, выставь пятьдесят охранников по обе стороны от садовников.

— Нет. Это тоже ничего не даст. Гвардейцы там будут, но их не будет видно. Мнимым садовникам нужно дать возможность проявить себя, раскрыться, у них руки должны быть, так сказать, развязаны, что бы ни было у них на уме, каковы бы ни были их планы. Главное — не дать этим планам осуществиться. А как только они скажут «а», мы их арестуем.

— Это рискованно. Это рискованно для Рейча в первую очередь.

— Приходится порой рисковать. Но тут ставка выше, чем чья-то жизнь, Дорс.

— Это жестоко! Это бессердечно, в конце концов!

— Ты думаешь, у меня нет сердца? Но даже если ему суждено разорваться, я буду думать о психо...

— Не надо! — оборвала его Дорс и отвернулась, словно ей стало нестерпимо больно.

— Я все понимаю, — ласково проговорил Селдон. — Но тебе туда нельзя. Твое присутствие будет настолько из ряда вон

выходящим, что заговорщики могут заподозрить неладное и откажутся от выполнения задуманного. Дорс, — добавил он, немного помолчав, — ты говоришь, что твоя задача — защищать меня. Это важнее, чем защищать Рейча, и ты это прекрасно понимаешь. Честное слово, я бы не стал этого говорить, но ведь, защищая меня, ты в первую очередь защищаешь психоисторию и все человечество. Это главное. А то, что я знаю из психоистории, в свою очередь, диктует мне, что я во что бы то ни стало должен сберечь наш центр, сберечь любой ценой, и именно это я и хочу сделать. Понимаешь?

— Понимаю... — прошептала Дорс и повернулась, чтобы уйти.

А Селдон подумал: «Надеюсь, я прав».

Ведь если он ошибался, Дорс ни за что не простит его. Более того, он и сам себя никогда не простит — гори тогда огнем психоистория и все остальное.

Глава 24

Новобранцы в армию садовников выстроились ровными рядами — ноги на ширине плеч, руки за спиной, все до одного — в аккуратных зеленых комбинезонах, просторных, с большущими карманами. Трудно было на глаз определить, кто тут мужчина, а кто женщина, разве что по росту. Волосы были спрятаны под капюшонами, но садовникам и вообще полагались короткие стрижки и не разрешалось носить ни усов, ни бород.

А почему — никто не мог бы ответить. Одно слово — традиция и все. А традиции бывают какими угодно — как мудрыми, так и довольно дурацкими.

Перед садовниками стоял Мандель Грубер, а по обе стороны от него — его помощники. Грубер весь дрожал и часто моргал.

Гэри Селдон крепко сжал губы. Только бы Грубер выдавил из себя что-нибудь вроде «императорские садовники приветствуют вас», и этого было бы вполне достаточно.

Пробежавшись взглядом по рядам новых садовников, Селдон быстро нашел Рейча.

Сердце Селдона екнуло. Вот он, безусый Рейч, в первой шеренге, стоит навытяжку, смотрит прямо перед собой. Он и

не пытался встретиться взглядом с Селдоном, казалось, будто не узнает его. «Вот и хорошо, — подумал Селдон. — И не надо. Держится молодцом».

Грубер пробормотал полубессвязное приветствие, и слово взял Селдон.

Легко шагнув вперед, он встал перед Грубером и, слегка поклонившись ему, сказал:

— Благодарю вас, старший садовник. Дамы и господа, императорские садовники. Вам предстоит важная и ответственная работа. На ваши плечи ляжет забота о красоте и процветании единственного островка под открытым небом на всем громадном Тренторе, столице Галактической Империи. Именно вам надлежит заботиться о том, чтобы мы, лишенные грандиозных просторов земли, не покрытой куполами, обладали бы истинной жемчужиной природы, способной затмить любой уголок Империи.

Вы поступите в распоряжение Манделя Грубера, который вскоре станет главным садовником. Обо всех ваших нуждах и предложениях он будет сообщать мне, а я в случае необходимости буду извещать о них Императора. А это, как вы понимаете, означает, что от трона Императора вас отделяют всего три ступеньки и что вы всегда будете находиться, так сказать, в поле зрения его всевидящего ока. Уверен, он и сейчас наблюдает за нами из окон Малого Дворца — вот он, справа, видите? Вот это здание под прозрачным куполом — личная резиденция Его Величества. Он смотрит на вас и радуется.

Но, прежде чем вы приступите к работе, вам придется пройти соответствующий курс обучения, в ходе которого вы подробно ознакомитесь с территорией и поймете, какая тут нужна работа. Вам предстоит...

Эти слова Селдон произнес, подойдя вплотную к Рейчу. Тот застыл в прежней позе с остекленевшими глазами.

Селдон изо всех сил старался не казаться чересчур добродушным, но внезапно нахмурился. Человек, стоявший сразу за Рейчем, показался ему удивительно знакомым. То есть он не был знаком Селдону, если бы тот не разглядывал совсем недавно его голографический портрет. Уж не Глеб ли это Андорин из Сэтчема? То бишь сэтчемский патрон Рейча? Что он здесь делает?

От Андорина явно не укрылось подчеркнутое внимание, с

которым рассматривал его Селдон. Губы его слегка дрогнули, произнося какое-то короткое слово. Правая рука Рейча показалась из-за спины, и в ней был зажат бластер. Одновременно с ним выхватил бластер из кармана и Андорин.

Селдону стало жутко. Как они могли пронести бластеры на дворцовую территорию? Началась паника, раздались выкрики: «Измена! Измена!» Все бросились врассыпную.

Но Селдон смотрел только на бластер в руке Рейча, нацеленный прямо в него. А Рейч смотрел на него, словно не узнавал отца. Селдон в ужасе понял, что сын вот-вот выстрелит и что он сам — на волоске от смерти.

Глава 25

Селдон отлично знал, каково действие бластера. Тихий звук наподобие вздоха, и от того, в кого стреляют, остается мокрое место.

Селдон понимал, что погибнет раньше, чем услышит этот звук, и поэтому был просто поражен, когда расслышал этот самый вздох. Он часто заморгал и, не веря своим глазам, осмотрел себя с головы до ног.

Он что, жив?

Рейч все так же стоял перед ним, застыв с взведенным бластером. Он не двигался и напоминал выключенный автомат.

За его спиной на земле в луже крови скорчилось то, что осталось от Андорина, а рядом с ним с бластером в руке стоял садовник. Вот он откинул капюшон и оказался женщиной с короткой стрижкой.

Смело посмотрев на Селдона, она сообщила:

— Ваш сын знает меня под именем Манеллы Дюбанкуа. Я — офицер службы безопасности. Сообщить вам мой регистрационный номер, господин премьер-министр?

— Не нужно... — вяло пробормотал Селдон. На сцене событий уже появилась императорская охрана. — Но мой сын! Что с ним такое?!

— Думаю, это десперин, — объяснила Манелла. — Но не волнуйтесь, он выводится из организма. Простите, — сказала она, шагнув вперед и забирая бластер из окаменевшей руки

Рейча, — что я не вмешалась раньше. Я была вынуждена ждать развязки, но чуть было не опоздала.

— Я тоже. Рейча нужно отвести в дворцовую больницу.

Тут из Малого Дворца донесся приглушенный шум. Селдон решил, что, наверное, Император и вправду смотрел из окна за происходящим. Если так, то он уж точно вышел из себя.

— Прошу вас, позаботьтесь о моем сыне, мисс Дюбанкуа, — попросил Селдон. — Мне нужно повидаться с Императором.

Обегая стороной толпы, запрудившие Большие Лужайки, Селдон бесцеремонно ворвался в Малый Дворец. Терять было нечего — Клеон все равно вне себя.

Но внутри, на ступеньках полукруглой лестницы, в окружении потрясенных сановников, лежало тело Клеона Первого, Его Величества Императора Галактики, или, вернее, то, что от него осталось. Только по императорской мантии и можно было догадаться, кто стал жертвой выстрелов. А к стене, скрючившись, прижался, в ужасе бегая глазами по бледным как полотно лицам вельмож, не кто иной, как Мандель Грубер.

Селдон подошел к Груберу, наклонился и поднял с ковра бластер, валявшийся у ног садовника. Бластер явно принадлежал Андорину. Селдон шепотом спросил:

— Грубер, что ты наделал?

Грубер, спотыкаясь на каждом слове, запричитал:

— А все... бегали... кричали там... А я и подумал: кто узнает-то?.. Все подумают... это кто-то другой... убил... Императора. А после... убежать... не успел...

— Но, Грубер... Почему?! Почему?!

— Чтобы не быть главным садовником... — пролепетал Грубер и упал в обморок.

Селдон в ужасе уставился на него.

Вот так все вышло. Он жив. Рейч жив. Андорин мертв, и теперь джоранумитское подполье будет выслежено до последнего человека и ликвидировано.

Центр сохранен в соответствии с указаниями психоистории.

И все же этот несчастный человек, движимый поразительно тривиальной причиной — такой тривиальной, что она-то как раз и не была учтена в анализе и прогнозе, — взял и убил Императора.

«И что же нам теперь делать? — в отчаянии думал Селдон. — Что теперь будет?»

Часть III
ДОРС ВЕНАБИЛИ

Венабили, Дорс. ...Многие моменты в жизни Гэри Селдона носят характер легендарный, несут отпечаток неточности, и обрести его безупречную с фактологической стороны биографию практически невозможно. Пожалуй, самое загадочное в жизни Селдона — это его супруга, Дорс Венабили. Сведения о ней крайне скудны. Достоверно известно лишь то, что она родилась на Цинне и впоследствии стала работать на историческом факультете Стрилингского университета на Трентоpe. Вскоре после того, как она приступила к этой работе, она познакомилась с Гэри Селдоном и стала его неразлучной спутницей на двадцать восемь лет. В действительности жизнь ее так же изобилует вымыслами, как и жизнь самого Селдона. Существуют совершенно неправдоподобные рассказы о ее необыкновенной физической силе и ярости, за которую она была прозвана Тигрицей. Но ее исчезновение гораздо более загадочно, чем появление, поскольку с определенного момента времени всякие упоминания о ней исчезают, и что с ней произошло, непонятно.

Ее квалификацию историка подтверждают ее труды по...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Глава 1

Ванде было уже почти восемь лет по стандартному Галактическому времени. Она была страшная кокетка — настоящая маленькая леди с густыми прямыми каштановыми волосами и голубыми глазами, которые, правда, становились все темнее и со временем должны были превратиться скорее всего в карие, как у отца.

Из головы у девочки не выходило одно число — шестьдесят.

Ужасно большое число! Скоро у дедушки день рождения, и ему исполнится шестьдесят, а ведь это так много! Вдобавок прошлой ночью ей приснился такой нехороший сон...

Ванда решила пойти поискать маму, чтобы спросить у нее, что может означать ее сон.

Маму найти оказалось нетрудно. Она была у дедушки и говорила с ним, ну конечно, про день рождения, про что же еще? Ванда растерялась. При дедушке ей было неловко расспрашивать маму про сон.

Замешательство девочки не укрылось от матери.

— Одну минуточку, Гэри, — сказала она, прервав разговор, — я только узнаю, что так беспокоит Ванду. Что тебе, малышка?

Ванда потянула мать за руку.

— Ма, я тебе потом скажу. Только тебе.

Манелла с улыбкой обернулась к Селдону.

— Видишь, как рано это начинается, Гэри? Своя жизнь. Свои трудности. Ванда, пойдем к тебе, детка?

— Да, мама, — проговорила Ванда с явным облегчением.

Взявшись за руки, они прошли в детскую, и Манелла спросила:

— Ну, что случилось, Ванда?

— Это из-за дедушки, мама.

— Из-за дедушки? Вот уж не поверю, чтобы он сделал тебе что-то дурное!

— Он не... — И глаза Ванды наполнились слезами. — Он умрет?

— Твой дедушка? Чего это ты вдруг, Ванда?

— Ему будет шестьдесят. Он такой старенький.

— Вовсе нет! Он уже немолодой, конечно, но и не старый. Люди живут до восьмидесяти, до девяноста, даже до ста лет, а дедушка у нас еще знаешь какой крепкий и здоровый? Он еще долго проживет.

— Ты точно знаешь? — всхлипнула Ванда.

Манелла обняла дочку за плечики и посмотрела ей прямо в глаза.

— Послушай, Ванда, когда-нибудь мы все должны умереть. Помнишь, я тебе уже говорила? И все-таки не стоит горевать об этом, покуда это «когда-нибудь» еще очень далеко, — лас-

ково проговорила Манелла, утирая бегущие по щекам Ванды слезы. — Дедушка еще долго проживет. Ты подрастешь, станешь совсем взрослой, а он еще будет живой даже тогда, когда у тебя уже будут свои детки. Вот посмотришь. А теперь пойдем. Я хочу, чтобы ты поговорила с дедушкой.

Ванда снова всхлипнула и кивнула.

Когда они вернулись к Селдону, он сочувственно посмотрел на внучку и поинтересовался:

— Что такое стряслось, Ванда? Чем ты так расстроена?

Ванда покачала головой.

Селдон перевел взгляд на Манеллу.

— Что с ней, Манелла?

— Пусть сама скажет.

Селдон сел в кресло и похлопал ладонью по колену.

— Подойди ко мне, Ванда. Сядь и расскажи мне, что за беда такая.

Ванда забралась к деду на колени, еще немного повсхлипывала и, потирая глаза кулачком, пробормотала:

— Мне страшно. Я боюсь.

— Ну-ну, не надо бояться. Расскажи все скорее твоему старенькому дедушке.

Манелла поморщилась:

— Не то слово.

Селдон удивленно взглянул на нее.

— Какое? Дедушка?

— Нет. Старенький.

Стоило Ванде услышать слово «старенький», как она снова залилась слезами.

— Да, дедушка, да, ты старенький!

— Ну, конечно. Мне шестьдесят, малышка.

Он крепко обнял Ванду, прижал к себе, наклонился и прошептал:

— Я ведь тоже этому не рад, Ванда. Знаешь, как я тебе завидую — тебе еще и восьми нет.

— У тебя все волосики седые, дедуля...

— Ну, они не всегда такими были. Я только недавно поседел.

— Раз волосики седые, значит, ты скоро умрешь, дедуля...

Селдон был ошеломлен.

— Да что такое стряслось? — изумленно спросил он у Манеллы.

— Понятия не имею. Не знаю, что это вдруг на нее нашло.

— Сон плохой видела... — всхлипнула Ванда.

Селдон прокашлялся.

— Ну, Ванда, что такое «плохой сон»? Нам всем плохие сны порой снятся. И ничего в этом нет страшного. Это даже хорошо, детка. Просыпаешься и понимаешь, как все хорошо на самом деле.

— А я видела сон, что ты умрешь! — не унималась Ванда.

— Понимаю, понимаю, детка. Смерть часто снится, но не надо так огорчатся. Это ничего не значит. Ну, погляди на меня. Разве ты не видишь, какой я живой, веселый? Ну, смотри, я улыбаюсь. Разве я похож на умирающего? Ну, похож?

— Н-нет...

— Ну вот и славно. А теперь пойди-ка поиграй и забудь про все эти глупости. У меня день рождения, и мы все отлично повеселимся. Ну, давай ступай к себе, малышка.

Ванда ушла, улыбнувшись сквозь слезы, а Манеллу Селдон попросил остаться.

Глава 2

— Как ты думаешь, откуда у Ванды такие мысли, Манелла? — спросил Селдон невестку.

— Ну, Гэри, мало ли откуда? У нее был сальванийский геккончик и умер, помнишь? У одной из ее подружек отец погиб в катастрофе, а уж по головизору она каждый день видит, как кто-то умирает. Невозможно растить ребенка под колпаком, чтобы он ничего не знал о смерти. Да я и не собиралась ничего от нее скрывать. Смерть — естественная неотъемлемая часть жизни, и она должна это понять.

— Я не говорю о смерти вообще, Манелла. Я говорю о своей смерти. Почему она вдруг заговорила об этом?

Манелла растерялась. Селдон был ей очень дорог. «Господи, как же сказать, чтобы не обидеть его?» — подумала она. А не говорить тоже было нельзя.

— Гэри, — сказала она, — только не обижайся, но ты сам виноват.

— Я?

— Конечно! Ты в последнее время только о том и говорил, что тебе скоро шестьдесят, и направо и налево жаловался, какой ты уже старый. И юбилей-то твой устраивается в основном для того, чтобы переубедить тебя и утешить.

— А ты думаешь, это так уж весело, когда тебе шестьдесят? — пробурчал Селдон. — Вот погоди! — шутливо погрозил он пальцем Манелле. — Доживешь до моих лет, сама увидишь, каково это.

— Увижу, если повезет. Некоторые и до шестидесяти не доживают. И все-таки чему удивляться, если ты то и дело сбиваешься на то, что тебе шестьдесят, что ты совсем старый? Конечно, это пугает и огорчает бедную девочку. Она такая впечатлительная.

Селдон вздохнул и сокрушенно покачал головой.

— Прости меня, Манелла, но мне и правда невесело. Посмотри на мои руки. Они все в старческих пятнах и скоро перестанут гнуться. Да, Манелла, о геликонской борьбе говорить не приходится. Теперь меня грудной младенец пальчиком повалит.

— Не понимаю, чем ты так уж отличаешься от других людей твоего возраста? Голова у тебя, по крайней мере, работает превосходно. Не ты ли сам так любишь повторять, что это самое главное?

— Знаю. Все так. Но состояние моего тела вгоняет меня в тоску.

Манелла понимающе кивнула и проговорила с едва заметной иронией:

— Понятное дело, ведь Дорс-то, похоже, совсем не старится.

— Ну да, ну да, вот я и думаю... — занервничал Селдон и отвел взгляд.

Несомненно, он не хотел переводить разговор на эту тему.

Манелла заботливо и одновременно пытливо смотрела на свекра. Его беда была в том, что он ничего не понимал в детях, да и в людях вообще, если на то пошло. Трудно даже было представить, как он сумел пробыть целых десять лет на посту премьер-министра при прежнем Императоре, совершенно не разбираясь в людях.

Конечно, он весь в своей психоистории, а она учитывает

интересы квадриллионов людей, что в конечном счете означает — ничьи, никого конкретно. Да и как ему разбираться в психологии ребенка, если он ни с кем, кроме Рейча, не общался, да и Рейча нашел, когда тому было уже двенадцать? Теперь у него есть Ванда, и она для него — настоящая загадка и скорее всего загадкой останется.

Манелла думала о Селдоне с любовью, ощущая непреодолимое желание защитить его от мира, которого тот не понимал. Пожалуй, это было единственное, на чем они сошлись со свекровью, Дорс Венабили, — именно на желании защитить Гэри Селдона.

Десять лет назад Манелла спасла жизнь Селдона. Как ни странно, Дорс восприняла это как посягательство на собственные права и до сих пор не простила Манеллу. А Селдон, со своей стороны, тоже в каком-то смысле спас жизнь Манеллы.

Она закрыла глаза и вспомнила все так отчетливо, словно сегодня был тот самый день...

Глава 3

Это было через неделю после покушения на Клеона — о, что за кошмарная была неделя! Весь Трентор был в панике.

Гэри Селдон оставался на посту премьер-министра, но властью, несомненно, больше не обладал. Пригласив к себе Манеллу Дюбанкуа, он сказал:

— Я хочу поблагодарить вас за спасение Рейча и меня. Извините, что не сказал вам этого раньше. Неделя выдалась, сами понимаете, — вздохнул он, — не самая легкая.

Манелла спросила:

— А что с этим безумцем садовником?

— Он казнен! Без промедления! Без суда и следствия! Я пытался спасти его, утверждая, что он невменяем. Но меня слушать никто не стал. Соверши он любое другое преступление, его недееспособность учли бы непременно и он остался бы в живых. Его бы арестовали, судили, но пощадили бы. Но убить Императора...

Селдон обреченно покачал головой.

— Что же теперь будет, господин премьер-министр? — спросила Манелла.

— Я скажу вам, какие у меня предположения. Династии Энтунов конец. Сын Клеона не вступит на престол. Я думаю, он и сам этого не хочет. Он жутко боится покушения, и я его вполне понимаю и не сужу. Самое лучшее для него сейчас — удалиться в какое-нибудь из фамильных поместий во Внешних Мирах и жить там без хлопот. Как члену королевской семьи ему никто не будет чинить препон. А вот вам и мне вряд ли так повезет.

— То есть, сэр? — нахмурилась Манелла.

Селдон прокашлялся.

— Нет ничего проще, чем доказать, что вы убили Глеба Андорина, и он выронил бластер, затем попавший в руки Манделя Грубера, а тот воспользовался этим оружием для убийства Клеона. Следовательно, на вас ложится серьезная ответственность за участие в преступлении. Запросто могут сказать, что все было организовано.

— Но это же глупо. Я же офицер службы безопасности и исполняла свой долг — делала то, что мне было приказано.

Селдон печально улыбнулся.

— Вы мыслите логически, а сейчас не время для логики. Теперь, в отсутствие законного наследника императорского престола, к власти наверняка придет военное правительство.

(Позднее, когда Манелла стала понемногу осознавать принципы психоистории, она гадала, прибег ли Селдон к каким-то вычислениям, дабы прогнозировать такой исход событий — ведь военное правление действительно было введено. Но тогда он о психоистории ни словом не обмолвился.)

— А если военное правительство придет к власти, — продолжал Селдон, — ему придется действовать исключительно жестко — подавлять всякие проявления недовольства и непослушания, принимать жесткие радикальные меры, и тут будет не до логики, не до справедливости. И если они обвинят вас, мисс Дюбанкуа, вас казнят — не потому, что это было бы законно и справедливо, а просто для того, чтобы всем на Транторе заткнуть глотки. Раз так, то и меня могут обвинить в участии в заговоре. В конце концов, я же действительно вышел встречать новых садовников, хотя, в принципе, так сказать, по штату, я не должен был этого делать. Если бы меня там не было, не было бы и попытки убить меня, вам бы не пришлось вмешиваться, и Император остался бы жив. Видите, как все замечательно сходится?

— Не поверю, что такое кому-то придет в голову.

— Может быть, и не придет. Но я собираюсь сделать им предложение, от которого они вряд ли откажутся.

— Какое же?

— Я добровольно подам в отставку. Они меня не хотят, и я уйду. Но дело в том, что у меня есть доброжелатели и при дворе и, что гораздо более важно, есть они у меня и во многих Внешних Мирах. Там не хотели бы, чтобы я уходил с поста премьер-министра. Мой уход для них будет означать единственное: меня убрали насильно, и, следовательно, даже если меня не казнят, у военных все равно будут неприятности. Если же, с другой стороны, я уйду в отставку, публично заявив, что военное правление — это то, что нужно Транторию и Империи, выходит, я окажу военным неоценимую услугу, верно? — Селдон немного подумал и сказал: — Ну и потом есть же еще психоистория.

Вот тогда-то Манелла и услышала впервые это слово.

— Что это такое?

— Это то, над чем я работаю. Клеон свято верил в могущество этой науки, гораздо более свято, чем я когда-то, и при дворе почти все пребывают в убеждении, что психоистория является или может являться могучим орудием, подспорьем для правительства — каким бы оно ни было.

И совершенно неважно, знают ли они какие-либо подробности об этой науке. По мне лучше бы и не знали. Отсутствие знаний может усилить то, что можно было бы назвать суеверным отношением к психоистории. Следовательно, мне дадут возможность продолжать работу как частному лицу, то есть так я надеюсь. А теперь поговорим о вас.

— Что вы предлагаете?

— Пунктом договора с новым правительством я хотел бы сделать ваш уход в отставку из службы безопасности и гарантию того, что против вас не будет выдвинуто никаких обвинений относительно убийства Императора. Я почти уверен, что это получится.

— Но это же означает конец моей карьеры.

— Ваша карьера окончена в любом случае. Даже если имперской охранке не удастся сфабриковать против вас обвине-

ния, неужели вы думаете, вам позволят остаться в рядах службы безопасности?

— И что же мне делать? Как я тогда должна буду зарабатывать на жизнь?

— Я позабочусь об этом, мисс Дюбанкуа. Скорее всего я вернусь в Стрилингский университет с крупной субсидией на продолжение исследований в области психоистории и уверен, у меня найдется работа для вас.

Манелла, широко раскрыв глаза, пролепетала:

— Но с какой стати вы обязаны...

— Странный вопрос! Вы спасли жизнь Рейчу и мне. Разве не понятно, что я у вас некоторым образом в долгу?

Все вышло, как предсказал Селдон. Он красиво, добровольно ушел с поста, на котором протрудился десять лет. Заново сформированное военное правительство — хунта, возглавляемая определенными представителями имперской охранки, — вручило Селдону хвалебный адрес. Он вернулся в Стрилингский университет, а Манелла Дюбанкуа, вышедшая в отставку из рядов службы безопасности, отправилась в Стрилинг с семейством Селдона.

Глава 4

Рейч вошел, дуя на озябшие пальцы.

— Ну, знаете, — сказал он, — я вовсе не против любых изменений погоды, а не то под куполом можно было бы умереть со скуки. Но сегодня уж слишком холодно, да еще ветра подпустили. Того и гляди кто-нибудь пожалуется на службу искусственного климата.

— Вот уж не знаю, их ли это вина, — хмыкнул Селдон. — В наше время не только погода выходит из-под контроля.

— Понимаю. Общее ухудшение. Это диагноз, — кивнул Рейч и потер усы тыльной стороной ладони.

Это вошло у него в привычку, словно он никак не мог забыть тех ужасных месяцев, что провел в Сэтчеме без усов. В последнее время он несколько раздобрел, к тому же выглядел этаким довольным жизнью обывателем. Даже далийский акцент в его речи стал куда менее заметен.

Рейч снял легкий плащ и поинтересовался:

— Ну как себя чувствует наш старенький именинничек?

— Смиряется. Погоди, сынок. У тебя ведь тоже скоро юбилей? Сорок? Вот и посмотрим, как ты повеселишься. Сорок — это тоже невесело.

— Не так невесело, как шестьдесят.

— Пошутили — и хватит, — вмешалась Манелла, согревая руки Рейча в своих ладонях.

— Не обессудь, Рейч, — развел руками Селдон, — видишь ли, твоя жена считает, что мы зря так много говорим о моем дне рождения. В результате Ванда страшно огорчена и думает, что я скоро умру.

— Вот как? Значит, вот в чем дело. Я заглянул к ней, и она не дала мне даже слова сказать и тут же объявила, что видела плохой сон. О твоей смерти?

— Очевидно, — ответил Селдон.

— Ну, это пройдет. Сны улетучиваются и снятся снова.

— Не уверена, что все так просто, — возразила Манелла. — Она то и дело вспоминает об этом, а это нехорошо. Нужно будет расспросить ее как следует.

— Как скажешь, Манелла, — кивнул, улыбаясь, Рейч. — Драгоценная моя женушка, во всем, что касается Ванды, не смею тебе прекословить.

(Драгоценная женушка! А ведь как нелегко ему было этого добиться!)

Рейч прекрасно помнил, как к его желанию жениться на Манелле отнеслась в свое время мать. Ночные кошмары... Они и его мучили порой, и в них к нему являлась разгневанная Дорс Венабили.

Глава 5

Первое, что почувствовал Рейч, когда вышел из забытья, вызванного десперином, это то, что его бреют.

Вибробритва скользила по его щеке. Он поморщился и вяло запротестовал:

— Только не трогайте верхнюю губу, парикмахер. Я хочу, чтобы у меня снова отросли усы.

Парикмахер, которого Селдон соответствующим образом

проинструктировал, с готовностью поднес к лицу Рейча зеркальце.

— Не мешай парикмахеру, Рейч. И не волнуйся, — негромко проговорила Дорс, сидевшая у кровати сына.

Рейч скосил глаза в ее сторону и сразу успокоился. Когда парикмахер ушел, Дорс спросила:

— Как чувствуешь себя, Рейч?

— Паршиво, — пробормотал он. — Такая тоска, просто сил нет.

— Это остаточное действие десперина, которым тебя напичкали. Но это пройдет.

— Даже не верится. Давно я здесь?

— Какая разница! Главное — терпение. Все будет хорошо. Ты просто не представляешь, сколько в тебе было этой дряни.

Рейч нервно оглядел палату.

— А Манелла заходила меня навестить?

— Эта женщина? — презрительно переспросила Дорс. — Нет. Тебе пока еще рано принимать посетителей.

Заметив выражение лица сына, Дорс поторопилась уточнить:

— Для меня сделали исключение, потому что я — твоя мама, Рейч. И потом, зачем тебе сейчас встречаться с этой женщиной? Ты не в самом лучшем виде.

— Вот и хорошо, — пробормотал Рейч. — Пусть увидит меня в худшем. Спать хочу... — еле слышно проговорил он, поворачиваясь на бок.

Дорс покачала головой.

— Просто не знаю, что делать с Рейчем, — сказала она позже Селдону. — С ним невозможно разговаривать.

— Он еще очень плох, Дорс, — отвернулся Селдон. — Дай ему поправиться.

— Все время говорит об этой женщине, как ее там?

— Манелла Дюбанкуа. Пора бы запомнить.

— Похоже, он собирается жить с ней. *Жениться* на ней.

Селдон пожал плечами:

— Рейчу тридцать лет, и у него своя голова на плечах.

— Но мы его родители, и мы должны что-то сказать, какое-то свое слово.

Гэри вздохнул.

— Свое ты наверняка уже сказала, Дорс. А раз так, то, без сомнения, он поступит так, как считает нужным.

— И больше ты ничего не скажешь? Готов сидеть сложа руки, когда он собирается жениться на такой женщине?

— А что я, собственно, должен делать, Дорс? Манелла Рейчу жизнь спасла! Ты что, думаешь, он забыл об этом? Если на то пошло, она и мне жизнь спасла.

Этими словами он только подлил масла в огонь.

— Ты тоже ее спас. Вы квиты, — фыркнула Дорс.

— Вовсе я не...

— Нет, спас, и не спорь со мной! Эти шакалы — военные, что нынче правят Империей, прикончили бы ее, если бы ты не кинул им жирный кусок в виде своего прошения об отставке и не выступил бы в их поддержку ради того, чтобы спасти ее.

— Может быть, мы и квиты. Я, правду сказать, так не думаю, но Рейч ее пока не отблагодарил. Дорс, милая, будь осторожна в выражениях, когда говоришь о правительстве. Времена теперь уже не те, что были, когда правил Клеон, и всегда найдутся доносчики, которые быстренько доложат куда надо все, что ты сказала.

— Ну ладно. Мне не нравится эта женщина. Это, по крайней мере, позволительно сказать?

— Позволительно, но бесполезно. — Селдон невольно отвел взгляд. Обычно такие спокойные глаза Дорс просто-таки метали молнии. — Дорс, я хочу понять, почему? Почему, за что ты так ненавидишь Манеллу? Она действительно спасла нам жизнь. Если бы не она, и Рейч, и я были бы мертвы.

Дорс немного смутилась.

— Да, Гэри. Это я знаю лучше, чем кто-либо другой. И если бы ее не было там, жизнь вам спасла бы я. Ты, наверное, думаешь, что я должна быть ей благодарна. Но только всякий раз, когда я вижу эту женщину, я вспоминаю о своем провале. Я знаю, это дурацкие чувства, неправильные, несправедливые — даже объяснить не могу... Но не требуй от меня любви к ней, Гэри. Я не могу. Не могу.

На следующий день на долю Дорс выпало новое испытание. Врач сказал ей, что Рейч хочет видеть Манеллу.

— Он не в состоянии принимать посетителей, — запротестовала Дорс.

— Совсем наоборот. Очень даже в состоянии. Он пошел на

поправку. И потом, он так настаивает... Думаю, будет лучше уступить.

Манелла пришла, и Рейч приветствовал ее с таким восторгом, с такой бурной радостью, каких не проявлял за все пребывание в больнице.

А Дорс он одними глазами попросил удалиться. Она строптиво поджала губы, но из палаты вышла.

И вот настал день, когда Рейч сказал Дорс:

— Она выйдет за меня, ма.

— Вот уж удивил, — фыркнула Дорс. — Конечно, выйдет! Куда ей еще деваться? Из службы безопасности ее вышвырнули, так, конечно...

— Ма, — сказал Рейч, — если ты хочешь меня потерять, то ты все для этого делаешь. Лучше не говори со мной так больше.

— Я всего лишь хочу, чтобы тебе было хорошо.

— О себе я сам позабочусь. Ма, подумай хорошенько, ну разве на мне верхом можно въехать в респектабельность? Ну посмотри на меня. Что я, красавец писаный? И ростом не вышел... Папа теперь уже не премьер-министр, да и выговор у меня — сама знаешь. Словом, гордиться-то особо нечем. Она могла бы сделать гораздо более выгодную партию, но она дала согласие выйти за меня. И раз уж на то пошло, я хочу на ней жениться.

— Но ты же знаешь, что она собой представляет!

— Конечно. Она представляет собой женщину, которая меня любит. Женщину, которую я люблю. Вот и все.

— Нет, но до того, как ты в нее влюбился, кем она была? Ты же знаешь, чем она занималась, выполняя задание в Сэтчеме? Ты, ты сам был одним из ее клиентов. И сколько у нее было таких клиентов? Сумеешь ты забыть о ее прошлом? Пусть она этим занималась, выполняя приказ, все равно. Это сейчас ты можешь себе позволить идеализм, а потом? Настанет день, и вы впервые поссоритесь, да пусть даже не впервые — во второй раз, в девятнадцатый... тебя прорвет, и ты выпалишь: «Ты — шлю...»

— Молчи! — свирепо рявкнул Рейч. — Если мы когда-нибудь поссоримся, я назову ее как угодно: дурочкой, глупышкой, вздорной теткой, балдой, да мало ли еще как. Она тоже может обозвать меня как угодно. Но любые слова забываются, когда помиришься.

— Это тебе так кажется. Погоди, еще попомнишь меня.

Рейч побледнел как полотно.

— Мама, — сказал он, — вы с отцом вместе уже почти двадцать лет. С отцом трудно спорить, но, бывало, вы ссорились и спорили. Я слышал своими ушами. Но разве хоть раз за эти двадцать лет он произнес то слово, из-за которого ты бы почувствовала, что ты — не человек? А я, если уж на то пошло? Я и сейчас этого сделать не могу, хотя я жутко зол. Жутко!

По лицу Дорс, на котором не так ярко, как на лицах Рейча и Селдона, отражались эмоции, трудно было догадаться, какая борьба происходит внутри нее, но она просто лишилась дара речи и ничего не ответила Рейчу.

— А на самом деле ты просто ревнуешь из-за того, что Манелла спасла отцу жизнь. А ты хочешь, чтобы это было доступно только тебе, тебе одной. Ну хорошо, у тебя это не вышло, так что же? Ты бы предпочла, чтобы Манелла не пристрелила Андорина и чтобы папа *погиб*? И я тоже?

Дорс, задыхаясь, проговорила:

— Он же... не пустил меня... пошел сам встречать... садовников.

— Манелла тут, извини, ни при чем.

— Так ты из-за этого хочешь жениться на ней? Тобой движет благодарность?

— Нет. Любовь.

Больше ни слова до самой свадьбы Дорс Рейчу не говорила, а Манелла после церемонии бракосочетания сказала мужу:

— Хотя твоя мама и явилась на церемонию, потому что ты ее упросил, вид ее был подобен одной из тех грозовых туч, что собираются в небе над куполом.

Рейч весело рассмеялся.

— Не дури, у нее не такое лицо, чтобы она могла быть похожей на грозовую тучу. Это у тебя воображение разыгралось.

— Вовсе нет. Что же нам такое сделать, чтобы она подобрела?

— Ничего. Терпеть. У нее это пройдет.

Увы, не прошло.

Через два года после свадьбы родилась Ванда. Во внучке Дорс души не чаяла — Рейч с Манеллой просто нарадоваться не могли, но мать Ванды для матери Рейча так и осталась «этой женщиной».

Глава 6

Гэри Селдон боролся с меланхолией. Все как сговорились: Дорс, Рейч, Юго, Манелла наперебой убеждали его в том, что шестьдесят лет — это еще не старость.

Ничего они не понимают. Ему было тридцать, когда мысль о психоистории впервые пришла ему в голову. Через два года он выступил со знаменитым докладом на Конгрессе математиков, а потом все сразу обрушилось на него: короткая встреча с Клеоном, знакомство с Демерзелем и бегство от мнимой погони по всему Трентору... встреча с Дорс... потом с Юго и Рейчем... а еще был Микоген, Даль, Сэтчем...

В сорок лет он стал премьер-министром, а в пятьдесят ушел в отставку. Теперь ему шестьдесят.

Уже тридцать лет он потратил на психоисторию. Сколько еще лет уйдет на это? И сколько лет ему суждено прожить? Может быть, он умрет, а Психоисторический Проект так и не будет завершен?

«Нет, не моя смерть пугает меня, — думал Селдон. — Пугает меня именно незавершенность работы над Проектом».

Вздохнув, он встал с кресла и отправился навестить Юго Амариля. В последние годы они виделись не так уж часто, поскольку работа над Проектом разрослась необычайно. В первые годы, когда они работали в Стрилингском университете, их было всего двое — Селдон и Юго, и больше никого. А теперь...

Амарилю было уже под пятьдесят — тоже годы нешуточные, и он как бы угас. Не в смысле работы, конечно, нет, он по-прежнему был душой и телом предан психоистории, и больше у него в жизни не было ничего: ни женщины, ни друзей, ни хобби, ни светской жизни. Амариль, близоруко моргая, посмотрел на вошедшего в лабораторию Селдона, а тот не сумел скрыть молчаливого сочувствия. Да, Юго сильно изменился внешне — отчасти потому, что не так давно вынужден был подвергнуться офтальмологической операции — сказались непрерывные нагрузки на зрение. Видел он теперь прекрасно, однако еще не успел освоиться после операции, а потому часто моргал, и выражение лица у него было какое-то сонное.

— Ну, какие соображения, Юго? — спросил Селдон. — Виден ли свет в конце тоннеля?

— Свет? Пожалуй, да, — кивнул Амариль. — Ты, конечно, заметил нашего нового сотрудника Тамвиля Элара?

— Да, а как же! Это же я принял его на работу. Упрямый такой, агрессивный. Ну и как у него дела?

— Знаешь, с ним не так уж просто работать, Гэри. А хохочет он... ну просто на нервы действует. Но вообще он молодец. Новая система уравнений, разработанная им, тютелька в тютельку ложится в схему Главного Радианта, и, похоже, с ее помощью мы сумеем решить проблему хаотичности.

— Похоже или сумеем-таки?

— Пока рано говорить, но я очень надеюсь. Я уже несколько раз пытался найти погрешности, но пока безрезультатно. Уравнения выдержали все проверки. Для себя я их уже окрестил «ахаотичными уравнениями».

— В таком случае, — сказал Селдон, — нужно бросить все силы на самую скрупулезную проверку этих самых уравнений.

— Я уже засадил за эту работу двенадцать человек и, конечно, самого Элара, — кивнул Амариль и включил Главный Радиант. Теперь этот прибор существовал не в единственном экземпляре и был значительно усовершенствован. В воздухе поплыли мелкие строчки уравнений, которые трудно было разобрать без соответствующего увеличения. — Вот такие дела, — сказал Амариль. — Добавь сюда новые уравнения — и у нас появится возможность делать прогнозы.

— Знаешь, — задумчиво проговорил Селдон, — всякий раз, когда я теперь работаю с Главным Радиантом, я просто нарадоваться не могу, насколько облегчает работу электрофокусировщик. Все так четко и ясно — линии, графики будущего. Это ведь тоже идея Элара, верно?

— Да. Идея его, а сборка и проект Синды Моней.

— Замечательно, что в работе над Проектом теперь занято столько способных мужчин и женщин. Такое ощущение, что прикасаешься к будущему.

— Тебе кажется, что такой человек, как Элар, мог бы возглавить в будущем работу над Проектом? — как бы между прочим спросил Амариль, не отрывая взгляда от Главного Радианта.

— Наверное... Когда мы с тобой не сможем больше работать... или умрем.

Амариль откинулся на спинку кресла и выключил прибор.

— И мне, Гэри, этого хотелось бы. И мне.

— За последние десять лет психоистория нас не подводила.

Это было сущей правдой, но Селдон знал, что праздновать победу еще рановато. Все шло гладко, но без особых сюрпризов.

Психоистория предсказала, что имперский центр исследований сохранится после смерти Клеона, правда, предсказала весьма туманно. Так оно и вышло: невзирая на покушение на Императора и конец его династии, центр устоял, и на Тренторе сохранилось относительное спокойствие.

Произошло это благодаря введению милитаристской формы правления, и Дорс была совершенно права, назвав членов хунты шакалами. Она могла бы выразиться и покрепче, но все равно осталась бы права. И все же им удавалось держать Империю в руках и скорее всего удалось бы продержать еще достаточно долго для того, чтобы психоистория достигла успехов, которые помогли бы ей сыграть активную роль, если бы дела пошли хуже.

Не так давно Юго высказал предложение о создании академий — отделенных друг от друга, изолированных, независимых от Империи структур, которые могли бы сыграть роль зародышей нового в грядущие мрачные времена и дали бы начало росткам будущей, лучшей Империи.

Селдон раздумывал о том, каковы могут быть последствия создания академий. Но у него не хватало времени, а еще не хватало (самое грустное) — молодости, горения. Уму его, сохранявшему, правда, аналитичность и трезвость, недоставало той гибкости и творческого огня, которые у него были тридцать лет назад, и с каждым годом этот огонь будет гореть все более тускло...

Наверное, пора было отдать все дела в руки молодого энергичного Элара, чтобы он только этим и занимался. Но такая перспектива, к стыду Селдона, его совсем не окрыляла. Его мучила ревность первооткрывателя: не для того же он в самом деле изобрел психоисторию, чтобы взять и отдать ее в руки молодого выскочки, которому достанутся все ягодки! Да, Селдон завидовал Элару, и ему было жутко стыдно признаваться в этом самому себе.

И все же, какие бы чувства его ни обуревали, он вынужден был зависеть от молодых. Психоистория не могла быть долее

личной собственностью его и Амариля. За те десять лет, что Селдон провел на посту премьер-министра, Проект превратился в дело государственной важности, на которое выделялись крупнейшие субсидии, и, что самое удивительное, после его ухода с высокой должности работа над Проектом не только не была свернута, а, наоборот, ускорилась и расширилась. Произнося или слыша от других официальное название «Психоисторический Проект Селдона в Стрилингском университете», Селдон всякий раз морщился — уж больно помпезно это звучало. Правда, чаще всего такое длинное название не употребляли и говорили просто: «Проект».

Военная хунта, по всей вероятности, рассматривала Проект как потенциальное политическое оружие, и, покуда милитаристы придерживались такого мнения, никаких проблем со спонсированием Проекта не было. Но на поступающие субсидии следовало давать ответ в виде ежегодных отчетов — носили они, правду сказать, характер весьма и весьма туманный и приблизительный. В бумагах фигурировали самые поверхностные сообщения, а если встречались математические выкладки, то все равно никто из членов хунты в них ничего понять не смог бы, даже если бы очень захотел.

Покидая своего верного помощника, Селдон чувствовал, что Амариль доволен успехами психоистории, но с собой ничего поделать не мог — тоска и отчаяние охватили его с новой силой.

В конце концов он решил, что в такое жуткое настроение его вгоняют мысли о предстоящем юбилее. Все было задумано как радостное торжество, но для самого Селдона предстоящее празднество не казалось даже актом признания его заслуг, для него это было всего-навсего лишнее напоминание о старости.

Помимо всего прочего, праздник должен был сломать привычный порядок жизни и работы, а Селдон был прирожденным консерватором. И его собственный кабинет, и еще несколько прилегающих к нему комнат в последние дни были полны какого-то народа, оттуда вынесли мебель и приборы — никакой возможности нормально работать. «Устраивают для чего-то гостиные, залы славы, — мысленно ворчал Селдон. — И когда все это кончится и можно будет нормально поработать?» Только Амариль наотрез отказался трогаться с рабочего места.

Время от времени Селдон задумывался, кому пришло в голову устроить всю эту праздничную кутерьму? Уж конечно, не Дорс — она слишком хорошо знала Селдона и не стала бы его так раздражать и утомлять. Не могли этого затеять ни Амариль, ни Рейч — эти сроду не помнили, когда у него день рождения. Селдон заподозрил, что подготовка юбилейных торжеств — дело рук Манеллы, и даже повздорил с ней.

Манелла откровенно призналась, что действительно придумала все это она, но только в смысле организации, а идею пышно отпраздновать юбилей Селдона подал ей Тамвиль Элар.

«Гений, — подумал Селдон. — Гений, будь он неладен!»

Он тяжело вздохнул. Скорее бы кончился этот юбилей!

Глава 7

— Можно войти? — спросила Дорс, заглянув в приоткрытую дверь.

— У кого ты спрашиваешь? Тут, кроме меня, никого нет.

— Ну так, на всякий случай. Это же не твой кабинет.

— Вот именно, — буркнул Селдон. — Из моего кабинета меня выгнали из-за идиотского юбилейного торжества. Господи, скорее бы оно закончилось!

— Вот-вот. Стоит этой женщине что-нибудь затеять, и из мухи немедленно вырастает большущий слон.

Селдон тут же принялся защищать Манеллу:

— Да нет, я уверен, намерения у нее самые благие...

— Уволь меня от этих благих намерений! — фыркнула Дорс. — Да я к тебе не за этим пришла, кстати говоря. Есть кое-что поважнее.

— Ну говори.

— Я разговаривала с Вандой про ее сон... — проговорила Дорс и запнулась.

Селдон прокашлялся.

— Ну, зачем ты... Надо, чтобы она забыла об этом.

— Нет. Ты не спрашивал ее, что именно ей приснилось?

— Конечно, нет. Зачем заставлять малышку снова переживать?

— Папочка с мамочкой тоже не позаботились с ней поговорить. Пришлось мне ее расспросить.

— Но зачем, Дорс, зачем ее мучить?

— Затем, что я чувствовала, что это надо сделать, — угрюмо ответила Дорс. — Так вот, во-первых, сон этот ей приснился не дома, не в детской.

— Где же он ей в таком случае приснился?

— В твоем кабинете.

— Что она могла делать в моем кабинете?

— Хотела посмотреть, как идут приготовления к празднику, зашла в кабинет, ничего, кроме пустых стен, не увидела — только твое кресло и осталось. Такое большое: глубокое, высокое, мягкое — то самое, которое ты за что-то любишь и никак не даешь поменять. Поломанное.

Селдон вздохнул — Дорс напомнила ему о давнем бесплодном споре.

— Никакое оно не поломанное, — пробурчал он. — А нового мне не нужно. Ну, и что же дальше?

— Она забралась в кресло и принялась гадать, а что, если вдруг ты раздумаешь устраивать праздник и как это будет плохо. А потом, как она говорит, вроде бы уснула, потому что в голове у нее все как бы перемешалось, и она ничего не помнит, кроме своего сна. А во сне она видела двоих мужчин — именно мужчин, а не женщин — и эти двое разговаривали.

— И о чем они разговаривали?

— Точно она не помнит. Ты же понимаешь, как трудно порой вспомнить сон, особенно когда он снится в необычном месте. Но она помнит, что говорили они о смерти, и думает, что о твоей, потому что ты такой старый. Но два слова она запомнила точно: «смерть» и «финики».

— Как?

— Смерть и финики.

— И что это, по-твоему, значит?

— Не знаю. А потом, как она говорит, они прекратили разговор и ушли, а она проснулась в кресле, и ей стало холодно и страшно, и с тех пор она никак не может успокоиться.

Селдон задумался.

— Послушай, дорогая, — сказал он немного погодя, — стоит ли придавать значение детским снам?

— Прежде надо задать себе вопрос, Гэри, был ли это сон.

— Что ты имеешь в виду?

— Ванда не помнит точно, спала ли она. Она говорит: «вроде бы уснула».

— И каковы же твои варианты?

— Может быть, она задремала и сквозь сон услышала реальный разговор — реальный разговор живых мужчин.

— Живых мужчин? Которые говорили о том, чтобы убить меня с помощью фиников?

— Да, что-то вроде того.

— Дорс, — решительно проговорил Селдон, — я знаю, что тебе всюду мерещится грозящая мне опасность, но дело зашло слишком далеко. Зачем кому-то может понадобиться убивать меня?

— Между прочим, две попытки уже были.

— Не спорю, но надо же учитывать обстоятельства. Первая попытка была предпринята вскоре после того, как Клеон назначил меня премьер-министром, и исходила от дворцовой мафии, так сказать, которая была оскорблена до глубины души столь неожиданным выбором кандидатуры на этот пост. Вот некоторым и показалось, что все уладится, если меня убить. Вторая попытка покушения была предпринята джоранумитами, рвавшимися к власти, которые думали, что я стою на их пути к заветной цели, ну и добавь к этому еще затаенную злобу Намарти.

К счастью, ни одна попытка не увенчалась успехом, но откуда взяться третьей? Я уже десять лет как не премьер-министр. Кто я теперь? Стареющий математик, одной ногой на пенсии, и, уж конечно, бояться меня некому, и никому я не мешаю. Джоранумиты искоренены все до единого. Намарти давным-давно казнен. Ни у кого не может быть причин желать моей смерти. Словом, Дорс, очень прошу тебя, успокойся. Когда ты нервничаешь из-за меня, тебе плохо, а от этого ты еще сильнее нервничаешь, а мне бы этого не хотелось.

Дорс встала, подошла к столу Гэри, оперлась ладонями о крышку, и, наклонившись к самому лицу мужа, отчетливо проговорила:

— Конечно, тебе легко говорить, что ни у кого не может быть причин желать твоей смерти, но причин искать никто не будет. Правительство у нас теперь ни за что не отвечает, и если кто-то захочет...

— Стоп! — громко и строго прервал ее Селдон. — Ни слова, Дорс. Ни слова против правительства. Еще слово — и в конце концов ты заведешь нас в ту самую беду, о которой говоришь.

— Но я всего-навсего с тобой разговариваю, Гэри!

— Пока — да, но если у тебя войдет в привычку заводить такие дурацкие разговоры, слова просто начнут соскальзывать у тебя с языка в любой компании — даже в компании тех, кто с превеликой радостью донесет на тебя. Очень прошу тебя, ни при каких обстоятельствах не высказывай никаких политических воззрений.

— Я постараюсь, Гэри, — проговорила Дорс с плохо скрытым раздражением, развернулась и вышла из комнаты.

Селдон проводил ее взглядом. Дорс тоже немного состарилась, но старость ее была удивительно красивой, так что порой ему казалось, будто жена и не старится вовсе. Она была всего на два года моложе Селдона, но внешне за двадцать восемь лет их совместной жизни изменилась гораздо меньше, чем он, что было вполне естественно.

Волосы ее поседели и стали серебряными, но местами сквозь седину проглядывали озорные юные рыжие прядки. Кожа на лице Дорс стала чуть более дряблой, в голосе появилась сухость и хрипотца, ну и, конечно же, она стала носить одежду, подобающую пожилой женщине. Тем не менее движения ее остались такими же ловкими и быстрыми. Казалось, никакие годы не в силах помешать ее способности всегда прийти на помощь Гэри в случае необходимости.

Гэри вздохнул. Ох, как же это тяжело, когда тебя против твоей воли защищают... а порой — ну просто невыносимо!

Глава 8

Почти следом за Дорс к Селдону забежала Манелла.

— Прости, Гэри, что я спрашиваю, но скажи мне, что говорила тебе Дорс?

— Ничего особенного. Про сон Ванды.

Манелла закусила губу.

— Я так и знала. Ванда сказала мне, что Дорс расспрашивала ее. Почему она не оставит ребенка в покое? Можно подумать, что увидеть плохой сон — это прямо-таки преступление.

— Понимаешь, — успокаивающе проговорил Селдон, — речь шла о том, что Ванда кое-что запомнила из того, что ей приснилось. Я не знаю, она сама говорила тебе об этом или нет, но, похоже, она во сне услыхала слова «смерть» и «финики».

— Гм-м-м... — нахмурилась Манелла, но довольно быстро улыбнулась и сказала: — Думаю, это ерунда. Ванда сходит с ума по финикам и ждет, что они обязательно будут на праздничном столе. Я ей обещала позаботиться об этом, так что она ждет не дождется.

— Значит, если она услышала, как кто-то говорит о чем-то, по звучанию напоминающем слово «финики», у нее в уме это слово превратилось бы в сами финики?

— Конечно. Почему бы и нет?

— Раз так, что же в таком случае она могла бы на самом деле услышать? Должна же она была что-то услышать, чтобы ей послышалось «финики»?

— Совершенно не обязательно. Но почему мы уделяем такое большое внимание сну ребенка? Прошу тебя, я больше ничего не хочу слышать об этом. Ну просто сил нет!

— Согласен. Я постараюсь уговорить Дорс оставить эту тему — по крайней мере, с Вандой.

— Хорошо. И учти, мне все равно, что она — бабушка Ванды. Я, если на то пошло, ее мать, и самое главное — то, чего я хочу.

— Несомненно, — кивнул Селдон и посмотрел вслед Манелле.

Вот еще задача — бесконечная вражда двух женщин...

Глава 9

Тамвилю Элару было тридцать шесть лет. К работе над Психоисторическим Проектом Селдона он приступил в качестве старшего математика четыре года назад. Он был высок, худощав, с вечной хитринкой в прищуренных глазах и жутко самоуверенный, причем даже не пытался этого скрывать.

Волосы у Элара были каштановые, волнистые, густые и длинные. Смеялся он часто и громко, но это никак не отражалось на его способностях к математике.

До начала работы над Проектом Элар был сотрудником университета сектора Западная Мандана, и Селдон всякий раз, вспоминая о том, как Элар впервые появился в Стрилинге, не мог сдержать улыбки — дело в том, что Юго Амариль отнесся к новому математику с нескрываемым подозрением. Хотя, честно говоря, Юго мало к кому относился без подозрений. Видимо, думал Селдон, в глубине души Амариль считал, что психоистория должна оставаться частной собственностью его и Гэри.

Но теперь, по прошествии четырех лет, даже Амариль был вынужден признать колоссальный вклад Элара в общее дело и то, что собственная работа Амариля за счет этого вклада стала намного легче.

— Разработанная им методика избежания хаотичности уникальна и удивительна, — сказал Амариль. — Больше никто в Проекте до такого не додумался. А мне так и вообще ничего подобного в голову не приходило, и тебе, кстати, тоже, Гэри.

— Ну, — пожал плечами Селдон, — вот уже нечему удивляться. Я уже не мальчик.

— Вот только... — пробормотал Амариль, — если бы он так громко не хохотал.

— Тут ничего не поделаешь. Всякий смеется по-своему.

На самом деле и Селдону было не просто смириться с достижениями Элара, с его потрясающим открытием. Как это обидно, как унизительно, что он сам не додумался до того, что теперь именовалось ахаотичными уравнениями! То, что Селдон не придумал, как создать электрофокусировщик, его вовсе не волновало — это, в конце концов, не было его специальностью. А вот об ахаотичных уравнениях ему как раз подумать следовало бы — если не вывести их, то хотя бы подумать о возможности их выведения.

Обида была так сильна, что Селдон решил сам себя уговорить. В конце концов, кто разработал фундаментальные основы психоистории? Он, Селдон. Ведь ахаотичные уравнения самым естественным образом вытекали из этих основ. Смог бы Элар проделать то, что проделал Селдон, тридцать лет назад? Нет, не смог бы — в этом Селдон был убежден. И таким ли уж выдающимся было открытие Элара, сделанное, так сказать, на всем готовеньком?

Все это было правдой, чистой правдой, и все-таки Селдон

чувствовал себя неловко, встречаясь с Эларом. Так усталая старость встречается с цветущей молодостью.

А ведь Элар между тем никогда не делал ничего такого, чтобы подчеркнуть разницу в возрасте. Наоборот, он всегда вел себя с Селдоном крайне уважительно и ни в коем случае не позволял хоть словом намекнуть, что лучшие годы Селдона позади.

Конечно, Элар проявлял неподдельный интерес к предстоящему юбилею Селдона, и, как выяснил Селдон, именно он первым высказал предложение о том, чтобы день рождения был отпразднован (намек на старость?). Эту мысль Селдон сразу отверг. Если поверить в это, тогда надо согласиться с бесконечными подозрениями Дорс.

Элар размашисто зашагал навстречу Селдону и поприветствовал его по обыкновению.

— Маэстро... — А Селдон, по обыкновению, поморщился. Он предпочитал, чтобы старшие сотрудники называли его просто Гэри, но, в принципе, уже давно махнул рукой на Элара — не ссориться же с ним из-за такой ерунды. — Маэстро, — сказал Элар, — тут прошел слух, будто бы вас приглашает к себе генерал Теннар.

— Да. Он встал во главе военной хунты и, по-видимому, желает посмотреть на меня и расспросить, что такое психоистория и с чем ее едят. Этот вопрос мне задают все правители до единого со времен Клеона и Демерзеля.

Генерал Теннар занял пост правителя Империи совсем недавно — в рядах хунты смена лидеров происходила часто, они крутились, словно стеклышки в калейдоскопе: одни падали, другие возникали из ниоткуда.

— Но, если я правильно понял, он собирается вытащить вас из Стрилинга именно сейчас — посреди праздника?

— Ничего страшного. Отпразднуете без меня.

— Ну что вы, маэстро, как можно! Я надеюсь, вы не рассердитесь, но мы тут посоветовались и отправили во Дворец коллективное прошение о том, чтобы ваш вызов к Теннару был отложен на неделю.

— Что? — раздраженно воскликнул Селдон. — Это... этого делать не стоило... это рискованно, в конце концов!

— Да все сошло как нельзя лучше. Они согласились отложить ваш приезд, а неделя вам ой как понадобится!

— На что же она мне понадобится?

Элар немного растерялся:

— Можно, я вам честно скажу, маэстро?

— Конечно. Разве я когда-нибудь от кого-нибудь требовал говорить со мной иначе?

Элар слегка зарумянился, но голос его остался твердым и решительным,

— Мне не просто сказать вам об этом, маэстро. Вы — гениальный математик. Это вам скажет всякий, кто работает над Проектом. Это сказал бы всякий в Империи, если бы знал вас и что-то понимал в математике. Однако никому не дано быть гением абсолютно во всем.

— Это я не хуже вас понимаю, Элар.

— Я знаю. Но особенно вам недостает способности общаться с простыми людьми, точнее говоря, с людьми тупыми. В вас нет хитрости, умения идти на уступки, и, если вам придется иметь дело с кем-то из таких вот тупиц в правительстве, вы можете попасть в беду, подвергнуть опасности Проект, да и свою собственную жизнь именно из-за того, что вы не умеете лгать.

— О чем это вы? Я что, впал в детство? Да я с политиками имею дело уйму лет. Десять из них, если вы не запамятовали, я был премьер-министром.

— Простите меня, маэстро, но не таким уж выдающимся. Вы имели дело с премьер-министром Демерзелем, которому не откажешь в уме и интеллигентности, и с Императором Клеоном, который был мягким и добрым человеком. Теперь вам придется столкнуться с вояками, а у них нет ни ума, ни доброты. Это совсем другие люди.

— С военными я тоже имел дело и жив пока.

— Вы не имели дела с генералом Дугалом Теннаром. Говорю вам, это совсем другой человек. Уж я-то знаю.

— Вы его знаете? Вы с ним лично знакомы?

— Лично — нет, но он из Манданы, как и я, а он и там был большой шишкой.

— Ну и что вам о нем известно?

— Он невежа, упрямец, жестокий человек. С ним иметь дело непросто и небезопасно. Будущая неделя вам очень пригодилась бы для того, чтобы продумать, как вы себя с ним поведете.

Селдон задумчиво покусал губу. Элар говорил правду, и

Селдон понял, хотя у него были собственные мысли относительно встречи с генералом, что ему действительно будет очень трудно говорить с глупым, эгоистичным, напыщенным и вспыльчивым человеком, в руках которого сосредоточена неограниченная власть.

— Ничего, как-нибудь справлюсь. Спасибо, что предупредили. Во всяком случае, сейчас хунту может волновать только одно — неспокойное положение на Тренторе. Они и так просуществовали дольше, чем можно было предположить.

— Разве мы делали такие прогнозы? А я не знал, что мы проводили прогностические расчеты относительно длительности правления хунты.

— Амариль сделал кое-какие вычисления, воспользовавшись вашими ахаотичными уравнениями. Кстати, — немного помолчав, добавил Селдон, — кое-где они стали упоминаться как «уравнения Элара».

— Я их так не называл, маэстро.

— Не сердитесь, но мне бы этого не хотелось. В работах по психоистории должны фигурировать цифры, но не имена. Стоит только появиться именам, и возникают нехорошие чувства. Вы меня понимаете, надеюсь?

— Понимаю и совершенно с вами согласен, маэстро.

— По правде сказать, — смущенно проговорил Селдон, — я себя чувствую крайне неловко, когда речь идет о фундаментальных психоисторических уравнениях Селдона. Но беда в том, что это вошло в привычку, и тут уж ничего не поделаешь.

— Прошу простить меня, маэстро, но вы заслуживаете такого исключения. В конце концов, это же вам принадлежит заслуга изобретения самой науки психоистории... Но, если не возражаете, мне бы хотелось еще поговорить относительно вашей предстоящей встречи с генералом Теннаром.

— В смысле?

— Я все время думаю о том, как бы сделать так, чтобы вы вообще не виделись с ним, не говорили, не имели с ним дела.

— Как же, интересно, я могу избежать встречи с ним, если он вызывает меня для консультации?

— Сошлитесь, к примеру, на нездоровье и отправьте кого-нибудь вместо себя.

— Кого же?

Элар молчал, но ответ был Селдону ясен.

— Вас?

— Почему бы и нет? Думаю, у меня неплохо получилось бы. Я — земляк генерала, а это уже кое-что. А у вас дел по горло, вы человек немолодой — словом, нетрудно будет уговорить его, что вы себя неважно чувствуете. А если я встречусь с ним вместо вас, маэстро, — вы уж меня простите — выкрутиться я сумею получше вас.

— То бишь соврать.

— Если потребуется.

— Для вас это будет очень рискованно.

— Не слишком. Сомневаюсь, чтобы он отдал приказ меня казнить. Если он почему-либо разозлится на меня, а это вполне возможно, я могу начать просить и умолять о пощаде... ну, или вы за меня попросите: молодой, дескать, неопытный. В любом случае уж лучше мне попасть в беду, чем вам. Я думаю о Проекте, который без меня обойтись может, а вот без вас — нет.

Селдон нахмурился и сказал:

— Нет, Элар, я не собираюсь прятаться за вашей спиной. Если генерал хочет меня видеть, он увидит. С какой стати я должен дрожать от страха и просить вас из-за меня идти на риск? За кого вы меня принимаете?

— За честного и благородного человека, в то время как это дело для хитреца.

— Постараюсь быть похитрее, если понадобится. Зря вы меня недооцениваете, Элар.

Элар обреченно пожал плечами.

— Ну ладно, что поделаешь. Вы же понимаете, спорить с вами я не могу.

— Правда, Элар, зря вы затеяли это дело с отсрочкой. Честное слово, я бы лучше улизнул с юбилея и встретился с генералом. Вы отлично знаете, что все эти торжества — не моя идея, — ворчливо закончил Селдон.

— Простите... — пробормотал Элар.

— Ну ладно, не расстраивайтесь, — смущенно проговорил Селдон. — Поживем — увидим.

Он развернулся и вышел. О, как ему порой хотелось, чтобы все шло как по маслу, как ему хотелось, чтобы Проект стал подобен совершенному, великолепно отлаженному механизму, чтобы ему не нужно было что-либо улаживать с подчиненны-

ми! Недостижимая мечта! Чтобы такого добиться, нужно было не просто угробить на это остаток жизни и забыть о психоистории, нужно было иметь соответствующий характер.

Селдон вздохнул и отправился потолковать с Амарилем.

Глава 10

В кабинет Амариля он вошел без звонка.

— Юго, — объявил он с порога, — моя встреча с генералом Теннаром отложена.

Селдон присел на краешек стула рядом с Амарилем и принялся ждать, когда тот оторвется от работы. Наконец Амариль соизволил глянуть на него.

— И чем он это объясняет?

— Да не в нем дело. Кое-кто из наших математиков состряпал коллективное прошение об отсрочке моей поездки к генералу, дабы, понимаешь ли, не расстраивать юбилейные торжества. Все это мне жутко не нравится.

— Почему же ты тогда им позволил отправить такое прошение?

— Ничего я не позволял! Просто самодеятельность какая-то. Согласен, — поморщился Селдон, — есть тут доля моей вины. Я так долго вздыхал по поводу своего шестидесятилетия, что все решили, будто юбилей меня подбодрит.

— Ну что ж, — прищурился Амариль, — воспользуемся этой неделей.

Селдон напрягся, нахмурился.

— Что-нибудь не так?

— Нет. Пока все в порядке, но не помешает лишний раз проверить. Понимаешь, Гэри, какая штука... Впервые за тридцать лет психоистория добралась до такого состояния, что появилась возможность — реальная возможность — сделать прогноз. Это сущая малость — крошечная точка на громадном континенте человечества, но большего нам пока не суждено было добиться. Значит, так... Мы хотим воспользоваться достигнутым, узнать, каков механизм наших достижений, доказать самим себе, что психоистория стала тем, чего мы от нее ожидали: прогностической наукой. А потому не помешает проверить, не проглядели ли мы чего? Даже этот крошечный прогноз — дело весьма и весьма сложное, и поэтому неделя очень пригодится.

— Ну хорошо. Перед тем как отправиться на встречу с генералом, я побеседую с тобой — может быть, ты мне что-то подскажешь в последний момент. А пока, Юго, никакой утечки информации — *никому* ни слова. Понимаешь, если все сорвется, мне бы не хотелось, чтобы сотрудники пали духом. Провал мы как-нибудь с тобой переживем и предпримем новую попытку.

— Мы с тобой... — закинув руки за голову, печально проговорил Амариль. — А помнишь, когда-то так оно и было — мы с тобой?

— Отлично помню и часто тоскую по тем временам. Правда, тогда у нас не было...

— Даже Главного Радианта, не говоря уже об электрофокусировщике.

— И все-таки это были славные деньки.

— Славные, — согласно кивнул Амариль и улыбнулся.

Глава 11

Университет преобразился до неузнаваемости, и Селдон ничего не мог с собой поделать — ему это понравилось.

Главные помещения, занимаемые сотрудниками Проекта, заиграли разноцветной подсветкой, в воздухе возникали голографические изображения Селдона в разных местах и в разное время, образы улыбающейся молоденькой Дорс и Рейча-подростка, еще, так сказать, непричесанного и неприглаженного, Селдона и Амариля — тоже удивительно молодых, склонившихся над компьютерами. Даже Демерзеля не забыли — и его изображение красовалось в этой галерее, и, увидев его, Селдон глубоко вздохнул и ощутил, как ему не хватает старого друга, чье присутствие вселяло в него уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне.

А вот изображения Императора Клеона в галерее не было, но не потому, что его невозможно было раздобыть, а потому, что теперь, во времена, когда правила хунта, неразумно было бы напоминать людям о прошлом.

Все светилось и сверкало вокруг. Университет стал совер-

шенно непохож на строгое учебное заведение — Селдон его таким никогда не видел. Ухитрились даже убрать искусственный свет на внутренней поверхности купола, а здание университета сияло и переливалось в темноте всеми цветами радуги.

— Целых три дня! — в восторге и ужасе воскликнул Селдон.

— Да, три дня, — кивнула Дорс. — На меньшее университет не согласился.

— Но расходы какие! А сколько труда во все это вложено! — нахмурившись, покачал головой Селдон.

— Затраты минимальные, — возразила Дорс, — по сравнению с тем, что ты сделал для университета. А работали все добровольно и в свободное время, в основном студенты.

Перед изумленным взором Селдона возникла панорама зданий университета, напоминавшая сказочный воздушный замок, и он не мог сдержать восхищенной улыбки.

— Доволен? — усмехнулась Дорс. — Вот видишь, ты только и делал, что ныл и ворчал, как тебе не по сердцу все эти юбилейные приготовления, цель которых, видите ли, только намекнуть на то, какой ты старый... да ты бы сам на себя поглядел — весь светишься!

— Честное слово, так приятно!.. Я ничего подобного даже представить не мог!

— Чему удивляться? Ты же идол, Гэри. Весь мир, вся Империя знает о тебе.

— Нет-нет, — возразил Селдон, — это неправда. Никто обо мне ничего не знает и, уж конечно, ничего не знает о психоистории, никто, кроме сотрудников Проекта. Да и сотрудники знают далеко не все.

— Все это не имеет значения, Гэри. Главное — *ты*. Квадриллионы людей, которые ничего не знают о тебе и твоей работе, знают, что Гэри Селдон — величайший математик в Империи.

— Ну... — протянул Селдон, восхищенно оглядываясь по сторонам, — примерно что-то в этом духе я сейчас и чувствую. Но... три дня и три ночи! Что будет с архивом, с оборудованием, со всеми материалами? Тут же все вверх дном перевернут!

— Не волнуйся. Все материалы убраны в надежное место. Компьютеры и все остальное оборудование под охраной защитного поля — студенты позаботились.

— И ты, Дорс? — любовно улыбаясь, спросил Селдон.

— Не только я. Больше всех усердствовал твой коллега Тамвиль Элар.

Селдон сморщился.

— Что такое? — удивилась Дорс. — Тебе что, не нравится Элар?

— Да не то чтобы... просто он называет меня «маэстро».

Дорс шутливо покачала головой.

— Да, это ужасное преступление!

— А еще он молодой, — буркнул Селдон.

— Еще более страшное преступление. Ох, Гэри, стареть — это целая наука. Стареть надо по-доброму, милосердно, красиво, а начать надо с того, чтобы все видели, что ты наслаждаешься жизнью и доволен собой. Тогда и все вокруг тебя будут довольны и рады — разве тебе этого не хочется? Ну пошли, пошли. Хватит тут прятаться и держаться за меня. Здоровайся, улыбайся, интересуйся самочувствием гостей. И не забудь, после банкета ты должен произнести речь.

— Я терпеть не могу банкеты, а еще больше — произносить речи.

— Придется, никуда не денешься. Ну все, пошли!

Селдон обреченно вздохнул и повиновался. Несмотря на все давешнее нытье по поводу старости, Селдон выглядел сегодня поистине внушительно и великолепно. Уже год, как он расстался с роскошной тяжеловесной мантией премьер-министра, уже давно не надевал костюмов в геликонском стиле. Сегодня на Селдоне были безукоризненно отглаженные строгие брюки и довольно простая туника. На левой стороне груди ярко сверкала эмблема с надписью «Психоисторический Проект Селдона в Стрилингском университете» — на титаново-сером фоне костюма ее было видно издалека. Лицо великого математика избороздили морщины, голова его была седа, но глаза светились юно и весело.

Первым делом Селдон заглянул в ту комнату, где собрались дети. Отсюда была вынесена вся мебель и стоял только праздничный стол. Стоило ему появиться в комнате, как детишки бросились к нему. Они отлично знали, кто нынче герой дня, и Селдон только успевал уворачиваться от детских ручонок, перепачканных в сладостях.

— Погодите, дети, погодите, — сказал он. — Ну-ка, смотрите сюда...

И Селдон вынул из кармана маленького компьютеризованного робота и поставил его на пол. В Империи, где давным-давно не было роботов, от такого зрелища просто глаза на лоб должны были полезть. Так оно и вышло. Ребятишки сразу умолкли и принялись следить за роботом, сделанным в виде диковинной пушистой зверюшки. Робот был устроен так, что мог время от времени неожиданно менять свой внешний вид, и это всякий раз вызывало взрывы визга и хохота. Стоило искусственному зверьку измениться внешне, как менялись и производимые им звуки и движения.

— Ну вот, — улыбнулся Селдон, — смотрите, играйте, только постарайтесь не поломать. А попозже каждый из вас получит такого.

У двери в главный зал Селдона догнала Ванда.

— Дедуля!

— Как дела, Ванда? Тебе весело? — спросил Селдон, после того как поднял и покружил Ванду.

— Весело, только ты в ту комнатку не ходи.

— Почему, Ванда? Это моя комната. Это кабинет, где я работаю.

— Это там я видела плохой сон.

— Знаю, милая, но ведь уже все прошло, верно?

Селдон немного растерялся. Решив, что нужно все-таки поговорить с внучкой, он обнял ее за плечики и подвел к ряду кресел, стоявших вдоль стены длинного коридора. Усевшись, он взял Ванду на руки.

— Ванда, — спросил он, — а это точно был сон?

— Вроде сон.

— Ты правда спала?

— Думаю, да.

Селдон заметил, что она нервничает, и решил не мучить ее расспросами. Пора было оставить девочку в покое.

— Ну ладно, — улыбнулся он, — сон это был или не сон, ты видела двух мужчин и они говорили про смерть и финики? — Ванда неохотно кивнула. — Про финики, это точно? — Ванда снова кивнула. — А может, все-таки тебе послышалось, что они говорили про финики?

— Не-а, про финики.

Селдон понял, что больше из внучки ничего не вытянет, опустил ее на пол, погладил по голове и сказал:

— Ну, беги, Ванда, веселись, развлекайся. И забудь про этот сон.

— Ладно, дедуля.

Как только разговор про плохой сон закончился, Ванда сразу повеселела и бегом помчалась к остальным детям.

Селдон пошел по залу в поисках Манеллы. Искал он ее долго, поскольку на каждом шагу его останавливали, поздравляли, желали счастья и так далее.

Наконец он увидел вдалеке Манеллу. Бормоча: «Простите, извините, разрешите, мне нужно...», он добрался до невестки — увы, не без труда.

— Манелла! — окликнул он ее и, взяв под руку, отвел в сторону, не переставая улыбаться всем и каждому.

— Да, Гэри, — сказала Манелла, — что-нибудь случилось?

— Ну да. Я про сон Ванды...

— Только не говори мне, что она все еще говорит об этом!

— Да, он все еще не дает ей покоя. Послушай, на столах есть финики?

— Конечно, и у детей, и у взрослых. Всем так нравится. Я уже съела немного. А ты что, до сих пор не попробовал, Гэри? Попробуй обязательно, так вкусно, слов нет!

— Я вот о чем думаю... А что, если это был не сон, что, если она действительно слышала, как двое мужчин говорили про смерть от фиников?..

И Селдон смущенно запнулся.

— Ты думаешь, кто-нибудь отравил все финики? Глупость какая! Тогда все дети были бы уже при смерти.

— Ну да, я понимаю... — пробормотал Селдон.

Он кивнул Манелле, пошел по залу и так крепко задумался, что чуть было не прошел мимо Дорс.

— Что за физиономия! — упрекнула его жена. — Ты о чем-то думаешь?

— Проклятые финики. Никак не могу про них забыть.

— Я тоже, но пока ничего не пойму.

— Понимаешь, страшновато как-то, а вдруг они отравленные?

— Нет-нет, об этом можешь спокойно забыть. Все продукты, доставленные для банкета, были проверены на молекулярном уровне. Ты, конечно же, скажешь, что это типичная

паранойя, но я обязана тебя охранять и продолжаю этим заниматься.

— Значит, вся еда...

— Не отравлена. Поверь мне.

— Ну и отлично, — улыбнулся Селдон. — Ты меня успокоила. То есть я, конечно же, не думал, что...

— Будем надеяться, — сухо оборвала его Дорс. — Однако меня беспокоит другое: твоя предстоящая встреча с этим чудовищем Теннаром — до нее остается всего несколько дней.

— Не называй его чудовищем, Дорс. Будь осмотрительнее. Кругом глаза и уши.

— Ты прав, — сказала Дорс едва слышно. — Погляди вокруг. Все счастливы, все улыбаются, и тем не менее никто не знает, кто из наших «друзей» доложит после вечеринки своему начальнику, что и как тут было. О, люди! Как подумаешь — в наше время... Как это все мерзко и противно! А главное — опасно. Поэтому я должна поехать к Теннару вместе с тобой, Гэри.

— Дорс, это невозможно. Ты только все испортишь, и мне будет гораздо труднее. Я поеду сам и все улажу. Не бойся.

— Но ты даже не представляешь себе, как будешь разговаривать с генералом!

— А ты, ты представляешь? — грустно спросил Селдон. — Ты говоришь совсем как Элар. Он, как и ты, убежден, что я беспомощный и ни на что не годный старый дуралей. Он тоже хочет отправиться к генералу вместе со мной, то есть нет — вместо меня. Знаешь, я порой думаю, сколько же народу на Тренторе хотело бы поменяться со мной местами? Десятки? А может, миллионы?

Глава 12

Вот уже десять лет, как Галактическая Империя лишилась Императора, а во дворце как будто ничего не изменилось. За тысячелетия фигура Императора стала столь легендарной, почти вымышленной, и теперь никто, казалось, не замечал ее отсутствия.

Теперь не было того, кто в величественной императорской мантии возглавлял официальные церемонии, того, кто торже-

ственным голосом отдавал приказы, теперь никто не узнавал о желаниях монарха, никто не чувствовал как благоволения, так и опалы со стороны Императора, стихли, умолкли дворцовые торжества, прекратились закулисные козни. Личные покои Императора в Малом Дворце пустовали — здесь не осталось никого из императорской семьи.

Однако армия садовников содержала прилегающие ко дворцу парки и сады в образцовом порядке. Армия слуг наводила столь же образцовый порядок во всех дворцовых помещениях. Императорское ложе, на котором никто не спал, каждый день застилали чистым бельем. Все шло, как обычно, и весь дворцовый персонал трудился, как было заведено. Высшие чиновники отдавали распоряжения — точно такие же распоряжения, как если бы их отдавал сам Император. Да и чиновники, честно говоря, почти все остались прежние, а новых старательно и настойчиво приучали к дворцовым традициям.

Было такое ощущение, словно Империя настолько привыкла к существованию Императора, что была согласна на то, чтобы хотя бы его призрак, витавший во дворце, правил ею.

И хунта знала об этом — ну, если и не знала, то что-то такое чувствовала. За десять лет никому из военных не пришло в голову въехать в личные покои Императора в Малом Дво́рце. Кто бы ни были эти новоявленные правители, они не были придворными и понимали, что распоряжаться во дворце права не имеют. Народ, смирившийся с ограничением свобод, ни за что на свете не смирился бы с посягательством на Императора — живого или мертвого, неважно.

Даже генерал Теннар не осмелился посягнуть на Малый Дворец. Он поселился и устроил рабочий кабинет в одном из зданий, выстроенных на задворках дворцовой территории — невзрачном на вид, но выстроенном наподобие крепости, способной выдержать длительную осаду благодаря расквартированной в прилегающих флигелях охране.

Теннар был коренаст, невысокого роста, с усами. О нет, его усы не были густыми и пышными на далийский манер — они были аккуратненькими, узенькими. Рыжие усы и холодные голубые глаза... пожалуй, в молодости Теннар был даже красив. Но теперь физиономия его отекла, обрюзгла, глаза превратились в узкие щелочки, и редко в них можно было прочесть что-либо, кроме гнева.

Гневно — как мог только себе позволить человек, почитающий себя единоличным хозяином миллионов миров и все же не осмеливающийся провозгласить себя Императором, он както сказал Хендеру Линну:

— Да я бы мог свою династию основать! — И, угрюмо оглядев комнату, пробурчал: — Тут не слишком подходящее место для правителя Империи.

Линн негромко возразил:

— Самое главное то, что вы — правитель. Лучше быть правителем здесь, чем марионеткой во дворце.

— А еще лучше быть правителем во дворце. Почему бы и нет?

У Линна было звание полковника, но, конечно, никакой он не полковник — его задача заключалась в том, чтобы говорить Теннару то, что тот желал слышать, а также передавать его приказы остальным. Иногда, когда это представлялось Линну безопасным, он давал Теннару благоразумные советы.

Линна называли «лакеем» Теннара, и он отлично знал об этом, однако не имел ничего против. Будучи лакеем, он был от многого застрахован, но понимал, что многие, чересчур гордившиеся тем, что они лакеи, кончали свою карьеру полным крахом.

Конечно, мог настать день, когда и сам Теннар мог скатиться вниз по ступенькам наспех выстроенной и все время меняющей облик пирамиды хунты, но Линн был уверен, что у него достанет предусмотрительности вовремя почувствовать опасность и смыться. А может, и нет. За все, в конце концов, приходится платить.

— Конечно, вы могли бы основать династию, генерал, — учтиво кивнул Линн. — Это проделывали многие на протяжении истории Империи. Но на это нужно время. Люди ко всему привыкают медленно. Как правило, только второму, а то и третьему потомку в династии удается стать настоящим Императором, таким, чтобы его принял народ.

— Ерунда! Надо просто взять и провозгласить себя Императором. Кто посмеет поспорить со мной? Я держу Империю в ежовых руковицах.

— Все верно, генерал. Ваша власть на Тренторе и в большинстве Внутренних Миров непререкаема, но вот во многих

из отдаленных Внешних Миров пока вряд ли согласятся с воцарением новой династии.

— Внешние Миры или Внутренние — какая разница, теперь всюду правит армия, и она со всеми управится. «Армия со всеми управится» — это же старая имперская истина.

— Прекрасная истина, — согласился Линн, — но во многих провинциях имеются собственные вооруженные силы, которые могут не принять вашу сторону. Времена нынче непростые.

— Стало быть, ты призываешь к осторожности?

— Я всегда к ней призываю, генерал.

— Когда-нибудь это мне может надоесть, если ты будешь призывать к осторожности слишком часто.

Линн печально вздохнул и потупил взор.

— Я призываю только к тому, что кажется мне полезным и благоразумным для вас, генерал.

— Вроде твоей вечной песни про Гэри Селдона? — буркнул Теннар.

— Для вас нет большей опасности, чем он, генерал.

— Это *ты* так говоришь, а мне так вовсе не кажется. Да кто он такой, если на то пошло? Жалкий профессоришка!

— Теперь — да, — согласился Линн, — но когда-то он был премьер-министром.

— Знаю, но это было во времена Клеона. А что потом? Что он такого сделал? Вот уж в толк не возьму, с чего это в наше время, когда бунтуют губернаторы провинций, я должен бояться какого-то занюханного профессора?

— Порой люди ошибаются, — осторожно проговорил Линн (поучать генерала можно было только исподволь), — полагая, что тихий, маленький, так сказать, человек не может сделать ничего ужасного. Всем, против кого в свое время выступал Селдон, он как раз таким и казался — тихим и безвредным. Двадцать лет назад организация джоранумитов чуть было не свергла могущественного премьер-министра, правую руку Клеона, Эдо Демерзеля. — Теннар на всякий случай кивнул, хотя было видно, что он этого не помнит. — Именно Селдон положил конец Джорануму и сменил Демерзеля на посту премьер-министра. Однако джоранумитское движение выжило, ушло в подполье, и опять-таки именно Селдон выстроил план

их уничтожения, правда, несколько просчитался — не успел спасти Клеона от покушения.

— Но Селдон и это пережил, да?

— Вы совершенно правы. Пережил и это.

— Странновато. Не суметь предотвратить покушение — за такое премьер-министр должен был поплатиться головой.

— Должен бы, это точно. И все-таки хунта оставила его в живых. Показалось благоразумным не трогать его.

— Почему же?

Линн едва заметно вздохнул.

— Из-за чего-то, что зовется психоисторией.

— Понятия не имею, что это такое, — небрежно буркнул Теннар.

На самом деле звучание этого слова вызвало у него какие-то смутные воспоминания — Линн не раз пытался заговаривать с ним об этой самой психоистории, а Теннар вечно не желал слушать. Линн же, по обыкновению, был осторожен и не форсировал события. Теннар и сегодня не настроен слушать, но Линн был как-то необычно встревожен и настойчив. «Пожалуй, — решил Теннар, — надо дать ему выговориться».

— Про это вообще мало кто знает, — вздохнул Линн, — правда, психоисторией интересуется кое-кто из этих... интеллектуалов.

— И что это за штука?

— Какая-то сложная математическая система.

Теннар поморщился.

— Вот этого не надо, пожалуйста. Сосчитать свои полки я как-нибудь сумею, а больше мне никакой математики не требуется.

— Поговаривают, — не уступал Линн, — что с помощью психоистории можно предсказывать будущее.

Генерал выпучил глаза.

— Так что, этот Селдон — гадалка?

— Не совсем. У него целая наука.

— Не верю.

— Поверить трудно, но на Тренторе — да и не только на Тренторе — Селдон стал фигурой поистине легендарной. И психоистория — годится ли она для предсказания будущего или нет, неважно, лишь бы люди верили, — может стать мощным средством для удержания власти. Думаю, вы это уже по-

няли, генерал. Надо только предсказать, что наша власть продержится долго и принесет мир и процветание Империи. А люди, уверовавшие в это, помогут этому предсказанию свершиться. Но, с другой стороны, если Селдон хочет другого, он может взять и предсказать гражданскую войну и жуткие разрушения. Люди поверят в это, и тогда наша власть покачнется.

— В таком случае, полковник, надо сделать так, чтобы прогнозы психоистории были такими, какие нам нужны.

— Да, но заниматься этим придется Селдону, а он не сторонник нашего режима. Тут, генерал, важно чувствовать разницу между Проектом, который разрабатывается в Стрилингском университете, и самим Селдоном. Психоистория может сослужить нам хорошую службу, но только тогда, если работу над ней возглавит не Селдон, а кто-то другой.

— Есть кто-нибудь на примете?

— О да. Нужно только избавиться от Селдона.

— Что, это так трудно? Казнить — и дело с концом.

— Было бы лучше, генерал, чтобы правительство не было замешано в подобных вещах.

— Объясни!

— Я устроил так, что скоро он прибудет сюда для встречи с вами, дабы вы разглядели его хорошенько, как вы умеете. Вот тогда вы и решите, насколько ценны кое-какие мои предложения.

— Когда он прибудет?

— Должен был уже прибыть, но его сотрудники попросили об отсрочке, поскольку сейчас как раз празднуется его юбилей — кажется, шестидесятилетие. Представилось благоразумным разрешить отсрочку.

— Зачем это еще? — недовольно нахмурился Теннар. — Терпеть не могу всяческие уступки. Это проявление слабости.

— Совершенно верно, генерал, совершенно верно. Вы, как всегда, абсолютно правы. Однако мне показалось, что в интересах государства будет небезопасно понаблюдать за тем, как пройдут торжества.

— Зачем?

— Всякие знания полезны. Желаете посмотреть, как проходит праздник?

— Это так надо? — угрюмо поинтересовался Теннар.

— Думаю, вам будет интересно, генерал.

В кабинете погас свет, и помещение наполнилось звуками и изображением, которые тут же преобразили унылый генеральский кабинет.

Линн негромко пояснял происходящее:

— В основном, генерал, празднование проходит в помещениях, где работают сотрудники Проекта, но вообще в торжествах участвует весь университет. Сейчас появится панорамный обзор, и вы увидите, что праздник проходит на большом пространстве. У меня есть сообщения, поступившие к этому часу, что кое-где на Тренторе, в других университетах, студенты и преподаватели празднуют юбилей Селдона, так сказать, заочно. Праздник продолжается и продлится еще завтра как минимум.

— Так что же, выходит, весь Трентор празднует этот день рождения?

— В каком-то смысле да. Празднуют в основном ученые, но действительно по всей планете. Даже в других мирах кое-где присоединились к торжествам.

— А откуда взялась трансляция?

Линн ухмыльнулся.

— У нас в Проекте есть свои люди — надежнейшие источники информации. Что бы там ни произошло, нам тут же все становится известно.

— Ну ладно, Линн, скажи, что ты об обо всем этом думаешь?

— Мне кажется, генерал, и я уверен, вам тоже так кажется, что возник культ личности Гэри Селдона. Он настолько громко заявил о себе и так отождествился со своей психоисторией, что в том случае, если мы избавимся от него чересчур откровенно, мы в корне подорвем веру в его науку. Тогда она нам ничего не даст.

Но, с другой стороны, генерал, Селдон уже старик, и вовсе нетрудно представить, что его заменит кто-нибудь помоложе, тот, кого мы выберем, тот, кто благосклонно воспримет наши великие цели и задачи. Если нам удастся сместить Селдона так, чтобы это показалось естественным, это будет как раз то, что нужно.

— Значит, ты думаешь, мне нужно с ним встретиться?

— Да, для того, чтобы вы поглядели, чем он дышит, и решили, какие мы примем меры. Но мы должны быть предельно осторожны, поскольку он очень известный человек, популярный.

— Знавал я всяких популярных людей, — угрюмо фыркнул Теннар.

Глава 13

— Да, — устало проговорил Гэри Селдон, — просто триумф. Все было просто великолепно. Даже не знаю, как я доживу до семидесяти, чтобы все повторилось снова. Но, если честно, я жутко устал.

— Тебе надо хорошенько выспаться, па, — улыбаясь, посоветовал Рейч. — Сон все лечит.

— Вот уж не знаю, удастся ли мне отдохнуть, ведь через пару дней мне предстоит встреча с нашим великим правителем.

— Ты поедешь к нему не один, — решительно заявила Дорс.

Селдон нахмурился.

— Хватит, Дорс. Не будем больше об этом. Для меня важно встретиться с ним наедине.

— Тебе опасно отправляться к нему в одиночку. Разве ты забыл, что случилось десять лет назад, когда ты не позволил мне пойти с тобой встречать садовников?

— Хотел бы я забыть, когда ты напоминаешь мне про это пару раз в неделю! Но сейчас я действительно собираюсь поехать к нему один. Да что он мне может сделать — безвредному старику, который придет к нему, чтобы узнать, что ему от меня надо?

— А как тебе кажется, что ему надо? — спросил Рейч, покусывая ногти.

— Думаю, то же самое, что от меня всегда хотел Клеон. Наверняка окажется, что он решил, будто психоистория каким-то образом способна предсказать будущее, и он возжелает применить ее для своих собственных целей. Почти тридцать лет назад я сказал Клеону, что моя наука не для этого предназначена, и повторял эти слова все те десять лет, что служил премьер-министром, теперь я скажу то же самое генералу Теннару.

— Как знать, поверит ли он тебе? — усомнился Рейч.

— Придумаю что-нибудь, чтобы мои заверения звучали поубедительнее.

— Не хочу, чтобы ты ехал к нему один, — упрямо мотнула головой Дорс.

— Хочешь или не хочешь, это не имеет значения.

В это мгновение в разговор вмешался Тамвиль Элар:

— Я здесь единственный, не являющийся членом вашего семейства. Просто не знаю, как вы отнесетесь к моему предложению.

— Высказывайтесь, — махнул рукой Селдон. — Начали, так давайте.

— Я хотел бы предложить компромисс. Почему бы некоторым из нас не сопроводить маэстро? Пусть несколько человек отправятся с вами на манер почетного эскорта — выйдет что-то вроде логичного финала юбилейных торжеств. Нет-нет, я вовсе не говорю, что мы толпой ввалимся в кабинет генерала Теннара. Да мы даже на дворцовую территорию не войдем. Всего-навсего разместимся в гостинице Имперского сектора неподалеку от границ дворцовой территории — устроимся с комфортом и устроим праздник для души.

— Вот-вот, только этого мне не хватало — праздника для души, — фыркнул Селдон.

— Я не говорю о вас, маэстро, — возразил Элар. — Вы пойдете на встречу с Теннаром. А наше присутствие тем не менее незамеченным не останется и напомнит обитателям Имперского сектора о том, как вы популярны, да и генералу напомнит. А если он будет знать, что мы здесь поблизости ждем вашего возвращения, он еще подумает, как себя вести.

Наступила продолжительная пауза. Наконец Рейч сказал:

— Нет, это как-то чересчур театрально получится. На папу совсем не похоже.

— Меня это не интересует — похоже или нет, — выпалила Дорс. — Меня интересует только *безопасность* Гэри. Мне нравится предложение доктора Элара. Раз уж мы не можем сопроводить Гэри на дворцовую территорию, почему бы действительно не разместиться в непосредственной близости от нее? Отлично. Спасибо вам, доктор Элар, очень ценная мысль.

— Я этого не хочу, — замотал головой Селдон.

— А я хочу! — упрямо проговорила Дорс. — И если я не могу пойти с тобой дальше, значит, я буду настолько близко от тебя, насколько это возможно.

До сих пор молчавшая Манелла мечтательно проговорила:

— Как вспомню, какие там гостиницы... Да, там можно чудесно развлечься.

— Развлечься? При чем тут развлечения? — вспылила Дорс. — Ну да ладно, приму твой голос в мою пользу.

На том и порешили. На следующий день около двадцати сотрудников Проекта разместились в гостинице «На краю Купола» в номерах, окна которых смотрели прямо на дворцовую территорию.

На следующий вечер к Селдону явились вооруженные гвардейцы и повели его на встречу с генералом.

Примерно в это же время Дорс куда-то исчезла, но этого никто не заметил и никто не стал ее искать. Когда же ее отсутствие было замечено, все принялись гадать, что с ней случилось, и приподнятое настроение быстро сменилось тревогой.

Глава 14

Дорс Венабили целых десять лет прожила на дворцовой территории. Будучи женой премьер-министра, она имела пропуск на территорию и могла совершенно свободно как уходить с территории дворца, так и возвращаться обратно. На пропуске стояли ее отпечатки пальцев.

В суматохе, последовавшей за убийством Клеона, никому и в голову не пришло отобрать у нее пропуск, и вот теперь, в первый раз после того кошмарного дня, ей нужно было пройти на дворцовую территорию и она могла это сделать.

Она всегда прекрасно понимала, что такая возможность у нее только одна — другой не будет, поскольку при проверке пропуск будет сразу же арестован, но сейчас был как раз тот самый единственный случай, когда это было необходимо.

Как только она вышла из-под купола под открытое небо, уже смеркалось и стало заметно холоднее. Под куполом даже ночью всегда было немного светлее, чем на открытом пространстве, а днем — немного темнее. А уж что касается температуры воздуха, то, конечно, под куполом всегда было теплее.

Большинство тренторианцев об этом не задумывались, поскольку всю жизнь — от рождения и до смерти жили под куполом. Дорс же ничуть не удивилась перемене погоды, но это не имело значения.

Она пошла по главной дороге от гостиницы к дворцовой территории. Дорога была прекрасно освещена, так что все было отлично видно.

Дорс знала, что по дороге ей и ста метров не пройти — тут же остановят. А может, и того меньше — хунта переживала неспокойные времена. Ее обязательно заметят.

Предчувствия ее не обманули. Ехавший навстречу приземистый автомобиль затормозил рядом с ней, и охранник окликнул ее:

— Что вы здесь делаете? Куда направляетесь?

Дорс пропустила вопрос мимо ушей и пошла дальше.

— Стой! — крикнул охранник, выскочил из машины, а Дорс только того и надо было. Охранник довольно небрежно держал свой бластер — прицеливаться не собирался, просто демонстрировал наличие оружия.

— Ваш регистрационный номер, — потребовал он.

— Вашу машину, — отпарировала Дорс.

— Чего-чего? — недоуменно переспросил охранник. — Регистрационный номер да побыстрее!

Тут уж он поднял бластер.

— Ни к чему вам мой регистрационный номер, — спокойно проговорила Дорс и как ни в чем не бывало двинулась на охранника.

Тот сделал шаг назад.

— Если вы немедленно не остановитесь и не покажете свой регистрационный номер, я выстрелю.

— Нет! Бросьте бластер.

Охранник поджал губы, палец его вот-вот должен был нажать кнопку, но...

Потом он никак не мог объяснить, как же все произошло. Он только твердил: «Откуда мне было знать, что это Тигрица? (О, настанет день, когда он будет гордиться этой встречей!) Она рванулась ко мне на бешеной скорости, я и понять ничего не успел. Только я собрался пальнуть в нее — я-то думал, это сумасшедшая баба какая-то, а она как кинется... и все!»

Дорс крепко ухватила руку охранника, сжимавшую бластер, и рывком подняла ее вверх.

— Бросай бластер, слышишь? — прошипела она. — А не то руку сломаю, понял?!

У охранника сжалось сердце, он ни вдохнуть, ни выдохнуть

не мог. Сообразив, что выбора у него нет, он разжал пальцы и бросил бластер.

Дорс опустила его руку, но, прежде чем он успел опомниться, нацелила на него его же собственное оружие.

— Детекторы твои на месте, надеюсь? — насмешливо спросила она. — Только не торопись сообщать о происшествии. Пораскинь мозгами, что начальникам скажешь, очень тебе советую. То, что ты не сумел задержать невооруженную женщину, которая отобрала у тебя бластер, вряд ли им понравится — вылетишь со службы к чертям собачьим.

На глазах у остолбеневшего охранника Дорс завела машину и, набирая скорость, поехала по главной трассе. Десятилетний перерыв сказался — она не могла точно понять, куда едет. Она ехала в служебном автомобиле — что правда, то правда, и вряд ли ее теперь должны были сразу остановить. Однако нужно было торопиться, поскольку она хотела скорее добраться до места. Машина набрала скорость и помчалась, выдавая под двести километров в час.

Такая скорость привлекла внимание. Из радио, установленного в машине, понеслись встревоженные крики с требованиями объяснить, почему автомобиль набрал такую скорость, и довольно скоро детекторы показали, что следом за Дорс гонится другой автомобиль.

Дорс понимала, что объявлена тревога и впереди ее уже ждут другие машины, но что с ней могут сделать? Вряд ли ее пристрелят — наверняка захотят узнать, кто же она такая?

У въезда на дворцовую территорию ее действительно поджидали две машины. Дорс как ни в чем не бывало остановила свой автомобиль и зашагала к зданию.

Двое охранников, судя по выражению их лиц, страшно удивленные тем, что из машины, только что мчавшейся на полной скорости, вышел не охранник, а женщина без формы, загородили дорогу Дорс.

— Что вы здесь делаете? В чем дело?

— У меня важное сообщение для полковника Хендера Линна, — спокойно ответила Дорс.

— Да ну? — осклабился один из охранников, которых стало уже четверо. — Регистрационный номер, пожалуйста.

— Не задерживайте меня.

— Я сказал: регистрационный номер.

— Мне некогда.

— Слушай, — неожиданно сказал один из охранников, — знаешь, на кого она похожа? На бабу прежнего премьер-министра, доктора Венабили. Тигрицу.

Охранники немного опешили, но все-таки один из них твердо объявил:

— Вы арестованы.

— Неужели? — усмехнулась Дорс. — Если я — Тигрица, вам должно быть известно, что я сильнее каждого из вас и реакция у меня отменная. У меня другое предложение: проведите меня внутрь — все четверо, и посмотрим, что скажет полковник Линн.

— Вы арестованы, — повторил охранник, и сразу четыре бластера нацелились на Дорс.

— Ну что ж, — снова усмехнулась она, — раз вы так настаиваете...

Резкое движение — и сразу двое охранников скрючились на земле, охая и постанывая, а у Дорс в обеих руках оказалось по бластеру.

— Я не хотела делать им больно, — объяснила она, — но очень может быть, что запястья у них сломаны. Вас теперь двое, а стреляю я быстрее вас. Только двиньтесь, только шевельнитесь, и я сделаю то, чего мне делать не хотелось бы, — прикончу вас обоих. Лучше не доводите меня до этого.

Охранники, утратив дар речи, застыли как каменные.

— Я еще раз предлагаю вам проводить меня к полковнику, — сказала Дорс, — а потом найти того, кто окажет медицинскую помощь вашим товарищам.

Однако предложение ее оказалось излишним. Полковник Линн собственной персоной вышел из кабинета.

— Что здесь происходит? Что все это...

Дорс обернулась к нему.

— А, это вы. Позвольте представиться. Я доктор Дорс Венабили, жена профессора Гэри Селдона. Я пришла повидаться с вами по исключительно важному делу. Эти четверо не пускали меня, и в итоге мне пришлось обойтись с ними не слишком вежливо. Отошлите их куда-нибудь и позвольте мне переговорить с вами. Я не желаю вам ничего дурного.

Линн хмуро поглядел на охранников и перевел взгляд на Дорс.

— Не желаете мне ничего дурного? Имейте в виду, четверо охранников с вами не справились, но по первому моему зову явятся четыреста.

— Пусть являются. Но, как бы они ни спешили, они все равно не успеют ко времени, если я решу пристрелить вас. Отпустите охрану, и давайте поговорим по-человечески.

Линн дал охранникам приказ удалиться и сказал:

— Хорошо. Входите, поговорим. Но позвольте предостеречь вас, доктор Венабили, память у меня отменная.

— И у меня, — кивнула Дорс и вошла вместе с Линном в его кабинет.

Глава 15

С подчеркнутой любезностью Линн поинтересовался:

— Объясните мне толком, доктор Венабили, зачем вы здесь?

Дорс улыбнулась — не сердито, но и не ласково.

— Прежде всего для того, чтобы вы поняли, что я *могу* попасть сюда.

— А?

— Вы не ослышались. Моего мужа повезли на встречу с генералом Теннаром в правительственном автомобиле под охраной. Я покинула гостиницу почти одновременно с ним, а сюда добралась раньше. Мне пришлось столкнуться с пятью охранниками, включая и того, у которого я позаимствовала машину, чтобы добраться до вас. Но их могло быть и пятьдесят.

Линн флегматично кивнул.

— Вас иногда зовут Тигрицей.

— Вот именно. Ну а теперь, когда я до вас добралась, хочу сказать, что я здесь для того, чтобы удостовериться в безопасности моего мужа. Он войдет в логово генерала — вы уж извините за образность, — и я хочу, чтобы он вышел оттуда живым и невредимым.

— Насколько я знаю, вашему мужу эта встреча ничем не грозит. Но если уж вы так обеспокоены, почему вы явились ко мне? Почему вы не пошли прямо к генералу?

— Поскольку из вас двоих мозги есть только у вас.

После короткой паузы Линн пробормотал вполголоса:

— Небезопасное замечание, если вдруг кто-то услышит...

— Для вас оно гораздо более опасно, чем для меня, так что вы и позаботитесь, чтобы нас не подслушали. Так вот, если вы принимаете меня за человека, которого легко убаюкать словами, взять под ручку и выпроводить, вы ошибаетесь. Если вам кажется, что я стану сидеть сложа руки, когда моего мужа арестуют или прикажут казнить, вы ошибаетесь еще более жестоко, — сказала Дорс и взглядом указала на два бластера, лежавшие перед ней на столе. — На территорию я вошла с пустыми руками, а до вас добралась, имея при себе два бластера. Не будь бластеров, у меня были бы с собой ножи, управляться с которыми я большая мастерица. Но даже если бы у меня не было ни бластера, ни ножа, я все равно очень опасный человек. Как я понимаю, этот стол металлический и очень крепкий.

— Да.

Дорс подняла руку и повертела кистями, показывая, что ее руки пусты. Затем она опустила руки ладонями вниз.

Выждав несколько мгновений, Дорс сжала правую руку в кулак, размахнулась и со страшной силой стукнула по столу. Раздался такой звук, словно по металлу ударили металлом. Дорс улыбнулась и повертела рукой.

— Ни синяка, ни царапины и ни капельки не больно, — сообщила она. — А теперь поглядите на стол. Видите, вмятина осталась? Если я с такой же силой дам кому-нибудь по голове, я сломаю ему череп. Я такого никогда не делала. Честно говоря, я ни одного человека за свою жизнь не убила, но кое-кого поранила. И тем не менее, если профессору Селдону будет грозить опасность...

— Да что вы все угрожаете!

— Не угрожаю — обещаю. Я никого пальцем не трону, если никто не тронет профессора Селдона. Если же его кто-то пальцем тронет, мне придется вас здорово покалечить, а то и убить, полковник Линн, — обещаю вам это, а понадобится, я сделаю то же самое с генералом Теннаром.

Линн прошипел:

— Все равно вам не выстоять против целой армии, какая бы вы ни были тигрица из тигриц! Ну, что скажете?

— Вы же знаете, что такое слухи, полковник, — усмехнулась Дорс. — Люди так любят присочинить, добавить, раздуть. На самом деле ничего такого тигриного я за всю жизнь не совершила, но рассказывают обо мне много всяческих небылиц. Ваши охранники затряслись от страха, как только узнали меня, и теперь они непременно пустят слух о том, как я их уложила на лопатки для того, чтобы добраться до вас. Полковник Линн, даже целая армия может побояться напасть на меня, но даже если они нападут на меня и уничтожат, бойтесь гнева народа. Хунта удерживает власть, но с трудом, и вам вовсе ни к чему ухудшать положение. Так пораскиньте мозгами, что легче? От вас только и требуется — не трогать профессора Селдона.

— У нас нет намерений угрожать ему и вообще делать что-либо дурное.

— Ради чего тогда эта встреча?

— Да что тут такого необыкновенного? Генерал интересуется психоисторией. Правительственные отчеты — в нашем распоряжении. Клеон всю жизнь интересовался психоисторией, и Демерзель, пока служил премьер-министром, интересовался. Почему бы и нам не поинтересоваться? Чем мы хуже? На самом деле нам гораздо более интересно.

— Почему же?

— Да потому, что время прошло. Как я понимаю, психоистория поначалу была всего-навсего идеей, пришедшей в голову профессору Селдону. Он начал работать над ней, все более и более увлекаясь, и постепенно собирал вокруг себя все больше и больше сотрудников. Вот уже тридцать лет прошло со времени начала его деятельности. Почти все это время он работал благодаря правительственным субсидиям, так что правительство в полном праве требовать у него отчет о проделанной работе. Вот и мы хотим спросить его о психоистории, которая в наши дни наверняка шагнула вперед по сравнению с временами Клеона и Демерзеля, и послушать, что он нам ответит. Нам нужно что-то более осязаемое, чем строчки уравнений, скачущие в воздухе. Понимаете?

— Да, — нахмурившись, ответила Дорс.

— И вот еще что. Не думайте, что угроза для вашего мужа исходит исключительно от правительства и что стоит только чему-то с ним случиться, вам надо со всех ног мчаться сюда и обвинять нас во всех грехах. Позволю себе высказать такое мнение: у профессора Селдона хватает личных врагов. Может хватать, точнее говоря.

— Я не забуду об этом. А теперь желаю, чтобы вы проводи-

ли меня к генералу Теннару. Я хочу присутствовать при его встрече с моим мужем. Я хочу не сомневаться, что он жив и здоров.

— Организовать это будет непросто и потребует времени. Прервать их беседу я никак не смогу, но если вы дождетесь окончания...

— Ничего, я подожду, действуйте. Только не рассчитывайте остаться в живых, если обманете меня.

Глава 16

Генерал Теннар смотрел на Гэри Селдона, выпучив глаза, сердито барабаня кончиками пальцев по столу.

— Тридцать лет, — проговорил он. — Целых тридцать лет, и вы мне говорите, что вам до сих пор нечего показать?

— Если точнее, генерал, то двадцать восемь.

Теннар пропустил реплику Селдона мимо ушей.

— И все за счет правительственных средств. Известно вам, профессор, сколько миллиардов кредиток потрачено на ваш Проект?

— Точно не скажу, генерал, но у нас есть соответствующая документация на этот счет, и она может быть предъявлена вам в считаные секунды.

— У нас она тоже имеется. Правительственные фонды, профессор, — не бездонная бочка. И у нас теперь не прежние времена. Мы не так безалаберны в вопросах денежных затрат, как Клеон. Повышение налогов осуществить непросто, а деньги нам нужны на многое. Я позвал вас сюда в надежде, что вы сумеете убедить нас в том, что мы не бросаем деньги на ветер, субсидируя психоисторию. Не сумеете — говорю вам честно и откровенно: субсидии будут прекращены. Если сумеете, продолжайте ваши исследования на общественных началах, без субсидий, и нам придется пойти на это, если вы меня не убедите в том, что ваша работа дает какие-то результаты.

— Генерал, вы требуете от меня невозможного, но я со своей стороны могу вам сказать, что, если вы прекратите субсидирование Проекта, вы останетесь без будущего. Дайте мне время, и когда-нибудь...

— Уже не одно правительство успело смениться, а от вас все

одна и та же песня, профессор: «Дайте мне время». Скажите, профессор, разве вы не утверждаете, будто ваша психоистория предсказывает, что правление хунты, а стало быть, и мое будет недолгим и в скором времени прекратится?

Селдон нахмурился.

— Методика пока не так совершенна, чтобы я мог утверждать, что психоистория предсказывает именно это.

— А я вам говорю, что психоистория ваша предсказывает вот это самое, и сотрудники вашего Проекта только об этом и болтают.

— Нет-нет, — возразил Селдон, — ничего подобного! Не исключено, что некоторые из наших сотрудников взяли на себя смелость интерпретировать полученные выводы таким образом, то есть что хунта является неустойчивой формой правления, но есть и другие выводы, которые можно интерпретировать совсем наоборот. Именно поэтому мы и обязаны продолжить нашу работу. А в настоящее время нет ничего проще. Располагая неполными данными и несовершенной методикой, можно сделать любые выводы.

— Но если вам будет угодно опубликовать свои выводы о том, что правительство нестабильно, и сказать, что психоистория это подтверждает, разве вы таким образом не усугубите и без этого нестабильное положение?

— Можем, генерал. Если же мы объявим, что положение правительства стабильно, то мы способствуем стабилизации положения. Мы не раз вели подобные разговоры и с Императором Клеоном. Психоисторию можно использовать как орудие в борьбе за людские умы и добиваться кратковременных успехов. Но впоследствии предсказания могут оказаться не совсем верными, и тогда в психоисторию никто не станет верить, и все будет так, словно ее никогда и не существовало.

— Хватит. Давайте начистоту! Что, по вашему мнению, говорит психоистория о моем правлении?

— По нашему мнению, она говорит, что в правлении прослеживаются элементы нестабильности, но мы не уверены и не можем быть уверены в том, как улучшить или ухудшить положение.

— Иначе говоря, психоистория говорит о том, что и без нее известно, и вот на это правительство выкидывает дикие суммы денег?

— Настанет время, когда психоистория скажет нам то, чего без нее мы бы не узнали, и тогда затраты окупятся во много-много раз.

— И сколько же нужно ждать?

— Не слишком долго. За последние годы мы достигли многообещающих результатов.

Теннар снова забарабанил пальцами по столу.

— Маловато... Скажите мне что-нибудь конкретное сейчас. Что-нибудь полезное.

Селдон немного растерялся.

— Я могу подготовить для вас подробный отчет, но на это нужно время.

— А как же! Дни, месяцы, годы — и в конце концов я так и не увижу этого вашего подробного отчета. Вы меня за идиота принимаете?

— Нет, генерал, конечно, нет. Но я не хочу, чтобы меня принимали за идиота. Сказать вам я могу только то, за что могу ответить лично. Кое-что явствует из моих собственных психоисторических исследований, но интерпретировать это я могу ошибочно. Но раз уж вы так настаиваете...

— Да, настаиваю.

— Вы говорили о налогах. Вы сказали, что увеличить налоги трудно. Безусловно. Это всегда непросто. Всякому правительству приходится накапливать средства в той или иной форме. Существует только два способа добывания денег. Первый — ограбить ближнего, второй — убедить собственных граждан добровольно и мирно отдать правительству деньги.

Поскольку в Галактической Империи в течение тысячелетий дела ведутся достаточно разумно, о том, чтобы грабить ближнего, речи быть не может, разве что в случае возникновения и подавления бунтов. Это случается довольно нечасто, для того, чтобы правительство могло себя поддержать, — если бы даже это было так, правительство бы долго не продержалось. — Селдон набрал побольше воздуха и продолжил: — Следовательно, деньги можно получить только за счет вымаливания у граждан определенной части их доходов в казну правительства. Скорее всего, если правительство в такой ситуации будет работать с отдачей, граждане предпочтут платить налоги, а не копить деньги на черный день, каждый для себя, как бывает во времена неспокойные и опасные. И тем не менее, хотя подобные требования справедливы и гражданам логичнее было бы платить налоги в качестве вклада в стабильность правительства, они этого делать не хотят. Для того чтобы преодолеть это нежелание, правительство должно создать у граждан впечатление, что оно не требует от них многого и учитывает права и доходы каждого гражданина. Другими словами, правительство должно снизить процент налога с низких доходов, должно распределять и устанавливать разнообразные льготы и так далее и тому подобное.

Подходит время, и положение с налогами становится все более и более сложным, поскольку различные миры, разные секторы внутри каждого из миров требуют к себе дифференцированного подхода. В результате аппарат налоговой инспекции в правительстве раздувается и выходит из-под контроля. Среднестатистический гражданин перестает понимать, за что с него берут налоги, каков механизм сбора, что он может не платить, а чего не может. Да и само правительство и налоговая инспекция зачастую имеют весьма туманное представление на этот счет.

Более того, как бы велика ни была сумма собранных налогов, беспредельно раздутые штаты налоговой инспекции тем более не в силах все эти деньги учесть, уследить за правильностью их уплаты, и в итоге суммы, которые могли бы быть истрачены на нужные и полезные дела, снижаются, несмотря на все старания.

В конце концов положение с налогами становится неуправляемым. Из-за этого возникают недовольство и общественные волнения. В учебниках по истории виновниками подобного положения называются алчные бизнесмены, коррумпированные политики, грубые вояки, амбициозные вице-короли, но они всего-навсего люди, воспользовавшиеся преимуществами, которые им предоставила неразбериха с налогами.

— Что вы пытаетесь мне доказать? — хрипло спросил генерал. — Что наша налоговая система чересчур сложна?

— Если бы она такой не была, она бы стала единственной в своем роде за всю историю рода человеческого. Если и существует нечто, неизбежность чего явствует из психоистории, так это безудержный рост налогов.

— И что с этим делать?

— Этого я вам сказать не могу. Но именно на эту тему я и

хотел бы подготовить отчет для вас, который, как вы говорите, отнимет некоторое время.

— К чертям отчет! Система сбора налогов слишком сложна, так? Вы об этом говорите?

— Вероятно, — осторожно ответил Селдон.

— Чтобы исправить положение, нужно эту систему упростить, то есть упростить до предела?

— Я должен исследовать...

— Ерунда! Противоположностью усложненности является упрощение. Мне не нужен никакой отчет для того, чтобы сделать такой вывод.

— Как вам будет угодно, генерал.

В это мгновение генерал неожиданно посмотрел на дверь — раздался звонок. Генерал сжал кулаки, и секунду спустя в комнате возникли голографические образы полковника Линна и Дорс Венабили.

Селдон, ошеломленный до предела, воскликнул:

— Дорс, что ты здесь делаешь?

Генерал промолчал, но зловеще нахмурился.

Глава 17

Генерал плохо спал ночью, а уж про полковника и говорить не приходилось. Они смотрели друг на друга в растерянности.

— Повторите мне еще раз, — буркнул генерал, — что сделала эта женщина.

Линн, казалось, был придавлен грузом обстоятельств.

— Это Тигрица, генерал, — выдавил он. — Так ее называют. Что-то в ней есть нечеловеческое, честное слово. То ли потрясающе натренированная спортсменка, то ли еще что, да вдобавок жутко самоуверенная, и, я вам откровенно скажу, генерал, это страшный человек.

— Она *тебя* напугала? Баба?

— Позвольте, генерал, еще раз рассказать вам, что она ухитрилась сделать, и я еще кое-что о ней расскажу. Не знаю, правду ли про нее болтают, но то, что случилось вчера, неправдой не назовешь.

И Линн заново пересказал генералу события вчерашнего дня, а генерал слушал его, и щеки его все больше надувались.

— Плохо, — сказал он. — Что делать?

— Я думаю, все очень просто. Нам нужна психоистория.

— Да, это точно, — подтвердил генерал. — Селдон тут мне толковал насчет налогов. Дескать... ну, это ладно. Об этом потом. Продолжай.

Линн, против обыкновения с трудом сдерживающий раздражение, продолжил:

— Как я уже говорил, психоистория нам нужна без Селдона. В любом случае он человек конченый. Чем больше я к нему приглядываюсь, тем больше прихожу к выводу, что это престарелый ученый, живущий прежними заслугами. У него было почти тридцать лет, чтобы добиться успехов в психоистории, но этого ему не удалось. А без него, когда за дело примутся люди новые, помоложе, прогресс может быть достигнут скорее.

— Хорошо, согласен. А с женой его что делать?

— Вот именно. Ее мы не принимали в расчет, потому что она все время держалась в тени. Но теперь я просто уверен в том, что, покуда она жива, будет трудно, почти невозможно убрать Селдона тихо, не засветив участия правительства.

— Ты всерьез думаешь, что она может как-то навредить мне и тебе, если мы уберем старика? — с усмешкой спросил генерал.

— Да, я всерьез опасаюсь и этого, и того, что она может затеять смуту. Именно это она и пообещала.

— Ты становишься трусом.

— Нет, генерал, я просто проявляю благоразумие. Я не сдаюсь, но этой Тигрицей надо заняться. — Линн немного помолчал и добавил: — На самом деле, верные люди говорили мне о ней, а я, должен честно признаться, не уделил этому вопросу должного внимания.

— И как же, ты думаешь, мы можем от нее избавиться?

— Мы — не знаю, — сказал Линн, нахмурился и медленно проговорил: — Но если не мы, то кто-нибудь еще сумеет.

Глава 18

Селдон плохо спал этой ночью. Наступивший день также не сулил ничего хорошего. Он редко сердился на Дорс. Но на этот раз он был *очень* сердит.

— Какая глупость, какая ужасная глупость! — воскликнул

он. — Ну разве мало было того, что мы все остановились в гостинице? Одного этого хватило бы для того, чтобы навести этого параноика, генерала, на мысль о заговоре!

— О каком заговоре, Гэри? Мы были безоружны и создавали впечатление развеселой компании, продолжавшей отмечать твой день рождения. Никакой угрозы от нас не исходило и исходить не могло.

— Да, но потом ты осуществила дерзкое вторжение на дворцовую территорию только затем, чтобы вмешаться в мою беседу с генералом, в то время как я несколько раз повторял, что я этого не хочу. У меня на этот счет были свои собственные планы, ты же знаешь!

— Твои планы, твои желания, твои распоряжения — все это для меня вещи второго порядка по сравнению с твоей безопасностью. Меня беспокоило только это.

— Мне ничего не угрожало.

— Я не так беспечна, как ты. На твою жизнь покушались дважды. Почему ты так уверен, что не будет третьей попытки?

— Повторяю: оба покушения были предприняты тогда, когда я был премьер-министром. Тогда, может быть, я и вправду был фигурой, которую хотели убрать. Но кому придет в голову убирать старого математика?

— Вот как раз это я и хочу выяснить, — сказала Дорс, — выяснить и предотвратить. А начну с того, что побеседую кое с кем из твоих сотрудников.

— Нет. Ты только внесешь сумятицу в работу и расстроишь людей. Оставь их в покое.

— Вот этого я сделать не могу. Гэри, мое дело — защищать, охранять тебя. Этим я занимаюсь уже двадцать восемь лет, и ты мне не помешаешь.

Глаза ее так сверкали, что Селдон понял — он ничего с ней поделать не сможет: она поступит так, как считает нужным.

Безопасность супруга для Дорс — превыше всего.

Глава 19

— Прости, Юго, можно я ненадолго оторву тебя от работы?

— Конечно, Дорс, без вопросов. Чем могу служить? — с веселой улыбкой спросил Юго Амариль.

— Мне нужно кое-что выяснить, Юго, и очень надеюсь, что ты не станешь надо мной смеяться.

— Постараюсь.

— У вас есть некий прибор под названием «Главный Радиант». Я то и дело о нем слышу. И Гэри о нем говорит непрестанно, так что я в принципе представляю, как он работает, но в действии никогда его не видела. Ты не мог бы мне его показать?

Амариль нахмурился.

— Понимаешь, дело в том, что Главный Радиант относится к разряду засекреченных объектов и пользоваться им могут только те, у кого есть соответствующий допуск. У тебя такого допуска нет.

— Я знаю, но ведь мы знакомы двадцать восемь лет...

— И ты — жена Гэри. Ну ладно, позволим себе маленькое нарушение. Полноценных Главных Радиантов у нас всего два. Один из них — в кабинете Гэри, второй — здесь. Вот он.

Дорс посмотрела на стоявший на столе матовый черный кубик.

— Вот этот? — недоверчиво спросила она.

— Да. В нем собраны уравнения, описывающие будущее.

— А как на них посмотреть?

Амариль нажал кнопку, в комнате стемнело, но почти сразу же черный кубик распространил молочно-белый свет, в лучах которого в воздухе повисли значки, стрелочки, линии, различные математические знаки. Казалось, они движутся, но, когда глаза Дорс немного привыкли, она поняла, что это ей только показалось.

— Так, значит, это и есть будущее? — изумленно спросила Дорс.

— Может быть, — ответил Амариль, выключая прибор. — Я дал полное увеличение, поэтому ты видела значки и цифры. Без увеличения видны были бы только чередования темных и светлых пятнышек.

— Значит, изучая эти уравнения, вы можете судить о том, что нас ожидает в будущем?

— Теоретически — да, но есть две сложности.

— Да? И какие же?

— Начнем с того, что эти уравнения выведены, так сказать, не каким-то конкретным человеком. Десятки лет мы заклады-

вали в компьютеры все более сложные программы, а компьютеры сами выводили и хранили уравнения, но мы, безусловно, не знаем, насколько они верны и каково их значение. Тут все зависит от того, насколько верным был сам процесс программирования.

— Значит, уравнения могут быть ошибочными?

— Могут, — кивнул Амариль и устало потер рукой глаза.

«Как же он постарел за последние годы! — с горечью и жалостью подумала Дорс. — Он ведь лет на десять моложе Гэри, а выглядит чуть ли не старше».

— Конечно, — продолжал Амариль усталым голосом, — мы надеемся, что не все уравнения ошибочны, но вот тут-то как раз и возникает вторая сложность. Несмотря на то что и я, и Гэри проверяли, вертели их так и этак столько лет, мы никогда не можем быть на сто процентов уверенными в том, каково значение уравнений. Их вывел компьютер, значит, резонно предположить, что некое значение у них имеется, но какое? Похоже, кое для чего мы начали докапываться. Знаешь, как раз сейчас я корплю над тем, что у нас называется «отрезком А-23» — жутко запутанной системой уравнений. Пока мы не сумели приложить эту систему к чему-либо, имеющему место в реальной Вселенной. Однако с каждым годом мы все ближе к цели, и я верю в то, что психоистория в конце концов станет тем, чем мы мечтаем ее увидеть, — надежной методикой для прогнозирования будущего.

— А сколько сотрудников имеют доступ к Главному Радианту?

— В принципе, все математики, занятые в Проекте, но не по собственному желанию. Оформляется запрос, причем заблаговременно, и Главный Радиант настраивается так, чтобы математик получил именно ту часть уравнений, с которой он хочет поработать. Когда сразу несколько человек выражают желание поработать с Главным Радиантом, возникают сложности. Сейчас, правда, особых запросов на работу с ним нет — видимо, народ еще не успел окончательно прийти в себя после юбилея Гэри.

— Скажи, а вы не подумывали сделать еще несколько Главных Радиантов?

— Даже не знаю, как сказать, — выпятив губы, проговорил Амариль. — Вообще-то мы обговаривали вопрос о том, как бы-

ло бы хорошо установить третий прибор, но нужно кого-то назначить ответственным за него. Главный Радиант — это не компьютер, на котором можно позволить работать каждому. Я предложил Гэри, чтобы Тамвиль Элар... ну, ты же его знаешь...

— Да, знаю.

— Чтобы третий Главный Радиант установить в его кабинете. Разработанные им ахаотичные уравнения в сочетании с электрофокусировщиком выдвинули его на третью позицию в Проекте после Гэри и меня. Но Гэри колеблется.

— Почему? Ты знаешь?

— Если Элар получит Главный Радиант, это будет официальным подтверждением того, что он третий человек в Проекте, то есть это поставит его выше других математиков, которые и старше его, и выше по должности. То есть возникнут определенного рода стратегические, так сказать, трудности. Я-то думаю, что нам нечего ломать себе головы над проблемами, но Гэри... ты же знаешь Гэри.

— Да, я знаю Гэри. А допустим, я тебе скажу такую вещь... Что, если Линн видел Главный Радиант?

— Линн?

— Полковник Хендер Линн из хунты. Приспешник Теннара, лакей.

— Сильно сомневаюсь, Дорс.

— Понимаешь, он говорил насчет кубиков и цепочек, а я сейчас их видела собственными глазами. Не могу отделаться от мысли о том, что он был здесь и видел Радиант в работе.

Амариль покачал головой:

— Нет, не могу себе представить человека из хунты в моем кабинете или в кабинете Гэри.

— Скажи мне, как ты думаешь, кто в Проекте мог бы таким вот образом работать на хунту?

— Никто, — убежденно ответил Амариль. — Это невероятно. Возможно, что Линн не видел Главного Радианта, но ему о нем рассказали.

— Кто ему мог о нем рассказать?

Амариль после недолгого раздумья ответил:

— Никто.

— Ну хорошо, вот ты только что сказал о трудностях, что называется, внутриполитического характера, связанных с вероятностью получения Эларом третьего Главного Радианта.

Наверное, в столь многочисленном коллективе, как ваш Проект, где трудятся сотни сотрудников, время от времени возникают какие-то мелкие стычки, ссоры.

— О да. Бедняга Гэри мне время от времени об этом твердит. Улаживать все это приходится ему, и я представляю, как это ему надоело.

— Скажи, эти ссоры достаточно серьезны для того, чтобы мешать работе над Проектом?

— Да нет, не так уж серьезны.

— Скажи, есть сотрудники, которые скандалят больше других? То есть я хочу спросить, можно ли, к примеру, избавиться от девяноста процентов этих внутренних трений ценой увольнения пяти-шести процентов персонала?

— Неплохая идея, — кивнул Амариль, — но только я не знаю, от кого нужно избавиться. Я ведь в нашу «внутреннюю политику» фактически не вмешиваюсь. Избежать всех этих мелочей невозможно, вот я и стараюсь попросту держаться подальше от всяких дрязг.

— Странно... — покачала головой Дорс. — Получается, что ты таким образом отрицаешь надежность психоистории.

— Как это?

— Но как же можно утверждать, что вы добрались до стадии, когда можно предсказывать будущее и управлять им, если вы не можете справиться с такими досадными мелочами внутри самого Проекта, от которого это будущее напрямую зависит?

Амариль хихикнул. Это было совсем не похоже на него, ведь с юмором у него, как правило, было туговато и он почти никогда не смеялся.

— Извини, Дорс. Видишь ли, ты зацепила проблему, которую мы разрешили. Мы об этом тоже думали. Сам Гэри разработал уравнения, описывающие вот эти самые межличностные трения, а в прошлом году я их довел до ума. Я обнаружил, что существуют способы видоизменения этих уравнений таким образом, чтобы свести трения к минимуму. Но в каждом конкретном случае выходит так, что за счет нивелирования трения в одном месте оно неизбежно усиливается в другом. Совершенно ликвидировать подобные неурядицы невозможно в условиях работы и общения людей в замкнутом коллективе — кто-то уходит, кто-то приходит — ну, вроде того, как притираются новые детали, пока не встанут на место. Мне с помощью

ахаотичных уравнений Элара удалось доказать, что тут ничего поделать нельзя, какие бы усилия ни предпринимались. Гэри называет это «законом консервации личных проблем».

В итоге возникло такое мнение, что у социальной динамики существуют такие же законы консервации, или, лучше сказать, торможения, как в физике, и на самом деле именно эти законы могут стать для них наилучшим руководством для решения самых трудных проблем психоистории.

— Впечатляюще, — усмехнулась Дорс, — но какой толк из всего этого, если в конце концов окажется, что абсолютно ничего изменить нельзя, что все плохое накапливается и что для того, чтобы уберечь Империю от разрушения, нужно разрушить еще что-нибудь?

— Некоторые именно так и думают, но я — нет.

— Хорошо. Вернемся к реальности. Скажи, есть что-нибудь такое во всех этих внутренних трениях, что угрожало бы Гэри? Физически угрожало, я имею в виду.

— Угрожало Гэри? Нет, конечно же, нет. Как тебе такое в голову пришло?

— Может быть, есть кто-нибудь, кто хотел бы занять его место, — какой-нибудь сверхамбициозный агрессивный человек, жаждущий пожинать все лавры? Может быть, кто-то думает, что Селдон засиделся на должности руководителя Проекта?

— Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь сказал подобное про Гэри.

Похоже, Дорс не удовлетворил его ответ.

— Нечего ждать, что кто-нибудь скажет такое вслух, это понятно. Ну, спасибо тебе, Юго, ты мне все-таки помог. Извини, что оторвала тебя на столько времени от работы.

Амариль долго смотрел ей вслед. Он немного встревожился, но, окунувшись в работу, быстро позабыл о разговоре с Дорс.

Глава 20

Одной из причин время от времени отрываться от работы (а причин таких было крайне мало) были визиты к Рейчу, семейство которого обитало неподалеку от университетского кампуса. Когда Селдон шел туда, сердце его всякий раз наполнялось любовью к приемному сыну. Рейча нельзя было не любить —

доброго, веселого, преданного, смышленого Рейча, обладающего удивительной способностью вселять любовь к себе в души людей, с которыми он встречался.

Это его обаяние поразило Селдона еще тогда, когда Рейчу было всего двенадцать — тогда он был биллиботтонским беспризорником, грязным бродяжкой, но ухитрился-таки тронуть сердца Гэри и Дорс. Не забыл Селдон и о том, каким искренним чувством к Рейчу прониклась когда-то Рейчел, тогдашний мэр Сэтчема. Помнил он и то, как Рейч втерся в доверие к Джорануму, что в итоге привело Джоранума к гибели. Как его пасынок сумел завоевать сердце красавицы Манеллы. Гэри не мог дать себе отчета в том, как именно удается Рейчу быть таким обаятельным, но, не вдаваясь в размышления, он попросту наслаждался всяким случаем, когда ему удавалось встретиться с сыном.

— Все хорошо? — по обыкновению поинтересовался Селдон, войдя в дом Рейча.

Рейч отложил в сторону голографические материалы, с которыми работал, и улыбнулся.

— Все хорошо, па.

— Что-то не слышно Ванды.

— Ясное дело. Они с Манеллой отправились за покупками.

Селдон уселся в кресло и с веселой усмешкой посмотрел на рабочий беспорядок на столе Рейча.

— Ну, как поживает книга?

— Она-то замечательно. Я похуже, — вздохнул Рейч. — Но, когда я ее закончу, это будет прямо сенсация. Представь себе, про Даль до сих пор еще никто не писал книг, вот дела! — Селдон давно заметил — стоило Рейчу заговорить о родине, как он тут же сбивался на далийский жаргон. — Ну а как ты, па? — спросил Рейч. — Небось рад до смерти, что праздник закончился?

— Не то слово. Я с трудом пережил.

— Да? По тебе заметно не было.

— Ну, я старался... Не хотелось другим настроение портить.

— Ну а как тебе мамино вторжение на дворцовую территорию? Сейчас все только про это и болтают.

— Рейч, конечно, я не в восторге, мягко выражаясь. Твоя мама — замечательный, удивительный человек, но с ней порой очень трудно. Похоже, она нарушила мои планы.

— Что за планы, па?

Селдон откинулся на спинку кресла. Ему было приятно разговаривать с Рейчем — всегда приятно поговорить с человеком, который тебя понимает и которому полностью доверяешь, но особенно Селдона в разговорах с Рейчем привлекало то, что тот ничего не смыслил в психоистории. Поговорив с сыном, он порой думал о его словах, прикидывал так и этак, и в итоге мысли эти приобретали такую форму, как если бы пришли в голову самому Селдону.

— Мы экранированы? — негромко спросил он.

— Всегда, — ответил Рейч.

— Отлично. Я сделал то, что намеревался сделать, — натолкнул генерала Теннара на кое-какие любопытные мысли.

— Какие же?

— Ну, я кое-что рассказал ему о системе налогообложения и особо подчеркнул тот факт, что попытки равномерного сбора налогов с населения неизбежно приводят к тому, что система становится избыточно сложной, непродуктивной и дорогостоящей. Отсюда вполне естественно следует вывод о том, что система налогообложения должна быть упрощена.

— Да, пожалуй, это имеет смысл.

— До определенной степени — да, но очень может быть, что после нашей беседы генерал Теннар может переборщить и скатиться к избыточному упрощению. Видишь ли, налогообложение при обеих крайностях порочно. Стоит чересчур усложнить систему — люди перестанут ее понимать и будут отказываться платить налоги. Стоит ее, наоборот, упростить — люди сочтут такую систему несправедливой и будут протестовать. Самый простой налог — подушный, при котором все платят поровну, но нельзя с бедного и богатого брать поровну — это очевидно.

— А это ты генералу объяснил?

— Не получилось.

— И ты думаешь, что генерал введет подушный налог?

— Думаю, он склонится к этому. Если у него возникнут подобные намерения, информация непременно просочится, и этого одного будет достаточно, чтобы народ разбушевался и правительство почувствовало себя не слишком уютно.

— Значит, ты намеренно подкинул ему эту информацию?

— Естественно.

Рейч покачал головой:

— Не понимаю я тебя, па. В личной жизни ты человек мягкий, добрый — самый обычный. И вдруг затеваешь дело, из-за которого могут начаться волнения, восстания — ведь их будут подавлять, и кто-то может даже погибнуть. Это не безболезненно, папа. Ты об этом подумал?

Селдон тяжело вздохнул.

— Да я ни о чем другом, кроме этого, не думаю, Рейч. Когда я только начинал работать над психоисторией, все это дело представлялось мне чисто научной работой. Казалось, из этого ничего не выйдет, а если и выйдет, все равно результаты нельзя будет применить на практике. Но проходят годы, десятилетия, мы узнаем все больше и больше, и возникает непреодолимое желание все-таки попробовать: что дадут полученные результаты?

— Чего ради? Ради того, чтобы погибали люди?

— Нет, ради того, чтобы погибало меньше людей, чем могло бы погибнуть. Если проведенный нами психоисторический анализ верен, то хунта больше нескольких лет не продержится, и есть несколько способов ускорить ее уход со сцены. Все не бескровные, все не безобидные. Но этот способ — уловка с налогами — должен пройти наиболее спокойно, чем какой-либо другой, повторяю — в том случае, если результаты анализа верны.

— А если нет, тогда что?

— Тогда может случиться неизвестно что. Но должна же когда-то психоистория достичь такой стадии, когда ее выводы можно будет применить на практике, а мы такой возможности ждали многие годы — такой возможности, когда мы могли бы с высокой степенью вероятности прогнозировать последствия событий, и эти последствия были бы наименее отрицательными в сравнении с другими вариантами. В каком-то смысле игра с налогами — первый настоящий психоисторический эксперимент.

— Что-то уж очень просто получается, как тебя послушаешь.

— Это иллюзия. Ты просто не представляешь, как сложна психоистория. Нет, все непросто. Время от времени к подушному налогу так или иначе прибегали на протяжении истории. И народ никогда не воспринимал его введение как большую радость, и всегда были выступления против такой системы на-

логообложения, однако протест никогда, практически никогда не приводил к низвержению правительства в резкой форме. В конце концов, правительство может обладать слишком сильной властью, а форма протеста может быть достаточно спокойной и планомерной, и в итоге народ может добиться того, что правительство пойдет на уступки и отменит налог. Если бы подушный налог был смертельно опасен, уверяю тебя, ни одно правительство никогда бы не подумало вводить его. Именно из-за того, что он почти безболезнен, к нему и прибегали время от времени. Однако ситуация на Тренторе не совсем типичная. Психоисторический анализ прослеживает значительную нестабильность общественно-политической обстановки, и поэтому введение подушного налога должно вызвать исключительно сильный протест, подавление которого должно оказаться чрезвычайно вялым.

Рейч покачал головой:

— Надеюсь, что все получится, папа, но не кажется ли тебе, что генерал возьмет и объявит во всеуслышание, что он действовал согласно указаниям психоистории, и, погружаясь на дно, утянет и тебя с собой?

— Я почти уверен, что наша беседа с ним записывалась, но если ее содержанию суждено увидеть свет, то станет ясно, что я уговаривал его повременить, выждать, покуда я не доведу анализ существующего положения вещей до конца, покуда не представлю ему отчет, а он отказался ждать.

— А мама что обо всем этом думает?

— Я с ней об этом не говорил, — ответил Селдон. — У нее теперь другие дела — очередная «охота на ведьм».

— Правда?

— Угу. Пытается выявить глубокое подполье в рядах сотрудников Проекта, деятельность которого направлена против меня, ты только представь себе! Наверное, ей кажется, что среди моих сотрудников есть немало людей, которые только и мечтают от меня избавиться. Честно говоря, — вздохнул Селдон, — один из этих людей — я сам. Мне бы очень хотелось сбросить с себя груз ответственности за Проект и всю психоисторию и переложить его на плечи других.

— По-моему, маме не дает покоя сон Ванды. Ты же знаешь, как она заботится о твоей безопасности. Клянусь, даже сон о

твоей смерти мог заставить ее броситься на поиски заговора против тебя.

— Искренне надеюсь, что никакого заговора нет и быть не может.

Отец и сын весело расхохотались.

Глава 21

В электрофизической лаборатории почему-то было заметно холоднее, чем в других помещениях. Ожидая, когда освободится сотрудница — единственная, кто работал в лаборатории, Дорс сидела и разглядывала ее.

Стройная, с тонкими чертами лица. Красивой ее назвать было нельзя — лицо очень портили узкие губы и тяжеловатый подбородок, но в карих глазах светился ум. На табличке на письменном столе горели буквы «Синда Моней».

Наконец она обернулась к Дорс и сказала:

— Прошу простить, доктор Венабили, но есть кое-какие процессы, которые нельзя прерывать даже ради жены директора.

— Я бы очень расстроилась, если бы вы бросили работу ради меня. Мне о вас говорили много хорошего.

— Это всегда приятно. Кто же меня хвалил?

— Точно не вспомню, — ответила Дорс. — Насколько я понимаю, вы одна из самых выдающихся ученых-математиков, занятых в работе над Проектом.

Синда Моней усмехнулась.

— Знаете, математики у нас числятся аристократами. Что касается меня, то я бы предпочла, чтобы меня считали выдающимся участником работы над Проектом, таким же, как и все остальные. Какая разница — математик я или нет?

— Я с вами согласна. Скажите, вы давно работаете здесь?

— Два с половиной года. До этого я закончила аспирантуру по радиационной физике в Стрилинге и параллельно проходила практику здесь.

— Видимо, вы успешно работаете в Проекте?

— Меня дважды повышали в должности, доктор Венабили.

— Скажите, были у вас какие-нибудь трудности — строго между нами, доктор Моней?

— Работа сложная, но вы, вероятно, имеете в виду личные

сложности. По крайней мере, если они и были, то это вполне естественно, как я думаю, в таком большом коллективе.

— Что это означает?

— Мелкие стычки, ссоры. Мы же все живые люди.

— Но ничего серьезного?

Моней покачала головой.

— Нет, ничего серьезного.

— Насколько мне известно, доктор Моней, — сказала Дорс, — именно вы разработали устройство, исключительно важное для работы с Главным Радиантом, с помощью которого этот прибор выдает гораздо больше информации.

Моней радостно улыбнулась.

— Так вы знаете об этом? Да, это электрофокусировщик. После того как он был разработан, профессор Селдон выделил мне эту небольшую лабораторию и назначил меня ответственной над работой в этой области.

— Я удивлена, что такой значительный успех не дал вам возможности выдвинуться в ряды элиты Проекта.

— Ну что вы... — смущенно проговорила Моней. — Это было бы несправедливо. На самом деле моя работа носила чисто технический характер, инженерный. Да, конечно, она была чрезвычайно тонкой, но тем не менее именно инженерной.

— А кто работал с вами?

— Разве вы не знаете? Тамвиль Элар. Он выдвинул идею, а я разработала и осуществила сборку устройства.

— Означает ли это, что слава изобретения досталась ему?

— Нет-нет. Вы не должны так думать. Доктор Элар вовсе не такой человек. Он честно разделил со мной права на изобретение. На самом деле он хотел, чтобы устройство носило наши имена — оба наших имени, но ему это не удалось.

— Почему?

— Таковы указания профессора Селдона. Все устройства, все формулы должны носить исключительно функциональные названия, а не имена их создателей, чтобы не было никаких обид. И поэтому разработанное нами устройство называется просто электрофокусировщиком. Правда, когда мы работаем вместе с доктором Селдоном, он называет его нашими именами, и это звучит замечательно, доктор Венабили, честно говоря. Может быть, когда-нибудь все наши изобретения получат наши имена. Я очень на это надеюсь.

— Я тоже, — вежливо кивнула Дорс. — Судя по тому, как вы говорите об Эларе, получается, что он очень милый человек.

— Да. Да, это так, — кивнула Моней. — С ним очень приятно работать. Как раз сейчас я разрабатываю новый вариант устройства — более мощный. Точно определить, для чего он предназначен, я не могу. А доктор Элар руководит моей работой.

— Есть успехи?

— О да. Я уже передала доктору Элару прототип устройства, который он собирается опробовать. Если получится, мы продолжим работу.

— Звучит неплохо, — сказала Дорс. — Скажите, доктор Моней, как вы думаете, что произойдет, если профессор Селдон решит уйти с поста главного руководителя Проекта? Если он уйдет в отставку?

Моней не смогла скрыть удивления.

— Разве профессор собирается в отставку?

— Нет, насколько я знаю. Я просто высказываю предположение. Допустим, он уйдет в отставку. Как вы думаете, кто бы мог стать его естественным преемником? Судя по тому, что вы мне рассказали, у меня создалось такое ощущение, что вы видите кандидатом на этот пост доктора Элара.

Моней растерялась, но, собравшись с мыслями, ответила:

— Да, пожалуй, это так. Из новых сотрудников вряд ли найдется более талантливый человек, и, я думаю, он мог бы лучше других возглавить работу над Проектом. Но все-таки он слишком молод. А в Проекте много ветеранов — вы понимаете меня, надеюсь, — которые не захотят работать под началом, так сказать, молодого выскочки.

— Вы имеете в виду кого-нибудь конкретно из этих самых ветеранов? Говорите откровенно, разговор у нас чисто конфиденциальный.

— Их не так много, но... доктор Амариль — он же, так сказать, законный наследник.

— Да, я понимаю, что вы имеете в виду, — кивнула Дорс. — Ну что ж, спасибо за помощь. Не стану больше отрывать вас от работы.

Дорс ушла, думая об электрофокусировщике и Юго Амариле.

Глава 22

— А, это снова ты, Дорс, — обернувшись, кивнул Юго Амариль.

— Прости, Юго. Опять я тебе надоедаю — уже второй раз на этой неделе. Обычно к тебе редко кто заходит, верно?

— Да, я не слишком большой любитель болтать с кем-либо во время работы. Отрываешься, теряешь мысль... Я не о тебе, Дорс, прости, пожалуйста. Ты и Гэри — это другое дело. Не бывает дня, чтобы я забыл о том, что вы сделали для меня.

— Не надо, Юго, — умоляюще замахала руками Дорс. — Ты столько сделал для Гэри, что уже давно оплатил долг. С лихвой оплатил. Скажи мне честно, как движется работа над Проектом? Гэри молчит, мне, по крайней мере, ничего не говорит.

Амариль закинул руки за голову. Лицо его просияло. Казалось, вопрос Дорс вдохнул в него жизненные силы.

— Ладно, расскажу. Все хорошо. Просто замечательно. Трудно, правда, рассказывать, не прибегая к математике, но за последние два года мы добились потрясающих успехов — гораздо более значительных, чем за все предыдущие годы. Словно мы блуждали вокруг да около и наконец выбрались на верную дорогу.

— Я слыхала, будто вам очень помогли новые уравнения, выведенные доктором Элароm.

— Ахаотичные уравнения? Да. Невероятно помогли.

— А также электрофокусировщик. Я недавно разговаривала с женщиной, которая его придумала.

— С Синдой Моней?

— Да.

— Она большая умница. Нам с ней здорово повезло.

— Скажи, Юго... ты почти все время работаешь с Главным Радиантом, верно?

— Да, я практически постоянно работаю с ним.

— И в работе пользуешься электрофокусировщиком?

— Конечно.

— Юго, а ты не подумывал взять отпуск?

Амариль взглянул на Дорс, подслеповато моргая.

— Отпуск? Зачем мне отпуск?

— Я спросила, потому что ты всегда выглядишь очень усталым.

— Ну бывает время от времени... Но я не хотел бы бросать работу.

— А ты не чувствуешь себя в последнее время более усталым, чем обычно?

— Пожалуй. Но годы идут, я ведь уже не мальчик, Дорс.

— Тебе всего сорок девять, Юго.

— Все равно это больше, чем раньше, верно?

— Ну ладно. Скажи мне, Юго, — я спрашиваю, чтобы сменить тему, — а как сейчас трудится Гэри? Ты так долго работаешь с ним рука об руку, что вряд ли отыщется другой, кто знает его лучше тебя. Даже я. По крайней мере, в том, что касается работы.

— Он работает как одержимый, Дорс. Я не замечаю в нем никаких перемен. Возраст как бы и не сказывается. До сих пор в Проекте нет ему равных по уму и проницательности.

— Приятно слышать. Только боюсь, сам он о себе не такого высокого мнения. Он плохо мирится со своим возрастом. Елеле заставила его согласиться на празднование юбилея. Ты, кстати, был на празднике? Что-то я тебя не видела.

— Побыл недолго. Но ты же знаешь, я на вечеринках себя не слишком уютно чувствую.

— Как ты думаешь, Гэри устал? Я не о его умственных способностях спрашиваю, а только о физическом состоянии. Скажи честно, может быть, ему уже не под силу такая тяжкая ответственность?

Амариль удивился не на шутку.

— Я и не думал об этом. Просто не могу себе представить, что Гэри устал.

— Он живой человек, Юго, и способен устать. Я так понимаю, что время от времени у него возникает желание все бросить и передать руководство Проектом кому-нибудь помоложе.

Амариль откинулся на спинку стула и положил на стол джойстик, который вертел в руке все время, пока разговаривал с Дорс.

— Что?! Это глупо! Это невероятно!

— Ты так уверен?

— Абсолютно! Он бы не задумал такого, не поговорив сначала со мной. А со мной он не говорил.

— Юго, подумай. Подумай спокойно. Гэри действительно

устал. Он старается не показывать этого, но это так. Что, если он решит уйти в отставку? Что станет с Проектом? Что будет с психоисторией?

— Ты шутишь, Дорс? — прищуриваясь, спросил Амариль.

— Нет. Просто стараюсь заглянуть в будущее.

— Безусловно, если Гэри уйдет в отставку, его пост займу я. Ведь мы вдвоем работали над Проектом много лет, задолго до того, как к работе присоединились другие. Он и я. Только мы. Никто, кроме меня, лучше не понимает, что такое Проект, — после Гэри, разумеется. Похоже, ты удивлена, Дорс? Разве я не прав?

— Нет, ни я, ни кто-либо другой не подумает оспаривать того факта, что ты — самый законный преемник на посту руководителя Проекта, но сам-то ты хочешь этого? Ты можешь все знать о психоистории, но разве тебе хочется окунуться с головой в то, о чем мы говорили в прошлый раз, — во все эти дрязги, трения, сложности, ведь тогда ты будешь вынужден отказаться в значительной мере от собственной работы. Ведь Гэри в основном устал из-за того, что ему приходится всех и вся держать в узде. Справишься ли с такой работой?

— Да, справлюсь, но говорить об этом не желаю. Послушай, Дорс, ты зачем пришла? Чтобы намекнуть, что Гэри хочет меня уволить?

— Что ты! — возмутилась Дорс. — Как ты мог подумать такое о Гэри! Разве он когда-нибудь предавал друзей?

— Ну ладно. Давай не будем об этом. Послушай, Дорс, ты меня извини, конечно, но у меня уйма работы.

Амариль резко отвернулся и склонился над столом.

— Да-да, я не буду тебе мешать.

Дорс ушла недовольная.

Глава 23

— Входи, ма, — сказал Рейч, улыбаясь. — Плацдарм пуст. Я услал Ванду и Манеллу погулять.

Дорс вошла, по привычке огляделась и села на первый попавшийся стул.

— Спасибо, сынок.

Некоторое время она сидела молча. Казалось, Империя всем своим колоссальным весом легла на ее плечи.

Рейч подождал немного и сказал:

— Мне до сих пор не удалось спросить тебя о твоем отважном вторжении на дворцовую территорию. Не у каждого есть матушка, способная на такой подвиг.

— Об этом мы не будем говорить, Рейч.

— Ну хорошо, тогда скажи.. по тебе никогда не скажешь, как ты себя чувствуешь, но сейчас такое впечатление, что ты вроде бы не в себе. Что случилось?

— Я действительно, как ты говоришь, не в себе. Настроение паршивое, поскольку я думаю об очень важных вещах, а с папой говорить о них невозможно. Он замечательный человек, но ладить с ним ужасно трудно. Его никакими силами невозможно вывести из равновесия. Начну говорить, что я волнуюсь за него, — он отмахнется и скажет, что все это из-за того, что я без всяких оснований боюсь за его жизнь и стараюсь оберегать его.

— Ма, но это правда, ты действительно чаще всего боишься за папу безосновательно. Если у тебя на уме что-нибудь страшное, то скорее всего ты ошибаешься.

— Спасибо, утешил. Ты говоришь в точности, как он, а я не могу найти себе места. Просто не знаю, что делать.

— Ну, тогда тебе надо выговориться, ма. Расскажи мне все. С самого начала.

— Все началось с Ванды.

— Ах, со сна Ванды? Ма, лучше не продолжай. Папа, будь он на моем месте, не дал бы тебе дальше говорить. Нет, ты говори, конечно. Малышке приснился сон, и ты сделала из мухи слона. Это глупо.

— Я думаю, что это был не сон, Рейч. Я думаю, то, что она приняла за сон, было на самом деле явью, и в этой яви двое мужчин разговаривали о смерти ее деда.

— Это всего-навсего твоя догадка. Как можно доказать, что это правда?

— А ты все-таки представь, что это правда. Единственное слово, которое она запомнила, кроме слова «смерть», это слово «финики». При чем тут могут быть финики? Скорее всего она слышала какое-то другое слово, оно ей было незнакомо, но по

звучанию слово напоминало слово «финики». Что это могло быть за слово?

— Ну, это уж я не знаю, — пожал плечами Рейч.

Дорс не оставила без внимания его реакцию.

— Ты, конечно, считаешь, что это плод моего больного воображения. И все же, если это окажется правдой, это может означать, что против Гэри существует заговор — прямо здесь, среди сотрудников Проекта.

— Заговор среди сотрудников Проекта? Для меня это столь же невероятно, как поиск логики в детском сне.

— Однако во всяком большом коллективе существуют свои обиды, зависть, ссоры.

— Конечно, конечно. Мы говорим друг другу обидные слова, хмуримся, злорадствуем — все, что угодно, но все это не имеет никакого отношения к желанию убить папу.

— Тут все дело в степени желания. И очень может быть, что различие крошечное, но его окажется вполне достаточно.

— Ни за что не заставишь папу поверить в это. И меня, кстати, тоже. Значит, — сказал Рейч, расхаживая по комнате, — именно этим ты занималась в последние дни — пыталась выявить так называемый заговор, да?

Дорс кивнула.

— Ничего не вышло?

Дорс опять кивнула.

— А тебе не показалось, что у тебя ничего не вышло именно потому, что никакого заговора нет и в помине?

Дорс покачала головой.

— У меня пока ничего не вышло, однако убежденность в том, что заговор существует, осталась. Я это интуитивно чувствую.

Рейч рассмеялся.

— Это как-то банально. От тебя даже странно такое слышать, ма.

— Видишь ли, есть слово, похожее на слово «финики». Это слово «физики».

— При чем тут могут быть физики?

— В Проекте работают сотрудники разного профиля. В том числе и физики.

— Ну и?..

— Допустим, — упрямо тряхнула головой Дорс, — это озна-

чает, что убить Гэри хотят с помощью одного или нескольких физиков — сотрудников Проекта. Ванда слова «физики» не знает, так почему бы ей вместо этого не услышать слово «финики», если учесть, что она их просто обожает?

— Ты хочешь сказать мне, что в личном кабинете отца находились люди... Кстати, сколько их там было?

— Ванда, вспоминая свой сон, говорит, что их было двое. У меня такое чувство, что одним из двоих был не кто иной, как полковник Хендер Линн, большая шишка в хунте, что ему был продемонстрирован в действии Главный Радиант и он с кем-то вел разговор об уничтожении Гэри.

— Мама, ты меня прости, но это звучит все более и более дико. Полковник Линн и кто-то еще разговаривали о том, чтобы убить отца, в его собственном кабинете, и при этом не заметили, что в кресле — маленькая девочка, которая могла услышать их разговор? Так у тебя получается?

— Вроде того.

— В таком случае раз речь шла о физиках, следовательно, второй человек — скорее всего математик.

— Да, мне так кажется.

— А мне кажется, что это совершенно невероятно. Даже если бы это было так, о каком математике может идти речь? Их пятьдесят человек в Проекте.

— Я не со всеми беседовала. Но с некоторыми поговорила, и кое с кем из физиков, кстати, тоже, но пока ни до чего не докопалась. Но ты же понимаешь, я не могу задавать слишком конкретные вопросы.

— Короче говоря, никто из тех, с кем ты говорила, не вызвал у тебя ощущения существования заговора?

— Нет.

— Неудивительно. Этого не произошло, потому что...

— Я знаю, что ты скажешь, Рейч. Неужели ты думаешь, что люди возьмут и в приятной беседе раскроют все карты? Я же не пытаюсь силой вытягивать показания из кого бы то ни было. Ты представляешь, что скажет отец, если я обижу кого-нибудь из его драгоценных математиков? — И вдруг совершенно другим голосом Дорс спросила: — Рейч, ты в последнее время говорил с Юго Амарилем?

— В последнее время — нет. Ты же знаешь, он не большой

любитель разговоры разговаривать. Если у него отнять психоисторию, только кожа и останется.

Дорс печально усмехнулась, представив себе созданный Рейчем образ Юго.

— А я говорила с ним на днях. Знаешь, он показался мне каким-то отрешенным. Даже не то чтобы усталым. Нет, такое впечатление, что он ничего вокруг себя не замечает.

— Да. Это Юго во всей красе.

— А тебе не кажется, что в последнее время это состояние у него прогрессирует?

Немного подумав, Рейч ответил:

— Очень может быть. Он тоже стареет, как все мы, кроме тебя, ма, конечно.

— А тебе не кажется, что он стал вести себя несколько необычно — стал неуравновешенным, что ли?

— Кто? Юго? С чего бы это ему становиться неуравновешенным? Дай ему только спокойно заниматься психоисторией, и он будет с ней возиться до конца своих дней.

— А мне так не кажется. Есть нечто, что его очень интересует, очень сильно. Вопрос о преемственности.

— Какой преемственности?

— Я намекнула, что в один прекрасный день у отца может возникнуть желание уйти в отставку, и оказалось, что у Юго нет никаких сомнений, что его преемником станет он.

— Ничего удивительного. Думаю, все согласны с тем, что Юго — законный наследник на этом посту. И отец наверняка думает так же.

— Все так, но у Юго явно пунктик на этот счет. Представляешь, он решил, что я явилась для того, чтобы намекнуть, будто Гэри хочет назначить после себя на пост руководителя не Юго, а кого-то другого. Ты можешь себе представить, чтобы кто-то такое подумал о Гэри?

— Да, это удивительно... — пробормотал Рейч и пристально посмотрел на мать. — Мама, ты собираешься сказать, что ниточка заговора, о котором ты говоришь, тянется к Юго? Что он хочет избавиться от папы и занять его место?

— Разве это абсолютно невозможно?

— Да, мама, невозможно. Если с Юго что-то не так, то это всего-навсего переутомление, и ничего больше. Глядеть на эти

бесконечные уравнения с утра до ночи — да кто хочешь сойдет с ума!

— Ты прав, — резко поднявшись со стула, кивнула Дорс.

Рейч вздрогнул.

— Ты о чем?

— О том, что ты только что сказал. Ты подсказал мне совершенно новую мысль. Потрясающе важную.

Дорс вышла уверенным шагом.

Глава 24

Дорс с укором сказала Гэри:

— Целых четыре дня ты провел в Галактической Библиотеке. Удрал, а мне ни слова. Опять ухитрился уехать без меня.

Муж и жена смотрели на голографические изображения друг друга. Гэри только что вернулся из Галактической Библиотеки, расположенной в Имперском секторе. Позвонил Дорс из своего кабинета, чтобы известить ее о том, что он уже в Стрилинге. «Даже когда она злится, — подумал Селдон, — она все равно красавица». И ему ужасно захотелось, чтобы жена оказалась рядом — настоящая жена и он мог погладить ее по щеке.

— Дорс, — откашлявшись, произнес Селдон, стараясь говорить как можно строже. — Я ездил туда не один. Со мной были несколько сотрудников, а Галактическая Библиотека для ученых — место совершенно безопасное, даже в наши неспокойные времена. Думаю, со временем мне придется бывать там все чаще и чаще.

— И ты собираешься и впредь удирать туда, не предупредив меня?

— Дорс, я не могу так жить — все время думая о смерти, как ты. Кроме того, я не хочу, чтобы ты водила меня за руку, — библиотекари этого не поймут, им будет просто смешно. Библиотекари — это не хунта. Я нуждаюсь в них, и мне не хотелось бы, чтобы они нервничали. Но я думаю, что я... то есть мы... могли бы снять квартиру поблизости от библиотеки.

Дорс нахмурилась, покачала головой и сменила тему разговора:

— Знаешь, я за последние дни пару раз поговорила с Юго.

— Замечательно. Я рад. Его обязательно надо тормошить время от времени, а то он совсем закопался в науке.

— Верно, и с ним не все в порядке. Он совершенно не похож на того Юго, который был рядом с нами все эти годы. Вялый, отрешенный, и вот что странно — его искренне, страстно волнует единственный вопрос, то есть, насколько я успела понять, его непоколебимая решимость занять твой пост после того, как ты уйдешь в отставку.

— Но это совершенно естественно, и все будет именно так, если он переживет меня.

— А ты думаешь, он тебя не переживет?

— Он, правда, на одиннадцать лет моложе меня, но в жизни всякое бывает. Никто не застрахован от случайностей.

— На самом деле ты хочешь мне сказать, что и сам видишь, что Юго в неважнецком состоянии. Он и выглядит и ведет себя так, словно старше тебя, и признаки эти появились сравнительно недавно. Он, случаем, не болен?

— Физически? Не думаю. Он, как и все сотрудники, проходит регулярные медицинские осмотры. Хотя я с тобой согласен — вид у него истощенный. Я пытался убедить его взять отпуск на пару месяцев — да хоть на целый год, если пожелает. Предлагал ему уехать куда-нибудь с Трентора, чтобы он совершенно отвлекся от работы над Проектом. Не было бы никаких проблем оплатить ему отдых на Геторине — прекрасный курорт и не слишком далеко.

Дорс нетерпеливо покачала головой:

— Не сомневаюсь, он отказался. Я ведь тоже предложила ему уйти в отпуск, а он на меня так посмотрел, словно и слова такого не знает. Наотрез отказался.

— Так что же с ним делать? — спросил Селдон.

— Давай подумаем, — предложила Дорс. — Попытаемся понять, в чем дело. Юго работает над Проектом целых двадцать лет, и до сих пор с ним все было более или менее в порядке — никаких отклонений. И вдруг ни с того ни с сего именно в последнее время он страшно ослаб. Дело не в возрасте. Ему еще пятидесяти нет.

— Ты чувствуешь, что здесь есть какая-то причина?

— Да. Скажи, как долго ты и Юго пользуетесь вашим электрофокусировщиком в работе с Главным Радиантом?

— Около двух лет, ну, может, немного дольше.

— Насколько я понимаю, электрофокусировщиком пользуются все, кто работает с Главным Радиантом?

— Верно.

— Значит, в основном Юго и ты, так?

— Так.

— Но Юго пользуется им чаще тебя?

— Да. Юго не отрывается от Главного Радианта и уравнений. Я, увы, вынужден тратить много времени на административные дела.

— А какое действие оказывает электрофокусировщик на организм человека?

Селдон удивился.

— Насколько я знаю, никакого особенного действия он не оказывает.

— В таком случае, Гэри, объясни мне кое-что. Электрофокусировщик используется в работе больше двух лет, и именно за это время ты стал сильнее уставать, стал ворчливым и раздражительным. Из-за чего?

— Просто я старею, Дорс.

— Чепуха. Кто тебе сказал, что шестьдесят лет — это старческий маразм? Ты пользуешься своим возрастом для того, чтобы брюзжать и защищаться, как неким оправданием, и я хочу, чтобы это прекратилось. А Юго, который намного моложе тебя, имеет дело с электрофокусировщиком чаще и в целом дольше, чем ты, и в результате он еще более изможден, раздражителен и неуправляем. И потом, он совершенно по-детски относится к вопросу о наследовании твоего поста. Тебе не кажется, что тут есть над чем задуматься?

— Конечно, есть над чем. Возраст и переутомление.

— Нет, не возраст и не переутомление, а электрофокусировщик. Это он вас обоих так измотал.

Немного помолчав, Селдон задумчиво проговорил:

— Доказать, что это не так, Дорс, я не могу, но не понимаю, как это может выглядеть. Электрофокусировщик — устройство, продуцирующее необычное электронное поле, но это всего-навсего поле, действию которого люди подвергаются постоянно. Оно не может нанести человеку никакого вреда... Но, как бы то ни было, мы не можем отказаться от использования этого прибора. Без него совершенно невозможно продолжать работу над Проектом.

— Хорошо, Гэри, а теперь я хочу попросить тебя кое о чем и прошу тебя помочь мне в этом. Не удаляйся из помещений Проекта никуда, не предупредив меня, и не делай ничего необычного, не поставив меня в известность. Понимаешь?

— Дорс, как я могу согласиться на такое? Ты пытаешься натянуть на меня смирительную рубашку!

— Это ненадолго. На несколько дней. Максимум на неделю.

— Но что может случиться за несколько дней и даже за неделю?

— Положись на меня, — сказала Дорс.

Глава 25

Гэри Селдон на старомодный манер известил Юго Амариля о своем приходе — постучал в дверь. Юго оглянулся.

— Гэри, как приятно тебя видеть!

— Мне следовало бы заходить почаще. В старые добрые времена мы почти не разлучались с тобой. А теперь мне приходится заботиться о сотнях людей — тут, там, везде и повсюду, и это мешает нам видеться чаще. Новости слышал?

— Какие новости?

— Хунта собирается ввести подушный налог — и немалый, кстати говоря. Завтра об этом будет объявлено по тренторвидению. Для начала налог введут на Тренторе, а во Внешних Мирах пока подождут. Это меня несколько огорчает. Я-то надеялся, что налог будет введен одновременно по всей Империи, но, очевидно, я все-таки слишком старательно призывал генерала к осторожности.

— Хватит и Трентора, — сказал Амариль. — Внешние Миры прекрасно поймут, что не сегодня-завтра дело дойдет и до них.

— Теперь остается только ждать и смотреть, что случится.

— Начнется дикий крик, как только будет передано официальное сообщение. Начнутся демонстрации — еще до того, как налог будет введен фактически.

— Ты уверен?

Амариль включил Главный Радиант и быстро нашел нужный участок.

— Сам посуди, Гэри. Уж и не знаю, как это можно интер-

претировать иначе, ведь этот прогноз сделан при наличии тех самых специфических условий, которые имеют место сейчас. Если этого не произойдет, значит, вся наша работа над психоисторией — мартышкин труд, а я отказываюсь в это верить.

— Постараюсь набраться мужества, — улыбнулся Селдон. — Юго, скажи, как ты себя чувствуешь в последнее время?

— Да нормально. Практически нормально. А ты-то сам как? До меня дошел слух, будто бы ты собрался на пенсию. Даже Дорс что-то в этом роде сказала.

— Не обращай на Дорс внимания. Она сейчас говорит все, что угодно. Ей в голову втемяшилась какая-то ерунда — будто бы Проекту грозит опасность.

— Какая опасность?

— Лучше не спрашивать. Просто пунктик какой-то, и разговаривать с ней стало совершенно невозможно.

— Видишь, как мне повезло, что я холостяк, — ухмыльнулся Амариль и спросил потише: — А если ты действительно соберешься в отставку, какие у тебя планы на будущее, Гэри?

— Ты займешь мое место. Какие у меня еще могут быть планы!

Амариль довольно улыбнулся.

Глава 26

Разговор Дорс Венабили с Тамвилем Эларом происходил в небольшом конференц-зале главного здания университета. Слушая Дорс, Элар все сильнее краснел. Наконец он не выдержал и взорвался:

— Невероятно!

Замолчав, он яростно потер подбородок, взял себя в руки и сказал:

— Не хочу вас обидеть, доктор Венабили, но ваши предположения по меньшей мере странны, и вы не правы. Да как такое возможно здесь, в нашем коллективе? Нет, ваши подозрения лишены всякого основания. Если бы все, о чем вы говорите, имело место, я бы, несомненно, знал об этом. Уверяю вас, ничего этого нет. И не думайте об этом.

— А я об этом думаю, — упрямо мотнула головой Дорс. — И у меня есть для этого все основания.

— Уж и не знаю, как сказать, чтобы вас не обидеть, доктор Венабили, — хмыкнул Элар, — но если человек достаточно изобретателен и страстно желает что-либо доказать, он найдет все причины и основания в подтверждение своим предположениям — ну или, по крайней мере, все, что он таковыми посчитает.

— Вы думаете, у меня паранойя?

— Я думаю, что ваше беспокойство о маэстро, которое я с вами полностью разделяю, преувеличено, скажем так.

Дорс помолчала, обдумывая слова Элара.

— В том, что изобретательный человек может найти доказательства своей правоты, я с вами согласна. Например, я могу выдвинуть против вас обвинения.

Элар выпучил глаза.

— Против меня? Занятно! Очень хотелось бы услышать, что же это за обвинения такие!

— Прекрасно. Услышите. Скажите, отметить юбилей Гэри — это была ваша идея, не так ли?

— Я думал об этом, не отрицаю, но и другие тоже думали. При том, что маэстро в последнее время так сокрушался о своем почтенном возрасте, желание подбодрить его было вполне естественным.

— Согласна, другие, может быть, тоже об этом думали, но вы сильнее остальных настаивали на праздновании юбилея и заразили этой идеей мою невестку. Она занялась подготовкой, а вы убедили ее в том, что празднование нужно сделать как можно более пышным. Так?

— Вот уж не знаю, оказал ли я на нее такое сильное влияние, но пусть даже так, что в этом плохого?

— В принципе, ничего, однако, устраивая столь помпезное и длительное торжество, разве мы тем самым не намекнули подозрительным и небезопасным людям из хунты на то, что Гэри — слишком популярный человек, а стало быть, угроза для них?

— Никто не поверит, что у меня на уме было что-либо подобное.

— А я пока всего-навсего высказываю предположение, — усмехнулась Дорс. — Пойдем дальше. Планируя проведение торжества, вы распорядились освободить главные помещения Проекта...

— На время. По совершенно очевидным причинам, — уточнил Элар.

— ...и настояли, чтобы временно туда никто не заходил. Никто не работал — один только Юго Амариль.

— Не думаю, чтобы маэстро был недоволен тем, что перед его юбилеем сотрудники немного передохнули. Безусловно, и вы на это не можете пожаловаться.

— Я говорю о том, что в пустых кабинетах очень удобно вести секретные переговоры. Ведь кабинеты надежно экранированы.

— А я вел там переговоры — с вашей невесткой, торговцами, дизайнерами — да с кем только я не говорил. Это было совершенно необходимо или вы так не считаете?

— Что, если один из тех, с кем вы вели переговоры, был членом хунты?

Элар так посмотрел на Дорс, словно она дала ему пощечину.

— Это неправда, доктор Венабили. За кого вы меня принимаете?

Дорс не дала ему прямого ответа.

— Вы, — сказала она, — обратились к доктору Селдону с предложением заменить его во время предстоящей встречи с генералом Теннаром — вы очень старались убедить его в том, как это благоразумно с вашей стороны и как рискованно для него. В результате доктор Селдон принялся отстаивать свое желание лично увидеться с генералом, что можно истолковать таким образом: вы именно этого и добивались.

Элар издал короткий нервный смешок.

— Ей-богу, при всем уважении к вам, доктор Венабили, это здорово смахивает на параноидальные явления.

Дорс не отступала.

— А затем, после вечеринки именно вы предложили не отпускать доктора Селдона одного, а отправиться с ним целой компанией и остановиться в отеле «На краю Купола», верно?

— Да, и я помню, что вы сказали, какая это отличная мысль.

— А не могло ли это быть задумано для того, чтобы раздразнить хунту, лишний раз продемонстрировав им популярность Гэри? Не могло ли это быть задумано для того, чтобы у меня возникло искушение прорваться на дворцовую территорию?

— Что, я смог бы вас остановить? — сердито спросил Элар. — Это вы сами решили.

Дорс не обратила на его слова никакого внимания и продолжала:

— И, конечно же, вы надеялись, что мое вторжение на дворцовую территорию еще сильнее настроит хунту против Гэри.

— Но зачем, доктор Венабили? Зачем мне все это нужно?

— Можно предположить, что затем, чтобы избавиться от доктора Селдона и занять его место руководителя Проекта.

— Да как вам такое в голову пришло! Не могу поверить, что вы говорите серьезно. Вы просто-напросто продолжаете заниматься тем, о чем сказали вначале, — показываете мне, чего может добиться изобретательный ум при желании раздобыть так называемые доказательства.

— Хорошо, поговорим о другом. Я сказала, что у вас была возможность использовать опустевшие помещения для личных переговоров и, может быть, вы беседовали там с одним из членов хунты.

— Смешно слушать.

— Однако вас подслушали. В кабинет вошла маленькая девочка, уселась там в кресло так, что ее не было видно, и подслушала ваш разговор.

Элар нахмурился.

— И что же она услышала?

— Она рассказала, что двое мужчин разговаривали о смерти. Она всего лишь ребенок и не запомнила разговора в точности, но два слова врезались ей в память — «смерть» и «финики».

— Простите меня, но теперь вы перешли от фантазий к безумию. При чем тут «финики» и какое я к этому имею отношение?

— Первой моей мыслью было принять ее рассказ буквально. Девочка, о которой я говорю, без ума от фиников, а их на праздничном столе было невероятное количество. Слава богу, они оказались не отравленными.

— Спасибо, утешили.

— Потом я поняла, что на самом деле девочка слышала какое-то другое слово, но поскольку она не поняла его, то оно для нее превратилось в любимые «финики».

— И вы изобрели это самое слово? — фыркнул Элар.

— Скорее всего это было слово «физики».

— Ну и что?

— Получается, что покушение на жизнь Гэри должны были совершить физики — сотрудники Проекта.

Дорс замолчала и нахмурилась. Рука ее непроизвольно легла на грудь.

Элар заботливо поинтересовался:

— Вам плохо, доктор Венабили?

— Нет, — ответила Дорс и поежилась.

Некоторое время она молчала. Элар прокашлялся. Придав лицу скучающее выражение, он сказал:

— Ваши мысли, доктор Венабили, кажутся мне все более и более нелепыми, и... простите, я не хочу вас обидеть, но я устал. Может быть, прекратим этот разговор?

— Мы уже почти закончили, доктор Элар. Да, может быть, действительно «физики» — это не намного умнее, чем «финики». Я это тоже поняла... Скажите, вы ведь принимали участие в разработке электрофокусировщика, верно? Он в некоторой степени ваше произведение?

Элар приосанился и с нескрываемой гордостью ответил:

— Да, именно мое.

— Но не только ваше. Как я понимаю, заслуга конструирования прибора принадлежит Синде Моней?

— Она инженер. Она всего-навсего действовала согласно моим указаниям. Чистой воды исполнитель.

— Исполнитель, согласна. *Физик.* Электрофокусировщик — прибор, собранный *физиком.*

Подавив раздражение, Элар процедил сквозь зубы:

— О боже!.. Может быть, мы все-таки прекратим эту бесполезную беседу?

А Дорс гнула свое, словно и не слышала Элара:

— Сейчас вы отказываетесь признать заслугу Синды в создании этого прибора, но тем не менее ей лично вы в похвалах не отказывали — для того, чтобы она работала с энтузиазмом, вероятно. Она сказала, что вы высоко оценили ее вклад в создание прибора, и она вам за это невероятно благодарна. Она сказала, что вы даже назвали прибор своим и ее именами, хотя это не его официальное название.

— Конечно, нет. Это просто электрофокусировщик.

— А еще она сказала, что она продолжает работу над модернизацией прибора — разработкой усилителей и так далее — и

что вам уже передан для апробирования прототип улучшенной модели.

— При чем здесь все это?

— При том, что с тех пор, как доктор Селдон и доктор Амариль работают с электрофокусировщиком, оба стали чувствовать себя намного хуже. Юго, который работает с прибором чаще и больше, больше и пострадал.

— Но электрофокусировщик не может нанести человеку никакого вреда!

Дорс прижала ладонь ко лбу и вздрогнула.

— Теперь, — продолжала она, — у вас есть более мощный электрофокусировщик, который может нанести больше вреда, который может убивать быстро, а не медленно, как предыдущая модель.

— Несусветная чушь!

— Итак, этот самый прибор, детище физики и физика, может быть использован как орудие убийства, в применении которого никого не заподозрят: несчастный случай при пользовании новым устройством, недостаточно тщательно проверенным, — вот и все. Вот вам и «финики», доктор Элар, — сказала Дорс и, поморщившись, судорожно схватилась за бок.

— Вам нехорошо, доктор Венабили? — негромко спросил Элар.

— Нет, все в порядке. Так я права?

— Послушайте, совершенно не имеет значения все, что вы мне тут наговорили. Мало ли что могло послышаться ребенку? Значит, все сводится к тому, что электрофокусировщик может стать орудием убийства? Пожалуйста, тащите меня в суд, собирайте экспертную комиссию, пусть проверят электрофокусировщик, пускай возьмут даже новую модель, копаются в ней и выясняют воздействие прибора на человеческий организм. Никакого вреда не обнаружат.

— Не верю... — пробормотала Дорс, прижав обе руки ко лбу и закрыв глаза.

У нее закружилась голова, и она слегка покачнулась.

— Вам явно нехорошо, доктор Венабили, — сказал Элар. — А теперь моя очередь говорить. Позволите?

Дорс открыла глаза, но не смогла вымолвить ни слова.

— Приму ваше молчание как знак согласия, доктор. Что толку было бы для меня избавляться от доктора Селдона и док-

тора Амариля в мечте занять пост руководителя Проекта? Вы бы предотвратили любую попытку покушения — как вам кажется, именно этим вы сейчас и занимаетесь. В том невероятном случае, если бы мне это удалось, вы бы меня на куски разорвали. Вы очень необычная женщина — такая сильная, такая быстрая, и покуда вы живы, маэстро ничто не грозит.

— Да! — сверкнула глазами Дорс.

— Я так и сказал людям из хунты. Да, я с ними разговаривал. Почему бы им и не спросить у меня насчет того, как обстоят дела с Проектом? Они очень интересуются психоисторией, и это закономерно. Они, правда, никак не могли поверить тому, что я им рассказал о вас. Только тогда поверили, когда сами убедились во всем во время вашего прорыва на дворцовую территорию. Это их убедило, уверяю вас, и они согласились с моим планом.

— Ага! Вот мы и добрались до правды... — устало пробормотала Дорс.

— Я сказал вам, что электрофокусировщик не может нанести вред человеку. Так оно и есть. Амариль и ваш драгоценный Гэри просто-напросто *стареют*, хотя вам и противно с этим мириться. И что же? Они в порядке — это обычные *люди*. Электромагнитное поле не оказывает никакого ощутимого влияния на органические ткани. Но, безусловно, оно может отрицательно влиять на чувствительные к такому полю приборы, и если мы попробуем представить себе человека, состоящего из металла и электронных схем, то на такого человека электромагнитное поле, без сомнения, окажет отрицательное действие. О таких искусственных человеческих существах повествуют легенды. Микогенцы на основании этих легенд создали свою религию и называют этих существ «роботами». Если представить себе, что роботы существуют, то они должны быть сильнее людей, отличаться более быстрой реакцией, то есть обладать именно такими качествами, которыми блещете вы, доктор Венабили. И такого робота на самом деле можно было бы даже полностью вывести из строя с помощью интенсивного варианта электрофокусировщика — как раз такого, какой у меня здесь и который работает на низкой частоте с тех самых пор, как мы начали разговор. Вот почему вы себя неважно чувствуете, доктор Венабили, и такое с вами происходит впервые за время вашего существования, я уверен.

Дорс ничего не сказала и откинулась на спинку стула.

Элар самодовольно улыбнулся.

— Несомненно, если вы будете выведены из строя и игры, никаких проблем с маэстро и Амарилем не будет. Без вас маэстро быстро угаснет, впадет в тоску и скоренько уйдет в отставку, а там и до могилы недалеко. Амариль — сущее дитя. Скорее всего ни того, ни другого убивать в прямом смысле не придется. Ну, доктор Венабили, каково вам чувствовать себя разоблаченной? Подумать только, сколько лет вам удавалось скрывать, кто вы на самом деле! Просто удивительно, как это до сих пор никто не догадался. Но, в конце концов, я блестящий математик — наблюдаю, думаю, делаю выводы. Но даже я не додумался бы до правды, если бы не ваша фанатичная преданность маэстро да те вспышки, когда в вас просыпалась поистине нечеловеческая сила — в тех случаях, когда *ему* грозила опасность.

Давайте попрощаемся, доктор Венабили. Мне осталось только включить прибор на полную мощность. Вы были историком, а станете *историей*.

Но Дорс, собрав все силы, медленно поднялась со стула.

— Защищаться я еще могу. Ты меня недооценил! — прошептала она и с криком бросилась на Элара.

Элар, выпучив глаза, вскрикнул и отскочил назад.

Но Дорс уже настигла его и занесла руку для удара. Ребром ладони она стукнула Элара по шее. Раздался хруст позвонков, и Элар рухнул на пол замертво.

Дорс с трудом выпрямилась и побрела к двери. Нужно было найти Гэри. Нужно было обязательно успеть все ему рассказать!

Глава 27

Гэри Селдон в страхе вскочил на ноги. Он никогда не видел Дорс в таком виде: с перекошенным лицом, сгорбленная, она шла, шатаясь как пьяная.

— Дорс! Что случилось? Что?!

Гэри подбежал к жене, обнял ее за талию, и она безжизненно повисла у него на руках. Селдон поднял Дорс (весила она больше, чем обычная женщина ее комплекции, но Селдон был

так взволнован, что не заметил этого) и положил ее на кушетку.

— Что случилось, дорогая?

Дорс рассказала все, тяжело, прерывисто дыша. Селдон слушал, гладя ее волосы. Верилось с трудом, и чувства смешались, но он пытался заставить себя верить.

— Элар мертв, — прошептала Дорс. — Я все-таки убила человека... Впервые... Это еще хуже...

— Ты сильно пострадала, Дорс?

— Сильно... Элар включил свой прибор... успел включить... на полную мощность... прежде чем я настигла его.

— Все можно поправить, починить.

— Как? На Тренторе никто не знает, как это сделать. Мне нужен Дэниел...

Дэниел Демерзель. В глубине души Гэри всегда подозревал, что такое возможно. Его друг, робот, дал ему защитницу, тоже робота, для того, чтобы психоистория и академия, существующие пока только в мечтах, не погибли и, словно брошенные в почву семена, пустили в ней корни. Все было ничего, но Гэри ухитрился влюбиться в свою защитницу — *робота*. Теперь все обретало смысл. Теперь появились ответы на все вопросы, разрешились все сомнения. Но все это ровным счетом ничего не значило, не имело смысла. Смысл сейчас имело одно — Дорс.

— Нет, — хрипло проговорил Селдон. — Это не должно случиться.

— Должно... — пробормотала Дорс, широко раскрыла глаза и пристально посмотрела на Селдона. — Должно... Хотела спасти тебя, но не смогла... самого главного не смогла... Кто же теперь будет защищать тебя?

Селдон плохо видел лицо любимой. Что-то случилось с глазами.

— Не волнуйся за меня, Дорс. Это тебя надо... Это ты...

— Нет. Тебя, Гэри. Скажи Манелле... скажи ей, что я... простила ее. У нее получилось лучше... Объясни все Ванде. Ты и Рейч... берегите друг друга...

— Нет, нет, нет! — как в бреду повторял Селдон, раскачиваясь из стороны в сторону. — Ты не сделаешь этого! Держись, Дорс. Пожалуйста, любимая, прошу тебя!

Дорс вяло покачала головой и вымученно улыбнулась.

— Прощай, Гэри, любовь моя. Никогда не забуду... всего, что ты сделал для меня.

— Я ничего, ничего для тебя не сделал!

— Ты... любил меня, и твоя любовь сделала меня... человеком.

Глаза Дорс остались открытыми, но все было кончено.

В это самое время дверь в кабинет Селдона распахнулась и вбежал запыхавшийся Амариль.

— Гэри, начались демонстрации и восстания, гораздо скорее, чем мы ожида...

Запнувшись на полуслове, он ошеломленно посмотрел на Селдона, перевел взгляд на безжизненное тело Дорс и прошептал:

— Что случилось?

Селдон посмотрел на него измученными, полубезумными глазами.

— Восстания! Какое мне дело теперь до восстаний! Какое мне дело теперь до *всего на свете*!

Часть IV
ВАНДА СЕЛДОН

Селдон, Ванда. ...На склоне лет самой большой привязанностью Селдона стала его внучка Ванда. Осиротев в юности, Ванда Селдон, став взрослой, посвятила свою жизнь психоистории и стала сотрудницей Проекта, заняв место Юго Амариля.

Суть работы Ванды Селдон большей частью остается загадкой, поскольку работала она в основном в одиночку. Единственными, кто имел доступ к исследованиям, проводимым Вандой, был сам Гэри Селдон и молодой человек по имени Стеттин Пальвер, чей потомок, Прим Пальвер, четыреста лет спустя внес неоценимый вклад в дело возрождения Трентора из руин после «Великого Опустошения» (300 г. а.э.)...

Несмотря на то что досконально оценить вклад Ванды Селдон в создание Академии крайне затруднительно, несомненно, он был необычайно велик...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Глава 1

Гэри Селдон, слегка прихрамывая, вошел в Галактическую Библиотеку и направился туда, где выстроились ряды скиттеров — небольших самодвижущихся тележек. С помощью этих транспортных средств можно было быстрее перемещаться по длиннющим коридорам Библиотеки.

Однако по пути внимание его привлекли к себе трое мужчин, устроившихся в галактографической кабине и наблюдавших трехмерное изображение Галактики. Изображение медленно вращалось, имитируя перемещение звездных систем вокруг центра.

Оттуда, где остановился Селдон, он видел, что отдаленная провинция Анакреон высвечена красными огоньками. Про-

винция была расположена на краю Галактики и занимала довольно обширное пространство, но звезд в ней было немного. Анакреон не блистал ни высоким уровнем жизни, ни какими-либо необычайными достижениями в области культуры. Пожалуй, интереснее всего было то, что он находился на громадном расстоянии от Трентора — десять тысяч парсеков.

Селдон, повинуясь безотчетному интересу, уселся у ближайшего компьютера и настроил его на свободный поиск информации. Он интуитивно почувствовал, что столь пристальный интерес к Анакреону обязательно должен был носить политическую окраску — географические координаты этой провинции делали ее самым шатким миром из всех, которые пытался удержать в Империи нынешний правящий режим. Селдон смотрел на экран компьютера, но напряженно прислушивался к разговору троих мужчин. В Библиотеке редко происходили политические дискуссии. Если на то пошло, их здесь не приветствовали.

Ни один из троих Селдону знаком не был, и это вовсе не удивительно. Библиотеку посещали немногие завсегдатаи, и почти всех Селдон знал в лицо, а с некоторыми был даже знаком лично, но залы были открыты для всех граждан Трентора. Никаких особых затруднений для того, чтобы попасть в Библиотеку, не возникало — но, конечно, на ограниченное время. Селдон был из числа тех избранных, кому было позволено, так сказать, «копаться» в Библиотеке, он исключительно ценил возможность трудиться в отдельном кабинете, а также иметь доступ ко всем хранилищам и оборудованию.

Один из троих, которого Селдон про себя окрестил Крючконосым (не без причины), негромко, но торопливо проговорил:

— Ерунда. Не смогут же они торчать там вечно, а как только уберутся восвояси, все станет на свои места.

Селдон понял, о чем речь. Всего три дня назад по тренторвидению было передано сообщение о том, что правительство Империи решило предпринять демонстрацию силы, дабы призвать к порядку зарвавшегося губернатора Анакреона. Проведенный Селдоном психоисторический анализ ситуации показал, что мероприятие это абсолютно бесполезно, но правительство, оскорбленное в лучших чувствах, не пожелало прислушаться к его совету. Теперь от слов Крючконосого Селдон печально усмех-

нулся — молодой человек говорил его словами, но при этом не пользовался выкладками психоистории.

А Крючконосый тем временем продолжал:

— А если плюнуть на Анакреон, что мы теряем? Он все равно останется на своем месте, там, где всегда был, — на самом краю Империи. Не может же он собрать вещички и удрать к Андромеде, верно? Значит, ему все равно придется торговать с нами, а стало быть, жизнь продолжается. Какая разница, поклоняются они Императору или нет? Никакой.

Второй мужчина — этого Селдон окрестил Лысым, также не без причины, сказал:

— Может, и так, только все это как бы не само по себе происходит. Отпочкуется Анакреон — следом за ним посыплются другие дальние провинции. Империя развалится.

— Ну и что? — яростно прошептал Крючконосый. — Империя все равно не в состоянии существовать дальше в таком виде. Она слишком велика. Так пусть Внешние Миры катятся куда подальше — легче будет с Внутренними управиться. Пусть пограничные провинции перестанут принадлежать нам политически, экономически они все равно останутся нашими.

— Было бы неплохо, — сказал третий, которому Селдон дал кличку Краснощекий, — если бы ты был прав, но боюсь, так не получится. Если пограничные провинции обретут независимость, они первым делом попытаются усилить свою власть и влияние за счет ближайших соседей. Начнется война, вспыхнут конфликты, каждый губернатор примется мечтать стать Императором. Все станет так, как во времена до создания Тренторианского Королевства — мрачные века, тянувшиеся тысячи лет.

Лысый возразил:

— Уверен, все будет не так уж плохо. Империя, может, и развалится, но быстро придет в себя, когда люди поймут, что развал означает войну и нищету. Тогда все вспомнят о золотых днях, когда Империя была едина, и все вернется на круги своя. Мы же не варвары какие-нибудь. Что-нибудь придумаем, выкрутимся.

— Точно, — согласился Крючконосый. — Не будем забывать о том, что Империя сталкивалась с кризисами всю свою историю, но всякий раз выкарабкивалась.

Но Краснощекий покачал головой и сказал:

— Это не просто очередной кризис. Сейчас все гораздо хуже. Процесс длится уже не первое столетие. За время десятилетнего правления хунты экономика разрушена, а с тех пор как хунта убралась со сцены и воцарился наш новый Император, Империя так ослабла, что периферийным губернаторам даже пальцем шевелить не придется. Пограничные провинции отвалятся, так сказать, за счет собственного веса.

— Но верность Императору... — упорствовал Крючконосый.

— Какая верность? — фыркнул Краснощекий. — После покушения на Клеона мы вон сколько лет подряд обходились без всякого Императора, и никому это особенно не мешало. А нынешний и вообще марионетка. На что он способен? Да и не только он. Так что это не кризис. Это конец.

Остальные двое хмуро смотрели на Краснощекого. Лысый сказал:

— Да ты, похоже, и впрямь так думаешь! Что же, по-твоему, правительство Империи будет сидеть сложа руки?

— Да! Оно, как и вы двое, не станет верить, что все так, а не иначе. То есть не станет верить до тех пор, пока не будет слишком поздно.

— Ну а если бы правительство, допустим, поверило, как ты думаешь, чего от него ждать? — спросил Лысый.

Краснощекий задумчиво посмотрел на галактограф, словно мог там найти ответ.

— Не знаю... Послушай, настанет день, и я умру, а на мой век порядка хватит. Может, потом и хуже станет, так пусть другие себе головы ломают, меня-то уже не будет. Старые добрые времена прикажут долго жить. Может, и навсегда. Кстати, не я один так думаю. Слыхал про такого — Гэри Селдона?

— Естественно, — с готовностью откликнулся Крючконосый. — Не он ли был премьер-министром при Клеоне?

— Он, — кивнул Краснощекий. — Он вроде бы ученый. Пару месяцев назад передавали его интервью, и я был приятно обрадован тем, что не я один думаю, что Империя разваливается. Он сказал...

— Он сказал, — прервал его Лысый, — что все полетит к чертям и мрачным векам конца не будет?

— Ну нет, — покачал головой Краснощекий. — Он человек осторожный. Он сказал, что такое *возможно*. Но он ошибается. Такое *произойдет*.

Селдон решил, что пора вмешаться. Прихрамывая, он подошел к столу, вокруг которого сидела троица, и опустил руку на плечо Краснощекого.

— Сэр, — сказал Селдон, — можно поговорить с вами несколько минут?

Краснощекий вздрогнул, глянул на Селдона снизу вверх и удивленно спросил:

— Ба, а вы случайно не профессор Селдон?

— Случайно да, — усмехнулся Селдон и показал Краснощекому пропуск в Библиотеку, на котором была его фотография. — Мне хотелось бы пообщаться с вами. Послезавтра, в четыре тридцать пополудни, в моем библиотечном кабинете. Устроит?

— Я буду на работе вообще-то.

— Скажитесь больным, коли на то пошло. Это очень важно.

— Честно говоря, не знаю, сэр...

— Постарайтесь. Будут трудности — я улажу. А сейчас, джентльмены, если не возражаете, мне бы хотелось немного поработать с моделью Галактики. Давненько не доводилось.

Все трое оторопело кивнули, явно обескураженные встречей с бывшим премьер-министром. Вскоре друг за другом троица покинула нишу, а Селдон устроился у пульта управления моделью Галактики.

Селдон протянул руку, нажал на кнопку, и красные огоньки, обозначавшие провинцию Анакреон, исчезли. Галактика стала похожа на светящуюся линзу, в центре которой выделялась более яркая сфера, за которой находилась черная дыра.

Отдельные звезды без увеличения видны не были, да и в этом случае можно было вычленить только тот или иной участок Галактики, а Селдону хотелось видеть всю Галактику целиком — всю умирающую Империю.

Он нажал еще одну кнопку, и модель Галактики осветилась золотистым огоньком. Это были обитаемые планеты — двадцать пять миллионов. На фоне рассеянного тумана на краях Галактики золотистые точки были редки, но ближе к центру сливались и образовывали некое подобие кольца вокруг центра (конечно, при увеличении и здесь стали бы видны отдельные звезды). Сфера в центре осталась белой — естественно, ведь там не было и не могло быть обитаемых планет, в этом средоточии энергетических вихрей.

Селдон нажал еще одну кнопку. Золотистые огоньки исчезли, а небольшая область Галактики озарилась синим цветом. Это были Трентор и миры, непосредственно от него зависящие. Эта область была расположена очень близко к центру Галактики, но все же не так близко, чтобы испытывать на себе смертоносное воздействие ядра, и все-таки, хотя это фактически было не так, про Трентор всегда говорили, что он находится в центре Галактики. Трентор был невелик по сравнению с громадиной Галактики, но именно он сосредоточил в себе высшие достижения культуры, науки, стал символом процветания и власти, дотоле неведомых человечеству.

Но даже Трентор был обречен.

Троица, выстроившаяся за спиной Селдона, казалось, прочла его мысли. Лысый негромко спросил:

— Империя действительно погибнет?

Селдон еще тише ответил:

— Может погибнуть. Может. Все, что угодно, может случиться.

Он встал, улыбнулся всем троим и ушел, но в мозгу у него билась тревожная, неотвязная мысль: «Погибнет! Погибнет!»

Глава 2

Вздохнув, Селдон забрался в один из скиттеров, рядами выстроившихся в глубокой нише. Всего несколько лет назад он обожал пройтись быстрым шагом по коридорам Библиотеки и радовался — вот, дескать, мне уже больше шестидесяти, а я еще молодцом!

Теперь ему было семьдесят, ноги плохо слушались его, и приходилось пользоваться скиттером. Те, кто помоложе, тоже не брезговали скиттерами, но исключительно для экономии времени, а Селдон без скиттера просто не смог бы обойтись.

Выведя скиттер из ниши, Селдон нажал кнопку на панели управления, и скиттер приподнялся над полом и тронулся вперед — мягко, плавно и бесшумно. Селдон откинулся на спинку мягкого сиденья, глядя на проплывавшие мимо стены, скользящие навстречу скиттеру, и немногочисленных посетителей, идущих пешком.

На пути Селдону встретились несколько библиотекарей, и

он приветствовал их улыбкой. Гильдия библиотекарей была старейшей в Империи, хранила древние традиции и руководствовалась принципами столетней, а то и тысячелетней давности.

Одеты библиотекари были в просторные снежно-белые одеяния, напоминавшие балахоны.

На Тренторе, как и во всех остальных мирах, существовало определенное отношение к тому, следует ли мужчинам бриться или оставлять какую-то растительность на лице. Коренные тренторианцы — по крайней мере, жители большинства секторов планеты — не носили ни усов, ни бород, и, насколько знал Селдон, такой порядок был заведен веками. Исключение составляли, пожалуй, только далийцы, ни за что на свете не соглашавшиеся расстаться с пышными усами.

А вот библиотекари тем не менее издавна носили бороды. У каждого из них была короткая ухоженная бородка от уха до уха, но усов не было. Одного этого было достаточно, чтобы библиотекари выглядели отлично от остальных, и Селдон, будучи гладко выбритым, чувствовал себя в их обществе белой вороной.

Но, безусловно, больше всего бросались в глаза шапочки библиотекарей. Шапочки были скроены в форме квадрата, углы которого на макушке скреплялись пуговицей, и были самых разных цветов. Тому, кто был знаком с уставом гильдии библиотекарей, было легко по цвету шапочки определить, сколько лет прослужил тот или иной библиотекарь, в какой области он специализируется, каково его служебное положение и так далее и тому подобное. Шапочки вносили незыблемый порядок в иерархическую структуру гильдии. Стоило одному библиотекарю взглянуть на другого, и он сразу понимал, с какой степенью уважения или, наоборот, снисходительности отнестись к коллеге.

Галактическая Библиотека была самым большим зданием на Тренторе (а вероятно, и во всей Галактике), превосходя размерами даже Императорский Дворец. Некогда она блистала и искрилась, гордясь своим могуществом и славой. Однако, как и вся Империя, Библиотека не избежала печальной участи — она тоже старилась и увядала и теперь стала подобна богатой старухе, носившей на морщинистой шее те самые бриллианты, что украшали ее в молодости.

Скиттер остановился около двери, обрамленной затейливой резьбой, — кабинета Главного Библиотекаря. Селдон встал и вышел из машины.

Лас Зенов встретил Селдона улыбкой.

— Прошу пожаловать, мой друг, — проговорил он писклявым голосом. Селдон порой гадал, уж не пел ли он в молодости тенором, но спросить не решался. Главный Библиотекарь всегда держался так надменно, что такой вопрос мог бы показаться ему оскорблением.

— Приветствую вас, — сказал Селдон.

У Зенова была седая борода — почти наполовину белая. Голову Главного Библиотекаря украшала белая шапочка. Почему белая — это Селдону было понятно без вопросов. Полное отсутствие цвета означало высшее положение в библиотечной иерархии.

Зенов довольно потер руки.

— Я просил вас зайти ко мне, Гэри, потому что у меня для вас хорошие новости. Мы таки нашли ее!

— Под «ней», Лас, вы имеете в виду...

— Подходящую планету! Вы просили поискать планету, которая была бы расположена подальше от Трентора, — сказал Зенов, довольно улыбаясь. — Правильно сделали, что обратились к нам, Гэри. Библиотека может все.

— Я и не сомневался, Лас. Расскажите же мне об этой планете.

— Хорошо, но для начала я покажу вам, где она находится.

Часть стены кабинета отъехала в сторону, свет погас, и на экране возникла трехмерная модель Галактики, медленно вращающейся вокруг своей невидимой оси. Красной линией на этой модели была обведена граница провинции Анакреон — Селдон готов был поклясться, что это не случайно.

И вдруг на самом дальнем краю провинции загорелась синяя точка.

— Вот она, — сказал Зенов. — Идеальная планета. Размеры приличные, воды достаточно, прекрасно насыщенная кислородом атмосфера и, естественно, растительность имеется. Богатая водная фауна. Только бери, как говорится. Не потребуется никакого переустройства и установки системы искусственного климата, по крайней мере, пока там не появится многочисленное население.

— Планета не заселена, Зенов? — спросил Селдон.

— Абсолютно необитаема. Ни души.

— Но почему — если она так удобна для жизни? Полагаю, раз вы смогли получить столь подробную информацию, наверняка планету в свое время кто-то обследовал. Почему же она не была колонизирована?

— Ее действительно обследовали, но посылали туда только исследовательскую технику, без людей. А не колонизировали, по всей вероятности, потому, что она расположена так далеко откуда бы то ни было. Планета обращается вокруг звезды, отстоящей от центральной черной дыры дальше, чем любое из солнц, согревающих любую из обитаемых планет. Так что это слишком далеко для потенциальных колонистов, но для вас будет в самый раз. Вы же сказали: «Чем дальше, тем лучше».

— Да, — кивнул Селдон. — Я и теперь так говорю. У нее есть название или всего лишь какая-то комбинация букв и цифр?

— Хотите — верьте, хотите — нет, но название у нее есть. Те, кто посылал туда в свое время технику, назвали ее Терминус — это древнее слово, означающее «конец линии». Так оно, по сути, и есть.

— Планета входит в провинцию Анакреон? — поинтересовался Селдон.

— Нет, — покачал головой Зенов. — Если приглядитесь повнимательнее, то заметите, что синяя точка — Терминус — лежит чуть дальше границы Анакреона, на самом деле расстояние до границы составляет пятьдесят световых лет. Терминус не принадлежит никому. Он даже не является составной единицей Империи, если на то пошло.

— Значит, вы правы, Лас. Похоже, это действительно та самая идеальная планета, которую мы ищем.

— А я вам что говорил? — довольно улыбнулся Зенов. — Но, боюсь, стоит вам оккупировать Терминус, как губернатор Анакреона объявит его принадлежащим к своей юрисдикции.

— Это не исключено, — согласно кивнул Селдон. — Но с этим разберемся в свое время.

Зенов снова потер руки.

— Какой все-таки восхитительный проект! Обосноваться в нетронутом, девственном мире, отдаленном, изолированном, для того, чтобы затем год за годом, десятилетие за десятилетием заниматься составлением колоссального вместилища знаний, выработанных человечеством, — Энциклопедии, ее несравненно более грандиозного варианта, чем тот, что имеется в нашей Библиотеке. Эх, будь я помоложе, я бы с радостью участвовал в этой экспедиции!

Селдон грустно вздохнул.

— А ведь вы на целых двадцать лет моложе меня.

«Теперь редко отыщешь того, кто не был бы моложе меня», — с тоской подумал он.

— О да, — улыбнулся Зенов. — Я слыхал, вы только что отпраздновали семидесятилетие. Надеюсь, хорошо повеселились?

— Я не праздную своих дней рождения, — нахмурился Селдон.

— Правда? Но ведь праздновали раньше? Я помню эту знаменитую историю с вашим шестидесятилетием.

Селдону стало больно — так больно, словно самая большая в его жизни утрата постигла его только вчера.

— Прошу вас, не надо об этом, — попросил он Зенова.

Зенов смутился.

— Простите. Поговорим о чем-нибудь другом... Так вот, если Терминус действительно та планета, которая вам нужна, видимо, вам стоит удвоить усилия по подготовке энциклопедического проекта. Библиотека готова помочь вам, чем только сумеет.

— Я это знаю, Лас, и бесконечно благодарен вам. Мы действительно засучим рукава.

Он встал, но улыбнуться не сумел — так горько ему было от нечаянного напоминания о праздновании его дня рождения десять лет назад.

— Ну, я пойду, — сказал он. — Займусь своими делами.

Уходя, он ощутил угрызения совести. Вечно приходилось всех обманывать. Лас Зенов и понятия не имел о том, каковы были истинные планы Селдона.

Глава 3

Гэри Селдон вошел в удобный кабинет, в котором последние несколько лет работал, посещая Галактическую Библиотеку. Здесь, как и во всех остальных помещениях Библиотеки, чувст-

вовался налет распада, что-то вроде накопившейся усталости — может быть, нечто сродни состоянию любой вещи, слишком долго стоящей на одном месте. И тем не менее Селдон знал, что все здесь может остаться по-прежнему еще много веков, а при условии вдумчивого переустройства — и тысячи лет.

Как же он здесь оказался?

Снова и снова он вспоминал прошедшее, пробегал мысленным взором свою жизнь. Конечно, это было связано со старостью. В прошлом у него осталось гораздо больше, чем ожидало в будущем, и потому разум безотчетно отворачивался от призрачного света, мерцающего впереди, и упорно возвращался назад — к тому, что уже прошло.

Однако из этого правила было исключение. Прошло больше тридцати лет, а за это время и психоистория наконец выбралась на прямую дорогу. Да, прогресс хоть со скрипом, но двигался все-таки вперед. А шесть лет назад произошел совершенно неожиданный поворот событий.

Селдон точно знал, как все соединилось и почему это стало возможно.

Дело, несомненно, заключалось в Ванде, внучке Селдона. Гэри закрыл глаза и углубился в воспоминания о событиях шестилетней давности.

Ванде тогда было двенадцать, и настроение у нее было печальное. У Манеллы родился еще один ребенок — крошка Беллис, и она целиком погрузилась в уход за младенцем.

Отец Ванды, Рейч, закончив наконец свою книгу, посвященную родине — сектору Даль, — добился небольшого успеха и на короткое время стал чем-то вроде знаменитости. Его пригласили почитать лекции в связи с выходом книги, и он с готовностью согласился выступать, поскольку проблемы родного сектора его не переставали волновать. Как он сказал однажды Селдону: «Знаешь, когда я говорю про Даль, мне не приходится прятать свой далийский жаргон. Наоборот, от меня именно и ждут, что я буду болтать по-далийски».

В итоге Рейч почти все время куда-то уезжал, дома бывал редко, а когда бывал, то больше времени проводил с младшей дочкой.

А Дорс — Дорс больше не было, и эта рана никак не заживала в душе Селдона. И отреагировал он на смерть супруги жестоко, немилосердно: в его сознании эта смерть соединилась со

сном Ванды, с которого все началось, вокруг которого закрутилась-завертелась нить событий, оборванная смертью Дорс.

Если поразмыслить, Ванда тут была ни при чем, и умом это Селдон понимал. И все-таки он старался как можно реже встречаться с внучкой, из-за чего ей было еще печальнее — она осталась совсем одна.

Что делать? Ванда вынуждена была искать утешение у человека, который, похоже, всегда был рад ей, единственного, кому она могла всегда довериться. Это был Юго Амариль, правая рука Гэри Селдона в деле разработки психоистории и человек, не знающий себе равных в беззаветной преданности этой науке.

У Гэри были Дорс и Рейч, а у Амариля, кроме психоистории, никого и ничего не было — ни жены, ни детей. И все же стоило появиться Ванде, как Юго менялся на глазах. Он радовался ее приходу, но вел себя так, словно она была совсем взрослая, и Ванде это очень нравилось.

И вот шесть лет назад в один прекрасный день Ванда зашла в кабинет Юго. Он обернулся, поглядел на девочку, близоруко прищурившись, и, казалось, в первое мгновение не узнал ее.

— А, это ты, дорогая моя Ванда! — наконец воскликнул он. — А что это ты такая печальная? Такая красивая девушка не должна грустить.

У Ванды задрожала нижняя губа.

— Меня никто не любит... — прошептала она.

— Ну что ты все выдумываешь!

— Все любят мою сестру. На меня всем наплевать.

— Я тебя люблю, Ванда.

— Значит, только ты меня и любишь, дядя Юго.

Теперь Ванда не могла как маленькая забраться к Юго на коленки. Она прижалась к его плечу и разрыдалась.

Амариль, не зная, что делать, обнял девочку и принялся приговаривать:

— Ну-ну, не плачь, не надо плакать... — Из-за жалости к ребенку, из-за того, что в его жизни не было ничего такого, над чем он мог бы заплакать, у него на глаза навернулись горькие слезы и побежали по щекам. — Слушай, Ванда, — взяв себя в руки, как мог весело предложил он, — хочешь, я тебе покажу кое-что очень красивое?

— Ч-что? — всхлипнула Ванда.

Амариль в своей жизни знал красоту единственной вещи во всей Вселенной.

— Ты Главный Радиант когда-нибудь видела? — спросил он.

— Не-а. А что это?

— Это штука, которой твой дед и я пользуемся в работе. Видишь? Вот он.

Он указал на черный куб, стоявший на письменном столе.

— Ничего красивого, — фыркнула Ванда.

— Пока — да, — согласился Амариль. — Но ты погляди, что будет, когда я его включу.

И включил. В комнате погас свет, и она наполнилась разноцветными светящимися точками.

— Видишь? А сейчас я увеличу изображение, и все эти точки превратятся в разные математические знаки.

Так он и сделал. Казалось, что-то прошелестело в воздухе, и кругом запестрели самые разнообразные знаки — буквы, цифры, стрелочки и линии; ничего подобного Ванда раньше не видела.

— Ну, разве не красиво? — спросил Амариль.

— Да, красиво, — проговорила Ванда, придирчиво разглядывая значки и уравнения, которые (она этого, конечно, не знала и знать не могла) обозначали возможные варианты будущего. — Только вот этот кусочек мне не нравится. Он какой-то неправильный, — и она ткнула пальцем в уравнение, расположенное слева от нее.

— Неправильное? Почему тебе кажется, что оно неправильное? — нахмурился Амариль.

— А потому что оно... некрасивое. Я бы его как-нибудь переделала.

Амариль нервно откашлялся.

— Ну-ка, дай я его увеличу... — сказал он, и уравнение приблизилось. Юго, прищурившись, принялся разглядывать его.

— Спасибо тебе большое, дядя Юго, — сказала Ванда, — за эти красивые огоньки. Может быть, я когда-нибудь пойму, что они значат.

— Вот и хорошо. Надеюсь, ты немножко развлеклась?

— Чуть-чуть, спасибо, — пробормотала Ванда и, слегка улыбнувшись, вышла из кабинета.

Амариль был уязвлен в самое сердце. Он терпеть не мог, когда кто-либо высказывал критические замечания в адрес Главного Радианта, тем более двенадцатилетняя девочка... ничего в нем не смыслившая.

Он и подумать не мог, что с этого мгновения началась революция в психоистории.

Глава 4

Ближе к вечеру Амариль зашел в кабинет Гэри Селдона. Это и само по себе было крайне необычно, поскольку Юго практически никогда не покидал своей кабинет — даже для того, чтобы поговорить с коллегами, работавшими у него за стеной.

— Гэри, — хмуро и обескураженно проговорил Амариль, — случилось нечто страшное. Странное, просто невероятное.

Селдон с грустью смотрел на Амариля. Тому было всего пятьдесят три, но выглядел он намного старше — сутулый, изможденный. Когда Гэри напирал, Юго неохотно отправлялся на медицинское обследование, и все врачи в один голос советовали ему на время оставить работу (кое-кто советовал вообще уйти на пенсию) и *отдохнуть*. «Только так, — говорили доктора, — он мог бы поправить здоровье. А не то...» Селдон слушал и обреченно качал головой. «Стоит отнять у него его работу, и он умрет еще скорее — умрет несчастным. Нет выбора».

Тут Селдон понял, что находится в забытье и не расслышал, что ему поведал Юго.

— Прости, Юго, — пробормотал он. — Я отвлекся. Повтори, пожалуйста.

— Я сказал, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Что же, Юго?

— Дело в Ванде. Она заходила ко мне... Знаешь, она очень грустная.

— Почему?

— Наверное, из-за второго ребенка.

— Ах да... — виновато нахмурился Селдон.

— То есть она так и сказала и плакала, уткнувшись мне в плечо. Признаться, Гэри, я и сам расплакался. А потом решил ее утешить и развеселить. В общем, решил показать ей Главный Радиант.

Тут Амариль несколько растерялся — похоже было, он пытается подобрать слова, чтобы рассказать, что же случилось потом.

— Ну, Юго? И что же дальше?

— Ну... она смотрела на разноцветные огоньки, и я увеличил участок, а именно — 42P254. Помнишь?

— Нет, Юго, — смущенно улыбнулся Селдон. — У меня не такая память на уравнения, как у тебя.

— А надо было бы запомнить, — покачал головой Амариль. — Как же можно работать, если... Ну да ладно, не сердись. Хочу обрадовать тебя: Ванда указала на один участок и сказала, что он неправильный. По ее мнению, он... некрасив.

— Чему радоваться-то? Вкусы у нас у всех разные.

— Не спорю, но я потом, после ее ухода, долго думал... Гэри, с этим кусочком действительно не все в порядке. Программирование было с погрешностями, и именно тот кусочек, который не понравился Ванде, оказался неправильным. И скажу тебе честно, он-таки некрасивый.

Селдон выпрямился и нахмурил брови.

— Погоди, Юго, я хочу понять. Она ткнула куда-то пальцем, сказала, что это некрасиво, и оказалась *права*.

— Да, именно ткнула пальцем, но не просто *куда-то*. Она очень точно показала место.

— Но это просто невероятно.

— Но это произошло. Я же своими глазами видел.

— Я не говорю, что этого не было. Я говорю, что это просто какое-то удивительное совпадение.

— Да? А как ты думаешь, ты, со своим знанием психоистории, со своим многолетним опытом, мог бы бросить небрежный взгляд на новую систему уравнений и тут же объявить, что часть системы неверна?

Селдон пожал плечами:

— Юго, а почему ты увеличил именно эту систему уравнений? Что заставило выбрать именно ее?

Амариль пожал плечами:

— Ну, возможно... это совпадение, если хочешь. Просто нажал кнопку, и все.

— Не может быть, чтобы это было совпадение... — пробормотал Селдон, умолк, глубоко задумался и наконец задал тот вопрос, после которого начатая Вандой революция в психоистории набрала ход. — Юго, — спросил Селдон, — а у тебя самого эти уравнения раньше не вызывали никаких сомнений? Была причина заподозрить, что с ними не все ладно?

Амариль сунул руки в карманы куртки, пожал плечами:

— Вроде бы была... Видишь ли...

— Так *вроде бы* или действительно была?

— Точно, была. Я, когда вводил эту систему, засомневался — у меня даже рука потянулась к программирующему устройству. Вроде бы ничего особенного, но было какое-то внутреннее беспокойство. Да дел было по горло, и я все оставил, как есть. А потом... Ванда показала на это самое место, и я решил окончательно все проверить. В противном случае я бы просто махнул на это рукой — мало ли что скажет ребенок.

— И ты выбрал именно эту систему уравнений, чтобы показать Ванде? Словно она вытащила эту мысль наружу из твоего подсознания?

— Кто знает! — пожал плечами Амариль.

— А как раз перед тем, как это случилось, вы, обнявшись, плакали? — Амариль еще более растерянно пожал плечами. — Похоже, я понимаю, что произошло, Юго, — сказал Селдон. — Ванда прочла твои мысли.

Амариль вскочил как ужаленный.

— Это невозможно! — воскликнул он.

Селдон медленно проговорил:

— Я знал когда-то человека, обладавшего такими способностями... Но он... — Селдон немного помолчал, вспоминая Эдо Демерзеля, известного ему под настоящим именем Дэниел. — Он был больше, чем человек, и его способность читать мысли, направлять людей на те или иные поступки была ментальной способностью. Может быть, у Ванды такая способность тоже есть.

— Не могу поверить, — упрямо мотнул головой Амариль.

— А я могу, — сказал Селдон и вздохнул, — но что с этим делать, ума не приложу.

Туманно, отдаленно почувствовал он поступь революции в психоистории — но только туманно...

Глава 5

— Папа, — сокрушенно обратился Рейч к отцу, — ты неважно выглядишь.

— Да, — кивнул Селдон. — Зверски устал. А ты как?

Рейчу уже исполнилось сорок четыре, и в его волосах мель-

кала седина, но предмет его всегдашней гордости — усы оставались густыми и черными. Настоящие далийские усы. Селдон порой подумывал, уж не красит ли Рейч их, однако понимал, что спрашивать об этом сына лучше не надо.

— Ну, ты на время освободился от лекций? — спросил Селдон.

— Да, ненадолго. Как я рад быть дома, видеть Манеллу, Ванду и тебя, па!

— Спасибо, сынок. Но у меня, Рейч, для тебя новости. Придется покончить с лекциями. Ты мне нужен здесь.

Рейч нахмурился:

— Зачем?

Отец дважды поручал ему трудные задания, но это было давно, во времена джоранумитской смуты. Насколько было известно Рейчу, теперь все было спокойно, особенно после свержения хунты и восхождения на престол нового, хотя и довольно невыразительного Императора.

— Речь о Ванде, — ответил Селдон.

— О Ванде? А что такое с ней?

— Ничего страшного, но ее нужно будет подвергнуть полному генетическому обследованию. И не только ее — и тебя, и Манеллу, и малышку.

— Как, и Беллис тоже? Да в чем дело-то?

Селдон растерялся.

— Рейч, ты же знаешь, что мы с мамой всегда находили, что ты человек исключительный — необыкновенно обаятельный, внушающий почти любому доверие и любовь к себе.

— Я знаю, ты так думал и всегда мне это говорил, когда собирался дать мне какое-нибудь жуткое задание. Но я должен сказать тебе откровенно: сам я ничего подобного никогда не чувствовал.

— Нет-нет, ты покорил меня... и Дорс, — с трудом проговорил Селдон (имя жены до сих пор отзывалось в его душе болью, хотя уже четыре года прошло, как ее не стало). — В Сэтчеме ты покорил Рейчел. Ты и Джоранума покорил. И Манеллу. Чем ты все это объяснишь?

— Умом и красотой, — шутливо усмехнулся Рейч.

— А тебе никогда не казалось, что ты мог соприкасаться с сознанием людей, их мыслями и чувствами?

— Нет, я о таком и не думал. И, честно говоря, мне это кажется глупым... при всем моем к тебе уважении, папа...

— А что ты скажешь, если я открою тебе... Рейч, Ванда прочла мысли Юго в один довольно критический момент.

— Что я могу сказать? Это совпадение или иллюзия.

— Рейч, я когда-то знавал кое-кого, кто умел обращаться с людским сознанием весьма ловко — для него это было все равно, что для нас с тобой разговаривать.

— Кто это был?

— Я не могу о нем говорить. Но поверь мне на слово.

— Ну... — с сомнением в голосе протянул Рейч.

— Я побывал в Галактической Библиотеке и специально изучил этот вопрос. Существует любопытная история — ей около двадцати тысяч лет. Речь в ней идет о девушке — она была не намного старше Ванды и умела общаться с целой планетой, вращавшейся вокруг звезды под названием Немезида.

— Сказка, конечно же.

— Безусловно. И вдобавок целиком не сохранившаяся. Но сходство героини с Вандой просто потрясающее.

— Папа, что ты задумал? — нахмурился Рейч.

— Понимаешь, Рейч, я не до конца уверен... Мне нужно посмотреть на расшифровку генома и отыскать таких людей, как Ванда. Я знаю, что время от времени на свет рождаются дети, наделенные такими ментальными способностями, но, как правило, ничего хорошего им эти способности не приносят, и потому, дабы не попасть в беду, дети приучаются скрывать их. А потом они вырастают, и их дар, их таланты лежат в их сознании, как погребенный под землей клад. Нечто вроде инстинкта самосохранения. Безусловно, в Империи и даже среди сорокамиллиардного населения Трентора обязательно должны найтись похожие на Ванду дети и взрослые, и когда я буду знать ее геном, можно будет с помощью генетического обследования выявить нужных людей.

— И что же ты станешь делать, если разыщешь таких людей?

— У меня такое ощущение, что именно они понадобятся мне для дальнейшего развития психоистории.

— Значит, — прищурился Рейч, — Ванда первая, кого ты нашел, и ты собираешься сделать из нее психоисторика?

— Может быть.

— Как Юго? Папа, нет!

— Почему нет?

— Потому что я хочу, чтобы она росла как нормальная девочка и выросла нормальной женщиной. Я ни за что не позволю тебе засадить ее за Главный Радиант и превратить в живой памятник психоисторической математике.

Селдон возразил:

— До этого дело вряд ли дойдет, Рейч, но нам нужен ее геном. Ты же знаешь, уже тысячи лет высказываются предложения, чтобы геном каждого человека был внесен в его файл. Тому, чтобы это предложение осуществилось, помешали только денежные трудности, а в том, что это нужно и полезно, никто не сомневается. Я уверен, ты понимаешь, какие выгоды это сулило бы. Если мы даже больше ничего не найдем, мы узнаем, есть ли у Ванды предрасположенность к различным заболеваниям. Уверен, если бы мы были знакомы с геномом Юго, он бы не умирал теперь. Ничего в этом нет ни сложного, ни вредного.

— Может быть, ты и прав, папа, но вряд ли у тебя это получится. Готов поклясться, что Манелла будет упираться сильнее, чем я.

— Ладно. Но запомни — больше никаких лекционных поездок. Ты мне нужен дома.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Рейч и вышел.

Селдон закрыл глаза. Что же делать? Эдо Демерзель — единственный, кто мог читать человеческие мысли, знал бы, что делать. Знала бы и Дорс, обладавшая предвидением, людям недоступным.

А у него перед глазами в туманной дымке вставал образ новой психоистории — мираж и больше ничего.

Глава 6

Получить полный геном Ванды оказалось нелегко. Во-первых, мало было биофизиков, располагавших необходимым для такого обследования оборудованием, да и те, кто был, всегда были заняты.

Во-вторых, Селдон не мог открыто объяснить необходимость обследования — он не хотел пробуждать у биофизиков

нежелательное любопытство. Селдон чувствовал, что крайне важно, чтобы его желание узнать природу необычных ментальных способностей Ванды оставалось тайной для всей Галактики.

Помимо всего прочего, обследование, как выяснилось, стоило уйму денег.

Селдон, покачав головой, сказал Майне Энделецки, биофизику, с которым пришел проконсультироваться:

— Но почему так дорого, доктор Энделецки? Я, конечно, не специалист, но уверен, что вся процедура полностью компьютеризована, и стоит вам получить соскоб кожных клеток, а через несколько дней можно выделить и проанализировать геном.

— Это верно. Но выделение молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты из миллиардов других нуклеотидов — это только начало, малая часть. А потом нужно изучить ее и сравнить с каким-нибудь стандартом. Кроме того, учтите, хотя у нас есть полная документация по ряду геномов, это всего лишь капля в море по сравнению с тем числом вариантов геномов, которое существует на самом деле, а поэтому мы не можем судить, насколько те, что имеются у нас, могут служить стандартами.

— Но почему же их так мало? — спросил Селдон.

— По ряду причин. Во-первых — цена. Мало кто согласен выкладывать кучу кредиток на обследование, за исключением тех случаев, когда оно требуется по жизненным показаниям. А если это не так, люди отказываются от обследования, потому что боятся, что у них обнаружат что-то нехорошее. Ну, так я у вас спрашиваю, уверены ли вы, что хотите, чтобы ваша внучка подверглась генетическому обследованию?

— Да. Это очень важно.

— Почему? Есть какие-то признаки отклонений от нормы?

— Нет-нет. Совсем наоборот... вот только какой же будет антоним к слову «отклонение»? Понимаете, она очень необычная девочка, и мне хотелось бы узнать, что делает ее такой необычной.

— В каком плане необычная?

— В умственном, но подробностей я вам объяснить не могу, поскольку сам не все понимаю. Может быть, сумею объяснить, когда исследование будет завершено.

— Сколько ей лет?

— Двенадцать. Скоро исполнится тринадцать.

— В таком случае мне понадобится согласие ее родителей.

Селдон кашлянул.

— Это будет не просто сделать. А моего согласия недостаточно? Я — ее дед.

— Для меня вполне достаточно. Но вы же понимаете, тут речь идет о законе. А мне бы не хотелось потерять лицензию на практику.

Так вышло, что Селдону пришлось еще раз обратиться к Рейчу. Тот снова принялся наотрез отказываться. Манелла вторила ему с удвоенной яростью: «А вдруг геном окажется с патологией? Тогда ее затаскают по лабораториям и будут обращаться как с подопытным животным?» Каких только упреков не наслушался Селдон — он, дескать, из-за своей фанатической преданности Психоисторическому Проекту хочет лишить Ванду нормального, здорового отрочества, засадить за работу, которая не даст ей общаться со сверстниками... Но Селдон не отступал:

— Верь мне, Рейч. Я никогда не сделаю Ванде ничего плохого. Но обследовать ее нужно непременно. Мне нужен ее геном. Если все будет так, как я предполагаю, значит, мы на пороге смены подхода к психоистории, ко всему будущему Галактики.

Доктор Энделецки — седая, но с моложавым лицом — встретила их у дверей своего кабинета и посмотрела на девочку, глядевшую на нее с любопытством, но без страха. Обращаясь к взрослым, врач с улыбкой спросила:

— Мама, папа и дедушка, верно?

— Совершенно верно, — ответил Селдон.

Рейч выглядел подавленным, а у Манеллы покраснели и распухли веки и вид был невыспавшийся и усталый.

— Ванда, — обратилась доктор к девочке, — тебя, кажется, так зовут?

— Да, мэм, — бойко кивнула Ванда.

— Ванда, я расскажу тебе, в чем заключается обследование. Скажи, ты правша?

— Да, мэм.

— Ну вот, значит, я на твоей левой руке сделаю кляксу — капну туда обезболивающее лекарство. Покажется, словно холодный ветерок подул. Вот и все. А потом я сниму с твоей руки кусочек кожи — совсем маленький. Тебе не будет больно, и

кровь не потечет, и даже царапинки потом не останется. В конце я смажу это место дезинфицирующим средством. На все уйдет несколько минут. Ну как, не страшно?

— Ни капельки! — мотнула головой Ванда и протянула руку.

Когда процедура была закончена, доктор Энделецки сказала:

— Теперь я помещу материал под микроскоп, выберу клетку и запущу компьютеризованный генный анализатор. Он все исследует до последнего нуклеотида, но их там миллиарды. Так что на работу почти весь день уйдет. Нет, конечно, все автоматизировано, но я все равно буду сидеть рядом и следить за приборами. А вот вам это совершенно ни к чему.

Как только геном будет подготовлен, начнется самая длинная часть исследования. Если вы хотите, чтобы работа была проделана до конца, потребуется несколько недель. Именно поэтому процедура столь дорогостояща. Работа трудная и потребует много времени. Как только результаты будут у меня в руках, я вам сообщу.

Она отвернулась, словно дала понять, что посетители свободны, села и склонилась над сверкающим прибором, стоявшим перед ней на столе.

Селдон, немного помявшись, спросил:

— Не могли бы вы сразу сообщить мне, если обнаружите что-то не совсем обычное? То есть, если вы что-то найдете сразу, не ждите окончания исследования и меня не заставляйте ждать.

— Шансы обнаружить что-либо в первые часы совсем невелики, но обещаю вам, профессор Селдон, я с вами сразу свяжусь, если что.

Манелла взяла Ванду за руку и гордо вышла из кабинета. За ними проследовал Рейч. Селдон склонился к врачу и сказал:

— Это намного важнее, чем вы думаете, доктор Энделецки.

Доктор Энделецки кивнула.

— Какова бы ни была причина, я сделаю все, что смогу, профессор.

Селдон сжал губы, попрощался и вышел. Он был расстроен. С чего он взял, что через пять минут он будет знать ответ на мучивший его вопрос, он и сам не понимал. А теперь нужно было ждать несколько недель, а каков будет ответ — неизвестно.

Селдон скрипнул зубами. Будет ли его задуманное детище — Вторая Академия — когда-нибудь основана или так и останется недостижимым миражом?

Глава 7

Нервно улыбаясь, Гэри Селдон вошел в кабинет доктора Энделецки.

— Вы же сказали — пару недель. А уже целый месяц прошел, доктор.

Доктор Энделецки кивнула.

— Простите, профессор Селдон, но вы же хотели, чтобы все было сделано досконально, и я именно этим занималась все это время.

— Ну, — взволнованно спросил Селдон, — что же вы обнаружили?

— Около ста дефектных генов.

— Что?! Дефектных генов? Вы шутите, доктор Энделецки?

— Я говорю совершенно серьезно. Что тут удивительного? Геномов, в которых не было бы как минимум сотни дефектных генов, просто не существует, а как правило, их гораздо больше. Сказать честно, все не так страшно, как звучит.

— Да, конечно, я же не специалист.

Доктор Энделецки вздохнула, поерзала на стуле.

— Вы ничего не знаете о генетике, профессор?

— Нет, не знаю. Человек не может знать все.

— Вы правы. Я, например, ничего не знаю об этой вашей... как же она называется? Ах да, о вашей психоистории. — Доктор Энделецки пожала плечами и продолжала: — Если бы вы взялись объяснять мне суть вашей науки, вам пришлось бы начать с азов, но даже в этом случае я бы вряд ли поняла вас. Ну так вот, что касается генетики...

— Да?

— Дефектный ген, как правило, ничего не значит. Существуют дефектные гены — настолько дефектные, настолько патологичные, что вызывают серьезные заболевания. Но это — большая редкость. Большинство дефектных генов просто-напросто работают плоховато, вроде разболтавшихся колес. Машина все равно едет — дрожит, правда, немного, но едет.

— Именно так обстоит дело с Вандой?

— Да. Более или менее. В конце концов, если бы все гены были в идеальном состоянии, мы все были бы как две капли воды похожи друг на друга и вели бы себя совершенно одинаково. Именно различия в генах делают людей разными.

— Но не ухудшается ли положение с возрастом?

— Да. С возрастом все мы чувствуем себя хуже. Я заметила, вы вошли, прихрамывая. Что с вами?

— Ревматизм... — смущенно пробормотал Селдон.

— Вы всю жизнь им страдаете?

— Нет, конечно.

— Ну так вот, кое-какие из ваших генов сильно разболтались с возрастом, и теперь вы хромаете.

— А что случится с Вандой, когда она повзрослеет?

— Не знаю. Я не умею предсказывать будущее, профессор. Похоже, это как раз ваша специальность. Но если бы я решила угадать, я бы сказала, что с Вандой ничего необыкновенного не случится, то есть ничего, кроме того, что она в свое время состарится.

— Вы уверены? — спросил Селдон.

— Вам придется поверить мне на слово. Вы хотели узнать о том, каков геном Ванды, и сильно рисковали — вы могли бы узнать вещи, о которых лучше не знать. Но я говорю вам, что, по моему мнению, ничего ужасного ей не грозит.

— Но эти, как вы говорите... разболтанные гены — их никак нельзя укрепить, зафиксировать?

— Нет. Во-первых, это было бы слишком дорого. Во-вторых, нет уверенности, что они сохранят зафиксированное состояние. И потом... люди против этого.

— Но почему?

— Потому что они вообще против науки. Вам это должно быть известно лучше, чем кому-либо, профессор. Боюсь, что после смерти Клеона — *особенно* после его смерти — ситуация стала такова, что все больше людей ударяется в мистицизм. Люди не верят в возможность медицинской фиксации генов. Они предпочитают лечиться у шарлатанов — наложением рук, заклинанием и тому подобными методами. Честно вам скажу, мне нелегко работать. Субсидии мизерные.

Селдон кивнул в знак согласия.

— Конечно, я вас очень хорошо понимаю. И психоистория

объясняет причины такого положения, но, честно говоря, я не думал, что ситуация ухудшится столь быстро. Я слишком сильно был погружен в свою работу и не замечал, что творится вокруг. Вот уже тридцать лет, — сказал Селдон, глубоко вздохнув, — я смотрю, как медленно, но верно распадается Галактическая Империя, а теперь, когда она близка к параличу, я не вижу, как это вовремя предотвратить.

— Неужели вы пытаетесь это сделать? — изумленно вздернула брови доктор Энделецки.

— Да, пытаюсь.

— Желаю удачи... Насчет вашего ревматизма... Знаете, пятьдесят лет назад его можно было бы вылечить, а теперь, увы, это невозможно.

— Но почему?

— Аппаратуры, которая применялась для лечения, больше нет. Специалисты, занимавшиеся лечением этого заболевания, занимаются другими вещами. Медицина в упадке.

— Как и все остальное... — пробормотал Селдон. — Но давайте вернемся к Ванде. Понимаете, она кажется мне совершенно необычной девочкой, и ее мозг представляется мне не похожим на мозг других людей. Скажите, что говорят вам гены о ее мозге?

Доктор Энделецки откинулась на спинку стула.

— Профессор Селдон, известно ли вам, какое число генов принимает участие в обеспечении функции мозга?

— Нет.

— Тогда я напомню вам, что функция мозга — самый сложный аспект в функционировании всего организма человека. На самом деле во всей Вселенной нет ничего более сложного, чем мозг человека. Следовательно, вы не должны удивляться, если я скажу вам, что в работе мозга принимают участие тысячи генов.

— Тысячи?

— Вот именно. Рассмотреть их все и обнаружить что-либо необычное попросту невозможно. Насчет Ванды я вам верю на слово. Пусть она необычная девочка с необычным мозгом, но ее гены мне об этом не говорят ни слова, кроме того, конечно, что мозг у нее в порядке.

— Скажите, вы могли бы найти других людей, чьи гены,

обеспечивающие мыслительную функцию мозга, были бы такие же, как у Ванды?

— Сильно сомневаюсь. Даже если бы нашелся мозг, напоминающий мозг Ванды, различия в генах были бы колоссальны. Искать подобный — бесполезный труд. Но скажите, профессор, почему вы думаете, что у Ванды такой необычный мозг?

— Простите, — покачал головой Селдон, — но этого я вам сказать не могу.

— Что ж, в таком случае я вам точно ничем помочь не сумею. Но как вы обнаружили что-то необычное в мозге девочки? Ну, это самое, о чем не можете сказать?

— Случай... — пробормотал Селдон. — Чистейшей воды случай.

— Ну, тогда и людей с мозгом таким же, как у Ванды, вы найдете случайно. Ничего не поделаешь.

Наступила пауза. Наконец Селдон спросил:

— Больше вы мне ничего не скажете?

— Боюсь, ничего. Кроме того, что пришлю вам счет.

Селдон с трудом поднялся на ноги. Ревматизм разыгрался не на шутку.

— Хорошо. Спасибо вам, доктор. Присылайте счет, я оплачу.

Уходя из кабинета доктора Энделецки, Селдон думал о том, что же делать дальше.

Глава 8

Как любой из ученых, Селдон беспрепятственно пользовался Галактической Библиотекой. Большей частью он связывался с банком данных Библиотеки по системе компьютерного абонирования, но иногда наведывался туда лично — скорее для того, чтобы уйти из-под гнета Психоисторического Проекта, чем для чего-либо другого. В последние два года, с тех пор как он решил начать поиски людей, подобных Ванде, он даже снял небольшую квартиру в ближайшем секторе, откуда до Библиотеки было рукой подать, и не было нужды всякий раз после многотрудного дня возвращаться в Стрилинг.

Однако теперь задуманный им план требовал внесения кое-

каких изменений, и Селдон хотел повидаться с Ласом Зеновым.

Договориться о личной беседе с Главным Библиотекарем оказалось не так-то просто. Он высоко ценил свое положение и время, и частенько поговаривали, что даже когда с Главным Библиотекарем нужно было повидаться Императору, то он самолично являлся в Библиотеку и ждал, когда тот его примет.

У Селдона тем не менее особых трудностей не возникло.

— Какая честь, господин премьер-министр! — сказал Главный Библиотекарь, приветствуя Селдона.

Селдон улыбнулся.

— Вы наверняка знаете, что этот пост я покинул шестнадцать лет назад.

— Но титул по-прежнему остается вашим. И потом, сэр, именно вы избавили нас от жестокой власти хунты. А хунта несколько раз порывалась нарушить священный закон неприкосновенности Библиотеки.

«Ага, — подумал Селдон, — так вот почему он с такой готовностью согласился принять меня».

— Это всего лишь разговоры, — сказал он вслух.

— Ну а теперь скажите, — Зенов-таки не удержался и взглянул на часы, — что привело вас ко мне и чем я могу быть вам полезен?

— Главный Библиотекарь, — начал Селдон, — дело у меня к вам необычное. Мне нужно больше места в Библиотеке. Я хотел бы, чтобы вы разрешили разместить здесь кое-кого из моих сотрудников для того, чтобы мы могли работать над программой величайшей важности.

Лас Зенов скорчил недовольную гримасу.

— Вы просите многого. Не могли бы вы объяснить мне, какова важность вашей программы?

— Мог бы. Империя погибает.

Наступила продолжительная пауза. Наконец Зенов сказал:

— Я слыхал о ваших исследованиях в области психоистории. Мне говорили, что ваша новая наука дает возможность предсказывать будущее. Вы сейчас говорите о психоисторических предсказаниях?

— Нет. Пока психоистория не позволяет судить о будущем с уверенностью. Но психоистория не нужна для того, чтобы видеть, что Империя распадается и гибнет. Это и так очевидно.

Зенов вздохнул.

— Моя работа поглощает все мое время без остатка, профессор Селдон. Во всем, что касается политики, общественной жизни, я просто младенец.

— Если хотите, можете просмотреть те данные, что собраны у вас в Библиотеке, не выходя из кабинета, — тут ведь собрана информация обо всем, что происходит в Галактической Империи.

— Знаете старую пословицу: «сапожник без сапог»? — грустно усмехнулся Зенов. — Это про меня. Руки не доходят. Но мне, наоборот, кажется, что Империя переживает времена реставрации. Ведь у нас теперь снова есть Император.

— Это всего лишь название, Главный Библиотекарь. В большинстве отдаленных провинций имя Императора теперь произносится исключительно символически, но никакой роли в их реальной жизни он не играет. Внешние Миры живут по своим правилам, и, что еще более важно, они располагают собственными армиями, которые совершенно неподвластны Императору. Если бы Император попытался напомнить о своем могуществе где-либо за пределами Внутренних Миров, он бы провалился. Боюсь, лет через двадцать, не больше, некоторые из Внешних Миров объявят независимость.

Зенов снова вздохнул.

— Если вы правы, значит, мы переживаем самые тяжелые времена за всю историю Империи. Но что здесь общего с вашим желанием занять побольше места в Библиотеке и разместить здесь ваших сотрудников?

— Если погибнет Империя, эта же участь постигнет и Библиотеку.

— Этого не должно случиться! — с горячностью воскликнул Зенов. — И раньше бывали тяжелые времена, но, кто бы ни был у власти, все всегда понимали, что Галактическая Библиотека, вместилище всех знаний человечества, должна оставаться неприкосновенной.

— Вряд ли. Вы только что сказали, что хунта посягала на вашу неприкосновенность.

— Ну, не то чтобы так уж серьезно посягала...

— В следующий раз посягательства могут оказаться куда более серьезными, а мы не должны позволить, чтобы что-нибудь случилось с Библиотекой.

— Разве ваше присутствие в Библиотеке — гарантия безопасности?

— Нет. Не присутствие. Тот проект, в разработке которого я заинтересован. Я хочу создать громадную Энциклопедию, содержащую все те знания, которые потребовались бы человечеству для того, чтобы выстроить новый мир на руинах старого, если случится худшее. Назовем ее, если хотите, Галактической Энциклопедией. Для ее создания нам не потребуется вся накопленная у вас информация. Большинство материала, планируемого для включения в Энциклопедию, достаточно тривиально. Провинциальные библиотеки, разбросанные по всей Галактике, тоже могут не избежать разрушения, но в любом случае основная масса информации локального характера собрана здесь. Я же хотел бы создать нечто независимое, обобщенное — издание, в котором в сжатой форме содержалась бы самая необходимая информация.

— Но если и оно погибнет?

— Надеюсь, этого не случится. Мне хотелось бы отыскать планету, которая была бы расположена на задворках Галактики, и отправить туда экспедицию энциклопедистов, чтобы они работали без помех. Но покуда такая планета не найдена, мне бы хотелось, чтобы ядро моей рабочей группы работало здесь, изучая фонды Библиотеки с целью отбора информации для будущей Энциклопедии.

Зенов усмехнулся.

— Я вас понял, профессор Селдон, но не уверен, что это осуществимо.

— Почему, Главный Библиотекарь?

— Понимаете, быть Главным Библиотекарем — это не значит быть абсолютным монархом. В Библиотеке существует довольно многочисленный Совет — нечто вроде законодательного органа, и не думайте, что мне будет легко протащить в Совете ваш Энциклопедический Проект.

— Я удивлен.

— Не стоит удивляться. Я, знаете ли, не слишком популярный Главный Библиотекарь. Вот вам пример: уже несколько лет Совет борется за то, чтобы доступ в Библиотеку был ограничен. Я постоянно выступаю против принятия такого решения. Представьте себе, даже то, что я выделил вам небольшой персональный кабинет, вызвало недовольство Совета.

— Ограничить доступ в Библиотеку?

— Именно. Принцип таков: если кому-либо потребуется информация, он или она должны проконсультироваться с библиотекарем, и библиотекарь должен обеспечить абонента нужной информацией. Совет не желает, чтобы люди свободно разгуливали по Библиотеке и самостоятельно работали с компьютерами. Члены Совета говорят, что затраты на ремонт и обслуживание компьютеров и прочей библиотечной техники становятся непомерными.

— Но это просто невероятно! Существует тысячелетняя традиция открытого доступа в Библиотеку!

— Существует, но в последние годы субсидии на содержание Библиотеки урезались несколько раз, и средства у нас уже не те, к которым мы привыкли. Стало очень трудно поддерживать оборудование в должном состоянии.

Селдон потер подбородок.

— Но если субсидии урезаны, следовательно, вы наверняка были вынуждены понизить жалованье сотрудникам и прибегнуть к увольнениям или, по крайней мере, не нанимать новых?

— Вы совершенно правы.

— Но в таком случае как же вы сумеете взвалить на плечи сотрудников новый объем работы по обеспечению абонентов информацией?

— Замысел таков, что мы не будем обеспечивать абонентов всей информацией, которую они будут запрашивать, а только той, которую мы сочтем необходимой.

— Значит, вы не только ограничите доступ в Библиотеку, а еще и ограничите доступ к информации?

— Боюсь, что так.

— Не могу поверить, что этого хотят все библиотекари.

— Ох, профессор Селдон, просто вы незнакомы с Дженнаро Маммери, — вздохнул Лас Зенов и, поняв по лицу Селдона, что тот действительно не знает, о ком идет речь, продолжил: — «Кто он такой?» — спросите вы. Он — глава группировки в Совете, той самой, что ратует за закрытие Библиотеки. И чем дальше, тем больше членов Совета встает на его сторону. Если я позволю вам и вашим коллегам обосноваться в Библиотеке в качестве независимого подразделения, даже те члены Совета, которые сейчас не поддерживают Маммери, встанут на его сторону. В этом случае я буду вынужден уйти в отставку.

— Послушайте, — неожиданно горячо проговорил Селдон, — возможное закрытие Библиотеки, отказ в выдаче нужной информации абонентам, да и ограничение субсидий тоже — это признаки гибели Империи. Разве вы не согласны со мной?

— Если так рассуждать, то, может быть, вы и правы.

— Тогда позвольте мне поговорить с Советом. Позвольте объяснить им, какое будущее может ожидать Библиотеку и всю Империю и каковы мои намерения. Может быть, я сумею убедить их, как убедил вас.

Зенов задумался.

— Мне бы хотелось вам помочь, но вы должны заранее знать, что ваша попытка может оказаться безуспешной.

— Я должен рискнуть. Прошу вас, сделайте все возможное и дайте мне знать, где и когда я смогу встретиться с Советом...

Селдон оставил Зенова в смятенном настроении. Все, что он сказал Главному Библиотекарю, было правдой и лежало на поверхности. Не сказал он ему только одного — какова была его истинная цель пользования Библиотекой.

А не сказал он этого потому, что пока и сам этого точно не знал.

Глава 9

Гэри Селдон сидел у постели Юго Амариля — печально, терпеливо. Дни Юго были сочтены. Медицина была бессильна, даже если бы Юго решил прибегнуть к помощи врачей, но он от нее отказался.

Ему было всего пятьдесят пять. Селдону — семьдесят, а он все еще был в неплохой форме, вот только ревматизм докучал, из-за приступов которого он время от времени начинал прихрамывать.

Амариль открыл глаза.

— Ты все еще здесь, Гэри?

Селдон кивнул.

— Я не покину тебя.

— Пока я не умру?

— Да, — ответил Селдон и, не сдержав тоски и горечи, сказал: — Ну зачем же ты так, Юго? Живи ты нормальной жизнью, ты бы прожил еще лет двадцать, а то и все тридцать!

Амариль вяло улыбнулся.

— Нормальной жизнью? То есть с выходными, отпусками? Ездил бы на курорты? Развлекался?

— Да. Да.

— Тогда бы я либо все время думал о том, как бы поскорее вернуться к работе, либо в конце концов мне бы понравилось бить баклуши, и за эти двадцать или тридцать лет я бы больше ничего не сделал. На себя посмотри.

— Зачем?

— Десять лет при Клеоне ты был премьер-министром. Сильно ли ты преуспел в науке за эти годы?

— Я тратил четверть свободного времени на психоисторию, — возразил Селдон.

— Преувеличиваешь. Если бы не я, прогресс психоистории забуксовал бы.

Селдон кивнул:

— Ты прав, Юго. И за это я тебе очень благодарен.

— Да и раньше, и потом, когда ты половину времени тратил на административные дела, кто делал... да, теперь уже делал... всю настоящую работу? А?

— Ты, Юго.

— То-то и оно, — пробормотал Юго и закрыл глаза.

— И все-таки, — сказал Селдон, — ты был бы готов взяться за все эти административные дела, если бы пережил меня?

— Нет! Я хотел возглавить Проект, чтобы он двигался в том направлении, в каком хотелось мне, а административные обязанности я бы отдал другим.

Амариль тяжело дышал. Но вот он слабо пошевелился, открыл глаза и взглянул на Гэри в упор.

— Скажи, что будет с психоисторией, когда меня не станет? Ты думал об этом?

— Думал. И хочу поговорить с тобой об этом. Могу порадовать тебя, Юго. Я верю, что в психоистории произойдет революция.

— В каком смысле? — нахмурился Юго. — Что-то мне не нравится, как это звучит.

— Послушай. Это была твоя идея. Несколько лет назад ты сказал мне, что хорошо бы основать две Академии. Два отдельных учреждения, изолированных друг от друга и призванных

послужить зародышами новой, Второй Галактической Империи. Помнишь? Это же ты придумал.

— Психоисторические формулы...

— Знаю. С их помощью. Теперь, Юго, я вовсю разрабатываю эту идею. Мне удалось получить кабинет в Галактической Библиотеке...

— Ах, Галактическая Библиотека... — Амариль еще сильнее нахмурился. — Не нравятся они мне. Кучка самовлюбленных тупиц...

— Не все там тупицы, Юго. Главный Библиотекарь, Лас Зенов, человек неглупый и неплохой.

— А тебе не встречался там библиотекарь по имени Маммери, Дженнаро Маммери?

— Нет, но я о нем слышал.

— Полное ничтожество. Однажды мы с ним повздорили — он меня принялся распекать за то, что я что-то с места сдвинул или не туда поставил. А я ничего такого не делал и жутко разозлился. Я словно обратно в Даль попал. Знаешь, Гэри, в далийском жаргоне есть масса оскорбительных словечек. Вот я и использовал одно из них по его адресу. Я сказал ему, что он мешает работе над психоисторией и что в истории останется в образе злодея. Ну, вместо слова «злодей» я ввернул это самое словечко. — Амариль слабо улыбнулся. — Словом, он заткнулся.

Селдон неожиданно догадался о причине враждебного отношения Маммери к посетителям Библиотеки и к самой психоистории — по крайней мере, частично... но об этом он Юго ничего не сказал.

— Так вот, Юго, — продолжал Селдон, — ты говорил, что нужно создать две Академии, так, чтобы, если одна погибнет, вторая продолжала работать. Мы пойдем дальше.

— В каком смысле?

— Помнишь, два года тому назад Ванда ухитрилась прочитать твои мысли и увидела, что одна цепочка уравнений в Главном Радианте порочна?

— Конечно, помню.

— Ну так вот, мы найдем других таких же, как Ванда. В одной из наших Академий будут трудиться в основном физики, задачей которых будет сохранение знаний, накопленных человечеством. Эта Академия станет прообразом, зародышем новой Империи. А во Второй Академии будут работать только

психоисторики, те, которым будет под силу трудиться над психоисторией сообща, объединив свои сознания. Это будет намного быстрее, чем если бы каждый из них мыслил в одиночку. Во Второй Академии соберутся менталисты, телепаты — называй как хочешь. Они станут руководителями плана, теми, кто будет вносить в него необходимые изменения с течением времени. Понимаешь? Они всегда будут оставаться в тени — невидимые наблюдатели, хранители Империи.

— Прекрасно! — еле слышно проговорил Амариль. — Просто прекрасно! Вот видишь, как верно я выбрал время уйти? Мне больше здесь делать нечего.

— Не говори так, Юго.

— Да ладно тебе, Гэри. Все равно я слишком сильно устал, чтобы что-то делать. Спасибо тебе... спасибо... за то... что ты... — голос его готов был сорваться, — рассказал мне... про эту революцию. Теперь я счастлив... счаст...

Таковы были последние слова Юго Амариля.

Селдон склонился к изголовью кровати. Глаза его застлали слезы, потекли струйками по щекам.

Еще один старый друг ушел. Демерзель, Клеон, Дорс, а теперь и Юго... Чем дальше, тем более одиноким он становился.

А ведь та революция, о которой он только что сказал Амарилю и обрадовал его так, что тот умер счастливым, — суждено ли ей произойти? Сможет ли он воспользоваться Галактической Библиотекой? Сможет ли найти таких людей, как Ванда? А самое главное — сколько времени на это уйдет?

Селдону было семьдесят. Вот если бы он мог начать революцию в тридцать два, когда впервые попал на Трентор...

А теперь могло быть слишком поздно.

Глава 10

Дженнаро Маммери заставил Селдона ждать, что было выражением неприкрытого пренебрежения, даже наглости, но Селдон заставил себя смириться.

Как бы то ни было, Маммери был ему очень нужен, и злиться на библиотекаря значило только одно — сделать себе еще хуже. А Маммери только порадовался бы, увидев Селдона разъяренным.

Так что Селдон спокойно ждал, и в конце концов Маммери появился. Селдон видел его и раньше, но издалека. Наедине им предстояло побеседовать впервые.

Маммери был невысокого роста, полноватый, с круглым лицом и короткой темной бородкой. На лице его сияла заранее заготовленная улыбка, но Селдон прекрасно понял, что она ровным счетом ничего не значит. Зубы у Маммери были неприятно желтые, а его голову украшала сочетавшаяся с ними по цвету шапочка, по краю которой змеилась коричневая полоска.

Селдон ощутил прилив тошноты. Он знал заранее, что Маммери вряд ли ему понравится, даже если он будет само обаяние.

Маммери спросил без обиняков:

— Ну, профессор, чем могу служить? — и посмотрел на настенные часы, однако за опоздание не извинился.

— Я хотел бы попросить вас, сэр, — ответил Селдон, — перестать чинить препятствия моему присутствию в Библиотеке.

Маммери развел руками:

— Вы здесь уже два года. О каких препятствиях вы говорите?

— До сих пор той части членов Совета, которую вы возглавляете, не удавалось переизбрать Главного Библиотекаря, но через месяц должно состояться новое заседание, и Лас Зенов говорит, что он не уверен в его итогах.

— Я тоже, — пожал плечами Маммери. — Но ваша виза, назовем ее так, вполне может быть продлена.

— Но мне нужно большее, библиотекарь Маммери. Мне хотелось бы, чтобы в Библиотеке смогли работать и некоторые мои коллеги. В одиночку мне не одолеть работы над задуманным грандиозным проектом — подготовкой издания весьма специфической Энциклопедии.

— Но ваши коллеги могут работать где угодно. Трентор — большая планета.

— Мы должны работать в Библиотеке. Я старый человек, сэр, и я тороплюсь.

— Кому подвластно остановить течение времени? Не думаю, чтобы Совет дал согласие на то, чтобы вы въехали в помещение Библиотеки со своими сотрудниками. Дело тонкое, профессор, понимаете? Вас удалить из Библиотеки мне пока

не удалось, но сотрудников ваших я сюда постараюсь не пустить.

Селдон понял, что разговор ни к чему не приведет, и решил попробовать вызвать Маммери на откровенность.

— Библиотекарь Маммери, — сказал он, — я не верю, что ваша враждебность ко мне носит личный характер. Важность дела, которым я занимаюсь, вы должны понимать.

— В смысле — работу над психоисторией? Слушайте, вы над ней корпите уже тридцать с лишним лет, и какой толк?

— Вот именно. Именно сейчас может выйти толк.

— Так пусть толк выходит в Стрилингском университете. Почему он должен выйти здесь, в Галактической Библиотеке?

— Библиотекарь Маммери, выслушайте меня. Вы хотите закрыть Библиотеку для посещения. Вы хотите нарушить давнюю традицию. Неужели у вас хватит совести на такое?

— Совесть тут ни при чем. Все дело в субсидировании. Наверняка Главный Библиотекарь плакался вам. Субсидии снижены, жалованья урезаны, нет возможности содержать обслуживающий технику персонал. Что же нам делать? Приходится сокращать объем обслуживания абонентов, и, уж конечно, мы не в силах позволить себе такую роскошь, как выделение помещений для вас и ваших сотрудников и обеспечение вас информацией.

— Император в курсе существующего положения дел?

— Проснитесь, профессор! Разве ваша психоистория не подсказывает вам, что Империя гибнет? Я слышал, вас нынче кличут Вороном Селдоном, намекая на сказочную птицу, предрекающую беды.

— Да, нас действительно ждут тяжелые времена.

— И что же, вы считаете, что у Библиотеки иммунитет против всего, что несут с собой эти самые тяжелые времена? Профессор, Библиотека — это моя жизнь, и я хотел бы, чтобы она жила, но она не будет жить, если только мы не найдем способа увеличить субсидии. А вы являетесь и требуете — подавайте вам открытую Библиотеку да еще предпочтение окажите... Не пройдет, профессор. Не пройдет, говорю я вам.

Селдон в отчаянии проговорил:

— А что, если я найду деньги для Библиотеки?

— Вот уж действительно! Это как же?

— Что, если я поговорю с Императором? Я ведь все-таки в

прошлом премьер-министр. Он не откажет мне в аудиенции и выслушает меня.

— И вы выбьете у него субсидии? — расхохотался Маммери.

— Если выбью, вы позволите разместить в Библиотеке моих сотрудников?

— Сначала добудьте кредитки, — сказал Маммери, — а там посмотрим. Только не думаю, что вам это удастся.

Похоже, он нисколько не сомневался в неудаче затеи Селдона. Интересно, подумал Селдон, сколько уже раз Галактическая Библиотека обращалась к Императору с этой просьбой?

А он сам? Чего он добьется?

Глава 11

По правде говоря, истинного права у Императора Агиса Четырнадцатого на это имя не было. Он принял его, взойдя на престол, специально для того, чтобы в умах подданных всплыли воспоминания о династии Агисов, правившей два тысячелетия назад, и большинство представителей этой династии справлялись с этим весьма успешно, а в особенности Агис Шестой, правление которого длилось целых сорок два года и которому удавалось поддерживать в процветающей Империи должный порядок, не прибегая при этом к тирании и жестокости.

Агис Четырнадцатый внешне нисколько не был похож ни на кого из прежних Агисов, если судить по голографическим изображениям. Но, честно говоря, и его собственное голографическое изображение, тиражируемое для народа, мало отражало реальность.

Гэри Селдон, повинуясь порывам ностальгии, вспоминал Императора Клеона и приходил к выводу, что Клеон гораздо больше был похож на настоящего монарха.

А вот Агис на настоящего монарха совсем не походил. Селдон до сих пор никогда не видел его вблизи, и тот человек, что был перед ним, разительно отличался от того, что красовался на некоторых виденных Селдоном голограммах. «Императорский голограф свое дело знает», — не без ехидства подумал Селдон.

Агис Четырнадцатый был невысокого роста, некрасивый, с

глуповатыми, выпученными глазами. Единственным поводом для его восхождения на трон послужило то, что он был дальним родственником Клеона.

Однако, надо отдать ему должное, он и не пытался изображать из себя могущественного владыку. Он предпочитал, чтобы его называли Гражданин Император, и только упрямое следование охранки вековым традициям удерживало его от вольных прогулок по Трентору. Поговаривали, будто он горел желанием здороваться за руку с подданными и лично выслушивать их жалобы.

«Очко в его пользу, — подумал Селдон, — даже если он так никому руки и не пожмет за всю свою жизнь».

Пробормотав приветствие и поклонившись Императору, Селдон сказал:

— Искренне благодарен вам, сир, за согласие принять меня.

У Агиса Четырнадцатого оказался чистый и очень приятный голос, никак не вязавшийся с его отталкивающей внешностью.

— Бывшему премьер-министру полагаются привилегии, однако скажу вам по секрету — мне пришлось собрать все свое мужество, чтобы согласиться на встречу с вами.

Сказано это было с юмором, и Селдон вдруг понял, что на вид человек может быть совершенно заурядным, но при этом неглупым.

— Мужество, сир?

— Ну а как вы думали? Разве вас не зовут Вороном Селдоном?

— Я услыхал, сэр, это прозвище только вчера.

— Наверное, дело в вашей психоистории, предсказывающей гибель Империи.

— Она указывает всего лишь на вероятность, сир...

— Вот вас и окрестили Вороном — ведь эта вещая птица предсказывает беду. Только вы себя вороном не считаете, видимо.

— Надеюсь, это не так, сир.

— Не знаю, не знаю... Судя по всему... Эдо Демерзель, который до вас был премьер-министром у Клеона, был заинтересован вашей работой, и что же с ним произошло? Он лишился места и был отправлен в ссылку. Вашу работу высоко ценил Император Клеон, и что же с ним произошло? Его убили. Вы-

соко ценила вашу работу и хунта, а с ней что произошло? Ее свергли. Говорят, вашу работу ценили и джоранумиты, и, представьте себе, их организация была уничтожена. А теперь, Ворон Селдон, вы явились ко мне. Чего же мне ждать от судьбы?

— Ничего дурного, сир.

— Надеюсь, это так, поскольку, в отличие от всех тех, кого я перечислил, я как раз вашей работой не интересуюсь. А теперь скажите, что привело вас ко мне?

Император спокойно, не прерывая, выслушал объяснения Селдона относительно важности проекта создания Энциклопедии, которая стала бы хранилищем знаний человечества, если бы произошло худшее.

— Ага... — задумчиво проговорил Агис Четырнадцатый, когда Селдон закончил объяснения, — значит, вы все-таки убеждены в том, что Империя погибнет.

— Вероятность этого велика, сир, и было бы проявлением величайшего легкомыслия сбрасывать такую вероятность со счетов. В каком-то смысле мне бы хотелось воспрепятствовать такому варианту течения событий, или, по крайней мере, смягчить последствия гибели Империи.

— Знаете, Ворон Селдон, если вы будете продолжать совать нос во все дела, я уверен, Империя-таки погибнет и ничто ей не поможет.

— Нет, сир. Я прошу всего-навсего разрешения работать.

— Ну так оно у вас есть, но я все равно не понимаю, от меня-то вы чего хотите? Зачем вы мне рассказали про Энциклопедию?

— Затем, что мне необходимо работать в Галактической Библиотеке, сир, а если точнее, мне необходимо, чтобы со мной вместе там работали мои сотрудники.

— Уверяю вас, я вам в этом мешать не собираюсь. Хотите работать — работайте.

— Этого недостаточно, сир. Я прошу вас помочь мне.

— Чем же, экс-премьер-министр?

— Финансами. Библиотека нуждается в субсидировании, в противном случае двери ее закроются для населения и для меня в том числе.

— Кредитки? — изумленно воскликнул Император. — Вы ко мне за кредитками явились?

— Да, сир.

Агис Четырнадцатый нервно вскочил. Селдон автоматически тоже поднялся на ноги, но Агис махнул рукой, приказывая ему сесть.

— Сидите. Не надо этих формальностей. Я не Император. Я не хотел этого — меня заставили. Я оказался, видите ли, ближайшим родственником императорской семьи, и меня стали наперебой убеждать в том, что Империи позарез нужен Император. Ну и что? Много хорошего из этого вышло?

Деньги! Вы думаете, у меня есть деньги? Вы говорите, что Империя гибнет. А знаете ли вы, как именно она гибнет? Думаете, бунты там, гражданские войны? Беспорядки всякие?

Нет. Дело в *денежках*. Вы только представьте себе, что я лишен возможности собрать налоги с половины Империи. «Да здравствует Империя!», «Слава Императору!» и все такое, но не платят ни гроша, а у меня нет людей, способных вытрясти из них налоги. Ну а если я не в силах собрать с них налоги, значит, они и в Империю не входят, верно?

Деньги! Империя давно концы с концами не сводит. У меня ничего нет. Думаете, хотя бы на то, чтобы поддерживать дворцовую территорию в порядке, денег хватает? С трудом. Все время приходится экономить. Я вынужден махнуть на все рукой и смотреть, как потихоньку разваливается дворец, как помирают с голоду те, кто уходит на пенсию.

Профессор Селдон, если вы пришли за деньгами, то у меня их нет. Где мне взять субсидии для Библиотеки? Да они должны быть мне благодарны, что им вообще что-то от меня перепадает каждый год!

На последних словах Император раскинул руки ладонями вверх, как бы показывая, что имперская казна пуста.

Гэри Селдон был ошеломлен.

— Ну хорошо, сир, пусть у вас нет денег, но у вас есть престиж. Не могли бы вы приказать Библиотеке сохранить за мной кабинет и допустить туда для работы моих сотрудников, вместе с которыми я занят делом величайшей важности?

Как только речь перестала идти о деньгах, Агис Четырнадцатый сразу успокоился и сел.

— Вы же знаете, — сказал он, — что в соответствии с вековой традицией Галактическая Библиотека независима от Империи во всем, что касается вопросов самоуправления. У нее свои правила, и они действуют еще со времен моего тезки,

Агиса Шестого, — улыбнулся Император. — Он пытался слегка надавить на Библиотеку, но у него ничего не вышло. У него — великого Агиса Шестого — ничего не вышло, а у меня, думаете, выйдет?

— Сир, я не прошу вас применять силу. Можно ведь просто обратиться к руководству Библиотеки с вежливой просьбой. Безусловно, в том, что не затрагивает функционирования Библиотеки как таковой, они будут рады выполнить волю Императора.

— Профессор Селдон, вы плохо знаете руководство Библиотеки. Я отлично понимаю, что стоит мне выразить самое вежливое пожелание, как они потихонечку займутся совершенно противоположным, все наоборот сделают. Они нюхом чуют малейшее проявление давления со стороны Империи.

— Так что же мне делать? — спросил Селдон.

— А я вам скажу. Мелькнула у меня мыслишка. В конце концов, это же публичная Библиотека, верно? А я простой гражданин, значит, и я могу посетить библиотеку, если пожелаю. Расположена она в пределах дворцовой территории. Стало быть, я и этикета не нарушу, если отправлюсь туда. Ну вот, а вы пойдете со мной, мы будем старательно изображать из себя закадычных дружков. Ни о чем я их просить не стану, но они увидят, как мы с вами вышагиваем под ручку, и тогда, может быть, кто-то из членов их драгоценного Совета поглядит на вас подобрее. Вот и все, что я могу вам предложить.

Селдон был глубоко разочарован. Это могло быть не принято во внимание.

Глава 12

С явным подобострастием Лас Зенов проговорил:

— А я и не знал, что вы на дружеской ноге с Императором, профессор Селдон.

— Почему бы и нет? Для Императора он большой демократ, и он интересуется, как я работал премьер-министром при Клеоне.

— Мы все были просто потрясены. Императоры не посещали наши залы очень много лет. Обычно, когда Императору что-то нужно в Библиотеке...

— Могу себе представить. Он делает запрос, и ему все приносят на блюдечке.

— Однажды было высказано такое предложение, — доверительно сообщил Зенов, — чтобы во дворце для Императора было установлено компьютерное оборудование, позволявшее ему иметь прямую связь с библиотечной системой, чтобы не приходилось ждать, пока его обслужат. Это было давно, когда у нас было много денег, но, как вы знаете, предложение не прошло.

— Вот как?

— О да. Совет почти единогласно выступил против: дескать, тогда Император внедрится в Библиотеку и это будет угрожать нашей независимости от правительства.

— Ну а нынешний Совет, который не пожелал оказать честь Императору, позволит мне остаться в Библиотеке?

— Пока — да. Есть такое предположение — и я сделал все, что было в моих силах, чтобы поддержать его, — что, если мы будем невежливы с личным другом Императора, возможность увеличить субсидии, и без того ничтожная, исчезнет совсем.

— Стало быть, деньги — даже туманная перспектива их получения — решают все.

— Боюсь, что так.

— А своих сотрудников я смогу разместить в Библиотеке?

Зенов растерялся.

— Боюсь, что нет. Ведь с Императором видели только вас, а не ваших сотрудников. Мне очень жаль, профессор.

Селдон пожал плечами и ушел от Главного Библиотекаря в самом дурном расположении духа. Сотрудников разместить в Библиотеке ему не удалось. Он надеялся отыскать людей, подобных Ванде, и это ему тоже не удалось. Ему также были необходимы деньги для продолжения исследований на должном уровне. И денег у него тоже не было.

Глава 13

Трентор, столичная планета Галактической Империи, сильно изменилась с того дня, когда Гэри Селдон тридцать восемь лет назад, выйдя из гиперпространственного корабля, впервые ступил на ее поверхность. Может быть, виной тому были розовые очки юности — как было молодому геликонскому провин-

циалу не прийти в восторг от сверкающих башен, сияющих куполов, разноцветной, куда-то спешащей людской толпы, что, казалось, мельтешила днем и ночью по поверхности Трентора.

А теперь, печально думал Селдон, тротуары стали почти безлюдными даже в разгар дня. Банды автомобилистов контролировали различные районы города, воюя между собой за территории. Служба безопасности работала спустя рукава — те, кто остался в ней, занимались исключительно разбором жалоб, поступавших в центральный офис. Нет, конечно, по срочным вызовам офицеры выезжали, но на сцене событий появлялись уже тогда, когда преступление успевало совершиться. Теперь они даже не притворялись, будто пекутся о безопасности граждан Трентора. Каждый житель был предоставлен самому себе, и жить стало очень рискованно. И все же Гэри Селдон продолжал рисковать — в форме ежедневных пеших прогулок, словно выражал этим некий протест против тех сил, которые грозили разрушить его любимую Империю, да и его самого уничтожить.

Словом, Гэри Селдон шел прихрамывая и размышлял.

Ничего не вышло. Ничего. Определить, чем Ванда отличается от других в генетическом плане, не удалось, а без этого он не мог отыскать других таких же людей, как она.

С тех пор как Ванда обнаружила ошибку в Главном Радианте Юго Амариля, ее способность читать мысли необычайно усилилась. У Ванды вообще оказалась масса способностей. Казалось, будто с того момента, как она поняла, что ее умственные таланты делают ее не похожей на остальных, она решила понять природу своего дара, усилить его, научиться им управлять. Она очень повзрослела и быстро отказалась от всяких детских штучек, за которые ее так любил дед. Но она стала еще дороже его сердцу из-за той решимости, с которой желала помочь ему в его работе с помощью своего дара. А Гэри Селдон рассказал Ванде о своем замысле относительно Второй Академии, и она поняла план деда.

Однако сегодня настроение у Селдона было мрачное. Он начинал подумывать, что ментальный талант Ванды ничего ему не даст. Денег на продолжение работы не было — ни на поиск подобных Ванде людей, ни на жалованье для сотрудников в Стрилингском университете, ни на то, чтобы запустить в действие Энциклопедический Проект в Галактической Библиотеке.

Что же делать?

Селдон шел в Библиотеку. Он мог бы полететь туда на гравикебе, но все же пошел пешком, невзирая на хромоту. Ему нужно было время для раздумий.

Услышав чей-то вскрик: «Вот он!», он не обратил на него внимания.

— Вот он! — послышалось вновь. — Психоистория!

Слово «психоистория» заставило Селдона оторвать взгляд от тротуара. Вокруг него собиралась группа молодчиков.

Селдон инстинктивно прислонился к стене ближайшего дома и поднял палку, защищаясь.

— Что вам нужно?

— Кредитки, старикан! — хохоча, объявили молодчики. — Есть кредиточки, а?

— Может быть, и есть, но только почему вы их у меня требуете? Кто-то из вас крикнул: «психоистория»? Вы знаете, кто я такой?

— А как же! Ворон Селдон, вот кто, — довольно заявил главарь.

— А еще — калека несчастный! — выкрикнул один из молодчиков.

— Ну а если я вам не дам ни кредитки, что вы станете делать?

— Все равно отнимем, — осклабился главарь. — Поколотим и отнимем.

— А если я дам вам денег?

— Все равно поколотим! — хохотнул главарь, и вся шайка довольно заржала.

Селдон предостерегающе махнул палкой.

— Не подходите! Слышите, вы?

Он успел сосчитать парней. Их было восемь.

Лоб Селдона покрылся испариной. Было дело — однажды на него, Дорс и Рейча напали десятеро, и они справились с молодцами без труда. Но тогда ему было всего тридцать два, а Дорс была... а Дорс была Дорс.

Теперь все было по-другому. Он еще раз махнул палкой.

Главарь бандитов хмыкнул:

— Эй, парни, старикашка-то, глядите, напасть на нас никак хочет? Что же нам делать-то? Ой-ой-ой!

Селдон быстро посмотрел по сторонам. Офицера службы

безопасности поблизости не было. Вот он, еще один из признаков загнивания общества. Мимо торопливо прошли несколько пешеходов, но желания помочь не выразили. И просить было бесполезно. Теперь никто не желал рисковать и вмешиваться во что бы то ни было.

— Первый же из вас, кто сделает хоть шаг ко мне, получит палкой по голове. Череп размозжу, имейте в виду!

— Да ну? — осклабился главарь, шагнул вперед и схватился за палку. После непродолжительной борьбы палка оказалась у него в руках. Главарь отбросил ее в сторону. — Ну, старикашка, что теперь?

Селдон прислонился к стене. Теперь оставалось только принимать удары. Бандюги разом двинулись на него, и каждый явно хотел в буквальном смысле приложить к нему руку. Селдон приготовился к защите, заслонив лицо руками. Он еще помнил кое-какие приемы рукопашного боя по-геликонски. Если бы бандитов было один-два, он бы сумел уклониться от ударов и сам бы ответил ударами. Но восемь — это было для него чересчур много.

Стоило ему сделать резкое движение в попытке избежать удара в плечо, как правая, больная нога подвернулась, Селдон упал, и стало ясно, что теперь он станет легкой добычей для бандюг.

И вдруг послышался чей-то разгневанный голос:

— Что тут происходит? А ну, разойдитесь, бандюги! Разойдитесь, вам говорят, а не то я с вами живо разделаюсь!

— Еще один старикашка, — презрительно сплюнул главарь.

— Не такой уж старикашка, — возразил незнакомец и изо всех сил ударил главаря по физиономии. Тот побагровел.

Селдон, только теперь сумевший разглядеть того, кто вступился за него, изумленно прошептал:

— Рейч...

— Папа, ты лучше уходи отсюда. Давай-давай, поднимайся и иди.

Главарь, сморщившись и потирая щеку, прошипел сквозь зубы:

— Зато ты получишь сейчас...

— Вряд ли, — ответил Рейч, выхватывая нож далийского производства с длинным сверкающим лезвием. Долго не раз-

думывая, он вынул и второй, точно такой же. Теперь в обеих руках у него было по ножу.

— А ты всегда ходишь с ножами, Рейч? — хрипло дыша, проговорил Селдон.

— Всегда, — ответил Рейч. — И ни за что с ними не расстанусь.

— А я тебя заставлю! — рявкнул главарь и выхватил бластер.

Но быстрее, чем кто-либо успел глазом моргнуть, один из ножей Рейча сверкнул, рассек воздух и воткнулся точнехонько в кадык главаря. Тот захрипел и повалился на землю, а остальные остолбенело смотрели на него.

Рейч неторопливо подошел к безжизненному телу главаря.

— А ножичек я заберу, пригодится еще, — сказал он небрежно, выдернул нож из горла главаря и вытер о его рубашку. Затем наступил на руку поверженного врага, наклонился и взял бластер.

Сунув бластер в один из своих вместительных карманов, Рейч обернулся к бандитам и сказал:

— Не охотник я до бластеров — промахиваюсь, бывает. А вот с ножичком — никогда! Никогда, поняли, тупицы? Ваш дружок готов. Сколько вас тут осталось-то? Семеро? Ну что, мечтаете отправиться за ним следом или уйдете подобру-поздорову?

— Хватай его! — крикнул один из бандитов, и все семеро шагнули к Рейчу.

Рейч отшатнулся. Ослепительно сверкнуло лезвие первого ножа, следом за ним полетел другой, и вот еще двое бандитов повалились на землю — ножи Рейча угодили им в животы.

— Верните ножички, ребята, нехорошо... — приговаривал Рейч, вынимая ножи и вытирая их. — Эти двое еще живы, но жить им осталось недолго. Стало быть, вас еще пятеро. Попробуете еще разок или все-таки домой потопаете?

Бандиты, яростно сопя, взвалили тела троих товарищей на плечи и поспешно удалились.

Рейч наклонился, поднял с тротуара палку Селдона.

— Идти можешь, па?

— Не очень, — признался Селдон. — Ногу подвернул.

— Тогда забирайся ко мне в машину. А что это ты пешком?

— А что такого? Со мной никогда ничего подобного не случалось.

— Считай, дождался — случилось. Забирайся в машину, я отвезу тебя в Стрилинг.

Рейч неторопливо набрал код на пульте управления автомобиля и сказал:

— Как жаль, что с нами не было Дорс! Мама бы с ними голыми руками управилась, и через пять минут все восемь мужиков были бы на том свете.

Слезы слепили Селдону глаза.

— Я знаю, Рейч, я знаю. Думаешь, я не тоскую по ней каждый день?

— Прости, — негромко проговорил Рейч.

— Но как ты узнал, что я попал в беду, сынок?

— Ванда сказала. Сказала, что злые люди собрались напасть на тебя, и показала, где они притаились. Я сразу выехал сюда.

— Ты даже не засомневался, верно ли то, что она сказала?

— Вовсе нет. Теперь мы так хорошо ее знаем, что у нас нет никаких сомнений: она каким-то образом умеет контактировать с твоим сознанием и со всем, что тебя окружает.

— Что, она сказала тебе, сколько человек на меня напало?

— Нет. Сказала просто «несколько».

— И ты помчался сюда совсем один, Рейч?

— Команду собирать времени не было, па. Ну и потом меня и одного хватило, как видишь.

— Это точно. Спасибо тебе, сынок.

Глава 14

Селдон лежал на кровати. Под больную ногу была заботливо подложена подушечка.

Рейч невесело смотрел на отца.

— Папа, — решительно начал он, — больше ты по Трентору один разгуливать не будешь.

Селдон нахмурился.

— Что, из-за одного-единственного случая?

— Ничего себе случай! Ты больше не в силах сам защищаться. Тебе как-никак семьдесят, и правая нога тебя, как видишь, подводит. И потом у тебя есть враги!

— Враги?

— Представь себе. И ты это сам отлично понимаешь. Эти

крысы подзаборные не за кем-нибудь охотились. Им не все равно было, на кого нападать. Они искали и нашли именно тебя. Или ты забыл, что они крикнули «психоистория!»? А еще обозвали тебя калекой. Как думаешь, почему?

— Не знаю.

— Зато я знаю. Это потому, что ты живешь в своем мирке, папа, и не знаешь, что происходит на Тренторе. Думаешь, тренторианцы слепые и не видят, как планета, набирая скорость, несется в пропасть? Думаешь, они не знают, что твоя психоистория это давно предсказала? Тебе не кажется, что люди склонны свалить на гонца вину за дурные вести? Если все будет плохо, — а все *будет* плохо, — очень многие подумают, что во всем виноват ты.

— Не могу в это поверить.

— А как ты думаешь, почему в Галактической Библиотеке есть противники твоего пребывания там? Не хотят попасть под горячую руку, когда толпа на тебя набросится. Ну так вот... тебе надо быть осторожнее. Ни в коем случае нельзя ходить одному. Либо со мной, либо с телохранителями. Только так, папа.

Селдон выглядел таким несчастным, что Рейчу стало его жалко.

— Но это ненадолго, па, — сказал он. — Я нашел новую работу.

Селдон поднял взгляд.

— Новую работу? Какую?

— Преподавательскую. В университете.

— В каком университете?

— В Сантаннийском.

У Селдона задрожали губы.

— Сантанния! Это же в девяти тысячах парсеков от Трентора! Провинциальный мир на другом краю Галактики!

— Вот именно. Потому я и хочу улететь туда. Я на Тренторе всю жизнь прожил, па, и мне тут надоело. Нет ни одной планеты во всей Империи, где дела сейчас шли бы хуже, чем на Тренторе. Логово бандюг, а защитить простого человека некому. Экономика хромает на обе ноги, техника разрушается. А Сантанния живет примерно так же, как и жила, — тихий, пасторальный мир. Я хочу улететь туда и начать там новую жизнь с Манеллой, Вандой и Беллис. Мы все вместе отбываем туда через два месяца.

— Все?!

— Все. И ты тоже, папа. Мы не оставим тебя на Тренторе. Ты полетишь с нами на Сантаннию.

Селдон покачал головой:

— Это невозможно, Рейч. Ты знаешь.

— Почему невозможно?

— Ты знаешь почему. Проект. Моя психоистория. Неужели ты думаешь, что я смогу оставить дело всей моей жизни? Предать его?

— Почему нет? Оно же тебя предало.

— Ты с ума сошел!

— Вовсе нет. Ты сам посуди, к чему все это тебя привело. Денег у тебя нет, и добыть их негде. На Тренторе не осталось никого, кто хотел бы тебе помочь.

— Но уже почти сорок лет...

— Да-да, это понятно. Сорок лет прошло, и ты *проиграл*, папа. Это не преступление — проиграть. Ты так старался, столько сил положил, столько достиг, но добрался в итоге до разваливающейся экономики и гибнущей Империи. Именно это ты давно предсказывал, и именно это теперь встало на пути твоей работы. Так что...

— Нет. Не встало. Так или иначе я буду продолжать работу.

— Я тебе вот что скажу, па. Если уж ты действительно такой упрямый, возьми с собой свою психоисторию. Начни все заново в Сантаннии. Может быть, там найдутся и деньги, и энтузиасты, чтобы помочь тебе.

— А что будет с теми людьми, которые столько лет верой и правдой служили мне?

— О боже, папа! Да они уходят от тебя один за другим из-за того, что тебе нечем им платить! Если ты останешься здесь, то скоро останешься один-одинешенек. Ой, папа, я тебя умоляю! Ты думаешь, мне по сердцу вот так с тобой говорить? Просто никто, кроме меня, тебе этого не скажет, никто не отважится поранить твое сердце. Так давай же не будем лгать друг другу. Раз ты уже ходишь по улицам, а на тебя нападают единственно потому, что ты — Гэри Селдон, разве не пора сказать друг другу правду?

— Бог с ней, с правдой. Я не хочу улетать с Трентора.

Рейч покачал головой.

— Я не сомневался, что ты будешь упрямиться, папа. Но у тебя целых два месяца на размышления. Подумай, ладно?

Глава 15

Гэри Селдон давно не улыбался. Он, как обычно, руководил Проектом: упорно, старательно содействуя продвижению работы над психоисторией, строя планы относительно создания Академий, изучая Главный Радиант.

Но он не улыбался. Он заставлял себя работать, не испытывая при этом никакой радости от достигнутых успехов. Наоборот, он все время ощущал неудачи, абсолютно во всем.

Селдон сидел в своем стрилингском кабинете за рабочим столом, когда вошла Ванда. Селдон взглянул на нее, и сердце его радостно заколотилось. Отношение к Ванде у него всегда было особенное. Селдон уже не мог припомнить, когда и он сам, и все остальные перестали воспринимать ее заявления с удивлением и восторгом — теперь всем казалось, что так было всегда. Она спасла его жизнь, будучи совсем малышкой, с помощью пресловутых «фиников». Даже в раннем детстве она отличалась тем, что *все знала*.

Хотя доктор Энделецки классифицировала геном Ванды как абсолютно нормальный во всех отношениях, Селдон не отказался от мысли, что умственные способности внучки превосходят способности среднего человека. Точно так же он был уверен в том, что в Галактике существуют другие такие же люди, как она, и даже на Тренторе. Если бы только он мог разыскать этих менталистов, какой неоценимый вклад они могли бы внести в дело создания Академии! Пока же все его мечты были сосредоточены в единственном существе — его внучке. Селдон смотрел на нее, такую красивую, горделиво стоящую на пороге кабинета, и сердце его готово было разорваться от тоски. Через несколько дней она уедет.

Как он сумеет пережить это?

Ванда стала настоящей красавицей. Ей было восемнадцать. Длинные светлые волосы, немного широковатые скулы, но зато лицо ее казалось всегда готовым улыбнуться. Она и улыбалась, а Селдон подумал: «Что же ей, плакать, что ли? Летит на Сантаннию, где ее ждет совсем другая жизнь».

— Ну, Ванда, — сказал он, — еще несколько дней — и все.

— Вряд ли, дедушка.

— Что? — удивленно посмотрел на внучку Селдон.

Ванда подошла и обняла деда.

— Я не полечу на Сантаннию.

— Что, разве папа и мама передумали?

— Нет, они полетят.

— А ты — нет? Почему? А ты куда собираешься?

— Я собираюсь остаться здесь, дедушка. С тобой, бедный дедушка! — воскликнула Ванда и нежно прижалась к Селдону.

— Но я не понимаю... Почему? Они разрешили тебе остаться?

— Ты про папу с мамой? Не то чтобы разрешили. Мы спорили и спорили, и в конце концов я победила. Ну а что тут такого, дед? Они улетят на Сантаннию, и все у них будет хорошо. Будут любить друг друга и малышку Беллис. Но если я полечу с ними, а тебя оставлю здесь, ты же будешь совсем один. Нет, я не выдержу.

— Но как же тебе удалось уговорить их?

— Ну, ты же знаешь, я это умею. Нечто вроде «толчка».

— Что это значит?

— Все дело в моем уме. Я вижу, что делается в уме у тебя и у родителей. Время идет, и я все лучше вижу, словно прозреваю. Ну а еще я научилась делать эти самые «толчки» — заставлять людей делать то, что я пожелаю.

— И как же ты это делаешь?

— Не знаю. Но проходит время, и люди устают от этих «толчков» и все делают по-моему. Так что я собираюсь остаться с тобой.

Селдон устремил на Ванду взгляд, полный отчаянной любви.

— Это прекрасно, Ванда, детка. Но Беллис...

— Не волнуйся о Беллис. У нее нет такого ума, как у меня.

— Ты уверена? — спросил Селдон и прикусил нижнюю губу.

— Совершенно. Ну и потом должен же с мамой и папой кто-то остаться.

Селдон внутренне ликовал, но дать волю своим чувствам не решился. А как же Рейч и Манелла?

Он сказал:

— Ванда, но как же ты можешь так хладнокровно расстаться с родителями?

— При чем тут хладнокровность? Они все понимают. Они понимают, что я должна остаться с тобой.

— Как тебе удалось этого добиться?

— «Толчками», повторяю, — просто ответила Ванда. — «Толкала», «толкала», и постепенно они стали думать, как я.

— Ты это умеешь?

— Это было непросто.

— И ты это сделала, потому что...

Комок подкатил к горлу, и Селдон замолчал.

— Потому что я тебя люблю, — договорила за него Ванда. — Конечно. А еще потому...

— Да?

— Я должна изучить психоисторию. Я уже кое-что знаю.

— Откуда?

— Из твоего сознания. Из сознания других, кто работает в Проекте. Из сознания дяди Юго, пока он был жив. Но это все кусочки, обрывки. А я хочу по-настоящему. Дед, мне нужен свой собственный Главный Радиант, — заявила Ванда. Глаза ее загорелись, она затараторила увлеченно: — Я хочу самым подробным образом вникнуть в психоисторию. Дедушка, ты совсем старый и очень устал. А я молодая, у меня много сил. Хочу узнать как можно больше, чтобы я смогла работать, когда тебя...

Она смутилась и запнулась. Селдон, сделав вид, что не заметил этого, сказал:

— Ну что ж, это было бы замечательно, если бы у тебя получилось, но ведь у нас совсем нет денег. Я научу тебя всему, что знаю сам, но работать... нет, сделать мы больше ничего не сумеем.

— Посмотрим, дед. Посмотрим!

Глава 16

Рейч, Манелла и малютка Беллис ждали в космопорту объявление о начале посадки на звездолет. Багаж уже был сдан.

— Папа, полетим с нами, — упрашивал Рейч.

Селдон покачал головой:

— Не могу.

— Если надумаешь, у нас всегда найдется место для тебя.

— Знаю, Рейч. Мы прожили вместе почти сорок лет — и это были замечательные годы. Нам с Дорс повезло, что мы нашли тебя.

— Это мне повезло, — пробормотал Рейч, и глаза его наполнились слезами. — Не думай, я тоже маму каждый день вспоминаю.

— Я и не думаю...

Селдон отвел взгляд. Ванда играла с Беллис. Тут раздался сигнал, и всех пригласили пройти на посадку.

Родители бросились обнимать Ванду и поливать ее слезами. По пути к выходу Рейч оглянулся, помахал Селдону рукой и улыбнулся, но улыбка получилась вымученной.

Селдон тоже помахал ему в ответ, другой рукой обняв и прижав к себе Ванду.

Только она и осталась у него. Один за другим ушли из его жизни дорогие сердцу люди — друзья и любимые. Демерзель улетел и никогда не вернется. Император Клеон погиб. Погибла Дорс, умер Амариль. А теперь и Рейч, его единственный сын, улетел.

У Селдона осталась только Ванда.

Глава 17

— Как чудесно! — проговорил Селдон. — Прекрасный вечер. Ведь мы живем под куполом, и, в принципе, каждый вечер мог бы быть таким же.

Ванда равнодушно ответила:

— Мы бы устали от этого, дедушка, если бы ежедневно были красивые вечера. Для нас лучше, что вечера все время разные.

— Это для тебя, потому что ты еще молодая. У тебя еще много-много вечеров впереди. У меня — нет, потому мне и хочется, чтобы все дни были такие дивные, как сейчас.

— Ну, дедушка, опять ты за свое. Никакой ты не старый. Нога у тебя в последнее время получше, а голова работает великолепно. Уж я-то *знаю*.

— Ну-ну. Давай-давай, подбадривай, — ворчливо проговорил Селдон. — Слушай, я хочу пройтись. Хочу выбраться из этой квартиры и сходить в Библиотеку, насладиться красивым вечером.

— Что тебе нужно в Библиотеке?

— В данный момент ничего. Просто хочется прогуляться. Только...

— Да-да, только что?

— Я обещал Рейчу не ходить по Трентору без телохранителя.

— Рейча здесь нет.

— Знаю, что нет, — пробурчал Селдон. — Зато обещание есть.

— Но он же не сказал, кто должен быть твоим телохранителем, верно? Давай прогуляемся, и твоим телохранителем буду я.

— Ты? — усмехнулся Селдон.

— Да, я. Предлагаю, так сказать, услуги. Собирайся, и пойдем гулять.

Селдон подумал было, не отправиться ли на прогулку без палки, ведь нога у него в последнее время действительно не болела, но, с другой стороны, теперь у него была новая палка, в рукоятку которой был вмонтирован свинец. Она была тяжелее и крепче старой палки, и он решил, что, не имея лучшего телохранителя, чем Ванда, правильнее будет взять с собой эту новую палку.

Прогулка оказалась удивительно приятной, и Селдон от души радовался, что не устоял перед искушением... пока они не дошли до определенного места.

Гневно подняв палку, Селдон воскликнул:

— Да ты посмотри только!

Ванда посмотрела вверх. Купол, как всегда по вечерам, светился, создавая иллюзию наступающих сумерек. С наступлением ночи огни на куполе гасли совсем.

Но там, куда указывал Селдон, по всей внутренней поверхности купола тянулась темная полоса. Целая секция ламп, следовательно, не горела.

Селдон сердито проговорил:

— Когда я впервые попал на Трентор, о таком никто и помыслить не мог! За освещением все время следили. Город *работал*, а теперь все разваливается из-за таких вот мелочей, а что меня больше всего возмущает, так это то, что никому нет никакого дела до неисправностей. Почему никто не отправляет жалоб во дворец? Почему нет демонстраций протеста? Такое ощущение, будто население Трентора сидит и ждет, когда город рассыплется на куски, и злится на меня за то, что я именно это самое предсказал.

— Дедушка, — негромко проговорила Ванда, — позади нас двое мужчин.

К этому времени дед и внучка как раз вошли в тень, возникшую из-за дефекта освещения, и Селдон спросил:

— Просто гуляют?

— Нет, — не оборачиваясь, ответила Ванда. Ей не было нужды оборачиваться. — Они идут за тобой.

— Можешь их остановить? «Толкнуть», как ты говоришь?

— Я пытаюсь, но их двое, и на уме у них нехорошее. Они что-то задумали, и крепко задумали. Я словно в стену бьюсь.

— Далеко они от нас?

— Близко. Метра три.

— Догоняют?

— Да.

— Как будут в метре от нас, скажи.

Рука Селдона скользнула вниз, он перехватил палку и перевернул ее набалдашником вниз.

— Вот они, дед, — прошептала Ванда.

Селдон резко обернулся, замахнувшись палкой, которая без промаха опустилась на плечо одного из преследователей. Тот вскрикнул и осел на тротуар.

— А второй где? — удивился Селдон.

— Убежал, — ответила Ванда.

Селдон, разглядывая лежавшего, наступил ему на грудь.

— Обыщи карманы, Ванда. Ему кто-то заплатил, и мне хотелось бы найти его кредитный файл — может быть, сумеем узнать, откуда деньги. Вообще-то я хотел попасть по голове...

— Ты мог убить его, дед!

Селдон кивнул:

— Я не этого хотел. Ужасно стыдно. Мне повезло, что я промахнулся.

— Что тут происходит? — спросил грубоватый голос. К месту происшествия, тяжело дыша, спешил мужчина в форме офицера службы безопасности. — Эй, ты, отдай сюда свою палку!

— Офицер... — вежливо начал Селдон.

— Потом расскажешь, потом. Сейчас надо вызвать «Скорую помощь» для этого бедняги.

— Бедняги?!. — гневно воскликнул Селдон. — Он хотел наброситься на меня. Я защищался.

— Я видел, как все было, — мотнул головой офицер. — Этот парень тебя и пальцем не тронул. Ты обернулся и ударил его просто так, без всякой причины. Какая тут самозащита? Нападение и избиение.

— Послушайте, офицер, я вам говорю, что...

— Не надо мне ничего говорить. Ты... гм-м-м... в суде расскажете.

— Офицер, — обратилась к нему Ванда вкрадчивым, нежным голоском, — вы бы нас хотя бы выслушали.

— Шли бы вы домой, дамочка, — посоветовал ей офицер.

Ванда выпрямилась и объявила:

— Ну уж нет! Куда дед, туда и я.

Глаза ее полыхнули огнем. Офицер пробормотал:

— Ладно, пошли.

Глава 18

Селдон был вне себя от возмущения.

— Я никогда не был под арестом, никогда в жизни! Пару месяцев назад на меня напали восемь бандитов. Тогда мне помог сын справиться с ними, но когда шла драка, хоть один офицер службы безопасности появился? Хоть кто-нибудь из прохожих остановился, чтобы выручить меня? Нет. На сей раз я был лучше подготовлен к нападению и ударил человека, который собирался напасть на меня. Появился на этот раз офицер? А как же! И тут же нацепил на меня наручники. На этот раз были и зеваки, которые с любопытством глазели, как уводят старика, обвиняемого в хулиганстве. Послушайте, в каком мире мы живем?!

Сив Новкер, адвокат Селдона, вздохнул и сказал:

— В преступном мире. Но ты не волнуйся. Ничего страшного с тобой не произойдет. Я устрою так, что тебя выпустят под залог, а потом ты предстанешь перед судом, и самое большее, что тебя ожидает, — это несколько грубых слов. Твой возраст и репутация...

— Забудь о моей репутации! — сердито рявкнул Селдон. — Я психоисторик, а это сейчас самое грубое слово, самое страшное ругательство. Они будут страшно рады засадить меня за решетку.

— Не засадят, — покачал головой Новкер. — Конечно, охотники найдутся, но я постараюсь, чтобы они не попали в число присяжных.

— Послушайте, — обратилась к адвокату Ванда, — неужели нельзя вообще это дело до суда не доводить? Дедушка — старый человек. Может быть, можно обратиться к судье с просьбой такого рода?

Адвокат обернулся и изумленно посмотрел на нее.

— Ни в коем случае! Это чистое безумие. Судьи — одуревшие от власти люди. Они с большей охотой засадят человека в тюрьму, чем согласятся выслушать его. С судьями никто не связывается.

— Думаю, нам придется... — сказала Ванда.

— Послушай, Ванда, — перебил ее Селдон, — давай лучше послушаемся Сива...

Произнося эти слова, он почувствовал, как у него противно засосало под ложечкой. Ванда «толкнула» его.

— Ну ладно, — пробормотал Селдон, — если ты так настаиваешь...

— Не будет она настаивать, — заупрямился адвокат. — Я не позволю.

— Мой дедушка — ваш клиент, — заявила Ванда. — Если он хочет, чтобы вы сделали то-то и то-то, вы должны сделать так, как он хочет.

— Я могу отказаться защищать его.

— Ради бога!.. Вы свободны, — отрезала Ванда. — Мы сами обратимся к судье.

Новкер немного подумал и сказал:

— Ну вот и отличненько. Давайте, если вы такие упрямые. Я был адвокатом Гэри много лет и теперь его не брошу. Но предупреждаю вас обоих: шансы получить обвинительный приговор очень велики, и мне придется трудиться в поте лица, чтобы этого не случилось.

— Я не боюсь, — заявила Ванда.

Селдон прикусил губу. Адвокат повернулся к нему.

— А ты-то что скажешь, Гэри? Ты что, и вправду хочешь, чтобы твоя внучка подлила масла в огонь?

Селдон ненадолго задумался и, к полному изумлению старика адвоката, кивнул:

— Да! Да, хочу.

Глава 19

Судья с кислой физиономией выслушал рассказ Селдона.

— А с чего вы, собственно, взяли, — спросил он, — что человек, которого вы ударили, намеревался напасть на вас? У вас были веские причины опасаться этого?

— Моя внучка заметила, как он приблизился. Она была совершенно уверена, что он собирается напасть на меня.

— Но, сэр, этого недостаточно. Что еще вы можете мне сообщить, прежде чем я сформулирую обвинение?

— Погодите, погодите, — нетерпеливо проговорил Селдон. — Не торопитесь делать выводы. Несколько недель назад на меня напала шайка бандитов — восемь человек, — и я дрался вместе с моим сыном. Как видите, у меня была самая веская причина опасаться, что на меня снова нападут.

Судья заглянул в стопку бумаг, лежавшую на его столе.

— На вас напали восемь человек? Вы заявляли об этом?

— Некому было заявить. Поблизости не оказалось ни одного офицера службы безопасности.

— Это к делу не относится. Вы заявляли о случившемся или нет?

— Нет, сэр.

— Почему?

— Во-первых, я боялся, что начнется долгое и нудное разбирательство. Поскольку мы с сыном справились с ними и остались живы, я решил, что заявлять никуда не стоит.

— Но как же вам удалось справиться с восемью бандитами — вам и вашему сыну?

Селдон растерялся.

— Мой сын сейчас на Сантаннии, стало быть, для властей Трентора недосягаем. Поэтому я вам скажу правду: у него было два далийских ножа. А он с ними обращаться умеет. Одного из бандитов он убил и двоих сильно поранил. Остальные подхватили убитого и раненых и убежали.

— И вы не сообщили об убийстве и ранениях?

— Нет, сэр. По той же самой причине. И дрались мы, защищаясь. Однако, если вы покопаетесь в своих бумагах и найдете тех, кого мы поранили, вы убедитесь, что на нас действительно нападали.

— Покопаться в бумагах?! — воскликнул судья. — Найти

одного убитого и двоих раненых — без имен, фамилий, примет? Да знаете ли вы, что на Тренторе каждый день находят по две тысячи мертвых — это только с ножевыми ранами! Если нам о таком сразу не сообщают, мы бессильны. Ваш рассказ о том, что на вас уже нападали, — это так, водичка жиденькая. Никто не поверит. Забудьте об этом. Разбираться будем с тем, что случилось сегодня. Этот случай зарегистрированный, и ему был свидетелем офицер службы безопасности. Ну так вот... Рассмотрим этот случай. С чего вы взяли, что этот человек хотел напасть на вас? Только потому, что он шел за вами следом? Только потому, что вы беззащитный старик? Или потому, что вы похожи на человека, у которого при себе уйма кредиток? Что скажете?

— Я думаю, господин судья, все произошло из-за того, что я — это я.

Судья просмотрел бумаги.

— Вы Гэри Селдон, профессор, ученый. С какой стати кому-то на вас нападать?

— Из-за моих взглядов.

— Из-за ваших взглядов. Чудненько... — Судья более внимательно просмотрел бумаги. Вдруг его словно осенило. Он оторвал взгляд от бумаг и изумленно посмотрел на Селдона. — Погодите-погодите... Гэри Селдон... — Физиономия судьи просияла. — Так вы же этот самый... вещий психоисторик, точно?

— Да, господин судья.

— Простите. Я толком ничего не знаю про ваши занятия. Только знаю, что вы вроде бы предсказываете конец Империи или что-то в этом духе.

— Не совсем так, господин судья. Но мои воззрения стали непопулярны именно из-за того, что мои предсказания сбываются. И я думаю, именно из-за этого появились люди, которые хотят убить меня, а что еще более вероятно — люди, которым за это платят.

Судья некоторое время смотрел на Селдона в упор, затем обратился к офицеру, арестовавшему профессора:

— Ты проверил того человека, пострадавшего? Числится за ним что-нибудь?

Офицер прокашлялся и сообщил:

— Да, сэр. Его несколько раз арестовывали. Хулиганство, вымогательство.

— Ага, значит, он не невинная овечка? А за профессором что-нибудь числится?

— Нет, сэр.

— Стало быть, что мы имеем? Беззащитный старик стукнул известного хулигана, а ты арестовал этого беззащитного старика, так выходит?

Офицер молчал.

— Вы свободны, профессор, — сказал судья.

— Благодарю вас, сэр. Могу я забрать свою палку?

Судья дал знак офицеру, и тот с готовностью протянул Селдону палку.

— Одно-единственное, профессор. Если вы еще когда-нибудь воспользуетесь своей палкой, вы должны быть на все сто уверены, что это самозащита, — посоветовал судья. — Иначе...

— Да, сэр, — кивнул Селдон и вышел из кабинета судьи, тяжело опираясь на палку, но с гордо поднятой головой.

Глава 20

Ванда горько плакала. Лицо ее было мокрым от слез, глаза покраснели, веки распухли.

Селдон наклонился над внучкой, поглаживая ее по спине, не зная, как ее успокоить.

— Дедушка... — рыдала Ванда. — Я такая несчастная... Я-то думала, что умею «толкать»... умею влиять на людей... и это у меня получалось... но только тогда, когда они не были особенно против... как папа и мама... да и то у меня это столько времени отнимало... Знаешь, я даже придумала что-то вроде шкалы... такой десятибалльной шкалы... и оценивала по ней силу «толчков». Только я... слишком много о себе воображала. Я-то думала, что могу выбить десять... ну, девять. А теперь я понимаю... больше семи мне не выбить... — Ванда перестала рыдать и только время от времени всхлипывала. Селдон погладил ее по голове. — Обычно... обычно... все легко получается. Если я напрягусь как следует, я слышу мысли людей и, когда захочу, делаю «толчок». Но эти гады... Я же их отлично слышала, но прогнать, оттолкнуть не могла!

— А я думаю, у тебя все очень хорошо получилось, Ванда.

— Нет... Нет! Я все при... придумала. Я думала... за тобой погонятся, и я одним могучим «толчком» обращу их в бегство. Вот таким мне хотелось быть телохранителем. Вот почему я предложила себя в тело... телохранители. Только ничего у меня не вышло. Эти двое гадов догнали нас, а я ничего... ничегошеньки не сумела сделать...

— Ну почему же? Первого ты заставила растеряться. Это дало мне время обернуться и стукнуть его.

— Нет-нет... Я тут ни при чем. Я только предупредила тебя, а остальное ты все сделал сам.

— Но второй же убежал.

— Это потому, что ты так здорово стукнул первого. А я тут ни при чем... — И Ванда снова разрыдалась. — А судья? Это же я настояла, чтобы ты пошел к судье. Думала, как «толкну» его, и он тебя сразу отпустит...

— Он меня и отпустил... почти что сразу.

— Нет. Он тебя допрашивал и что-то понял только тогда. Когда наконец узнал тебя. Я ни при чем, ни при чем... Я кругом промахнулась. Я могла тебе столько бед наделать...

— Нет, Ванда, не думай так. Если твои «толчки» не получились такими, на какие ты рассчитывала, то это только потому, что ты пыталась действовать в экстренной ситуации. Что ты могла поделать? Но послушай, Ванда. У меня есть идея.

Уловив в голосе деда волнение, Ванда оторвала лицо от подушки.

— Что за идея, дедушка?

— Вот что, Ванда... Ты, конечно, знаешь, что мне нужны деньги. Психоистория без них просто не выживет, а мне нестерпима мысль о том, что после стольких лет работы все зашло в тупик.

— Мне она тоже нестерпима. Но где же нам раздобыть денег?

— А вот где. Я хочу попросить аудиенции у Императора. Я уже виделся с ним. Он человек неплохой и мне понравился. Но денег и у него мало. Но если ты пойдешь со мной и «толкнешь» его — не очень сильно, осторожненько так, может быть, он все-таки найдет источник денег, какой-нибудь да найдет, и это поможет мне просуществовать какое-то время, пока я еще чего-нибудь не придумаю.

— Думаешь, получится, дедушка?

— Без тебя — вряд ли. А с тобой — может быть. Ну разве не стоит попытаться?

Ванда улыбнулась сквозь слезы.

— Ты знаешь, я все сделаю, как ты скажешь, дед. И потом это наша единственная надежда.

Глава 21

Договориться о встрече с Императором оказалось совсем несложно. Глаза Агиса загорелись, когда он увидел Гэри Селдона.

— Здравствуйте, дружище, — сказал Император, улыбаясь. — Явились, чтобы сообщить мне какую-нибудь гадость?

— Надеюсь, нет, — улыбнулся Селдон.

Агис расстегнул заколку, стягивающую у шеи его тяжелую мантию, и с отвращением швырнул ее в угол.

— Полежи-ка там, — проворчал он и, обернувшись к Селдону, признался: — Ненавижу ее. Тяжеленная, как не знаю что, и жарко в ней ужасно. А ведь мне приходится напяливать ее всякий раз, когда нужно стоять перед всеми, произносить бессмысленные слова. Я тогда чувствую себя чем-то вроде статуи. Нет, это просто жуть какая-то. Клеон — он, наверное, родился в мантии и умел ее носить. А я не в ней родился и носить ее терпения не хватает. Это несчастье всей моей жизни, что мне выпала «честь» доводиться ему троюродным братом по материнской линии и потому меня сочли подходящей кандидатурой на пост Императора. Я бы уступил это место любому по сходной цене. Вы бы не хотели стать Императором, Гэри?

— Нет-нет, что вы, у меня и в мыслях этого нет, так что не надейтесь, сир! — смеясь, воскликнул Селдон.

— Ну, а кто же эта ослепительная красавица с вами? — лукаво спросил Император. Ванда покраснела, а Император ласково проговорил: — Не обижайтесь на меня, милочка. Одним из немногих преимуществ Императора является то, что он имеет право говорить все, что ему вздумается. И никто не имеет права спорить. Сказать можно только: «Сир». Однако от вас мне все эти «сиры» не нужны. Ненавижу это слово. Зовите меня Агис. Правда, это не настоящее мое имя. Это император-

ское имя, и мне уже следовало бы к нему привыкнуть. Ну ладно. Как дела, Гэри? Что у вас хорошенького произошло со времени нашей последней встречи?

— На меня дважды нападали, — сообщил Селдон.

Император, похоже, не понял, шутит Селдон или говорит серьезно.

— Два раза? — переспросил он. — Правда?

Селдон рассказал, как все было, и Император помрачнел.

— Не сомневаюсь, что, когда на вас напала шайка, ни единого офицера рядом не было.

— Не было, сир.

Император встал и знаком приказал Селдону и Ванде сидеть. Он заходил по комнате, словно пытался справиться с охватившим его гневом. Наконец он резко повернулся и посмотрел на Селдона.

— Тысячи лет... — начал он. — Тысячи лет подряд, случись такое, люди говорили бы: «Почему вы не пожаловались Императору?» или «Почему Император не сделает что-нибудь?». И в конце концов Император что-нибудь делал, хотя и не всегда это было порядочно и мило. Но я... Гэри, я беспомощен. Абсолютно беспомощен. О да, существует так называемый Комитет Общественного Спасения, но они, по-моему, больше заняты *моим* спасением, чем спасением общества. Даже удивительно, что мы сейчас беседуем с вами, — Комитет вас не жалует. А я *ничего* не могу поделать. Знаете, что произошло со статусом Императора с тех пор, как была низложена хунта и реставрирована императорская власть?

— Думаю, да.

— А вот и не знаете! У нас нынче демократия. Знаете, что такое демократия?

— Конечно.

Агис нахмурился.

— Готов поклясться, вы считаете, что это хорошо.

— Я считаю, что это *может быть* хорошо.

— А вот представьте себе, что я пожелал бы, чтобы улицы Трентора патрулировало большее число офицеров. В прежние времена я бы что сделал? Просмотрел бы бумагу, подготовленную государственным секретарем, и подписал бы ее — и офицеров на улицах незамедлительно стало бы больше.

Теперь я ничего такого сделать не могу. Я должен представить эту бумагу на рассмотрение парламента. Их там семьдесят пять человек, в этом парламенте, и они, стоит только появиться какому-нибудь предложению, тут же кидаются в драку, как цепные собаки. «Во-первых, — вопят они, — где взять денег?» Они говорят: «Нельзя дать работу еще десяти тысячам офицеров без того, чтобы не иметь деньги на выплату десяти тысяч жалований». И даже тогда, когда вам удается прийти к какому-нибудь соглашению, кто займется отбором этих самых новых офицеров службы безопасности? Кто будет ими управлять?

В общем, они так орут друг на друга, спорят, изрыгают гром и мечут молнии, и в конце концов ничего не происходит. Гэри, мне не подвластны даже такие мелочи, как выключенные огни на куполе, которые вы заметили. Сколько это будет стоить? Кто за это отвечает? Нет, конечно, их починят, но на это уйдет несколько месяцев. Вот *что такое* демократия.

— Как мне помнится, — сказал Селдон, — Император Клеон тоже все время жаловался, что не может делать того, что хочет.

— У Императора Клеона, — желчно проговорил Агис, — было два первоклассных премьер-министра — вы и Демерзель, и вы оба трудились в поте лица, стараясь, чтобы ваш повелитель не отколол какой-нибудь глупости. А у меня семьдесят пять премьер-министров, и все глупцы известные. Гэри, скажите честно, вы же ко мне пришли не за тем, чтобы пожаловаться, что дважды подверглись нападению?

— Нет, не за этим. Причина намного хуже. Сир... Агис... мне нужны деньги.

Император изумленно уставился на него.

— Это после всего, что я только что сказал? Гэри, у меня нет денег. О да, у меня есть деньги для поддержания в порядке этого здания, но, для того чтобы их получить, я должен опять-таки столкнуться со своими семьюдесятью пятью законодателями. И если вы думаете, что я могу пойти к ним и заявить: «Мне нужны деньги для моего приятеля Гэри Селдона» — и они мне отвалят хотя бы четверть нужной суммы примерно этак годика через два, вы жестоко ошибаетесь. Этого не будет. — Пожав плечами, он добавил более мягко: — Поймите меня правильно, Гэри. Я бы хотел помочь вам, если бы только мог. А особенно мне бы хотелось вам помочь из-за вашей пре-

красной внучки. Вот я смотрю на нее и готов отдать вам все, что у меня есть, все деньги... если бы они у меня были.

— Агис, — сказал Селдон, — если я не получу субсидию, психоистория обречена на гибель — после сорока лет трудов.

— Но она же все равно зашла в тупик после сорока лет трудов, так зачем же так сокрушаться?

— Агис, — сказал Селдон, — значит, мне нечего больше делать. Нападали на меня только потому, что я психоисторик. Люди считают меня вестником несчастий.

Император кивнул.

— Вы предрекаете беды, Ворон Селдон. Я же вам говорил.

Селдон с трудом поднялся.

— Значит, мне конец.

Ванда встала рядом с дедом, прислонясь головой к его плечу. Она пристально смотрела на Императора.

Но, когда Селдон повернулся, чтобы уйти, Император вдруг сказал:

— Погодите, погодите. Я вдруг вспомнил одно стихотворение...

Слезами полита земля.
Добро пред злом склонило выю.
Одни на золоте сидят,
И гибнут с голоду другие.

— Что это значит? — хмуро спросил Селдон.

— Это значит, что, хотя дела в Империи идут из рук вон плохо, в ней все равно есть богатые люди. Почему бы не обратиться к кому-нибудь из наших меценатов? У них нет своего парламента, и они могут, если захотят, просто взять и выписать чек.

Селдон прищурился.

— Попробую...

Глава 22

— Мистер Биндрис, — сказал Гэри Селдон, протягивая руку для приветствия, — я так рад возможности видеть вас. Вы очень добры, что согласились встретиться со мной.

— А почему нет? — дружелюбно отозвался Тереп Биндрис. — Я вас хорошо знаю. Вернее сказать, я хорошо знаю *о вас.*

— Это приятно. Следовательно, вы слышали о психоистории.

— О да, какой интеллигентный человек о ней не слышал! Не скажу, конечно, чтобы я что-то в ней понимал. А кто эта юная леди с вами?

— Моя внучка Ванда.

— Какая красавица! — причмокнул Биндрис и почтительно поклонился Ванде. — Но рука у вас, милочка, по-моему, тяжелая, а?

— Вы преувеличиваете, сэр.

— Не думаю, не думаю... Ну, прошу садиться, и скажите мне, что я могу сделать для вас.

Биндрис сделал широкий жест, указывая на два удобных широких кресла, стоявших у письменного стола. И кресла, и сам украшенный резьбой стол, и широкие двери, которые разъехались при приближении гостей, и сверкающий, выложенный обсидиановыми плитами пол кабинета Биндриса — все было роскошное, восхитительной, тонкой работы. Но Биндрис на этом роскошном фоне выглядел совсем невыразительно — маленький, желтолицый. С первого взгляда в нем никак нельзя было признать одного из крупнейших финансовых воротил Трентора.

— Мы пришли к вам, сэр, по совету Императора.

— Императора?! Вот как?!

— Да. Он нам помочь не сумел, но сказал, что, может быть, нам сумеет помочь такой человек, как вы. Вопрос, конечно, упирается в деньги.

— В деньги? — нахмурился Биндрис. — Я вас не понял.

— Видите ли, — сказал Селдон, — почти сорок лет психоисторию финансировало правительство. Однако времена меняются. И Империя теперь не та, что была когда-то.

— Да, это я знаю.

— У Императора денег для того, чтобы поддержать нас, нет, и даже если бы они были, ему пришлось бы обратиться за утверждением субсидии в парламент, а там бы этот вопрос не прошел. Поэтому он посоветовал мне обратиться к бизнесменам, у которых пока еще есть деньги и которые могут раскошелиться на благое дело.

Наступила длиннющая пауза. Наконец Биндрис сухо проговорил:

— Император, я боюсь, ничего не знает о бизнесе. Сколько вам нужно?

— Мистер Биндрис, дело очень серьезное. Мне понадобится несколько миллионов.

— Несколько миллионов?!

— Да, сэр.

Биндрис нахмурился.

— Речь идет о займе? Когда вы сумеете вернуть долг?

— Мистер Биндрис, честно говоря, я не обещаю вернуть долг. Я ищу безвозмездной субсидии.

— Даже если бы я хотел дать вам денег — и как это ни странно, должен вам сказать, почему-то мне очень хочется это сделать, — я бы не смог. У Императора — парламент, а у меня — совет директоров. Я не могу сделать такой щедрый подарок без разрешения совета, а они ни за что на такое не согласятся.

— Почему? Ведь ваша фирма очень богата. Несколько миллионов для вас — сущий пустяк.

— Приятно слышать, — усмехнулся Биндрис. — Но только, увы, именно сейчас наши доходы упали. Не настолько, чтобы мы обанкротились, но настолько, чтобы мы обеспокоились. Если вся Империя в упадке, в упадке и ее составные части. Мы не в состоянии подарить кому-либо несколько миллионов... Мне искренне жаль, но ничего не поделаешь. — Селдон сидел молча. Биндрис участливо обратился к нему: — Послушайте, профессор Селдон, честное слово, я бы от души хотел помочь вам, в особенности ради прекрасных глаз вашей внучки, но ничего не могу поделать. Но, в конце концов, мы же не единственная крупная фирма на Тренторе. Поищите еще, профессор. Может быть, в другом месте вам больше повезет.

— Благодарствую, — сказал Селдон и встал. — Мы попытаемся.

Глава 23

Глаза Ванды были полны слез, но не от тоски, — она была в ярости.

— Дедушка, — сказал Ванда, — я не понимаю. Просто не

понимаю! Мы побывали уже в четырех фирмах. И каждый из бизнесменов вел себя грубее и нахальнее предыдущего. Последний нас просто выгнал вон. Теперь нас просто никто на порог не пустит.

— Тут нет никакой тайны, Ванда, — вздохнул Селдон. — Понимаешь, когда мы явились к Биндрису, он не знал, зачем мы пришли, и вел себя мило и гостеприимно до тех пор, пока я не заикнулся о скромном подарке в несколько миллионов кредиток. Он сразу стал гораздо менее мил и гостеприимен. А потом, я думаю, по Трентору прошел слух о том, что нам нужно, и каждый последующий богач принимал нас все менее и менее радушно, а теперь нас уже никто и принимать не хочет. Они не собираются давать нам денег, так что толку тратить на нас время?

Ванда обернула свой гнев против себя.

— А я-то, я-то хороша! Просто сидела как дура. Полный нуль!

— Я бы так не сказал, — возразил Селдон. — На Биндриса ты произвела впечатление. Знаешь, мне показалось, что он и правда не прочь был дать мне денег и в основном из-за тебя. Ты «толкала» его и кое-чего добилась.

— Мало чего добилась. И потом, о каком впечатлении ты говоришь? Он просто счел меня хорошенькой.

— Ты не хорошенькая, — пробормотал Селдон. — Ты красивая. Очень красивая.

— Ну, дед, и что же мы теперь будем делать? — спросила Ванда. — Столько лет труда, и теперь психоистория погибнет?

— Знаешь, — успокаивал Селдон, — я думаю, в этом есть какая-то неизбежность. Я уже почти сорок лет предсказываю гибель Империи, и теперь, когда Империя гибнет, психоистория гибнет вместе с ней.

— Но психоистория спасет Империю — хотя бы частично.

— Знаю. Но я не могу заставить ее помочь.

— Значит, будешь смотреть, как она гибнет?

Селдон покачал головой.

— Попытаюсь сделать так, чтобы этого не случилось, но что я буду делать для этого, честно тебе скажу, не знаю.

— А я буду практиковаться, — заявила Ванда. — Должен же быть какой-то способ усилить мои «толчки», чтобы получалось легче и точнее заставлять людей делать то, что я хочу.

— Как бы я хотел, чтобы у тебя получилось!

— А ты что будешь делать, дедушка?

— Да ничего особенного. Знаешь, пару дней назад, когда я шел к Главному Библиотекарю, я заметил троих молодых людей — они сидели у галактографа и спорили о психоистории. Один из них меня почему-то сильно заинтересовал. Я попросил его встретиться со мной, и он согласился. Сегодня я встречаюсь с ним в библиотечном кабинете.

— Хочешь предложить ему работу?

— Хотел бы... но денег нет. Однако потолковать с ним не мешает. Что я теряю, в конце концов?

Глава 24

Молодой человек явился точно в назначенное время — ровно в 4 т.с.в. (по транторианскому стандартному времени), и Селдон довольно улыбнулся. Он любил пунктуальных людей. Он оперся ладонями о крышку письменного стола и уже собирался было встать, чтобы поздороваться с гостем, но молодой человек поспешил сказать:

— Прошу вас, профессор, не вставайте. Я знаю, у вас больная нога.

— Спасибо, молодой человек, — улыбнулся Селдон. — Однако это не значит, что вы не можете сесть. Прошу вас, садитесь.

Молодой человек снял куртку и сел.

— Вы уж простите меня... — сказал Селдон, — но тогда, когда мы впервые встретились и я договорился с вами о свидании, я даже не удосужился спросить, как вас зовут.

— Стеттин Пальвер, — представился молодой человек.

— А-га, Пальвер... Пальвер... Что-то очень знакомое...

— Так и должно быть, профессор. Мой дед частенько хвастался, что был знаком с вами.

— Ваш дед? Ну, точно! Джорамис Пальвер. Он был на два года моложе меня вроде бы. Я все пытался уговорить его поработать над психоисторией, а он упорно отказывался. Он твердил, что никогда не сумеет так хорошо выучить математику. Очень жаль! Как его дела, кстати говоря?

Пальвер опустил голову.

— Как дела? Он пошел по тому пути, по которому уходят из жизни старики. Он умер.

Селдон нахмурился. На два года моложе — и уже умер. Старый друг! Как же они ухитрились так разойтись, что он даже не слышал о его смерти?

— Примите мои соболезнования. Простите меня, — тихо проговорил Селдон.

— Он прожил интересную жизнь, — сказал молодой человек.

— Ну а вы, молодой человек, где учились?

— В университете Лангано.

— Лангано? — сдвинул брови Селдон. — Поправьте меня, если я ошибаюсь, но ведь это не на Тренторе, верно?

— Нет. Мне как раз хотелось поступить в провинциальный университет. На Тренторе, как вы, конечно, знаете, университеты переполнены. А мне хотелось отыскать местечко, где бы я мог спокойно заниматься.

— И что же вы изучали?

— Да ничего такого... Историю. Не та наука, с помощью которой теперь можно прилично устроиться.

(Еще удар, да посильнее прежнего — Дорс Венабили была историком.)

— Но вы вернулись на Трентор — почему? — полюбопытствовал Селдон.

— Деньги. Работа.

— Вы работаете по специальности?

Пальвер рассмеялся.

— Что вы! Вожу зверскую машину. Смесь тягача и бульдозера. Какое там — по специальности!

Селдон с завистью посмотрел на Пальвера. Под тонкой тканью рубашки хорошо были видны его тугие мускулы. Отличное телосложение!

— Давайте я угадаю... Когда вы учились в университете, вы были в команде по боксу.

— Кто, я? Никогда. Я борец.

— Борец! — радостно воскликнул Селдон. — Вы с Геликона?

— Для того чтобы быть хорошим борцом, вовсе не обязательно быть родом с Геликона, профессор.

«Не надо-то оно, может, и не надо, — подумал про себя Селдон, — но только лучшие борцы — с Геликона». Но вслух эту мысль не высказал.

— Ну, что ж... ваш дед отказался со мной работать. А вы?

— Что, психоисторией заниматься?

— Я слышал ваш разговор с товарищами, и мне показалось, что вы рассуждаете о психоистории со знанием дела. Ну, так хотите поработать у меня?

— Я же сказал, профессор: работа у меня есть.

— Смесь тягача с бульдозером. Ну-ну.

— Мне хорошо платят.

— Деньги — это еще не все.

— Но кое-что. А вы, как я понимаю, много мне не заплатите. Я уверен, деньгами вы не богаты.

— Почему вы так говорите?

— Так, догадываюсь, и все. Что, разве я ошибаюсь?

Селдон крепко сжал губы, помолчал и сказал:

— Нет, вы не ошибаетесь, и я не смогу вам много платить. Прошу прощения. Видимо, нашей приятной беседе конец.

— Погодите, погодите, погодите! — Пальвер вскинул руки кверху. — Не так быстро! Мы говорили о психоистории. Если я буду работать с вами, вы научите меня психоистории, да?

— Безусловно.

— В таком случае действительно не в деньгах счастье. Давайте вот как договоримся. Вы меня научите всему, чему сумеете, и платить будете столько, сколько сможете, а я уж как-нибудь выкручусь. Идет?

— Идет, — улыбнулся Селдон. — И вот еще что.

— Да?

— За последнее время на меня дважды напали. В первый раз мне на помощь подоспел сын, но потом он улетел на Сантаннию. Во второй раз я отбился с помощью своей палки. Отбиться мне удалось, но меня арестовали, я вынужден был выдержать допрос у судьи — меня обвиняли ни много ни мало в хулиганстве и избиении...

— Почему на вас напали? — поинтересовался Пальвер.

— Я пользуюсь печальной известностью. Я так давно предсказываю упадок Империи, что теперь, когда он наступил, меня же в нем и винят.

— Ясно. И что же вы хотите этим сказать?

— Я хочу попросить вас стать моим телохранителем. Вы молоды, сильны, а главное, владеете приемами борьбы. Мне именно такой телохранитель нужен.

— Думаю, мы договоримся, — улыбаясь, кивнул Пальвер.

Глава 25

— Полюбуйтесь, Стеттин, — сказал Селдон во время прогулки ранним вечером в жилом районе в окрестностях Стрилинга и указал на кучу мусора — всяких огрызков и объедков, выброшенных из окон автомобилей или неаккуратными пешеходами. — В прежние времена вы бы ни за что такого на улицах Трентора не увидели. Офицеры службы безопасности беспощадно штрафовали за такое, а муниципальные уборщики следили за чистотой круглые сутки. Но самое главное, ни один тренторианец даже не подумал бы бросить на тротуар мусор. Трентор был нашим общим домом, и мы гордились им. А теперь, — грустно вздохнул Селдон, — все... — И не договорил. — Эй, послушайте, молодой человек! — окликнул Селдон прохожего, только что прошедшего мимо и бросившего обертку от какой-то еды прямо на тротуар. — Подберите бумагу и бросьте куда положено.

Парень осклабился, но и не подумал наклониться за бумагой.

— Сам подбери! — фыркнул он и как ни в чем не бывало пошел дальше.

— Еще один признак загнивания общества, предсказанный вашей психоисторией, профессор Селдон, — отметил Пальвер.

— Да, Стеттин, все в Империи разваливается потихоньку. На самом деле все просто раздавлено, размозжено — снова не собрать, не склеить. Равнодушие, упадок, небрежность — все сыграло свою разрушительную роль в уничтожении некогда процветавшей Империи. А что будет вместо нее? Почему...

Селдон оборвал себя на полуслове, удивленный тем, что Пальвер его не слушает, а внимательно, настороженно смотрит куда-то в сторону.

Вдруг так же неожиданно он вернулся к реальности. Быстро оглядевшись по сторонам, Пальвер схватил Селдона за руку.

— Гэри, быстрее, нам надо удирать. Нас догоняют...

И тут тишину вчера нарушил грубый звук быстро приближающихся шагов. Селдон и Пальвер поспешили прочь, но было слишком поздно — их настигала шайка бандитов. Однако на этот раз Гэри Селдон был готов к любым неожиданностям. Он широким взмахом описал дугу своей палкой. В ответ трое

хулиганов — двое парней и девушка, подростки — нагло расхохотались.

— Не хочешь сдаваться, старикашка? — хихикнул парень, видимо, командовавший в компании. — Да мы тебя за пару секунд на обе лопатки положим! Да мы щас...

И нахал в мгновение ока оказался на тротуаре, сраженный метким ударом под ложечку. Остальные двое быстро заняли оборонительную позицию. Но Пальвер оказался быстрее. И хулиганы свалились на тротуар, не успев понять, откуда посыпались удары.

Все было кончено быстро, не успев толком начаться. Селдон стоял в стороне, опираясь всем весом на палку, тяжело дыша, не веря, что все позади. Пальвер, слегка запыхавшись, осматривал поле боя. Все трое хулиганов лежали скрючившись в тени на пустынном, безлюдном тротуаре. Сгущались сумерки.

— Пошли, уберемся отсюда побыстрее, — поторопил Селдона Пальвер.

На этот раз он спешил избежать встречи с хулиганами.

— Стеттин, нет, мы не можем уйти, — запротестовал Селдон. — Ведь они всего-навсего глупые дети. Может быть, они умирают. Как же мы можем просто взять и уйти, бросив их? Это бесчеловечно, негуманно, а все эти годы я только и делал, что старался вернуть людям их неотъемлемое качество — сострадание.

Селдон в сердцах стукнул палкой по тротуару. Глаза его гневно сверкали.

— Ерунда, — мотнул головой Пальвер. — Негуманно, когда такие наглецы нападают на невинных горожан вроде вас — вот это негуманно. Неужели вы думаете, они дали бы вам опомниться, если бы не я? Пощадили бы вас? Держите карман шире! Всадили бы нож в живот, чтобы отнять последнюю кредитку, бросили бы и удрали — поминай как звали! Не волнуйтесь, скоро они очухаются и побредут зализывать раны. Или найдет их кто-нибудь и сообщит в центральный офис... А вам, Гэри, стоит задуматься. Это опять-таки не случайность. Не дай бог еще раз попасть под суд. Прошу вас, Гэри, нам надо сматывать удочки!

Пальвер крепко ухватил Селдона за руку, и Селдон, бросив последний взгляд на место происшествия, позволил увести себя.

Как только поспешные шаги Селдона и Пальвера стихли вдалеке, из-за деревьев неподалеку от места драки показался прятавшийся там все это время парень. Прищурившись, он посмотрел в ту сторону, где скрылись Селдон и Пальвер, и злобно пробормотал:

— Поучишь меня, профессор, что такое хорошо, а что такое плохо. Поглядим, кто кого еще поучит!

С этими словами парень развернулся и помчался докладывать о происшествии в ближайший участок службы безопасности.

Глава 26

— Тихо! Я требую тишины! — прогремел голос судьи Теджан Попдженс Ли.

Открытое заседание суда по делу профессора Ворона Селдона и его молодого сотрудника вызвало на Тренторе настоящую бурю. Этот человек, который предсказал гибель Империи, упадок цивилизации, кто призывал всех оглянуться на золотые века порядка и процветания, это он на глазах живого свидетеля распорядился жестоко избить трех юных тренторианцев, не имевших в отношении него никакого злого умысла. О, ожидался грандиозный спектакль!

Судья нажала кнопку, вмонтированную в подлокотник кресла, и зал огласился громким звоном гонга.

— Прошу тишины! — повторила судья еще более настойчиво, и в переполненном зале стало тише. — Если не будет тишины, зал будет очищен от публики. Я предупредила и повторять не собираюсь.

Судья выглядела весьма грозно и внушительно в алой мантии правосудия.

Будучи родом из провинциального мира Листаны, Ли имела, как все тамошние жители, кожу слегка голубоватого оттенка, и от волнения этот цвет становился более заметен, а когда она сильно злилась, кожа ее становилась лиловой. Поговаривали, что, несмотря на многолетнюю судебную практику, несмотря на безупречную репутацию одного из самых ярых приверженцев закона, Ли все-таки продолжала немного стыдиться цвета своей кожи.

И тем не менее не было второго такого строгого судьи, как Ли, — она без колебаний следовала духу и букве имперских законов и была беспощадна к их нарушителям.

— Я слыхала о вас, профессор Селдон, — сказала она, — слыхала и о ваших теориях относительно той неминуемой гибели, которая ждет всех нас. А еще я беседовала с тем судьей, который не так давно разбирал ваше дело, согласно которому вы обвинялись в том, что ударили человека свинцовым набалдашником вашей палки. Вы тогда тоже заявляли, что стали жертвой нападения. Вероятно, ваше суждение зиждилось на печальном инциденте, когда на вас и вашего сына напали восемь бандитов. Вам удалось убедить моего уважаемого коллегу, профессор Селдон, что вы действовали из соображений самозащиты, хотя показания свидетелей говорят об обратном. На этот раз, профессор Селдон, вам придется привести более убедительные доказательства своей невиновности.

Трое хулиганов, выдвинувших обвинения против Селдона и Пальвера, нервно ерзали на скамье истцов. Сегодня они выглядели совсем не так, как в тот вечер. На парнях были чистые рубашки и костюмы, на девушке — аккуратно выглаженная туника. Если не приглядываться и не прислушиваться — ни дать ни взять образцовые представители молодежи Трентора.

Адвокат Селдона, Сив Новкер (взявший на себя заодно и защиту Пальвера), подошел к скамье.

— Ваша честь, — обратился он к судье. — Мой подзащитный — выдающийся человек. Он — бывший премьер-министр с безупречной репутацией. Он — личный друг нашего нынешнего Императора, Агиса Четырнадцатого. Какие цели мог преследовать профессор Селдон, затеяв драку с невинными молодыми людьми? Он, один из самых ярых поборников просвещения тренторианской молодежи? Над его выдающимся Психоисторическим Проектом трудится множество студентов-добровольцев, он — один из любимейших преподавателей Стрилингского университета. Кроме того... — Тут Сив Новкер сделал выразительную паузу, явно предназначенную для того, чтобы создать впечатление, что сейчас он выдаст нечто такое, от чего всем сразу станет нестерпимо стыдно. — Профессор Селдон — один из тех немногих, кому позволено неограниченное пользование фондами престижнейшей из престижных Галактической Библиотеки, где он работает над созданием Галактической Энциклопедии, делая тем самым колоссальный вклад в развитие имперской культуры. И я спрашиваю вас, как можно было допустить, чтобы такого человека подвергали позорному судилищу?

Широким жестом Новкер указал на Селдона, сидевшего на скамье подсудимых вместе с Стеттином Пальвером, вид у которого был весьма удрученный. Селдон зарделся от непривычных восхвалений в свой адрес (в конце концов, в последнее время его имя в основном было мишенью для насмешек и упреков, а никак не для цветистых похвал). Пальцы профессора крепко сжимали резную рукоятку трости.

Судья Ли сверху вниз посмотрела на Селдона. Речь адвоката явно не произвела на нее впечатления.

— Благодарю вас, адвокат. Вот и я себе задаю тот же самый вопрос. Ночи не спала, все искала причину. Как мог человек, занимающий такое положение, как профессор Селдон, совершить ничем не спровоцированное избиение, будучи столь ярым критиком всего, что связано, по его мнению, с упадком нравов в нашем обществе?

Ли откинулась на спинку судейского кресла и сложила руки перед собой. Лицо ее приняло выражение самодовольства. Селдон, опираясь на стол, с трудом добрался до скамьи и встал перед судьей, не спускавшей с него ледяного взгляда.

— Ваша честь, позвольте мне сказать несколько слов в свою защиту.

— Конечно, профессор Селдон. В конце концов, это еще не суд. Это следственное слушание, целью которого является сбор всех фактов, имеющих отношение к делу. Нам предстоит решить, будет ли дело доведено до суда или нет. Я всего-навсего выразила свое мнение, и мне очень интересно будет послушать, что скажете вы.

Селдон откашлялся.

— Всю свою жизнь я посвятил Империи. Я честно и преданно служил Императорам. Разработанная мною наука психоистория, на самом деле вовсе не вестница бед, предназначалась для того, чтобы стать средством обновления. С ее помощью мы могли бы подготовиться к любому направлению, по которому может пойти цивилизация. Если, как я считаю, Империя будет продолжать идти по пути упадка, психоистория поможет нам использовать заложенный ею фундамент для

строительства новой, лучшей цивилизации. Я люблю наши Миры, наших людей, нашу Империю — и ничто не могло заставить меня способствовать росту беззакония, подрывающего день за днем самые основы Империи. Мне больше нечего сказать. Вы должны верить мне. Я, человек ума, живущий в мире науки, уравнений, цифр, говорю от чистого сердца.

Селдон медленно вернулся на скамью подсудимых и сел рядом с Пальвером. Но, прежде чем сесть, он посмотрел туда, где в зрительских рядах сидела Ванда. Их взгляды встретились. Ванда едва заметно улыбнулась и подмигнула деду.

— От сердца вы говорили или нет, профессор Селдон, я должна самым тщательным образом все обдумать, — заявила судья Ли. — Мы выслушали тех, кто вас обвиняет, выслушали вас и мистера Пальвера. Теперь нам предстоит выслушать непосредственного свидетеля происшествия, Райала Неваса.

Когда Невас шел к скамье, Селдон и Пальвер обменялись тревожными взглядами. Это был тот самый парень, которому Селдон сделал замечание насчет брошенной на тротуар бумажки.

Ли задала парню вопрос:

— Не могли бы вы, мистер Невас, подробно и точно рассказать, чему вы стали в тот вечер свидетелем?

— Ну, — начал Невас, с прищуром глянув на Селдона, — иду я себе, значит, гуляю, по своим, так сказать, делам и тут вижу вот этих вот двоих. — Он обернулся и ткнул пальцем в Селдона и Пальвера. — Они, стало быть, идут мне навстречу. А после я увидал этих троих ребят. — Он ткнул пальцем в сторону «истцов». — Эти двое, старики, стало быть, шли позади троих ребят и меня не видали, поскольку я по другой стороне шел, а они шли прямехонько за ребятами. И вдруг — бабах! Этот старик как шмякнет своей палкой, а тот, что помоложе, подскочил и как даст всем троим под дых, а может, и не под дых, только они все разом свалились. А потом старик и тот, что помоложе, быстренько смотались. Я прямо глазам своим не поверил.

— Это ложь! — взорвался Селдон. — Молодой человек, постыдитесь!

Но Невас только небрежно оглянулся через плечо и устремил взгляд на судью.

— Судья, — потребовал Селдон, — неужели вы не видите, что он *лжет*? Я помню этого молодого человека. Я сделал ему замечание за то, что он бросил на тротуар бумагу, и указал

Стеттину на это как на еще одно проявление упадка в обществе, на полнейшее равнодушие горожан к проблеме чистоты и порядка на улицах...

— Достаточно, профессор Селдон, — оборвала его судья. — Еще одно такое вмешательство в следствие, и я удалю вас из зала суда. А теперь, мистер Невас, скажите, — попросила она, — что вы делали в то время, как развивались события?

— Я-то? Ну, я спрятался. За деревьями, стало быть, притаился. Я боялся, понимаете, что мне тоже достанется, ежели они меня увидят. Ну а когда они смылись, я пошел и заявил в службу безопасности.

Невас покрылся испариной и потеребил ворот рубашки. Он тяжело дышал, переминался с ноги на ногу, стоя на возвышении, где полагалось стоять свидетелям, истцам и обвиняемым. Взгляды публики, казалось, жгли ему спину, он старался не оборачиваться и не смотреть в зал, но всякий раз, когда он это делал, глаза его встречались с глазами красивой светловолосой девушки, сидевшей в первом ряду. Ему казалось, что она молча задает ему какой-то вопрос и требует ответа, заставляет его что-то сказать.

— Мистер Невас, а что вы скажете относительно заявления профессора Селдона о том, что он якобы видел вас до драки? Профессор действительно сделал вам замечание?

— Ну, а, да, то есть нет... ну, понимаете, иду это я, гуляю, ну, я уже говорил ведь... — Тут Невас запнулся и посмотрел в ту сторону, где сидел Селдон. Селдон смотрел на него так печально, словно понимал, что игра проиграна. Стеттин Пальвер смотрел на Неваса с нескрываемым гневом и отвращением. И вдруг Невас вздрогнул, потому что ясно и отчетливо услышал слова: «*Скажи правду*!» Казалось, будто звучит голос Пальвера, но губы его были плотно сжаты. Невас обескураженно обернулся и посмотрел на блондинку в первом ряду. Казалось, он слышит ее голос: «Скажи правду», но и ее губы не шевелились.

— Мистер Невас, мистер Невас, — заторопилась судья, — мистер Невас, если профессор Селдон и мистер Пальвер шли вам навстречу и при этом *позади* троих пострадавших, как же вы смогли первыми заметить Селдона и Пальвера? Вы же утверждали, что все было именно так?

Невас обвел зал суда диким, испуганным взором. Некуда

было деваться от этих взглядов. Казалось, все присутствующие кричат ему: «*Скажи правду!*» Невас беспомощно посмотрел на Гэри Селдона, потупил взгляд и пробормотал:

— Простите!

И, к великому изумлению судьи и публики, четырнадцатилетний мальчишка заплакал навзрыд.

Глава 27

Стояла на редкость приятная погода — не жаркая, не холодная, не слишком ясная, но и не слишком хмурая. Хотя городской бюджет давно трещал по швам, ступени Галактической Библиотеки сверкали чистотой, и это радовало взгляд и улучшало настроение. Библиотека, выстроенная в классическом старинном стиле, могла похвастаться своей лестницей — ни по высоте, ни по ширине ступеней ей не было равных в Империи. Уступала она только лестнице Императорского Дворца. Правда, большинство посетителей Библиотеки предпочитали пользоваться боковыми входами. Селдон поднимался по главной. На сегодняшний день он возлагал большие надежды.

С тех пор как с него и со Стеттина Пальвера были сняты всякие обвинения в недавней драке, Гэри Селдон чувствовал себя новым человеком. Он как бы заново родился. Конечно, сам по себе судебный процесс был неприятен, но репутация Селдона после него исключительно переменилась. Судья Теджан Попдженс Ли, которая считалась одним из самых влиятельных, если не самым влиятельным судьей на Тренторе, выразила свое мнение по поводу случившегося весьма красноречиво. Это произошло на следующий день после эмоционального признания Райала Неваса.

— Когда мы сталкиваемся с такими явлениями в нашем «цивилизованном» обществе, — назидательно проговорила судья, — когда такой человек, как профессор Селдон, вынужден подвергаться унижению, нападкам и лжи только потому, что он — тот, кто он есть, и отстаивает свои убеждения, значит, действительно в Империи настали черные дни. Признаю, что и я поначалу усомнилась. «Почему бы профессору Селдону, — подумала я, — не прибегнуть к такой хитроумной уловке ради

того, чтобы подтвердить свои предсказания?» Но теперь я понимаю, как жестоко ошибалась.

Судья нахмурилась, все лицо ее залила синеватая краска.

— Это произошло потому, что я рассматривала поступок профессора Селдона как нечто вытекающее из всего, что происходит сейчас у нас в обществе. Приравняла его к тем, кто лишен честности, порядочности, доброты и милосердия. В нашем обществе теперь, похоже, легче хитрить и бесчинствовать, чем оставаться добропорядочным гражданином.

Как безнадежно далеко ушли мы от наших основополагающих принципов! На этот раз нам повезло, граждане Трентора. Мы должны быть безмерно благодарны профессору Селдону за то, что он наглядно показал нам, чего мы стоим. Так примем же к сведению его урок и вернемся к той доброте и порядочности, что еще жива в наших сердцах!

После заседания Император прислал Селдону поздравительный голографический диск. Он выражал надежду на то, что, может быть, теперь у Селдона возникнет реальная возможность раздобыть субсидии для продолжения работы над Проектом.

Скользя вверх по ступеням движущейся лестницы, профессор Селдон думал о состоянии дел в Проекте. Его добрый друг, Главный Библиотекарь Лас Зенов, уволился. Пока он работал, он всеми силами помогал Гэри Селдону в работе. Однако гораздо чаще действия Зенова сдерживали библиотечный Совет. Уходя в отставку, Зенов заверял Селдона, что новый Главный Библиотекарь, Трима Арканио, человек таких же прогрессивных взглядов, как он сам, и пользуется поддержкой представителей самых разных фракций в Совете.

— Гэри, друг мой, — сказал Зенов, перед тем как улететь на Венкори — свою родную планету, — Арканио — редчайшей души человек, умный и дальновидный. Уверен, он сделает все, что в его силах, чтобы помочь вам и Проекту. Я оставил ему все сведения о вас и вашей Энциклопедии. Думаю, он будет также восхищен теми возможностями, какие сулит вклад Энциклопедии в дело развития человечества. Берегите себя, мой друг, а я всегда буду вспоминать о вас с любовью.

И вот сегодня Селдону предстояла первая встреча с новым Главным Библиотекарем. Селдон, воодушевленный заверениями Ласа Зенова, с нетерпением ждал этого дня, чтобы по-

делиться с Арканио своими планами на будущее относительно Проекта и Энциклопедии.

Трима Арканио встал, приветствуя Селдона. Он уже обжился в кабинете и привнес в него нечто свое. Зенов за годы службы заставил кабинет полками, где хранились голографические диски и видеожурналы со всех концов Трентора. Когда-то тут красовалась целая коллекция видеоглобусов — моделей различных Миров Империи, которые весело вертелись в воздухе. Арканио навел тут порядок — все убрал, расчистил. Теперь одну из стен почти целиком занимал большой голографический экран — вероятно, на него проецировалась любая информация, которую пожелал бы посмотреть Арканио.

Арканио был невысокого роста, полноватый. Взгляд у него был слегка подслеповатый — следствие офтальмологической операции по коррекции зрения. Взгляд этот производил впечатление, будто Арканио знает все на свете, в том числе и то, что происходит вокруг.

— Замечательно, замечательно. Профессор Селдон, проходите, садитесь. — Арканио указал на стул с высокой прямой спинкой около письменного стола. — Очень мило с вашей стороны, что вы решили заглянуть ко мне. Я просто мечтал повидаться с вами с тех самых пор, как занял должность Главного Библиотекаря. — Селдон кивнул, польщенный до глубины души. Если Главный Библиотекарь действительно думал о нем в суматошные дни вступления в должность — это большая честь. — Но для начала, профессор, расскажите мне, зачем вы хотели меня видеть, а потом уж я расскажу о своих скорее всего более прозаических соображениях.

Селдон прокашлялся и склонился к столу.

— Главный Библиотекарь Лас Зенов, несомненно, рассказал вам о моей работе и моей затее с Галактической Энциклопедией. Лас относился к этому замыслу с величайшим энтузиазмом и оказывал нам огромную помощь — он выделил мне здесь отдельный кабинет и обеспечил беспрепятственный доступ к фондам Библиотеки. Честно говоря, именно он разыскал ту планету, где предстоит в будущем разместиться группе по подготовке Энциклопедии — отдаленную планету под названием Терминус. Одного только Лас сделать не мог. Для того чтобы подготовка Энциклопедии шла полным ходом, мне требовалось и требуется место и доступ к фондам для моих сотрудников. Понимаете, задача грандиозная — отбор и сортировка информации, перед тем как все будет перевезено на Терминус.

Как вы, безусловно, знаете, Совет не поддерживал Ласа Зенова. Вас, наоборот, поддерживает. Вот поэтому-то я и прошу вас, Главный Библиотекарь, не могли бы вы поспособствовать тому, чтобы моим сотрудникам было позволено разместиться в Библиотеке и продолжить работу над Энциклопедией?

Гэри Сэлдон перевел дыхание. Он был уверен, что его речь, заранее заготовленная, произведет желаемый эффект. Теперь он ждал, не сомневаясь в ответе Арканио.

— Профессор Селдон, — начал Арканио таким тоном, что радостная улыбка тут же сошла с лица Селдона, — мой уважаемый предшественник оставил мне всю документацию относительно вашей работы. Ваши исследования производили на него большое впечатление, и он не расставался с надеждой разместить здесь и вас, и ваших коллег. Так же, как и я... — Арканио сделал паузу. Селдон выжидающе смотрел на него. — Поначалу. Я уже собирался созвать внеочередное заседание Совета, на котором хотел высказать предложение выделить для энциклопедистов целый блок помещений. Но, профессор, увы, теперь все изменилось.

— Изменилось? Но почему?!

— Профессор Селдон, вы только что участвовали в процессе по делу о хулиганском избиении.

— Но меня оправдали, — возразил Селдон. — Дело и до суда не дошло.

— И тем не менее, профессор, в глазах общественности ваша репутация... как бы это лучше выразиться... пострадала. Да, вас действительно оправдали по всем пунктам. Но, прежде чем вас оправдали, ваше имя, ваше прошлое, ваши убеждения, ваша работа — все это предстало перед всеми Мирами Империи. Представьте, поначалу вас склонен был обвинить даже прогрессивно мыслящий судья. Ну да, потом судья извинился и признал вашу невиновность, но для миллионов, а пожалуй, и для миллиардов средних людей вы остались не психоисториком-первооткрывателем, жаждущим сохранить величие цивилизации, а всего лишь каркающим безумцем, накликающим беды на великую и могучую Империю.

Понимаете, так уж выходит, что вы своими пророчествами угрожаете самой сути Империи. Я не имею в виду безликую,

безвинную, абстрактную Империю. Я говорю о ее душе и сердце — ее людях. Когда вы утверждаете, что Империя *гибнет*, для людей это значит, что гибнут *они*. А это вызывает несогласие у среднего человека, дорогой мой профессор. Селдон, хотите вы этого или нет, но вы стали персоной нон грата, объектом насмешек, городским сумасшедшим.

— Простите меня, Главный Библиотекарь, но быть объектом для насмешек — это для меня не новость.

— Это верно. Но до сих пор над вами смеялись только в определенных кругах. Но последний случай стал грандиозным спектаклем, в котором вы сыграли роль шута не только перед Трентором, но и перед всеми остальными Мирами. Профессор Селдон, если я и теперь, после всего случившегося, предоставлю вам помещения в Библиотеке, смеяться станут и над Библиотекой. Совершенно неважно, как сильно лично я верю в ваши идеи, в вашу Энциклопедию, будучи Главным Библиотекарем Галактической Библиотеки, я призван думать в первую очередь о ней. Следовательно, профессор Селдон, ваша просьба о предоставлении помещений для ваших сотрудников отклоняется. — Селдон откинулся на спинку стула, словно его ударили. — Кроме того, профессор, — продолжал Арканио, — я бы просил вас в течение двух недель воздержаться от посещений Библиотеки. После заседаний Совета через две недели, профессор Селдон, мы известим вас о своем решении — продолжим ли мы договор с вами или нет. Это все, профессор Селдон, что я пока могу вам сказать, — твердо проговорил Арканио и встал, опершись ладонями о гладкую, без единого пятнышка, поверхность письменного стола.

Гэри Селдон тоже встал, хотя и не так резво, как Трима Арканио.

— Смогу ли я обратиться к Совету? — спросил Селдон. — Может быть, если бы мне удалось убедить членов Совета в жизненной важности психоистории и Энциклопедии...

— Боюсь, что нельзя, — негромко ответил Арканио, и на одно-единственное мгновение он показался Селдону тем человеком, о котором ему рассказывал Лас Зенов.

Но холодный бюрократ незамедлительно взял верх над прогрессивно мыслящим человеком, и Арканио проводил Селдона до дверей. Когда их половинки разъехались в стороны, Арканио сказал:

— Две недели, профессор Селдон. Пока — до свидания.

Селдон сел в ожидавший его скиттер. Двери кабинета закрылись.

«Что же мне теперь делать? — в отчаянии думал Селдон. — Неужели конец всему?!»

Глава 28

— Ванда, детка, чем это ты так увлеклась? — спросил Селдон, входя в кабинет внучки в Стрилингском университете. Когда-то этот кабинет принадлежал Юго Амарилю, после смерти которого Психоисторический Проект просто осиротел. К счастью, роль Юго в последние годы взяла на себя Ванда, которая постоянно трудилась над модернизацией и шлифовкой Главного Радианта.

— А? Я работаю над уравнением в отрезке 33А2Д17. Видишь, я перекалибровала этот отрезок, — и Ванда показала на светящееся фиолетовое пятнышко, повисшее в воздухе прямо перед ее лицом. — Учла стандартный коэффициент и... вот оно! То самое, видимо, о чем я думала.

Ванда встала, отошла назад и потерла глаза.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Селдон. — Да это же, похоже, уравнение Терминуса, но... Послушай, Ванда, это уравнение, обратное уравнению Терминуса, верно?

— Верно, дедушка. Смотри, в уравнении Терминуса цифры стояли как-то не так... — Ванда нажала кнопку, вмонтированную в стенную панель. В другом конце кабинета возникло красное пятнышко. Селдон и Ванда вместе подошли к нему. — А теперь посмотри, как все стало здорово, дед. Я несколько недель над этим корпела.

— Как тебе это удалось? — спросил Гэри, с восхищением глядя на красоту, логичность и изящество уравнения.

— Сначала я смотрела на него отсюда и думала, думала... Оно мешало всем остальным. Но ведь это так важно, чтобы все получилось, как мы задумали, чтобы Терминус заработал. В общем, я поняла, что нельзя вводить это уравнение в Главный Радиант и ждать, что оно войдет как по маслу. Втиснуть его — значит, потеснить что-то другое. Раз есть вес, значит, должен быть противовес, точно?

— Ты, похоже, говоришь о том, что древние называли «инь» и «янь».

— Ну да, что-то вроде этого. «Инь» и «янь». В общем, я поняла, что, для того чтобы улучшить «инь» Терминуса, я должна найти место для его «янь». Что я вот тут и сделала, — сказала Ванда и вернулась к фиолетовому пятнышку, расположившемуся на другой стороне сферы, образованной огнями Главного Радианта. — И как только я вот тут все подгадала, уравнение Терминуса легло на свое место. Полная гармония!

Ванда сложила руки на груди, чрезвычайно довольная собой, словно решила все проблемы Империи.

— Восхитительно, Ванда. Потом обязательно расскажешь мне, что, по твоему мнению, это означает для Проекта. А сейчас пойдем со мной к голографическому экрану. Я получил срочный вызов с Сантаннии несколько минут назад. Папа просил нас немедленно связаться с ним.

Ванда сильно волновалась, слыша или читая сообщения о беспорядках на Сантаннии. От обнищания имперской казны страдали в первую очередь Внешние Миры. Их доступ к более богатым Внутренним Мирам был нелегок, и становилось все труднее и труднее как вывозить продукты производства, так и импортировать вещи первой необходимости. Имперские гиперпространственные корабли залетали на Сантаннию редко, и далекий мир чувствовал себя отрезанным от всей Империи. Вся планета сейчас была охвачена бунтами, забастовками, восстаниями.

— Дедушка, хочется верить, что ничего страшного там не произошло, — испуганным голосом проговорила Ванда.

— Не волнуйся, милая. Конечно, все в порядке, раз Рейчу удалось послать нам весточку.

Дед и внучка прошли в кабинет Селдона, встали у голографического экрана и принялись ждать связи. Селдон набрал код на пульте около экрана, прошло несколько секунд, и вот возникло чувство, словно экран втянулся в глубь стены и стал похожим на вход в глубокий туннель, в этом туннеле поначалу туманно, потом все отчетливее возникла знакомая фигура невысокого крепкого мужчины. Как только связь наладилась, видно стало совсем хорошо. Вот на лице мужчины проступили пышные далийские усы, и вся его фигура ожила.

— Папа! Ванда! — сказало голографическое изображение

Рейча, спроецированное на Трентор с Сантаннии. — Слушайте, я буду говорить быстро — времени нет. — Вдруг он вздрогнул, словно услышал какой-то шум. — Тут дела плохи. Правительство низложено, власть захватила партия провизионистов. Сущая неразбериха, сами представляете. Я только что отправил Манеллу с Беллис на звездолете в Анакреон. Просил их связаться оттуда с вами. Корабль называется «Аркадия-7». Ты бы, папа, видел, в каком состоянии улетела Манелла, как она не хотела со мной расставаться. Только ради Беллис я ее уговорил лететь. Милые мои, я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете, что я должен был улететь вместе с ними. Я бы полетел, если бы смог. Но не было мест. Вы просто не представляете, чего мне стоило добыть для них билеты! — Рейч усмехнулся той самой усмешкой, которую так любили Селдон и Ванда, и продолжил: — И потом, раз уж я остался, я должен помочь в охране университета. Пусть только кто-нибудь из этих тупоголовых сантаннийских бунтовщиков приблизится к университету, мы им покажем...

— Рейч, — прервал его Селдон, — насколько плохи дела? Того гляди начнется бой?

— Папа, ты в опасности? — спросила Ванда.

Им пришлось подождать несколько минут, пока их голоса и образы долетели до Сантаннии и преодолели девять тысяч парсеков.

— Я-я-я... плохо вас понял... — ответило изображение Рейча. — Тут идут кое-какие потасовки, это точно, — сказал Рейч все с той же очаровательной усмешкой. — Ну все, мне пора. Не забудьте навести справки о корабле «Аркадия-7», вылетевшем к Анакреону. Постараюсь еще разок связаться с вами, как только сумею. Помните, я...

Связь прервалась, изображение Рейча побледнело, голографический туннель сжался и исчез. Селдон и Ванда еще долго смотрели на пустой экран.

— Дедушка, — промолвила Ванда, — как ты думаешь, что он хотел сказать?

— Не догадываюсь, милая. Одно я знаю точно: твой отец сумеет за себя постоять. Мне жаль любого бунтовщика, который отважится подойти к нему на расстояние вытянутой руки! Ну, пошли, вернемся к нашему уравнению, а через несколько часов справимся насчет «Аркадии-7».

— Командир, неужели вы не знаете, что случилось с кораблем? — спросил Селдон взволнованным голосом.

Он опять вел разговор по системе межпланетной связи, но на этот раз беседовал с командиром имперского флота, расквартированного на Анакреоне. Беседа осуществлялась с помощью видеоэкрана — он давал гораздо слабее картину присутствия по сравнению с голографическим экраном, но связаться с кем бы то ни было по такой системе было намного проще.

— Говорю вам, профессор, у нас нет записей о том, чтобы этот корабль запрашивал разрешения на вход в атмосферу Анакреона. Конечно, надо признать, что связь с Сантаннией прервана уже несколько часов и в последнюю неделю была редкой. Может быть, корабль пытался выйти с нами на связь через станцию, установленную на Сантаннии, и не сумел пробиться, но я в этом сильно сомневаюсь.

Нет, знаете ли, гораздо вероятнее другое: скорее всего «Аркадия-7» сменила курс. Полетела на Форег, к примеру, или на Зарип. Вы не наводили справки в каком-нибудь из этих Миров, профессор?

— Нет, — устало покачал головой Селдон. — Но я не могу понять, почему кораблю, вылетевшему к Анакреону, вдруг вздумалось лететь куда-то еще. Командир, мне крайне необходимо разыскать этот корабль.

— Конечно, тут вы правы, — согласился командир. — Сама по себе «Аркадия-7» вряд ли стала бы менять курс. Но разве вы не знаете, что вытворяют эти мятежники? Им совершенно все равно, в кого палить. В игрушки играют. Нацеливают лазерные пушки и воображают, будто стреляют в Императора Агиса. Тут жуткие дела, профессор, уж вы мне поверьте. Периферия какникак.

— На этом корабле мои невестка и внучка, командир, — сказал Селдон негромко.

— О, простите, профессор. Как только что-то прояснится, сразу же вам сообщу.

Селдон грустно вздохнул. Командир, наверное, думал напугать его, рассказывая об ужасах жизни на периферии Галактики. Но Селдон про это отлично знал. Периферия, край... Это же все равно, как если бы порвалась нитка на краю связанной

вещи. Порвалась и потянула за собой все остальное петлю за петлей. Так и до другого конца недалеко — до Трентора.

Селдон наконец расслышал негромкое жужжание. Звонили в дверь.

— Да?

— Дедушка, — взмолилась Ванда, входя в кабинет, — мне страшно.

— Почему, милая? — заботливо спросил Селдон.

Он не хотел говорить Ванде о том, что только что узнал... или вернее, не узнал... от командира с Анакреона.

— Знаешь, обычно, когда они так далеко, я их всех чувствую — папу, маму, Беллис — вот здесь. — Ванда положила руку на сердце. — А сегодня я их не чувствую. Они угасают, как огни на куполе, меркнут, уходят. Я хочу позвать их обратно и не могу.

— Ванда, милая, это говорит только о том, что ты любишь их и беспокоишься за них. Дело понятное — бунт, беспорядки. Но ты же знаешь, беспорядки в Империи то и дело возникают — надо же выпустить накопившийся пар. Не волнуйся, ты должна понимать, что вероятность того, что с Рейчем, Манеллой и Беллис случится что-нибудь плохое, ничтожна мала. Скоро папа позвонит и скажет, что все хорошо, а мама и Беллис вот-вот приземлятся на Анакреоне, и у них тоже все будет отлично. Это нас надо жалеть — мы закопались тут по уши в работе. Ну, малышка, ложись спать и думай только о хорошем. Завтра все тебе представится в другом свете. Утро вечера мудренее, верно?

— Да, дедушка, — кивнула Ванда, но не слишком уверенно. — Но завтра, если не будет вестей, нам придется... придется...

— Ванда, что нам остается? Мы можем только ждать, — нежно проговорил Гэри.

Ванда ушла, печально ссутулившись. Гэри проводил ее взглядом и дал волю собственному волнению.

Прошло уже три дня с тех пор, как звонил Рейч. И с тех пор — ничего. А сегодня даже анакреонский командир заявил, что не слыхал о корабле под названием «Аркадия-7» вообще ничегошеньки.

Чуть раньше Гэри пытался сам связаться с Рейчем, но все линии связи были прерваны. Казалось, будто Сантания, как и корабль «Аркадия-7», попросту отпала от Империи, как лепестки от цветка.

Селдон знал, что надо делать. Империя в упадке, но пока жива. Власть, если ее нужным образом направить, еще была бы велика. Селдон послал запрос о срочной связи с Императором Агисом Четырнадцатым.

Глава 29

— Вот так сюрприз — мой друг Гэри! — просияло улыбкой с экрана голографическое изображение Императора. — Рад вас видеть, хотя обычно вы просите меня о более формальных личных аудиенциях. Мне даже интересно, что за срочность?

— Сир, — сказал Селдон, — мой сын Рейч, его жена и дочь живут на Сантаннии.

— Ах, на Сантаннии! — перестал улыбаться Император. — Кучка поголовных идиотов, и когда у меня только руки до них...

— Сир, прошу вас... — прервал его Селдон, удивив не только Императора, но и себя самого таким пренебрежением к имперскому этикету. — Моему сыну удалось отправить Манеллу и Беллис на гиперпространственном корабле «Аркадия-7» на Анакреон. Ему же пришлось остаться. Это было три дня назад. Корабль на Анакреоне не приземлился. Мой сын, похоже, исчез. Все мои звонки на Сантаннию остались без ответа, а теперь связь прервана окончательно. Сир, прошу вас, не могли бы вы мне помочь?

— Гэри, как вы знаете, официально все отношения между Сантаннией и Трентором прерваны. Однако я еще пользуюсь некоторым влиянием в определенных районах этой провинции. То есть там еще остались верные мне люди, и они до сих пор живы. Хотя я и не могу наладить прямой контакт с моими представителями в этой провинции, я могу ознакомить вас со всеми сообщениями, поступившими оттуда в последние дни. Все эти сведения, безусловно, носят исключительно конфиденциальный характер, но, учитывая ваше волнение и наши отношения, я позволю вам заглянуть в эти сведения. Может быть, что-то вас там заинтересует. В течение ближайшего часа я ожидаю новых сообщений. Если вы не против, я свяжусь с вами, как только таковые поступят. А пока я дам распоряжение одному из моих советников просмотреть все сообщения из

Сантаннии за последние дни относительно сведений о Рейче, Манелле и Беллис Селдон.

— Спасибо вам, сир, сердечное вам спасибо, — горячо поблагодарил Селдон и низко, как мог, поклонился исчезающему с экрана изображению Императора.

Целый час после разговора Селдон просидел за письменным столом в ожидании звонка. Тяжелее этого часа в его жизни не было со времени гибели Дорс.

Больше всего на свете Селдон боялся незнания. Вся его жизнь целиком и полностью состояла из *знания* — о будущем и настоящем. И вот теперь он не знал, что с дорогими его сердцу людьми.

Голографический экран негромко зажужжал. Гэри торопливо нажал кнопку ответа. Появилось изображение Агиса Четырнадцатого.

— Гэри, — так печально проговорил Император, что Селдон сразу понял — новости плохие.

— Мой сын... — проговорил Селдон дрожащим голосом.

— Да, — кивнул Император. — Рейч был убит сегодня во время бомбардировки Сантаннийского университета. Из моих источников мне стало известно, что он знал о предстоящем налете, но отказался покинуть свой пост. Понимаете, среди бунтовщиков было много студентов, и Рейчу, видимо, подумалось, что, если они узнают, что он там, они ни за что... Но ненависть взяла верх над рассудком. Вы же понимаете, университет-то имперский. А мятежники решили, что нужно все имперское уничтожить, а потом строить что-то новое. Тупицы! Зачем надо... — Тут Агис запнулся, поняв, что Селдону скорее всего сейчас нет дела до Сантаннийского университета и планов мятежников. — Гэри, — участливо проговорил Император, — если вам от этого будет хоть сколько-нибудь легче, помните, что ваш сын погиб, защищая знания. Он сражался не за Империю, а за само человечество.

Селдон посмотрел на Императора сквозь слезы. Тихо, едва слышно он спросил:

— А Манелла и малышка Беллис? Что с ними? Удалось узнать что-нибудь об «Аркадии-7»?

— Поиски пока безуспешны, Гэри. «Аркадия-7» покинула Сантаннию. Но, похоже, она просто исчезла. Может быть, на

корабль напали мятежники, а может быть, корабль спасся бегством, изменив курс. Мы просто не знаем.

Селдон кивнул.

— Спасибо вам, Агис. Хотя вы сообщили мне ужасную новость, это все равно лучше, чем тягостное ожидание. Вы настоящий друг.

— А теперь, мой друг, — сказал Император, — я оставлю вас. Примите мои соболезнования.

И лицо Императора исчезло с экрана, а Гэри Селдон уронил голову на руки и разрыдался.

Глава 30

Ванда Селдон потуже затянула поясок на платье. Взяв в руку маленькую лейку, она принялась поливать цветы в своем небольшом садике неподалеку от здания Стрилингского университета. Обычно Ванда проводила почти все время в своем кабинете, работая с Главным Радиантом. Она находила своеобразную красоту в уравнениях Радианта — в неумолимых элементных уравнениях, которые странно смотрелись в обезумевшей, потерявшей голову Империи. Но, когда мысли об отце, матери и сестренке становились невыносимыми, когда даже любимая работа не в силах была отвлечь ее от горечи недавно пережитой потери, Ванда всегда уходила сюда, копалась в своем маленьком садике, словно выращивание цветов могло как-то уменьшить боль в ее душе.

После того, как месяц назад погиб ее отец и исчез корабль, на котором улетели Манелла и Беллис, Ванда, которая и так всегда была стройной, стала ужасно худеть. Всего лишь несколько месяцев назад Гэри Селдон с заботой и участием обращал внимание на то, что у внучки стал пропадать аппетит, а теперь и это его, похоже, не интересовало — так сильно погрузился он в собственные переживания.

Гэри и Ванда Селдон очень сильно переменились, как переменились все те немногие, кто еще продолжал работать над Психоисторическим Проектом. Гэри, казалось, окончательно сдался. Теперь он в основном занимался тем, что сидел в кресле в Стрилингском солярии и молча смотрел на окрестности университета, греясь под лучами ламп. Порой сотрудники

Проекта сообщали Ванде, что телохранитель деда Стеттин Пальвер уговорил-таки его выйти на прогулку по кампусу или пытался завести с ним разговор относительно будущего направления работы над Проектом.

Ванда с головой ушла в работу над уравнениями Главного Радианта. Она чувствовала, что будущее, очерченное дедом, принимает все более четкие контуры. Он был прав. Энциклопедисты должны были обосноваться на Терминусе. Они должны были стать Академией.

А в отрезке 33А2Д17 Ванда видела то, что Селдон называл Второй Академией — второй, секретной. Но как с ней быть? Селдон не проявлял никакого интереса к работе, и Ванда была в растерянности. А тоска ее по утраченной семье была так глубока, что просто не было сил работать.

Оставшиеся на своих постах сотрудники Проекта, а их было человек пятьдесят, трудились не покладая рук. В основном это были энциклопедисты, которые вели поиск и отбор материалов, нуждающихся в копировании и каталогизации для последующей перевозки на Терминус на тот случай, если им когда-нибудь будет разрешен доступ в Галактическую Библиотеку. Работали сейчас все, полагаясь только на веру. Профессор Селдон потерял даже свой личный кабинет в Библиотеке, а поэтому мечта обрести доступ туда хотя бы какому-нибудь сотруднику была почти несбыточной.

Помимо энциклопедистов, в работе над Проектом были заняты историки-аналитики и математики. Историки занимались интерпретацией действий людей и событий прошлого и настоящего, передавали свои выкладки математикам, а те, в свою очередь, переводили эти выкладки на язык великого Психоисторического Уравнения. Это была долгая изнурительная работа.

Многие сотрудники ушли, потому что жалованье стало просто смешным. Психоисторики превратились в настоящее посмешище на Трентоpe, и теперь и без того ограниченные субсидии стали еще меньше. Однако само присутствие Гэри Селдона вселяло надежду в сердца оставшихся сотрудников, и они старались преодолевать все трудности. Честно говоря, многие и работать остались исключительно из уважения и верности Селдону.

«А теперь, — с горечью подумала Ванда Селдон, — что толку, что они остались».

Легкий ветерок шевельнул прядь светлых волос Ванды, она поправила прядь и принялась снова возиться с цветами.

— Мисс Селдон, можно отвлечь вас на минутку? — спросил чей-то голос.

Ванда обернулась. Молодой человек чуть старше двадцати стоял рядом с ней на дорожке.

Ванда сразу почувствовала в нем силу и недюжинный ум. Дед сделал правильный выбор. Ванда встала.

— Я узнала вас. Вы телохранитель дедушки, верно? Стеттин Пальвер, если не ошибаюсь?

— Все правильно, мисс Селдон, — кивнул Пальвер и слегка покраснел. Похоже, ему было приятно, что такая красавица узнала его с первого взгляда. — Мисс Селдон, я как раз хотел потолковать с вами насчет вашего дедушки. Я очень волнуюсь за него. Надо что-то делать.

— А что делать, мистер Пальвер? Я сама не знаю. С тех пор как мой отец... — Ванда запнулась, к горлу подкатил комок, ей стало трудно говорить, — погиб, а мама и сестра пропали без вести, все, на что я способна, это поднять его с кровати по утрам. Сказать правду, я и сама многое пережила. Понимаете? Вы понимаете? — спросила она, глядя ему прямо в глаза, и почувствовала — он понимает.

— Мисс Селдон, — негромко, участливо проговорил Пальвер, — я искренне сочувствую вашему горю. Но и вы, и профессор Селдон еще *живы* и должны продолжать работу над психоисторией. А профессор, похоже, сдался. Я надеялся, что, может быть, вы... мы... смогли бы что-нибудь вместе придумать — такое, чтобы он воспрял духом. Ну, вы понимаете, стимул какой-то, чтобы продолжать идти вперед.

«*Ах, мистер Пальвер,* — подумала Ванда, — *может быть, дед-то как раз и прав. Сомневаюсь, что есть хоть какая-то причина, чтобы двигаться вперед*».

А вслух она сказала:

— Простите, мистер Пальвер, но я ничего не могу такого придумать. — Носком туфли поддев кусочек гравия, она пробормотала: — Простите, но мне нужно заняться цветами.

— Не думаю, что ваш дедушка прав, — сказал Пальвер. — А еще я думаю — причина идти вперед есть. Надо только ее найти.

Его слова поразили Ванду словно удар грома. Откуда он знал, о чем она думала? Если только...

— Вы умеете читать мысли и воздействовать на сознание? — спросила Ванда, тяжело, взволнованно дыша, словно боялась услышать ответ Пальвера.

— Да, умею, — просто ответил Пальвер. — И, думаю, всегда умел. По крайней мере, не могу вспомнить, чтобы я когда-нибудь этого не умел. Половину времени я делаю это бессознательно — просто знаю, о чем думают или думали люди. Иногда, — продолжал он, воодушевленный тем пониманием, которое просто-таки излучала Ванда, — я вижу нечто вроде вспышек, исходящих от кого-то другого. Но это происходит всегда, когда народу вокруг много, и поэтому я не могу понять, от кого исходят эти вспышки. Но я точно знаю, что есть другие, такие же, как я... как мы.

Ванда, уронив лейку на грядку, жадно схватила руку Пальвера.

— Да вы понимаете, что это значит?! Для деда, для психоистории! Каждый из нас по отдельности мало что сумел бы сделать, но вдвоем...

И Ванда быстро пошла по дорожке к зданию университета, оставив Пальвера в садике. Только у самого входа она остановилась и оглянулась.

«*Пойдемте, Пальвер, обрадуем дедушку*», — сказала Ванда, не открывая рта.

«*Да, пожалуй, обрадовать стоит*», — ответил Пальвер, догнав ее.

Глава 31

— Это как же получается? Выходит, я искал по всему Трентору людей с твоими способностями, Ванда, а этот человек уже несколько месяцев здесь, и мы ничего не подозревали?!

Селдон был изумлен. Он дремал в солярии, когда Ванда и Стеттин растолкали его и сообщили ему потрясающую новость.

— Да, дедушка. Ты только представь себе! Я ведь ни разу не виделась со Стеттином. Вы с ним встречались в основном за пределами помещений Проекта, а я все время просиживала у

себя в кабинете, работала с Главным Радиантом. Когда мы *могли* встретиться? Но как только наши пути пересеклись, результат, сам видишь, налицо.

— Когда же это произошло? — нахмурился Селдон, пытаясь вспомнить.

— Во время судебного разбирательства, — напомнила ему Ванда. — Вспомни мальчишку-свидетеля, того самого, который божился, что видел, как ты и Стеттин напали на невинных ребятишек и поколотили их. А помнишь, как он потом разревелся, сказав правду, он ведь и сам не знал, с чего бы это ему правду говорить. А ведь мы со Стеттином, оказывается, совместными усилиями его «обработали». Райал Невас не выдержал наших «толчков». Поодиночке нам бы ни за что не справиться — он так упорно отстаивал свои показания. Но *вместе*... — Ванда бросила смущенный взгляд на Пальвера, который скромно стоял в сторонке, — наша сила потрясающа!

Гэри Селдон задумался и собрался было что-то сказать, но Ванда не дала ему говорить.

— В общем, мы собираемся сегодня же вечером заняться проверкой наших ментальных способностей — по отдельности и вместе. Пока мы убедились, что способности Стеттина немного слабее моих — что-то около пятерки по мною придуманной шкале. Но его пятерка в сумме с моей семеркой дает двенадцать! Дед, ты представляешь? Это же страшная сила!

— Видите, профессор? — вмешался Пальвер. — Ванда и я — мы и есть тот самый прорыв, которого вы так ждали. Мы сможем помочь вам убедить Миры в важности психоистории, сможем помочь разыскать других таких же, как мы, сможем помочь психоистории вернуться на финишную прямую.

Гэри Селдон не спускал глаз со стоявших перед ним молодых людей. Лица их светились надеждой и радостью, и этот свет молодости был так горяч, что согрел старое сердце Селдона. Может быть, и не все еще потеряно. Он думал, что не сумеет пережить последней трагедии — смерти сына и исчезновения невестки и внучки, но теперь он увидел, что Рейч жив — он живет в Ванде. А в Ванде и Стеттине — это он видел совершенно ясно — живет будущее Академии.

— Да-да, — проговорил Селдон решительно, — ну-ка, помогите мне встать. Надо пойти в кабинет, все продумать.

Глава 32

— Входите, профессор Селдон, — сказал Главный Библиотекарь Трима Арканио ледяным голосом.

Гэри Селдон в сопровождении Ванды и Стеттина вошел в роскошный кабинет.

— Благодарю вас, Главный Библиотекарь, — кивнул Селдон, садясь на стул и глядя на Арканио, сидевшего по другую сторону широкого письменного стола. — Позвольте представить вам мою внучку Ванду и моего друга Стеттина Пальвера. Ванда — один из самых выдающихся сотрудников Психоисторического Проекта, она математик. А Стеттин... ну, Стеттин мало-помалу становится первоклассным психоисториком — этим он занимается в свободное от обязанностей моего телохранителя время, — сказал Селдон, весело усмехнувшись.

— Ну что же, все просто замечательно, профессор, — сказал Арканио, обескураженный тем, что Селдон шутит. Он ожидал, что профессор придет просить и умолять пустить его в Библиотеку, а тут... — Только я не понимаю, зачем вы ко мне пришли? Уверяю вас, наше решение твердо и непоколебимо: мы не можем позволить пользоваться Библиотекой человеку, столь непопулярному у населения. В конце концов, мы публичная Библиотека и должны принимать в расчет мнение публики.

Арканио откинулся на спинку стула и стал ждать. Вот сейчас профессор начнет просить и умолять.

— Я понимаю, я вас не сумел убедить. Однако я подумал, что, если вы послушаете молодых сотрудников Проекта — психоисториков завтрашнего дня, может быть, тогда вы лучше поймете роль Проекта и Энциклопедии в особенности. Прошу вас, выслушайте Стеттина и Ванду.

Арканио холодно глянул на молодых людей, вставших рядом с Селдоном.

— Что ж, ладно, — сказал он, глянув на настенные часы. — Пять минут и не больше. Я на работе.

— Главный Библиотекарь, — обратилась к Арканио Ванда, — как вам, несомненно, объяснял мой дедушка, психоистория — мощнейшее орудие, с помощью которого можно было бы сохранить нашу культуру. Именно *сохранить*, — подчеркнула она, заметив, что Арканио не понравилось это слово. — Гибели Империи было придано преувеличенное значение. В

итоге взгляд на психоисторию стал неверным. Дело в том, что психоистория позволяет не только предсказать неизбежный упадок нашей цивилизации, но и дает возможность принять меры к ее сохранению. Вот для чего нужна Галактическая Энциклопедия. Вот почему нам нужна ваша помощь и помощь вашей великой Библиотеки.

Арканио не удержался от улыбки. Девушка была, конечно, очаровательна. Такая честная, так хорошо говорит... Он смотрел на Ванду, а Ванда сидела напротив него — светлые волосы отброшены назад, как у школьницы, но от этого красота ее не страдала, наоборот, Ванда казалась еще красивее. А ведь, похоже, она говорила дельные вещи. Может быть, он действительно был не прав. Если речь идет о *сохранении*, а не о *гибели*, тогда...

— Главный Библиотекарь, — начал Стеттин Пальвер, — эта знаменитая Библиотека простояла много тысячелетий. Она, пожалуй, даже больше, чем Императорский Дворец, является символом Империи. Ведь в здании Дворца обитает только правитель Империи, а в Библиотеке обитают все знания Империи, вся ее культура и история. Ее ценность невозможно определить. Так разве не стоит подготовить нечто вроде памятника этому великому хранилищу знаний? Энциклопедия станет как раз таким памятником — гигантским вместилищем знаний, собранных вот в этих стенах. Подумайте об этом!

И вдруг Арканио все стало ясно. И как только Совет, а особенно этот книжный червь Дженнаро Маммери смогли убедить его в необходимости лишить Селдона его привилегий? А Лас Зенов, к чьему мнению он всегда прислушивался, был самым ярым сторонником Селдона и способствовал работе над Энциклопедией.

Он снова по очереди посмотрел на троих посетителей, ожидавших его ответа. Теперь Совету придется здорово попотеть, чтобы найти, на что пожаловаться, если с Селдоном работают такие симпатичные молодые люди, как эти двое.

Арканио встал, прошелся по кабинету, нахмурился. Казалось, он собирается с мыслями. Подойдя к столу, он взял с него молочно-белый шарик и сжал его в кулаке.

— Трентор... — задумчиво проговорил Арканио, — средоточие Империи, сердце Галактики. Потрясающе, если задуматься... Пожалуй, мы поспешили осудить профессора Селдона. Теперь, когда ваш Проект, ваша Энциклопедия предстали передо мной в совершенно ином свете... — Он быстро взглянул на Ванду и Стеттина. — Теперь я понимаю, как важно дать возможность продолжать вашу работу здесь, профессор. И, конечно, не только лично вам, но и некоторым вашим сотрудникам. — Селдон благодарно улыбнулся и сжал руку Ванды. — Я пришел к такому решению не только из-за славы Империи, — продолжил Арканио. — Вы знамениты, профессор Селдон. Кем бы вас ни считали люди, профессор, сумасшедшим или гением, все вас так или иначе знают. Если ученый вашего ранга будет отождествляться с Галактической Библиотекой, наш престиж как цитадели науки высочайшего полета только возрастет. Да что там престиж. Одного вашего присутствия здесь будет достаточно для того, чтобы к нам рекой потекли столь необходимые нам субсидии, обновились наши поступления, увеличился штат, снова открылись двери для массового читателя...

А проект создания Энциклопедии — это же просто грандиозный проект! Представьте, какова будет реакция населения, когда люди узнают, что Галактическая Библиотека принимает участие в работе над проектом, призванным увековечить достижения человеческой мысли — нашей славной истории, наших блестящих успехов, наших могущественных культур! И подумать только, что я, Главный Библиотекарь Трима Арканио, стану тем человеком, который поможет началу работы над этим восхитительным проектом!

Арканио пристально уставился на белый шарик и погрузился в раздумья.

— Так вот, профессор Селдон, — объявил Арканио, вернувшись к реальности, — вам и вашим сотрудникам будут предоставлены самые высокие привилегии. Вы получите помещение для работы.

Арканио положил шарик на стол и вернулся на свое рабочее место.

— Придется, конечно, немного потрудиться и уговорить Совет... но я уверен, что это мне удастся. Положитесь на меня.

Селдон, Ванда и Стеттин радостно обменялись взглядами. В уголках губ у всех троих пряталась хитрая улыбка. Арканио дал знак, что они свободны и могут идти, и они не стали задерживаться. А Главный Библиотекарь погрузился в размышле-

ния о том, какой славы и чести добьется Библиотека, возглавляемая им, Тримой Арканио.

— Просто потрясающе! — сказал Селдон, когда все трое уселись в машину. — Вы бы видели, какой он был, когда мы с ним виделись в последний раз. Он сказал, что я — «угроза для самой сути Империи» или еще что-то такое же гнусное. А сегодня — всего пару минут вы с ним пообщались, и надо же...

— Ничего удивительного, дедушка, — усмехнулась Ванда, нажимая кнопку на пульте управления машиной. Автомобиль тронулся, Ванда прислонилась к спинке мягкого сиденья и быстро набрала координаты маршрута. — Он человек самовлюбленный, амбициозный. Нам только и надо было немного сыграть на положительных аспектах Энциклопедии, а потом за нас все сделало его эго.

— Наша участь была решена, как только мы с Вандой вошли в его кабинет, — сказал Пальвер. — Мы оба «толкали» изо всех сил, и ему некуда было деваться.

Пальвер, сидевший на заднем сиденье, наклонился и благодарно сжал плечо Ванды. Та обернулась и погладила его руку.

— Нужно разместить энциклопедистов в Библиотеке как можно скорее, — сказал Селдон. — Их осталось только тридцать два, но это все хорошие работники. Размещу их в Библиотеке, а потом займусь поиском денег. Теперь, может быть, когда мы объединимся с Библиотекой, удастся убедить людей, что нам нужны деньги. Так... попробую-ка я еще разок позвонить Терепу Биндрису и возьму вас обоих с собой. Он ко мне отнесся неплохо поначалу. Но теперь ему против нас не устоять.

Автомобиль наконец остановился около здания Психоисторического Проекта в Стрилинге. Створки дверей разъехались, но Селдон не стал сразу выходить из машины. Он обернулся к внучке:

— Ванда, ты понимаешь, если вам со Стеттином удалось такое вытворить с Арканио, то вы наверняка сумеете «растолкать» каких-нибудь богатеев, чтобы они расщедрились и дали нам денег. Знаю, знаю, тебе не хочется расставаться с твоим любимым Главным Радиантом, но эти визиты дадут вам обоим шанс попрактиковаться, отточить свои навыки, и вы сможете понять, на что способны.

— Ладно, дед, но ты не волнуйся. Теперь, когда Библиотека открыла перед тобой двери, люди будут к тебе добрее.

— Есть еще причина, по которой вам нужно как можно больше бывать вместе, — сказал Селдон. — Стеттин, вы однажды обмолвились, что каким-то образом «чувствуете» таких людей, у которых мозг работает так же, как у вас, но не можете точно определить, у кого именно.

— Да, — кивнул Пальвер. — Я чувствую что-то вроде вспышек, но это происходит всегда, когда я окружен толпой народа. И за двадцать четыре года моей жизни я чувствовал такие вспышки всего четыре-пять раз, не больше.

— Но, Стеттин, — сказал потише Селдон, — в потенциале каждая из этих вспышек означала, что где-то неподалеку от вас был человек, обладавший такими же способностями, как у вас и Ванды, — другой менталист. Ванда таких вспышек не ощущала, но, думаю, это оттого, что она жила почти всю жизнь в одиночестве. В тех немногих случаях, когда она оказывалась в толпе, поблизости просто могло не оказаться ни одного менталиста.

Вот вам еще одна причина, причем весьма важная, почему вы должны как можно больше времени проводить вдвоем — ходить, ездить. Мы должны разыскать еще менталистов. Вас двоих достаточно для того, чтобы заставить мыслить и действовать одного человека так, как вы желаете. А когда вас будет целая группа, вы будете обладать силой, способной править Империей!

Гэри Селдон вышел из машины и, прихрамывая, направился к зданию Психоисторического Проекта. Ванда и Пальвер смотрели ему вслед и пока лишь смутно догадывались, какую колоссальную ответственность взвалил Селдон на их юные хрупкие плечи.

Глава 33

Послеполуденное солнце озарило своими лучами металлическую обшивку Трентора. Гэри Селдон стоял на краю обзорной площадки Стрилингского университета и пытался заслониться ладонью — солнце слепило глаза. Он уже многие годы не выбирался из-под купола, не считая нескольких поездок во дворец, но и их можно было не считать. На дворцовой террито-

рии человек все равно чувствовал себя если не под куполом, то под колпаком.

Теперь Селдон позволял себе передвигаться без сопровождения. Во-первых, Пальвер большую часть времени проводил с Вандой — они либо работали с Главным Радиантом, либо погружались в изучение менталитики, либо пускались на поиски подобных себе людей. Но в случае необходимости Селдон всегда мог найти себе спутника для прогулки — студента университета или сотрудника Проекта, которые сыграли бы роль его телохранителя.

Но Селдон понимал, что телохранитель ему больше не нужен. Со времени шумного процесса и восстановления отношений с Галактической Библиотекой Селдоном заинтересовался Комитет Общественной Безопасности. Селдон знал, что за ним следят. За последние месяцы он замечал это несколько раз. Не сомневался он и в том, что и в его доме, и в кабинете установлены подслушивающие устройства, но, когда он вел важные переговоры, он включал противоподслушивающий экран.

Селдон не мог разобраться, за кого его принимает Комитет Общественной Безопасности, да и Комитет скорее всего это понимал не до конца. Однако, независимо от того, считали они его сумасшедшим или пророком, они явно задались целью во всякое время дня и ночи знать, где он находится, а это означало, что Селдон все время в безопасности.

Легкий ветерок взметнул полу темно-синего плаща, наброшенного поверх костюма, растрепал редкие седые волосы профессора. Селдон наклонился над парапетом и взглянул вниз. Там, под металлической обшивкой Трентора, гудели машины, обеспечивающие жизнь громадного города-планеты. Если бы купола были прозрачными, можно было бы увидеть, как мчатся машины, несутся по длинным туннелям гравикебы, как приземляются звездолеты с грузом зерна, удобрений и алмазов.

Там, под сверкающей металлической обшивкой, шла жизнь сорока миллиардов людей, жизнь как жизнь — с радостями, болью, огорчениями. Селдон очень любил это зрелище, и сердце его сжималось от боли, когда он смотрел на Трентор: он знал, что всего лишь через несколько столетий все то, что раскинулось перед его глазами, будет лежать в руинах. Величественные купола сморщатся, покроются зияющими дырами и трещинами. Обнажится поверхность планеты. Селдон грустно покачал головой — он знал, что ничего нельзя сделать для того, чтобы предотвратить эту ужасную трагедию. Однако, хотя Селдон предвидел эти страшные времена, он знал и о том, что из земли, которая примет на себя эти страшные удары последних сражений старой Империи, взойдут ростки новой жизни, и Трентор станет сердцем новой Империи. План говорил об этом.

Селдон опустился на одну из скамеек, расставленных по периметру смотровой площадки. Сильно болела нога. Ему нельзя было много ходить. Но так хотелось еще раз взглянуть на Трентор, постояв на свежем воздухе, посмотреть на открытое, живое небо.

Селдон с тоской подумал о Ванде. Теперь он очень редко виделся с внучкой, да и когда виделся, рядом с ней неизменно был Стеттин Пальвер. Они, казалось, стали неразлучны с тех пор, как познакомились три месяца назад. Ванда уверяла Селдона, что это необходимо для работы над Проектом, но Селдон догадывался, что все гораздо сложнее, чем просто преданность работе.

Он смотрел на молодую пару и вспоминал те дни, когда он только что познакомился с Дорс. Ванда и Стеттин так смотрели друг на друга, что сомнений быть не могло — они были влюблены.

Да и потом Ванде и Пальверу, не похожим на остальных, было хорошо вдвоем. Селдон даже заметил, что, когда рядом никого нет, Стеттин и Ванда не разговаривают друг с другом — для общения им были не нужны слова.

Остальные сотрудники Проекта о ментальных способностях Ванды и Стеттина не знали и не догадывались. Селдон решил, что об этом не должен знать никто до тех пор, пока роль менталистов в работе над Проектом не будет определена окончательно. Роль же самого Плана была продумана до конца — но только в голове у Селдона. Как только кое-какие детали улягутся на свои места, он посвятит в План Ванду и Пальвера и когда-нибудь, если это будет необходимо, еще одного-двух сотрудников.

Селдон медленно, с трудом поднялся. Через час у него была назначена встреча с Вандой и Пальвером. Они должны были

сообщить ему какую-то очень интересную новость. «Наверное, одна из тех деталей головоломки, — думал Селдон, — которая должна лечь на свое место». Он бросил последний взгляд на Трентор, улыбнулся и негромко проговорил:

— Академия...

Глава 34

Когда Селдон вошел в свой кабинет, Ванда и Стеттин уже были там и сидели за большим столом. Как обычно, когда эти двое находились наедине, они молчали.

Войдя, Селдон удивленно остановился. За столом вместе с Вандой и Стеттином сидел какой-то незнакомый мужчина. Странно, обычно из вежливости Ванда и Стеттин в компании с другими людьми разговаривали вслух, а тут — все трое помалкивали.

Селдон пригляделся к незнакомцу... Немного странной внешности, около тридцати пяти лет, близорукий прищур — значит, много работает. Если бы не его упрямо выступавший подбородок, Селдон счел бы внешность незнакомца невыразительной. Однако в этом лице были доброта и сила. «Лицо надежного человека», — решил Селдон.

— Дедушка! — приветствовала Селдона Ванда и грациозно поднялась со стула.

Сердце Селдона радостно забилось, когда он посмотрел на внучку. Бедняжка — она так переменилась после всего пережитого. Раньше она чаще звала его полуласково-полушутливо «дедом», а теперь называла более привычным — «дедушка». Как она стала серьезна!.. Раньше она все время улыбалась, а теперь — только изредка. Но была по-прежнему красива, и красота уступала только ее колоссальному уму.

— Ванда, Пальвер, — поприветствовал Селдон, поцеловав Ванду в щеку, а Пальвера потрепав по плечу.

— Здравствуйте, — поздоровался он с незнакомцем. — Я Гэри Селдон.

— Познакомиться с вами — большая честь, профессор, — сказал незнакомец. — Меня зовут Бор Алурин.

И подал Селдону руку.

— Гэри, Бор — психолог, — сказал Пальвер, — и большой поклонник твоей работы.

— А что еще важнее, — вмешалась Ванда, — он — один из нас.

— Один из вас? — Селдон внимательно посмотрел на Ванду и Стеттина. — То есть...

— Да, дедушка. Вчера мы со Стеттином бродили по сектору Эрину, именно так, как ты советовал, искали себе подобных. И вдруг... бах! — и все произошло.

— Мы тут же почувствовали тип мозга, который искали, и стали оглядываться по сторонам, пытаясь найти этого человека, — принялся объяснять Пальвер. — Мы были в торговой зоне, неподалеку от космопорта, и вокруг было полным-полно покупателей, туристов и торговцев из Внешних Миров. Казалось, дело совершенно безнадежное, но тут Ванда просто взяла и остановилась, подав сигнал: «*Идите сюда*». И из толпы вышел Бор. Он подошел к нам как ни в чем не бывало и ответил: «*Да*!»

— Потрясающе! — воскликнул Селдон, довольно глядя на внучку. — И доктор... вы доктор, мистер Алурин? Что вы обо всем этом думаете?

— Ну... Я очень рад, — осторожно проговорил психолог. — Знаете, я всю жизнь чувствовал, что непохож на других, но не догадывался, чем именно. Теперь открылось. И потом, мне бы очень хотелось вам помочь... — сказал Алурин и вдруг покраснел и уставился в пол. — Простите за наглость, профессор, но я весьма счастлив, что Ванда и Стеттин сказали, что я мог бы участвовать в работе над Проектом. Профессор, большей радости для меня не было бы.

— Да-да. Все правильно, доктор Алурин. Я действительно считаю, что вы можете оказать нам неоценимую помощь, если присоединитесь к работе над Проектом. Но вам придется отказаться от вашей теперешней работы — преподавания или частной практики. Сумеете?

— Ну конечно, профессор! Мне только нужно уговорить жену... — смущенно проговорил Алурин, глядя на новых знакомых. — Но это я *сумею*.

— Что ж, решено, — коротко кивнул Селдон. — Вы будете работать над Психоисторическим Проектом. Обещаю вам, доктор Алурин, вы о таком решении не пожалеете.

— Ванда, Стеттин, — сказал Селдон, когда Алурин ушел, — новость поистине великолепная. Настоящий прорыв. Как вы думаете, как скоро вам удастся разыскать других менталистов?

— Дедушка, на то, чтобы найти Бора, нам потребовался месяц. Мы не можем сказать точно, как часто у нас будут такие удачи. По правде говоря, все это топтание по Трентору здорово отвлекает нас от работы над Главным Радиантом и вообще надоело. Теперь, когда рядом со мной Стеттин, обычная речь звучит так громко, просто оглушительно.

Улыбка покинула лицо Селдона. Он этого боялся. Оттачивая свои ментальные способности, Ванда и Стеттин мало-помалу стали уходить от «обычной» жизни. Их манипуляции с менталикой сделали их еще более чужими для других.

— Ванда, Стеттин, думаю, пришла пора рассказать вам кое-что, чего вы до сих пор не знали. Эту идею высказал несколько лет назад Юго Амариль, и на ее основе я разработал План. До сих пор не представляю себе четко, что из этого выйдет, но сегодня все кусочки запутанной головоломки стали на свои места. Как вы знаете, Юго предложил основать две Академии, каждая из которых была бы подспорьем, страховкой для другой. Идея была блестящая. Как жаль, что Юго не дожил до того дня, когда она будет осуществлена!

Селдон замолчал и глубоко, печально вздохнул.

— Простите, я отвлекся... Шесть лет назад, когда я убедился, что Ванда обладает ментальными, или телепатическими, способностями, я решил, что Академий действительно должно быть две, но не просто две, а две совершенно разные Академии. В одной должны собраться представители физических наук — и первой группой станут энциклопедисты, которые высадятся на Терминусе. Ядро второй Академии составят истинные психоисторики, менталисты — *вы*. Вот почему я так прошу вас как можно скорее разыскать подобных вам людей.

И, наконец, последнее: Вторая Академия должна стать тайной. Ее могущество будет сосредоточено в ее неизвестности, в ее телепатическом всевидении. Понимаете, несколько лет назад, когда я понял, что мне нужен телохранитель, я понял и другое: Вторая Академия должна стать сильным, молчаливым, тайным телохранителем Первой Академии.

Психоистория не застрахована от ошибок. Ее предсказания, однако, имеют высокую степень вероятности. У Первой

Академии на первых порах будут многочисленные враги, так же, как у меня сейчас.

Ванда, ты и Стеттин — пионеры Второй Академии, хранители Академии на Терминусе.

— Но как же, дедушка? — изумленно спросила Ванда. — Нас всего двое... ну, пускай трое, если считать Бора. Для того чтобы охранять целую Академию, нам нужно...

— Сотни? Тысячи? Внучка, ищите и найдите столько, сколько нужно. Вы это можете. Вы знаете как. Ведь только что, когда Стеттин рассказывал, как вы нашли Алурина, он сказал, что ты просто взяла и позвала. И Алурин пришел. Понимаете? До сих пор я просил вас бродить по Трентору и искать таких людей. Но это для вас трудновато, даже болезненно. Теперь я понимаю, что тебе и Стеттину нужно уединение, ведь вы — ядро Второй Академии. Из этого уединения вы и забросите сети в океан человечества.

— Дедушка, что ты говоришь? — прошептала Ванда, вскочила со стула и опустилась на колени рядом со стулом Селдона. — Ты хочешь, чтобы я уехала?

— Нет, Ванда, нет, я не хочу, чтобы ты уезжала, но это единственный выход. Тебе и Стеттину нужно где-то скрыться, уйти от грубой реальности Трентора. Когда ваши ментальные способности возрастут, вы сумеете привлечь к себе других — и молчаливая и тайная Академия станет более многочисленной. Мы будем время от времени общаться, конечно. И у каждого из нас будет свой Главный Радиант. Ты же понимаешь, что это нужно, детка, просто необходимо, понимаешь, да?

— Да, дедушка, понимаю, — сказала Ванда. — А что гораздо важнее, я вижу, какая это блестящая идея. Можешь быть спокоен, мы тебя не подведем.

— Знаю, милая, — устало проговорил Селдон.

Но как он мог? Как он только мог — взять и отослать куда-то дорогого ему человека? Ведь Ванда была последним, что связывало Селдона со счастливым прошлым — с Дорс, Юго и Рейчем. Кроме нее, Селдонов в Галактике больше не было.

— Я буду очень скучать по тебе, Ванда, — сказал Селдон, и по его морщинистой щеке побежала слеза.

— Но, дедушка, куда же мы должны отправиться? Где будет Вторая Академия? — спросила Ванда, встав рядом со Стеттином.

Селдон взглянул на внучку снизу вверх и усмехнулся:

— Это тебе должен был уже подсказать Главный Радиант.

Ванда растерянно смотрела на Селдона, пытаясь понять, о чем он говорит.

Селдон взял внучку за руку.

— Загляни ко мне в сознание, детка. Все там.

Ванда широко раскрыла глаза.

— Вижу... — прошептала она.

Отрезок 33А2Д17.

Конец Звезд.

Часть V

ЭПИЛОГ

Я Гэри Селдон. Бывший премьер-министр Императора Клеона Первого. Почетный профессор психоистории в Стрилингском университете на Тренторе. Директор Психоисторического Проекта. Главный редактор «Галактической Энциклопедии». Создатель Академий. Знаю, звучит впечатляюще. Я многое сделал за свой восемьдесят один год и очень устал. Оглядываясь на прожитую жизнь, я порой задумываюсь, мог ли, должен ли я был что-то делать иначе? Ну, например, не был ли я слишком увлечен гигантскими перспективами психоистории и потому события и люди, проходившие через мою жизнь, казались мне незначительными и неинтересными?

Может быть, я упускал из виду какие-то мелочи, которые нисколько не повредили бы будущему человечества, но от которых стала бы легче и лучше жизнь дорогих моему сердцу людей — Юго, Рейча?.. Я могу только гадать, мог ли я сделать что-нибудь, чтобы уберечь мою любимую Дорс?

Последний месяц я занимался подготовкой голограмм для Кризисов. Мой ассистент, Гааль Дорник, увез их на Терминус и проследит там за их размещением в Склепе Селдона. Он проследит также за тем, чтобы Склеп был запечатан, и оставит там соответствующие инструкции относительно вскрытия Склепа во времена грядущих Кризисов.

Но тогда меня уже, конечно, не будет.

Что же они подумают, будущие жители Академии, когда увидят меня (точнее, мое голографическое изображение) во время Первого Кризиса, почти через пятьдесят лет? Что они скажут? Какой я старый, какой тихий у меня голос, какой я беспомощный в этом инвалидном кресле? Поймут ли они, оценят ли по достоинству то послание, что я оставил для них?

О нет, не стоит гадать. Древние сказали бы: «После смерти — только смерть».

Вчера я получил весточку от Гааля. На Терминусе все идет хорошо. Бор Алурин и сотрудники Проекта наслаждаются пребыванием «в ссылке». Не стоит, конечно, смеяться, но я не в силах удержаться от улыбки, когда вспоминаю довольную физиономию этого тупицы Лень Чена, который был уверен, что загнал Проект на Терминус два года назад. Хотя, в конце концов, ссылка была квалифицирована в рамках Имперской хартии как «поддерживаемое государством научное учреждение и часть личной собственности Его Августейшего Величества Императора» — Главный Комитетчик мечтал вышвырнуть нас с Трентора, с глаз долой, но не мог упустить последнего шанса удержать нас в своих руках. Все равно мне приятно вспоминать, что это Лас Зенов и я выбрали Терминус как пристанище для Первой Академии.

Единственное, о чем я сожалею, когда вспоминаю Линь Чена, это о том, что мы не сумели спасти Агиса. Император был хорошим человеком и благородным правителем, даже несмотря на то, что только назывался Императором. Его величайшей ошибкой было то, что он верил в незыблемость своего титула, в то, что Комитет Общественной Безопасности не посягнет на этот титул.

Я часто думаю, что же они сделали с Агисом? Выслали в какой-нибудь отдаленный мир или убили, как Клеона?

Ребенок, который сегодня восседает на троне, — лучший пример марионеточного Императора. Он повинуется каждому слову, которое только Чен прошепчет ему на ухо, и представляет себя выдающимся государственным деятелем. Дворец, перипетии имперской жизни — для него это все только игрушки в фантастической игре.

Что мне осталось теперь? Гааль улетел на Терминус, и я остался совсем один. Иногда мне звонит Ванда. Работа в Конце Звезд идет успешно. За последние десять лет к Ванде и Стеттину прибавилось несколько десятков менталистов. Сила их растет день ото дня. Именно те, кто собрался в Конце Звезд — моей тайной Академии, — заставили Линь Чена отправить энциклопедистов на Терминус.

Я скучаю по Ванде. Много лет я не видел ее, не сидел с ней рядом, не держал ее за руку. Когда Ванда покинула меня, хотя

я сам просил ее об этом, я думал, что не проживу без нее и дня. Наверное, это было самое тяжелое решение в моей жизни. Я ей не сказал ни слова, но чуть было не отказался от этого решения. А для того чтобы Вторая Академия добилась успеха, Ванде и Стеттину было необходимо оказаться там, в Конце Звезд. Так подсказала психоистория — вот и выходит, что это вовсе не мое личное решение.

Я все еще каждый день прихожу сюда, в мой кабинет в здании Психоисторического Проекта. Я помню времена, когда здесь было полно народу и днем, и ночью. Порой мне кажется, что я слышу их голоса — моих родных, студентов, сотрудников, но кабинеты пусты и безмолвны. Только эхо от скрипа колес моего инвалидного кресла раздается в пустых коридорах.

Наверное, нужно вернуть здание университету. Но мне трудно расстаться с этим местом. Тут так много воспоминаний.

Теперь у меня остался только мой Главный Радиант. Это прибор, с помощью которого осуществляется компьютерная обработка психоисторических выкладок, с помощью которого можно проанализировать любое уравнение моего Плана, — все это здесь, в этом удивительном черном кубике. И когда я сижу здесь и держу в руках этот такой маленький и невзрачный с виду прибор, мне бы так хотелось показать его Р. Дэниелу Оливо...

Но я один, и мне нужно только нажать кнопку, и в кабинете станет темно. Тогда я откидываюсь на спинку кресла, Главный Радиант оживает, и вокруг меня начинают кружиться в своем восхитительном танце уравнения. Для непосвященного это просто вихрь значков и цифр, но для меня, Ванды, Гааля — это живая психоистория.

Передо мной, вокруг меня — будущее человечества. Тридцать тысячелетий хаоса, сжатые в одно тысячелетие...

А вот это пятнышко, что горит все ярче день ото дня, — это уравнение Терминуса. А вот здесь... тут ничего нельзя поделать... это уравнение Трентора. Но вот и он... да, это он, тихо, но верно горящий огонек надежды... Конец Звезд!

Вот она, вот она — работа всей моей жизни! Мое прошлое... и будущее человечества. Академии. Такие замечательные, такие живые. И ничто не сможет...

Дорс!

СЕЛДОН, ГЭРИ. ...Найден мертвым в своем кабинете в Стрилингском университете в 12069 г. г.э. (1-й год а. э.). Очевидно, Селдон до последнего мгновения работал над психоисторическими уравнениями — в руке он сжимал Главный Радиант.

По завещанию Селдона этот прибор был передан его сотруднику Гаалю Дорнику, который недавно эмигрировал на Терминус...

Прах Селдона был развеян в космосе, также в соответствии с его завещанием. Панихида на Тренторе была скромной, хотя на ней присутствовало довольно много людей. Стоит отметить, что здесь находился и бывший друг Гэри Селдона, бывший премьер-министр Эдо Демерзель. На Тренторе его не видели со времени таинственного исчезновения сразу же после его отставки. Попытки Комитета Общественной Безопасности найти Демерзеля после панихиды оказались безуспешными...

Ванда Селдон, внучка Гэри Селдона, на траурной церемонии не присутствовала. Поговаривали, что она настолько сильно переживала смерть деда, что не хотела никому показываться на глаза. До сих пор неизвестно, где она находилась в то время и потом.

Говорят, что Гэри Селдон ушел из жизни так же, как жил, — он умер посреди будущего, окружавшего его со всех сторон...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕЛЮДИЯ К АКАДЕМИИ. Роман
Перевод с английского Н. Сосновской 5

НА ПУТИ К АКАДЕМИИ. Роман
Перевод с английского Н. Сосновской 411